

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISBN 978-5-94457-252-3

9 785944 572523 >

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

239

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

239

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
239

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 239 2015**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 239 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 420 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94457-252-3

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки изображен
аскос из телля Юнаците (к статье Т. Н. Мишиной)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-252-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ)»
НОЯБРЬ 2014 г.

<i>Крадин Н. Н.</i> Основные закономерности происхождения государства	7
<i>Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.</i> Основные результаты изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и раннего Средневековья по археологическим материалам	28
<i>Вдовиченков Е. В.</i> Уровень сложности сарматских обществ Подонья на основе формальных кросс-культурных методик	43
<i>Гарбузов Г. П., Лукьяшко С. И., Раев Б. А.</i> Археологические данные к проблеме возникновения межобщинной иерархии в Прикубанье в I–III вв. н. э. (к постановке проблемы)	54
<i>Мельник В. И.</i> Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–II тыс. до н. э.	61
<i>Рукавишникова И. В., Мокробо́родов В. В., Горин А. Н., Гладченков А. А.</i> Газкала – новый памятник цивилизации Бактрийско-Маргианского археологического комплекса	72
<i>Корневский С. Н.</i> Образ хищной птицы в искусстве бронзового века Древнего Востока и Кавказа и миф о Древе Жизни на пороге государственности	86
<i>Савченко И. А.</i> От архаики к классике: восточные низменности майя (северо-восток Гватемалы) в I тыс. до н. э.	101
<i>Сафронов А. В.</i> Формирование раннего государства майя в Вашактуне	112
<i>Леванова (Острирова) Е. С.</i> Социально-политическое развитие культуры муисков (Колумбия) в свете археологических данных	131
<i>Фахри А. И.</i> Об особенностях изображений трона правителя в монументальной скульптуре майя второй половины I тыс. н. э. из Пьедрас-Неграс, Гватемала	140

К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА КАМНЯ И БРОНЗЫ ИА РАН

<i>Гаврилов К. Н., Гей А. Н.</i> Отдел камня и бронзы Института археологии РАН	148
<i>Мишина Т. Н.</i> Аскосы раннебронзовых поселений телля Юнаците (Болгария).	150
<i>Балабина В. И.</i> Кухонные сосуды Кукутени-Триполья с символикой животных	170
<i>Авилова Л. И.</i> Кольцевидные подвески балкано-карпатского типа в Анатолии и ситуация перехода к раннебронзовому веку	184
<i>Корневский С. Н., Кизилов А. С.</i> Об изготовлении керамики майкопско-новосвободненской общности и моделировании следов поворотного устройства	195
<i>Рындина Н. В., Равич И. Г.</i> Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа	211

<i>Гей А. Н., Клещенко А. А.</i> Исследования курганного могильника Арпачинский III на Нижнем Дону	224
<i>Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В.</i> Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований)	240
<i>Селезнев А. Б.</i> Кремневый инвентарь из слоя 32 нижнепалеолитической стоянки Мухкай I	258
<i>Жилин М. Г.</i> Костяные наконечники стрел в позднем мезолите Верхнего Поволжья	271
<i>Ошибкина С. В.</i> Об интерпретации условных изображений из памятников раннего голоцена Севера Восточной Европы	287
<i>Сорокин А. Н.</i> Пургасовская культура: к 30-летию изучения	301
<i>Леонова Е. В., Медникова М. Б.</i> Антропологические материалы из мезолитических слоев пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ)	326

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Афанасьев Г. Е.</i> Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры	339
<i>Владимиров С. И.</i> Топоры Маяцкого археологического комплекса	358
<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Кресала муромы	369
<i>Исланова И. В.</i> Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты	384
<i>Цетлин Ю. Б.</i> Понятия «качества» для анализа объема сосудов	393
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	409
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей	412
ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА	413

CONTENTS

“ON THE THRESHOLD OF CIVILIZATION AND STATEHOOD
(BASED ON ARCHAEOLOGICAL AND OTHER SOURCES)”
TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE
(MOSCOW, 2014)

<i>Kradin N. N.</i> Key factors behind the origin of the state	3
<i>Tishkin A. A., Seregin N. N.</i> Altai nomadic peoples' social systems in Late Antiquity and Early Middle Ages: Main results of the studies based on archaeological material.	28
<i>Vdovchenkov E. V.</i> The level of complexity of Sarmatian societies in the Don Region based on cross-cultural methods	43
<i>Garbuzov G. P., Luk'yashko S. I., Raev B. A.</i> Archaeological data on the problem of formation of inter-community hierarchy in the Kuban River region in I–III cc. AD (Raising the problem)	54
<i>Melnik V. I.</i> Uneven cultural development and stages of changes in cultures of East European steppes and Near East civilizations in 3000–2000 BC	61
<i>Rukavishnikova I. V., Mokroborodov V. V., Gorin A. N., Gladchenkov A. A.</i> Gazkala: A new site of the earliest civilization of the Bactria–Margiana archaeological complex (BMAC) in Central Asia	72
<i>Korenevsky S. N.</i> On the threshold of the statehood. Image of the bird of prey in the Bronze Age art of the ancient Near East and the Caucasus and the myth on the Tree of Life	86
<i>Savchenko I. A.</i> From the Archaic Period to the Classic Period: Eastern Lowlands of the Maya civilization (North-East of Guatemala) in 1000 BC	101
<i>Safronov A. V.</i> Development of the Early Maya state in Uaxactunc	112
<i>Levanova (Ostrirova) E. S.</i> Social-political development of the Muisca culture (Columbia) in the light of archaeological data	131
<i>Fakhri A. I.</i> On specifics features of iconography of the ruler's throne in the Maya monumental sculpture of the second half of I millennium AD from Piedras Negras (Guatemala).	140

TOWARDS 70TH ANNIVERSARY OF STONE AND BRONZE AGES DEPARTMENT, IA RAN

<i>Gavrilov K. N., Gey A. N.</i> Department of Stone and Bronze Ages of the Institute of Archaeology	148
<i>Mishina T. N.</i> Askoi from the Early Bronze Age settlements at Tell Yunatsite (Bulgaria).	150
<i>Balabina V. I.</i> Cucuteni-Tripolye kitchenware featuring symbolic figures of animals.	170
<i>Avilova L. I.</i> Ring-shaped pendants of the Balkan-Carpathian region and Anatolia and the transition to the Early Bronze Age	184
<i>Korenevsky S. N., Kizilov A. S.</i> General information on production of Maikop-Novosvobodnaya ceramics and modeling of turntable marks.	195
<i>Ryndina N. V., Ravich I. G.</i> New data on production technology of bronze hoes in the North Caucasus Maikop culture	211

<i>Gey A. N., Kleshchenko A. A.</i> Studies of Arpachinsky III burial ground in the Lower Don region	224
<i>Shchelinsky V. Ye., Tesakov A. S., Titov V. V., Simakova A. N., Frolov P. D., Kurshakov S. V.</i> Early Pleistocene short-term camp Kermek in West Ciscaucasia (preliminary results of complex studies)	240
<i>Seleznev A. B.</i> Flint tools from layer 32 of Lower Paleolithic Mukhkai I camp	258
<i>Zhilin M. G.</i> Bone arrowheads in the Late Mesolithic in the Upper Volga region	271
<i>Oshibkina S. V.</i> On interpretation of symbolic images from early Holocene sites in the North of Eastern Europe	287
<i>Sorokin A. N.</i> Purgasovo culture: thirty years of studies.	301
<i>Leonova Ye. V., Mednikova M. B.</i> Anthropological finds in the Mesolithic layers of the Dvoynaya cave (North-Western Caucasus)	326

PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Afanasyev G. Ye.</i> Alekseyevskoye hillfort as a Saltovo-Mayatskaya culture site.	339
<i>Vladimirov S. I.</i> Axes from the Mayatsky archaeological assemblage	358
<i>Beilekchi Val. V.</i> The Muroma fire-steels	369
<i>Islanova I. V.</i> Fortified sites of the Pskov Long Barrows culture in the Msta River basin.	384
<i>Tsetlin Yu. B.</i> The concept of “quality” for analyzing the pot capacity.	393
ABBREVIATIONS	409
SUBMISSION GUIDE	412
COLOUR PLATES	413

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ)»
НОЯБРЬ 2014 г.

Н. Н. Крадин

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА*

Резюме. В данной работе рассматривается современное состояние теории происхождения государства. Показано, что не существовало единой причины возникновения государственности. Обсуждаются такие ключевые вопросы, как природа государственности, признаки государства, многолинейный характер процессов политогенеза, роль концепций «вождества» и «гетерархии».

Ключевые слова: государство, политогенез, вождество, комплексное общество, гетерархия, социальная эволюция.

Введение

Проблема образования государственности относится к числу так называемых «вечных» вопросов наук об обществе. Было высказано огромное количество самых разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Поскольку в рамках одной небольшой обзорной работы невозможно охватить весь круг проблем, я ограничусь только несколькими ключевыми темами, среди которых различные факторы политогенеза, теория вождества, сущность и признаки государства, многолинейный характер процессов становления государственности.

Без преувеличения можно сказать, что в XIX – первой половине XX вв. в изучении данной тематики доминировали эволюционисты и марксисты. Этот вопрос был принципиально важен для марксизма, поскольку государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Не случайно на протяжении многих лет одной из наиболее

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 14-18-01165.

влиятельных работ в этой области была книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанная в 1884 г. Она оказала огромное влияние на советскую науку. Основные точки зрения, высказывавшиеся в отечественной литературе, не раз были предметом специального рассмотрения (Проблемы истории..., 1968; Становление классов..., 1976; Хазанов, 1979; От доклассовых обществ..., 1987; Куббель, 1988; Ранние формы..., 1995; и др.). Поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе и уделю внимание его рассмотрению в зарубежной литературе. В период между двумя мировыми войнами данная проблематика еще не была особенно актуальной для зарубежных ученых. Наиболее влиятельной в указанный период была точка зрения Г. Чайлда, которая под влиянием симпатий к марксизму обозначена им как «городская революция» (*Childe*, 1942; 1950).

Активизация изучения тематики происхождения государства произошла после Второй мировой войны, начиная с 1950-х гг. Это было обусловлено несколькими причинами: накоплением нового фактического, главным образом археологического и этнографического материала, определенным усилением влияния марксизма и началом второй дискуссии об азиатском способе производства, появлением таких важных на Западе теоретических направлений, как «новая», или процессуальная, археология в изучении доистории и неозволюционизм в культурной антропологии и этнографии.

Первоначально в фокусе внимания исследователей были проблемы типологии и классификации процессов политогенеза. Советские ученые свой вклад воплотили в дискуссии о различных путях к государственности и раннеклассовому обществу, дискуссии о типологии генезиса феодализма, природе «дофеодальной» стадии, военной демократии и т. д. (Проблемы истории..., 1968; Хазанов, 1968; 1979; Павленко, 1989; Крадин, 1991; и др.). В западной культурной антропологии на первый план вышли вопросы типологии форм доисторических и архаических обществ от локальных групп охотников-собирателей до раннего государства. Среди особенно важных достижений следует отметить создание теории вожества (*chiefdom*) и теории раннего государства, дебаты о месте племени в ряду форм политической интеграции (*Service*, 1962; 1975; *Fried*, 1967; 1975; *The Early...*, 1978; *The Study...*, 1981; etc.).

Постепенно исследователи осознали бесперспективность бесконечных типологических баталий, и внимание сместилось на анализ факторов и процессов политогенеза. Справедливости ради следует сказать, что роль тех или иных причин появления государства отмечалась исследователями и ранее (теории «общественного договора» Нового времени, широко распространенная с конца XIX в. так называемая «завоевательная» теория, роль неравенства и классов (согласно марксизму), ирригационная теории К. Витфогеля и др.). Однако примерно в последней трети XX столетия появились весьма популярные «демографическая» (*Boserup*, 1965), «стрессовая» (*Wright, Johnson*, 1975), «торговая» (*Webb*, 1975; *Eckholm*, 1977; *Friedman, Rowlands*, 1977) и «ограничительная» (*Carneiro*, 1970) теории, а также ряд других интерпретаций.

В целом, как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, процесс политогенеза – сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народо-

населения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Как весьма справедливо заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов (Haas, 1982. P. 130). В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных.

Теория вождества

Теория вождества принадлежит к числу наиболее ярких достижений западной политантропологии. Наибольший вклад в ее разработку внесли неозволюционисты «второй волны» – Э. Сервис (*Service*, 1962; 1971), М. Салинз (1999) и Р. Карнейро (*Carneiro*, 1981). Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла (*Earle*, 1987; 1997; 2002). Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Существует ряд работ, в которых подробно раскрыты основные положения данной теории (*Carneiro*, 1981; *Earle*, 1987; 1997; *Крадин*, 1995). Исследователи выделяют следующие основные признаки этой формы социополитической организации: 1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений; 2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; 3) существование (в вождестве) редистрибуции – перераспределения прибавочного продукта и подарков по вертикали. Власть вождя основана на престижной экономике; 4) вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер.

По количеству уровней иерархии вождества могли быть «простыми» и «сложными». В простых вождествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя – как правило, более крупному поселению. Численность простого вождества – несколько тысяч человек. Сложное вождество – это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вождеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. В некоторых случаях сложные вождества могли объединяться в **суперсложные** вождества. Обычно суперсложные вождества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников скотоводов (*Крадин*, 2007). В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней, как правило, возникало государство.

Однако вождество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению одних исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (*Fried*, 1967. Р. 230, 235; *Service*, 1975. Р. 16; *The Early...*, 1978. Р. 639, 640), тогда как правитель вождества обладал лишь «консенсуальной властью», т. е. авторитетом. В случае злоупотребления своим статусом положение вождей было незавидным (*Салинз*, 1999. С. 137–141). Однако, по мнению Э. Геллнера и Р. Карнейро, многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы (*Carneiro*, 1981. Р. 68; *Геллнер*, 1991. С. 28). Поэтому было бы правильнее делать акцент не столько на легитимном насилии, сколько на появлении особого аппарата власти.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них возлагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя (*Earle*, 2002. Р. 16).

Пик популярности теории в Европе и США пришелся на последнюю треть XX в. В отечественную науку термин вошел на рубеже 1970–1980-х гг. А. М. Хазанов предложил использовать при рассмотрении вопросов становления государственности термин «вождество» – аналог английскому «chiefdom» (*Хазанов*, 1979), а Л. С. Васильев в двух обзорах подробно изложил суть данной концепции (*Васильев*, 1980; 1981). Двадцать лет назад автор этих строк написал многостраничный обзор, посвященный теории вождества (*Крадин*, 1995). В настоящее время термин достаточно часто используется в работах отечественных ученых, он вошел в учебники, пособия и справочные издания. В последнем варианте «Большой российской энциклопедии» ему посвящена большая вдумчивая статья В. А. Попова (2006).

Основными археологическими признаками вождества являются наличие иерархии поселений и развитая стратификация в погребальном обряде. Как соотносятся летописные сведения, например, о различных «княжениях» с конкретным археологическим материалом, могут дать ответ только специальные археологические обследования конкретных регионов (так называемые *survey studies*). Однако опыт изучения разных районов мира показывает, что чем больше новых археологических данных, тем сложнее их интерпретировать в рамках простых объяснительных схем. По мере накопления фактического материала археологические интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях (*Березкин*, 2013). На одном полюсе сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом – классические вождества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немало промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими институтами. Поэтому в настоящее время исследователи склонны использовать более нейтральные термины – среднемасштабное общество, комплексное (сложное) общество и т. д. (*Chapman*, 2008; etc.).

Сущность государства

В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно «интегративной» (функционалистской) версии политогенеза архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождеская организация власти не может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т. е. священной) идеологии (Service, 1962; 1971; 1975). По мнению сторонников «конфликтной» версии политогенеза, государственность – это результат культурной адаптации и стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования (Fried, 1967).

Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которую оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему неизвестны случаи восстаний в ранних государствах. Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (Service, 1975).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи (сторонники «завоевательной» теории) привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем; другие – обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля; третьи (марксистские авторы) – акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества.

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены

соглашаться со своим более низким статусом. В литературе много писалось об амбивалентности власти. Государство – орудие власти. Оно столь же двулико, что и сама власть. Оно одновременно и помогает, и наказывает. Даже в классической древности существовало амбивалентное отношение к государству, оно воспринималось как неизбежное, но все-таки зло (*Якобсон, 2012*).

В этой связи, ключевые вопросы, которыми задавались многие исследователи, – как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (*Mann, 1986; Feinman, 1995; Earle, 1997; Haas, 2001; Flannery, Marcus, 2012*). Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти – экономика, война и идеология. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами экономики и ресурсами, а также доступе к перераспределению ресурсами. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства (*Earle, 2002. P. 192–194*). В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их результатами – производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших значимые для статуса товары (*Specialization, exchange..., 1987*), или о контроле над внешней торговлей (*Ekholm, 1977; Sáenz, 1991*).

Военный фактор проявляется прежде всего в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Р. Кайнейро в своей «теории ограничения» синтезировал экологический подход с военным фактором. В условиях, когда территория расселения популяции имеет границы, рост населения не может быть решен путем миграции. В такой ситуации возникает конкуренция за ресурсы и институализируется лидерство. Группы начинают вести войны за ресурсы и порабощение (*Carneiro, 1970*). Данная концепция вызвала много споров среди исследователей. Полемика не утихает до сих пор. Не так давно журнал «Социальная эволюция и история» (*Social Evolution & History*) выпустил целый номер, посвященный современному видению этой темы (№ 2 за 2012 г.).

Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действий («габитус»), так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Ман, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми (*Mann, 1986. P. 23*). Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделенной между различными группами элиты, так и интегрированной в той или иной комбинации.

Критерии государства

В отечественной литературе традиционно этот вопрос решался в соответствии с критериями государства, которые были предложены еще Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной в 1884 г. Как известно, Энгельс выделял три главных признака: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. Нет сомнения, это справедливо в отношении развитых современных государств. В то же время исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редиистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (Куббель, 1988).

Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Однако, если посмотреть вглубь времен, население, территория и независимость – это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного. Любая группа охотников-собирателей представляет собой *население*. Любая община проживает на некоторой *территории*, контролирует ее и защищает от непрошенных чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак – политический *суверенитет*, то любое вождество рассматривается в качестве предмета исследования только как *независимая* политическая единица (в противном случае это уже не вождество, а дистрикт сложного вождества). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства – это наличие институтов управления.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Исходя из вышеизложенного, лиц занятых управлением необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, в вождествах, только категория **специальных функционеров** может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Витфогель: государство – это управление профессионалов (*Wittfogel*, 1957. P. 239).

Кроме того, мы можем назвать организацию управления государством только в том случае, если она состоит из **большого количества** людей. Государство – это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью,

а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.) либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, ставке («штабе» – в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. таком аппарате управления, который оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство.

Раннее государство

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Х. Дж. М. Классена и его школой. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом-африканистом П. Скальником (*The Early State*, 1978), и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. Теория «раннего государства» включила достижения неозволюционистской и структуралистской антропологии, а также творческого марксизма. Она оказала значительное влияние на развитие отечественной политической антропологии последней трети XX – начала XXI в. (на Л. Е. Куббеля, А. М. Хазанова, Л. С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение отечественных политантропологов).

Раннее государство понимается как «централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений, основной принцип которых составляет взаимный обмен услугами, освящена единой идеологией» (*Ibid.* P. 640).

Изначально авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств – *зачаточные* (*inchoate*), *типичные* (*typical*) и *переходные* (*transitional*). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-лиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) источником существования должностных лиц

являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) письменно зафиксированный свод законов; 4) появление специального аппарата судей, которые уже разбирают большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имеет «точно установленный характер» и осуществляется как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появление специальных чиновников и лиц им помогающих (The Early State, 1978. P. 22, 641).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти отпадала необходимость в данных функциях «священного царя» (Claessen, 1986). На этой стадии ранние государства трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство (mature state), в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность (Гринин, 2007; 2007б; 2007в).

Концепция «раннего государства» по-прежнему вызывает интерес среди исследователей. С течением времени возникла необходимость пересмотреть типологию и отказаться от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вожеств, а последние попадают под признаки *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом (Крадин, 2006). Кросс-культурный анализ концепции позволил скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал, что именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev, 2003). В 2008 г. журнал «Социальная эволюция и история» (№ 1) организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги «Раннее государство». Роль теории «раннего государства» в современной археологической и антропологической науке показана также в обстоятельной обзорной статье П. Скальника (Skalnik, 2009).

Археологические критерии

Со времени публикации знаковой статьи Г. Чайлда о «городской революции» началась дискуссия об археологических критериях разграничения предгосударственного общества и стадии государства. Для ее обозначения Чайлд использовал термин «цивилизация». Он выделил список из 10 черт: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации;

появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (*Childe*, 1950).

Используя археологические источники, необходимо иметь в виду, что понятие город очень неопределенно, такие признаки, как письменность, наличие высокоразвитой торговли и ремесла, монументальная и урбанистическая архитектура, могут встречаться еще в догосударственном обществе и наоборот – их может не быть в раннегосударственных структурах. Многие ранние государства Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность (кельты, иберы). Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, характерна как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. Монументальные сооружения характерны не только для цивилизаций, но встречаются и в вождествах (Стоунхендж).

Впоследствии список Чайлда неоднократно уточнялся. В настоящее время существует много работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации. В табл. 1 представлены некоторые важные работы, которые посвящены обсуждению этого вопроса. При этом представляется очевидным, что универсальных признаков государственности нет – должна присутствовать некоторая совокупность. Но сколько признаков могут составлять систему? Два из трех, три из пяти, или возможно какое-то иное их соотношение?

Нетрудно заметить, что такие признаки, как «город», «монументальная архитектура», «высокоразвитое ремесло», «стратификация погребений», встречаются более чем в половине процитированных работ, другие критерии – несколько реже. Это, конечно, не говорит о том, что остальные признаки ошибочные. С одной стороны, исследователи руководствуются при составлении списка признаков традицией, идущей от Чайлда. С другой стороны, в той или иной степени каждый опирается на свой конкретный материал и опыт того региона, который ему знаком лучше всего.

В этой связи важно иметь в виду некоторые методологические идеи относительно возможности использования археологических источников для изучения процессов политогенеза. Их (источники) целесообразно рассматривать в контексте процесса материализации. Под материализацией в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность (*DeMarrais et al.*, 1996; *Archaeologies...*, 2005; etc.). Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и др. Фундаментальными свойствами материализации является то, что она обеспечивает широкий доступ (говоря в рамках более привычных нам понятий, словами В. И. Ленина, – «массовость»), который формирует идеологический контроль элиты над сознанием индивидов.

Материализация может реализовываться в общественных церемониях – различных важных для группы ритуалах, пирах, иных действиях. Церемонии – это самая простая форма поддержания идентичности и идеологии, которая имеет значение для самых разных общественных групп от первобытных охотников и собирателей до археологов, периодически собирающихся на свои съезды.

Таблица 1. Археологические признаки

	<i>Adams,</i> 1966	<i>Renfrew,</i> 1972	<i>Haas,</i> 1982	<i>Masson,</i> 1989	<i>Павленко,</i> 1989	<i>Flannery,</i> 1998	<i>Feinman,</i> <i>Marcus,</i> 1998	<i>Maisels,</i> 1999	<i>Smith,</i> 2003
Город		X	X	X	X			X	
Монументальная архитектура		X	X	X	X	X	X	X	
Письменность		X	X	X	X				
Календарь			X						
Развитое ремесло	X	X	X		X	X			
Ирригация			X						
Прибавочный продукт			X					X	
Стратификация погребений	X	X			X	X	X		X
Иерархия поселений	X				X				
Четрехуровневая иерархия						X	X		
Элитарная культура					X				
Внешняя торговля и престижные товары			X		X				
Бюрократия			X				X		X
Территориальное деление	X								
Региональные стили			X						
Непроизводительные группы (воины и др.)						X		X	
Изысканные стили								X	
Зачатки научных знаний								X	
Политическая централизация	X							X	
Фортификационные сооружения						X			
Сакрализация правителя							X		
Законы							X		X

Крупные церемонии требуют ресурсов и сплоченности группы. Кроме того, церемония не самая удачная форма материализации. Ее эффективность во многом зависит от повторения. Поэтому должны существовать другие компоненты, в которых могла бы быть воплощена значимая для группы культурная информация.

В первую очередь это различные символические объекты (например, христианский крест). Их компактность, возможность копирования и распространения делает их очень значимыми средствами осуществления идеологии. Во-вторых, это монументальные архитектурные объекты. Они создаются таким образом, чтобы господствовать над пространством и в материальной форме утверждать наличие общественного неравенства, а также напоминать о его неизбежности. Вне всякого сомнения, монументальная архитектура представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ, формировать новые смыслы и значения. Монументальные ландшафты также могут преобразовываться и служить идеологическим целям (Smith A., 2003; Smith M., 2014). Иными словами, их можно рассматривать как важный ресурс формирования «символического капитала» (по П. Бурдьё).

Альтернативные пути политогенеза

В отечественной литературе наряду с однолинейными представлениями о генезисе государственности существует развитая многолинейная традиция. Ее истоки в идеях К. Маркса об азиатском способе производства и двух путях к государственности. Наиболее последовательно она была изложена в трудах Л. С. Васильева, который полагает, что Восток развивался другим путем, нежели чем Запад (Васильев, 1983 и др.; см. также: Феномен восточного..., 1993). В этом Васильев следует авторитетным идеям К. Витфотеля, согласно которому для западного пути характерно формирование общества с частной собственностью, политическим равноправием граждан, ограниченными законами правовым государством. Наиболее ярко данная модель эволюции была воплощена в античных полисах. Для восточного общества частная собственность имеет подчиненное значение, положение человека определяет его власть, место в иерархии управления. В обществе нет граждан, есть только подданные (Wittfogel, 1957).

Другая точка зрения предполагает отказаться от старой дихотомии Запад – Восток. В ее основе лежит принцип выделения двух разных стратегий в политической эволюции. Первая (**иерархическая**, или **сетевая**) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (**гетерархической**, или **корпоративной**) стратегии характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на решение коллективных целей (производство

пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Более популярный термин **гетерархия** обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей (Crumley, 2001. P. 24). Судя по всему, первым, кто пришел к этой идее, был К. Ренфрю (Renfrew, 1974). Однако он писал о двух вариантах вожеств, и далеко не все сразу осознали важность данной идеи. Только позднее стало ясно, что это был важный подход, который примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М. Агларов (Кавказ), Ю. Е. Березкин (Передний Восток, Средняя Азия и Новый Свет), А. В. Коротаяев (горцы), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйнман и С. Ковалевски (Мезоамерика) и др. (Агларов, 1988; Березкин, 1995; 2013; Коротаяев, 1995; Crumley, 1995; 2001; Blanton et al., 1996; Бондаренко, Коротаяев, 1999; Берент, 2000; Ковалевски, 2000; Уасон, Балдуа, 2000; Feinman, 2001; Бондаренко, 2006; Гринин, 2007а; 2007б; 2007в; и многие др.). Все это позволяет сделать **вывод**, что параллельно с созданием **иерархических** обществ (вожеств и государств) существует другая линия социальной эволюции – **неиерархические** общества. Следовательно, социальная эволюция является **многолинейной**.

В последние десятилетия стадийные схемы, выработанные неозволюционистами и процессуальными археологами, стали подвергаться сильной критике. По большому счету постмодернистская и постколониальная критика привела к тому, что использовать социальные типы в антропологии стало немодным (Harvey, 1989; Kuznar, 2008). Особенно много нападков было сделано против концепции «вожества». Критика была положительно воспринята в англо-американской археологии (Yoffee, 2005; Pauketat, 2007; Routledge, 2014). Однако за едкой критикой нет новых концептуальных идей, как очень точно подметил Д. Вебстер, рецензируя книгу Н. Йофе, его выводы относительно происхождения государства очень близки к тем, кого он критикует: «Мало кто не согласился бы с этим 30 или 40 лет назад» (Webster, 2005. P. 263).

Вместе с тем, при всем моем личном достаточно отрицательном отношении к постмодернизму, следует отметить, что критиками были выдвинуты важные аргументы, которые нельзя не учитывать. Это и критика западоцентристского и расистского взгляда на мировую историю, призыв к учету роли гендера, ошибочность прямолинейных сопоставлений доисторических сообществ и их этнографических аналогий.

В некотором роде можно сказать, что западная антропология и археология вернулись к временам доминирования антиисторизма и эмпиризма, подобно эпохе исторического партикуляризма К. Боаса. Трудно судить, насколько долго данный тренд продлится в антропологическом и археологическом сообществе. В книге К. Кристиансена, посвященной доисторической Европе, конфликт между процессуалистами и постмодернистами графически изображен в виде оптимистичной циклической линии (Kristiansen, 1998. P. 39). Ряд видных американских специалистов подтверждают, что в литературе все чаще фиксируется возрождение интереса к социальным типам (Neitzel, Earle, 2014. P. 182). Хотелось бы надеяться на перемены.

Заключение

Современные представления о генезисе государства имеют немало отличий от классических теорий, излагаемых в многочисленных трудах и учебниках по истории, политологии и юриспруденции. Во-первых, было выяснено, что существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами – необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества («интегративная» теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций («конфликтный» подход, «классовая» теория). В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Существует несколько наиболее популярных теорий, раскрывающих различные пути возникновения государства. Наиболее часто исследователи противопоставляют развитие западных и восточных обществ. Однако в последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства.

Все эти вопросы наиболее активно разрабатываются в исторической науке. Более того, представляется, что осязаемый прогресс в данной области может быть связан в первую очередь не с историей и антропологией, а с археологией, где возможно появление новых источников в рассматриваемой проблематике. Однако другие науки, касающиеся данной темы (политология, юриспруденция) не должны оставаться в стороне от новых концепций. Это позволит не только обогатить процесс преподавания классических дисциплин свежими идеями, но и придаст новые импульсы для развития теоретических представлений о государстве в рамках данных наук. Многие современные стороны проблемы теории государства и права могут быть правильно осмыслены и истолкованы только в связи с историей возникновения и развития данных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Агларов М. А.*, 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука. 243 с.
- Березкин Ю. Е.*, 1995. Вожества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука. С. 165–187.
- Березкин Ю. Е.*, 2013. Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука. 256 с.
- Берент М.*, 2000. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 235–258.
- Бондаренко Д. М.*, 2006. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин. Волгоград: Учитель. С. 164–183.
- Бондаренко Д. М.*, 2014. Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 164–188.

- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В.*, 1999. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 128–138.
- Васильев Л. С.*, 1980. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чифдом) // *Народы Азии и Африки*. № 1. С. 177–186.
- Васильев Л. С.*, 1981. Протогосударство-чифдом как политическая структура // *Народы Азии и Африки*. № 6. С. 157–175.
- Васильев Л. С.*, 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука. 326 с.
- Геллнер Э.*, 1991. Нации и национализм. М.: Прогресс. 320 с.
- Гринин Л. Е.*, 2007а. Государство и исторический процесс. М.: Комкнига. Кн. 1: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. 271 с.
- Гринин Л. Е.*, 2007б. Государство и исторический процесс. М.: Комкнига. Кн. 2: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. 363 с.
- Гринин Л. Е.*, 2007в. Государство и исторический процесс. М.: Комкнига. Кн. 3: Политический срез исторического процесса. 236 с.
- Ковалевски С.*, 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 171–185.
- Коротаев А. В.*, 1995. Горы и демократия // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука. С. 77–93.
- Крадин Н. Н.*, 1991. Политогенез // *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров. М.: Ин-т истории СССР. Вып. 2. С. 261–300.
- Крадин Н. Н.*, 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература. С. 11–61.
- Крадин Н. Н.*, 2006. Археологические признаки цивилизации // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин. Волгоград: Учитель. С. 184–208.
- Крадин Н. Н.*, 2007. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс. 416 с.
- Куббель Л. Е.*, 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука. 171 с.
- Массон В. М.*, 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука. 268 с.
- От доклассовых обществ..., 1987. От доклассовых обществ к раннеклассовым / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. 242 с.
- Павленко Ю. В.*, 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова Думка. 287 с.
- Попов В. А.*, 2006. Вождество // БРЭ: В 30 т. М.: БРЭ. Т. 5: Великий князь – Восходящий узел орбиты. С. 557.
- Проблемы истории..., 1968. Проблемы истории докапиталистических обществ / Ред. Л. В. Данилова. М.: Наука. 673 с.
- Ранние формы..., 1995. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература. 356 с.
- Салинз М.*, 1999. Экономика каменного века. М.: ОГИ. 295 с.
- Становление классов..., 1976. Становление классов и государства / Ред. А. И. Першиц. М.: Наука. 351 с.
- Уасон П., Балдиа М.*, 2000. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 219–234.
- Феномен восточного..., 1993. Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти / Отв. ред. Н. А. Иванов. М.: Наука. 390 с.
- Хазанов А. М.*, 1968. Военная демократия и эпоха классовобразования // *ВИ*. № 12. С. 87–97.
- Хазанов А. М.*, 1979. Классообразование: факторы и механизмы // *Исследования по общей этнографии* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. С. 125–177.
- Якобсон В. А.*, 2012. Введение в историю бюрократии // *ВДИ*. № 1. С. 81–125.

- Adams R. McC.*, 1966. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago: Aldine. 191 p.
- Archaeologies..., 2005. Archaeologies of Materiality / Ed. L. Meskell. Oxford: Blackwell. 229 p.
- Archaic..., 1998. Archaic states / Eds G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research. 440 p.
- Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A., Peregrine P. N.*, 1996. A Dual-Process. Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. Vol. 37. No. 1. P. 1–14, 73–86.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V.*, 2003. «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J. M. Claessen's Database. Cross-Cultural Research // The Journal of Comparative Social Science. Vol. 37. No. 1. P. 105–132.
- Boserup E.*, 1965. The conditions of agricultural growth. Chicago: Aldine. 137 p.
- Carneiro R.*, 1970. A theory of the origin of the state // Science. Vol. 169. No. 3947. P. 733–738.
- Carneiro R.*, 1981. The chiefdom as precursor of the state // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.
- Chapman R.*, 2008. Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies / Eds J. Habu, C. Fawcett, J. M. Matsunaga. New York: Springer. P. 144–165.
- Childe V. G.*, 1936. Man make himself. London: Wats and Co. 192 p.
- Childe V. G.*, 1942. What Happened in History. Harmondsworth: Pegasus Books. 304 p.
- Childe V. G.*, 1950. The Urban revolution // Town Planning Review. Vol. 21. P. 3–17.
- Claessen H. J. M.*, 1986. Kingship in the early state // Bijdragen tot de Taal-Land- en Volkenkunde. Vol. 142. No. 1. P. 113–129.
- Crumley C.*, 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Eds R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, I. E. Levy. Washington, D. C.: American Anthropological Association. P. 1–5. (Archeological Papers of the American Anthropological Association; vol. 6, special issue.)
- Crumley C.*, 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From leaders to rulers / Ed. J. Haas. New York: Kluwer Academic. P. 19–36.
- DeMarrais E., Castillo L., Earle T.*, 1996. Ideology, Materialization, and Power Strategies // Current Anthropology. Vol. 37. No. 1. P. 15–31.
- Earle T.*, 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. P. 279–308.
- Earle T.*, 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press. 1997. 268 p.
- Earle T.*, 2002. Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boulder: Westview Press. 432 p.
- Ekhholm K.*, 1977. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // The Evolution of Social Systems: proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University 1974 / Eds J. Friedman, M. Rowlands. London: Duckworth. P. 115–136.
- Feinman G.*, 1995. The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes // Foundations of Social Inequality / Eds T. D. Price, G. M. Feinman. New York: Plenum Press. P. 255–279.
- Feinman G.*, 2001. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers / Ed. J. Haas. New York: Kluwer Academic. P. 151–175.
- Flannery K. V.*, 1998. The Ground Plans of Archaic States // Archaic states / Eds G. Fienman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research. P. 15–57.
- Flannery K., Marcus J.*, 2012. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 648 p.
- Fried M.*, 1967. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House. 270 p.
- Fried M.*, 1975. Notion of the Tribe. New York: Cummings Pub. Co. 136 p.
- Friedman J., Rowlands M.*, 1977. Notes toward and epigenetic model of the evolution of «civilization» // The Evolution of Social Systems: proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University 1974 / Eds J. Friedman, M. Rowlands. London: Duckworth. P. 201–276.

- Haas J., 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia Univ. press. 261 p.
- Haas J., 2001. *From leaders to rulers*. New York: Kluwer Academic: Plenum Publishers. 286 p.
- Harvey D., 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Basil Blackwell. 392 p.
- Kristiansen K., 1998. *Europe before History*. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Kuznar L. A., 2008. *Reclaiming a Scientific Anthropology*. Lanham, MD: Altamira. 266 p.
- Maisels Ch., 1999. *Early civilizations of the Old World: The formative histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China*. New York: Routledge. 504 p.
- Mann M., 1986. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 560 p.
- Neitzel J. E., Erale T., 2014. Dual-tier approach to societal evolution and types // *Journal of anthropological archaeology*. Vol. 36. P. 181–195.
- Pauketat T., 2007. *Chieftdoms and Others Archaeological Delusions*. New York: AltaMira. XII. 257 p.
- Possehl G. L., 1998. *Social Complexity Without the State: Ine Indus Civilization* // *Archaic States* / Eds G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School for American Research. P. 261–292.
- Renfrew C., 1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millenium B. C.* London: Methuen. 650 p.
- Renfrew C., 1974. *Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies*. Ann Arbor; Cambridge: American Schools of Oriental Research. P. 69–95. (Supplemt to the Bulletin of the American Schools of Oriental Research; 20.)
- Routledge B., 2014. *Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power*. New York: Bloomsbury. 196 p.
- Sáenz C., 1991. *Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs // Chieftdoms, Power, Economy, and Ideology* / Ed. T. Earle. Cambridge: Cambridge University Press. P. 100–118.
- Service E., 1962. *Primitive Social Organization*. New York: Radmon House (2nd ed. 1971). 211 p.
- Service E., 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Radmon House. 221 p.
- Service E., 1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton and Co. Inc. 388 p.
- Skalnik P., 2009. *Early State Concept in Anthropological Theory* // *Social Evolution & History*. Vol. 8. No. 1. P. 5–24.
- Smith A. T., 2003. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley: University of California Press. 346 p.
- Smith M. L., 2014. *The Archaeology of Urban Landscapes* // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 43. P. 307–323.
- Specialization, exchange..., 1987. *Specialization, exchange, and complex societies* / Eds E. M. Brumfield, T. Earle. Cambridge, etc.: Cambridge University Press. 160 p.
- The Early..., 1978. *The Early State* / Eds H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton. 704 p.
- The Study..., 1981. *The Study of the State* / Eds H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton. 552 p.
- Webster D., 2005. *States of mind* // *Cambridge Archaeological Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 260–264.
- Wittfogel K. A., 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press. XX. 556 p.
- Wright H., Johnson G., 1975. *Population, exchange and early state formation in Southwestern Iran* // *American Anthropologist*. Vol. 77. No. 2. P. 267–289.
- Yoffee N., 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press. XIII. 277 p.

Сведения об авторе.

Крадин Николай Николаевич, Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, Россия; e-mail: kradin@mail.ru.

N. N. Kradin

Key factors behind the origin of the state

Abstract. This paper reviews the current status of the origin of the state theory. As the paper demonstrates, there was no single factor that led to the emergence of the statehood. The author engages in the discussion of such key issues as the nature of the state, attributes of the state, multilinearity of politogenesis processes, the role of chiefdom and heterarchy concepts.

Keywords: state, state origins, chiefdom, complex society, heterarchy, social evolution.

REFERECES

- Adams R. McC., 1966. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine. 191 p.
- Aglarov M. A., 1988. *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* [Rural community in Mountainous Dagestan in XVII – early XIX c.]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Archaeologies..., 2005 – *Archaeologies of Materiality*. L. Meskell, ed. Oxford: Blackwell. 229 p.
- Archaic..., 1998 – *Archaic states*. G. Feinman, J. Marcus, eds. Santa Fe: School of American Research. 440 p.
- Berent M., 2000. *Bezgosudarstvennyy polis. Rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshchestvo* [Stateless polis. Early state and ancient Greek society]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative roads to civilization]*. N. N. Kradin, A. V. Korotaev, V. A. Lynsha, eds. Moscow: Logos, pp. 235–258.
- Berezkin Yu. E., 1995. *Vozhdestva i akefal'nye slozhnye obshchestva: dannye arkheologii i etnograficheskie paralleli* [Chiefdoms and acephalic complex societies: archaeological data and ethnographic parallels]. *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: from prehistory to statehood]*. V. A. Popov, ed. Moscow: Nauka, pp. 165–187.
- Berezkin Yu. E., 2013. *Mezhdru obshchiny i gosudarstvom: Srednemashtabnye obshchestva Nuklearnoy Ameriki i Peredney Azii v istoricheskoy dinamike* [Between community and state: Middle-scale societies of Nuclear America and Western Asia in historical dynamics]. St. Petersburg: Nauka. 256 p.
- Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A., Peregrine P. N., 1996. *A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization*. *Current Anthropology*, vol. 37, no. 1, pp. 1–14, 73–86.
- Bondarenko D. M., 2006. *Gomoarkhiya kak printsip postroeniya sotsial'no-politicheskoy organizatsii* [Homoarchy as principle of construction of social-political organization]. *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi [Early state, its alternatives and analogies]*. L. E. Grinin et al., eds. Volgograd: Uchitel', pp. 164–183.
- Bondarenko D. M., 2014. *Gosudarstvo kak fenomen sotsial'noy istorii: sushchnost' i otlichitel'nye priznaki* [State as a phenomenon of social history: essence and distinctive features]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii [Historical psychology and sociology of history]*, 2, pp. 164–188.
- Bondarenko D. M., Korotaev A. V., 1999. *Politogenez, "gomologicheskie ryady" i nelineynye modeli sotsial'noy evolyutsii* [Politogenesis, homologous series and non-linear models of social evolution]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*, 5, pp. 128–138.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V., 2003. *"Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J. M. Claessen's Database*. Cross-Cultural Research. *The Journal of Comparative Social Science*, vol. 37, no. 1, pp. 105–132.
- Boserup E., 1965. *The conditions of agricultural growth*. Chicago: Aldine. 137 p.
- Carneiro R., 1970. *A theory of the origin of the state*. *Science*, vol. 169, no. 3947, pp. 733–738.

- Carneiro R., 1981. The chiefdom as precursor of the state. *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37–79.
- Chapman R., 2008. Alternative States. *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. J. Habu, C. Fawcett, J. M. Matsunaga, eds. New York: Springer, pp. 144–165.
- Childe V. G., 1936. Man makes himself. London: Wats and Co. 192 p.
- Childe V. G., 1942. What Happened in History. Harmondsworth: Penguin Books. 304 p.
- Childe V. G., 1950. The Urban revolution. *Town Planning Review*, 21, pp. 3–17.
- Claessen H. J. M., 1986. Kingship in the early state. *Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde*. Vol. 142, no. 1, pp. 113–129.
- Crumley C., 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, I. E. Levy, eds. Washington, D.C.: American Anthropological Association, pp. 1–5. (Archeological Papers of the American Anthropological Association, 6, special issue).
- Crumley C., 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From leaders to rulers*. J. Haas, ed. New York: Kluwer Academic, pp. 19–36.
- DeMarrais E., Castillo L., Earle T., 1996. Ideology, Materialization, and Power Strategies. *Current Anthropology*, vol. 37, no. 1, pp. 15–31.
- Earle T., 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective. *Annual Review of Anthropology*, 16, pp. 279–308.
- Earle T., 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford University Press. 268 p.
- Earle T., 2002. Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boulder: Westview Press. 432 p.
- Eklholm K., 1977. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems: proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University 1974*. J. Friedman, M. Rowlands, eds. London: Duckworth, pp. 115–136.
- Feinman G., 1995. The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes. *Foundations of Social Inequality*. T. D. Price, G. M. Feinman, eds. New York: Plenum Press, pp. 255–279.
- Feinman G., 2001. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate Network Dimension. *From leaders to rulers*. J. Haas, ed. New York: Kluwer Academic, pp. 151–175.
- Fenomen vostochnogo..., 1993 – Fenomen vostochnogo despotizma: struktura obshchestva i vlasti [Phenomenon of oriental despotism: structure of society and power]. N. A. Ivanov, ed. Moscow: Nauka. 390 p.
- Flannery K. V., 1998. The Ground Plans of Archaic States. *Archaic states*. G. Fienman, J. Marcus, eds. Santa Fe: School of American Research, pp. 15–57.
- Flannery K., Marcus J., 2012. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 648 p.
- Fried M., 1967. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House. 270 p.
- Fried M., 1975. Notion of the Tribe. New York: Cummings Pub. Co. 136 p.
- Friedman J., Rowlands M., 1977. Notes toward and epigenetic model of the evolution of “civilization”. *The evolution of social systems: proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University 1974*. J. Friedman, M. Rowlands, eds. London: Duckworth, pp. 201–276.
- Gellner E., 1991. Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. Moscow: Progress. 320 p.
- Grinin L. E., 2007a. Gosudarstvo i istoricheskii protsess [State and historical process], 1. Epokha formirovaniya gosudarstva: Obshchii kontekst sotsial'noy evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva [Epoch of state formation: Genetal context of social evolution and formation of state]. Moscow: Komkniga. 271 p.
- Grinin L. E., 2007b. Gosudarstvo i istoricheskii protsess [State and historical process], 2. Evolyutsiya gosudarstvennosti: ot rannego gosudarstva k zrelomu [Evolution of statehood: from early to mature state]. Moscow: Komkniga. 363 p.

- Grinin L. E., 2007c. Gosudarstvo i istoricheskiy protsess [State and historical process], 3. Politicheskiy srez istoricheskogo protsesssa [Political cross-section of historical process]. Moscow: Komkniga. 236 p.
- Haas J., 1982. The Evolution of the Prehistoric State. New York: Columbia University press. 261 p.
- Haas J., 2001. From leaders to rulers. New York: Kluwer Academic: Plenum Publishers. 286 p.
- Harvey D., 1989. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell. 392 p.
- Khazanov A. M., 1968. Voennaya demokratiya i epokha klassoobrazovaniya [Military democracy and epoch of formation of classes]. Problems of History VI, 12, pp. 87–97.
- Khazanov A. M., 1979. Klassoobrazovanie: faktory i mekhanizmy [Formation of classes: factors and mechanisms]. *Issledovaniya po obshchey etnografii [Researches in general ethnography]*. Yu. V. Bromley, ed. Moscow: Nauka, pp. 125–177.
- Korotaev A. V., 1995. Gory i demokratiya [Mountains and democracy]. *Al'ternativnye puti k ranney gosudarstvennosti [Alternative roads to early statehood]*. N. N. Kradin, V. A. Lynsha, eds. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 77–93.
- Kovalevski S., 2000. Tsiklicheskie transformatsii v Severo-Amerikanskoy doistorii [Cyclic transformations in North American prehistory]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative roads to civilization]*. N. N. Kradin, A. V. Korotaev, V. A. Lynsha, eds. Moscow: Logos, pp. 171–185.
- Kradin N. N., 1991. Politogenez [Politogenesis]. *Arkhaicheskoe obshchestvo: Uzlovye problemy sotsiologii razvitiya [Archaic society: Key problems of development sociology]*, 2. A. V. Korotaev, V. V. Chubarov, eds. Moscow: Institut istorii SSSR, pp. 261–300.
- Kradin N. N., 1995. Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya [Chieftdom: present state and problems of investigation]. *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: from prehistory to statehood]*. V. A. Popov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 11–61.
- Kradin N. N., 2006. Arkheologicheskie priznaki tsivilizatsii [Archaeological indications of civilization]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi [Early state, its alternatives and analogies]*. L. E. Grinin, ed. Volgograd: Uchitel', pp. 184–208.
- Kradin N. N., 2007. Kochevniki Evrazii [Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk-Press. 416 p.
- Kristiansen K., 1998. Europe before History. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Kubbel' L. E., 1988. Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii [Essays on potestarian-political ethnography]. Moscow: Nauka. 171 p.
- Kuznar L. A., 2008. Reclaiming a Scientific Anthropology. Lanham, MD: Altamira. 266 p.
- Maisels Ch., 1999. Early civilizations of the Old World: The formative histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China. New York: Routledge. 504 p.
- Mann M., 1986. The Sources of Social Power, I. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. Cambridge: Cambridge University Press. 560 p.
- Masson V. M., 1989. Pervye tsivilizatsii [First civilizations]. Leningrad: Nauka. 268 p.
- Neitzel J. E., Erale T., 2014. Dual-tier approach to societal evolution and types. *Journal of anthropological archaeology*, 36, pp. 181–195.
- Ot doklassovykh obshchestv..., 1987 – Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym [From pre-class societies to early class ones]. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka. 242 p.
- Pauketat T., 2007. Chieftdoms and Others Archaeological Delusions. New York: AltaMira. XII, 257 p.
- Pavlenko Yu. V., 1989. Ranneklassovye obshchestva (genезis i puti razvitiya) [Early class societies (origins and ways of development)]. Kiev: Naukova dumka. 287 p.
- Popov V. A., 2006. Vozhdestvo [Chieftdom]. *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Grate Russian Encyclopedia]*, 5. *Velikiy knyaz' – Voskhodyashchiy uzel orbity [Grand prince – Ascending node of orbit]*. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, p. 557.
- Possehl G. L., 1998. Social Complexity Without the State: Ine Indus Civilization. *Archaic States*. G. M. Feinman, J. Marcus, eds. Santa Fe: School for American Research Press, pp. 261–292.
- Problemy istorii..., 1968 – Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv [Problems of history of pre-capitalist societies]. L. V. Danilova, ed. Moscow: Nauka. 673 p.
- Rannie formy..., 1995 – Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: from prehistory to statehood]. V. A. Popov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. 356 p.

- Renfrew C., 1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C.* London: Methuen. 650 p.
- Renfrew C., 1974. Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing Complex Societies*. Ann Arbor; Cambridge: American Schools of Oriental Research. P. 69–95. (Supplement to the Bulletin of the American Schools of Oriental Research; 20).
- Routledge B., 2014. *Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power*. New York: Bloomsbury. 196 p.
- Sáenz C., 1991. Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs. *Chiefdoms, Power, Economy, and Ideology*. T. Earle, ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 100–118.
- Salinz M., 1999. *Ekonomika kamennogo veka [Stone Age economy]*. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. 295 p.
- Service E., 1962. *Primitive Social Organization*. New York: Radmon House. 211 p.
- Service E., 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Radmon House. 221 p.
- Service E., 1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton and Co. Inc. 388 p.
- Skalnik P., 2009. Early State Concept in Anthropological Theory. *Social Evolution & History*, vol. 8, no. 1, pp. 5–24.
- Smith A. T., 2003. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley: University of California Press. 346 p.
- Smith M. L., 2014. The Archaeology of Urban Landscapes. *Annual Review of Anthropology*, 43, pp. 307–323.
- Specialization, exchange..., 1987 – Specialization, exchange, and complex societies. E. M. Brumfiel, T. Earle, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 160 p.
- Stanovlenie klassov..., 1976 – Stanovlenie klassov i gosudarstva [Formation of classes and state]. A. I. Pershiy, ed. Moscow: Nauka. 351 p.
- The Early..., 1978 – The Early State. H. J. M. Claessen, P. Skalnik, eds. The Hague: Mouton. 704 p.
- The Study..., 1981 – The Study of the State. H. J. M. Claessen, P. Skalnik, eds. The Hague: Mouton. 552 p.
- Uason P., Baldia M., 2000. *Religiya, kommunikatsiya i genezis slozhnoy sotsial'noy organizatsii v neoliticheskoy Evrope [Religion, communication and origins of complex social organization in Neolithic Europe]. Al'ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative roads to civilization]*. N. N. Kradin, A. V. Korotaev, V. A. Lynsha, eds. Moscow: Logos, pp. 219–234.
- Vasil'ev L. S., 1980. Stanovlenie politicheskoy administratsii (ot lokal'noy gruppy okhotnikov sobirateley k protogosudarstvu-chifdom) [Formation of political administration (from local group of hunters-gatherers to chiefdom protostate)]. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]*, 1, pp. 177–186.
- Vasil'ev L. S., 1981. Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura [Chiefdom protostate as a political structure]. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]*, 6, pp. 157–175.
- Vasil'ev L. S., 1983. *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva [Problems of Chinese state origins]*. Moscow: Nauka. 326 p.
- Webster D., 2005. States of mind. *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 260–264.
- Wittfogel K. A., 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press. XX, 556 p.
- Wright H., Johnson G., 1975. Population, exchange and early state formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist*, vol. 77, no. 2, pp. 267–289.
- Yakobson V. A., 2012. Vvedenie v istoriyu byurokratii [Introduction to history of bureaucracy]. *VDI*, 1, pp. 81–125.
- Yoffee N., 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press. XIII, 277 p.

About the author:

Kradin Nikolay N., Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, st. Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: kradin@mail.ru.

А. А. Тишкин, Н. Н. Серёгин

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Резюме. Статья представляет собой обзор результатов изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и Средневековья, полученных в последние десятилетия сотрудниками Алтайского государственного университета (г. Барнаул). В ней суммированы основные выводы, связанные с интерпретацией материалов раскопок археологических памятников рассматриваемой культурно-исторической области, которые относятся к аржано-майэмирскому, скифо-сакскому, хуннуско-сяньбийско-жужанскому времени и периоду раннего Средневековья. Особое внимание обращается на характеристику методических аспектов осуществленных исследований, а также указываются перспективы дальнейших работ в обозначенных направлениях.

Ключевые слова: Алтай, археологические памятники, погребальные комплексы, поздняя древность, раннее Средневековье, кочевники, общественная структура, социальная реконструкция, стратификация, элита.

Различным аспектам изучения общественной организации кочевых народов посвящено огромное количество публикаций отечественных и зарубежных исследователей. Нередко основой для реконструкций выступают археологические материалы, демонстрирующие основные стороны формирования и эволюции социальных систем у кочевников. Наиболее актуальными результаты раскопок становятся при полном отсутствии письменных источников или в случае их фрагментарности.

Алтай является важной культурно-исторической областью Евразии, археологические памятники которой отражают развитие кочевых обществ в поздней древности и Средневековье. В результате исследований, осуществленных в регионе на протяжении более чем полутора столетий, накоплен значительный объем научных сведений. Эти данные в определенной мере позволяют последовательно рассматривать историю скотоводческого населения Алтая и сопредельных

территорий. Детальный анализ и социальная интерпретация материалов, полученных при обследованиях и раскопках погребально-поминальных комплексов, являются одними из приоритетных тем в работе сотрудников Алтайского государственного университета. Такое направление стало целенаправленно реализовываться во 2-й половине 1990-х гг., а его концептуальное оформление произошло немного позже. Результаты исследований в указанной сфере научной деятельности отражены в диссертациях (*Дашковский, 2002; Кондрашов, 2004; Матрёнин, 2005; Серёгин, 2011; и др.*), монографиях (*Тишкин, Дашковский, 2003а; Социальная структура..., 2005; Васютин, Дашковский, 2009; Серёгин, 2013; Серёгин, Матрёнин, 2014; и др.*) и существенном количестве статей различного уровня (*Тишкин, 1997а; 1997б; 2003а; 2005а; 2005б; 2005в; Тишкин, Дашковский, 1997; 2001; 2003б; 2003в; 2005а; Матрёнин, Тишкин, 2007; Серёгин, 2008; и мн. др.*). К настоящему времени актуальным представляется обобщение проделанной работы, что позволит не только обозначить полученные выводы и заключения, но и определить дальнейшие перспективы исследований. Данная статья демонстрирует обзор некоторых итогов изучения социальных систем у кочевых народов Алтая, базирующихся в основном на археологических материалах и отраженных в работах сотрудников АлтГУ двух последних десятилетий.

Следует указать, что развитию рассматриваемого направления способствовали две Всероссийские научные конференции, которые состоялись в 1997 г. в Барнауле и Кемерове. Первая называлась «Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири», а вторая – «Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация». Доклады, прочитанные на этих конференциях, и их обсуждение обозначили круг методологических и других проблем социальной интерпретации археологических источников. Опираясь на имевшийся опыт предшественников и разработки современных исследователей, а также на систематизированные методические приемы анализа погребального обряда и других материалов, удалось сформировать комплекс необходимых подходов, который позволял выйти на уровень социальных реконструкций разного плана. В этом процессе активное участие приняли не только археологи Барнаула, но и специалисты из Кемерова, Омска, Тюмени, Иркутска, Владивостока и других городов России.

В начале 2000-х гг. результаты социальной интерпретации археологических и других привлекаемых источников стали широко демонстрироваться на ряде сибирских конференций, среди которых следует отметить следующие: «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2003, 2005, 2009), «Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье)» (Кемерово, 2003), «Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии» (Барнаул, 2004). На указанных форумах сформировался коллектив исследователей, занимавшихся решением различных проблем социальных реконструкций на основе материалов археологических обследований и раскопок. Определенным итогом такого взаимодействия и сотрудничества стало издание коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии», вышедшей в 2005 г. в Иркутске. В ней продемонстрирован накопленный опыт практического и теоретического уровня (Социальная структура..., 2005), а в отдельных главах книги освещены основные этапы,

достижения и методологические проблемы социальной археологии (*Васютин и др.*, 2005а; 2005б).

Реализованный проект обозначил возможности для продолжения дальнейших исследований. В этом плане для Алтая актуальным стало изучение погребальных памятников раннесредневековых тюрок, их системный анализ и социальная интерпретация. После завершения работы над данной темой (*Серёгин*, 2011; 2013) обозначилась возможность демонстрации картины полученных социальных реконструкций от «раннескифского» до монгольского времени, которая в кратком изложении будет представлена ниже.

Важным этапом в истории кочевых обществ Алтая, отражающим формирование общественной системы кочевников, является аржано-майэмирское время¹. Особенности развития социумов этого периода демонстрируют археологические памятники бийкенской культуры, которая была выделена и начала наполняться конкретным содержанием сравнительно недавно (*Кирюшин, Тишкин*, 1997; 1999; *Тишкин*, 2003б; 2007. С. 79–122; 2011; *Тишкин, Горбунов*, 2005. С. 111–127, 154–157, 159; *Суразаков, Тишкин*, 2007. С. 13–76; и др.). К настоящему времени раскопано уже более 200 курганов, соотносимых с традициями обозначенной общности (*Тишкин, Дашковский*, 2003а. С. 289, 290; *Тишкин*, 2007. С. 283, 284; 2011. Рис. 12; и др.).

Погребальные комплексы раннего этапа бийкенской культуры Алтая синхронны периоду сооружения хорошо известного «царского» кургана Аржан-1 в Туве (*Грязнов*, 1980), демонстрирующего целый спектр важных социальных явлений у кочевников южно-сибирского региона – существование элиты, сложение крупных военно-политических объединений, наличие общественной дифференциации². Вместе с тем материалы раскопанных на Алтае памятников аржано-майэмирского времени пока отражают невысокий уровень социального расслоения.

Некоторые результаты интерпретации погребальных комплексов бийкенской культуры отражены в монографии «Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи» (*Тишкин, Дашковский*, 2003а. С. 129, 130, 150–159). В ней отмечено, что в основе общественной системы кочевого общества того времени лежала половозрастная структура, определявшая местономада в зависимости от его физико-генетических показателей. Вертикальная иерархия базировалась на имущественном, социальном, профессиональном и другом делении. При этом наблюдается слабая дифференцированность внутри социумов, выявленных при изучении археологических объектов.

¹ Аржано-майэмирское время рассматривается в таких хронологических рамках: конец IX – 2–3-я четверти VI вв. до н. э. Название этого исторического отрезка дано по наиболее известным археологическим объектам (Аржан и Майэмир), зафиксированным соответственно в Туве и на Алтае.

² Важно отметить влияние на социально-политическое развитие кочевников Центральной Азии тех процессов, которые происходили в Китае. Дело в том, что именно на рубеже IX–VIII вв. до н. э. крупнейшие китайские уделы становятся политически самостоятельными царствами (*Васильев*, 2000. С. 4, 5), и это не могло не отразиться на действиях правителей северных кочевых народов.

Судя по имеющимся материалам, наиболее многочисленной частью населения Алтая аржано-майэмирского времени были рядовые представители отдельных территориально-локальных групп (Тишкин, Дашковский, 2003а. С. 130). В вертикальной иерархии отмечено деление по имущественному положению среди членов реконструируемых коллективов. В политическом отношении кочевники, вероятно, представляли собой объединение без ярко выраженной верховной власти, хотя тенденция к ее оформлению стала обозначаться (Дашковский, Тишкин, 2005. С. 95, 96) и достигла традиционной формы, что, например, находит отражение в крупном погребально-поминальном комплексе на памятнике Кур-Кечу-II в Центральном Алтае (Тишкин и др., 2011).

На территории Западного, Северо-Западного Алтая и Предалтайской равнины раскопаны памятники майэмирской культуры «раннескифского» времени, которые демонстрируют существование других традиций, отличавшихся от предыдущих. К сожалению, количество археологических объектов пока недостаточно для осуществления комплекса социальных реконструкций. Данную задачу еще предстоит выполнить в ходе целенаправленного рассмотрения памятников фиксируемой общности (Тишкин, 2011. С. 288. Рис. 12).

Гораздо более существенные возможности для социальных реконструкций связаны с анализом значительных по объему материалов раскопок памятников следующего этапа скифо-сакской эпохи. Так, к настоящему времени на Алтае изучено более 600 курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – III в. до н. э.). Итоги социальной интерпретации этих материалов отражены в серии публикаций (Тишкин, Дашковский, 1997; 2001; 2003; 2003б; 2003в; 2003г; 2005а; 2005б; Дашковский, 2002; Дашковский, Тишкин, 2005).

Важно отметить, что именно в ходе изучения погребальных комплексов пазырыкской культуры была сформирована программа палеосоциального анализа, в последующие годы в разной форме и с дополнениями реализованная при исследовании памятников Алтая более позднего времени. В наиболее общем виде она включает следующие этапы (Тишкин, Дашковский, 2003а. С. 169–231; Дашковский, Тишкин, 2005. С. 82):

1) всесторонний анализ погребально-поминальной обрядности кочевников и статистическая обработка различных признаков с учетом их взаимовстречаемости в выделенных половозрастных группах;

2) моделирование отдельных социальных явлений и выделение социально-типологических групп погребений;

3) реконструкция общественной структуры номадов с учетом всей совокупности разнообразных археологических, письменных, этнографических и других источников.

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов пазырыкской культуры с привлечением имеющихся антропологических определений позволил заключить, что у кочевников Алтая скифо-сакского времени существовала система возрастных классов, которые были обусловлены биологическими, социально-экономическими и культурно-историческими процессами развития общества номадов (Дашковский, Тишкин, 2005. С. 91). Особенности вертикальной структуры социума «пазырыкцев» отражают выделенные социально-типологические модели погребений: пять детских (включая подростков), восемь женских

и восемь мужских (Тишкин, Дашковский, 2003а. Приложение IV). Осуществленное моделирование дало возможность установить динамику погребального обряда, обусловленную спецификой социально-экономического развития кочевников Алтая. Выделенные социально-типологические модели погребений свидетельствуют о достаточно высокой степени иерархичности «пазырыкского» общества, охватывавшей половозрастную, социальную, имущественную и другие структуры, что вполне согласуется с уровнем развития других кочевых объединений Евразии скифской эпохи.

Особенности формирования и развития элиты у населения Алтая во 2-й половине VI – III в. до н. э. отражают результаты раскопок «царских» курганов. Эти грандиозные сооружения являются своеобразным маркером центра и остальной территории распространения пазырыкской культуры, а также характеризуют определенную сторону структуры древнего общества, демонстрируя, по всей видимости, захоронения вождей и знати племен или союза племен (Кирюшин и др., 2003. С. 8). К настоящему времени известно до 20 подобных комплексов (Там же. С. 9–15). Дополнительным фактором, демонстрирующим сложность структуры населения Алтая скифо-сакского времени, является полиэтничность пазырыкской общности, что позволило выделять ее локальные варианты (Тишкин, Дашковский, 2003г). Имеющиеся в настоящее время фактические данные и методические принципы характеристики государственности позволили сделать вывод о процессе формирования у «пазырыкцев» Алтая одной из ранних форм политического образования рассматриваемого уровня (Тишкин, Дашковский, 2005а).

Продолжение социальных реконструкций по материалам раскопок археологических памятников кочевников Алтая связано с анализом погребальных комплексов булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.) (Матрёнин, 2005; Матрёнин, Тишкин, 2005; 2007; Серёгин, Матрёнин, 2014. С. 6–60; и др.).

Значительный объем археологических материалов (исследовано более 700 погребений) позволил реализовать многие возможности при социальных реконструкциях. Этому также способствовало достаточное количество антропологических определений останков умерших людей, обнаруженных в курганах Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. (Матрёнин, Тишкин, 2005. С. 155), что дополнительно наметило круг вопросов, касавшихся половозрастной дифференциации в выявленных социумах. Массовый характер имеющихся источников обозначил необходимость привлечения методов статистической обработки сведений. Особенно важными стали результаты анализа комплекса предметов сопроводительного инвентаря, которые зафиксированы в погребениях булан-кобинской культуры. Осуществленная оценка «социального веса» всех категорий вещей способствовала детальным реконструкциям социального плана (Там же. С. 162, 163, 173–177).

При моделировании структуры общества «булан-кобинцев» наибольшее значение имело выделение в составе погребального инвентаря показателей, характеризующих «комплекс власти» (индикаторы военно-управленческого лидерства) и «комплекс богатства» (признаки, демонстрирующие имущественный достаток, уровень материального благосостояния), соотношение которых

определяло социальный статус индивидуумов. Второстепенные по значимости признаки были объединены в комплексы «производства» (предметы, отражающие причастность людей к определенным видам хозяйственной деятельности) и «культы» (вещи, указывающие на выполнение «жреческих» функций), так как они не играли существенной роли для идентификации положения человека в вертикальной стратификации рассматриваемого общества (*Матрёнин, Тишкин, 2005. С. 179*).

Результатом корреляции обозначенных «комплексов» стало выделение четырех детских, девяти женских и двенадцати мужских социальных групп, которые отражают вертикальную структуру булан-кобинского населения Алтая. Судя по имеющимся данным, она включала военных предводителей, военных руководителей высшего уровня, уступавших им по рангу лидеров особой категории воинов, дружины, а также их жен (верхний слой); особой категории воинов, основной массы дружинников, их жен (менее привилегированный слой); рядовых общинников (средний слой); экономически разорившегося, вероятно, зависимого и неполноправного населения (нижний слой) (*Матрёнин, 2005. С. 19*). Таким образом, в пределах одной схемы было рассмотрено соотношение социальной, имущественной, профессиональной стратификаций.

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов булан-кобинской культуры в сочетании с имеющимися сведениями письменных источников о некоторых кочевых народах рассматриваемого периода позволил сделать ряд предварительных заключений об особенностях политической организации номадов. Судя по всему, форма объединения населения Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. представляла собой «племенную конфедерацию» без собственного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата. Статус ее членов в течение обозначенного времени был неодинаковым, что могло быть связано с положением Алтая по отношению к центру кочевых империй, существовавшим в Центральной Азии. Важными чертами булан-кобинского объединения являлись отсутствие общетерриториальной стратификации кланов и сословного деления, слабость политической надстройки и надлокальной централизации, иерархичность системы разграничения власти при наличии племенной неоднородности, развитой военной структуры, четко выраженной социально-имущественной дифференциации. Полученные выводы доказывают правомерность оценки хунуско-сяньбийско-жужанского времени как особого этапа этносоциогенеза Алтая (Там же. С. 21).

В следующий хронологический период (раннее Средневековье) Алтай также представлял собой северную полупериферию кочевых империй Центральной Азии. Основным источником для реконструкции социальной истории номадов являются погребальные комплексы тюркской археологической культуры (2-я половина V – XI в.). Важно отметить, что памятники данной общности в наибольшем количестве исследованы именно на Алтае, что отражает не столько определенную степень изученности региона, сколько статус территории как места формирования культуры и этноса раннесредневековых тюрков. Кроме того, именно на Алтае номады обозначенной общности испытали наименьшее влияние других объединений кочевников, главным образом уйгуров и кыргызов, после крушения Тюркских каганатов.

К настоящему времени на территории Алтая раскопано порядка 200 погребений раннесредневековых тюрок (*Серёгин, Матрёнин*, 2014. С. 147–176). Результаты социального анализа этих материалов отражены в серии работ (*Серёгин*, 2008; 2011; 2013; и др.). Некоторые характеристики имеющихся источников определили особенности подхода, реализованного в ходе их социальной интерпретации. Негативными факторами, определенным образом ограничившими возможности исследования, стали высокая степень ограбленности захоронений (свыше 30% от общего числа памятников), неравномерность распределения количества погребений для различных хронологических этапов развития культуры, немногочисленность антропологических определений, а также значительная степень нивелировки обряда. Обозначенные обстоятельства обусловили необходимость внесения корректив в традиционные подходы к проведению социальных реконструкций по материалам погребальных памятников. В частности, в связи с ограниченностью количества объектов, гораздо меньшее значение имели методы статистического анализа. При этом весьма информативными оказались сведения письменных источников, существенно дополнившие результаты анализа археологических материалов.

Материалы погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая отражают высокую степень гетерогенности общества кочевников, одной из составляющих которой являлась социальная дифференциация. Анализ раскопанных памятников стал основой для реконструкции гендерной и возрастной структуры социума, а также выделения основных социальных групп, демонстрирующих вертикальное устройство объединений кочевников.

Судя по имеющимся сведениям, в обществе раннесредневековых тюрок существовали устойчивые традиции, обусловленные в значительной степени разделением труда на мужской и женский (*Серёгин*, 2013. С. 50–65). Сведения письменных источников подтверждают сделанные наблюдения, однако показывают возможность более активного участия некоторых женщин в отдельных сферах общественно-политической жизни. Следует отметить, что гендерные стереотипы получили отражение и в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений.

Ограниченное количество антропологических определений пока не позволило детально проследить этапы социализации человека в обществе раннесредневековых тюрок Алтая. Вместе с тем можно уверенно утверждать, что статус индивида в немалой степени зависел от принадлежности его к той или иной возрастной группе. Наибольшее значение в социуме кочевников представляли мужчины и женщины в возрасте 25–45 лет. Именно на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах нередко определяет высокий статус. Установлено, что большая часть погребений, связываемых по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников, была сооружена для умерших людей зрелого возраста (Там же. С. 119–127). Нередко пожилые люди сохраняли высокий статус, что определялось ценностью для общества накопленного ими опыта, знаний и имевшегося авторитета. Вместе с тем материалы археологических памятников демонстрируют снижение роли пожилых

мужчин в воинской иерархии в силу объективного ограничения физических возможностей.

Одной из характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтая является высокая степень его унификации. Данное косвенное свидетельство уровня консолидации общества серьезным образом осложняет социальные реконструкции, нивелируя значение многих элементов обряда, считавшихся абсолютными маркерами прижизненного статуса умерших людей при исследовании объединений номадов более раннего времени. Проведенный статистический и контекстуальный анализ материалов раскопок захоронений раннесредневековых тюрок позволил заключить, что относительными показателями положения погребенного были параметры сооружений и количество лошадей в могиле. Основным критерием для определения статуса умершего при жизни являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребении. Дальнейшая корреляция зафиксированных социально значимых элементов обрядовой практики («социальных маркеров») стала основой для выделения групп захоронений, отражающих вертикальную структуру общества раннесредневековых тюрок.

Археологические материалы и дополняющие их сведения письменных источников демонстрируют особенности динамики социальной системы раннесредневековых тюрок. Изменения в этой области были связаны главным образом с конкретной политической ситуацией в регионе. Влияние на социальную систему номадов на разных этапах ее сложения и развития оказывали оседло-земледельческие соседи, и прежде всего Китай, контакты с которым были наиболее интенсивными. Сложную организацию социума раннесредневековых номадов Алтая демонстрирует неоднородность элиты, включавшей не только представителей военной верхушки, но также управленцев, не связанных непосредственно с военным делом.

Представленный здесь краткий обзор результатов социальной интерпретации материалов раскопок погребальных комплексов Алтая I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. демонстрирует определенный опыт исследования процессов формирования и развития общественных систем у кочевников конкретного региона на протяжении длительного хронологического периода. Очевидная ограниченность археологических источников в значительной степени была компенсирована привлечением дополнительных сведений (прежде всего данных письменной истории) и реализацией выработанного комплекса аналитических методов. Опубликованные выводы и наблюдения уже получили оценку отдельных специалистов (см. напр.: *Тишкин*, 2014) и в разной мере используются при характеристике разных сторон развития обществ номадов Алтая и сопредельных территорий. Дальнейшее обсуждение полученных результатов, а также последующие работы в указанном направлении позволят детализировать особенности эволюции кочевых социумов центрально-азиатского региона в древности и Средневековье. Особенно важной и необходимой частью таких исследований должна стать целенаправленная работа по изучению культуры херексуров и «оленных» камней Монголии. Именно данный пласт памятников зафиксировал основы сложившейся и развивавшейся социальной системы ранних номадов, нашедшей отражение в комплексах Южной Сибири аржано-майэмирского времени, изучение

которых следует всесторонне продолжить. В этом плане особое внимание стоит уделить процессу оформления кочевой элиты. С накоплением материалов обозначится проблема реконструкции социумов Алтая монгольского времени. Пока лишь зафиксированы отдельные наблюдения и сравнительные сопоставления (Тишкин, 2004; 2009; Тишкин, Горбунов, 2005; и др.).

Подводя итог, можно констатировать, что научная работа, проделанная сотрудниками АлтГУ в области социальной интерпретации археологических памятников Алтая, создает возможности для дальнейших плодотворных исследований и обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л. С., 2000. Древний Китай. М.: Восточная литература. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). 623 с.
- Васютин С. А., Дашковский П. К., 2009. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Алт. ун-т. 400 с.
- Васютин С. А., Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Тишкин А. А., 2005а. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. С. 39–63.
- Васютин С. А., Крадин Н. Н., Тишкин А. А., 2005б. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. С. 10–38.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 62 с.
- Дашковский П. К., 2002. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул. 24 с.
- Дашковский П. К., Тишкин А. А., 2003. Социальное развитие кочевников Алтая в скифскую эпоху // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и Средневековье) / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ: ИАЭ СО РАН. С. 74–81.
- Дашковский П. К., Тишкин А. А., 2004. Социальная структура населения Горного Алтая в скифскую эпоху // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 49–76.
- Дашковский П. К., Тишкин А. А., 2005. Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. С. 82–109.
- Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А., 2003. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Алт. ун-т. 234 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Алт. ун-т. 232 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1999. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 70–75.
- Кондрашов А. В., 2004. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири VIII–XII вв. н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул. 24 с.
- Матренин С. С., 2005. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н. э. – V в. н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул. 23 с.
- Матренин С. С., Тишкин А. А., 2005. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. С. 152–183.

- Матрёнин С. С., Тишкин А. А., 2007. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 102–115.
- Серёгин Н. Н., 2008. Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 145–157.
- Серёгин Н. Н., 2011. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в. н. э.): системный анализ и социальная интерпретация: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул. 24 с.
- Серёгин Н. Н., 2013. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Алт. ун-т. 206 с.
- Серёгин Н. Н., Матрёнин С. С., 2014. Археологические комплексы Алтая II в. до н. э. – XI в. н. э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука. 230 с.
- Социальная структура..., 2005. Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. 312 с.
- Суразаков А. С., Тишкин А. А., 2007. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука. 232 с.: ил.
- Тишкин В. В., 2014. [Рец. на кн.:] Серёгин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 13. Вып. 8. С. 192–195.
- Тишкин А. А., 1997а. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 93–95.
- Тишкин А. А., 1997б. Необходимые условия и возможные пути реконструкции социальной организации на основе археологических источников // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 53–55.
- Тишкин А. А., 2003а. Социальные реконструкции в археологии Северной Азии: методологический и научно-практический аспекты // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. С. 129–131.
- Тишкин А. А., 2003б. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и Средневековье / Отв. ред. Ю. Ю. Пиротровский. СПб: ГЭ. Кн. 2. С. 164–166.
- Тишкин А. А., 2004. Особенности этнокультурного развития населения Алтая в монгольское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2004. С. 122–128.
- Тишкин А. А., 2005а. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии / Отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ. Ч. 1. С. 317–322.
- Тишкин А. А., 2005б. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. Кн. 2. С. 43–56.
- Тишкин А. А., 2005в. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы ее изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие) / Отв. ред. С. В. Данилов, П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 105–107.
- Тишкин А. А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Алт. ун-т. 356 с.
- Тишкин А. А., 2009. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука. 208 с.: ил. + вкл.
- Тишкин А. А., 2011. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 272–290.

- Тишкин А. А., Гиенко Е. Г., Дружинина Е. В., 2011. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 81–90. (Алтай на перекрестке времен и смыслов; Вып. 2.)
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Алт. ун-т. 200 с. + вкл.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 1997. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 114–117.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2001. Социально-политическая организация населения Горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960–1990-х гг.) // Историко-культурное наследие Северной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. С. 134–148.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2003а. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алт. ун-т. 430 с.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2003б. Теоретические принципы проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и Средневековье) / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ: ИАЭ СО РАН. С. 19–23.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2003в. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В. В. Бобров, И. Д. Русакова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 51–55.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2003г. К вопросу о выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и Средневековье / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. Кн. II. С. 166–168.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2005а. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т. Вып. 1. С. 50–59.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К., 2005б. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 248–267.

Сведения об авторах.

Тишкин Алексей Алексеевич, Алтайский государственный университет; пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; e-mail: tishkin210@mail.ru;

Серёгин Николай Николаевич, Алтайский государственный университет; пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru.

A. A. Tishkin, N. N. Seregin

Altai nomadic peoples' social systems in Late Antiquity and Early Middle Ages: Main results of the studies based on archaeological material

Abstract. This paper presents an overview of results of the studies dedicated to social systems of the Altai peoples in Late Antiquity and Middle Ages conducted by scholars from Altai State University (Barnaul). It summarizes main conclusions regarding the interpretation of excavation materials from the archaeological sites located in the cultural and historical area, dating to the Arzhan-Mayemir, Scythian-Saka, Xiongnu-Xianbei-Rouran periods and the Early Middle Ages. The paper focuses on characterization of methodological aspects of the previous studies and highlights prospects of follow-up research in the said areas.

Keywords: Altai Mountains, archaeological sites, funeral assemblages, Late Antiquity, Early Middle Ages, nomads, social structure, social reconstruction, stratification, elite.

REFERENCES

- Dashkovskiy P. K., 2002. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Gornogo Altaya skifskogo vremeni: Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Social structure and world-outlook system of High Altai population in Scythian time: Ph. D. thesis]. Barnaul. 24 p.
- Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A., 2003. Sotsial'noe razvitie kochevnikov Altaya v skifskuyu epokhu [Social development of Altai nomads in Scythian epoch]. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy na territorii Zapadnoy Sibiri (drevnost' i srednevekov'e)* [Social-demographic processes in territory of West Siberia (antiquity and Middle Ages)]. V. V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet: IAE SO RAN, pp. 74–81.
- Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A., 2004. Sotsial'naya struktura naseleniya Gornogo Altaya v skifskuyu epokhu [Social structure of High Altai population in Scythian epoch]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir [Mongol empire and nomadic world]*. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova, eds. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 49–76.
- Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A., 2005. Gornyy Altay v skifskuyu epokhu [High Altai in Scythian epoch]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskoy universitet, pp. 82–109.
- Gryaznov M. P., 1980. Arzhan – tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan – royal kurgan of early Scythian time]. Leningrad: Nauka. 62 p.
- Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A., 2003. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian epoch of High Altai], II. Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoy kul'tury [Burial-funeral complexes of Pazyryk culture]. Barnaul: Altayskiy universitet. 234 p.
- Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., 1997. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian epoch of High Altai], I. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Population's culture in early Scythian time]. Barnaul: Altayskiy universitet. 232 p.
- Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., 1999. Osnovnye etapy izucheniya skifskoy epokhi Gornogo Altaya [Principal stages of research of Scythian epoch in High Altai]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy [Results of investigation of Scythian epoch in Altai and adjacent territories]*. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 70–75.
- Kondrashov A. V., 2004. Izuchenie pogrebal'nogo obryada i sotsial'noy organizatsii naseleniya srostkinskoy kul'tury (po materialam arkhologicheskikh pamyatnikov yuga Zapadnoy Sibiri VIII–XII vv. n. e.): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Investigation of burial rite and social organization of Srostki culture population (based on materials from archaeological sites of the south of West Siberia VIII–XII cc. AD): Ph. D. thesis]. Barnaul. 24 p.
- Matrenin S. S., 2005. Sotsial'naya struktura naseleniya Gornogo Altaya khunno-syan'biyskogo vremeni (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov bulan-kobinskoy kul'tury II v. do n. e. – V v. n. e.): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Social structure of High Altai population in Hsyunnu-Hsyanbi time (based on material Bulan-Koba culture of II c. BC – V c. AD): Ph. D. thesis]. Barnaul. 23 p.
- Matrenin S. S., Tishkin A. A., 2005. Bulan-kobinskaya kul'tura Gornogo Altaya [Bulan-Koba culture of High Altai]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskoy universitet, pp. 152–183.
- Matrenin S. S., Tishkin A. A., 2007. Opyt vydeleniya lokal'no-territorial'nykh grupp naseleniya Altaya khunnuskogo vremeni (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Experience of singling out local-territorial population groups in Altai in Hsyunnu time (based on materials of burial sites)]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological researches]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 102–115.
- Seregin N. N., 2008. Opyt i perspektivy rekonstruktsii sotsial'noy organizatsii kochevnikov tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya [Experience and perspectives of reconstruction of social organization of

- nomads of Turkic culture in Sayan-Altai]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological researches]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 145–157.
- Seregin N. N., 2011. Pogrebal'nye komplekсы tyurkskoy kul'tury Sayano-Altaya (2-ya polovina V – XI v. n. e.): sistemnyy analiz i sotsial'naya interpretatsiya: Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Burial complexes of Turkic culture in Sayan-Altai (2nd half of V – XI cc. AD): system analysis and social interpretation: Ph. D. thesis]. Barnaul. 24 p.
- Seregin N. N., 2013. Sotsial'naya organizatsiya rannesrednekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Social organization of early medieval Turks of Altai-Sayan region and Central Asia (based on materials of burial sites)]. Barnaul: Altayskiy universitet. 206 p.
- Seregin N. N., Matrenin S. S., 2014. Arkheologicheskie komplekсы Altaya II v. do n. e. – XI v. n. e.: istoriya issledovaniy i osnovnye aspekty interpretatsii [Archaeological complexes of Altai of II c. BC – XI c. AD: history of research and principal aspects of interpretation]. Barnaul: Azbuka. 230 p.
- Sotsial'naya struktura..., 2005 – Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 312 p.
- Surazakov A. S., Tishkin A. A., 2007. Arkheologicheskiy kompleks Kyz'yk-Telan'-I v Gornom Altae i rezul'taty ego izucheniya [Archaeological complex Kyz'yk-Telan'-I in High Altai and results of its investigation]. Barnaul: Azbuka. 232 p., il.
- Tishin V. V., 2014. [Retseziya na knigu]: Seregin N. N. Sotsial'naya organizatsiya rannesrednekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Book review: Seregin N. N. Social organization of early medieval Turks of Altai-Sayan region and Central Asia (based on materials of burial sites)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State university. History, philology]*, vol. 13, no. 8, pp. 192–195.
- Tishkin A. A., 1997a. Izuchenie sotsial'no-ekonomicheskoy struktury naseleniya Gornogo Altaya ranneskifskogo vremeni [Investigation of social-economic structure of High Altai population in early Scythian time]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri [Social-economic structure of ancient societies of West Siberia]*. Yu. F. Kiryushin, A. B. Shamshin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 93–95.
- Tishkin A. A., 1997b. Neobkhodimye usloviya i vozmozhnye puti rekonstruktsii sotsial'noy organizatsii na osnove arkhеologicheskikh istochnikov [Necessary conditions and possible ways of reconstruction of social organization based on archaeological sources]. *Sotsial'naya organizatsiya i sotsiogenez pervobytnykh obshchestv: teoriya, metodologiya, interpretatsiya [Social organization and social genesis of primitive societies: theory, methodology, interpretation]*. V. V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 53–55.
- Tishkin A. A., 2003a. Sotsial'nye rekonstruktsii v arkhеologii Severnoy Azii: metodologicheskiy i nauchno-prakticheskiy aspekty [Social reconstructions in North Asian archaeology: methodological and scientific-practical aspects]. *Sotsiogenez Severnoy Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Social genesis of North Asia: past, modernity, future]*. A. V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 129–131.
- Tishkin A. A., 2003b. O sootnoshenii biyenskoy i mayemirskoy arkhеologicheskikh kul'tur Altaya ranneskifskogo vremeni [On correlation of Biyken and Mayemir archaeological cultures of Altai in early Scythian time]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednekov'e [Steppes of Eurasia in antiquity and Middle Ages]*, 2. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 164–166.
- Tishkin A. A., 2004. Osobennosti etnokul'turnogo razvitiya naseleniya Altaya v mongol'skoe vremya [Features of ethno-cultural development of Altai population in Mongol time]. *Kompleksnyye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii [Complex investigations of ancient and traditional societies in Eurasia]*. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul, pp. 122–128.
- Tishkin A. A., 2005a. Materialy k izucheniyu sotsiogeneza naseleniya Gornogo Altaya mongol'skogo vremeni [Materials for research of social genesis of High Altai population in Mongol time]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii [Social genesis in North Asia]*, 1. A. V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 317–322.

- Tishkin A. A., 2005b. Elita v drevnikh i srednevekovykh obshchestvakh skotovodov Evrazii: perspektivy izucheniya dannogo yavleniya na osnove arkhеologicheskikh materialov [Elite in ancient and medieval societies of Eurasian stock-breeders: perspectives of investigation of given phenomenon based on archaeological materials]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir [Mongol empire and nomadic world]*, 2. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova, eds. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 43–56.
- Tishkin A. A., 2005c. Elita kochevykh obshchestv Altaya skifskoy epokhi i problemy ee izucheniya [Elite in Altai nomadic societies of Scythian epoch and problems of its investigation]. *Drevnie kochevniki Tsentral'noy Azii (istoriya, kul'tura, nasledie) [Ancient nomads of Central Asia (history, culture, heritage)]*. S. V. Danilov, P. B. Konovalov, eds. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 105–107.
- Tishkin A. A., 2007. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Creation of periodizational and cultural-chronological columns: historical experience and modern concept of study of ancient and medieval Altai peoples]. Barnaul: Altayskiy universitet. 356 p.
- Tishkin A. A., 2009. Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkhеologicheskikh pamyatnikov) [Altai in Mongol time (based on materials of archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka. 208 p.
- Tishkin A. A., 2011. Biykenskaya kul'tura Altaya arzhano-mayemirskogo vremeni: sodержanie i opyt periodizatsii [Biyken culture of Altai in Arzhan-Maiemir time: content and attempt of periodization]. «*Terra Scythica*»: *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [«Terra Scythica»: Materials of international symposium]*. V. I. Molodin, S. Khansen, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 272–290.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 1997. Zakhroneniya cheloveka s konem kak otrazhenie nekotorykh storon sotsial'no-ekonomicheskoy struktury naseleniya Gornogo Altaya skifskoy epokhi [Burials of man with horse as reflection of some aspects of social-economic structure of High Altai population in Scythian epoch]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri [Social-economic structures of ancient societies in West Siberia]*. Yu. F. Kiryushin, A. B. Shamshin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 114–117.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2001. Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya naseleniya Gornogo Altaya skifskoy epokhi (po materialam issledovaniy 1960–1990-kh gg.) [Social-political organization of High Altai population in Scythian epoch (based on materials of investigations of 1960–1990-s)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii [Historical-cultural heritage of North Asia]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 134–148.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2003a. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi [Social structure and world-outlook system of Altai population in Scythian epoch]. Barnaul: Altayskiy universitet. 430 p.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2003b. Teoreticheskie printsipy provedeniya paleosotsial'nykh issledovaniy na osnove arkhеologicheskikh dannyykh [Theoretical principles of palaeo-social researches based on archaeological data]. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy na territorii Zapadnoy Sibiri (drevnost' i srednevekov'e) [Social-demographic processes in territory of West Siberia (antiquity and Middle Ages)]*. V. V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet: IAE SO RAN, pp. 19–23.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2003c. Vozmozhnosti provedeniya paleosotsial'nykh issledovaniy na osnove arkhеologicheskikh dannyykh [Possibilities of palaeo-social investigations based on archaeological data]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*. V. V. Bobrov, I. D. Rusakova, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 51–55.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2003d. K voprosu o vydelenii lokal'nykh variantov pazyrykskoy kul'tury [On problem of singling out local variants of Pazyryk culture]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e [Steppes of Eurasia in antiquity and Middle Ages]*, 2. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 166–168.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2005a. O gosudarstvennosti «pazyryktsev» [On statehood of «Pazyryk people»]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological researches]*, 1. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 50–59.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K., 2005b. Etnokul'turnaya situatsiya na Altae v skifskuyu epokhu [Ethno-cultural situation in Altai in Scythian epoch]. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego*

srednevekov'ya [Antiquities of Eurasia: from Early Bronze Age to early Middle Ages]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 248–267.

- Tishkin A. A., Gienko E. G., Druzhinina E. V., 2011. Astroarkheologicheskie issledovaniya na drevnem komplekse Kur-Kechu-II [Astro-archaeological investigations at ancient complex Kur-Kechu-II]. *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya [Ancient and modern sacred places in Altai]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 81–90. (Altay na perekrestke vremen i smyslov, 2.)
- Tishkin A. A., Gorbunov V. V., 2005. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay) [Complex of archaeological sites in Biyka River valley (High Altai)]. Barnaul: Altayskiy universitet. 200 p.
- Vasil'ev L. S., 2000. Drevniy Kitay [Ancient China], 2. Period Chun'tsyu (VIII–V vv. do n. e.) [Chuntsu period (VIII–V cc. BC)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 623 p.
- Vasyutin S. A., Dashkovskiy P. K., 2009. Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya kochevnikov Tsentral'noy Azii pozdney drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya) [Social-political organization of Central Asia nomads of late prehistory and early Middle Ages (national historiography and modern researches)]. Barnaul: Altayskiy universitet. 400 p.
- Vasyutin S. A., Korotaev A. V., Kradin N. N., Tishkin A. A., 2005. Metodologicheskie problemy rekonstruktsii sotsial'nykh struktur v arkheologii [Methodological problems of reconstruction of social structures in archaeology]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 39–63.
- Vasyutin S. A., Kradin N. N., Tishkin A. A., 2005. Rekonstruktsii sotsial'noy struktury rannikh kochevnikov v arkheologii [Reconstruction of social structure of early nomads in archaeology]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 10–38.

About the authors.

Tishkin Aleksey A., Altai State University, Lenina av., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru;

Seregin Nikolay N., Altai State University, Lenina av., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru.

Е. В. Вдовченков

УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ САРМАТСКИХ ОБЩЕСТВ ПОДОНЬЯ НА ОСНОВЕ ФОРМАЛЬНЫХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ МЕТОДИК

Резюме. Статья посвящена анализу уровня сложности сарматского общества при помощи формальных кросс-культурных технологий (на основе базы Дж. Мёрдока). Использовано 10 наиболее важных критериев культурной сложности, каждый из которых оценен по пятибалльной шкале от 0 до 4. Сопоставляется уровень развития кочевников Подонья в раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский периоды (Табл. 1). Более высоким уровнем социальной сложности отличаются номады Подонья в среднесарматскую эпоху, что связано с более эффективной системой экзоексплуатации и, соответственно, более высоким уровнем политической интеграции. Благодаря этой методике мы получаем возможность для сопоставления обществ как древних, так и средневековых номадов.

Ключевые слова: сарматы, Нижнее Подонье, измерение уровня социальной сложности, кросс-культурные исследования, ранне-, средне- и позднесарматская археологические культуры.

В настоящее время в отечественной социальной археологии все большую популярность приобретает неэволюционизм и связанные с ним подходы и методы. Одно из актуальных направлений – кросс-культурные методы, получившие широкую известность во многом благодаря Джорджу Мёрдоку.

Среди российских ученых к анализу сложности кочевых обществ на основе базы Мердока впервые обратился Н. Н. Крадин. Он использовал работу, написанную Дж. Мердоком в соавторстве с К. Провостом, на примере 186 обществ (*Murdock, Provost, 1973*). В данной статье авторы определяли критерии сложности общества и взяли 10 с их точки зрения наиболее важных критериев культурной сложности – письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию. Каждая из переменных оценена по пятибалльной шкале – от 0 до 4 (см. описание критериев у Н. Н. Крадина (2004. С. 24–30)). Используя критерии данной базы, Н. Н. Крадин определял уровень сложности в кочевых империях. Подход был развит С. А. Васютиным, который предложил

фиксацию ключевых точек для анализа эволюции сравниваемых между собой обществ (*Васютин, Дашковский, 2009. С. 333–334*).

В центре нашего исследования – изучение донских сарматов, а поскольку Дон был одним из ключевых регионов Сарматии, то данные по этому региону вполне показательны и для всех сарматов. Для донских сарматских памятников мы знаем четыре периода бытования, от II в. до н. э. до IV в. н. э. В IV – начале III в. до н. э. Нижний Дон не был сарматским (*Глебов, 2007. С. 63*). Раннесарматский период на Дону – это II–I вв. до н. э. (Там же. С. 66), среднесарматский – I – середина II в. н. э. Позднесарматский период распадается на два этапа – середина II – середина III в. н. э. (*Безуглов, 2010. С. 110, 111*) и с середины III в. миграция номадов с Кавказа обозначила начало второго этапа (*Малашев, 2010. С. 128*).

Фиксировать отдельные хронологические точки при анализе социальной сложности, как предлагает С. А. Васютин, вряд ли возможно (наши источники не позволяют так детально рассматривать историю сарматского общества), но интересно сопоставить между собой эти четыре периода.

Таблица 1. Динамика уровня сложности сарматских обществ Подонья по периодам

№	Периоды	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										
		письменность	степень оседлости	земледеле	урбанизация	технологическая специализация	наземный транспорт	деньги	плотность населения	уровень политической интеграции	социальная стратификация	всего
1	Раннесарматский	0	1	1	0	3	3	1	1	3	2	15
2	Среднесарматский	1	1	1	0	3	3	1	1	4	2	17
3	Позднесарматский 1	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
4	Позднесарматский 2	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
5	Хунну*	1	0	1	0	4	3	1	1	4	2	17

Примечание: * – по данным Н. Н. Крадина (2004. С. 30. Табл. 2).

Поскольку многие пункты в данной таблице могут быть истолкованы по-разному, необходимо дать к ней соответствующие пояснения, взяв за основу рассуждения Н. Н. Крадина об уровне социальной сложности в кочевых империях (*Крадин, 2004. С. 30–35*).

Письменность и записи. Использование писем сарматскими царями (послание Эвнона императору Клавдию – *Tac. Ann., XII, 19*) еще не говорит о бытовании письменности у сарматов. Однако с I в. н. э. распространяется такое интересное явление, как тамги, которые традиционно трактуют как символы родовой

принадлежности. Они сразу стали очень популярны. Актуальность этих знаков подчеркивается существованием так называемых «энциклопедий тамг» – плит, на которые, по предположению С. А. Яценко, наносили знаки представители разных родов в честь своего участия в социальных и политических акциях. Тамги, таким образом, можно интерпретировать в том числе и как мнемонические средства (1 балл).

Степень оседлости. В этом вопросе следует исходить из того, какой образ жизни ведет большая часть населения исследуемого общества. Сарматы были, без сомнения, кочевники, однако специфика климата Восточной Европы – снежные зимы – делает невозможным круглогодичное кочевание. Необходимость в зимниках заставляла номадов готовиться к зиме. Обычно зимовья располагались в низовьях рек, в данном случае – устье Дона: «*Что касается кочевников, то ... они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах*» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Поэтому степень оседлости может быть охарактеризована словами «полукошевая система поселений» (1 балл). Места зимовьев известны и археологически: прослеживаются по довольно тонкому культурному слою (Ставицкий, Яценко, 2002. С. 148).

В позднесарматское время, когда происходит оседание части сарматов, они появляются в Танаисе и на меотских городищах. Однако образ жизни основной массы номадов не изменился, поэтому увеличить балл для позднесарматской эпохи (до 2 баллов – «полуоседлая система поселений») я счел нецелесообразным.

Земледелие. Сарматы занимались земледелием, которое носило вспомогательный характер. Свидетельство этого – единичные находки сельскохозяйственных орудий: серпов, зернотерок, мотыжек (Максименко, 1998. С. 98). Следует вспомнить информацию Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «*область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)*» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Говоря о другой области, прилегающей с севера к Кавказу, Страбон говорит:

При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием (Strabo. Geogr. XI, II, 1).

Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах» сообщает: «*Меоты и савроматы [употребляют в пищу] просо...*» (Claud. Aelian. III. 39). Один из аланских предводителей V в. н. э. звался Эохар – буквально «просоед» (Абаев, 1979. С. 310). Плиний Старший также говорит о популярности проса: «*Сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса. – Е. В.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил*» (Plin. Nat. Hist. XVIII. 100).

Подтверждение этой информации – данные анализа содержимого сосудов из ранне- и позднесарматских погребений Поволжья, в которых находилась, судя по концентрации фосфатов, каша (Демкин, Демкина, 1999. С. 32, 33).

Конечно, зерно кочевники получали и от зависимого оседлого населения, но часть сарматов все же занималась земледелием и могла выращивать неприхотливые зерновые культуры, такие как просо. Однако главное занятие номадов – экстенсивное кочевое скотоводство. Поэтому можно поставить 1 балл – «земледелие менее 10 %».

Урбанизация. Это показатель масштаба локальных сообществ. Поскольку для кочевников-скотоводов Евразии характерна небольшая по численности община, насчитывающая менее 100 индивидов (*Крадин, 2004. С. 32*), то сарматы могут быть отнесены к самой простой форме (0 баллов – «население местных общин в среднем менее 100 человек»). О незначительной численности общины может говорить преобладание у сарматов небольших курганных могильников, формируемых, видимо, отдельными семьями и небольшими общинами.

Технологическая специализация. Археологические материалы подтверждают, что для всех данных обществ было характерно наличие металлургии, ткачества, гончарства. Павсаний, описывая, видимо, богато декорированный сарматский боевой доспех, хранящийся в храме Асклепия в Афинах, вынужден на его примере признать, что *«здесь (т. е. в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцирь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов»* (*Pausan. I. 21. 5*). Далее он сообщает:

У савроматов нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные (*Pausan. I. 21. 5*).

У кочевников, очевидно, преобладало домашнее производство, а потребности в ремесленных изделиях удовлетворялись за счет торговли и внешней эксплуатации оседлых народов. Однако существование металлургического производства на уровне промыслов и даже ремесла весьма вероятно. В отношении ткачества можно уверенно сказать, что у номадов использовался горизонтальный и вертикальный станок (*Акбулатов, 1999. С. 44*). Что касается продукции гончаров, то сарматы предпочитали получать кружальную керамику от оседлого населения (от меотов, из античных центров и т. п.), сами на ней не специализируясь.

По этому показателю номады получают 3 балла – «общество имеет металлургов или кузнецов, но испытывает недостаток ткачей и/или гончаров». Следующая позиция на 4 балла («общество имеет разнообразных специалистов ремесла, включая кузнецов, ткачей и гончаров») подходит в меньшей степени, поскольку номады предпочитали использовать продукцию из центров оседлости, а не развивать производство у себя.

Наземный транспорт. По определению уровня развития транспорта нет никаких сложностей – «перевозка грузов животными на колесных средствах» – 3 балла.

Деньги. Здесь следует привести мнение С. И. Безуглова, опирающегося на археологический материал: «идея денежного обращения на основе металлической монеты оставалась чуждой миру кочевых сарматов на всем протяжении

его существования» (Безуглов, 2001. С. 98). В письменных источниках содержится аналогичная информация:

Но и теперь еще есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар (Strabo. Geogr. VII, III, 7).

Отдельно следует обговорить чеканку монет сарматскими и аланскими правителями. Самый яркий случай – чеканка царем Фарзоем (который был аорсом или аланом) монет в Ольвии. Согласно определению Ю. Г. Виноградова, выпуск варварскими правителями на монетных дворах античных городов денежных знаков, преследовал в первую очередь политико-пропагандистские цели и носил ярко выраженный «демонстрационный характер» (Виноградов, 1989. С. 235).

Чеканка монеты – это политические амбиции и в меньшей степени потребности зависимого оседлого населения, а не внутренние потребности кочевников. Кстати, у Дж. Мердока в его индексах не обозначена престижная функция денег («4 балла – валюта в виде стандартных металлических или бумажных денег; 3 балла – символические средства (каури, ожерелья, слитки); 2 балла – деньги иностранных государств, в том числе колонизаторов; 1 балл – денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения); 0 баллов – прямой или косвенный обмен товарами»). Таким образом, использование золотых монет Фарзоем не дает оснований начислять сарматам царства Фарзоя 4 балла за использование денег.

Несмотря на отсутствие денег, сарматы активно торговали, поэтому здесь можно поставить 1 балл – «денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения)». Интенсивность обмена, в который включались сарматы, позволяет предположить наличие общеупотребительных средств обмена (скорее всего, скота), хоть прямых данных для этого и нет.

Плотность населения. Страбон отмечал, что царь сираков Абеак выставил в I в. до н. э. 20 тысяч всадников, царь аорсов Спадин – 200 тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью (Strabo. Geogr. XI, V, 8). Аорсы обитали в Подонье и Поволжье. Сведения Страбона о 200 тысяч всадников, несомненно, преувеличены, но эта цифра – единственная, которую античные авторы сообщают о населении региона.

На основании анализа археологического материала и сравнительно-исторических данных было предпринято несколько попыток определения плотности и численности населения в эпоху раннего железного века. Н. А. Гаврилюк установила, что для степной Скифии плотность населения равняется 1,32 чел. на км² (Гаврилюк, 1989. С. 21–24). В. В. Халдеев пришел к выводу о плотности 0,5–1 чел. на км² для Заволжья–Приуралья в сарматский период (Халдеев, 1987. С. 231). И. М. Акбулатов оценивает плотность населения южноуральских степей в 0,6 чел. на км² (Акбулатов, 1999. С. 16). Климат Нижнего Подонья отличается большей увлажненностью по сравнению с Приуральем, что позволяет предположить большую плотность населения для кочевников.

Исходя из обозначенных данных и кочевого образа жизни сарматов, уровень плотности населения можно оценить в 1 балл – «от 1 до 5 чел. на милю²». Весьма вероятно (хотя этот тезис, безусловно, нуждается в дальнейшем обосновании) считать плотность населения в Подонье большей, чем 1 человек на 2,56 км² (т. е. 1 человек на милю²).

Уровень политической интеграции. В этом вопросе наибольшие сложности, поскольку реконструировать политические институты на основании археологических данных весьма непросто. Страбон сообщает о населении последних веков до нашей эры следующее: «Управляют ими так называемые “скептухи”, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. Geogr. XI, II, 13). Таким образом, Страбон говорит о двух уровнях власти в раннесарматскую эпоху, т. е. речь идет, по всей видимости, о сложных вожествах (Скрипкин, 2014. С. 14).

Самые богатые комплексы в Нижнем Подонье известны в среднесарматскую эпоху. Концентрация богатств в погребениях элиты, резкое усиление влияния кочевников на оседлый мир позволяют предположить у них существование развитых политических структур. В этот период в Подонье появляется Алания. Вопрос о формах политической организации аланов вызвал дискуссию (Яценко, 2009; Вдовченков, 2011; Первалов, 2014; Скрипкин, 2014).

Следует обратить внимание на несколько уровней элиты у сарматов среднесарматской эпохи. С. А. Яценко предложил критерии для различения представителей царских и знатных родов среднесарматского периода – оружие, украшения, символы власти и т. п. (Яценко, 2002). Последние его исследования показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматского времени бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царской», другую связывает с «местными вождями» (Яценко, 2015).

Исходя из имеющихся разработок по уровню политической организации аланов, общество сарматов среднесарматского периода было оценено выше – в 4 балла – «три и более уровня иерархии, например государство, разделенное на области и на районы» (но этот высокий балл никоим образом не означает государственности у аланов).

В позднесарматскую эпоху мы не знаем такой концентрации богатств в регионе и можем предположить некоторое упрощение политической структуры. Таким образом, в ранне- и позднесарматский периоды уровень политической интеграции общества оценивается в 3 балла – «два уровня иерархии, например полиция, разделенная на районы».

Социальная стратификация. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев, 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Раннесарматская культура сформирована довольно типичными кочевниками, у которых не было бросающейся в глаза разницы в богатстве. Тем не менее ряд погребений явно выделяются на фоне рядовых комплексов. Однако аристократическая страга становится очень заметной в среднесарматском обществе. Ярким свидетельством этого является значительное количество элитных комплексов. Мы можем предполагать формирование

протосословия, специализирующегося на войне, и развитие социальной стратификации. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудозатраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки). Элитные группы легко выделяются также и в оба позднесарматских этапа (особенно следует отметить так называемую всадническую культуру 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н. э.).

Исходя из уровня развития сарматского общества, а также наличия аристократии, упоминаемой в письменных источниках и выделяемой археологически (особенно в среднесарматский период), можно для всех периодов предложить 2 балла – «две страты, но рабство и касты неразвиты».

Конечно, оценка уровня сложности сарматского общества носит в ряде случаев характер гипотезы и требует дополнительного обоснования. К сожалению, в этой статье нет возможности развернуть эти тезисы. Полученные результаты, вне всякого сомнения, достаточно условны, но дают интересный материал для сравнения.

Важно, что благодаря этой схеме мы можем сопоставить сарматов разных эпох и культур. Безусловно, среднесарматская культура выделяется на фоне остальных. Изменение политической культуры в среднесарматскую эпоху связано, возможно, с трансфером политической модели мигрантами из Средней Азии. Богатая и эффективная культура, обилие престижных предметов, появление катафрактариев, особая система отношений с оседлым миром, интенсификация торговли отличают их от ранних сарматов – аорсов. Эта модель отношений могла быть сформирована в среднеазиатском регионе. Приход новых мигрантов – населения позднесарматской культуры – привел не только к этнокультурным, но и к политическим, и социальным последствиям.

Можно сопоставить эти данные с результатами анализа общества хунну (см. графу 5 табл. 1 – материал по хунну). Отличия объясняются иными условиями кочевания (в Центральной Азии возможно круглогодичное кочевание, что дает 0 баллов во второй колонке) и иным уровнем политической централизации (кочевая империя, противостоящая Китаю). Также Н. Н. Крадин выше оценил уровень развития ремесла – в 4 балла. В результате у нас получается одинаковый результат для хунну и номадов среднесарматского периода – 17 баллов. Остальные общества сарматов оцениваются на 1–2 балла ниже.

Теперь, рассмотрев уровень сложности общества сарматов с позиции базы Дж. Мердока, необходимо ответить на вопрос о ее эвристических возможностях. Следует отметить, что некоторые аспекты, связанные со спецификой социума номадов, не учитываются этими критериями. Так, для номадов важно учитывать военную мощь и уровень развития военных технологий, систему отношений с оседлым населением, религиозный фактор, а также развитие искусства (хотя обсуждение таких параметров и приведение их к единой сумме показателей – отдельная и очень непростая задача).

С другой стороны, использование этих критериев приносит свои плоды. Во-первых, ставятся новые вопросы, зачастую неполно освещенные в литературе (уровень развития ремесла, плотность населения и т. п.). Во-вторых, мы получаем

возможность сопоставлять эти данные со значительным количеством других обществ, в том числе и с номадами. Так, мы можем исследовать проблему континуитета и прерывности в социальном развитии кочевников раннего железного века. Постоянные миграции и политические изменения, вызванные ими, приводили к существенным подвижкам в этнической и социальной сфере. Благодаря этому подходу мы получаем возможность для сопоставления обществ как древних, так и средневековых номадов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.*, 1979. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука. Т. 1: Древнеиранские языки. С. 272–364.
- Акбулатов И. М.*, 1999. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.). Уфа: НМ РБ. 101 с.
- Безуглов С. И.*, 2001. Денежное обращение Танаиса, III в. до н. э. – V в. н. э.: Дисс. ... канд. ист. наук. М. 344 с.
- Безуглов С. И.*, 2010. Позднесарматская культура и Нижний Дон // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ. С. 93–116.
- Васютин С. А., Даишковский П. К.*, 2009. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Алт. ун-т. 400 с.
- Вдовченко Е. В.*, 2011. Алания I – первой половины II в. н. э. – вождество, кочевая империя, раннее государство? // Восточная Европа в древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): Мат-лы конф. / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 26–31.
- Виноградов Ю. Г.*, 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука. 288 с.
- Гаврилюк Н. А.*, 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка. 109 с.
- Глебов В. П.*, 2007. Специфика становления раннесарматской культуры на Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов / Ред. И. В. Сергацков. Волгоград: ВГУ. Вып. II. С. 59–82.
- Демкин В. Н., Демкина Т. С.*, 1999. О чем могут поведать степные курганы? // Донская археология. № 1. С. 24–34.
- Крадин Н. Н.*, 2004. Комплексные общества номадов в кросс-культурной перспективе // Монгольская империя и кочевой мир / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 20–49.
- Максименко В. Е.*, 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов: Азовский краеведческий музей. 304 с. (Донские древности. Вып. 6.)
- Малашев В. Ю.*, 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ. С. 117–142.
- Медведев А. П.*, 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН. С. 98–111. (Цивилизационное измерение. Т. 5.)
- Перевалов С. М.*, 2014. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра. № 2. С. 2–9.
- Скрипкин А. С.*, 2014. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Издатель. Вып. 14. С. 7–20.

- Ставиский Б. Я., Яценко С. А., 2002. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). М.: РГГУ. 441 с.
- Халдеев В. В., 1987. Сколько было сарматов? // СА. № 3. С. 230–231.
- Яценко С. А., 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН. С. 126–135. (Цивилизационное измерение. Т. 5.)
- Яценко С. А., 2009. Алания I–II вв. н. э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. Кн. 3. С. 281–310.
- Яценко С. А., 2015. Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н. э. // РАЕ. Вып. 5. В печати.
- Murdock G., Provost C., 1972. Measurement of Cultural Complexity // Ethnology. 12, 4. P. 379–392.

Сведения об авторе.

Вдовченко Евгений Викторович, Южный федеральный университет, 344006 Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: vdovchenkov@yandex.ru.

E. V. Vdovchenkov

The Level of sophistication of Sarmatian societies in the Don Region based on cross-cultural methods

Abstract. The paper analyzes the level of sophistication of Sarmatian society with the use of formal cross-cultural methods (based on G. Murdock's database). The 10 most important criteria of cultural sophistication, each of which evaluated using a five-score scale from 0 to 4, have been used. The development levels of the Don Region nomads during the Early Sarmatian, the Middle Sarmatian and the Late Sarmatian periods have been compared (Table 1). The Don Region nomads are noted for a higher level of social sophistication due to a more efficient system of exo-exploitation and, therefore, a higher level of political integration. Such methods enable us to compare societies of both the earliest and the Middle Age nomads.

Keywords: Sarmatians, Lower Don Region, assessment of the level of social sophistication, cross-cultural studies, Early, Middle and Late Sarmatian archaeological cultures.

REFERENCES

- Abaev V. I., 1979. Skifo-sarmatskie narechiya [Scythian-Sarmatian dialects]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya [Foundations of Iranian linguistics], 1. Drevneiranskie yazyki [Ancient Iranian languages]*. V. S. Rastorgueva, ed. Moscow: Nauka, pp. 272–364.
- Akbulatov I. M., 1999. *Ekonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (VII v. do n. e. – IV v. n. e.) [Economy of early nomads of South Urals (VII c. BC – IV c. AD)]*. Ufa: Natsional'nyy muzey Respubliki Bashkortostan. 101 p.
- Bezuglov S. I., 2001. *Denezhnoe obrashchenie Tanaisa, III v. do n. e. – V v. n. e.: dissertatsiya na soiskanie ... kandidata istoricheskikh nauk [Tanaïs currency, III c. BC – V c. AD: Ph. D. thesis]*. Moscow. 344 p.

- Bezuglov S. I., 2010. Pozdnesarmatskaya kul'tura i Nizhniy Don [Late Sarmatian culture and Lower Don]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkhеologicheskim i estestvennonauchnym dannym) [Formation and development of late Sarmatian culture (based on archaeological and natural-scientific data)]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 93–116.
- Demkin V. N., Demkina T. S., 1999. O chem mogut povedat' stepnye kurgany? [What can tell steppe kurgans?]. *Donskaya arkhеologiya [Don archaeology]*, 1, pp. 24–34.
- Gavrilyuk N. A., 1989. Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Home production and way of life of steppe Scythians]. Kiev: Naukova dumka. 109 p.
- Glebov V. P., 2007. Spetsifika stanovleniya rannesarmatskoy kul'tury na Donu [Specific of formation of early Sarmatian culture on Don]. *Regional'nye osobennosti rannesarmatskoy kul'tury: materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov [Regional features of early Sarmatian culture: materials of seminar held by Centre for research in Sarmatians' history and culture]*, II. I. V. Sergatskov, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 59–82.
- Khaldeev V. V., 1987. Skol'ko bylo sarmatov? [How many Sarmatians there were?]. *SA*, 3, pp. 230–231.
- Kradin N. N., 2004. Kompleksnye obshchestva nomadov v kross-kul'turnoy perspektive [Complex societies of nomads in cross-cultural perspective]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir [Mongol empire and nomadic world]*. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova, eds. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 20–49.
- Maksimenco V. E., 1998. Sarmaty na Donu (arkhеologiya i problemy etnicheskoy istorii) [Sarmatians on Don (archaeology and problems of ethnic history)]. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. 304 p. (Don antiquities, 6).
- Malashev V. Yu., 2010. Tsentral'nye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central regions of North Caucasus in late Sarmatian time]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkhеologicheskim i estestvennonauchnym dannym) [Formation and development of late Sarmatian culture (based on archaeological and natural-scientific data)]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 117–142.
- Medvedev A. P., 2002. Razvitie ierarhicheskikh struktur v obshchestvakh epokhi bronzy i rannego zheleznoogo veka yuga Vostochnoy Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkhеologicheskogo analiza) [Development of hierarchical structures in societies of Bronze and Early Iron Ages in South of Eastern Europe (experience of diachronic historic-archaeological analysis)]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii [Nomadic alternative of social evolution]*. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, eds. Moscow: Institut Afriki RAN, pp. 98–111. (Tsivilizatsionnoe izmerenie, 5).
- Murdock G., Provost C., 1972. Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology*, 12, 4, pp. 379–392.
- Perevalov S. M., 2014. Alany: mirazh kochevoy imperii [Alans: mirage of nomadic empire]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of Vladikavkaz scientific center]*, 2, pp. 2–9.
- Skripkin A. S., 2014. Sarmaty (problemy proiskhozhdeniya, rasseleniya i politicheskoy organizatsii) [Sarmatians (problems of origin, settling and political organization)]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 14. Volgograd: Izdatel', pp. 7–20.
- Staviskiy B. Ya., Yatsenko S. A., 2002. Iskusstvo i kul'tura drevnikh irantsev (Velikaya Step', Iranskoe plato, Srednyaya i Tsentral'naya Aziya) [Art and culture of ancient Iranians (Great Steppe, Iranian plateau, Middle and Central Asia)]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 441 p.
- Vasyutin S. A., Dashkovskiy P. K., 2009. Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya kochevnikov Tsentral'noy Azii pozdney drevnosti i rannego Srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennyye issledovaniya) [Social-political organization of Central Asia nomads of late prehistory and early Middle Ages (national historiography and modern researches)]. Barnaul: Altayskiy universitet. 400 p.
- Vdovchenkov E. V., 2011. Alaniya I – pervoy poloviny II v. n. e. – vozhdstvo, kochevaya imperiya, rannee gosudarstvo? [Alania of I – first half of II c. AD – chiefdom, nomadic empire, early state?]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza: XXIII chteniya pamyati chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR V. T. Pashuto: materialy konferentsii [Eastern Europe in antiquity and Middle Ages. Early states of Europe and*

Asia: problems of politogenesis: XXIII readings in memory of V. T. Pashuto: materials of conference. E. A. Mel'nikova, ed. Moscow: IVI RAN, pp. 26–31.

Vinogradov Yu. G., 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n. e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie [Political history of Olbian polis in VII–I cc. BC: historical-epigraphic research]. Moscow: Nauka. 288 p.

Yatsenko S. A., 2002. Osobennosti obshchestvennogo razvitiya sarmato-alanov i ikh vospriyatie v drugikh kul'turakh [Features of social development of Sarmato-Alanians and their perception in other cultures]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii [Nomadic alternative of social evolution]*. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, eds. Moscow: Institut Afriki RAN, pp. 126–135. (Tsvilizatsionnoe izmerenie, 5).

Yatsenko S. A., 2009. Alaniya I–II vv. n. e. kak kochevaya imperiya [Alania of I–II cc. AD as nomadic empire]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir [Mongol empire and nomadic world]*, 3. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova, eds. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN, pp. 281–310.

Yatsenko S. A., 2015. Kharakter drevnikh ogrableniy kurganov dvukh grupp sarmatskoy elity I–II vv. n. e. [Character of ancient looting of kurgans of two groups of Sarmatian elite of I–II cc. AD]. *Rossiyskiy arkhеologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological year-book]*, 5. In print.

About the author:

Vdovchenkov Evgenij V., Southern Federal University, 344006, Russian Federation, Rostov-na-Donu, str. Bolshaya Sadovaya, 105/42; e-mail: vdovchenkov@yandex.ru.

Г. П. Гарбузов, С. И. Лукьяшко, Б. А. Раев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖОБЩИННОЙ ИЕРАРХИИ В ПРИКУБАНЬЕ В I–III вв. н. э. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Резюме. В статье анализируется ситуация, выявленная в результате многолетних археологических разведок в среднем течении реки Кубань. К первым векам нашей эры здесь складывается чрезвычайно плотная система оседлых земледельческих поселений. На протяжении 65 км по краю верхней террасы правого берега реки Кубань существуют около 50 укрепленных городищ. На примыкающих к ним степных участках фиксируются следы древнего межевания, подобные межеванию на Азиатском Боспоре. Плотность поселений и земледельческий характер хозяйства их обитателей говорит о высоком уровне социальной организации меотов с обязательной надобщинной иерархией, выраженной межпоселенческой иерархией. Данные дистанционного зондирования позволили выявить в изучаемой агломерации поселения, отличающиеся большими размерами, сложностью устройства, развитыми коммуникациями, т. е. обладающие признаками центра. Монументальные рвы и валы, окружающие городища, по сути, являются индикаторами существования в социуме системы развитого вождества, способного организовать подобные работы. Таким образом, имеются основания говорить о существовании в Среднем Прикубанье развитой потестарно-политической модели управления, которая соответствует уровню сложных вождеств.

Ключевые слова: меоты Среднего Прикубанья, городища, социальная организация, вождество.

Одним из важных достижений политической антропологии середины XX в. была разработка теории вождества как стадии политогенеза. Одним из признаков вождества и качественной характеристикой его является надобщинная иерархия. Как эта важная черта может проявляться на археологическом материале?

В этой связи представляется важным рассмотреть систему меотских поселений на правобережье Средней Кубани. Здесь на сравнительно небольшом по протяжению участке берега (65 км) выявлено свыше 49 городищ (рис. 1). Поселения находятся друг от друга на расстоянии прямой видимости до 1 км,

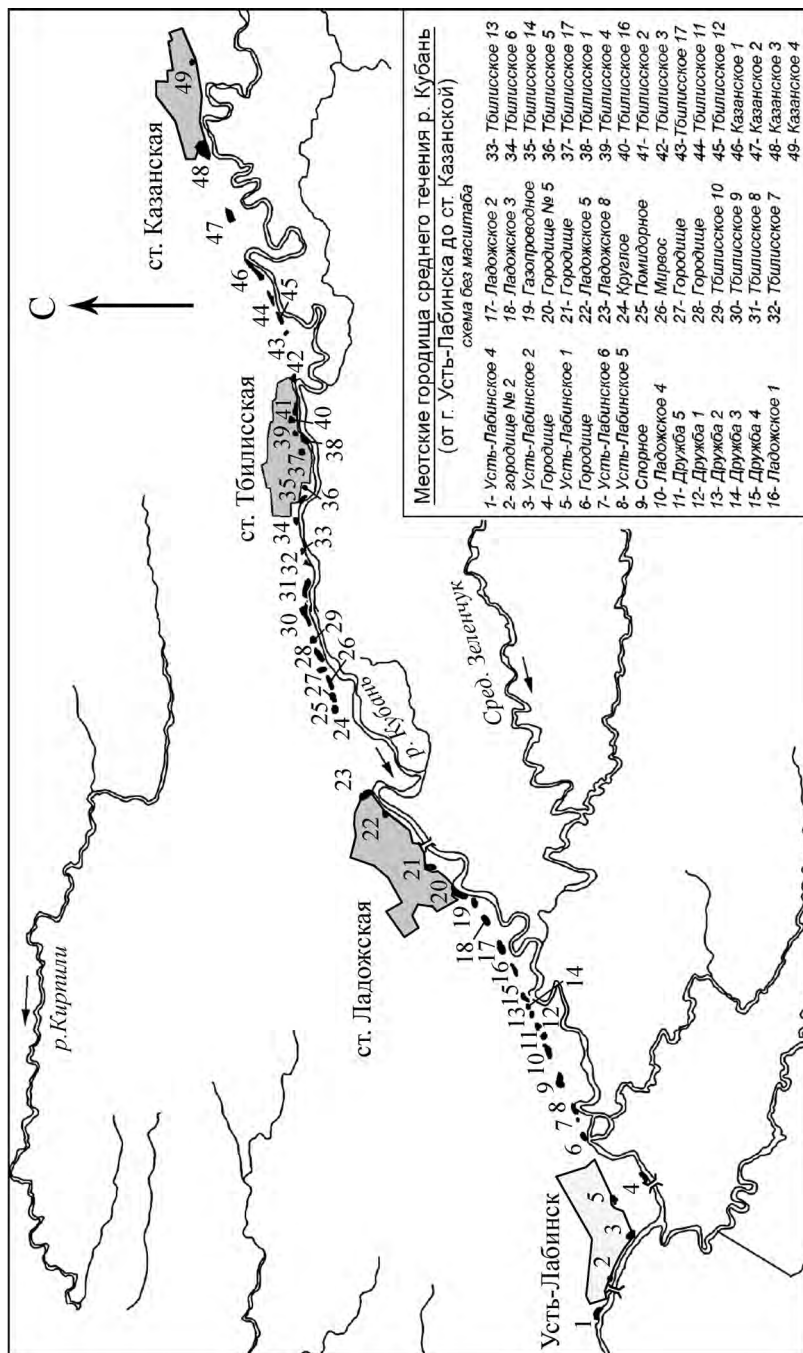

Рис. 1. Карта меотских городищ Среднего Прикубанья

имеются ситуации, когда расстояние между ними 300 м. Эту совокупность городищ И. С. Каменецкий разделял на Тбилисскую и Усть-Лабинскую группы (*Каменецкий*, 2011. С. 206). Городища неоднократно визуально обследовались археологами, фиксировались, составлялась учетная документация. В результате в этой кипе архивного материала сейчас уже трудно разобраться. Современная приборная база позволяет внести в топографию и учетные карточки надлежащий порядок. И это большая кропотливая работа, требующая совмещения учетной документации с местностью и описанным объектом. Представленная карта лишь первое приближение к этой работе. Но учитывая то, что ее необходимо начинать, мы решили представить данный плод архивных разысканий, опирающийся на знание местности, уже сейчас.

Высокий уровень политогенеза у меотов отмечен в работах исследователей этой культуры. Но форма политической организации оказывается неуловимой ни по данным письменных источников, ни по археологическим материалам. Поэтому мы предлагаем провести пространственный анализ расселения меотов на правобережье Средней Кубани. Это аналитическое направление использовалось И. С. Каменецким для этнической характеристики населения поселений.

Необходимо подчеркнуть влияние на пространственную структуру поселенческой системы экологических факторов, ее приспособление к имеющимся природным ресурсам. Соответственно, иерархические отношения, наблюдаемые в системе поселений, должны быть увязаны с вопросами контроля и распределения ресурсов (в земледельческой культуре это в первую очередь земельные ресурсы, а также пастбища, водные источники, лес, минеральные ресурсы). С природными ресурсами и задачей контроля над ними связан характер освоения территории, в том числе и типологический (структура системы поселений, ее параметры, сложность иерархии). В свою очередь уровень централизованного регулирования использования ресурсов, отражающийся в структуре поселенческой системы, служит признаком развития социальной жизни.

С этой точки зрения интересен формальный анализ меотских поселенческих систем, как отдельных крупных агломераций, так и всех городищ и поселений в целом. Связь с ресурсами и обеспеченность ими позволяет определенно утверждать земледельческий характер хозяйства.

Земледельческий характер хозяйствования подтверждается методами дистанционного зондирования. Следы межевания отчетливо прослеживаются на космоснимках и дают представление о масштабах с/х производства. При этом высокая плотность городищ в регионе предполагает особое напряжение в вопросах землепользования. По расчетам И. С. Каменецкого, для обеспечения питанием только населения Усть-Лабинской группы городищ должно было быть освоено 435 км² пашни (*Каменецкий*, 2011. С. 254). А это означает, что вдоль берега Кубани должны были быть освоены земли на расстояние до 22 км в глубину в степь от берега реки. При такой плотности освоения земли велика роль общинных и надобщинных регуляторов этой сферы жизнедеятельности. Разрешение спорных вопросов землепользования выходит на уровень межобщинных противоречий и предполагает возникновение институтов надобщинного управления. Что соответствует новому уровню иерархии, а именно надобщинной иерархии, которая, по сути своей, есть не что иное, как вождество.

Несомненно, соседство с Боспорским государством не могло не отразиться на социально-экономическом развитии меотского общества. Дискутируется вопрос о торговых отношениях между Боспором и меотами, в том числе и о возможном вовлечении меотов в хлебную торговлю как поставщиков зерна. При хорошей обеспеченности земельными ресурсами и развитой поселенческой системе, производство товарного зерна можно уверенно предполагать. Важно, что при ряде городищ отмечаются следы древнего землеустройства, внешне похожие на те, которые описаны на Таманском полуострове. Но означает ли это внешняя близость, сходство и в формах земельных отношений?

Выявленные нами следы межевания также не означают наличия частной собственности на землю. Земельные паи могли выделяться на правах владения, без права продажи. Но и в этом случае мы имеем дело с высокоорганизованной общественной структурой, в которой редиистрибутивный характер экономики вполне ожидаем.

Нет сомнения в том, что меотская хлебная торговля могла быть систематической и большой по объему только при достаточно высокоцентрализованном обществе. Точно так же, как на Боспоре, регулярный масштабный экспорт хлеба был неразрывно связан с тираническим характером власти Спартокидов. Выражаясь в терминах пространственного анализа, в меотских поселенческих структурах в таком случае следовало бы ожидать ярко выраженные иерархические отношения и существование ограниченного числа центральных поселений.

Предлагаемый нами подход основывается на том, что если в меотском обществе существовала надобщинная иерархия, то поселения должны быть иерархически организованы. Центральное поселение должно обладать признаками центра: иметь административное, культовое, редиистрибутивное значение. Важнейшим признаком такого центра являются коммуникации, которые должны замыкаться на нем. Древние дороги, хотя и очень плохо, все же прослеживаются при дистанционном зондировании (рис. 2). При этом центр и периферийные поселения образуют простую иерархию, усложнение которой и связи нескольких центров с наиболее значимым городищем составляют многоступенчатую иерархию.

В теоретических разработках вождества отмечается, что простым иерархиям соответствуют общественные структуры, основанные на малых семьях, а сложным вождествам соответствуют большие патриархальные семьи.

По наблюдениям И. С. Каменецкого, меоты жили большими семьями, состоящими из 5–6 супружеских пар, ориентировочная численность семьи 22–27 человек, что соответствует представлениям о сложных вождествах. Площади городищ менялись в течение полутысячелетнего их существования. Древнейшие их части составляли примерно 2 200 м² и достигали площади 8 000–9 000 м² в конце жизни на поселениях.

И. С. Каменецкий в сплошном массиве городищ на правобережье выделял несколько групп. Так, для Усть-Лабинской группы его демографические расчеты давали население в 44 561 человек (*Каменецкий*, 2011. С. 248). Столь значительная площадь и плотность населения допускает предположение о развитой системе организации жизни на поселениях и сопоставима с развитыми вождествами.

Рис. 2. Городище Спорное-I

Все городища укреплены рвами и валами. Основа хозяйствования – земледелие. При этом отмечается, что насыщенность зерновыми остатками на интересующем нас участке оказалась в 15–20 раз выше, чем в приморских памятниках (Каменецкий, 2011. С. 250). Земледелие дополнялось скотоводством, вероятно, отгонным с преобладанием крупного и мелкого рогатого скота. Большое количество костных останков лошадей и свиньи дополняет представление о мяотском хозяйстве.

Одним из существенных признаков вожества является монументальное строительство. По сути дела, огромные (6–8 км) оборонительные сооружения в виде рвов и валов являются таковыми (рис. 2). Эти данные дополняются новыми материалами, полученными экспедицией ЮИЦ РАН у ст. Новолабинской. Строительство таких грандиозных сооружений требует огромного напряжения сил, что предполагает и соответствующий уровень управленческих усилий, сопоставимый с усилиями сложных вожеств.

Таким образом, мы имеем основания предполагать в правобережном Среднем Прикубанье развитую потестарно-политическую модель управления, которая должна соответствовать уровню сложных вожеств.

Существенную трудность на пути изучения темы составляет слабая археологическая изученность поселенческих памятников Кубани. И серьезных подвижек в этом направлении не предвидится.

Поэтому сегодня, кроме необходимости исследования поселений, следует наметить программу анализа взаимосвязи между известными городищами и ресурсной базой (по современным данным), обоснованно выделить отдельные группы городищ, изучить внутреннюю структуру таких групп, наметить иерархические отношения как отдельных городищ, так и их систем по нескольким критериям (размеры оборонительных сооружений, наличие некрополей, наличие дорог, доступность ресурсов, пространственное расположение и др.).

Исходными данными здесь могут служить имеющиеся банки данных по памятникам и разнообразные пространственные данные о топографии и состоянии окружающей среды – аэро-космоснимки, тематические (почвенные, ландшафтные, геоморфологические и т. п.) и топографические карты, модели рельефа.

Принципиальная важность данного направления исследования заключается прежде всего в том, что именно в этом регионе следует ожидать обнаружение древнейших форм потестарно-политической власти, появившейся здесь в результате эволюционного развития.

ЛИТЕРАТУРА

Каменецкий И. С., 2011. История изучения меотов. М.: Таус. 384 с.

Сведения об авторах:

Гарбузов Геннадий Павлович, Южный научный центр РАН, ул. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: garbuzov@ssc-ras.ru;

Лукьяшко Сергей Иванович, Южный научный центр РАН, ул. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: sciphica@ssc-ras.ru;

Раев Борис Аронович, Южный научный центр РАН, ул. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону 344006, Россия; e-mail: boris_raev@mail.ru.

G. P. Garbuzov, S. I. Luk'yashko, B. A. Raev

Archaeological data on the problem of formation of inter-community hierarchy in the Kuban River region in I–III cc. AD (Raising the problem)

Summary. This article analyzes the results of long-term field surveys undertaken in the Middle Kuban River region. In the first centuries AD, a dense system of sedentary agricultural settlements was formed here. Around 50 fortified settlements have been discovered on the upper terrace of the Kuban River right bank in the strip over 65 km long. In the nearby steppe areas traces of ancient land boundary marking have been recorded, similar to those known in Asiatic Bosphorus. Dense distribution of the settlements and agricultural character of the local economy point to a high level of social organization of the Maeotian tribes. Probably, the inter-settlement hierarchy indicates an above-community organizationsystem. The remote sensing data have revealed within the investigated cluster of settlements those of larger size with more complex structure and developed communications, which are interpreted as central places. Monumental ditches and ramparts surrounding the settlements suggest functioning of developed chiefdom in the Maeotian society able to organize the large-scale works. Thus there are all reasons to suppose functioning of developed model of political management in the Middle Kuban region, corresponding to the level of complex chiefdom organization.

Keywords: Maeotians, Middle Kuban River region, sedentary settlement, social organization, chiefdom.

REFERECES

Kamenetskiy I. S., 2011. Istoriya izucheniya meotov [History of Maeotian studies]. Moscow: Taus, 384 p.

About the authors.

Garbuzov Gennadiy P., Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. Chekhova, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: garbuzov@ssc-ras.ru;

Luk'yashko Sergey I., Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. Chekhova, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: sciphica@ssc-ras.ru;

Raev Boris A., Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. Chekhova, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: boris_raev@mail.ru.

В. И. Мельник

ФАЗЫ ПЕРЕМЕН В КУЛЬТУРАХ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЦИВИЛИЗАЦИЯХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА III–I тыс. до н. э.

Резюме. В статье демонстрируется неравномерность культурного развития в степях Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока, а также Балкано-Эгейского региона. Представленные сведения позволяют выделить для рассматриваемой эпохи несколько фаз культурного развития, которые в целом укладываются в некоторые диапазоны одного времени. На некоторых отрезках времени они практически совпадают с климатическими периодами, а их начало и конец, как правило, связаны с резкими изменениями климатической температуры или влажности. Примерные разграничители падают на XXXIII–XXXII вв. до н. э., XXVIII–XXVII вв. до н. э., XXIII–XXII вв. до н. э., XVIII–XVII вв. до н. э., XIII–XII вв. до н. э., IX–VIII вв. до н. э. Это периоды активных культурных перемен и значительных миграционных волн. Таким образом, относительно синхронная изменчивость исторического развития могла быть обусловлена изменяющейся природной средой.

Ключевые слова: Ближний Восток, климатический период, культура, степи Восточной Европы, фаза культурного развития, цивилизация, эпоха раннего металла.

Неравномерность культурного развития проявляется в разном уровне и темпе развития отдельных видов и элементов культуры, а также в периодах подъема и упадка культур. Нас в большей мере будет интересовать последнее.

Для эпохи раннего металла на территории Ближнего Востока и южной части Восточной Европы выделяются зоны, которые обладают своеобразием экономического и социального развития: это цивилизационные центры Ближнего Востока и Балкан, представляющие южный блок культур, и скотоводческие культуры лесостепной и степной зон, а также Северный Кавказ, составляющие северный блок (*Черных и др.*, 2002. С. 5–7). Эти зоны находились в состоянии активного взаимодействия. Каждая из цивилизаций имела свою специфику развития, которая по-разному проявлялась в основные исторические периоды: ранней древности (вторая половина IV–III тыс. до н. э.), расцвета древних обществ (II–I тыс. до н. э.) и их упадка (первая половина I тыс. н. э.). Эпоха раннего металла приходится здесь на первый исторический период и первую половину второго. В свою очередь, в культурах степей также фиксируются фазы развития,

имеющие археологическую номенклатуру (ранняя, средняя, поздняя бронза), и улавливается некоторый ритм изменчивости культур (*Черных*, 2000). В хронологическом делении обращает на себя внимание тот факт, что не только самые крупные вехи, но иногда и более мелкие подразделения в ряде цивилизаций и периферийных культур совпадают. Данное совпадение не представляется случайностью и свидетельствует о неких общих обстоятельствах развития.

Неравномерность развития культуры в мировой истории, заметно фиксируемая с начала неолитической эпохи, в последующее время становится все более очевидной. В зоне сравнительно теплого климата период палеометалла демонстрирует взлет ряда культур. Именно в это время начинается становление первых цивилизаций. Но даже в районах крупных рек это движение не всегда происходит одновременно. В сопредельных районах земледельческие культуры достигают высокого уровня и приближаются к цивилизационному порогу. Однако зависимость от природных условий в это время была весьма велика, и природные катаклизмы круто меняли жизнь и занятия людей, заставляя их иногда перемещаться на немалые расстояния (*Мельник*, 2000; 2004; 2009). Существование тех или иных культур соотносится с определенными климатическими периодами (*Корневский*, 2003; *Таиров*, 2003), а климатические изменения влияли на исторический процесс (*Прусаков*, 1999; *Клименко*, 2009).

Существенные изменения климата произошли в конце IV тыс. до н. э., когда благоприятный для человеческой деятельности атлантический период с развитыми земледельческими культурами сменился суббореальным похолоданием. В ряду культур времени, предшествующему этому похолоданию, в южностепных районах выделяются майкопская (майкопско-новосвободненская общность, Северный Кавказ) и трипольская (Северное Причерноморье) культуры, вышедшие на предцивилизационный уровень. В майкопской культуре был высок скотоводческий потенциал, однако земледелие здесь было также весьма значимо. Отмечается высокий уровень развития металлургического и металлообрабатывающего производства. Поражают грандиозные погребальные сооружения – курганы. Отдельные погребальные комплексы свидетельствуют о значительных богатствах родовой знати по сравнению с массой рядовых погребений, что указывает на серьезную социальную дифференциацию в обществе (*Мунчаев*, 1994. С. 225). Земледельческий характер трипольской культуры очевиден. Высок уровень гончарного производства. Однако обозначение этой культуры как цивилизации (*Энциклопедия...*, 2004) неприемлемо с позиции классического понимания этого явления, где в качестве основы присутствует наличие города и письма (*Массон*, 1989. С. 11). Для культур такого уровня предлагается термин «протоцивилизация» (*Корневский*, 2013), но он может быть применен, видимо, не для всех подобных случаев. Рассматриваемые культуры с высоким для того времени уровнем оказались беззащитными перед лицом неблагоприятных климатических изменений.

Раннесуббореальная фаза (3300–2800 гг. до н. э.) отмечалась сильным похолоданием (*Александровский, Александровская*, 2005. С. 186–187). В итоге майкопская культура исчезает (*Корневский*, 2003. С. 82), прерывается длительная эволюция трипольской культуры (*Збенович*, 1974. С. 160–165). Эти изменения заставили людей перейти к иным формам хозяйствования. Возобладание

скотоводства и подвижного образа жизни изменило характер культур и путь их дальнейшего развития. Южные территории трипольской культуры, сохраняя преемственность, трансформируются в усатовскую культуру с выраженным скотоводческим направлением хозяйства. Подвижное усатовское население распространилось по степной полосе от Побужья до Прута и Подунавья. В хозяйстве наибольшее распространение получил мелкий рогатый скот. Отгонный или полукочевой характер скотоводства дополнялся пашенным земледелием с использованием быка в качестве тягловой силы. В погребальном обряде стало практиковаться сооружение курганов с каменными закладками и кромлехами. Со временем культурно-демографическая ситуация изменяется с приходом сюда населения ямной культуры. Вначале это происходит спорадически, затем инфильтрация становится массовой, что в конечном итоге приводит к полной смене населения (Збенович, 1974. С. 114, 161).

В этот период начинают распространяться культурные образования, имеющие погребения с повозками. В Прикубанье формируется наиболее яркая в этом отношении новотитаровская культура, где широко использовался колесный транспорт, во всяком случае, значительное число погребений здесь сопровождалось повозками. Ведущим хозяйственным укладом у новотитаровского населения было полукочевое скотоводство. Близкие по характеру культурные группы, такие как старосельская и буджакская, фиксируются в Северном Причерноморье, койсугская – на Нижнем Дону (Гей, 1991. С. 65; 2000. С. 201).

В предгорных районах Северного Кавказа на смену майкопской культуре приходит культура северокавказская (северокавказская культурно-историческая общность). В основе хозяйства северокавказского населения лежали скотоводство и земледелие (Марковин, 1994. С. 285). В погребальной обрядности этой культуры практически не прослеживается связь с майкопской традицией. Возможен приход нового населения.

Названные культуры этого периода, располагающиеся в южной части восточноевропейских и предкавказских степей, неизбежно соприкасались и взаимодействовали с активно распространяющейся в южном и западном направлениях ямной культурой (культурно-исторической общностью), имеющей ярко выраженную скотоводческую направленность и занимающей огромные пространства к северу. В свою очередь шло и встречное движение.

На территории Месопотамии это время соотносят с Протописьменным периодом или культурой Джемдет-Наср, следующей за урукским периодом. Хронологические рамки периода определяются разноречиво в пределах 3200–2750 гг. до н. э., но поскольку его продолжительность оценивается значительно меньшим временем, дата сдвигается в ту или другую сторону в зависимости от позиции исследователей. Если урукский период был временем становления шумерской цивилизации, то период Джемдет-Наср был временем утверждения цивилизации. Окончание периода связывают с культурным упадком, вызванным предположительно переселением новых племен. При датировке следующего I Раннединастического периода более ранним временем его окончание падает на XXVIII в. до н. э. Обращает на себя внимание тот факт, что именно на рубеже I и II Раннединастических периодов была построена городская стена Урука (История Древнего Востока..., 1983. С. 169). Правда, с какими событиями это

связано, неясно. Исследователи связывают это время с усилением аридизации. В частности, следует отметить, что жители поселения Телль Хазна I в Хабурской степи Северной Месопотамии покинули поселение около 2700 г. до н. э. (Амиров, 2006. С. 40).

В истории Египта времени Раннего и начала Древнего царств определенно фиксируется кризисная фаза после правления Джосера (XXVIII в. до н. э.). Целый ряд его преемников не мог завершить строительство своих пирамид (История Древнего Востока..., 1988. С. 366). Эти события по времени совпадают с началом нового климатического цикла, отмеченного существенным повышением температур.

Период суббореального иссушения и потепления климата имеет примерные хронологические рамки в пределах от 2800 до 2000 гг. до н. э. (Александровский, Александровская, 2005. С. 187) и характеризуется как наиболее аридный период голоцена (Иванов, 2006. С. 18).

Грандиозные изменения этого периода в степях Восточной Европы связаны с утверждением катакомбного способа погребений и распространением катакомбных культур. Образ жизни населения южных районов степей отмечается более активными передвижениями. Катакомбные культурные компоненты постепенно охватывают северокавказскую культурную среду, ямное культурное пространство в значительной мере заменяется катакомбным. На отдаленных территориях, не затронутых этим процессом (Среднее и Нижнее Поволжье), ямная культура трансформируется в полтавкинскую. На Южном Урале в ямной культуре также произошли некоторые перемены, но они не изменили общего культурного фона. Носители катакомбной культуры перемещаются в разных направлениях, создавая новые катакомбные культурные образования, в том числе и на большей части территории полтавкинской культуры – в степном Поволжье.

В третьей четверти III тыс. до н. э. устанавливается максимально сухой климат, что привело к новым перемещениям населения и культурным переменам. Следующий период увлажнения климата определяется 2000–1180 гг. до н. э. и отмечается заметным наступлением леса на степь (Александровский, Александровская, 2005. С. 187). В начале этого периода около XVIII в. до н. э. фиксируется повышение температуры (Клименко, 2009. С. 86).

Начиная с XXII в. до н. э. на просторах катакомбной общности формируются новые культурные образования, наиболее значительным из которых являлась культура многоваликовой керамики (бабинская культура, культурный круг Бабино), сохранившая некоторые катакомбные элементы. В целом по характеру слагаемых компонентов она может характеризоваться как культура-агломерат. В Северо-Западном Прикаспии выделена посткатакомбная лолинская культура, датируемая XXII–XVIII вв. до н. э. (Мимоход, 2013. С. 19). В Поволжье – криволюкская, покровская и потаповская группы, в Приуралье для этого времени называют синташтинские памятники.

Интересные сведения приводит Ю. В. Андреев по эгейским культурам этого времени. Островная кикладская культура внезапно исчезает, так же как и культура Полиохни на севере Эгейды. С ссылкой на К. Ренфрю (Renfrew, 1972. P. 264) отмечено, что численность кикладских поселений на всех островах архипелага между 2300 и 2200 гг. до н. э. сильно уменьшилась, что связывается с резким

демографическим спадом. Причина этих перемен для автора остается загадочной. Отмечается также, что было прервано развитие раннеэлладской культуры, когда она была уже близка к своему «зениту». Ее важные центры погибли в огне пожара около 2200 г. до н. э. Материальная культура уцелевших поселений Пелопоннеса и Средней Греции сильно изменилась, демонстрируя признаки упадка. В течение Раннеэлладского III периода (2200–2000/1900 гг. до н. э.) через эти территории прошли по меньшей мере две волны пришельцев. Из всех эгейских культур вплотную к «порогу» цивилизации подошла лишь культура минойского Крита в конце III – начале II тыс. до н. э. (Андреев, 2002. С. 29, 61, 76, 78).

Хатты и хурриты в Малой Азии создали на рубеже III и II тыс. до н. э. такие города-государства, как Пурусханда, Амкува, Куссара (Кушшар), Хатти, Каниш, Вахшущана, Самуха и другие. В дальнейшем замечаются признаки консолидации этих государственных образований, но около 1800 г. до н. э. сведения о них прерываются (История Древнего Востока..., 1988. С. 126).

В Месопотамии и прилегающих районах около 2200 г. до н. э. зафиксирована сильнейшая засуха, приведшая в конечном итоге к гибели государства Саргонидов (Weiss et al., 1993). На обломках этой державы вплоть до правления Хаммурапи существовали различные государственные образования, временами достигавшие относительного могущества. После Хаммурапи, во время правления его сына Самсуилуны (как считают, в 1742–1741 гг. до н. э.), Месопотамия подверглась нашествию касситов (История Древнего Востока..., 1983. С. 385, 386), что означало упадок и последующую перестройку государственного управления.

Египет около 2200 г. до н. э. распадается на множество независимых областей-номов. Одной из причин этого состояния называют уменьшение стока Нила, наблюдаемого по палеогеографическим данным в период 2200–2000 гг. до н. э. (Stanley et al., 2003). Конец Древнего царства и I Переходный период отмечены кризисным состоянием. Стабилизация эпохи Среднего царства завершается на рубеже XVIII и XVII вв. до н. э. нашествием гиксосов (История Востока..., 2000. С. 164–175).

В XVIII–XVII вв. до н. э. в степях Восточной Европы происходит культурная перестройка. Начинается формирование срубной культурной общности, отмеченное покровско-срубными комплексами и потаповско-синташтинским воздействием в Поволжье (Малов, 1994. С. 12). Срубная общность распространяется на огромной территории. На западе ареала (в Северном Причерноморье) складывается сабатиновская культура.

В Малой Азии к XVII в. завершается образование Хеттского государства. Начинается становление микенской цивилизации на юге Балканского полуострова. Время после завоеваний касситов в Месопотамии обозначается как Средневавилонский (касситский) период. На севере Месопотамии хурриты создают Митаннийское царство. В Египте после II Переходного периода (XVIII–XVII вв. до н. э.), характеризующегося кризисным состоянием, начинается эпоха Нового царства.

Промежуток между XVII и XIII вв. до н. э. связан с благоприятными условиями для развития хозяйства, что относится как к степным культурам, так и к цивилизациям Ближнего Востока. В культурах степей господствовало стойловое и отгонное скотоводство. В некоторых районах оно дополнялось земледелием.

Важную роль здесь играли металлургия и металлообработка. Цивилизации выходят на более высокий уровень развития. Небывалого могущества достигает Египет, которому противостоит Хеттская держава.

Период уменьшения увлажненности (1180–800 гг. до н. э.), который называют иногда киммерийским, был отмечен кратковременным наступлением степи на лес (*Александровский, Александровская, 2005. С. 187*). Ему предшествовало некоторое повышение температуры (*Клименко, 2009. С. 86*). Эти обстоятельства создали сложную обстановку выживания прежде всего для скотоводческого населения и могли быть одной из причин, которая спровоцировала массовые переселения XIII–XII вв. до н. э. В степной зоне начинает формироваться общность культур с валиковой керамикой. Ее ранняя фаза определяется XIII–XII вв. до н. э., поздняя – XI–IX/VIII вв. до н. э., а громадная территория простиралась от Карпат до Алтая (*Черных, 1983*). Начинает преобладать кочевой способ ведения хозяйства.

Цивилизационные центры Балкано-Эгейского региона, Малой Азии и Восточного Средиземноморья в результате воинственных перемещений «народов моря» (*Сафронов, 2009*) и других групп населения пришли в полный упадок. Прекратили свое существование микенская и хеттская цивилизации. Потери были значительны: забыта письменность, прекратилась городская жизнь. Общества ряда больших территорий откатились фактически к поздней фазе первобытности. Однако достигнутый к этому времени уровень металлургического производства позволил перейти к освоению нового металла – железа. В новых условиях создаются новые центры влияния, восстанавливаются торговые связи. В областях наибольшего опустошения восстанавливается жизнь и набирает силу движение к цивилизации.

Следующий климатический период (800–200 гг. до н. э.) характеризовался увлажнением (*Александровский, Александровская, 2005. С. 187*). Железный век вступил в свои права. Начинала складываться древнегреческая цивилизация.

Таким образом, рассматриваемый отрезок времени демонстрирует значительную неравномерность культурного развития, взлеты и падения культур, изменение их характера и трансформацию, движение в сторону цивилизации и его остановку, становление, возвышение и гибель цивилизаций. Вместе с тем приведенные сведения позволяют достаточно определенно выделить для рассматриваемой эпохи несколько фаз культурного развития, которые укладываются приблизительно в диапазоны одного времени. Более того, на некоторых отрезках времени они близки климатическим периодам, и в ряде случаев их границы могут быть связаны с резкими изменениями температуры или влажности. Примерные разграничители падают на XXXIII–XXXII, XXVIII–XXVII, XXIII–XXII, XVIII–XVII, XIII–XII, IX–VIII вв. до н. э. Это время активных культурных перемен и значительных миграционных волн (*Мельник, 2009*). Разумеется, культурное развитие не может быть сведено к каким-то жестким хронологическим рамкам, а климатический фактор не является единственным, оказывающим влияние на это культурное развитие. Задача автора заключалась в том, чтобы показать некую относительно синхронную изменчивость исторического развития, которая могла быть обусловлена изменяющейся природной средой.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., Александровская Е. И.*, 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука. С. 184–187.
- Амиров Ш. Н.*, 2006. Северо-Восточная Сирия в IV – первой половине III тыс. до н. э.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН. 42 с.
- Андреев Ю. В.*, 2002. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–I тыс. до н. э.). СПб.: Дмитрий Буланин. 863 с.
- Гей А. Н.*, 1991. Новотитаровская культура (предварительная характеристика) // СА. № 1. С. 54–71.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотитаровская культура. М.: Старый сад. 224 с.
- Энциклопедія..., 2004. Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 1. Київ: Індустріальна спілка Донбасу: Петроімпекс. 704 с.
- Збеневич В. Г.*, 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 176 с.
- Иванов И. В.*, 2006. Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса севера Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв / Отв. ред. В. Н. Кудеяров. М.: Наука. С. 7–34.
- История Востока..., 2000. История Востока / Отв. ред. В. А. Яковсон. М.: Восточная литература. Т. I: Восток в древности. 688 с.
- История Древнего Востока..., 1983. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. Ч. I: Месопотамия. 536 с.
- История Древнего Востока..., 1988. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука. Ч. II: Передняя Азия и Египет. 625 с.
- Клименко В. В.*, 2009. Климат: непрочитанная глава истории. М.: МЭИ. 408 с.
- Клименко В. В., Прусаков Д. Б.*, 1999. Изменения климата в Северном полушарии в конце III – начале II тыс. до н. э. и Второй социально-экономический кризис в Древнем Египте // Восток. № 1. С. 5–19.
- Корневский С. Н.*, 2003. Ориентация археологических степных культур юга Поволжья эпох неолита, раннего и среднего бронзового века в схеме Блитта-Сернандера (к постановке проблемы) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы Междунар. науч. конф. / В. С. Бочкарев и др. (редколл.). Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук. С. 80–83.
- Корневский С. Н.*, 2013. Понятия «цивилизация», «протоцивилизация» в применении к археологии неолита и начала бронзового века Переднего Востока, Кавказа и юга Восточной Европы V–III тыс. до н. э. // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: Тез. докл. круглого стола, посвящ. пам. Н. Я. Мерперта / Ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 21–23.
- Малов Н. М.*, 1994. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений / Ред. Н. М. Малов. Саратов: Саратовский ун-т. С. 8–13.
- Марковин В. И.*, 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 254–286.
- Массон В. М.*, 1989. Первые цивилизации. М.: Наука. 268 с.
- Мельник В. И.*, 2000. Проблема смены культур эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: Мат-лы Междунар. науч. конф. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 33–34.
- Мельник В. И.*, 2004. Развитие культуры и климатические экстремумы на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: Тез. докл. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т. С. 120–122.

- Мельник В. И., 2009. Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 223. С. 19–31.
- Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 27 с.
- Мунчаев Р. М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 158–225.
- Прусаков Д. Б., 1999. Природа и человек в Древнем Египте. М.: Московский лицей. 240 с.
- Сафронов А. В., 2009. «Народы моря» и Ближний Восток: этнополитические процессы в конце XIII – начале XII в. до н. э. // КСИА. Вып. 223. С. 31–47.
- Таиров А. Д., 2003. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей. 68 с.
- Черных Е. Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Башкирский гос. ун-т. С. 81–99.
- Черных Е. Н., 2000. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев / Отв. ред. Л. И. Скрипкина. М.: ГИМ. С. 29–40. (Труды ГИМ; вып. 113.)
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В., 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.
- Renfrew C., 1972. The Emergence of Civilization: The Cyclades and Aegean in the Third Mill BC. London. 634 p.
- Stenley J.-D., Crom M. D., Cliff R. A., Woodward J. C., 2003. Short Contribution: Nile Flow Failure at the End of the Old Kingdom, Egypt: Strontium Isotopic and Petrologic Evidence // Geoarchaeology. Vol. 18. No. 3. P. 395–402.
- Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamia Civilization // Science. Vol. 261. P. 995–1004.

Сведения об авторе.

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: melvaler@yandex.ru.

V. I. Mel'nik

Uneven cultural development and stages of changes in cultures of East European steppes and Near East civilizations in 3000–2000 BC

Abstract. This paper demonstrates an uneven nature of cultural development in the East European steppes and Near East Civilizations as well as the Balkan-Aegean region. Based on the evidence provided, several stages fitting in the same time range of cultural development can be singled out for this region. Sometimes these stages practically coincide with climatic periods, while the startup and the end of such stages tend to be linked to drastic changes in climatic temperature or humidity. Tentative delimiters of the time spans include 3300–3200, 2800–2700, 2300–2200, 1800–1700, 1300–1200, 900–800 BC. These are the periods of active cultural changes and massive migratory waves. Hence, a relative synchronous variability of historical development, probably, depended largely on the changing natural environment.

Keywords: Near East, climatic period, culture, East European steppes, a stage of cultural development, civilization, Early Metal Age.

REFERENCES

- Aleksandrovskiy A. L., Aleksandrovskaya E. I., 2005. Evolyutsiya pochv i geograficheskaya sreda [Evolution of soils and geographical environment]. Moscow: Nauka. 221 p.
- Amirov Sh. N., 2006. Severo-Vostochnaya Siriya v IV – pervoy polovine III tys. do n. e.: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [North-Eastern Syria in IV– first half of III mill. BC: thesis for a Doctor's degree, History]. Moscow: IA RAN. 42 p.
- Andreev Yu. V., 2002. Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egeyskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III– I tysyacheletiya do n. e.) [From Eurasia to Europe. Crete and Mycenaen world in Bronze and Early Iron Ages (III–I millennia BC)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 863 p.
- Chernykh E. N., 1983. Problema obshchnosti kul'tur valikovoy keramiki v stepyakh Evrazii [Problem of ribbed pottery entity in steppes of Eurasia]. *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of steppe zone of Ural-Irtysh interfluve]. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 81–99.
- Chernykh E. N., 2000. Epokha rannego metalla: temp i ritm kardinal'nykh innovatsiy [Early metal epoch: pace and rhythm of cardinal innovations]. *Sovremennyye kontseptsii pervobytnoy istorii. Problemy interpretatsii pamyatnikov arkheologii v ekspozitsiyakh istoricheskikh, kraevedcheskikh i arkheologicheskikh muzeev* [Modern concepts of prehistory. Problems of interpretation of archaeological sites in layouts of historic, local lore and archaeological museums]. L. I. Skripkina, ed. Moscow: GIM, pp. 29–40. (Trudy GIM, 113).
- Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., Kuz'minykh S. V., 2002. Metallurgiya v tsirkumpontiyском areale: ot edinstva k raspadu [Metallurgy in Circumpontic zone: from unity to disintegration]. *RA*, 1, pp. 5–23.
- Entsiklopediya..., 2004 – Entsiklopediya tripil'skoï tsivilizatsii [Encyclopedia of Tripolie civilization], 1. Kyiv: Industrial'na spilka Donbassu: Petroimpeks. 704 p.
- Gey A. N., 1991. Novotitorovskaya kul'tura (predvaritel'naya kharakteristika) [Novotitorovka culture (preliminary characteristic)]. *SA*, 1, pp. 54–71.
- Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.
- Istoriya Drevnego Vostoka..., 1983 – Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii [History of Ancient Orient. Formation of earliest class societies and first focuses of slave-owning civilization], I. Mesopotamiya [Mesopotamia]. I. M. D'yakonov, ed. Moscow: Nauka. 536 p.
- Istoriya Drevnego Vostoka..., 1988 – Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii [History of Ancient Orient. Formation of earliest class societies and first focuses of slave-owning civilization], II. Perednyaya Aziya i Egipet [Western Asia and Egypt]. G. M. Bongard-Levin, ed. Moscow: Nauka. 625 p.
- Istoriya Vostoka..., 2000 – Istoriya Vostoka [History of Orient], I. Vostok v drevnosti [Orient in antiquity]. V. A. Yakobson, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. 688 p.
- Ivanov I. V., 2006. Dinamika atmosfernogo uvlazhneniya i evolyutsiya pochv aridnoy oblasti umerennogo poyasa severa Evrazii v golotsene [Dynamics of atmospheric moistening and soils evolution of arid and temperate zone of North Eurasia in Holocene]. *Pochvennyye protsessy i prostranstvenno-vremennaya organizatsiya pochv* [Soil processes and territorial-time organization of soils]. V. N. Kudiyarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–34.
- Klimenko V. V., 2009. Klimat: neprochitannaya glava istorii [Climate: unread chapter of history]. Moscow: Moskovskiy energeticheskii institut. 408 p.
- Klimenko V. V., Prusakov D. B., 1999. Izmeneniya klimata v Severnom polusharii v kontse III – nachale II tys. do n. e. i Vtoroy sotsial'no-ekonomicheskoy krizis v Drevnem Egipte [Climatic changes in Northern Hemisphere in late III – early II mill. BC and Second social-economic crisis in Ancient Egypt]. *Vostok [Orient]*, 1, pp. 5–19.
- Korenevskiy S. N., 2003. Orientatsiya arkheologicheskikh stepnykh kul'tur yuga Povolzh'ya epokh neo/eneolita, rannego i srednego bronzovogo veka v skheme Blitta-Sernandera (k postanovke problemy)

- [Orientation of steppe archaeological cultures in south Volga basin of Neo/Eneolithic epochs, Early and Middle Bronze Ages in Blytt-Sernander's scheme (raising the problem)]. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Abashevo cultural-historical entity: origins, development, heritage: materials of scientific conference]. V. S. Bochkarev, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, pp. 80–83.
- Korenevskiy S. N., 2013. Ponyatiya «tsivilizatsiya», «prototsivilizatsiya» v primeneniі k arkheologii eneolita i nachala bronzovogo veka Perednego Vostoka, Kavkaza i yuga Vostochnoy Evropy V–III tys. do n. e. [Concepts of civilization and protocivilization applied to archaeology of Eneolithic and Early Bronze Age of Near East, Caucasus and South of Eastern Europe in V–III mill. BC]. *Tsivilizatsionnye tsentry i pervobytnaya periferiya v epokhu rannego metalla: modeli v zaimodeystviya: tezisy dokladov kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati N. Ya. Merperta* [Civilization centers and primitive periphery in early metal period: models of interaction: abstracts of Round table in memory of N. Ya. Merpert]. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 21–23.
- Malov N. M., 1994. Kul'turnye tipy pamyatnikov srubnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti (kontseptual'nye osnovy) [Cultural types of sites of Timber-grave cultural-historical unity (concept base)]. *Srubnaya kul'turno-istoricheskaya oblast': materialy III Rykovskikh chteniy* [Timber-grave cultural-historical unity: materials of III Rykov readings]. N. M. Malov, ed. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 8–13.
- Markovin V. I., 1994. Severokavkazskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' [North-Caucasian cultural-historical unity]. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [Bronze Age epoch in Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Ages of Caucasus]. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 254–286.
- Masson V. M., 1989. Pervye tsivilizatsii [First civilizations]. Moscow: Nauka. 268 p.
- Mel'nik V. I., 2000. Problema smeny kul'tur epokhi bronzy vostochnoevropeyskoy stepi i lesostepi [Problem of change of Bronze Age cultures in East European steppe and forest-steppe]. *Srubnaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v sisteme drevnostey epokhi bronzy evraziyskoy stepi i lesostepi: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Timber-grave cultural-historical unity in system of Bronze Age antiquities in Eurasian steppe and forest-steppe: materials of scientific conference]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 33–34.
- Mel'nik V. I., 2004. Razvitie kul'tury i klimaticheskie ekstremumy na yuge Vostochnoy Evropy v epokhu bronzy [Evolution of culture and climatic extremes in South of Eastern Europe in Bronze Age]. *Evrasiya: etnokul'turnoe vzaimodeystvie i istoricheskije sud'by: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii* [Eurasia: ethno-cultural interaction and historical paths: abstracts]. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, pp. 120–122.
- Mel'nik V. I., 2009. Migratsionnye protsessy na Blizhnem Vostoke i ikh svyaz' s aridizatsiey klimata v III–II tys. do n. e. [Migration processes in Near East and their relation with aridization of climate in III–II mill. BC]. *KSIA*, 223, pp. 19–31.
- Mimokhod R. A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-Zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Lola culture. North-Western Caspian zone on threshold of Middle and Late Bronze Ages: Ph. D. thesis]. Moscow: IA RAN. 27 p.
- Munchaev R. M., 1994. Maikopskaya kul'tura [Maikop culture]. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [Bronze Age epoch in Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Ages of Caucasus]. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 158–225.
- Prusakov D. B., 1999. Priroda i chelovek v Drevnem Egipte [Nature and man in Ancient Egypt]. Moscow: Moskovskiy litsey. 240 p.
- Renfrew C., 1972. The Emergence of Civilization: The Cyclades and Aegean in the Third Mill BC. London, 634 p.
- Safronov A. V., 2009. «Narody morya» i Blizhniy Vostok: etnopoliticheskie protsessy v kontse XIII – nachale XII v. do n. e. [«Sea peoples» and Near East: ethno-political processes in late XIII – early XII c. BC]. *KSIA*, 223, pp. 31–47.
- Stenley J.-D., Crom M. D., Cliff R. A., Woodward J. C., 2003. Short Contribution: Nile Flow Failure at the End of the Old Kingdom, Egypt: Strontium Isotopic and Petrologic Evidence. *Geoarchaeology*, vol. 18, no. 3, pp. 395–402.

- Tairov A. D., 2003. Izmenenie klimata stepey i lesostepey Tsentral'noy Evrazii vo II–I tys. do n. e.: Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam [Changes of climate of steppes and forest-steppes in Central Eurasia in II–I mill. BC: Materials for historic reconstruction]. Chelyabinsk: Rifei. 68 p.
- Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamia Civilization. *Science*, 261, pp. 995–1004.
- Zbenovich V. G., 1974. Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ya [Late Tripolie tribes of North Pontic zone]. Kiev: Naukova dumka. 176 p.

About the author:

Melnik Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: melvaler@yandex.ru.

И. В. Рукавишникова, В. В. Мокробородов, А. Н. Горин, А. А. Гладченков

ГАЗКАЛА – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЦИВИЛИЗАЦИИ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА*

Резюме. В статье дается первичный анализ памятнику эпохи поздней бронзы – Газкала, выявленному в результате разведок Бактрийского отряда ИА РАН в 2013 г. Раскопками зафиксированы остатки каменного сооружения, расположенного на естественных скальных выходах и на подсыпке. Строение и его периферия располагались на скале перед входом в ущелье, над дорогой в Музрабатскую степь, где находятся такие протогородские образования, как Саппалитепа и Джаркутан, в среднем течении небольшой реки, в низовьях которой располагались упомянутые памятники. Керамический комплекс памятника включает в себя в основном высококачественную станковую керамику, аналогичную керамическим комплексам сапаллинской культуры Южного Узбекистана, включенной исследователями в БМАК. Ряд вторичных признаков свидетельствует о возможности ее местного производства. Найденные кремневые наконечники стрел (в том числе и в помещении) и следы мощного прокала верхних слоев косвенно указывают на гибель памятника от пожара в результате нападения.

Ключевые слова: Газкала, памятники эпохи поздней бронзы, Пашхурдская котловина, каменная архитектура, станковая керамика, БМАК.

Одним из археологических признаков древней цивилизации является нахождение определенного комплекса материальных свидетельств в различных регионах ее ареала, в том числе в отдалении от известных центров. Этими признаками являются, к примеру, архитектурные останки и единый по качеству керамический комплекс. Данные следы даже на периферии цивилизации говорят о широте ее распространения, значимости и единстве в прошлом.

Наша статья посвящена открытию и первым исследованиям ранее неизвестного памятника круга БМАК¹ в Пашхурдской котловине (юг современного

* Статья сдана в апреле 2015 г.

¹ Открытая советскими археологами во второй половине XX в. цивилизация Бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК), в работах западных исследователей часто называемая цивилизацией Окса, была зафиксирована на крупных поселениях

Узбекистана). Эта котловина является в некотором роде изолированной зоной в восточных предгорьях Кугитангтау (цв. рис. 1: с. 413) – богатой минералами горной системы с небольшими долинами с тальым орошением. Кугитанг разделяет зону с такими памятниками эпохи поздней бронзы, как Сапалли, Джаркутан, Молали (*Аскарлов, 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983*), а также объектами с близким материалом на территории современного Таджикистана (*Виноградова и др., 2008; Kaniuth et al., 2006*), от расположенной западнее территории распространения классических памятников БМАК – Тоголок, Гонур и др. (*Сарианиди, 2005*, и др.). К югу от котловины находится Амударья, разделяющая Древнюю Бактрию. В южной части последней, к юго-востоку от Пашхурдской котловины, В. И. Сарианиди также был исследован ряд памятников БМАК – Дашлы и др. (*Сарианиди, 1977* и др. работы).

Первые исследования в районе центрального современного населенного пункта котловины – кишлака Пашхурд – были осуществлены в конце 1960-х – начале 1970-х гг. археологом Э. В. Ртвеладзе (Узбекистанская искусствоведческая экспедиция, обзор см.: *Ртвеладзе, 2013*). Был открыт ряд археологических объектов, в том числе крупный памятник, содержащий слои середины I тыс. до н. э. – Дабилькурбан (*Ртвеладзе, Хакимов, 1973. С. 16–17*) и несколько средневековых памятников, в том числе и в кишлаке Газ (*Аршавская и др., 1982. С. 117, 133–134*).

Полномасштабные разведки котловины начаты в начале 2000-х гг. сотрудниками Тохаристанской археологической экспедиции (ТАЭ) и экспедиции Музея Востока (Москва, Россия) под общим руководством Э. В. Ртвеладзе. Было найдено поселение культуры БМАК Тиллябулак, местонахождение керамики эпохи поздней бронзы в кишлаке Пашхурд, средневековые остатки медных рудников близ Кампыртепа и другие памятники (*Болелов, 2004; Мкртычев и др., 2005; Мокрородов, 2006; Болелов, Ильясов, 2006; 2007*). Тиллябулак исследовался археологами из Мюнхенского университета (Германия) в сотрудничестве с ТАЭ и Термезским университетом (*Болелов, 2009; Каниут и др., 2009; Kaniuth et al., 2009; Kaniuth, 2010; 2011; Каниут, 2012; Каниут, Курмангалиева, 2012*). Авторами раскопок памятник датирован сапаллинским временем – ранним этапом БМАК.

Группа Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции РАН вела разведки в Пашхурдской котловине в 2013–2014 гг. (*Двуреченская и др., 2014*). В результате данных работ были открыты и обследованы 15 памятников. Для поселений и могильников разных эпох определены закономерности их типов и месторасположения: высоты с глинистыми обнажениями, тепа, склоны гор. Установлено, что исследуемая зона отличается большим количеством разновременных памятников (зачастую «стерильных» археологических объектов) приемлемой степени сохранности из-за незначительного сельскохозяйственного освоения земель.

и храмовых комплексах сырцово-архитектуры оазисов Туркмении, Южного Узбекистана, Северного Афганистана и Таджикистана. Датировается БМАК концом III – первой половиной II тыс. до н. э. (*Сарианиди, 1977; 2005; Аскарлов, 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Аванесова, 2013; Виноградова и др., 2008; Lamberg-Karlovsky, 2003; Hiebert, 1994; Francfort, 2009*).

Важный результат принесло обследование небольшого кишлака Газ, расположенного в 6 км к югу от Пашхурда – в месте прохода Дабиль-Уланбулакская по узкой теснине через горы Карачагыл из Пашхурдской котловины в Музрабадскую степь (цв. рис. 1). Нам было известно, что археологом Ш. Б. Шайдуллаевым в кишлаке Газ была найдена каменная ступка со знаками, датированная им эпохой поздней бронзы (*Шайдуллаев, 2007*). Вероятно, на данном основании группой, изучающей Тиллябулак, на территории кишлака Газ был обозначен памятник бронзового века (*Kaniuth, 2010*. P. 154). В ходе наших разведок к северу от кишлака Газ в местности Чакмоктош² был обнаружен археологический объект, получивший название Газкала (рис. 2). Координаты по GPS: 37°37'45.4"N; 66°44'50"E.

Газкала представляет собой вытянутую вдоль Дабильсая (центрального водного источника котловины) группу из двух возвышенностей с седловиной, обрывистую с северо-восточной стороны и относительно пологую с прочих сторон, слегка задернованную. Размеры объекта 60 × 130 м, высота до 50 м. Кроме того, на прилегающих территориях, занятых памятником позднекушанского времени Газтепа, большим поселением развитого Средневековья Кирккыз-Ата, современными домами и полями, в ходе разведок фиксировались материалы, близкие происходящим с центральной части нашего объекта, с их наибольшей концентрацией на полях и адырах к востоку от последней, вплоть до сая (250–300 м).

Подъемная керамика с объекта была датирована эпохой поздней бронзы (см.: *Двуреченская и др., 2014* и далее по данному тексту).

На северной возвышенности были обнаружены остатки квадратного каменного периметра, выделяющегося среди скальных выходов (рис. 3). Примерные размеры выявленного сооружения составляли 17 × 15 м, причем северо-восточная часть не выражена, так как там расположены самые высокие выходы скальных пород над скосом. Прямоугольник периметра, частично фиксируемый отдельными камнями, частично выходами скальника, но выявляющими единое направление, ориентирован углами по сторонам света. Внутри помещения, вдоль линии предполагаемой стены, отмечены провалы грунта, связанные с норами животных, в которых видно обнажение ряда камней кладки и фрагменты глиняной обмазки.

В результате анализа радарограмм георадарного исследования, проведенного разработчиком георадара «Лоза» к. ф. н. П. А. Морозовым во время обследования Газкалы в 2014 г., были сделаны выводы о толщине заполнения внутри «прямоугольника» помещения, а также о наличии искусственного террасирования склона скалы.

Таким образом, по результатам предварительных обследований, Газкала характеризуется как сравнительно небольшой поселенческий объект, террасированный, содержащий, в том числе, и остатки каменных строений, относящийся к позднему этапу бронзового века Средней Азии. Нахождение рядом с нашим объектом таких памятников, как Тиллябулак и Аррабулак, также разведочно

² Местное название, в переводе означает «кресало».

обследованных отрядом, привело к следующему предварительному выводу: Пашхурдская котловина – изолированная периферийная территория в ареале БМАК с весьма перспективными для исследования объектами, обладающими к тому же рядом своеобразных признаков³. Ввиду этого было принято решение о стационарных исследованиях Газкалы, которые и были начаты авторами осенью 2014 г.

Раскопки велись внутри предполагаемого каменного помещения и вдоль пологого западного склона. Всего было вскрыто порядка 35 м² памятника. Для изучения стратиграфии была заложена исследовательская траншея, захватывающая при расчистке западный угол помещения и идущая по склону вплоть до верхней террасы (рис. 3). Так, траншея захватывала и внутренний слой помещения примерно на площади 2 м², ее крайняя граница – граница шурфа 1, разбитого на углу помещения. В результате зачистки этого угла были выявлены остатки фундамента стены, состоящей в плане из двух рядов рваных камней и забутовки между ними, выложенных на подсыпку и заходящих на скальный фундамент (рис. 3). Внутри помещения в квадрате был вскрыт надувной слой на площади приблизительно 1 × 2 м, толщиной до 15 см. Дно не было выявлено.

В помещении зафиксировано некоторое количество малопоказательной керамики. Снаружи помещения под стеной был найден более разнообразный материал: ножка от вазы, каменные орудия со сработанными поверхностями. Под юго-западным углом помещения был найден целый станковый кубок (рис. 4, 1) и часть сероглиняного кубка с дном.

Угол помещения нависал над скалой, расчищенной в первых квадратах траншеи. Ниже помещения (по склону) зафиксировано наличие культурного слоя с многочисленными фрагментами станковой керамики (в том числе и чаш) и костей животных, в основном барана⁴. Судя по профилю вскрытого в траншее заполнения, культурный слой несколько сполз от верхних квадратов А и В по склону вниз, поэтому толщина его варьирует от 15–20 до 40 см в квадратах F, G и H, на которые приходится выявленная георадаром первая терраса. Количество и разнообразие керамики увеличивается в нижних квадратах. В районе первой террасы склона раскопками затронут очаг (зольный слой, перекрывающий незначительный прокол) (рис. 3, А). Судя по характеру зольника, не исключено, что это периферия зольных образований – к примеру, выброс золы из очага или печи.

Рядом с траншеей на уровне первой террасы фиксируется задернованный слой кладки, параллельный северо-западной стене помещения. В самом помещении была сделана зачистка северо-восточной стены в месте обнажения кладки из-за провала норы. В результате была выявлена кладка из четырех рядов рваного камня (рис. 3, В). Площадь шурфа зачистки составила 2 м², глубина до 60 см. В слое были зафиксированы следы прокала и сильно кальцинированные кости животных. Весь слой насыщен фрагментами глиняной обмазки и крупными формами станковой керамики, в том числе и со следами вторичного обжига.

³ Так, на синхронных памятниках Южного Узбекистана и Туркменистана каменной архитектуры выявлено не было.

⁴ Определение костного материала выполнено к. б. н. С. О. Двуреченской.

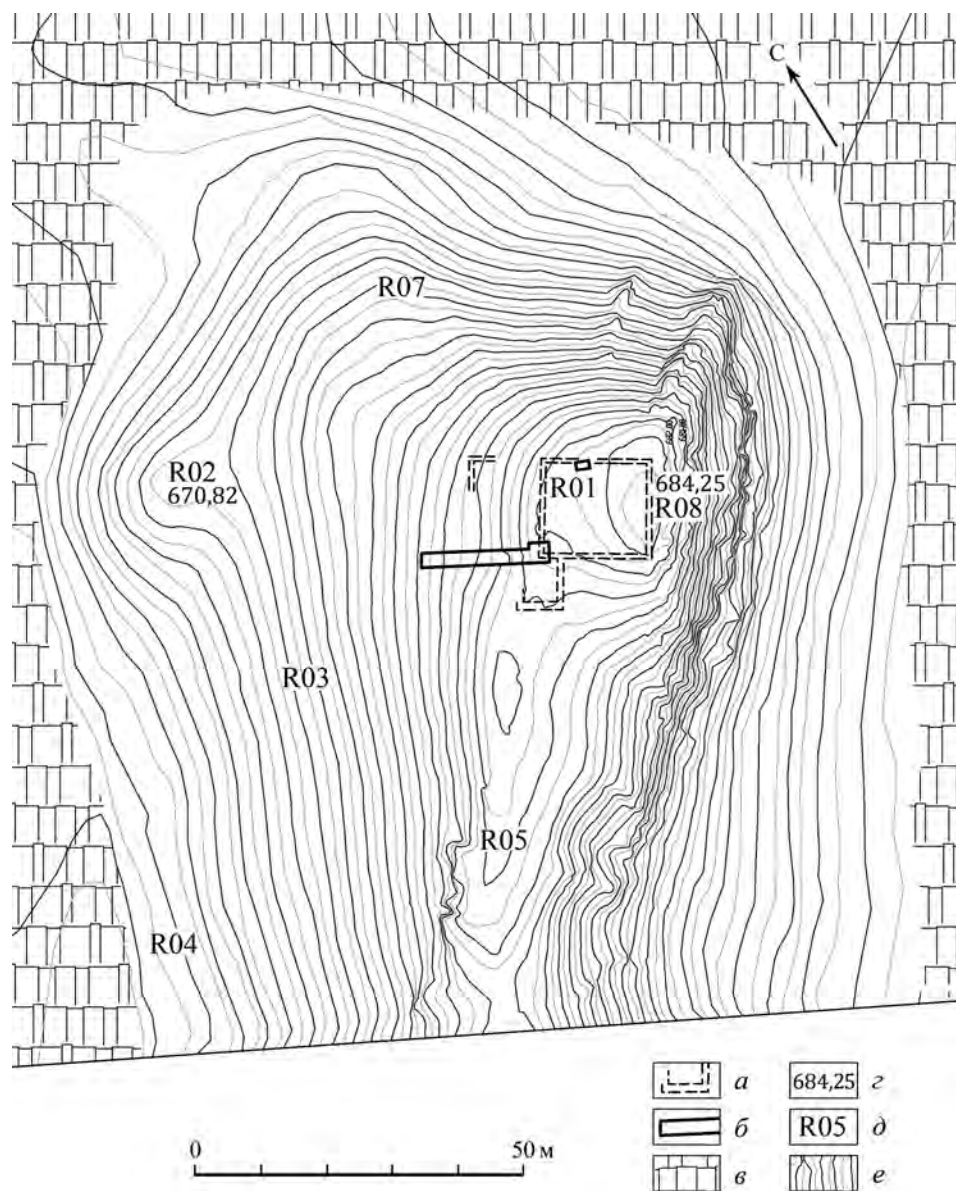

Рис. 2А. Газкала. Топоплан памятника

Условные обозначения: *a* – границы каменной кладки; *b* – границы траншеи и шурфа; *v* – пашня; *z* – нивелировочные отметки; *d* – реперные точки; *e* – шаг горизонталей 50 см

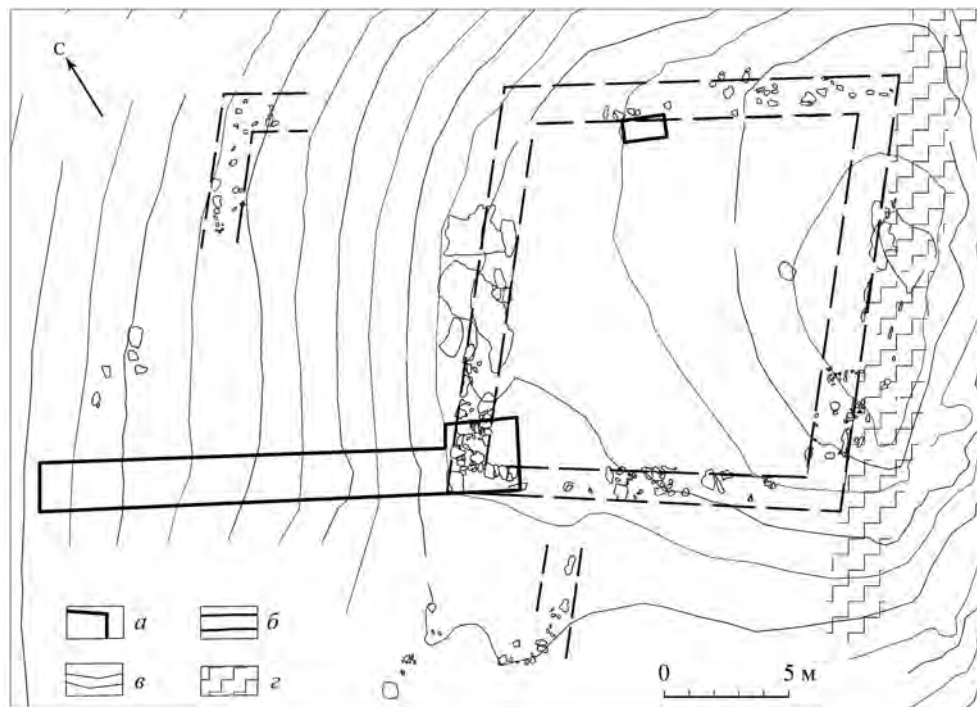

Рис. 2Б. Газкала. План памятника

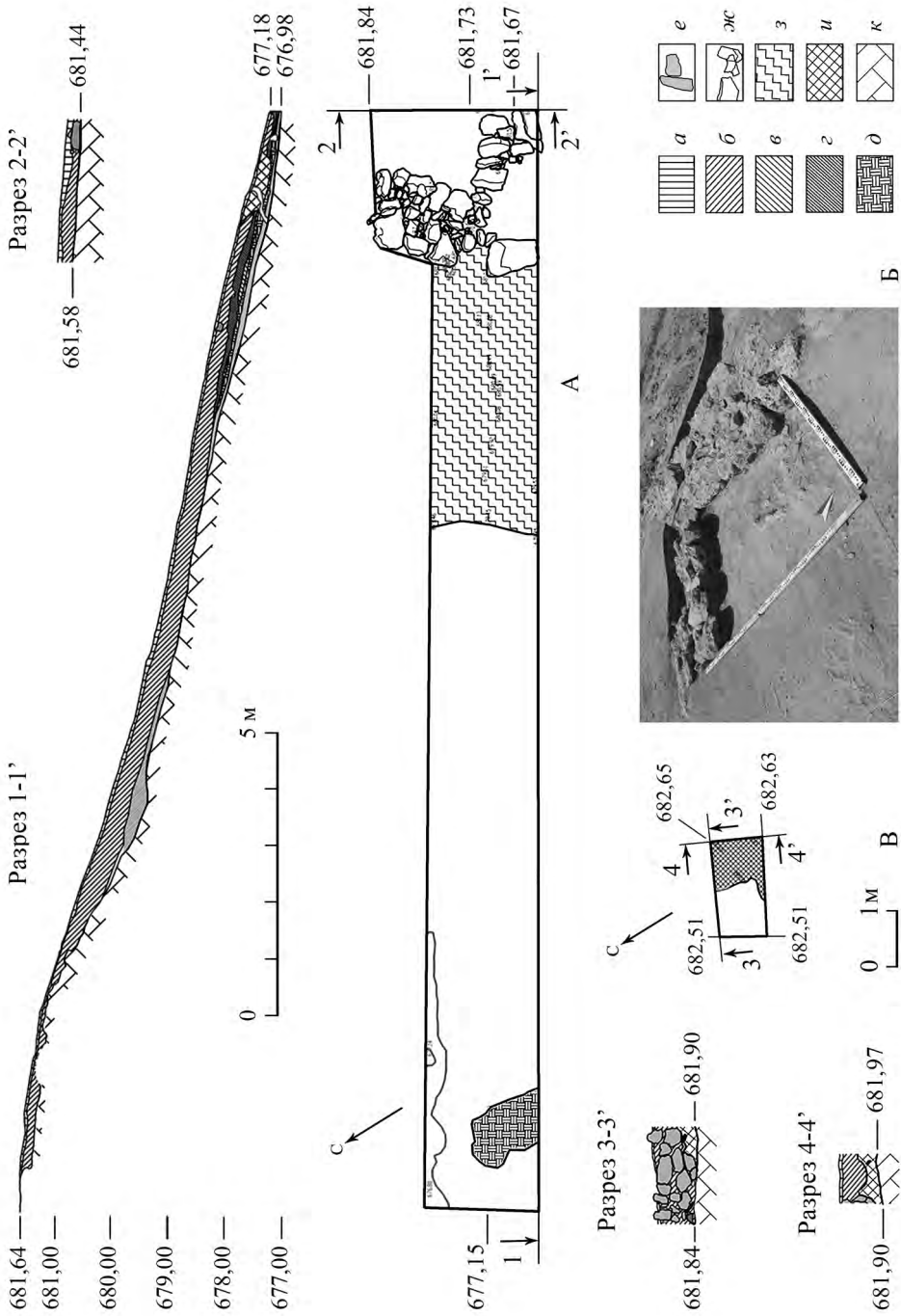
Условные обозначения: *a* – границы траншеи и шурфа; *b* – границы каменной кладки; *v* – шаг горизонталей 50 см; *z* – выход скальных пород на поверхность

Фрагменты глиняной обмазки отличаются выделенным краем, т. е. это части какого-то сооружения или печи. Слой был выбран до плотного уровня, возможно пола, на котором был найден кремневый наконечник стрелы (рис. 4, 5).

Керамический комплекс Газкалы в свете первых исследований может быть представлен следующим образом⁵. По основным характеристикам керамика памятника представляет собой единый комплекс, за исключением встречающихся в подъемке с прилегающих территорий отдельных глазурованных фрагментов, видимо, происходящих с периферии соседних памятников. Отметим, что материал из помещения отличается преобладанием крупных и средних профильных форм.

Всего из раскопа происходит 533 керамических фрагментов, в том числе 142 археологические формы. Из них 505 станковых фрагментов (95 % от общего числа), 28 (5 %) лепных; таким образом, абсолютно преобладает керамика, изготовленная на гончарном круге, а лепная представлена немногочисленными фрагментами кухонной посуды.

⁵ Рисунки керамики не переданы из Института Искусствознания АН Узбекистана.

Выделены следующие основные станковые формы: вазы с резервуаром преимущественно открытой формы, нередко с оформленной, иногда притонченной закраиной, с характерными ножками и поддонами; чашевидные кубки (рис. 4, 1, 2); горшки как с узкой, слабо выделенной горловиной, иногда со слегка отогнутой закраиной, так и с более четко акцентированной горловиной и фигурным профилем венчика. В комплексе встречаются фрагменты сосудов цилиндрико-конической формы с подчеркнутым местом перехода от цилиндра к конусу, донца сосудов плоские.

В целом станковая керамика объекта отличается высоким качеством. Все черепки плотные, из тщательно отмученной глины, отличаются хорошим обжигом. В декоративном плане нередко ангобирование с преобладанием ангобов светлых (белого и желтоватого) и красных либо красно-коричневых тонов, кроме того, применялось высветление до белого и бежевого цветов, отмечено и лощение. На одном фрагменте выявлены остатки прочерченного по сырой глине волнистого орнамента. В комплексе присутствует сероглиняная керамика (3,8% от общего числа).

Керамика с подобными характеристиками известна на памятниках ранних этапов БМАК юга Узбекистана (*Аскарлов, 1977. С. 62–68, 79–83. Рис. 32 и сл.; Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С. 16–21; Рахманов, 1987. С. 9–14*), в том числе с Тиллябулака (*Kaniuth et al., 2009. Abb. 13, 14*), а также имеет аналогии в комплексах иных памятников БМАК (см., напр.: *Кожин, 2008, и др.*). Делать выводы о локальных различиях керамического материала Газкалы и других памятников Пашхурдской котловины на данный момент преждевременно.

Из прочих находок можно выделить два кремневых наконечника стрел (рис. 4, 4), фрагменты каменных орудий (оселков, зернотерок, сработанных галек), известковое пряслице со следами воздействия высокой температуры (рис. 4, 5).

На памятниках Таджикистана, таких как Кангурттут, Дахана и Тегузак, Барак-Курук и Каримберды (*Виноградова и др., 2008; Пьянкова, 1993; 1994; Байматова, 2008. С. 388–390*) выявлено использование камня для фундаментов террасных домов. Интересно, что углы домов, так же как и на Газкале, сориентированы по сторонам света. В описании конструкции жилища «усадебного типа» на поселении Кунгурттут (*Виноградова и др., 2008. С. 205. Рис. 5, 6. С. 406, 407*) указывается, что каменным был фундамент, ширина стен достигала от 1,2–1,8 м (толстые стены) до 0,6–1,2 м (тонкие). Ряды необработанных камней клались или всухую или на глине, узкими краями внутрь. Высота в один или несколько слоев кладки (от 40 см до 1,7 м). Стены были глинобитными, укладывались в виде ленточных слоев. Крыша покрывалась камышовой циновкой (*Байматова, 2008. С. 407*).

Рис. 3. Газкала

А – план помещения и раскопа с траншеей; Б – вид на угол помещения; В – план и профиль шурфа зачистки.

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – супесь 1; в – супесь 2; г – супесь с большим содержанием глины; д – зольно-угольный слой в разрезе; е – камни в разрезе; жс – камни в плане; з – выход скальных материковых пород в плане; и – заполнение ямы в плане; к – материк в разрезе; 1–1' – номера разрезов

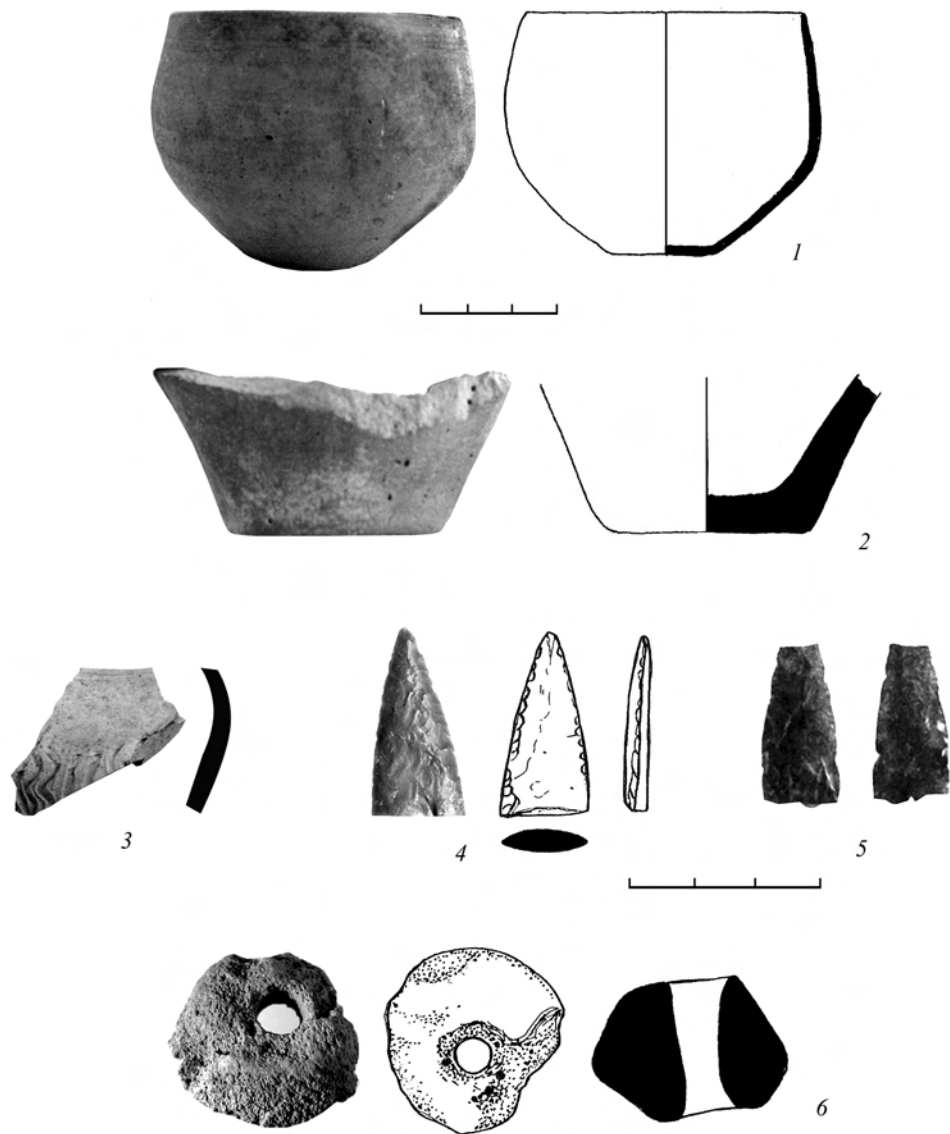

Рис. 4. Газкала. Находки

1 – керамический кубок; 2 – дно керамического кубка; 3 – фрагмент сосуда с рельефом; 4, 5 – наконечник стрелы кремневый; 6 – пряслице известняковое

В ходе наших исследований нам не удалось зафиксировать остатки глинобитных сооружений⁶. Ситуацию, вероятно, разъяснят последующие раскопки

⁶ Возможно, что фрагменты глиняной обмазки с отпечатками тростника – это остатки кровли.

на памятнике, но на георадарных разрезах пока зафиксированы лишь фундаменты построек.

Поселения Таджикистана синхронны более позднему т. н. джаркутанскому этапу БМАК⁷. Тем не менее не исключено, что в выше приведенном сравнении прослеживается близость традиции, а также, возможно, и вектор расселения носителей культуры БМАК, где в горных районах они используют каменную террасную архитектуру, в отличие от глинобитных построек земледельцев равнин.

Таким образом, в ходе работ 2013–2014 гг. был выявлен и первично изучен памятник позднебронзового века (раннего (т. н. сапаллинского) этапа БМАК), на котором зафиксирована каменная архитектура, следы хозяйственной деятельности, возможно – производства. Предположительно памятник погиб от пожара во время шторма, как и Тиллябулак (*Kaniuth*, 2011. Р. 22).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать предварительный вывод о широком проникновении носителей культуры БМАК на территорию Пахшурдской котловины, которая является посреднической между территорией Маргианского центра БМАК, известного такими памятниками, как Гонур и Тоголок, и равнинными памятниками Южного Узбекистана (Сапаллитепа и Джаркутан). Упомянутые объекты обладали такими признаками развитой цивилизации, как укрепленные поселения и храмовые комплексы, прекрасного качества гончарное производство и металлургия, искусство и торговля. Памятники Пахшурдской котловины этого времени включают в себя комплексы керамики, сообразной (как по качеству, так и по формам) широкой традиции «Цивилизации Окса». Будучи, по сути, периферийными объектами, эти памятники оставлены людьми культуры ареала БМАК, осуществлявшими торговые и посреднические связи между регионами обширной территории. Отметим, что исследованная территория в ареале древней цивилизации может быть местоположением медной сырьевой базы и поселений, связанных с ней, так как благодаря разведкам, о которых упоминалось выше, в котловине известны рудники более поздних исторических периодов.

В настоящий момент Газкала является единственным известным памятником бронзового века данной зоны с каменными сооружениями. Необходимо доследовать этот объект, так как его хронологическая и культурная принадлежность все же неоднозначна. Этот памятник может совмещать в себе ряд функций, представляя собой, например, постройку сакрального характера. Он может быть и неким форпостом близлежащего поселения (которое может находиться под современным кишлаком), так как расположен на скале, доминирующей над дорогой, которая и в те далекие времена пролегла в наиболее удобном и единственно возможном для нее месте – через ущелье.

⁷ О датировке поселения Кунгуртут авторы монографии пишут, сравнивая материалы с новейшими датированиями слоев Джаркутана (*Виноградова и др.*, 2008. С. 227), приводя мнение Массона о «эффекте культурного запаздывания», и относят его к середине – второй половине II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А.*, 2013. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ. 640 с.
- Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.*, 1982. Средневековые поселения Сурхандарьи. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 152 с.
- Аскарлов А.*, 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан. 232 с.
- Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н.*, 1983. Джаркутан. (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент: Фан. 120 с.
- Байматова Н.*, 2008. Северная Бактрия: архитектура поселения Кангурттут // *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филлимонова Т. Г.* Памятники Кунгурт- тута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М.: ИВ РАН. С. 388–411.
- Болелов С. Б.*, 2004. Работы Тохаристанской археологической экспедиции в Северной Бактрии (Республика Узбекистан) // АО 2003 года. М.: Наука. С. 500–502.
- Болелов С. Б.*, 2009. Тиллябулак – новое поселение эпохи бронзы в предгорьях Юго-Западного Гиссара // АО 2006 года. М.: Наука. С. 685–688.
- Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2006. Археологические исследования в Пашхурдской котловине // АИУ 2004–2005 гг. Ташкент: Фан. С. 89–94.
- Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2007. Исследования Государственного музея Востока в Пашхурдской котловине // АО 2005 года. М.: Наука. С. 534–537.
- Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филлимонова Т. Г.*, 2008. Памятники Кунгурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М.: ИВ РАН. 472 с.
- Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., Мокробродов В. В., Рукавишников И. В., Рукавишников Д. В.*, 2014. Маршрутные исследования на юге Узбекистана в 2013 г. // КСИА. Вып. 236. С. 69–81.
- Каниут К.*, 2012. Раскопки на поселении Тилла Булак в 2008 г. // АИУ 2008–2009 гг. Самарканд: б. и. С. 87–91.
- Каниут К., Курмангалиева А.*, 2012. Раскопки поселения Тилла Булак в 2009 г. (3-я исследовательская кампания) // АИУ 2008–2009 гг. Самарканд: б. и. С. 92–100.
- Каниут К., Тойфер М., Ильясов Дж. Я., Шайдуллаев Ш. Б.*, 2009. Раскопки поселения эпохи бронзы Тилля-булак в 2007 году // АИУ 2006–2007 гг. Ташкент: Фан. С. 136–141.
- Кожин П. М.*, 2008. Керамика Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. В. И. Сариниди и др. М.: Старый сад. Т. 2. С. 180–195.
- Мкртычев Т. К., Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.*, 2005. Исследования на юге Узбекистана // АО 2004 года. М.: Наука. С. 524–528.
- Мокробродов В. В.*, 2006. Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // АИУ 2004–2005 гг. Ташкент: Фан. С. 160–164.
- Пьянкова Л. Т.*, 1993. Отчет о работах Вахшского археологического отряда в 1984 г. // АРТ. Душанбе: Дониш. Вып. 24: (1984 г.). С. 227–241.
- Пьянкова Л. Т.*, 1994. Работы Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985 г.) // АРТ. Душанбе: Дониш. Вып. 25: (1985 г.). С. 151–161.
- Рахманов У. В.*, 1987. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд. 18 с.
- Ртвеладзе Э. В.*, 2013. Историко-географический и археологический обзор Пашхурдской долины // Материалы Тохаристанской археологической экспедиции / Ред. Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. Вып. 9: Поселение Дабилькуртан в Северной Бактрии. С. 5–31.
- Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.*, 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. С. 10–34.
- Рукавишников И. В., Мокробродов В. В.*, 2014. Газкала – новый памятник БМАК в Пашхурдской котловине, древнейшей протогородской цивилизации Средней Азии // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам): Тез. докл. Всероссийской науч. конф. М.: ИА РАН. С. 57–60.
- Сариниди В. И.*, 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука. 177 с.
- Сариниди В. И.*, 2005. Гонурдепе. Ашхабад: Miras. 327 с.
- Шайдуллаев Ш. Б.*, 2007. Ўзбекистон худудиди давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (Бактрия мисолида) [Рукопись]: Дисс. ... докт. ист. наук. На правах рукописи. Самарканд. 290 с.

- Francfort H.-P.*, 2009. L'âge du bronze en Asie centrale. La civilisation de l'Oxus // *Anthropology of the Middle East*. Vol. 4. No. 1. P. 91–111.
- Hiebert F. T.*, 1994. *Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia*. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. 132 p.
- Kaniuth K.*, 2010. Tilla Bulak 2009 – Vorbericht zur dritten Kampagne // AMIT. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH. Bd. 42. S. 129–163.
- Kaniuth K.*, 2011. Tilla Bulak 2010 – Vorbericht über die vierte Grabungskampagne // AMIT. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH. Bd. 43. S. 1–22.
- Kaniuth K., Teufer M., Iljasov J.*, 2009. Tilla Bulak 2007 – Vorbericht zur ersten Kampagne // AMIT. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH. Bd. 39 (2007). S. 31–47.
- Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N.*, 2006. Neue bronzezeitliche Funde aus Südwest-Tadzhikistan // AMIT. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH. Bd. 38 (2006). S. 81–102.
- Lamberg-Karlovsky C. C.*, 2003. Civilization, State, or Tribes? Bactria and Margiana in the Bronze Age // *Review of Archaeology*. 24. P. 11–19.

Сведения об авторах.

Рукавишникова Ирина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Мокробородов Виктор Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mokroborodov@yahoo.com;

Горин Алексей Н., Институт искусствознания АН Узбекистана, Мустакиллик майдони, 2, Ташкент, 100029, Узбекистан; e-mail: al_gorin@mail.ru;

Гладченков Александр Андреевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, Россия; e-mail: nolger2@yandex.ru.

I. V. Rukavishnikova, V. V. Mokroborodov,
A. N. Gorin, A. A. Gladchenkov

Gazkala: A new site of the earliest civilization of
the Bactria–Margiana archaeological complex (BMAC) in Central Asia

Abstract. The paper provides primary analysis data on a Bronze Age site called Gazkala uncovered during the field reconnaissance conducted by the Bactrian Unit of the Institute of Archaeology, RAS in 2013. The excavations recorded remains of a stone construction located on the natural outcrop and the bedding. The construction and its periphery were positioned on the rock in front of the entry to a gorge above the road to the Muzrabat Steppe where proto-urban centers of Sapallitepa and Jarkutan were located. The ceramic assemblage of the site includes mostly high quality ceramics made with the use of a turntable, stylistically similar to ceramic assemblages of the Sapalli culture in Southern Uzbekistan, which scholars attribute to the BMAC. A number of secondary attributes suggest its local production. Flint arrow points (including those found inside the construction) and traces of high temperature baking of the upper layers imply that the site was destroyed by fire as a result of attack.

Keywords: Gazkala, Bronze Age sites, Pashkhurd Depression, stone architecture, ceramics made with the use of the turntable, BMAC.

REFERECES

- Arshavskaya Z. A., Rtveldzhe E. V., Khakimov Z. A., 1982. Srednevekovye poseleniya Surkhandar'ya [Medieval settlements of Surkhandar'ya]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva. 152 p.
- Askarov A., 1977. Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana [Bronze Age early farming culture in South of Uzbekistan]. Tashkent: Fan. 232 p.
- Askarov A. A., Abdullaev B. N., 1983. Dzharkutan. (K probleme protogorodskoy tsivilizatsii na yuge Uzbekistana) [Dzharkutan. (On problem of protourban civilization in South of Uzbekistan)]. Tashkent: Fan. 120 p.
- Avanesova N. A., 2013. Buston VI – nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoy Baktrii [Buston VI – necropolis of fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy. 640 p.
- Baymatova N., 2008. Severnaya Baktriya: arkhitektura poseleniya Kangurtut [North Bactria: architecture of Kangurtut settlement]. *Vinogradova N. M., Ranov V. A., Filimonova T. G. Pamyatniki Kangurtuta v Yugo-zapadnom Tadzhikistane (epokha neolita i bronzovogo veka) [Sites of Kangurtut in South-Western Tajikistan (Neolithic and Bronze Age epoch)]*. Moscow: IV RAN, pp. 388–411.
- Bolelov S. B., 2004. Raboty Tokharistanskoj arkhologicheskoy ekspeditsii v Severnoy Baktrii (Respublika Uzbekistan) [Activities of Tokharistan archaeological expedition in North Bactria (Republic of Uzbekistan)]. *AO 2003*. Moscow: Nauka, pp. 500–502.
- Bolelov S. B., 2009. Tillyabulak – novoe poselenie epokhi bronzy v predgor'yakh yugo-zapadnogo Gissara [Tillyabulak – new settlement of Bronze Age in South-Western Hissar piedmonts]. *AO 2006*. Moscow: Nauka, pp. 685–688.
- Bolelov S. B., Il'yasov Dzh. Ya., 2006. Arkheologicheskie issledovaniya v Pashkhurdskoy kotlovine [Archaeological researches in Pashkhurd depression]. *AIU 2004–2005*, pp. 89–94.
- Bolelov S. B., Il'yasov Dzh. Ya., 2007. Issledovaniya Gosudarstvennogo muzeya Vostoka v Pashkhurdskoy kotlovine [Investigations of State museum of Orient in Pashkhurd depression]. *AO 2005*. Moscow: Nauka, pp. 534–537.
- Dvurechenskaya N. D., Dvurechenskiy O. V., Mokrobodov V. V., Rukavishnikova I. V., Rukavishnikov D. V., 2014. Marshrutnye issledovaniya na yuge Uzbekistana v 2013 g. [Route surveys in South Uzbekistan in 2013]. *KSIA*, 236, pp. 69–81.
- Francfort H.-P., 2009. L'âge du bronze en Asie centrale. La civilisation de l'Oxus. *Anthropology of the Middle East*, vol. 4, no. 1, pp. 91–111.
- Hiebert F. T., 1994. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. 132 p.
- Kaniuth K., 2010. Tilla Bulak 2009 – Vorbericht zur dritten Kampagne. *AMIT*, 42. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 129–163.
- Kaniuth K., 2011. Tilla Bulak 2010 – Vorbericht uber die vierte Grabungskampagne. *AMIT*, 43. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 1–22.
- Kaniut K., 2012. Raskopki na poselenii Tilla Bulak v 2008 g. [Excavations at settlement Tilla Bulak in 2008]. *AIU 2008–2009*, pp. 87–91.
- Kaniut K., Kurmangalieva A., 2012. Raskopki poseleniya Tilla Bulak v 2009 g. (3-ya issledovatel'skaya kompaniya) [Excavations at settlement Tilla Bulak in 2009 (3rd investigation campaign)]. *AIU 2008–2009*, pp. 92–100.
- Kaniuth K., Teufer M., Iljasov J., 2009. Tilla Bulak 2007 – Vorbericht zur ersten Kampagne. *AMIT*, 39. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 31–47.
- Kaniut K., Toyfer M., Il'yasov Dzh. Ya., Shaydullaev Sh. B., 2009. Raskopki poseleniya epokhi bronzy Tillya-bulak v 2007 godu [Excavations at Bronze Age settlement Tilla Bulak in 2007]. *AIU 2006–2007*, pp. 136–141.
- Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N., 2006. Neue bronzzeitliche Funde aus Südwest-Tadzhikistan. *AMIT*, 38. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 81–102.
- Kozhin P. M., 2008. Keramika Gonur-Depe [Pottery of Gonur-Depe]. *Trudy Margianskoj arkhologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Margiana archaeological expedition]*, 2. V. I. Sarianidi, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 180–195.
- Lamberg-Karlovsky C. C., 2003. Civilization, State, or Tribes? Bactria and Margiana in the Bronze Age. *Review of Archaeology*, 24, pp. 11–19.

- Mkrtychev T. K., Bolelov S. B., Il'yasov Dzh. Ya., 2005. Issledovaniya na yuge Uzbekistana [Investigations in South of Uzbekistan]. *AO 2004*. Moscow: Nauka, pp. 524–528.
- Mokroborodov V. V., 2006. Keramika epokhi bronzy iz kishlaka Pashkhurt [Bronze Age pottery from village Pashkhurt]. *AIU 2004–2005*, pp. 160–164.
- P'yankova L. T., 1993. Otchet o rabotakh Vakhshskogo arheologicheskogo otryada v 1984 g. [Report on activities of Vakhsh archaeological group in 1984]. *ART*, 24. (1984), pp. 227–241.
- P'yankova L. T., 1994. Raboty Baypazinskogo otryada na poselenii bronzovogo veka Dakhana (1985 g.) [Activities of Baypazinsky group at Bronze Age settlement Dakhana (1985)]. *ART*, 25. (1985), pp. 151–161.
- Rakhmanov U. V., 1987. Keramicheskoe proizvodstvo epokhi bronzy yuzhnogo Uzbekistana: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Bronze Age pottery production in South Uzbekistan: Ph. D. thesis]. Samarkand. 18 p.
- Rtveladze E. V., 2013. Istoriko-geograficheskiy i arheologicheskiy obzor Pashkhurdskoy doliny [Historic-geographic and archaeological overview of Pashkhurd valley]. *Materialy Tokharistanskoy arheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Tokharistan archaeological expedition]*, 9. *Poselenie Dabil'kurgan v Severnoy Baktrii [Settlement Dabil'kurgan in North Bactria]*. E. V. Rtveladze, V. S. Solov'ev, eds. Elets: Eletskiy gosudarstvennyy universitet. p. 5–31.
- Rtveladze E. V., Khakimov Z. A., 1973. Marshrutnye issledovaniya pamyatnikov Severnoy Baktrii [Route investigations of North Bactria sites]. *Iz istorii antichnoy kul'tury Uzbekistana [From history of antique culture in Uzbekistan]*. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva, pp. 10–34.
- Rukavishnikova I. V., Mokroborodov V. V., 2014. Gazkala – novyy pamyatnik BMAK v Pashkhurdskoy kotlovine, drevneyshy protogorodskoy tsivilizatsii Sredney Azii [Gazkala – new BMAK site in Pashkhurd depression, earliest protourban civilization of Central Asia]. *Na poroge tsivilizatsii i gosudarstvennosti (po arheologicheskim i inym istochnikam): tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [On threshold of civilization and statehood (based on archaeological and other sources): abstracts]*. Moscow: IA RAN, pp. 57–60.
- Sarianidi V. I., 1977. Drevnie zemledel'tsy Afganistana [Ancient farmers of Afghanistan]. Moscow: Nauka. 177 p.
- Sarianidi V. I., 2005. Gonurdepe [Gonurdepe]. Ashkhabad: Miras. 327 p.
- Shaydullaev Sh. B., 2007. Ўзбекистон ҳудудida davlatchilikning paydo бўлиши ва rivozhlanish boskichlari (Baktriya misolida): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Ўзбекистон ҳудудida davlatchilikning paydo бўлиши ва rivozhlanish boskichlari (Baktriya misolida): Thesis for a Doctor's degree. History]. Manuscript. Samarkand. 290 p. (In Uzbek).
- Vinogradova N. M., Ranov V. A., Filimonova T. G., 2008. Pamyatniki Kangurttuta v Yugo-zapadnom Tadjikistane (epokha neolita i bronzovogo veka) [Sites of Kangurttut in South-Western Tajikistan (Neolithic and Bronze Age epoch)]. Moscow: IV RAN. 472 p.

About the authors.

Rukavishnikova Irina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Mokroborodov Viktor V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mokroborodov@yahoo.com;

Gorin Aleksey N., Fine Arts Institute Academy of Sciences of Uzbekistan, Mustakillik maydoni, 2, Tashkent, 100029, Uzbekistan; e-mail: al_gorin@mail.ru;

Gladchenkov Alexander A., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East Far-eastern branch of Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: nolger2@yandex.ru.

С. Н. Корневский

ОБРАЗ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И КАВКАЗА И МИФ О ДРЕВЕ ЖИЗНИ НА ПОРОГЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Резюме. Статья посвящена проблемам искусства Ближнего Востока времени образования первых государств и становления цивилизации. В статье проводится анализ изображений на стеатитовой вазе из храма в Хафадже (Месопотамия, Шумер) и вазах коллекции Джирофта (Южный Иран) ок. 2600 г. до н. э. В центре исследования находится образ хищной птицы и особенно изображения двуглавого ястреба, которое стало прототипом гербов нескольких государств. Особенностью работы является привлечение большого объема новых источников по искусству Ирана раннединастического времени в Месопотамии.

Ключевые слова: Месопотамия, Шумер, Древний Иран, мифология, искусство, символизм, Древо Жизни, Анзунд, Этана, цивилизация.

На основании теоретических положений этнологии и истории в трудах Л. Г. Моргана (1934) и И. М. Дьяконова (1983) поздний предгосударственный период в Месопотамии (протоцивилизация) можно связывать с эпохой Урука. Государственный период (цивилизация)¹ начинается в первой половине – середине III тыс. до н. э. Его важнейшие определяющие факторы – начало использования эквивалентов обмена (торговли) в виде благородных металлов на вес, слоگو-фонетическое письмо, постоянные войны между городскими центрами с захватом пленных, рост влияния храмов и закрепление власти в лице вождей – лугалей². Обостряется борьба за главенство между лидерами военной и духовной элиты.

В идеологии и мифологии шумеров в это время прежний мир первобытной религии с зооморфными богами, пронизывающей все социальные отношения, отходил в прошлое. Вырабатывается новое содержание понятий добра и зла,

¹ О понятиях «протоцивилизация» и «цивилизация» см. (Корневский, 2013)

² Лугаль буквально означает «военачальник». Лугалем был легендарный Гильгамеш (Дьяконов, 1983).

оправдывающее право личной собственности, связанной с ней морали, главенство военной власти в обществе. В религиозных канонах утверждался антропоморфизм высших богов, часть божеств еще не расстались со своими зооморфными эквивалентами (Афанасьева, 1979; 2007). В этом процессе очевидной трансформации культурной и социальной жизни, прослеживаемой по шумерским мифам, нам представляется важным рассмотреть реакцию на события археологических источников, передающих в своих сюжетах некие образы, которые мы связываем с мифом о Древе Жизни.

Миф о Древе Жизни имел широкое распространение в древности и получил различное отражение в разных региональных версиях. Для времени халколита – бронзового века Переднего Востока и Кавказа – источниками о нем являются изображения на керамике, серебряных сосудах, стеатитовых вазах, печатях, диадемах, а также данные письменности шумерского и аккадского времени (Дьяконов, 2006; Афанасьева, 2007; Woolley, 1934). Реконструкцию сюжетов рассматриваемого мифа по данным археологии возможно вести на основе подбора аналогий и ретроспективных заключений (в связи с консервативностью образов первобытной религии Ближнего Востока).

В центре нашего повествования находится интерпретация изображений на вазе из храма в Хафадже (Месопотамия) и их сопоставление с персонажами ваз т. н. коллекции Джирофта³ (Южный Иран). Первая публикация этого собрания древностей в 2003 г. резко увеличила источниковедческую базу по иконографии мифов о Древе Жизни и придала трактовке фриза на вазе из Хафадже новый ракурс (Madjidzadeh, 2003; и др.).

Персонажи на стеатитовой вазе в Хафадже представлены в различных группах изображений. Здесь мы предлагаем рассмотреть сюжет, связанный с образом хищной птицы – одним из самых широко распространенных символов могущества власти в геральдике. Обычно эта птица воспринимается как орел с одной или двумя головами.

Вазы из Хафадже и Джирофта. Ваза из Хафадже (Ирак), сделанная из темно-зеленого стеатита в виде цилиндра, найдена при раскопках в одноименном храме. Она хорошо известна как выдающееся произведение искусства раннего периода государственности Шумера и датируется около 2600 г. до н. э., т. е. II Раннединастическим периодом (Frankfort, 1954. С. 19, 20). На внешней стороне вазы вырезан фриз из плотно скомпонованных отдельных сюжетов. В их число входят богиня, сидящая на двух быках-зебу, держащая в руках потоки вод, другая богиня (или та же самая) стоит на двух львицах и сжимает горло двух гигантских змей. На вазе показано Древо Жизни (пальма) с двумя животными (медвежатами) перед ним. Сцены баталий у Древа Жизни представлены львом, напавшим на быка-зебу, а также пикирующей на место сражения хищной птицей. Вне композиции находятся скорпион и зверек с пушистым хвостом (рис. 1, I).

³ Район Джирофт находится юго-восточнее известного археологического памятника; Тепе Яхья – на юге Ирана в местности Кунал Сандал в зоне распространения месторождений стеатита.

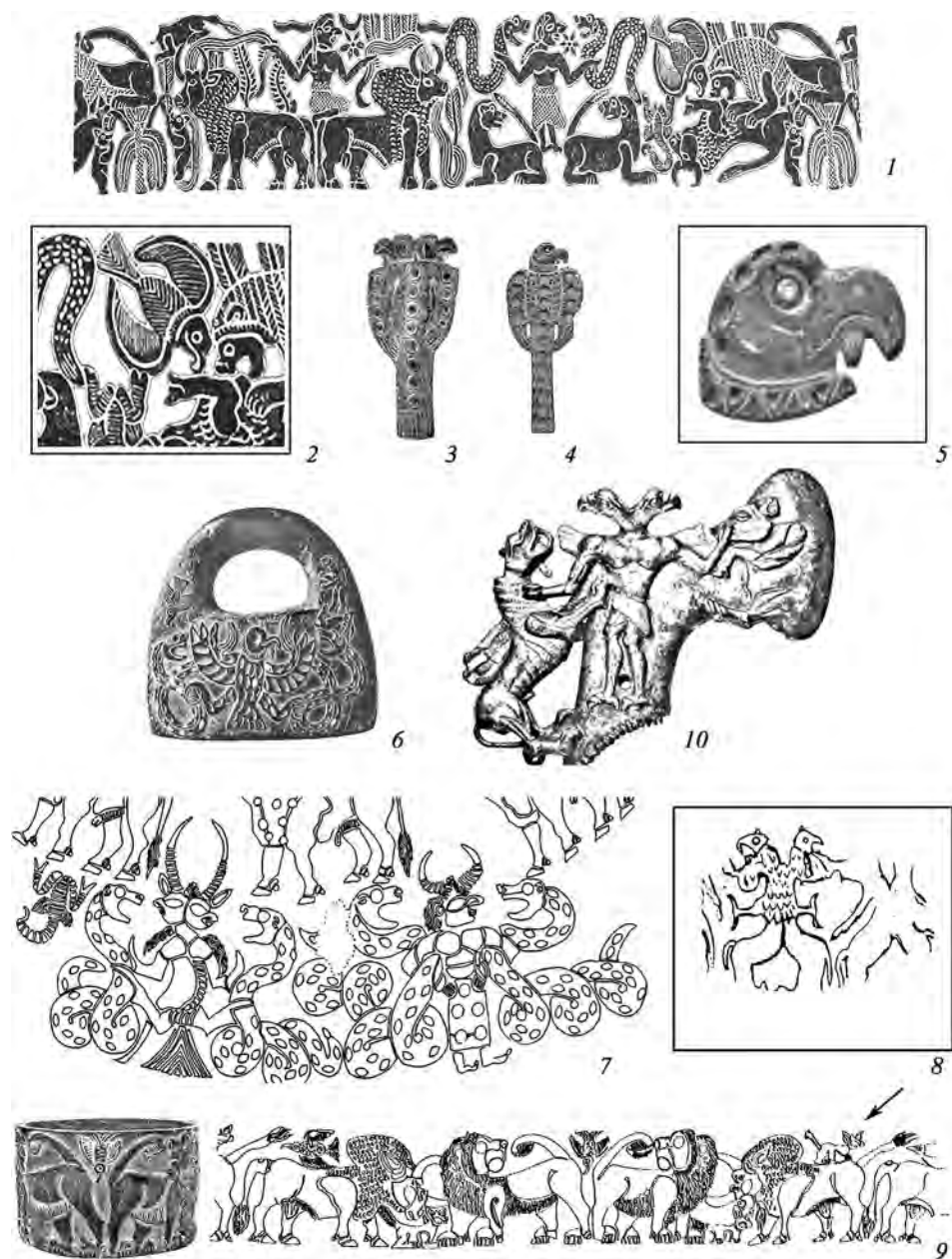

Рис. 1. Ваза из Хафадже и изображения хищной птицы

1, 2 – ваза из Хафадже (по: *Majidzadeh*, 2003); 3–7, 9 – коллекция Джирофта (по: *Majidzadeh*, 2003; 2012); 8 – оттиск печати из Ура (по: *Woolley*, 1934); 10 – топор из Бактрии (по: *Potts*, 1994)

Сюжет вазы имел различные описания и толкования. Первые из них и наиболее полные принадлежат Фракфорту и Мэллоуну (*Frankfort*, 1954. Р. 19, 20; *Mallowan*, 1965. Р. 22, 23. Fig. 6, 7). Из отечественных специалистов по искусству Древнего Востока одной из первых о ней писала Н. Д. Флиттнер. По ее мнению, «на сосуде изображена розетка Инанны-Иштар. Истолковать сюжет трудно, на нем изображены какие-то зверушки и на стыке геральдически поставленных быков сидит странное существо...» (*Флиттнер*, 1958. С. 72). Е. В. Антонова отметила различные точки зрения зарубежных ученых, прежде всего П. Амье, по поводу интерпретации образов в рамках философского повествования о картине мира (*Антонова*, 1998. С. 196, 197). Однако, как мне кажется, детальный разбор персонажей фриза вазы из Хафадже в отечественной литературе еще не проводился.

По заключению специалистов (Франкфорт, Мэллоун), ваза из Хафадже относится к произведениям искусства Южного Ирана, так как именно там, в области Керман, находятся богатейшие залежи стеатита, из которого вырезались вазы, и водятся быки-зебу с характерным горбом на спине, растут пальмы и обитают львы.

Прямые аналогии хищной птице, представленной на фризе вазы, известны по изображениям на вазах из коллекции Джирофта, опубликованной Ю. Маджидзаде (*Madjidzadeh*, 2003; 2012) и в соавторстве с Перро (*Perrot, Madjidzadeh*, 2005). Коллекция включает более 400 стеатитовых ваз, культовых предметов и скульптурных изображений. Вся коллекция достаточно однородна по стилю, получившему название «брокадного», т. е. парчового. Его особенностью является сочетание реализма в изображении растений, животных и птиц с особой мифологической стилизацией образов божеств. Помимо ваз, в собрание входят различные культовые предметы и пластины со вставками из цветных камней. Коллекция датируется временем вазы из Хафадже, т. е. серединой III тыс. до н. э., так как стилистически и морфологически очень близка ей (*Madjidzadeh*, 2003).

Сюжеты ваз коллекции Джирофта содержат многочисленные эпизоды мирных и батальных сцен, связанных с волшебной горной страной, растущим в горах Древом Жизни, с богиней – хозяйкой этой страны (даже в ее андрогинном воплощении) и ее любимым животным – быком-зебу. На вазах также изображены хищные кошачьи (львы, барсы), змеи, скорпионы, летящие и пикирующие хищные птицы, антропоморфные и миксморфные божества. Есть также изображения храмов, рощ, деревьев, скорпионов, символических вод мифического мирового океана.

Батальные сцены отражают сюжеты битвы быка со львами, победы льва (львов) над быком под сенью Древа Жизни, сражения со змеем, которые ведет богиня, сжимающая горло двух гадов, битвы кошачьих (барсов) со змеем. Одним из противников змея является могучая хищная птица. Ее плотоядный характер передает крючковатый клюв, подчеркиваемый резчиком. Птица хватает в каждую лапу по змее и душит их (рис. 1, 1, 3; 2, 3, 4).

В других случаях птица изображается как спутник львов и участник батальных сцен. Она занимает место на спине льва или летит между фигурами зверей (рис. 1, 9).

Мифологема «птица с хищным клювом поверх льва или иного кошачьего» ваз Джирофта из Ирана находит территориально далекую аналогию в образах сцен шестивых животных на серебряных вазах Майкопского кургана. Здесь мы видим Древо Жизни на фоне горной страны, волшебного маленького мохнатого зверька, привставшего на задние лапы перед Древом, шестивия животных и расположенных над ними птиц. Майкопский курган можно датировать концом первой половины – серединой IV тыс. до н. э. (рис. 2, 1, 2) (*Корневский, 2012*). Он древнее II Раннединастического периода и отражает уже существовавший в урукский период миф о Древе Жизни, волшебной горной стране, где оно растет, а также шестивия животных пока еще мирного характера.

Но вернемся к образам коллекции Джирофта. Что это за хищная птица? Ответить на этот вопрос можно, внимательно рассмотрев театитовые пластины с ее изображениями. Одна из них изображает птицу с ярко выраженным хищным профилем, атрибутом которого является отросток в виде «бороды» (рис. 1, 4, 5). По этому признаку легко опознается ястреб – бородач или ягнятник. Это могучий пернатый хищник – охотник, способный закогтить даже ягненка или теленка, напасть на ребенка человека. Длина тела ястреба-бородача – 1–1,15 м, размах крыльев – 2,4–2,69 м. Птица живет высоко в горах. В прошлом она была широко распространена в Европе, на Кавказе и в Азии (*Брем, 2004. С. 255, 258*). Сейчас ареал ястреба-ягнятника резко сократился из-за систематической охоты на него.

Еще одна пластина имеет изображение двухголового ястреба (рис 1, 3). На другой иранской вазе также изображено миксморфное божество с двумя рогатыми головами, имеющее черты птицы и быка. Головы монстра повернуты в разные стороны. Они имеют клювовидные носы. Туловище оканчивается птичьим хвостом. Божество душит двух змеев, для чего ему нужны две головы (рис. 1, 7). Таким образом, мы можем констатировать зарождение образа двуглавого пернатого хищника во II Раннединастическом периоде в Иране, в кругу населения (протоэламитов, «джирофитов»), культивирующего миф о священном Древе Жизни и связанных с ним сценах битв между фантастическими существами.

Образ двуглавого пернатого хищника также изредка встречается на печатях Царского некрополя Ура (рис. 1, 8)⁴. Здесь он получился из соединения двух тел мифических существ. Но зачем у ястреба две головы – ответ дают только изображения Джирофта.

Как могучий ястреб стал орлом? Вопрос, наверное, не самый важный. (Кстати, ястребы и орлы относятся к одному виду ястребиных). Здесь многое зависит от точности перевода древних текстов и традиций трактовки образа. Важно другое: на печатях аккадского времени хищная птица присутствует вместе с изображениями антропоморфного божества (богини), в качестве его спутника и союзника, убивающего змеев (рис 1, 1). Она воплощала небесную мощь божеств волшебной страны, в которой растет Древо Жизни и где боги властвуют над всеми ресурсами вод и плодородия (рис. 2, 6).

⁴ Это изображение единственное.

Рис. 2. Изображения птиц

1, 2 – Майкопский курган; 3–5 – коллекция Джирофта (по: *Majidzadeh*, 2003); 6 – оттиск печати аккадского времени (по: *Frankfort*, 1954)

Анзуд. В шумерских мифах образ хищной птицы в ряде мифов приобрел своеобразную трактовку в сюжетах, связанных с Древом Жизни. У птицы появилась голова льва. Иконография ваз Джирофта такого монстра не знает. Информации о Древе Жизни и его обитателях немного.

Издревле благородное дерево Энки среди пестрокаменных гор Инанны, как великан стоит на вершине..., его корни – гигантские змеи, в его ветвях свила гнездо «малая пташка» и отложила яйца, там в ветвях орел Анзуд гнездо себе устроил... (Афанасьева, 2007. С. 72, 73).

Анзуд – это огромная птица-монстр. Судя по тексту мифа, родиной Древа Жизни не может быть плоская равнина юга Месопотамии, где жили шумеры, это некая горная область. Великая богиня шумеров Инанна тоже имеет внешне-шумерское происхождение. Она дитя гор. Была ли у ее волшебной горной птицы голова льва – неизвестно.

Другая, уже чисто шумерская, версия повествует о волшебном Древе («хулуппу»), которое росло на берегу Евфрата, где его заметила богиня Инанна. Она принесла растение в город Урук. Там она его опекала и растила до тех пор, пока в его ветвях не поселилась птица-демон Анзуд, в стволе устроила себе обиталище монстр-дева Лилит, а в корнях обосновался змей. Инанна хотела сделать из этого дерева себе трон и ложе. В этом ей помог ее брат Гильгамеш. Он убил змея, «что заклятий не ведает». Испугавшись мощи героя, который владел топором дорожным в двадцать пудов, бежала в страхе монстр-дева Лилит, а с ней улетела в горы чудовищная птица Анзуд (Афанасьева, 2007. С. 123, 124).

Шумеры традиционно, начиная с протописьменного периода, изображали Анзуда с туловищем птицы и головой льва (рис. 3, 1, 2), совмещая образы двух «царей животного мира». Образ этого монстра имеется на инкрустациях знаменитого штандарта из царского кладбища в Уре (рис. 3, 3, 4). Анзуд присутствует на подтреугольных боковых стенках полого штандарта в сюжетах, посвященных деяниям у Древа Жизни (в том числе убийству вскочившего на Древо козла). Птица с львиной головой представлена в окружении могучих зверей-хранителей Древа: быком с человеческой головой, львицей или гепардом. По всей видимости, такое явление не случайно и указывает, что Анзуд был одним из знаков военной мощи шумеров, которые связывали его образ с воинской символикой. Анзуд, видимо, рассматривался и как защитник волшебного Древа от посягательств неугодных богам существ: зверей и людей.

О деяниях Анзуда подробно рассказывается в очерках В. К. Афанасьевой (1987. С. 82, 83). Мифы о нем заканчиваются описанием конфликта между этим монстром и богами. Волшебная птица была наделена способностями властвовать над судьбами людей и влиять на них. Однажды Анзуд решил стать верховным божеством и завладеть Таблицами Судеб, похитив их у бога Энлиля. Боги решили вернуть таблицы. Мать богов Дингирмах послала сына – бога войны Нинурту (Нингирсу) отобрать у Анзуда похищенное достояние. Дружину Нинурты составили семь ветров. Лучник Нинурта отправился в страну гор, где обитал Анзуд, поразил чудовище из лука и пленил его (Там же). Затем Нинурта привел монстра на суд богов. В этот момент Анзуд имел человеческую голову и длинную бороду (рис. 4, 3).

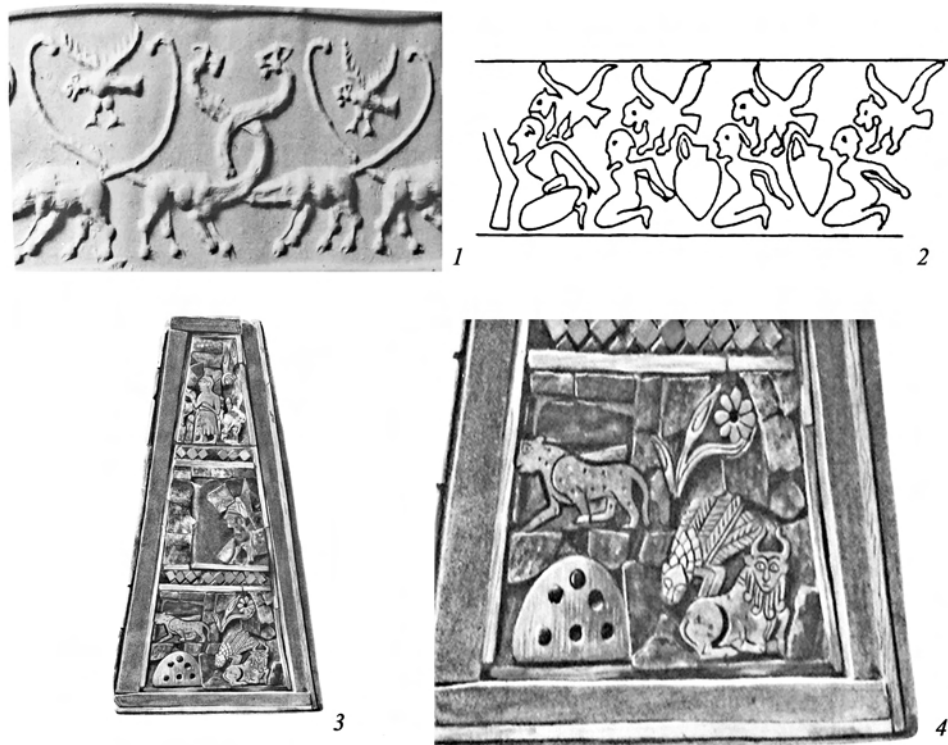

Рис. 3. Изображения Анзуда

1, 2 – протописьменный период, печати (по: *Frankfort*, 1954); 3, 4 – пластина штандарта из Ура (по: *Woolley*, 1934)

Подтекст мифа о похищении Таблиц Судеб Анзудом и их возвращение богам богом войны Нинуртой, скорее всего, связан с двумя ситуациями. Во-первых, древний хранитель Древа Жизни в рассказе удаляется из его ветвей. Кражей таблиц Судеб он компрометирует себя в глазах богов. Во-вторых, победа над ним становится поводом для бога войны совершить подвиг и выдвинуться в первые ряды небесных повелителей мира, став символом власти военных вождей на земле.

Этана. Более поздний, чем аккадский текст, вавилонский вариант доносит до нас сведения о волшебном орле – помощнике Этаны, который был первым царем Киша. Суть мифа в аккадской и вавилонской трактовке такова (*Афанасьева*, 2007. С. 148–167): Этана успешен в мирских делах, но несчастен, не имея детей. Бездетный царь не мог укрепиться на троне, не создав династию. Этане необходимо заполучить волшебную «траву рождения», которая позволит ему родить сыновей и продолжить свой род, получив благословение богов. Бог Шамаш рассказал Этане, что плоды бессмертия произрастают в царстве богов, куда можно было добраться по воздуху. Помочь в этом Этане вызвался могучий орел, который, по мифу, был обязан Этане своим спасением.

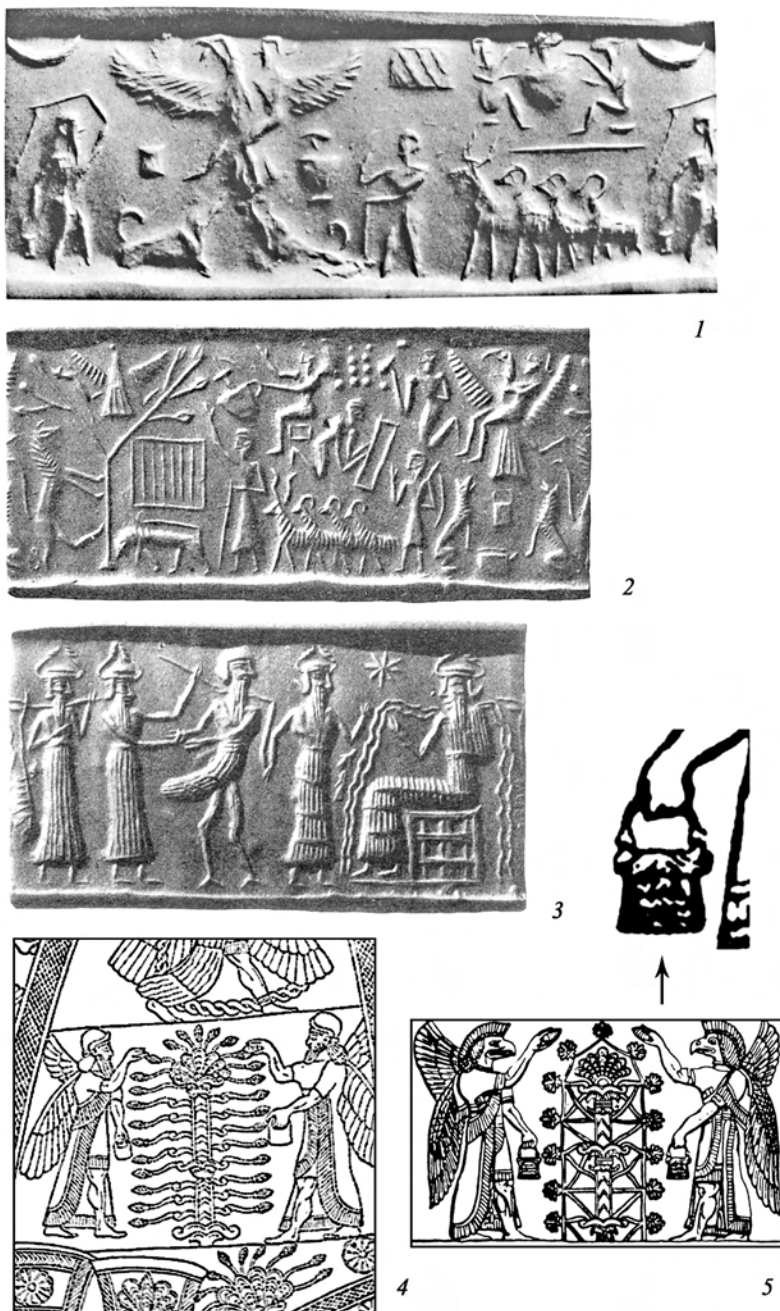

Рис. 4. Изображения птиц и крылатых божеств (по: Frankfort, 1954)

1–3 – печати аккадского времени; 4, 5 – изображения ассирийского времени

Сюжет мифа из-за дефектности табличек неполон. Так, в тексте рассказывается о том, что Этана видит сон, в котором он летит на орле и достигает дома без окон – обители богов. Получил ли он желаемую «траву рождения» – остается неизвестным. Исследователи мифа полагают, что полет Этаны кончился катастрофой (Афанасьева, 2007. С. 158, 159). Орел не долетел до неба, повернул назад и рухнул на землю, Этана погиб вместе с ним. Но так ли это? (Редер, 1965. С. 65–67).

Учитывая неполноту текста, можно предложить комментарии к мифу по другим, более ранним источникам – оттискам печатей аккадского времени (рис. 4, 1, 2). При этом возникают детали сюжета, которых нет на табличках, а сам сюжет может быть освещен несколько по-иному.

Первая печать (рис. 4, 1). В центре находится изображение огромной летящей птицы, несущей на спине человека (Этану). Под птицей сидят две собаки с поднятыми вверх мордами. Справа от птицы находится большой кувшин, далее стоит человек с посохом. Правая рука у него поднята в жесте приветствия. За человеком находится группа парнокопытных. Впереди показано крупным планом винторогое животное. За ним идут три особи с крупными закинутыми за спину рогами. Скорее всего, это антилопы (газели?). Они образуют группу, но не стадо домашних животных. Соответственно, и люди при нем не простые пастыри.

Выше животных находятся два божества, сидящие на кубических постаментах-стульях. Они что-то делают у большого сосуда. Возможно, божества как-то связаны с жидкостью, которая может в нем находиться. Слева от птицы различимо изображение какого-то прямоугольного предмета. В противоположную от животных сторону по направлению к птице идет человек. Его левая рука согнута в приветственном жесте. В ней он держит предмет, напоминающий кнут, в правой руке он сжимает изделие на длинной дугообразной ручке наподобие короба или ведра.

В верхней части оттиска различимы два знака полумесяца и прямоугольник с косою штриховкой. Это схематичная картина небесной сферы (Porada, 1948. No. 236E).

Вторая печать (рис. 4, 2). Первая группа образов. В центре находится Древо Жизни, над его ветвями парит огромный орел, раскинувший крылья. Под Древом расположен упомянутый в вавилонском тексте дом богов без окон в виде квадрата. Это явно царство Энлиля (Шамаша).

У подножья Древа находятся два зверя с тонкими и длинными кошачьими хвостами. Но это не кошки. Морда одного из них напоминает голову лошади, морда другого животного неразличима. Один зверь поднял голову и поставил ногу на ствол дерева. Похоже, что это копытное животное, может быть – лошадь (?). Голова второго животного опущена вниз, возможно, это травоядное. Справа от Древа на стуле сидит божество, у него в руках большой кувшин, из которого оно льет некую жидкость на Древо. Такое изображение крупных тарных сосудов в руках божества в сценах у Древа Жизни, на наш взгляд, позволяет предполагать, что плоды этого волшебного растения могли ассоциироваться с сырьем, из которого изготавливались напитки, хранившиеся в керамической таре.

Внизу у Древа снова стоит человек с посохом, одетый в длинное платье. На голове у него шапка – символ царского статуса. За ним располагаются те же животные, что и на первой печати. Впереди находится винторогий вожак, сзади –

саблерогие антилопы. Процессию замыкает человек. Его правая рука согнута и поднята в приветственном жесте, в левой он держит предмет с твердой рукояткой и гибким завершением (хлыст? ошейник?). Изображение это меньшего масштаба, чем человек с посохом.

Вторая сюжетная группа включает огромную летящую птицу, которая несет на шее человека. Это Этана. В лапе птица держит небольшой мешочек (?) на длинной петлевидной ручке. Возможно, это короб или ведро, предназначенные для сбора плодов Древа Жизни. Скульптурные изображения подобных ёмкостей – коробов на длинной петлевидной ручке – имеются в иранской коллекции Джирофта. На них изображены лежащие под Древом Жизни львы или птица, схватившая двух змеев. Они явно связаны с мифом о Древе Жизни и его хранителях (рис. 1, 6).

В Майкопском кургане обнаружен отдаленный аналог такому изделию – бронзовое ведро с дугообразной ручкой. Отмечу, что вещь нельзя было пользоваться в быту из-за дефекта петель на корпусе (*Корневский*, 2011. С. 301. Рис. 87, 7). Возможно, майкопское ведро имело некий символический характер, имеющий какое-то отношение к таре, используемой для сбора плодов волшебного Древа, как и предмет с дуговидной ручкой?

Образ сумки для плодов Древа Жизни долго сохранялся в мифологии Ближнего Востока. На сильно стилизованных изображениях Древа Жизни ассирийского времени мы видим монстров с птичьими головами – его хранителей, которые в руках держат точно такие же ёмкости для сбора плодов священного растения (рис. 4, 4, 5).

Орел летит над территорией, охраняемой двумя огромными собаками, которые, подняв вверх головы, смотрят на птицу, несущую человека. Сюжет первой печати здесь повторяется в деталях. Скорее всего, это стражи границ потустороннего мира и мира реальности. Как аналогию охранителям границы двух миров можно вспомнить двух собачек из гробницы 5 кургана 31 могильника Клады, которые были поставлены перед круглым отверстием в камеру гробницы (*Резепкин*, 1991. С. 184).

Сцена заканчивается изображениями двух людей, упавших на колени перед гигантской волшебной птицей и царем Этаной. О дальнейшем развитии сюжета можно только догадываться. Известные нам шумерские мифы отмечают, что плоды Древа Жизни недоступны для смертных людей и животных. Но у Этаны был сын по имени Балих (Палих) (*Афанасьева*, 1988). Следовательно, полет окончился благополучно: Этана унес в мешке или ведре волшебные плоды с Древа Жизни, но это не была «трава бессмертия», так как он умер. Его тень (в ассирийской версии мифа) встретил спутник Гильгамеша Энкиду в подземном царстве (*Афанасьева*, 1987).

Подведем итоги. Изображения хищной птицы, подобной орлу, и Древа Жизни имеют сюжетную связь в иконографии мифа и передаются несколькими устойчивыми композициями.

Одна из таких мифологем («птица на льве» или на ином хищнике) – изображение на майкопских серебряных сосудах – датируется урукским временем, что предполагает очень раннюю трактовку персонажей рассматриваемого мифа в Предкавказье, известную уже в середине IV тыс. до н. э.

В идеологии общества нарождающейся государственности Месопотамии и Ирана еще в урукский период возникает другой и особый миксморфный образ птицы с головой льва, сопровождающий хищников со змееподобными шеями и пленных (рис. 3, 1, 2). Время появления львиноголовой птицы совпадает с появлением печатей, на которых изображены люди со связанными за спиной руками (рис. 3, 2). Это своеобразный индикатор распространения войн за захват пленников и добычи – новый этап военной истории населения Нижнего Двуречья, соответствующий становлению цивилизации и возникший на пороге государственности.

Образ хищной птицы в мифологии Ирана и Месопотамии к середине III тыс. до н. э. прочно связывается с мифом о Древе Жизни. Она становится одним из его хранителей и участником битв вокруг священного растения.

Хищная птица в этих сценах играет роль змеборца, так же как Великая Богиня и кошачьи хищники. В Иране «джирофиты» создают образ двуглавого пернатого хищника, победителя змеев. Этот образ имел отражение в искусстве шумеров II и III Раннединастических периодов. Он был символом укрепляющейся военной власти и в последующее время, во II тыс. до н. э. (рис. 1, 10).

В целом рассмотренный сюжет о символике ястреба / орла иллюстрирует развитие мифа о Древе Жизни, игравшего очень значимую роль в идеологии нарождающейся государственности у шумеров и джирофитов. В легендах этого цикла отразились идеи верховенства военной элиты, опирающейся в утверждении своего могущества на волю богов, а также обоснование божественного происхождения царской власти. По мнению специалистов, птицу – хранителя Древа Жизни – стали рассматривать как символ бога войны, лучника Нинурты, который в мифах делит высший престиж военного могущества с Инанной и орлом (*Иванов, Топоров, 1988*).

Образ древнего иранского двуглавого ястреба-змеборца в 330 г. при императоре Константине был принят как герб Византии. Много веков спустя в XVI в. при царе Алексее Михайловиче двуглавый орел стал гербом Московского государства. Его часто трактуют как символ власти и на Западе, и на Востоке. Но, как видим, изображение могучего двуглавого пернатого хищника возникло задолго до Византийской империи и по иному поводу, как символ военной власти, небесного борца против сил зла и приносящего несчастья людям змея.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е. В.*, 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Наука: Восточная литература. 223 с.
- Афанасьева В. К.*, 1979. Гильгамеш и Энкиду. М. 219 с.
- Афанасьева В. К.*, 1987. Анзуд // Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 1. С. 82–83.
- Афанасьева В. К.*, 1988. Этана // Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 2. С. 671.
- Афанасьева В. К.*, 2007. Орел и Змея в изобразительном искусстве Двуречья. М.: Водолей. 463 с.
- Брем А.*, 2004. Жизнь животных. М.: Олма-Пресс. 1192 с.
- Дьяконов И. М.*, 1983. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. Ч. I: Месопотамия. 534 с.
- Дьяконов И. М.*, 2006. Эпос о Гильгамеше. СПб.: Наука. 212 с.

- Иванов В. В., Топоров В. Н.*, 1988. Орел // Мифы народов: энциклопедия: В 2 т. / Ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 2: К–Я. С. 258.
- Корневский С. Н.*, 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 385 с.
- Корневский С. Н.*, 2012. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар // РА. № 4. С. 66–80.
- Корневский С. Н.*, 2013. О понятиях цивилизация и протоцивилизация и знаках на керамике в культурах Подунавья и Кавказа и Переднего Востока в V–III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 230. С. 63–84.
- Морган Л. Г.*, 1934. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР. 350 с.
- Редер Д. Г.*, 1965. Мифы и легенды древнего Двуречья. М.: Наука. 120 с.
- Резепкин А. Д.*, 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблема генезиса и хронологии Майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 167–197.
- Флиттнер Н. Д.*, 1958. Искусство Двуречья и сопредельных стран. М.; Л. 298 с.
- Frankfort H.*, 1954. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London: Penguin. 320 p.
- Madjidzadeh Y.*, 2003. Jiroft – The Earliest Oriental civilization. Tehran: Printing. 138 p.
- Madjidzadeh Y.*, 2012. Objects from the Jiroft Treasure / Soft stone and Alabaster Objects (Recovered Collection from the Hall River Basin in National Museum of Iran, with a report by Yousef Majidzadeh) / Ed. S. Piras. Pazinech. Tehran. 127 p.
- Mallowan M. E. L.*, 1965. Early Mesopotamia and Iran. London: Thames and Hudson. 142 p.
- Perrot J., Madjidzadeh Y.*, 2005. L'iconographie des vases et objets en chlorite de Jiroft (Iran) // Paléorient. Vol. 31. No. 2. P. 124–151.
- Porada E.*, 1948. The Collection of the Pierpont Morgan Library. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collection. Washington, D. C. 199 p. (Bollingen Series; XIV).
- Potts T.*, 1994. Mesopotamia and the East. An Archaeological and Historical Study of Foreign Relations ca. 3400–2000 BC. Oxford: Oxbow Books. 170 p. (Oxford University Committee for Archaeology Monograph; 37.)
- Woolley L.*, 1934. Ur excavation. New York: Carnegie corporation. Vol. II: The Royal Cemetery: a report on the predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. 605 p., 273 pl.

Сведения об авторе.

Корневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru.

S. N. Korenevsky

On the threshold of the statehood. Image of the bird of prey in the Bronze Age art of the ancient Near East and the Caucasus and the myth on the Tree of Life

Abstract. The paper is dedicated to the issues of the Near East art during the period of formation of early states and civilization development. The paper analyzes images on a steatite vase from a temple in Khafadjeh (Mesopotamia, Sumer) and vases from the Jiroft collection (Southern Iran) attributed to ca. 2600 BC. The study examines predominantly images of a bird of prey and, specifically, the image of a double-headed hawk that was subsequently incorporated into national emblems of several countries. More importantly, the study builds on a large volume of new sources of Iranian art from the Early Dynastic period in Mesopotamia.

Keywords: Mesopotamia, Sumer, Ancient Iran, mythology, art, symbolism, Tree of Life, Anzud, Etana, civilization.

REFERENCES

- Afanas'eva V. K., 1979. Gil'gamesh i Enkidu [Gilgamesh and Enkidu]. Moscow: Nauka. 219 p.
- Afanas'eva V. K., 1987. Anzud [Anzud]. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of peoples of the world: encyclopedia]*, 1. S. A. Tokarev, ed. 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 82–83.
- Afanas'eva V. K., 1988. Etana [Etana]. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of peoples of the world: encyclopedia]*, 2. S. A. Tokarev, ed. 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 671.
- Afanas'eva V. K., 2007. Orel i Zmeya v izobrazitel'nom iskusstve Dvurech'ya [Eagle and Snake in figurative art of Mesopotamia]. Moscow: Vodoley. 463 p.
- Antonova E. V., 1998. Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvam [Mesopotamia on way to first states]. Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura. 223 p.
- Brem A., 2004. Zhizn' zhivotnykh [Animals' life]. Moscow: Olma-Press. 1192 p.
- D'yakonov I. M., 1983. Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye shagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii [History of Ancient Orient. Formation of earliest class societies and first steps of slave-owning civilization], I. Mesopotamiya [Mesopotamia]. I. M. D'yakonov, ed. Moscow: Nauka. 534 p.
- D'yakonov I. M., 2006. Epos o Gil'gameshe [Epic of Gilgamesh]. St. Petersburg: Nauka. 212 p.
- Flittner N. D., 1958. Kul'tura i iskusstvo Dvurech'ya i sosednikh stran [Culture and art of Mesopotamia and adjacent countries]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo. 298 p.
- Frankfort H., 1954. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London: Penguin. 167 p.
- Ivanov V. V., Toporov V. N., 1988. Orel [Eagle]. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of peoples of the world: encyclopedia]*, 2. S. A. Tokarev, ed. 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 258.
- Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of North Caucasus piedmonts. Typology. Historic-cultural aspect]. Moscow: Taus. 385 p.
- Korenevskiy S. N., 2012. Simvolika pogrebal'nogo nabora Maykopskogo kurgana i kul't Inanny-Ishtar [Symbolism of grave goods from Maikop kurgan and Inanna-Ishtar cult]. *RA*, 4, pp. 66–80.
- Korenevskiy S. N., 2013. O ponyatiyakh tsivilizatsiya i prototsivilizatsiya i znakakh na keramike v kul'turakh Podunav'ya i Kavkaza i Perednego Vostoka v V–III tys. do n. e. [On concepts of civilization and proto-civilization and signs on pottery in cultures of Danube region, Caucasus and Near East in V–III mill. BC]. *KSIA*, 230, pp. 63–84.
- Madjidzadeh Y., 2003. Jiroft – The Earliest Oriental civilization. Tehran: Printing. 138 p.
- Madjidzadeh Y., 2012. Objects from the Jiroft Treasury: Soft stone and Alabaster Objects (Recovered Collection from the Hall River Basin in National Museum of Iran, with a report by Yousef Majidzadeh). S. Piras, ed. Tehran: Pazinech. 127 p.
- Mallowan M. E. L., 1965. Early Mesopotamia and Iran. London: Thames and Hudson. 142 p.
- Morgan L. G., 1934. Drevnee obshchestvo ili issledovanie liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient society, or investigation of human progress lines from savage through barbarism to civilization]. Leningrad: Institut narodov Severa. 350 p.
- Perrot J., Madjidzadeh Y., 2005. L'iconographie des vases et objets en chlorite de Jiroft (Iran). *Paléorient*, vol. 31, no. 2, pp. 124–151.
- Porada E. 1948. The Collection of the Pierpont Morgan Library. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collection. Washington. 199 p. (Bollingen Series, XIV).
- Potts T., 1994. Mesopotamia and the East. An Archaeological and Historical Study of Foreign Relations ca. 3400–2000 BC. Oxford: Oxbow Books. 170 p. (Oxford University Committee for Archaeology Monograph, 37).
- Reder D. G., 1965. Mify i legendy drevnego Dvurech'ya [Myths and legends of ancient Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 120 p.
- Rezepkin A. D., 1991. Kurgan 31 mogil'nika Klady. Problema genezisa i khronologii Maykopskoy kul'tury [Kurgan 31 of Klady cemetery. Problem of origins and chronology of Maikop culture].

Drevnie kul'tury Prikuban'ya (po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya [Ancient cultures of Kuban basin (based on materials of archaeological works in melioration zones of Krasnodar Region)]. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 167–197.

Woolley C. L., 1934. Ur excavation, II. The Royal Cemetery: a report on the predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. New York: Carnegie corporation. 605 p., 273 pl.

About the author:

Korenevsky Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru.

И. А. Савченко

ОТ АРХАИКИ К КЛАССИКЕ: ВОСТОЧНЫЕ НИЗМЕННОСТИ МАЙЯ (СЕВЕРО-ВОСТОК ГВАТЕМАЛЫ) В I ТЫС. ДО Н. Э.*

Резюме. Проблема генезиса классической культуры майя остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных в майяской историографии. В археологическом плане она тесно связана с проблемой формирования раннего майяского города, служившего местом проживания правителя, центром культа и социально-экономическим стержнем общества. В 1990–2010-х гг. начались систематические археологические исследования десятков памятников. Эти работы, основывающиеся на более ранних исследованиях (прежде всего, в Тикале и Вашактуне), существенно расширили наши представления о доклассическом периоде в северо-восточных районах Гватемалы. Новые данные указывают на то, что зарождение и развитие социально-экономической, культурной и политической основы классического майяского общества уходит корнями в период глубокой архаики и относится к рубежу II–I тыс. до н. э. Представляется, что процессы и явления, определившие социокультурный облик классических майя, в основном уже формируются к периоду поздней доклассики (IV в. до н. э. – III в. н. э.), т. е. значительно раньше формального наступления классического периода, чем считалось ранее.

Ключевые слова: Мезоамерика, древние майя, доклассический период, Гватемала, Тикаль, Наранхо, Холмунль, Сиваль.

Проблема генезиса классической культуры майя (III–IX вв. н. э.), ее природы и истоков остается одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов в майяской историографии. Понимание обстоятельств возникновения и становления ключевых «цивилизационных» элементов культуры, среди которых сложная архитектура и искусство, письменность и календарь, развитые формы властных институтов, урбанизма, а также государственная организация, необходимо для решения ряда вопросов: был ли переход от архаики к классике внезапным или вытекал из общей логики развития древнемайяского социума; стал ли он

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00372 «Территориально-политическая организация древних майя в области Централных низменностей (ГИС-моделирование)».

результатом длительного процесса внутренней аккумуляции знаний и навыков или произошел в силу внешнего влияния, оказанного на область майя соседними культурными ареалами.

Вместе с тем проблема возникновения государственности и становления классической культуры майя в археологическом плане наиболее тесно связана с проблемой формирования раннего майяского города. Именно город, служивший местом проживания правителя, центром культа и социально-экономическим стержнем майяского общества, концентрировал сложные формы искусства, монументальной архитектуры, письменности, будучи в некотором роде рефлектором институтов власти, социальной организации и, в конечном счете, сосредоточием государственности.

Выбор географических рамок настоящего исследования, а под северо-востоком Гватемалы понимаются прежде всего восточные области гватемальского департамента Петен, обусловлен несколькими обстоятельствами. В частности, именно здесь находятся два важнейших, ставших хрестоматийными для майяской археологии памятника – Тикаль и Вашактун. С экспедиции Института Карнеги в Вашактуне в 1920–1930-х гг. де-факто началась майяская археология как таковая, в то время как проект музея Пенсильванского университета в Тикале в 1950–1960-х гг. заложил основы майяской поселенческой археологии. Наконец, зарождение методов реконструкции исторической географии майя (в отечественной историографии это направление в настоящее время активно разрабатывается А. В. Сафроновым (*Сафронов*, 2012), также происходило в Северо-Восточной Гватемале, где В. Буллард при исследовании социально-политической организации древних майя впервые применил метод «полигонов Тиссена» (*Bullard*, 1960).

В результате вашактунского и тикальского проектов, а также пришедших им на смену гватемальских экспедиций 1980-х гг. (под руководством Х. Лапорте, Х. Вальдеса и др.), был вскрыт значительный пласт материала, относящегося к I тыс. до н. э. Так, ансамбль Е-группы (наиболее древний тип майяской монументальной архитектуры) своим названием обязан вашактунской архитектурной Группе Е – первому из обнаруженных комплексов такого рода. Описанный Ф. Бломом в 1924 г., долгое время ансамбль считался наиболее ранним примером подобной архитектуры на территории майя (*Ruppert*, 1940. P. 222; *Aveni, Hartung*, 1989. P. 452). Однако в ходе исследования тикальской Е-группы *Мундо-Пердидо* (исп. «Затерянный мир») в 1980-х гг. оказалось, что первая версия тикальского комплекса была сооружена значительно ранее вашактунского, в VIII–VII вв. до н. э. (*Fialko*, 1988; *Laporte, Fialko*, 1990; 1995).

К этому моменту, впрочем, уже было очевидно, что весь монументальный центр Тикаля намного древнее. В ходе тикальского проекта было установлено, что к среднему и позднему доклассическому периоду относится активность в центральном секторе городского эпицентра (хозяйственная яма под Северным акрополем, VI в. до н. э.; триадная группа храмов Северного акрополя, IV в. до н. э.), а также ранние горизонты Центрального акрополя (нижние уровни Здания 5D-50), который в позднем доклассическом периоде мог быть не более чем элитной жилой группой, находившейся на границе сакральной зоны церемониального центра, и отдельные сооружения в других районах города (ср. триадный акрополь 3D-43).

Вместе с тем в последние годы систематические раскопки начались на территории нескольких десятков памятников восточного Петена. Особенно важно, что исследуются как крупные и средние майяские города, так и совсем небольшие поселения. В 1994 г. Институтом антропологии и истории Гватемалы (*IDAЕН*) при финансовой поддержке правительства ФПГ был запущен Проект по защите археологических памятников Петена (*PROSIAPETEN*), который предполагал, в том числе, проведение работ по изучению Наранхо и его округи; а в 2005 г. под началом В. Фиалко стартовал масштабный Проект «по исследованию и спасению Наранхо» (*PIAREN*) (*Fialko*, 2005. Р. 2), работающий на территории памятника и по сей день. С 2000 г. экспедицией Университета Вандербильт под руководством Ф. Эстрада-Бэлли исследуется область Холмуля, включающая крупный доклассический центр Сиваль. В 2000-х гг. увидела свет серия монографий, посвященных многолетним работам известного гватемальского археолога Х. Лапорте и проекту «Археологический атлас Гватемалы» на памятниках юго-восточного Петена. В результате деятельности этих и других (Сан-Бартоло, Шультун, Накум) экспедиций был собран великолепный материал, позволяющий совершенно по-новому взглянуть на историю майяских низменностей I тыс. до н. э.

По всей видимости, восточный Петен начинает активно осваиваться отдельными группами-общинами майя на рубеже II–I тыс. до н. э. Самые ранние следы человеческой активности на территории Наранхо, расположенного в 45 км от Тикаля на границе бассейнов р. Холмуль и р. Мопан и являющегося вторым по величине городом региона, датируются 900 г. до н. э. В керамической хронологии восточного Петена эта датировка приходится на горизонт *пре-Мамом*, маркирующий верхнюю границу ранней доклассики. Судя по обнаруженной в нижних слоях Центрального акрополя керамике, стилистически близкой сосудам с белизского памятника Куэльо, в этот период здесь оседает группа переселенцев майя из Белиза.

К VIII в. до н. э. (керамический горизонт *Мамом*) относятся достаточно хорошо фиксируемые развалы церемониальных сооружений в районе Центральной площади, Акрополя В-5, Северной дороги и Пирамиды С-9. Важно отметить: характер построек указывает на то, что древнейшие обитатели Наранхо уже обладали глубокими познаниями в архитектуре и календаре. Кроме того, социум эпохи средней доклассики характеризовался наличием весьма сильной центральной власти, способной в случае необходимости мобилизовать значительные человеческие ресурсы. Так, для сооружения Центральной площади и размещения на ней так называемого комплекса «вашактунской» Е-группы (он состоял из ранних версий радиальной пирамиды В-18, восточной платформы В-20, а также зданий В-19 и В-24) ранним поселенцам пришлось полностью засыпать находившийся на этом месте естественный водоем. Как показала шурфовка, строители заполнили озерную глину камнями, после чего перекрыли каменную «кладку» семью штукowymi полами; это позволило полностью выровнять поверхность площади. Что касается желания возвести Е-группу на месте водоема, то оно, по мнению В. Фиалко, могло быть обусловлено некой космологической концепцией (*Fialko*, 2007. Р. 6). Недалеко от Северной дороги археологами были обнаружены расположенные на известняковых возвышенностях низкие платформы – по всей видимости, остатки жилищ периода средней

доклассики. Поблизости были найдены синхронные им свалки мусора. В северной части Акрополя В-5 вскрыты стены и полы комнат, группированных вокруг ранней версии Пирамиды В-5 – высота ее платформы тогда не превышала 6 м. Внутри главной городской святыни, Пирамиды С-9 – вероятного *вица*¹ Наранхо (*Tokovinine, Fialko, 2007. P. 13*), найдены стены и штукковые полы, связанные с вырезанной в известняковой скале пещерой. Все указывает на то, что уже в эпоху средней доклассики Пирамида С-9 была местом особого почитания и культовой активности жителей города. В частности, между поверхностью дна пещеры и нижним уровнем пола обнаружено множество раковин, фрагментов курильниц, каменных и базальтовых осколков.

Между VII в. до н. э. и I в. н. э. в радиусе 5 км от Наранхо возникают, как минимум, четыре важных второстепенных административно-ритуальных центра – Ла-Тракторада, Канахау, Лас-Транкас и Чунвиц. Эти комплексы должны были складываться как центры сельских общин. В этот же период в теменосе сооружаются четыре триадных акрополя – D-1, В-5, С-9, С-10. Не стоит исключать, что эти дворцовые комплексы могли символизировать и архитектурно воплощать четырехчастное деление доклассического Наранхо, объединившего в рамках единой городской агломерации несколько – четыре или больше – соседских общин.

Четырехчастное деление Наранхо упрочняется и за счет формирования двух основных осей города, растянувшихся по линиям север – юг и восток – запад. Дорога восток – запад, видимо, представляла собой церемониальный путь, берущий начало у западной оконечности Наранхо, вблизи основного городского водоема, который, вероятно, ассоциировался в соответствии с майяской космологией с «первозданными водами», на которых зиждется земля. Дорога пролегла вдоль северного фасада Центрального акрополя, южной стороны платформы триадного акрополя В-5, огибала Е-группу с севера, пока, наконец, не достигала главной святыни Наранхо – Пирамиды С-9. Обнаруженные в районе стадиона для игры в мяч две невысокие платформы также примыкали к дороге. Ось север – юг образовывалась Северной дорогой, переходившей в Центральную площадь и уходящей на юг от здания В-24.

В ходе закладки стратиграфических шурфов было установлено, что городской ландшафт Наранхо есть по большей части прямое отражение ландшафта природного, виртуозно использованного древнейшими обитателями Наранхо в процессе градостроительства. Естественный рельеф Наранхо формировался вокруг семи невысоких холмов, на которых в доклассический период осели Западный акрополь, Центральный акрополь, триадные акрополи D-1, В-5, С-3, С-10 и С-9. Впоследствии эти холмы использовались для сооружения чультунов, тайников и искусственных пещер.

К поздней доклассике (керамический горизонт Чиканель) относится появление ранней версии одного из главных сооружений Наранхо – «радиальной» Пирамиды В-18, известной также как «Пирамида иероглифической лестницы». Пирамида В-18 – западная пирамида Е-группы, с вершины которой осуществлялось наблюдение за движением солнца и фиксировались с помощью расположенной

¹ *Виц* (майяск. *witz*), досл. «гора»; в представлении классических майя, мифологическая «первая (цветочная) гора» – сакральный центр майяского города.

напротив восточной платформы В-20 дни солнцестояний и равноденствия. Главная особенность пирамиды – четыре лестницы, ниспадающие по четырем сторонам света и ведущие к расположенному на ее вершине храму, что может объясняться особой ролью пирамиды (в качестве *axis mundi*) во время общественных церемоний в дни равноденствия (Cohodas, 1980. Р. 208). Архитектурные корни «радиальных» пирамид уходят глубоко в доклассический период, в данном случае в грабительских туннелях также зафиксированы остатки двух доклассических версий здания, архитектурно близких пирамиде 5С-54–2 в Тикале и субструктуре E-VII из Вашактуна (Gámez, 2004). Две последние хронологически синхронны Пирамиде В-18.

На севере Центральной площади под зданием В-19 найден сводчатый дворец, относящийся к терминальной фазе доклассики, который следует относить к древнейшим примерам подобного архитектурного стиля в южных областях майя. Примерно в этот же период в Наранхо возникает традиция возводить стелы у основания храмовых лестниц, в частности, стелы устанавливаются у Пирамид С-9 и С-10.

В Центральном акрополе материал позднего доклассического периода зафиксирован при разборе восточного дворика, где под девятью пластами пола были найдены предположительно остатки фундамента ранней версии дворца. В ходе исследований здесь также были обнаружены фрагменты настенной росписи, а в верхнем пласте найдена антропоморфная скульптура со скипетром и каменной чашей для подношений, возможно, изображающая первого правителя Наранхо (Fialko, 2005. Р. 32–35; 2007. Р. 9). Не исключено, что именно он упоминается в одной из ретроспективных надписей из Наранхо кон. VI – нач. VII в.: на алтаре 1 под 258 г. до н. э. (Беляев, 2002. С. 140–143) или на стеле 25 под 158 г. н. э.

Холмуль, расположенный в 45 км к востоку от Тикаля и в 17 км к северу от Наранхо на левом берегу р. Холмуль, был ядром обширной городской агломерации площадью свыше 100 км², непрерывно функционировавшей с раннего доклассического и вплоть до терминальной фазы классического периода. Как показали исследования последних лет, первые поселенцы оседают в Холмуле не позднее 800 г. до н. э. На это указывает керамический материал, собранный в нижних слоях Группы II. В средний доклассический период (горизонт *Мамом*) на месте будущего акрополя возводится храмовый ансамбль, состоящий из первых версий Зданий В и F, а также здания N, впоследствии перекрытого более поздней пирамидальной платформой. По одной из версий, Здания В и N вместе с ещё одним не сохранившимся сооружением образовывали триадный акрополь, существовавший вплоть до эпохи поздней доклассики. На южном фасаде ранней версии Здания В возле лестницы среднедоклассического времени обнаружен гигантский зооморфный штуктовый рельеф-маскарон, датируемый 400–340 гг. до н. э. Иконографические мотивы скульптуры (вылезавшее из глубин зооморфное существо, воплощающее некое земляное божество или божество мертвых, в сочетании с мотивом повязки в виде геометрических фигур) типичны для иконографии, связанной с *вицем* (Estrada-Belli, 2008. 15–19).

В поздний доклассический период (IV в. до н. э. – III в. н. э., керамический горизонт *Чиканель*) ранние версии зданий В, N и F перекрываются массивной платформой, высота которой превышает 10 м при длине 110 м, а ширина – 89 м.

Этот рукотворный акрополь становится основой для храмового комплекса, известного как Группа II.

В 200 м к юго-востоку от него в этот же период начинает формироваться новое ядро города, образованное широкой площадью, размеры которой составляют 0,9 га, и примыкающими к ней с юга архитектурной Группой III, южная часть которой (дворик А) приобретает ритуальные функции, и с востока – первой версией комплекса Е-группы. Стоит отметить необычный момент – по своим габаритам холмульская Е-группа полностью воспроизводит центральную Е-группу Сиваля (*Estrada-Belli*, 2011. Р. 73).

В 1911 г. Р. Мервин обнаружил в Здании В Группы II 6 захоронений, датированных рубежом доклассического и классического периода (I–II вв. н. э.). Среди найденного в погребениях керамического материала были и великолепные образцы полихромной керамики.

Наиболее ранняя человеческая активность в Сивале, который находится в 6,5 км южнее Холмуля, относится к началу среднего доклассического периода (горизонт *пре-Мамом*), к 900–800 гг. до н. э. К этому же времени принадлежит разветвленная сеть чультунов, обнаруженная под северной пирамидой центральной Е-группы. В одном из них найдено погребение мужчины, радиоуглеродный анализ костей которого позволяет датировать захоронение 900–790 гг. до н. э. Сама пирамида была сооружена в поздний доклассический период.

В эпоху средней доклассики на центральной площади Сиваля возникает первая версия Е-группы. Ее восточная платформа (Здание 7), сооруженная около 500 г. до н. э., имела 5 строительных горизонтов, каждый из которых маркирован камнем правильной формы без резьбы. Самый ранний из этих монументов, синхронный первой версии Здания 7, возможно, является древнейшим в низменностях майя, зафиксированным *in situ*. У западного основания платформы была установлена стела 2, судя по иконографическому стилю, датируемая 300–200 гг. до н. э., что делает ее одним из наиболее ранних резных монументов майя. Кроме того, возле стелы были найдены следы не типичной для майя конструкции, своеобразной «триадной» композиции – три деревянных балки высотой 5 м, вероятно, связанные с некими наблюдениями космологического характера. Наконец, под платформой Здания 7 был обнаружен крестообразный вырез в скале – богатейший среднедоклассический тайник (Тайник 4) с сосудами и жадеитовыми топорами-кельтами, имеющий четкие коннотации с тайниками из Сейбаля, Ла-Венты, Сан-Исидро-Чиапаса. По мнению руководителя холмульского Проекта Ф. Эстрада-Белли, установка деревянных столбов есть завершающий этап ритуала, связанного с освящением тайника и формированием локального *axis mundi* (*Estrada-Belli*, 2011. Р. 83).

Одновременно на восточной оконечности площади вырастает самый внушительный комплекс городского эпицентра – Группа I, представляющая собой акрополь 70 м в длину, 40 м в ширину и 27 м высоту, на котором разбит «триадный» ансамбль. Возможно, ее первоначальные размеры были несколько скромнее, но вряд ли значительно. Архитектурно группа напоминает раннеклассические комплексы Эль-Мирадора и Накбе, но больше всего аналогий с вашактунской группой Н-5. В 2003 г. в группе обнаружен маскарон 5 м на 3 м, датированный поздней доклассикой и имеющий параллели в Серросе, Вашактуне, Эль-Мирадоре и Кохунли-

че. Маскарон представляет собой лик солнечного божества – К’инича. В главном сооружении акрополя (Здание 1) обнаружена роспись, создававшаяся на протяжении нескольких десятилетий, вероятно, в период между 200 и 160 гг. до н. э. и изображающая 15 фигур молодого бога майса.

В средний и поздний доклассический периоды в Сивале возникает множество других архитектурных групп. Возникают новые комплексы ритуального характера, такие как стадион для игры в мяч, а также еще пять (помимо центральной) Е-групп. В том числе проводится нехарактерное для майяской архитектуры строительство западной пирамиды и восточной платформы на искусственном акрополе (Группа XV). Активно строятся группы жилого характера, в том числе и триадный акрополь Группы VIII, ставший новой резиденцией правителей Сиваля. Градостроительная активность в кон. I тыс. до н. э. выливается, в частности, в семь позднеклассических строительных горизонтов в Группе VIII и пять – в Группе XIII.

Одним из последних актов градостроительства около 100 г. н. э. становится очередная перестройка Здания 7 и Здания 1 Группы I. Заключительная версия комплекса относится к 100 г. н. э., причем применялась та же строительная техника использования вертикальных известняковых блоков, как при возведении тикальского *Мундо-Пердидо* в I в. н. э.

Помимо прочего, из других находок последних лет, сделанных на территории восточного Петена, отдельного внимания заслуживают также северная Е-группа Накума (датирована X–IX вв. до н. э.)² и настенные росписи II–I вв. до н. э. из Сан-Бартоло (*Saturno, Taube, 2004*). Значительная активность, датируемая доклассическим периодом, фиксируется в Ишкуне, Иштуце, Курукуице и др.

Наконец, ряд важнейших находок был сделан экспедицией Института археологии и истории Словакии, с 2009 г. работающей в Вашактуне. В частности, речь идет об обнаружении иероглифической стелы 28, возможно, древнейшего эпиграфического памятника майя, который датируется кон. II в. до н. э., и «триадного» комплекса *Эль-Тибурон* (исп. «Акула»), высота которого составляет 32 м, что делает его самым высоким сооружением доклассического периода в центральном Петене (*Kováč, 2014. P. 4–9*).

Впрочем, особое значение имеет не столько сам факт вскрытия мощных слоев I тыс. до н. э. на территории большинства классических поселений восточного Петена, сколько характер обнаруженного материала. А он, в свою очередь, указывает на серьезные фундаментальные сдвиги, происходившие в майяском социуме на протяжении всего I тыс. до н. э.

Говоря о фундаментальных социальных трансформациях, прежде всего стоит принять во внимание масштаб строительных работ, повсеместно фиксируемых на территории доклассических памятников данного региона. Подобный масштаб, вне всякого сомнения, требовал огромных человеческих ресурсов, мобилизация которых возможна только при условии достижения весьма высокого уровня социальной организации. Он также требовал появления особых рычагов принуждения, позволяющих оторвать общинника-земледельца от его собственного хозяйства

² Личное сообщение Я. Жрауки (J. Zralka) в 2013 г.

и отправить на строительные работы в десятках километров от дома, как это происходило, например, в Сивале (*Estrada-Belli*, 2011, Р. 175–176).

Исследование центральных районов Сиваля показало, что его монументальный центр возведен на искусственной платформе шириной до 500 м, достигающей 7 м в высоту. Платформа была построена за короткий период (не более 50 лет) между 900 и 800 гг. до н. э. Общий объем строительных материалов, потраченных на сооружение самой платформы с первой версией комплекса Е-группы – 1,3 млн м³. Для сравнения, за весь период поздней доклассики (350 г. до н. э. – 100 г. н. э.) объем строительных работ на этом же участке монументального центра составил 555 тыс. м³, т. е. почти в три раза меньше.

С похожей ситуацией мы имеем дело в Наранхо. Между 800 и 700 гг. до н. э. для сооружения Центральной площади и размещения на ней комплекса Е-группы ранним поселенцам пришлось полностью засыпать находившийся на этом месте естественный водоем (*Fialko*, 2007. Р. 6). Как показала шурфовка, строители заполнили озерную глину камнями, после чего перекрыли каменную «кладку» семью штукowymi полами; это позволило полностью выровнять поверхность площади.

Вместе с тем строительство Е-групп и связанных с ними архитектурных комплексов, маркирующих, в том числе, линии зенита и надира, само по себе представляет особую важность, свидетельствуя о высоком уровне астрономических, календарных и математических познаний в майском социуме уже на рубеже II и I тыс. до н. э. Кроме того, с Е-группами связаны наиболее древние из обнаруженных *in situ* монументы – в Сивале каждый из 5 строительных горизонтов маркирован не содержащим резьбы монументом – каменным блоком правильной формы.

К восточной платформе сивальской Е-группы относится и стела 2 – один из наиболее ранних резных монументов майя. О динамичном развитии искусства в конце эпохи средней доклассики говорит находка штукowego рельефа на ранней версии Здания В в Холмуле.

Наконец, основные черты одного из важнейших маркеров майяской государственности – «царского» погребального обряда, включающего характерный для богатых классических захоронений погребальный инвентарь (полихромная керамика, жадеит, предметы мелкой пластики), складываются намного раньше формального наступления классического периода III в. н. э. К ним, в частности, относятся доклассическое погребение 160 из Куэльо (*Hammond*, 1992), доклассические погребения из Сан-Бартоло (*Pellecer Alecio*, 2005) и К'о (*Estrada-Belli*, 2009. Р. 172) (примечательно, что все они были обнаружены под жилами группами, а не в акрополях), не говоря уже о богатых погребениях 166, 167 и 85 из Северного акрополя Тикаля (*Coe*, 1991), датируемых I в. н. э.

Таким образом, данные археологических исследований последних десятилетий свидетельствуют, что все основные достижения классической майяской культуры не были продуктом исключительно классического периода. Зарождение и развитие социально-экономической, культурной и политической основы классического майяского общества уходит корнями глубоко в период архаики. Очевидно также, что эти процессы в основном не выходили за рамки указанного историко-культурного и географического ареала.

Более того, все указывает на то, что в будущем по мере дальнейшего накопления материала хронологические рамки предполагаемого генезиса классической

культуры продолжают движение по временной шкале вниз. Уже сейчас очевидно, что в I тыс. до н. э. следует искать не столько *истоки*, сколько *сами процессы и явления*, определившие социокультурный облик классических майя.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д. Д., 2002. Древние майя (III–IX вв. н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. М: Ин-т Африки РАН. С. 130–155.
- Сафронов А. В., 2012. Исследование исторической географии древних майя: традиционный подход и ГИС-метод // РА. № 2. С. 97–107.
- Aveni A., Hartung H., 1989. Uaxactun, Guatemala, Group E and Similar Assemblages: An Archaeoastronomical Reconsideration // World Archaeoastronomy / Ed. A. Aveni. Cambridge: Cambridge University Press. P. 441–461.
- Brady J., Ball J., Bishop R., Pring D., Hammond N., Housley R., 1998. The Lowland Maya «Protoclassic»: Reconsideration of its nature and significance // Ancient Mesoamerica. Vol. 9. P. 17–38.
- Bullard W., 1960. Maya Settlement Pattern in Northeastern Peten, Guatemala // American Antiquity. Vol. 25. No. 3. P. 355–372.
- Coe W., 1965. Ten Years of Study of a Maya Ruin in the Lowlands of Guatemala // Expedition. Vol. 8. No. 1. P. 5–56.
- Coe W., 1991. Excavations in the Great Plaza, North Terrace and North Acropolis of Tikal. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology. 1007 p. (Tikal Report, 14.)
- Cohodas M., 1980. Radial Pyramids and Radial-Associated Assemblages of the Central Maya Area // Journal of the Society of Architectural Historians. Vol. 39. No. 3. P. 208–223.
- Estrada-Belli F., 2008. Investigaciones Arqueologicas en la Region Holmul, Peten, Guatemala [Electronic resource] // Reporte Preliminar de la Temporada 2007. Nashville: Vanderbilt University. Access mode: www.vanderbilt.edu/estrada-belli/holmul/reports. 242 p.
- Estrada-Belli F., 2009. Investigaciones Arqueologicas en la Region Holmul, Peten, Guatemala // Reporte Preliminar de la Temporada 2008. Nashville: Vanderbilt University. Access mode: www.vanderbilt.edu/estrada-belli/holmul/reports. 252 p.
- Estrada-Belli F., 2011. The First Maya Civilization Ritual and Power Before the Classic Period. Abingdon; New York: Routledge. 176 p.
- Fialko V., 1988. Mundo Perdido, Tikal: Un ejemplo de complejos de conmemoracion astronomica // Mayab. Vol. 4. P. 13–21.
- Fialko V., 2005. Archaeological Research and Rescue Project at Naranjo: Emerging Documentation in Naranjo's Palacio de la Realeza, Peten, Guatemala [Electronic resource] // Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies, Inc. (FAMSI), Crystal River, FL. 2005. 87 p. Access mode: www.famsi.org/reports/05005/. Date of access: 25.08.2015.
- Fialko V., 2007. Investigaciones arqueológicas y rescate en Naranjo. Temporada 2007: Reporte en archivo PRONAT-TRIÁNGULO, Instituto de Antropología e Historia de Guatemala, Guatemala. 23 p.
- Gómez L., 2004. El complejo de la Pirámide de la Escalinata jeroglífica de Naranjo // XVII Simposio de investigaciones arqueológicas en Guatemala, 2003 / Eds J. P. Laporte, B. Arroyo, H. Escobedo, H. Mejía. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología. P. 563–564.
- Hammond N., 1992. Preclassic Maya civilization // New theories on the ancient Maya / Eds: E. Danien, R. Sharer. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania. P. 137–144. (University Museum Monograph; 77).
- Kováč M., 2014. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014) // Historická Revue. Vol. XXV. No. 10. Supplement. 26 p.
- Laporte J., Fialko V., 1990. New Perspectives on Old Problems: Dynastic References for the Early Classic at Tikal // Vision and Revision in Maya Studies / Eds F. Clancy, P. Harrison. Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 33–66.
- Laporte J., Fialko V., 1995. Un encuentro con Mundo Perdido, Tikal, Guatemala // Ancient Mesoamerica. Vol. 6. P. 41–94.

- Pellecer Alecio M.*, 2005. El Grupo Jabali: Un complejo arquitectónico de patrón triádico en San Bartolo, Petén // XIX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala / Eds J. Laporte, B. Arroyo, H. Mejía. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología. P. 1018–1030.
- Ruppert K.*, 1940. A Special Assemblage of Maya Structures // *The Maya and Their Neighbors: Essays on Middle American Anthropology and Archaeology* / Eds C. Hay, R. Linton, S. Lothrop, H. Shapiro, G. Valliant. New York: Dover Publications. P. 222–231.
- Saturno W., Taube K.*, 2004. Hallazgo: Las excepcionales pinturas de San Bartolo, Guatemala // *Arqueología Mexicana*. Vol. 66. No. 11. P. 34–35.
- Tokovinine A., Fialko V.*, 2007. Stela 45 of Naranjo and the Early Classic Lords of Sa'aal // *The Pari Journal*. Vol. VII. No. 4. P. 1–14.

Сведения об авторе.

Савченко Иван Антонович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: komodovych@mail.ru.

I. A. Savchenko

From the Archaic Period to the Classic Period: Eastern Lowlands of
the Maya civilization (North-East of Guatemala) in 1000 BC

Abstract. Maya Classic culture genesis remains to be one of the most relevant and controversial issues in Maya historiography. Archaeologically, it is closely linked with development of an early Maya city as a place of residence of its ruler, a center of religious worship and a social and economic core of society. Systematic archaeological studies of dozens of sites began in the 1990–2010s. These studies substantially expanded our understanding of the Preclassic period in the North-Eastern areas of Guatemala, which was based on earlier studies in Tikal and Uaxactun. New evidence shows that evolution and development of the social and economic, cultural and political framework of Maya society are deep-rooted in the Archaic period (the turn of 2000–1000 BC). Processes and phenomena determining social and cultural features of the Classic Maya seem to have developed by the Late Preclassic period (4th century BC – 3rd century AD), i. e. substantially earlier than the formal startup of the Classic period as has been considered before.

Keywords: Mesoamerica, ancient Maya, Preclassic, Guatemala, Tikal, Naranjo, Holmul, Cival, Uaxactun.

REFERENCES

- Aveni A., Hartung H., 1989. Uaxactun, Guatemala, Group E and Similar Assemblages: An Archaeoastronomical Reconsideration. *World Archaeoastronomy*. A. Aveni, ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 441–461.
- Belyaev D. D., 2002. Drevnie mayya (III–IX vv. n. e.) [Ancient Maya (III–IX cc. AD)]. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza [Civilization models of politogenesis]*. D. M. Bondarenko, A. V. Korotaev, eds. Moscow: Institut Afriki RAN, pp. 130–155.
- Brady J., Ball J., Bishop R., Pring D., Hammond N., Housley R., 1998. The Lowland Maya «Protoclassic»: Reconsideration of its nature and significance. *Ancient Mesoamerica*, 9, pp. 17–38.
- Bullard W., 1960. Maya Settlement Pattern in Northeastern Peten, Guatemala. *American Antiquity*, vol. 25, no. 3, pp. 355–372.

- Coe W., 1965. Ten Years of Study of a Maya Ruin in the Lowlands of Guatemala. *Expedition*, vol. 8, no. 1, pp. 5–56.
- Coe W., 1991. Excavations in the Great Plaza, North Terrace and North Acropolis of Tikal. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology. 1007 p. (Tikal Report, 14).
- Cohodas M., 1980. Radial Pyramids and Radial-Associated Assemblages of the Central Maya Area. *Journal of the Society of Architectural Historians*, vol. 39, no. 3, pp. 208–223.
- Estrada-Belli F., 2008. Investigaciones Arqueológicas en la Region Holmul, Peten, Guatemala. Electronic resource. *Reporte Preliminar de la Temporada 2007*. Nashville: Vanderbilt University. 242 p. URL: www.vanderbilt.edu/estrada-belli/holmul/reports.
- Estrada-Belli F., 2009. Investigaciones Arqueológicas en la Region Holmul, Peten, Guatemala. Electronic resource. *Reporte Preliminar de la Temporada 2008*. Nashville: Vanderbilt University. 252 p. URL: www.vanderbilt.edu/estrada-belli/holmul/reports.
- Estrada-Belli F., 2011. The First Maya Civilization Ritual and Power before the Classic Period. Abingdon; New York: Routledge. 176 p.
- Fialko V., 1988. Mundo Perdido, Tikal: Un ejemplo de complejos de conmemoración astronómica. *Mayab*, 4, pp. 13–21.
- Fialko V., 2005. Archaeological Research and Rescue Project at Naranjo: Emerging Documentation in Naranjo's Palacio de la Realeza, Peten, Guatemala. Electronic resource. *Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies, Inc. (FAMSI)*, Crystal River, FL. 2005. 87 p. URL: www.famsi.org/reports/05005/.
- Fialko V., 2007. Investigaciones arqueológicas y rescate en Naranjo. Temporada 2007: Reporte en archivo PRONAT-TRIÁNGULO, Instituto de Antropología e Historia de Guatemala. Guatemala. 23 p.
- Gómez L., 2004. El complejo de la Pirámide de la Escalinata jeroglífica de Naranjo. *XVII Simposio de investigaciones arqueológicas en Guatemala, 2003*. J. P. Laporte, B. Arroyo, H. Escobedo, H. Mejía, eds. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, pp. 563–564.
- Hammond N., 1992. Preclassic Maya civilization. *New theories on the ancient Maya*. E. Danien, R. Sharer, eds. Philadelphia: University of Pennsylvania. P. 137–144. (University Museum Monograph, 77).
- Kováč M., 2014. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014). *Historická Revue*, vol. XXV, no. 10, Supplement. 26 p.
- Laporte J., Fialko V., 1990. New Perspectives on Old Problems: Dynastic References for the Early Classic at Tikal. *Vision and Revision in Maya Studies*. F. Clancy, P. Harrison, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, pp. 33–66.
- Laporte J., Fialko V., 1995. Un recuento con Mundo Perdido, Tikal, Guatemala. *Ancient Mesoamerica*, 6, pp. 41–94.
- Pellecer Alecio M., 2005. El Grupo Jabalí: Un complejo arquitectónico de patrón triádico en San Bartolo, Petén. *XIX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*. J. Laporte, B. Arroyo, H. Mejía, eds. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, pp. 1018–1030.
- Ruppert K., 1940. A Special Assemblage of Maya Structures. *The Maya and Their Neighbors: Essays on Middle American Anthropology and Archaeology*. C. Hay, ed. New York: Dover Publications, pp. 222–231.
- Safronov A. V., 2012. Issledovanie istoricheskoy geografii drevnikh mayya: traditsionnyy podkhod i GIS-metod [Investigation of historic geography of ancient Maya: traditional approach and GIS-method]. *RA*, 2, pp. 97–107.
- Saturno W., Taube K., 2004. Hallazgo: Las excepcionales pinturas de San Bartolo, Guatemala. *Arqueología Mexicana*, vol. 66, no. 11, pp. 34–35.
- Tokovinine A., Fialko V., 2007. Stela 45 of Naranjo and the Early Classic Lords of Sa'aal. *The PARI Journal*, vol. VII, no. 4, pp. 1–14.

About the author:

Savchenko Ivan A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: komodovych@mail.ru.

А. В. Сафронов

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА МАЙЯ В ВАШАКТУНЕ*

Резюме. Исследование посвящено проблеме возникновения раннего государства в Вашактуне – одном из важнейших политических центров в Центральных низменностях майя. Изучение его архитектурного комплекса, жилой округи и эпиграфических памятников ведется с 1916 г. Особенно значимые результаты были достигнуты Словацким институтом археологии и истории (с 2009 г.). Раскопки и анализ доклассических комплексов F и H пролили свет на ранний этап истории Вашактуна – период формирования раннегосударственных институтов власти. Новые данные также были получены автором статьи в результате редокументации эпиграфических памятников Вашактуна, обнаруженных в XX в. Анализ данных по ранней истории Вашактуна показывает, что он становится важным политическим центром региона уже в IV в. до н. э. В I–II вв. н. э. здесь складывается царская власть, появляются первые письменные памятники, ведется монументальное строительство, т. е. имеются признаки раннего государства. Однако около 150 г. н. э. в Вашактуне происходит политический упадок и государство вновь возрождается только в начале IV в.

Ключевые слова: майя, Вашактун, Тикаль, Петен, доколумбовая Америка, Мезоамерика, иероглифическая письменность, эпиграфика, монументальные памятники, раннее государство, царская власть.

Археологический памятник Вашактун, расположенный в северной части департамента Петен (Гватемала) на территории Природного заповедника Майя (рис. 1), в древности являлся одним из важнейших политических центров данного региона. Предположение о ключевой роли Вашактуна в ранней истории древних майя сделал еще Сильванус Морли, который и открыл памятник в 1916 г., обнаружив там на стеле 9 наиболее раннюю (из известных на тот момент) календарных записей майя по «долгому счету» – 8.14.10.13.16 (328 г.,

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта на тему «Территориально-политическая организация древних майя в области Центральных низменностей (ГИС-моделирование)» (грант РФФИ № 14-06-00372; 2014–2015 гг.).

но первоначально датированную Морли 50 г. н. э.). Название городища – *Uaxactun* – было составлено из слов *uaxac* – «восемь» (по 8-му 400-летнему циклу) и *tun* – «камень» (т. е. стела). Идея об особой роли этого городища для древней истории майя нашла отражение в т. н. «теократической» концепции Морли, где, среди прочего, указывалось на существование в классический период (III–IX вв.) некоего единого религиозно-политического центра майя, столицы «Древнего царства», которым, по первоначальному предположению автора, и являлся Вашактун (*Morley*, 1937–1938. P. 247–250; 1947. P. 160).

Детальное изучение территории городища, составление карты, раскопки и реконструкция центральных архитектурных групп Вашактуна были осуществлены в 1926–1937 гг. экспедицией Института Карнеги (*Ricketson O.*, *Ricketson E.*, 1937; *Smith R.*, 1937; *Smith L.*, 1950; *Black*, 1990). Не менее важно то, что материалы экспедиции Института Карнеги легли в основу разработки типологии керамики области майя, на которой строится вся современная археологическая периодизация. Следующий этап исследования относится только к 1983 г., когда в Вашактуне начал работу Институт истории и антропологии Гватемалы (IDAEN) под руководством Х. А. Вальдеса и Ф. Фасена. Параллельно с продолжением археологического проекта, «Корпус иероглифических надписей майя» Музея Пибоди Гарвардского университета (США) под руководством Я. Грэма в 1986 г. издал новый том (*Corpus of Maya...*, 1986) с публикацией значительной части монументов Вашактуна (22 стелы), включавшей их фотографии и полные линейные прорисовки.

Эта публикация позволила ряду специалистов по иероглифической письменности майя сделать первые выводы о династической истории Вашактуна. Американская исследовательница Д. Маркус впервые выдвинула идею, что в раннеклассический период Вашактун был столицей самостоятельного царства, доминировавшего в северном Петене (*Marcus*, 1976). Первое подробное исследование вашактунских надписей IV–VI вв. (в первую очередь их хронологической канвы) провел канадский эпиграфист П. Мэтьюз в 1984 г. (*Mathews*, 1985). В частности, он впервые обратил внимание, что в надписях Вашактуна (стелы 4 и 5) и Тикаля часто упоминается дата по «долгому счету» 8.17.1.4.12 = 11 Эб 15 Мак (16 января 378 г.). Мэтьюз предположил, что в 378 г. в результате военного столкновения Вашактун был подчинен Тикалю, и в нем утвердился боковая ветвь тикальской династии. Американский специалист по надписям майя Л. Шили согласилась с доводами Мэтьюза и выдвинула предположение, что Тикаль победил в этой войне при поддержке отрядов воинов из Центральной Мексики, которые использовали новое для майя оружие – дротики с копьеметалками. В свете все еще владевших в то время умами майянистов идей «теократической концепции» этот конфликт стал рассматриваться Шили как первая в истории классических майя завоевательная война, приведшая впоследствии к всплеску внутренних конфликтов в мире майя (*Schele, Freidel*, 1991. P. 130–164).

Наработки североамериканских специалистов позволили Х. Вальдесу, Ф. Фасену и Э. Эскобедо провести специальное исследование по реконструкции политической истории Вашактуна, опираясь на анализ иероглифических текстов и данных археологических раскопок. Они определили время появления

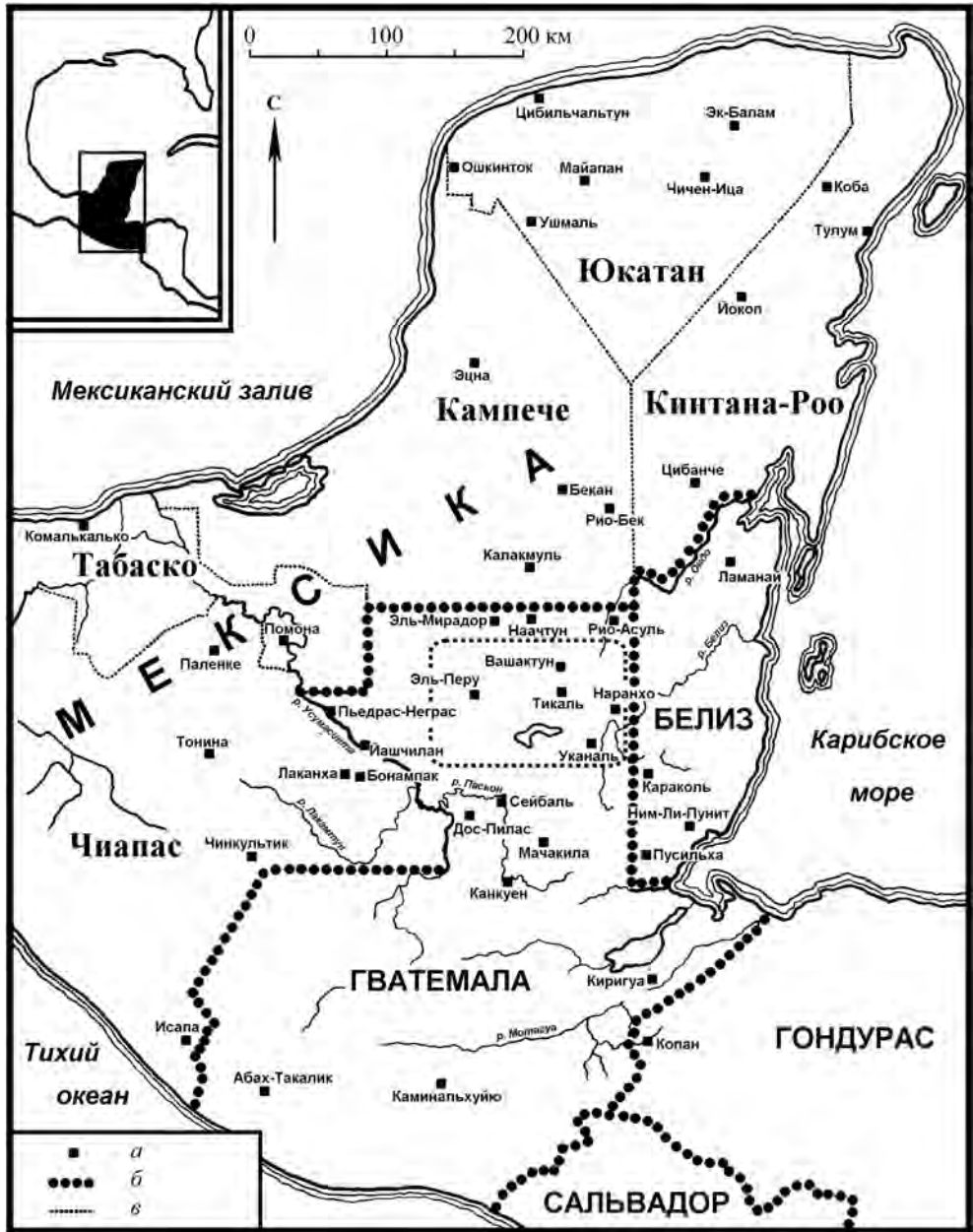

Рис. 1. Археологическая зона майя и Центральный Петен (современное положение)
 Условные обозначения: а – археологические городища; б – границы государств; в – границы штатов

раннеклассической династии Вашактуна, примерный династический список, отметили политическую активность Вашактуна как самостоятельного династического центра на ранней и терминальной фазах классического периода и указали на его зависимость от Тикаля с конца IV по середину VIII вв. (*Valdes et al.*, 1999). Из интересных аспектов реконструкций гватемальских исследователей можно указать попытку ассоциировать группу царских погребений в комплексе А-V с конкретными царями – протагонистами монументов V–VI вв. (Фаза *Tzakol 3*) (*Ibid.* P. 35–71). Тем не менее эпиграфический анализ гватемальских исследователей вызывает серьезные нарекания. Подробные реконструкции контекста эпиграфических надписей на каменных монументах, сохранность которых в большинстве довольно плохая, они не проводили, ограничиваясь лишь изучением хронологии и титулатур правителей. Также Вальдес, Фасен и Эскобеда практически не изучали надписи на керамике, на предметах мелкой пластики и настенных росписях, т. е., по сути, они никак не использовали большой объем весьма ценной информации по династической истории данного археологического памятника.

Новое исследование династической истории Вашактуна было предпринято российским специалистом Д. Д. Беляевым, который при работе с эпиграфическими памятниками основывался на углубленной проработке лингвистических и палеографических аспектов текстов. Также он привлек обширный материал надписей на предметах мелкой пластики и керамике. В публикации 2002 г., посвященной анализу династической истории Вашактуна в раннеклассический период, Д. Д. Беляев пересмотрел и усовершенствовал династический список, предложенный Вальдесом, Фасеном и Эскобеда (*Беляев*, 2002), включив в него несколько новых имен. Также он дал новую интерпретацию археологическому материалу, исходя из содержания надписей, а также связал историю Вашактуна с более широким историческим контекстом, например, указал на изменения в династической истории в связи с завоеванием Центрального Петена войсками владыки Теотиуакана в 378 г. (*Беляев*, 2002. С. 195, 196). К сожалению, Д. Д. Беляев невольно допустил ряд ошибочных выводов, которые были связаны с неверной интерпретацией «эмблемного иероглифа» Вашактуна. Дело в том, что в начале 2000-х гг., после предположения, выдвинутого П. Мэтьюзом, было принято считать, что местным «эмблемным иероглифом» является титул *Siyajchan 'ajaw* – «царь Сийахчана», упоминаемый на стеле 2 под 751 г. (*Mathews*, 1985. P. 45; *Valdes et al.*, 1999. P. 23, 84–85; *Беляев*, 2002. С. 193, 194). Беляев указал, что аналогичный «эмблемный иероглиф» упоминается в нескольких надписях на предметах мелкой пластики и керамики, относящихся к IV–V вв. Соответственно, он включил всех упоминавшихся в этих надписях царей в раннеклассический династический список Вашактуна (*Беляев*, 2002. С. 194, 196–199). Однако в 2008 г. американский эпиграфист Стивен Хаустон на основании исследования эпиграфических памятников из Эль-Соца, другого раннеклассического политического центра Центрального Петена (40 км к западу от Вашактуна), убедительно показал, что *Siyajchan 'ajaw* является «эмблемным иероглифом» Эль-Соца (*Houston*, 2008. P. 1–3). Следовательно, все опознанные под этим титулом цари III–VI вв.: Йих-Бац, Чак-Кабкох-Ак, Сийах-Чан-Ак, Пуксик'алис-Чан-Акан-Йопат, К'анхаль-Мукууй (*Беляев*, 2002. С. 200) – являлись представителями царской

династии Эль-Соца. Также было пересмотрено и чтение самого «эмблемного иероглифа». Британский специалист Саймон Мартин предложил чтение топонима в титуле как: **PAʔ-CHAN**, *Paʔchan* – Пачан (букв. «расколотое небо») (Martin, 2004). Отмечено, что аналогичный титул с IV до начала IX вв. использовали и цари Йашчилана – центра крупного царства в Верхнем течении Усумасинты, что, по мнению С. Хаустона, должно свидетельствовать о родстве династических линий в двух политических центрах (Houston, 2008. P. 5).

Более того, тщательное изучение надписи на стеле 2 (рис. 2), проведенное автором в 2014 г. в рамках полевого проекта по редокументации монументальных памятников Вашактуна, показало следующее чтение текста:

AB1) **tzi-ka-HAAʔB'...?** (A2) **B'OLON-pi-hi** (B2) **WAKLAJUʔN**
WINAAK-HAAʔB' (A3) **MIH-HAAʔB'** (B3) **MIH-WINIK** (A4) **MIH-**
K'IIN-ni (B4) **CHAN-ʔAJAW**^{день} (A5) **HUUXLAJUʔN-ka-se-wa** (B5) **ʔu-ti-**
ya (A6) **K'AL-TUUN-ni** (B6) **HOʔ-...**^{день} (A7) **K'AN-na-...K-ʔAJAW** (B7)
HUUXLAJUʔN-...?-HUUX-WINIK (A8) **TAB'-yi** (B8) **PAʔ-CHAN-NAL**

Tziikhaaʔb' ... bolon pih waklajuʔn winaakhaaʔb' mih haaʔb' mih winik mih k'iin chan ʔajaw huuxlajuʔn Kaseʔw ʔuhtiy k'altuun Hoʔ ...? K'an...k 'ajaw huuxlajuʔn(heʔw)...? huux winik? tab'aay Paʔchannal

Счет в году под знаком ...? – 9 400-леть, 16 20-леть 0 лет, 0 месяцев, 0 дней, [в день] 4 Ахав, 13-го [числа месяца] Касев случилось камнеповязание Хо-... царя К'ан...ка, [спустя] 13 дней, 3 месяца, [как] он взшел в место Пачан.

Таким образом, в тексте указано, что 9 мая 751 г. (9.16.0.0.0, 4 *Ajaw 13 Kaseʔw*) царь Вашактуна, очевидно, названный календарным именем *Hoʔ* ... и использовавший в качестве царского титула малопонятный пока «эмблемный иероглиф» *K'an...k 'ajaw*, совершил обряд установки стелы в честь окончания 20-летия спустя 3 месяцев и 13 дней, как он побывал в Пачане. Глагол *tab'aay* – букв. «взшел, поднялся» – в данном контексте означает зависимое положение по отношению к месту прибытия. Проще говоря, вашактунский владыка был вассалом царя Пачана в середине VIII в.; таким образом, мы никак не можем ассоциировать «эмблемный иероглиф» *Paʔchan ʔajaw* с Вашактуном. Поэтому, к сожалению, раннеклассический династический список, реконструированный Д. Д. Беляевым, необходимо вновь пересматривать.

К началу 2010-х гг. все очевиднее выявилась проблема слабой проработки эпиграфического материала Вашактуна, несмотря на его относительную доступность для исследователей, а также недостаточная изученность доклассических археологических слоев городища, которые пролили бы свет на процесс формирования политического объединения вокруг Вашактуна. Однако в 2009 г. в Вашактуне начал работу крупный археологический проект Словацкого института археологии и истории (SAHI) под руководством М. Ковача, который за 6 лет к 2015 г. фактически превратился в региональный проект по исследованию труднодоступных и малоизученных районов северного Петена (Kováč, 2014. P. 1, 2, 15, 16). В частности, в 2012–2014 гг. было открыто и исследовано несколько

городищ к северу от Вашактуна: Петналь, Чаналь, Цибатнах, Дос-Торрес и др., которые, судя по предварительным данным, составляли важную часть территориально-политической организации северного Петена в позднеклассический период (Kováč, 2014. P. 17–22). В самом же Вашактуне внимание сосредоточено на исследовании ритуальных построек позднего формативного периода – группы F и H, представляющих собой типичные для низменностей майя рубежа эр триадные комплексы (Ibid. P. 2–10). Находки, сделанные в наиболее древней части городской застройки Вашактуна, отчасти могут объяснить политические процессы, происходившие в Центральном Петене на закате доклассической эпохи.

Одной из целей проекта является полная документация и анализ монументальных памятников Вашактуна, включая изготовление их репродукций посредством новейших методов 3D-сканирования и создание цифровых RTI-моделей (Ibid. P. 13). С 2014 г. автор данной публикации в рамках проекта SANI работает над изготовлением линейных прорисовок и эпиграфическим анализом надписей. Последние находки в этой сфере также дают весьма важную информацию о формировании раннего государства.

Прежде всего, раскопки в юго-восточной части городской застройки Вашактуна позволили составить представление об основных зданиях позднего формативного периода (300 г. до н. э. – 250 г. н. э.) – Северная группа H, Южная группа H, Северная группа F – наиболее массивные триадные комплексы в Вашактуне. Ранее данные комплексы были исследованы очень слабо, например, Вальдес, Фасен и Эскобедо лишь отмечают важное значение северной группы H на раннем этапе развития Вашактуна, указывают приблизительное время строительства – 150–100 гг. до н. э., наличие богатого штучкового декора, включающего гигантские маскароны и изображения «правителей» (Valdes et al., 1999. P. 17–19). Новые стратиграфические раскопки свидетельствуют, что время сооружения начальных этапов этих гигантских пирамид относится к рубежу среднего и позднего формативных периодов (около 400–300 гг. до н. э.) (Kováč, 2014. P. 6), а время наиболее активного функционирования приходится приблизительно на 50 г. до н. э. – 150 г. н. э. (Ibid. P. 3, 4). С 2012 г. проект ведет исследование крупнейшего сооружения в Вашактуне – Северной

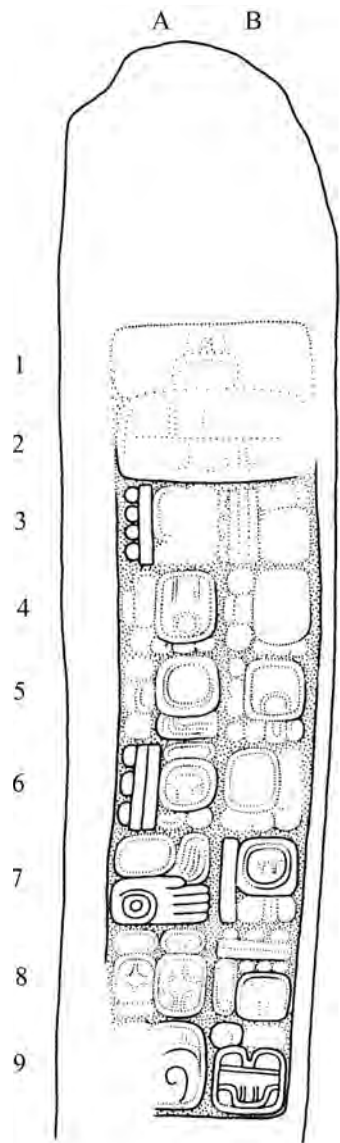

Рис. 2. Вашактун, стела 2, правая сторона (прорисовка А. В. Сафронова)

группы F, т. н. комплекса «Тибурон», который представляет собой 32-метровый двухуровневый триадный комплекс с Т-образной планировкой основания пирамиды (рис. 3, а) (Kováč, 2014. P. 7–9). По оценке руководителя проекта М. Ковача комплекс «Тибурон» с размерами основания 165 × 115 м и общим объемом постройки 355 796 м³ является самым большим сооружением майя доклассического периода в Центральном Петене и вторым по размеру после комплекса «Данта» в Эль-Мирадоре (Ibid. P. 9). Без сомнения, наличие этого гигантского храмового сооружения Вашактуна свидетельствует о его доминирующей роли в политической жизни региона на рубеже эр.

Несмотря на это, в середине II в. н. э. (около 150 г.) в Вашактуне наступает политический кризис, который выразился в упадке позднеформативных триадных комплексов, в частности, северной группы Н. Обнаруженный в 2013 г. на Верхней площади северной группы Н обломок стелы с фрагментами иероглифической надписи и иконографического изображения является свидетельством этого упадка. В общей классификации монументов Вашактуна памятник получил наименование стела 28 (рис. 3, б) (Nuevas excavaciones..., 2014, P. 29–37, 470) и ее следует охарактеризовать подробнее. На основании археологического контекста находки руководитель проекта М. Ковач предположил, что время создания монумента относится к периоду между 100–50 гг. до н. э., поэтому есть вероятность, что это наиболее ранний монумент с текстом в области майя (Kováč, 2014. P. 4, 5). Затем, около 50 г. до н. э., по мнению археолога, он был разрушен («десакрализован»), а его обломок был найден среди строительного материала, из которого была возведена небольшая платформа на краю Верхней площади северной группы Н (рис. 4), датируемая серединой I в. до н. э. (Ibid. P. 5). Таким образом, исходя из археологической датировки, сделан вывод о стеле 28 как наиболее раннем образце письменности майя. А это, в свою очередь, означает, что появление письменных памятников в Центральных низменностях майя должно относиться к I-й пол. I в. до н. э. Поскольку появление письменности является одним из неотъемлемых аспектов формирования раннего государства (Саутхолл, 2000. С. 134), как показывают многочисленные примеры в истории мировой цивилизации, то данный вывод может свидетельствовать о появлении государства у древних майя уже в конце I тыс. до н. э.

Тем не менее позволим себе не согласиться с данной точкой зрения. Проблема датировки наиболее ранних письменных памятников древних майя является одним из ключевых аспектов для понимания процесса социально-политической трансформации их общества при переходе к ранней государственности. Проблема осложняется тем, что календарные записи по т. н. «Долгому счету», которые и позволяют точно датировать монументы и говорить о сложившемся письменном, т. е. раннегосударственном, обществе в Центральных низменностях майя, относятся только к концу III в. н. э. Наиболее ранняя из известных дат зафиксирована на стеле 29 из Тикаля – 8.12.14.13.15 = 16 октября 292 г. (Martin, Grube, 2008. P. 26, 27), наличие в это время государственности с сакрализованной царской властью в политическом образовании с центром в Тикале не подвергается сомнению. Но письменная традиция появляется в низменностях майя гораздо раньше, вопрос лишь в том, насколько раньше?

Первые мезоамериканские монументы, содержащие записи по долгому счету, появляются в I в. до н. э. в области перешейка Теуантепек (эпиольмекская

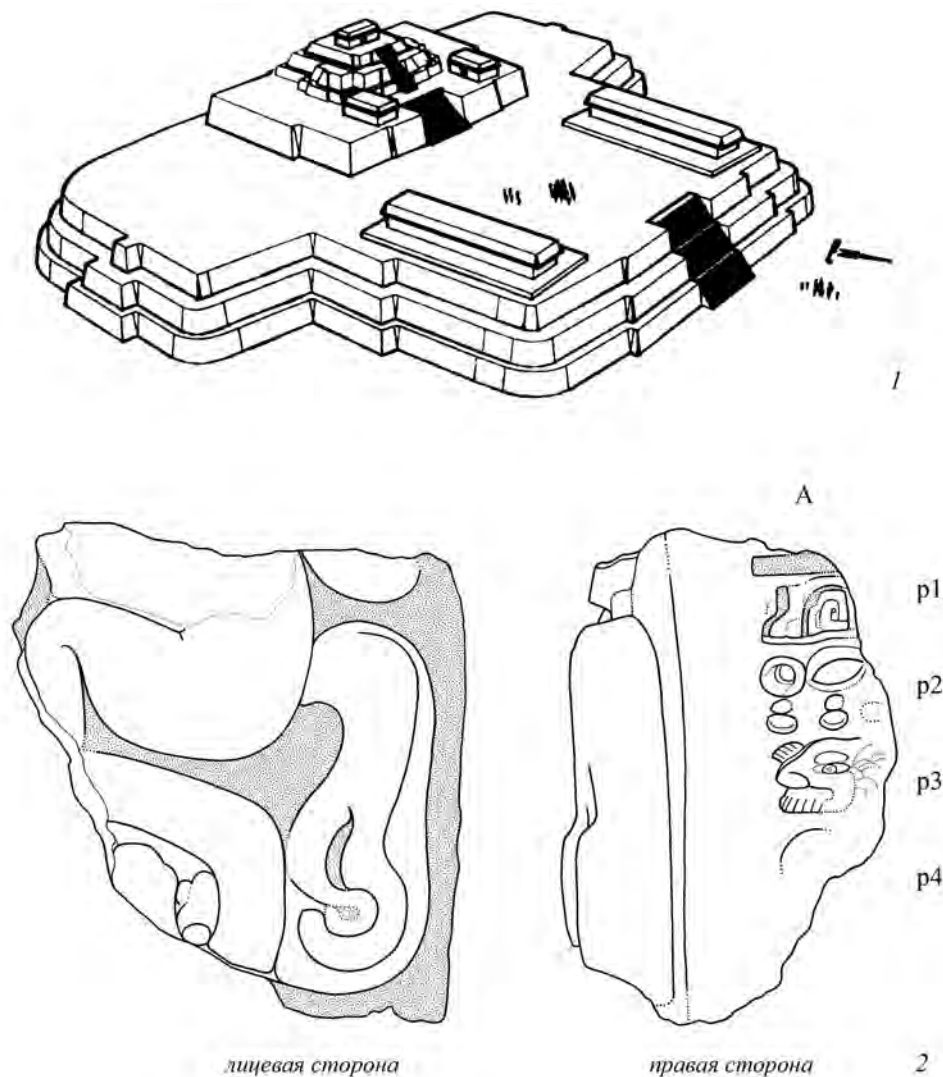

Рис. 3. Вашактун

a – северная группа F (комплекс Тибурон), реконструкция Proyecto Uaxactun – SAHИ; *б* – стела 28 (прорисовка А. В. Сафронова)

культура). Самым ранним точно датировемым монументом считается стела С из Трес-Сапотес (Верacruz, Мексика), содержащая дату 7.16.6.16.18 = 3 сентября 32 г. до н. э., однако на небольшой жадовой статуэтке из Туштли предположительно записана дата, относящаяся к 99 г. до н. э. (Adams, 2005. P. 95). Даты по долговому счету в области майя появляются несколько позднее и проникают туда через южные области Гватемальского нагорья. Наиболее ранним

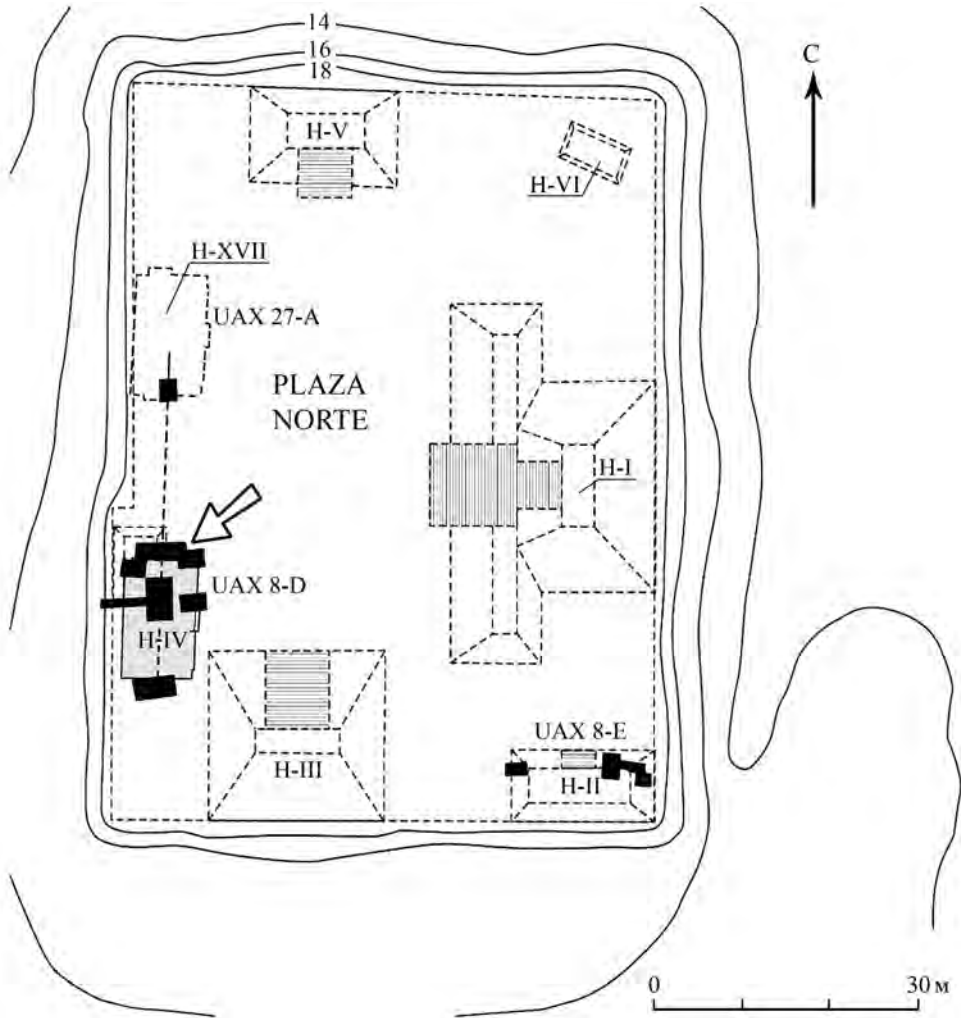

Рис. 4. Уахактун, северная группа F и место находки стелы 28
(план составлен Proyecto Uaxactun – SAHII)

из датированных майяских монументов считается стела 1 из Эль-Бауля, на котором записана дата по долговому счету 7.18.9.7.12 = 19 июля 11 г. н. э., которой соответствует параллельная циклическая дата 12 *ꞑEhb' 11 (Hul)ꞑOhl*, однако в тексте записана только дата по Цолькину (Fahsen, 1995. P. 151, 152). В настоящее время не вызывает сомнений, что традиция установки каменных монументов пришла в Центральные низменности майя именно из Горной Гватемалы в рамках сложившихся в поздний формативный период тесных культурных и экономических контактов между двумя регионами (Houston, Inomata, 2009. P. 86–94). Следовательно, появление монументов с надписями в области Петена

следует относить к периоду не ранее рубежа эр. Так, одной из наиболее ранних надписей в Центральных низменностях майя считается фрагментарно сохранившийся текст на стеле 2 из Эль-Мирадора (*Hansen*, 1992. P. 22–24). Причем она несет на себе следы влияния эпиольмекской палеографии и имеет много сходных черт и с позднеформативными надписями из Горной Гватемалы, как, например, с текстом на стеле 10 из Каминальхуйу (*Fahsen*, 1995. P. 152–153), который датируется приблизительно I–II вв. н. э. и считается некой переходной стадией от эпиольмекской к классической майяской письменности (*Grube, Martin*, 2001. P. 26).

К сожалению, датировать разрозненные и фрагментарно сохранившиеся ранние письменные памятники майя, не содержащие четких дат, весьма затруднительно. Представляется возможным дать лишь приблизительную датировку по археологическому контексту и палеографии иероглифических знаков. В целом же, достаточно сомнительной выглядит идея, что традиция установки царских монументов с иероглифическими надписями появляется у равнинных майя до I в. до н. э. Скорее всего, наиболее ранние монументы действительно относятся к I в. до н. э., но надписи начинают высекать только с I в. н. э. Следовательно, формирование государственности и царской власти в политических центрах майя Петена, отражением которых и является установка монументальных памятников, также должно относиться ко времени рубежа эр. Впрочем, подробное исследование новых эпиграфических данных из Вашактуна помогает слегка скорректировать эту точку зрения.

Одним из интересных, но слабо изученных письменных памятников Вашактуна является стела 3, установленная в начале VI в. в группе В. Она была зафиксирована и частично прорисована еще С. Морли (*Morley*, 1937–1938. Vol. 5. Fig. 38d), затем в 1980-е гг. прорисована и опубликована Я. Грэмом в рамках Корпуса иероглифических надписей майя (*Corpus of Maya...*, 1986. P. 137). В тексте в первую очередь определена основная дата по долговому счету – 9.3.13.0.0. = 24 ноября 507 г., когда, очевидно, и была установлена стела (*Valdes et al.*, 1999. P. 65, 66). К сожалению, имя царя, санкционировавшего установку монумента, прочесть не удалось. Новые методы фиксации монументальных памятников (цифровая фотография, RTI-модель), применяемые археологическим проектом Вашактуна для их изучения, позволили тщательнее определить многие детали надписей. Анализ текста на стеле 3, проведенный Д. Д. Беляевым и А. В. Сафроновым (*Беляев, Сафронов*, 2015), показал, что плохо читаемый фрагмент на правой стороне стелы содержит важную информацию, касающуюся ранней династической истории Вашактуна (рис. 5):

(C1) ?u-K'AL-wa-TUUN (D1) ...-...-YAX-... (C2) ...-...-...-... (D2) ?u-...
 -...-TIIL? (C3) ...-...-...-b'a (D3) HUU?N-WITZ-NAL (C4) ?u-LAJCHA?-
 WINAAK (D4) TZ'AK-bu-li (C5) WAK-KAB'-?AJAW (D5) ...-NAL-la

?u-k'alaw tuun ...Yax ... ?u ... Tiil?b'Huu?n Witznal ?u-lajcha? wi-
 naak tz'akbuul Wak Kab' ?Ajaw ...nal

... он повязал камень ... Йаш Тиль ... Хуунвицналь (имена и титулатура), 32-й преемник Вак-Каб-Ахав ...-Наля

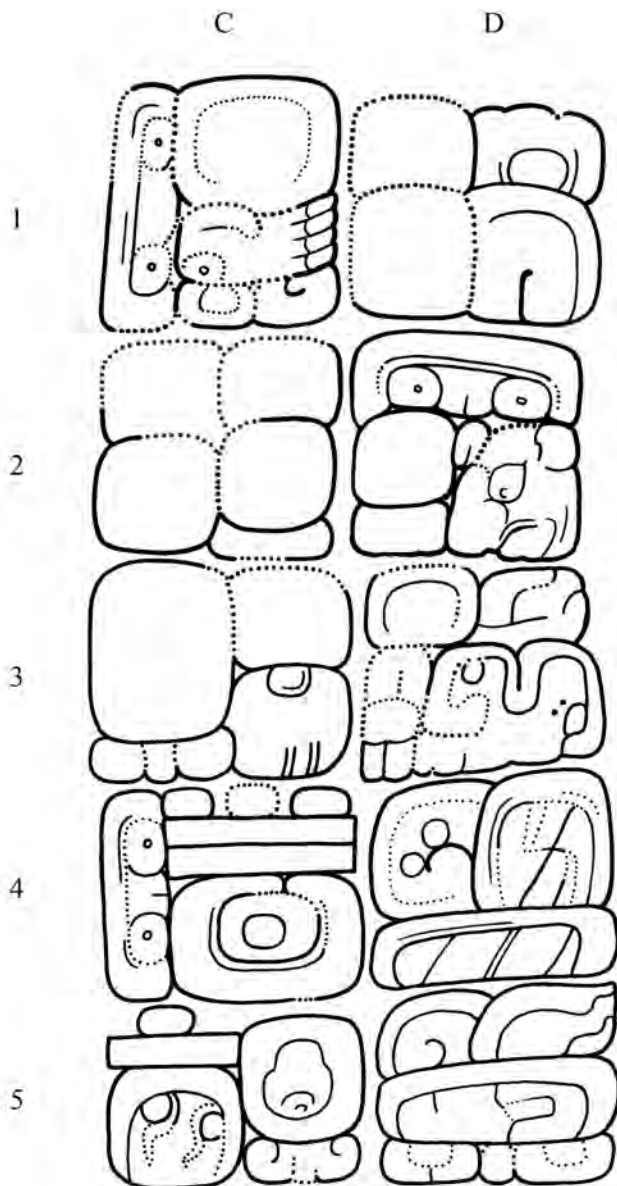

Рис. 5. Вашактун, стела 3, правая сторона, фрагмент надписи
(прорисовка А. В. Сафронова)

В данном пассаже, во-первых, содержится имя царя, установившего стелу 3, но, к сожалению, имя сохранилось фрагментарно – ... *Йаш* ... *Тиль* ... *Хуунвицналь*. Во-вторых, он называет себя «32-м преемником Вак-Каб-Ахав ...-Наля». Выражение *ʔu-huuxlajuu 'n winaak tz'akbuul* имеет буквальное значение

«он 32-й сменивший по порядку», так как содержит числительное *lajcha ʔwinaak* – «тридцать два» и существительное *tz'akbuul*, образованное от непереходного глагола *tz'ak* – «сменять, считать по порядку». Следовательно, записанное в конце пассажа имя *Wak Kab' ʔAjaw ...nal*, скорее всего, является именем основателя династии. Практика обоснования легитимности правления путем отсылки к основателю династии и четкая нумерация всех его преемников являлись традиционной практикой для царских линиджей древних майя. Например, цари Тикаля (столица царства *Кукуль*) возводили свою власть к основателю династии Йаш-Эб-Шоку, правившему приблизительно на рубеже I–II вв. н. э. (Martin, Grube, 2008. P. 26). Однако в подобном контексте ничего не говорится о времени правления основателя династии, в связи с этим возникает вопрос, а когда царствовал Вак-Каб-Ахав ...-Наль?

Согласно наиболее распространенной среди специалистов точке зрения, в течение одного столетия в династических линиджах древних майя сменялось в среднем по 4 царя, то есть средняя продолжительность царствования составляла ≈ 25 лет. Например, в Тикале в начале VI в. царствовали 19-й и 20-й цари по общему династическому списку (Ibid. P. 38, 39). Таким образом, отсчет назад 18/19 поколений правителей по 25 лет правления указывает нам время основания династии во 2-й половине I в. н. э., а это как раз приблизительно время правления родоначальника династии Йаш-Эб-Шока. В соседнем с Вашактуном Шульгуне (политическом центре классического царства *Токвиц*) царь середины VI в. (≈ 530–540-е гг.) в надписи на стеле 18 (Corpus of Maya..., 1978. P. 60) также называет себя «33-м преемником ... (основателя династии)». Несложный подсчет, по аналогии с Тикалем, показывает, что при отсчете назад от середины VI в. 32 поколений царей время основания династии следует датировать серединой III в. до н. э. То есть ретроспективные тексты классических царей майя вполне могут возводить проявление некоторых династических линиджей еще к раннему этапу позднего формативного периода. В этом случае расчет времени основания династического линиджа Вашактуна от 507 г. (32 поколения × 25 лет) дает приблизительный период на рубеже IV–III вв. до н. э., скорее всего, не ранее 350 г. до н. э. (Kováč, 2014. P. 14) Таким образом, есть все основания полагать, что, согласно ретроспективным эпиграфическим данным, династический линидж Вашактуна может считаться старейшим среди других династий майя классического периода Централных низменностей.

Примечательно, что начало масштабной строительной активности, связанной с возведением крупных архитектурных комплексов, например, N-XVI, ранних этапов комплекса «Тибурон», относится именно к раннему поздне-формативному периоду, приблизительно между 400–300 гг. до н. э. (Ibid. P. 6), что, очевидно, является прямым отражением складывающегося в Вашактуне института религиозно-политического лидерства. Однако появление правящего линиджа еще не означало формирование раннего государства как такового. От сложения надобщинной элиты и выделения из ее среды доминирующей родовой группы, которая, как правило, и сосредотачивает в своих руках рычаги управления, редистрибуции и культово-религиозной деятельности и до формирования сакрализованной царской власти, обладающей неограниченными полномочиями, особыми регалиями и подкрепленной специализированным

административным аппаратом, проходит достаточно длительный период, который современная политантропология определяет как период перехода от вожества (раннего догосударственного политического образования) к раннему государству (Спенсер, 2000. С. 138–143). В этой связи вполне логичным выглядит наше предположение о появлении династического линиджа в Вашактуна на рубеже IV–III вв. до н. э. и последующем формировании вокруг него раннего государственного политического образования уже в I в. н. э. При этом следует понимать, что превращение правящего линиджа в царскую династию (т. е. оформление раннего государства), как правило, синхронно появлению письменной традиции, которая бы фиксировала историческую канву, включая календарные даты. В этой связи особое значение приобретает датировка ранних эпиграфических памятников майя; а с точки зрения древнейшей истории Вашактуна, особое значение имеет новая находка – стела 28.

Вне всяких сомнений, мы имеем дело с царским монументом. На лицевой стороне стелы сохранился фрагмент иконографической сцены, которая изображает человека – царя, восседающего на каком-то массивном объекте, заключенном в картуш, характерный для иероглифических знаков. Поза человека говорит о том, что он должен держать в руках на уровне груди некий объект – регалию власти. Сама композиция весьма схожа со сценой, найденной в начале 2000-х гг. на настенных росписях в Сан-Бартоло (*Saturno et al.*, 2005; *Taube et al.*, 2007). Вся композиция росписей посвящена мифологической тематике. В частности, там изображены мифологические сюжеты о сотворении мира, странствиях Бога Маиса, рождении первых людей и др. На западной стене (внутреннее помещение Sub-1, здания 1, группы «Пинтурас») изображена сцена (цв. рис. 6: с. 414), на которой происходит коронация первого царя (мифологический, а не исторический персонаж). Он восседает на троне, держит в руках регалию власти – повязку, а ему на голову возлагают корону. Перед ним записан текст из 8 иероглифических блоков, который, очевидно, содержит титулатуру коронуемого. Налицо стилистическое сходство иконографии Сан-Бартоло и фрагмента изображения на лицевой стороне стелы 28 из Вашактуна, что может свидетельствовать о близком времени их создания. С нашей точки зрения, царь, изображенный на стеле 28, восседает не на царском троне, а на иероглифическом знаке, возможно, обозначающем топоним – древнее название Вашактуна, на что указывает сохранившаяся линия картуша. В классической иконографической традиции фигура царя на лицевой части монумента очень часто изображается стоящей на топонимическом знаке, размещенном в нижней части монумента (*Stuart, Houston*, 1994. P. 57–68).

В связи с этим весьма важна датировка настенных росписей из Сан-Бартоло, поскольку это косвенно поможет определить время создания стелы 28. С точки зрения археологии, здание с росписями в Сан-Бартоло датируется керамической фазой Чиканель (300 г. до н. э. – 300 г. н. э.), т. е. поздним формативным периодом (*Saturno et al.*, 2005. P. 4). На основании палеографии иероглифических текстов, обнаруженных на настенных росписях, Д. Стюарт также сделал вывод о раннем характере текстов и датировал их поздним формативным периодом без более точной временной привязки (*Ibid.* P. 41–48). Впрочем, он отметил палеографическое сходство с иероглифическими знаками, записанными на стеле 2

из Эль-Мирадора, что подтверждает идею о раннем характере памятника в Сан-Бартоло. Прочитать надписи целиком не представляется возможным, однако наличие в тексте логографических знаков, близких по форме написания к раннеклассическим образцам (Ibid. P. 44–46), свидетельствует, что тексты были созданы в самом конце позднего формативного периода, не ранее I в. н. э. Поэтому анализ сохранившегося на стеле 28 из Вашактуна фрагмента надписи имеет крайне важное значение.

На правой стороне стелы 28 (рис. 4) сохранился фрагмент надписи, состоящий из трех полных иероглифических блоков и части контура еще одного блока. Из них хорошо опознается только знак для цифры 5 – **HO?** в первой позиции блока Ap1. Однако весьма примечателен здесь знак в виде головы человека, записанный в блоке Ap3. Подобный знак был опознан Д. Стюартом в нескольких ранних текстах майя (Ibid. P. 44–47), преимущественно на предметах мелкой пластики, например, пекторали из Дамбартон-Оакс (США), Кендальской ушной вставке (Белиз), каменной статуэтке ягуара из Музея Пибоди (США), жадовой подвеске из Эль-Соца (США), ольмекоидной жадовой ложке (Коста-Рика) (Grube, Martin, 2001. P. 29–33), а также в уже упоминавшейся надписи на фресках из Сан-Бартоло (Saturno et al., 2005. P. 43, 44). Знак довольно специфический, встречается только в группе протоклассических надписей из Центральных низменностей майя и, судя по всему, во владельческих надписях. Не известно ни одного примера употребления подобного знака в классических текстах. Судя по всему, данный знак является своего рода вводным иероглифом для обозначения прямого дополнения – объекта, принадлежность которого обозначается в надписи (подвеска, пектораль, ушная вставка и т. п.). За ним, как правило, записывается эргативное местоимение 3-го л. ед. ч. **?u-** – «его ...». Однако употребление подобного вводного иероглифа в тексте на монументальном памятнике – стеле 28 из Вашактуна – встречается впервые. Вероятно, это можно объяснить тем, что на раннем этапе формирования царского культа майя и традиций письменности, монумент также рассматривался как объект, принадлежность которого необходимо закрепить владельческой надписью. Примечательно, что большинство упомянутых текстов заканчиваются титулатурой владельца, содержащей «эмблемный иероглиф» с титулом **?AJAW** – «царь» (Ibid. P. 45, 46), что указывает на появление данной группы текстов уже в период сформировавшихся институтов государственности. В соответствии с грамматической конструкцией текстов майя перед прямым дополнением должно располагаться сказуемое, т. е. блок Ap2 должен обозначать глагол. На эту мысль наводит и характер заключительного знака в блоке, состоящего из нескольких отдельных элементов, что обычно присуще слоговым знакам, используемым для обозначения суффикса.

Ни одна из упомянутых протоклассических надписей не содержит календарных записей, что делает весьма проблематичным их точную датировку. По аналогии с классическим эпиграфическими памятниками известно, что владельческие надписи на предметах мелкой пластики обычно не содержали дат, они записывались на монументальных текстах. Поэтому логично предположить, что предшествующая вводному иероглифу часть текста на стеле 28 должна была содержать дату, возможно, даже записанную долгим счетом, а не циклическую. Было бы весьма заманчиво определить, что в блоке Ap1 содержится

часть календарной записи, например, указание на окончание пятого 20-летнего периода, тем более, что в раннеклассический период большая часть монументальных памятников устанавливалась в честь завершения важных календарных циклов. В таком случае возможную дату установки монумента по долговому счету можно определить, как 8.5.0.0.0 = 1 апреля 140 г. н. э., т. е. самый конец протоклассического периода. Конечно, это только гипотетическое предположение, тем более что у нас нет других надежных примеров протоклассической записи логограммы **WINAAKHAAʔB** – «двадцатилетие», и мы не можем точно идентифицировать основной знак блока Ap1. По мнению М. Ковача, резкий упадок Вашактуна наступает после 150 г. н. э., когда полностью останавливается строительная активность на триадных комплексах (Kováč, 2014. P. 3). Новое возвышение Вашактуна, дальнейшее развитие государственности началось только в IV в., когда была отстроена группа E и установлен царский монумент с пространным иероглифическим текстом – стела 9, датируемая 328 г. (Беляев, 2002. С. 192–195).

Таким образом, на основании представленных прямых и косвенных данных получается следующая картина становления раннего государства древних майя в Вашактуне. Начало развития Вашактуна как политического центра приходится на раннюю фазу позднего формативного периода, между 400–300 гг. до н. э., когда начинается возведение первых монументальных храмовых сооружений, а человек по имени Вак-Каб-Ахав основывает правящий линидж. К рубежу эр в Вашактуне складываются предпосылки для формирования институтов раннего государства и происходит сакрализация власти, проводится строительство грандиозным храмовых (триадных) сооружений – комплекса «Тибурон», Северной группы Н. В I в. н. э. в Центральные низменности майя проникают традиции установки монументов и использования иероглифической письменности, которые выполняют роль неотъемлемой атрибутики уже царской власти. В частности, в Вашактуне появление этих культурных традиций выразилось в установке царского монумента – стелы 28, которое произошло, по всей вероятности, в 1-й пол. II в. Можно констатировать, что первые признаки раннего государства в Вашактуне наблюдаются в протоклассический период (I–II вв. н. э.), когда оно становится доминирующим политическим образованием в Центральном Петене. Возможно, Вашактун являлся одним из соперников Эль-Мирадора в борьбе за гегемонию в Северном Петене. Здесь возникает ряд существенных вопросов, связанных с определением территории политического образования вокруг Вашактуна, возможной сферы его влияния, без чего нельзя дать полноценную характеристику раннего государства у майя (Сафронов, 2007. С. 103–105). Однако подобные вопросы выходят за рамки представленной публикации и требуют отдельного углубленного анализа, тем более что автор данного исследования разрабатывает специальную методику по реконструкции территориально-политической организации майя на основании программного комплекса ГИС (Сафронов, 2012. С. 104–106).

За расцветом протоклассического Вашактуна последовал политический упадок, датируемый временем около 150 г. н. э., когда лидерство в данном регионе переходит к соседнему Тикалю. Вашактун вновь возрождается как самостоятельное царство только в начале IV в., однако достичь величия I–II вв. он уже не смог, и после теотиуаканского завоевания 378 г. Вашактун вплоть до VIII в. попал в зависимость от Тикаля.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д. Д.*, 2002. Династическая история Вашактуна в раннеклассический период (по данным археологических и эпиграфических источников) // Древний Восток и античный мир. М.: ЭкоПресс-2000. С. 192–203. (Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ; Вып. 5.)
- Беляев Д. Д., Сафронов А. В.*, 2015. Новые данные о династической истории Вашактуна в раннеклассический период: доклад на научной конференции «XIX Сергеевские чтения», 2–4 февраля 2015 г. М.: МГУ (неопубликовано).
- Сайтхолл Э.*, 2000. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос. С. 130–136.
- Сафронов А. В.*, 2007. Методика исследования политической географии древних майя классического периода // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. № 4. С. 101–117.
- Сафронов А. В.*, 2012. Исследование исторической географии древних майя: традиционный подход и ГИС-метод // РА. № 2. С. 97–107.
- Спенсер Ч.*, 2000. Политическая экономия становления первичного государства // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос. С. 137–154.
- Adams R. E. W.*, 2005. Prehistoric Mesoamerica. 3rd ed. Norman: University of Oklahoma Press. 521 p.
- Black S. L.*, 1990. The Carnegie Uaxactun Project and the development of Maya Archaeology // Ancient Mesoamerica. Vol. 1. No. 1. P. 257–276.
- Corpus of Maya...*, 1978. Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Cambridge. Vol. 5. Part 1: Xultun. 62 p.
- Corpus of Maya...*, 1986. Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Cambridge. Vol. 5. Part 3: Uaxactun. 60 p.
- Fahsen F.*, 1995. La transición Preclásico Tardío – Clásico Temprano: El desarrollo de los estados maya y la escritura // The Emergence of Lowland Maya Civilization. The Transition from Preclassic to Early Classic. Markt Schwaben; Möckmühl: A. Saurwein. P. 151–162. (Acta Mesoamericana; vol. 8.)
- Grube N., Martin S.*, 2001. The Coming of Kings. Writing and Kingship in the Maya Area between the Late Preclassic and the Early Classic // Notebook for the XXV Maya Hieroglyphic Forum At Texas. Austin: University of Texas at Austin: Department of Art History. Part II. P. 1–53.
- Hansen R.*, 1992. Proyecto Regional de Investigaciones Arqueológicas del Norte de Peten, Guatemala: Temporada 1990 // IV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1990. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, Guatemala. P. 1–28.
- Houston S.*, 2008. Epigraphy of El Zotz [Electronic resource] 6 p. Access mode: <http://www.mesoweb.com/zotz/articles/ZotzEpigraphy.pdf>. Date of access: 25.08.2015.
- Houston S., Inomata T.*, 2009. The Classic Maya. Cambridge: Cambridge University Press. 383 p.
- Kováč M.*, 2014. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014) // Historická Revue. Vol. XXV. No. 10. Supplement. 26 p.
- Marcus J.* 1976. Emblem and State in the Classic Maya Lowlands: An Epigraphic Approach to Territorial Organization. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 203 p.
- Martin S.*, 2004. The Broken Sky: The Ancient Name of Yaxchilan as Pa' Chan [Electronic resource] // The PARI Journal. Vol. 5. No. 1. P. 1–7. Access mode: <http://www.mesoweb.com/pari/publications/journal/501/martin.html>. Date of access: 25.08.2015.
- Martin S., Grube N.*, 2008. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London: Thames & Hudson. 2nd ed. 240 p.
- Mathews P. L.*, 1985. Maya Early Classic Monuments and Inscriptions // A Consideration of the Early Classic Period in the Maya Lowlands / Eds G. Willey, P. Mathews. Albany: Institute for Mesoamerican Studies University at Albany. P. 5–54.
- Morley S.*, 1937–1938. The Inscriptions of Peten. Washington, D. C.: Carnegie Institute of Washington. 5 vol. (Carnegie Institute of Washington; Publication 437.)
- Morley S.*, 1938. Maya new empire // Cooperation in Research. Washington, D. C.: Carnegie Institute of Washington. P. 533–565. (Carnegie Institute of Washington; Publication 501.)
- Morley S.*, 1947. The Ancient Maya. Stanford: Stanford University Press. 520 p.

- Nuevas excavaciones..., 2014. Nuevas excavaciones en Uaxactun V. Temporada de campo 2013 / Eds M. Kováč, S. Alvarado Najarro, M. Medina. Bratislava: Nueva Guatemala de la Asunción; Instituto Eslovaco de Arqueología e Historia. 619 p.
- Ricketson O. G., Ricketson E. B., 1937. Uaxactun, Guatemala, Group E: 1926–1931. Washington D. C.: Carnegie Institute of Washington. 314 p. (Carnegie Institute of Washington; Publication 477.)
- Saturno W., Taube K., Stuart D., 2005. The Mural of San Bartolo, El Petén, Guatemala. Part 1: The North Wall. Barnardsville, NC: Center for Ancient American Studies. 72 p. (Ancient America; no. 7.)
- Schele L., Freidel D., 1990. A Forest of Kings: Untold Story of the Ancient Maya. New York: William Morrow and Company, Inc. 542 p.
- Smith L., 1950. Uaxactun, Guatemala: Excavation of 1931–1937. Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington. 108 p. (Carnegie Institution of Washington; Publication 588.)
- Smith R. E., 1937. A Study of Structure A-I Complex at Uaxactun, Guatemala // Contributions to American Archaeology. Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington. 3 (19). P. 189–231. (Carnegie Institution of Washington; Publication 456.)
- Stuart D., Houston S., 1994. Classic Maya Place Names. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 95 p. (Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology; 33.)
- Taube K., Saturno W., Stuart D., Hurst H., 2007. The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala. Barnardsville, NC: Center for Ancient American Studies. Part 2: The West Wall. 108 p. (Ancient America; no. 10.)
- Thompson J. S. E., 1954. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman: University of Oklahoma Press. 287 p. (Civilizations of the American Indian Series; 39.)
- Valdes J. A., Fahsen F., Escobedo H. L., 1999. Reyes, tumbas y palacios: La historia dinastica de Uaxactun. Mexico D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México. 123 p.

Сведения об авторе.

Сафронов Александр Владимирович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27/4, Москва, 119992, Россия; e-mail: alexsafronov@bk.ru.

A. V. Safronov

Development of the Early Maya state in Uaxactun

Abstract. The study deals with the rise of the first state in Uaxactun, i.e. one of major political centers in the Maya central lowlands. The research of its architectural sites, residential areas and epigraphy has been going on since 1916. Particularly significant results have been achieved by the Slovak Archaeological and Historical Institute (since 2009). The excavations and analysis of Preclassic Group F and Group H have shed light on the early stage of Uaxactun history, i. e. the development period of the early state institutions. New data were obtained by the author of the paper during redocumentation of Uaxactun epigraphic sites discovered in the 20th century. Analysis of the data on the Early Uaxactun history demonstrates that it became an important political center of the region as early as the 4th century BC. In the 1st–2nd centuries AD the institution of kingship was already well established; first sites with inscriptions appeared; monumental construction was under way; so signs of the early state were all in place. But around 150 AD Uaxactun went into political decline and did not recover as a state until the early 4th century.

Keywords: Maya, Uaxactun, Tikal, Peten, Pre-Columbian America, Mesoamerican hieroglyphic script, epigraphy, monumental sites, early state, kingship.

REFERECES

- Adams R. E. W., 2005. Prehistoric Mesoamerica. 3rd ed. Norman: University of Oklahoma Press. 521 p.
- Belyaev D. D., 2002. Dinasticheskaya istoriya Vashaktuna v ranneklassicheskiy period: po dannym no arkheologicheskikh i epigraphicheskikh istochnikov [Dynastic history of Vashaktun in Early Classic period: based on data of archaeological and epigraphic sources]. *Drevniy vostok i antichnyy mir [Ancient Orient and antique world]*. Moscow: Eco-Press-2000, pp. 192–203. (Trudy kafedry istorii i kul'tury drevnego mira istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 5.)
- Belyaev D. D., Safronov A. V., 2015. Novye dannye o dinasticheskoy istorii Vashaktuna v ranneklassicheskiy period: doklad na nauchnoy konferentsii «XIX Sergeevskie chteniya, 2–4 fevralya 2015 g., Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet [New data on dynastic history of Vashaktun in Early Classic period: report at scientific conference «XIX Sergeev readings, February 2–4, 2015, Moscow]. (Unpublished.)
- Black S. L., 1990. The Carnegie Uaxactun Project and the development of Maya Archaeology. *Ancient Mesoamerica*, vol. 1, no. 1, pp. 257–276.
- Corpus of Maya..., 1978 – Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions, vol. 5, part 1. Xultun. Cambridge. 62 p.
- Corpus of Maya..., 1986 – Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions, vol. 5, part 3. Uaxactun. Cambridge. 60 p.
- Fahsen F., 1995. La transicion Preclasico Tardio – Clasico Temprano: El desarrollo de los estados maya y la escritura. *The Emergence of Lowland Maya Civilization. The Transition from Preclassic to Early Classic*. Markt Schwaben; Möckmühl: A. Saurwein, pp. 151–162. (Acta Mesoamericana, 8.)
- Grube N., Martin S., 2001. The Coming of Kings, Writing and Dynastic Kingship in the Maya Area between the Late Preclassic and the Early Classic. *Notebook for the XXV Maya Hieroglyphic Forum at Texas*, II. Austin: University of Texas at Austin: Department of Art History, pp. 1–53.
- Hansen R., 1992. Proyecto Regional de Investigaciones Arqueologicas del Norte de Petén, Guatemala: Temporada 1990. *IV Simposio de Investigaciones Arqueologicas en Guatemala, 1990*. Guatemala: Museo Nacional de Arqueologia y Etnologia, Guatemala, pp. 1–28.
- Houston S., 2008. Epigraphy of El Zotz. Electronic resource. 6 p. URL: <http://www.mesoweb.com/zotz/articles/ZotzEpigraphy.pdf>.
- Houston S., Inomata T., 2009. The Classic Maya. Cambridge: Cambridge University Press. 383 p.
- Kováč M., 2014. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014). *Historická Revue*, vol. XXV, no. 10, Supplement. 26 p.
- Marcus J., 1976. Emblem and State in the Classic Maya Lowlands: An Epigraphic Approach to Territorial Organization. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 203 p.
- Martin S., 2004. The Broken Sky: The Ancient Name of Yaxchilan as Pa' Chan. Electronic resource. *The PARI Journal*, vol. 5, no. 1, pp. 1–7. URL: <http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI0501.pdf>.
- Martin S., Grube N., 2008. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. 2nd ed. London: Thames & Hudson. 240 p.
- Mathews P. L., 1985. Maya Early Classic Monuments and Inscriptions. *A Consideration of the Early Classic Period in the Maya Lowlands*. G. Willey, P. Mathews, eds. Albany: Institute for Mesoamerican Studies University at Albany, pp. 5–54.
- Morley S., 1937–1938. The Inscriptions of Peten. Washington D. C.: Carnegie institution of Washington. 5 vols. (Carnegie Institute of Washington, 437.)
- Morley S., 1938. Maya new empire. *Cooperation in Research*. Washington D. C.: Carnegie institution of Washington, pp. 533–565. (Carnegie Institute of Washington, 501.)
- Morley S., 1947. The Ancient Maya. Stanford: Stanford University Press. 520 p.
- Nuevas excavaciones..., 2014 – Nuevas excavaciones en Uaxactun V. Temporada de campo 2013. M. Kováč, S. Alvarado Najarro, M. Medina, eds. Bratislava; Nueva Guatemala de la Asunción: Institutio Eslovaco de Arquelogia e Historia. 619 p.
- Ricketson O. G., Ricketson E. B., 1937. Uaxactun, Guatemala, Group E: 1926–1931. Washington D. C.: Carnegie Institute of Washington. 314 p. (Carnegie Institute of Washington, 477.)
- Safronov A. V., 2007. Metodika issledovaniya politicheskoy geografii drevnikh mayya klassicheskogo perioda [Methodics of investigation of political geography of ancient Maya of Classical period].

- Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya [Bulletin of Moscow university. Ser. 8: History]*, 4, pp. 101–117.
- Safronov A. V., 2012. Issledovanie istoricheskoy geografii drevnikh maya: traditsionnyy podkhod i GIS-metod [Investigation of historic geography of ancient Maya: traditional approach and GIS-method]. *RA*, 2, pp. 97–107.
- Saturno W., Taube K., Stuart D., 2005. The Mural of San Bartolo, El Petén, Guatemala, 1. The North Wall. Barnardsville, NC: Center for Ancient American Studies. 72 p. (Ancient America, 7.)
- Southall E., 2000. O vozniknovenii gosudarstv [On origin of states]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative roads to civilization]*. Moscow: Logos, pp. 130–136.
- Schele L., Freidel D., 1990. A Forest of Kings: Untold Story of the Ancient Maya. New York: William Morrow and Company, Inc. 542 p.
- Smith L., 1950. Uaxactun, Guatemala: Excavation of 1931–1937. Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington. 108 p. (Carnegie Institution of Washington, 588.)
- Smith R. E. 1937. A Study of Structure A-I Complex at Uaxactun, Peten, Guatemala. *Contributions to American Archaeology*, 3 (19). Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington, pp. 189–231. (Carnegie Institution of Washington, 456.)
- Spencer Ch., 2000. Politicheskaya ekonomiya stanovleniya pervichnogo gosudarstva [Political economy of formation of primary state]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative roads to civilization]*. Moscow: Logos, pp. 137–154.
- Stuart D., Houston S., 1994. Classic Maya Place Names. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 95 p. (Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology, 33.)
- Taube K., Saturno W., Stuart D., Hurst H., 2007. The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala, 2: The West Wall. Barnardsville, NC: Center for Ancient American Studies. 108 p. (Ancient America, 10.)
- Thompson J. S. E., 1954. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman: University of Oklahoma Press. 287 p. (Civilizations of the American Indian Series, 39.)
- Valdes J. A., Fahsen F., Escobedo H. L., 1999. Reyes, tumbas y palacios: La historia dinastica de Uaxactun. Mexico D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México. 123 p.

About the authors.

Safronov Alexander V., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: alexsafronov@bk.ru.

Е. С. Леванова (Острирова)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ МУИСКОВ (КОЛУМБИЯ) В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ*

Резюме: Археологическое изучение памятников культуры муисков первой половины II тыс. н. э. (Центральная Колумбия) заставляет по-новому взглянуть на данные раннеколониальных источников XVI–XVII вв., в которых описывались быт и устройство общества муисков, столкнувшихся с испанцами на заре колонизации Южной Америки. В современной западной историографии сложилась традиция описывать полities муисков как сложные вождества, однако, сопоставляя данные археологии и этноисторических источников, обоснованным кажется введение категории суперсложного вождества.

Ключевые слова: Южная Америка, доколумбовые культуры, муиски.

Культура муисков или чибча-муисков (центральная Колумбия) еще со времен конкисты была в центре внимания европейских хронистов, путешественников и исследователей, так как с ней связан миф об Эль-Дорадо – позолоченном человеке и запрятанных сокровищах индейцев.

Общество муисков лучше всего известно по археологическим материалам XI–XV вв., а также по сообщениям конкистадоров и хронистов, которые застали еще не завоеванные индейские общества начала и середины XVI в.

Территориальные рамки исследования культуры муисков охватывают регион Кундинамаркского плато Колумбии (по современному административно-территориальному делению это департаменты Кундинамарка, Бояка, Сантандер), частью которого является плато Сабана-де-Богота, где находилось самое сильное – южное – вождество муисков Богота (Баката). На месте древнего индейского центра конкистадором Гонсало Хименесом де Кесада была основана современная столица Колумбии – Санта-Фе-де-Богота.

Согласно принятой хронологической схеме, в истории доиспанского населения Кундинамаркского плато выделяются следующие периоды (*Boada Rivas*,

* Работа подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК6556.2015.6.

2007; *Langebaek*, 1995): Эррера (400 г. до н. э. – 1000 г. н. э.) – домуисский период; раннемуисский период (1000–1200 гг.); позднемуисский период (1200–1600 гг.).

Расцвет культуры (увеличение поселений, демографический рост, появление сложной социально-политической иерархии) приходится на первую половину II тыс. н. э., поэтому ее в доиспанской истории Колумбии принято считать поздней или постклассической культурой.

К моменту прихода европейцев индейцы чибча жили на территории современных департаментов Кундинамарка (южные земли, или *синасго*, с центром в Боготе), Бояка (северные земли, или *сакасго*, с центром в Тунха), Сантандер («независимые земли»). Суммарная площадь освоенных муисками земель, по приблизительным оценкам, основанным на упоминаниях населенных пунктов в хрониках и отчетах испанцев XVI в., составляла около 22 000 км² (*Kurella*, 1998. P. 192). Самой густо населенной частью Кундинамаркского плоскогорья была Сабана-де-Богота, высокогорное плато, находящееся на высоте 2400–2800 м над уровнем моря. На севере, в департаментах Бояка и Сантандер, располагались небольшие долины с более пригодным для земледелия климатом.

Численность населения в регионе в XVI в. оценивалось максимум в 1 миллион человек (*Kroeber*, 1946. P. 887), в последнее время эта цифра считается завышенной (*Reichel-Dolmatoff*, 1978. P. 97).

Точно установить численность населения различных районов и политий в позднемуисский период сложно, так как общество муисков не было гомогенным ни в этническом, ни в социально-политическом плане. Границы политических образований были условны и постоянно менялись в ходе войн и слияний.

Социально-политическая организация общества муисков накануне испанского завоевания довольно подробно отражена в письменных раннеколониальных источниках (отчетах конкистадоров и испанских хрониках). Наиболее ранние сообщения и описания общества муисков оставили Гонсало Хименес де Кесада (*Freide*, 1960) и королевские чиновники Хуан де Сан-Мартин и Антонио де Лебриха, принявшие участие в походе Хименеса де Кесада и завоевании земель Центральной Колумбии с 1535 по 1539 г. Их доклад попал в распоряжение хрониста Овьедо, который переписал его и вставил в книгу XXVI (глава XI) «Общей и естественной истории Индий» (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851).

Основная проблема изучения социально-политической организации муисков – соотнесение данных исторических источников и материалов, полученных при археологическом исследовании региона. Наиболее изучены археологические памятники, являвшиеся небольшими независимыми или подвластными Боготе и Тунха селениями в долинах Самака, Лейва, Фукене, Сутумарчан в северных землях (памятники Эль-Инфернито, Эль-Венадо, Рамирики, Тибана). В южных землях муисков исследование центральных районов Сабана-де-Богота затруднено из-за городской застройки. Наиболее изученными являются памятники долин Кота, Суба, Тенса: поселения Фунса, Фонтибон, Чиа, Сопо, Москера, Мадрид.

К концу XX в., спустя полвека после начала активного археологического изучения доиспанских поселений муисков, исследователями были сделаны выводы о несоответствии данных хронистов материалам археологических изысканий

(Henderson, Ostler, 2005). Действительно, в историографии XIX в. данные хронистов часто интерпретировались как свидетельства существования «империи муисков», аналогичной империям астеков и инков (Correa, 2005). Анализ погребений выявил невысокую степень социальной дифференциации в ранне- и позднемуиский периоды, низкий уровень экономической дифференциации внутри регионов и отсутствие показателей индивидуального статуса. К примеру, анализ распространения фигурок из золота и тумбага (сплав золота и меди), типичных для ювелирного производства муисков – тунхос – показал, что эти фигурки использовались в подношениях и погребениях как людей с высоким статусом, так и простых общинников (Langebaek, 2003. P. 264, 265).

Однако уже для раннемуиского периода существуют подтверждения формирования института лидерства и первых простых вожеств. Среди них отмечены данные о проведении пиров или церемоний в высокостатусных домохозяйствах, подтверждающиеся многочисленными находками сосудов для чичи (Boada Rivas, 1999); появление в начале раннемуиского периода (XI–XII вв.) большого числа новых поселений, часть из которых основывалась в местности, наиболее выгодной для обороны в случае войны (Langebaek, 1995).

Данные о динамике развития поселенческих структур появились лишь в конце XX в. благодаря региональным археологическим проектам. Начиная с 70-х гг. XX в. велись раскопки в долинах Фукене, Самака, Сачика, Лейва, наиболее значимым результатом которых являются работы колумбийского археолога Карла Лангебайка, посвященные процессу эволюции поселенческих структур на региональном уровне в контексте экологической адаптации и практик (Langebaek, 1995). Долговременный проект Центра компаративной археологии Питтсбургского университета «Эль-Венадо» (1999–2000) под руководством археолога Анны Марии Боада на сегодняшний день является наиболее комплексным проектом, в результате которого были получены данные о социальной стратификации и поселенческой иерархии (Boada Rivas, 1999; 2007).

Площадь наиболее крупных поселений в XIV–XV вв. составляла от 5 до 22 га (долина Сутумарчан), в долинах Кота и Суба – 14 (Чиа) и 8,52 га (Тибаитата), в долине Самака – от 3 до 5 га, а в долине Тенса деревни были не больше 1 га по площади, а поселение Эль-Венадо (долина Фукене) достигает 5 га, увеличившись в 5 раз по сравнению с предыдущим периодом (Boada Rivas, 1999).

В исследуемых долинах в позднемуиский период сформировались политические центры, что подтверждается данными письменных источников, в которых упоминается один касик долины (в Фукене), в то время как в долине Лейва было как минимум два касика, управлявших самыми большими деревнями (Langebaek, 1995).

В Сабана-де-Богота в позднемуиский период происходят аналогичные изменения. Деревни разрастаются, новые поселения возникают на самых плодородных почвах и на берегах естественных водоемов. Фрай Педро Симон в XVI в. описывал поселения муисков в Сабана-де-Богота как «огромные бесконечные селения, которые казались все вместе одним селением и в которых были очень высокие и роскошные здания, в особенности те, которые принадлежали знатным (principales) и вождям кварталов (caciques de las parcialidades), они были

обнесены стенами по их обычаю так, что казалось издалека, будто это крепости...» (*Simón*, 1892).

Определяющей тенденцией развития социально-политических структур в XII–XV вв. стал заметный рост численности населения. Оценки его в различных регионах варьируют. По расчетам А. Боада и Р. Дреннана, средняя плотность населения в деревнях муисков, исходя из показателей региона долины Фукене и долины Кота и Суба, составляла примерно 30–40 человек на км², что является средним показателем для синхронных обществ региона верховой р. Магдалена – сложных вождеств (*Boada Rivas, Drennan*, 2006). Раннеколониальные источники свидетельствуют об отсутствии у муисков концентрации населения и тенденций формирования урбанизма. Лукас де Пьедраита описывал Бакату (столицу южных муисков) не как город (*ciudad*) или поселение (*pueblo*), а как рассеянную агломерацию, занимавшую равнину размером 10 на 20 лиг и с населением в более чем 20 тысяч домохозяйств. Он особенно отмечал, что «в некоторых их землях, где был двор правителя, поселения напоминали больше земельные угодья» (*Piedrahita*, 1881).

Хронист Овьедо-и-Вальдес оставил наиболее подробное описание поселений муисков, в том числе на плато Сабана-де-Богота, указывая, что во всей долине было около 2 000 домов, а «каждое селение из 10, 20, 30, 100 домов» (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1855).

Испанцы отмечали, что вожди есть в каждой долине муисков, при этом есть более и менее могущественные. У муисков иерархия вождей, по-видимому, варьировала от региона к региону.

Постоянные войны между вождями муисков привели к формированию на плоскогорье Сабана-де-Богота в конце XV – начале XVI в. пяти крупных политических объединений. Наиболее мощное было создано в южной части плоскогорья правителями Боготы, которым подчинялось от 12 до 20 касиков. Согласно различным раннеколониальным документам, вождям Гуатавиты подчинялось 16 касиков. Следует отметить, что названия некоторых территорий, подчиненных Боготе или Гуатавите, пересекаются, что свидетельствует о динамике политической ситуации.

Археологическое изучение крупных политических объединений муисков затруднено, поскольку многие центральные поселения были застроены испанскими колониальными городами (Богота, Фунса и др.). Исследования близлежащих территорий указывают на усложнение социально-политической иерархии общества в позднемуиский период, выделение специализированных общин с высоким статусом, но размер их не позволяет говорить о значительной степени централизации, хотя есть определенная корреляция между плодородностью почв и статусом общины. «Элитные» общины занимали лучшие земли, при этом продолжалась более ранняя практика использования и расширения «приподнятых полей» (систем искусственных насыпей – земледельческих террас, располагавшихся как на равнинных участках, так и на горных склонах, которые задерживали влагу), но нет никаких свидетельств, что элита организовывала общественные работы для их сооружения (*Broadbent*, 1968). Обслуживание подобных сооружений (насыпей) и небольших каналов для лучшего отвода воды и дренажа почв не требовало централизованной организации труда

и могло выполняться силами небольшого домохозяйства. Таким образом, доступ к сельскохозяйственным ресурсам не являлся источником усиления института власти. Возможно, статус богатых семей все же был связан с землей, но скорее, с правом первопоселенцев.

С другой стороны, элита могла использовать технологию «приподнятых полей» как способ поддержания высокой плотности населения в своем регионе для лучшего контроля над натуральным хозяйством, однако в позднемуиский период незаселенными были многие плодородные земли в долинах, что говорит об отсутствии демографического давления.

Важным археологическим свидетельством, характеризующим развитие института лидерства у муисков, является распространение престижных ценностей. Морские раковины, предметы из шлифованного камня, ювелирные изделия, привозная керамика часто встречаются вкладах под фундаментами жилищ и в погребениях, хотя имущественная и социальная дифференциация по погребальному инвентарю прослеживается слабо.

Для позднемуисского периода был характерен региональный интенсивный обмен, прежде всего – керамическими сосудами, которые использовались в домохозяйствах с высоким статусом для хранения алкогольных напитков (чичи). Данные археологии также свидетельствуют о специализации некоторых деревень на керамическом производстве, прежде всего – вождества Гуатавита. В хрониках упоминаются «деревни горшечников» Тинхака, Ракира, Токансипа (долина Фукене), Гуатавита и Гуасака (*Langebaek*, 1987). Кроме того, обмен керамическими сосудами происходил и на региональном уровне, например, в долину Фукене привозились сосуды из Сабана-де-Богота, долины Тенса и даже из региона долины р. Магдалена.

Исследования хроник и архивных документов, проведенные К. Лангебайком, выявили высокий уровень развития обмена в обществе муисков, зафиксированный в XV–XVI вв. (*Ibid.*). Муиски активно обменивались со своими соседями панче, ланче, сутагао и другими племенами. Прежде всего, им необходимо было сырье: хлопок и золото. На пограничных рынках на соль из муисских соланчаков выменивали золото, так как на территории Сабана-де-Богота не было собственных месторождений. Золото поступало к чибча с запада, от индейцев долины р. Магдалена, о чем пишет, например, хронист Педро Симон: индейцы панче «были так богаты, что они менялись золотом... с моска с высокогорий в обмен на одеяла, соль и другие вещи» (*Simun*, 1892). Индейцы сутагао из южных земель привозили золото на рынки в Паска, Фусагасуга и Боготу, где меняли его на кожу и мясо оленя, сельскохозяйственные продукты. В северных землях на необработанное золото меняли также листья коки (*Ibid.*). Листья анаденатеры (йопо), сильного галлюциногена, который муиски, как и многие другие жители Южной Америки и Карибского региона, употребляли в ритуалах, привозились с востока.

Муиски были признанными ювелирами, и часто необработанные слитки их соседи обменивали на уже готовые фигурки из золота или тумбага. Золотые изделия (тунхос, различные украшения, предметы погребального обряда, дощечки для растирания листьев коки и табака) использовались повсеместно. На изготовлении предметов торевтики специализировались такие поселения, как Гуатавита, Сакенсипа и Паска. В архивных документах встречается упоминание, что если

индеец хотел поднести богам золото, он отправлялся в Гуатавиту и Сакенсипу, потому что там много ювелиров (*Simón*, 1892). Видимо, речь шла об особо ценном подношении, потому что приспособления для отливания фигурок из золота (литейные формы и противни) и изготовления тумбага встречаются по всему Кундинамаркскому плато. Также повсеместно на археологических памятниках в позднемуиском слое обнаружены тунхос, выполненные с различной степенью проработки деталей. Предметы мелкой золотой скульптуры часто помещали в сосуды-жертвенники и закапывали под полом храмов и домов, оставляли в пещерах. Реже тунхос встречаются в погребениях. Вероятно, сам термин «тунхос» и происходит от чибчианского «chunzo» – «жертва», «идол» (*Castro*, 2005). Большинство тунхос, которые экспонируются в Музее золота г. Богота и региональных музеях, были найдены при раскопках памятников южных территорий муисков, что подтверждает гипотезу о специализации на ювелирном деле именно южных вождей.

Основными элементами репрезентации статуса в обществе муисков были плащи и рубашки тонкой выделки, которыми славились муисские мастера, украшения (золотые диадемы, нагрудные пластины, носовые вставки), ожерелья из раковин, драгоценные камни, прежде всего – изумруды. Носить расписные плащи могли только касики и их приближенные, которым правители обычно их дарили (*Ibid.*). Дорогие цветные или расписные ткани были одной из основных престижных ценностей, и их дарообмен регулировал отношения между касиками различных уровней. Стоит отметить, что мумии правителей муисков обязательно заворачивали в одеяла и ткани высокого качества, поэтому отдельную роль эти товары играли и в погребальном обряде. Подобными подарками скреплялись союзы и поддерживались альянсы. Обмен дорогими тканями проходил в основном на пирах, где их передавали друг другу вожди.

Пирсы играли в обществе муисков важную, связующую роль еще в начальные периоды культурогенеза. По сообщениям хроник, их устраивали в честь посева и сбора урожая, прежде всего – маиса и хлопка: «В месяцы января, февраля и часть марта... в поместья, где они занимались земледелием, приглашали касики друг друга, делая друг другу дорогие подарки золотом, одеялами и своим вином» (*Simón*, 1892).

Продукты, которые общинники отдавали касику, использовались в пиршествах и религиозных обрядах, в ходе которых вождь распределял «богатства» и элитные товары между знатью.

С точки зрения исследователей, праздники, связанные с зимним солнцестоянием, играли важную политическую роль (*Correa*, 2005). Отмечается связь культа Солнца и образа правителя. Бог муисков Бочика – воплощение Солнца – в хрониках упоминается также как «бог селений/укреплений» и как «бог вождей и капитанов», специальный «покровитель начальников» (*Ibid.*). Связь пиршеств с проведением церемоний в дни солнцестояния удалось проследить и при изучении единственного сохранившегося до наших дней ритуального центра муисков в Эль-Инферните, где на площади с каменными монолитами было обнаружено большое количество сосудов для чичи. Видимо, к концу позднемуисского периода сложилась идеологическая система, в которой правитель

являлся инкарнацией солярного божества, возглавлял проведение церемоний, на которых устраивались большие пиры.

Погребения позднемуисского периода являются особым источником изучения социальных иерархий в обществе. Практика мумифицирования в элитной среде была распространена еще с раннемуисского времени, но не выявлены существенно выделяющиеся богатые погребения правителей, как, например, в культурах долины Калима и Каука (запад Колумбии). Возможно, это связано с описанной хронистами практикой захоронений мумий в пещерах, где к ним всегда был доступ, или особым отношением к смерти. Мумификация играла важную политическую роль, и именно практика мумифицирования отличала погребальный обряд высших страт. Мумии касиков хранились их потомками как подтверждение права на владение землей и управление «вассалами». Отношения внутри вожеств и альянсы между соседними политиями строились на родственно-территориальной основе, поэтому статус вождя основывался на его родословной и связи с легендарными предками. Мумии были доказательством его исключительного социально-политического положения (благодаря истории рода) и легитимности власти (*Langebaek*, 2003. Р. 263). Кроме того, в южных землях муисков найдены кладбища близ поселений Усме и Мадрид, в северных землях – кладбище близ Сопо. Кладбище Усме обнаружили только в 2007 г., и, по мнению археологов, это был некрополь столицы Боготы, площадь которого составляла около 30 га. Исследователями было обнаружено 135 полных костяков, и, по подсчетам, общее количество погребений (труположений в ямах), датированных XII–XVI вв., насчитывает порядка 1 500 (*Palacio*, 2011).

Вопрос о причинах и путях формирования лидерства в обществе муисков остается открытым, так как лишь в недавнее время появились данные об эволюции внутриобщинных структур и формировании поселенческой иерархии, начиная с периода Эррера и заканчивая временем исчезновения культуры муисков.

С уверенностью можно сказать, что иерархия вождей, по-видимому, варьировала от региона к региону. Несмотря на существование сложных вожеств, во многих районах сохранились автономные простые вожества. Страта вождей имела монопольное право носить одежды из орнаментированных хлопковых тканей и определенные украшения, поддерживала традицию проведения праздников и пиршеств, сложившуюся на ранних этапах формирования социально-политической организации у муисков. При этом в позднемуисский период прослеживается тенденция к концентрации ресурсов, связанных с проведением пиров в руках элиты, которая переходит от спонсирования всей общины к редистрибуции престижных товаров и специализированных продуктов питания (мясо оленя и чича) внутри своей страты для поддержания власти. Это говорит о концентрации власти в руках вождей и усилении социальной дифференциации.

Исследования домохозяйств и центральных поселений муисков доказывают, что в позднемуисский период социальная дистанция между знатью и общинниками усилилась преимущественно благодаря тому, что элита и касики контролировали и организовывали праздники, пиры и обряды. Для раннемуисского и позднемуисского времени характерна специализированная диета отдельных домохозяйств: представители элиты ели мясо, прежде всего – мясо оленя. Особое место в отношениях касика и элиты занимал ритуальный обмен (распределение

особо ценных хлопковых тканей), необходимый для поддержания власти вождя. В испанских источниках еще одним значительным механизмом утверждения власти касиков называется военный фактор. Организация походов на соседей и защита от испанцев, безусловно, способствовали укреплению вождеской власти, хотя археологические свидетельства конфликтов между политиями не прослеживаются.

В современной историографии социально-политический уровень развития культуры муисков оценивается как сложное вождество (*Drennan*, 2008. P. 392–396). Введение категории суперсложных вождеств в характеристику социально-политической организации муисков накануне Конкисты позволяет эффективно решить центральную проблему историографической дискуссии о характере муисского общества, которая ведется уже более полутора веков. Источники свидетельствуют, что политические объединения муисков были более иерархически организованными, чем стандартные сложные вождества, в результате чего исследователи постоянно «подтягивали» их до раннегосударственного уровня и ставили в один ряд с астеками и инками (*Correa*, 2005). В то же время отсутствие специализированного аппарата управления и системы хранения и передачи информации не позволяет говорить о сложении ранних государств. Представляется, что наметившаяся в последние десятилетия XV – первые десятилетия XVI в. тенденция к формированию суперсложных вождеств (Богота, Тунха) в перспективе могла бы привести к генезису на Кундинамаркском плоскогорье ранних государств, однако этот процесс находился даже не в зачаточной стадии, так как даже в условиях иноземного вторжения политики муисков не смогли выйти на новый (региональный) уровень централизации и объединиться против конкистадоров.

ЛИТЕРАТУРА

- Boada Rivas A. M.*, 1999. Organizaciyn social y econymica en la aldea muisca El Venado, valle de Samacá, Boyacá // Revista Colombiana de Antropología. No. 35. P. 118–145.
- Boada Rivas A. M.*, 2007. The Evolution of Social Hierarchy in a Muisca Chiefdom of the Northern Andes of Colombia. Bogotá: University of Pittsburgh Latin American Archaeology. 272 p.
- Boada Rivas A. M., Drennan R. D.*, 2006. Demografic patterns // Prehispanic Chiefdoms in the Valle de la Plata / Ed. R. D. Drennan. Pittsburg; Bogotá: University of Pittsburgh. Vol. 5: Regional Settlement Patterns. P. 59–82.
- Broadbent S. A.*, 1968. Prehistoric Field System in Chibcha Territory, Colombia // Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology. Berkley. No. 6. P. 135–147.
- Castro A. M.*, 2005. El género como expresión simbólica: Un estudio iconográfico sobre los tunjos muiscas // Boletín Museo del Oro. Bogotá. No. 53. P. 74–109.
- Correa F.*, 2005. El imperio muisca: invenciyn de la historia y colonialidad del poder // Muiscas: representaciones, cartografias y etnopolíticas de la memoria / Ed. A. M. Gymez Londoco. Bogotá: Editorial Pontificia Universidad Javeriana. P. 200–227.
- Drennan R.*, 2008. Chiefdoms of Southwestern Colombia // Handbook of South American Archaeology / Eds H. Silverman, W. H. Isbell. New York: Springer. P. 381–403.
- Fernández de Oviedo y Valdés G.*, 1851–1855. Historia general y natural de las Indias, islas y tierra firme del mar océano. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia. 5 vols.
- Freide J.*, 1960. Descubrimiento del Nuevo Reino de Granada y Fundación de Bogotá (1536–1539): según documentos del Archivo General de Indias, Sevilla. Bogotá: Imprenta del Banco de la Republica. 342 p.

- Henderson H., Ostler N.*, 2005. Muisca settlement organization and chiefly authority at Suta, Valle de Leyva, Colombia: a critical appraisal of native concepts of house for the studies of complex societies // *Journal of Anthropological Archaeology*. No. 24. P. 148–178.
- Kroeber A. L.*, 1946. The Chibcha // *Handbook of South American Indians*. Washington: Smithsonian Institution. Vol. 2: The Andean Civilizations. P. 887–909.
- Kurella D.*, 1998. The Muisca, chiefdoms in transition // *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas* / Ed. Elsa M. Redmond. Gainsville: University Press of Florida. P. 189–216.
- Langebaek C. H.*, 1987. Mercados, poblamiento e integración étnica entre los muisca, siglo XVI. Bogotá: Banco de la Republica. 168 p.
- Langebaek C. H.*, 1995. Arqueología regional en el territorio muisca: estudio de los valles de Fúquene y Susa. Pittsburgh: University of Pittsburg; Bogotá: Universidad de los Ande. 215 p.
- Langebaek C. H.*, 2003. The political economy of pre-colombian goldwork: four examples from Northern South America // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia*. Washington, 2003. P. 245–278.
- Palacio L. M.*, 2011. Necropolis de Usme, 400 años de historia muisca por descubrir // *Un Periodico*. Mar. 12 de 2011. URL: <http://www.unperiodico.unal.edu.co/dper/article/necropolis-de-usme-400-anos-de-historia-muisca-por-descubrir.html>. Date of application: 04.09.2015.
- Piedrahita L. E. de.* 1881 *Historia general de las conquistas del Nuevo Reino de Granada*. Bogotá, 1881. Libro 1.
- Reichel-Dolmatoff G.*, 1978. Colombia Indígena. Periodo prehispánico // *Manual de Historia de Colombia*. Bogotá. P. 31–118.
- Simón P.*, 1882–1892. *Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales*. Bogotá. 5 vols.

Сведения об авторе.

Леванова (Острирова) Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, Москва, 125993, Россия; e-mail: esostrirova@gmail.com.

E. S. Ostrirova

Social-political development of the Muisca culture (Columbia)
in the light of archaeological data

Abstract. Archaeological research of the Muisca culture dating from the second half of II millennium AD in Central Columbia sheds new light on the written sources of the early period of colonization (XVI–XVII cc.), which describe the Muisca way of life and social organization during their first contacts with the Spanish colonizers of South America. Modern Western historiography considers the Muisca polities as complex chiefdoms, whereas the comparison of archaeological data and ethno-historical sources gives grounds to suggest the term of super-complex chiefdom.

Keywords: South America, pre-Columbian cultures, Muisca.

About the author:

Levanova (Ostrirova) Yelena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036; Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq., 6, Moscow, 125993; Russian Federation; e-mail: esostrirova@gmail.com.

А. И. Фахри

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ТРОНА ПРАВИТЕЛЯ
В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ МАЙЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.
ИЗ ПЬЕДРАС-НЕГРАС, ГВАТЕМАЛА*

Резюме. Сложные сюжетные и орнаментальные рельефы с включенными иероглифическими надписями свойственны камнерезной традиции майя. В работе исследуется группа объектов второй половины I тыс. н. э. с городища майя Пьедрас-Неграс в Гватемале, раскрывающих в иконографии трона правителя идеи трансляции наследственности власти. По иконографическим данным монументального искусства майя, а также на основании сопоставления иероглифического текста и изображений на сохранившемся троне I представляется возможным сделать вывод о значимости для последнего правителя Пьедрас-Неграс К'инич-Йат-Ака III иконографического цитирования и отсылок к правителям прошедших эпох в декоре значимых объектов. Сравнительный анализ подобных композиций открывает широкие перспективы для изучения образа правителя, проблемы формирования и развития придворного искусства майя.

Ключевые слова: Мезоамерика, археология майя, иконография правителя, скульптура майя, идеология власти.

Иконография правителей майя всегда привлекала внимание исследователей (*Proskouriakoff*, 1950; *Гуляев*, 1972; *Беляев*, 2001), поскольку с яркими и самобытными художественными образами связан широкий круг проблем, важных не только для понимания особенностей происхождения и структуры верховной власти в центральноамериканских культурах, но и для наблюдения общих закономерностей отображения процесса обретения и удержания власти в иконографии монументального искусства, а также для выявления универсалий и специфики в представлении атрибутов и инсигний власти в культурах Старого и Нового Света (*Marcus*, 1974).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №-15-31-01015a1).

Образ правителя является центральным в искусстве майя. Помимо собственно образа верховного владыки важное место в иконографии занимает изображение его инсигний (Гуляев, 1993), в частности его трона (Proskouriakoff, 1950). Трон был одновременно материализованным изображением силы политической и сверхъестественной, сакральной, реальным и символическим воплощением власти правителя.

Троны как в традиции культуры майя, так и в других культурах, достигших в своем развитии только ступени вождества, делались из мягкого камня (в частности, из известняка, в избытке встречающегося в регионе расселения майя), они имели различную форму (лавок, тумб, пьедесталов) и часто украшались резьбой (Proskouriakoff, 1950; Дэвлет, 2000). Важной частью монументального искусства майя также являются иероглифические надписи, обычно встречающиеся на стелах и поясняющие в многофигурных композициях имена действующих лиц, исторический контекст эпохи создания монумента, а также имена и титулы скульпторов. Подписанные именами резчиков стелы – редкость, а среди немногочисленных сохранившихся тронов экземпляры, содержащие имена правителя, резчика и другую важную информацию, и вовсе единичны. Это делает троны майя классического периода уникальным историческим источником. Помимо каменных тронов, предположительно существовали и другие более мобильные, но менее долговечные деревянные варианты (Miller, Martin, 2004).

В отличие от стел, использовавшихся для оформления главных площадей города и предназначенных для трансляции информации о значимых общественных событиях в массы, троны располагались во дворцах и не являли собой наружных, доступных элементов архитектурных комплексов. Символическая функция трона не становилась столь уж публичной в архитектурном ансамбле города, но от этого не умалаялось ее общественное значение. Своеобразие архитектурного решения парадных помещений связано с традицией майя встраивать троны в ниши, расположенные непосредственно в стене тронного зала. Таким образом, кресло правителя, совмещая функционально-утилитарное и знаковое назначение, становилось неотделимо от стены общественно-парадного дворцового помещения, формировало его архитектурный облик и планировку.

Каждый из сохранившихся в городах майя каменных тронов уникален, индивидуален, имеет свой неповторимый облик, отражает исторические, иконографические и стилистические особенности искусства отдельных центров. Более того, иногда троны представляют собой авторские произведения искусства, на которых запечатлены имена их резчиков. Троны майя имели форму скамьи или своеобразного кресла со спинкой, как в Пьедрас-Неграс (Miller, Martin, 2004). Троны из таких центров, как Паленке и Копан, были выполнены в виде лавок с резьбой на ножках или на торце сидения, но спинка у таких тронов отсутствовала. В данной работе рассматривается декорированный каменный трон со спинкой из Пьедрас-Неграс, представлявший собой горизонтальную широкую плиту на двух ножках-опорах, над которой возвышалась спинка.

Городище Пьедрас-Неграс находится в 25 км к югу от современного мексиканского города Иашчилана, на гватемальском берегу реки Усумасинты. Название Пьедрас-Неграс переводится с испанского языка как «Черные камни»,

а в I тыс. н. э. город носил название Мик'ихтун и являлся крупнейшим политическим центром на севере Петена (*Беляев, Сафронов, 2013*). Впервые городище было изучено дипломатом и филантропом Т. Малером в 1895 и 1899 гг. Благодаря его работе было выявлено, сфотографировано и задокументировано огромное количество монументов и зданий. В XX в. раскопки велись Университетом Пенсильвании: с 1931 по 1939 гг. под руководством С. Морли, а в 1997–2002 гг. совместным американо-гватемальским проектом С. Хаустона и Э. Эскобедо. Еще с первой археологической экспедицией (1931–1939) городище посетила Т. Проскуракова, искусствовед из Института Карнеги. Именно открытия Проскураковой дали толчок современному изучению династической истории майя. Благодаря ее реконструкциям древних городищ, среди которых и Пьедрас-Неграс, мы можем представить, как они выглядели в период своего расцвета во второй половине VI – начале VIII в. (позднеклассический период) (*Беляев, 2001*), в это время площадь Пьедрас-Неграс достигла 1 км², а население насчитывало 2 600–3 000 человек (*Nelson, 2005*).

Находки тронов на городище Пьедрас-Неграс, относящиеся к годам царствования К'инич-Йат-Ака III (781–808 гг.), с именем которого связаны драматические события последних лет существования Мик'ихтуна, особенно показательны. Каменный трон 1 был обнаружен в нише здания J-6 дворца расколотым (*Martin, Grube, 2008a*), в настоящее время отреставрирован и хранится в Национальном Музее антропологии и этнографии Гватемала-Сити (цв. рис. 1: с. 415) (*O'Neil, 2012*). Общая высота трона реконструирована в 125 см, ширина спинки – 190 см, глубина сидения – 92 см. Трон имеет форму скамьи со спинкой вытянутых горизонтальных пропорций. Плита сидения декорирована надписями по обращенному к зрителю торцу, а две прямоугольные ножки – и по боковым плоскостям обращенных к зрителю двух сторон. На спинке трона 1 в технике низкого рельефа с использованием сквозных элементов проработаны орнаментальные и фигуративные изображения, а также иероглифический текст, содержащий подписи резчиков, по-видимому, выполнивших это произведение.

Спинка трона 1 имеет форму иероглифического знака WITZ (*Stone, Zender, 2011*), имеющего значение «гора». Это аллегорическое изображение мифологической прародины майя, которую они представляли себе в виде горы с пещерой, откуда вышли предки этого народа (*Ершова, 2002*). Изображение «первогоры» у майя ассоциируется с раем и местом обитания предков (*Taube, 2004*). В мифологии майя это также место рождения бога маиса, образ которого связан с вечной юностью, идеей изобилия, плодородия, перерождения и возвращения к жизни. Ключевой в представлениях майя о мире знак WITZ (*Hellmuth, 1987*) иконографически может представлять собой изображение анфас головы монстра, имеющего зооморфный облик. Он олицетворяет собой пещеру, и через распахнутый рот горного монстра открывается доступ в нижний мир – обитель богов и предков. На троне 1 в его глазницах, проработанных сквозными элементами, показаны два персонажа высокого статуса, по-видимому, изображающие правителя и его предшественника, предположительно, его деда. Головы обращены в профиль лицами друг к другу, плечи развернуты анфас, показаны кисти рук. Фигуры зеркально отражают друг друга, сходны размерами и позой, симметрично расположены и кисти рук – одна обращена к центру композиции,

а другая опирается на край «окошка». Оба персонажа демонстрируют элитный богатый набор украшений: серьги, браслеты и ожерелья из бусин и подвесок, сделанных из драгоценных камней, которые в центральноамериканских культурах также связывались с идеей изобилия, плодородия (*Дэвлет*, 2000). Трон 1 уникален не только наличием подписей его ваятелей, но он передает важную информацию о том, кто стал правителем и в связи с какими событиями. Трон «сломали» и разбросали по дворцовой комнате, когда город был разрушен и сожжен в 808 г. Это действие, по-видимому, стало символом олицетворением смены власти, низвержения, ритуального и символического уничтожения династии правителей Пьедрас-Неграс. Рядом с действующими персонажами, за спинами фигур, в завитках иероглифического знака WITZ размещены надписи, расшифрованные как имена резчиков: uхul (его резьба), К'ин-Лакам-Чаак и Патлах-К'авиль (*Montgomery*, 1995).

Имя резчика К'ин-Лакам-Чаака вновь фигурирует уже на триумфальной стеле, на которой представлен восседающий на троне К'инич-Йат-Ак III, при дворе которого скульптор по-видимому продолжил работу (цв. рис. 2: с. 416). В общей классификации монументов Пьедрас-Неграс памятник получил наименование стела 12 и был установлен в 795 г. по случаю побед над Помоной, одержанных К'инич-Йат-Аком III в 792 и 794 гг. (*Martin, Grube*, 2008). К'инич-Йат-Ак III изображен сидящим на троне, перед ним вассалы, в нижнем регистре – связанные веревкой пленники. Это одна из немногих многофигурных композиций из Пьедрас-Неграс. Установить достоверно тип трона не представляется возможным, но отчетливо прослеживается спинка. Правителя увенчивает богато украшенный головной убор из перьев в виде орнитоморфного сверхъестественного существа с характерными атрибутами (выдающимся клювом, гребнем из перьев на голове и мощными когтистыми лапами), «Верховного Птичьего Божества» пантеона майя (*Беляев*, 2012). К. Таубе показал, что в изображениях этой гигантской птицы прослеживается связь с религиозно-мифологическими представлениями не только майя, но и других культур Южной Мезоамерики начиная с позднеформативного времени (*Taube*, 1987). В классической мифологии майя оно объединяется со «старым богом» Ицамом в единое существо, которое принято называть Ицамной. В представленных в настенных росписях Сан-Бартоло (II–I вв. до н. э.) мифологических сюжетах присутствует эпизод, связанный с происхождением царской власти, в котором первым царем становился бог кукурузы Ишим, отобравший царские регалии у «Верховного Птичьего Божества» (*Беляев*, 2012). Таким образом, восседающий на троне правитель на стеле 12 идентифицирует себя с верховным божеством и обозначает в его лице своего небесного патрона, демонстрирует его покровительство и поддержку.

Вместе с этим важно отметить традицию царских линиджей древних майя делать текстовые и изобразительные отсылки к основателю династии в обосновании легитимности своего правления. Это становится особенно очевидным в связи с декорированной каменной плитой (панель 3) из Пьедрас-Неграс, которая также была изготовлена в эпоху правления К'инич-Йат-Ака III. Найденный в развалинах храмового святилища в здании O-13 этот резной памятник предположительно мог служить декором в нише стены святилища. Несмотря на то, что последняя упомянутая на монументе дата – 785 г., рельеф посвящен

событиям 250-летней давности, а иероглифический текст повествует о том, как отмечался 20-летний юбилей воцарения Ицам-К'ан-Ака – деда К'инич-Йат-Ака III (цв. рис. 3: с. 417).

По заказу К'инич-Йат-Ак III создается одно из непревзойденных произведений монументального искусства майя. Перед нами ретроспективное изображение царского двора предшествовавшей эпохи. В центре внимания правитель на троне и его окружение. Сцена на панели 3 открывается драпировкой, мягкие ткани над головой правителя обозначают интерьер дворцового помещения. Правитель восседает на троне, на нем богато украшенный головной убор из перьев. Всем телом правитель обращен к тем, кто находится у его ног, вероятно, царевичам из вассальных царств Пачана (*Беляев, Сафронов, 2013*). Фигуры всех приближенных динамичны: кто-то поднял руку, стремясь привлечь внимание, кто-то сложил руки на груди. Динамизм исполнения сцены – большая редкость для монументального искусства майя. Панель 3 можно считать вершиной развития художественного языка Пьедрас-Неграс, самым сложным композиционным и концептуальным решением. Очевидно, что изображение прошедшей эпохи несет важную интенцию для К'инич-Йат-Ака III, актуального правителя Пьедрас-Неграс. Неслучайно сцена при дворе Ицам-К'ан-Ака IV на панели 3 заказана К'инич-Йат-Аком III почти одновременно с рельефом на троне 1 – символе могущества правителя, сосредоточения его власти – будь то сам К'инич-Йат-Ак III или его далекий предок.

Несмотря на многочисленные утраты, которым поспособствовали как время, так и военные конфликты последних лет существования города, можно проследить, что Ицам-К'ан-Ака IV на панели 3 предстает восседающим на троне, типологически близком трону 1, принадлежавшему его внуку. Спинка декорирована изображением горного монстра, представлен важный элемент (шкура ягуара), связанный с традицией отождествления правителя с ягуаром (*Fields, 1986*). Зооморфный символ могущества, ягуар – владыка джунглей и сильный хищник – в представлениях майя связан с носителями власти, людьми сильными и опасными. Сходство спинок этих тронов не случайно. Власть К'инич-Йат-Ака III, судя по всему, подвергалась постоянным угрозам (*Беляев, Сафронов, 2003*), поэтому не исключено, что трон 1, выполненный для К'инич-Йат-Ака III его придворным скульптором, был сделан по образу и подобию трона, на котором когда-то восседал его дед Ицам-К'ан-Ак IV. Это подчеркивало наследственность, преемственность власти и символически укрепляло ее.

Итак, рассмотренные реальные троны и их изображения из Пьедрас-Неграс позднеклассического периода уникальны иероглифическими надписями, содержащими в том числе имена скульпторов, и рельефной резьбой, сюжеты которой подтверждали и укрепляли легитимность власти правителя. Троны со спинкой в сравнении с более лаконичными скамьями позволяли расширить изобразительный ряд, адресованный элите: в то время как правитель из плоти и крови восседал на своем троне, все придворные могли видеть за его спиной либо изобразительно закрепленную трансляцию сверхъестественной природы дарованной богами высшей власти, либо сцену, подтверждающую легитимность наследуемой власти, представленную в сюжетах передачи или опосредованного одобрения этой власти предком правителя. Тот факт, что

изобразительное повествование разворачивается в дворцовом помещении, подчеркивает его важность. Можно предположить, что резные троны сами по себе становились прославленными, знаменитыми регалиями правителей Пьедрас-Неграс. Следует отметить, что трон 1 был разбит¹, это Ст. Хаустон объясняет как свидетельство насильственного захвата города и символического «уничтожения» династии и ее святынь. Триумфальная стела 12 была расколота, сбиты фигуры и на панели 3, что тоже может быть интерпретировано как поругание династии.

Специфика тронов как образцов монументального искусства связана с тем, что (в отличие от стел и алтарей, предназначенных для обозрения всеми жителями города, масштабных произведений из камня, ориентированных на массовый осмотр и содержащих элементы иконографического типа правителя-триумфатора) адресная аудитория тронов иная. Скульптурные изображения на тронах можно расценивать как предназначенные для посвященных, рассчитанные на созерцание узким кругом лиц, так или иначе относящихся к элите майя, как элементы потестарного символизма и складывающегося придворного этикета.

Несмотря на то, что количество сохранившихся изображений каменных тронов со спинкой правителей Пьедрас-Неграс и их реальных прототипов невелико, их характеризует иконографическое разнообразие и виртуозная техника исполнения низкого рельефа. Благодаря наличию авторских подписей и иероглифических текстов, повествующих о ключевых событиях истории, мы узнаем имена тех, кто заказывал, творил и, опосредованно, кто уничтожал эти атрибуты и символы власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д. Д., 2001. Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н. э.): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ. 524 с.
- Беляев Д. Д., 2012. Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н. э. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3. С. 8–22.
- Беляев Д. Д., Сафронов А. В., 2003. Войны царств Бакаль и Йокиб в VII–VIII вв.: реконструкция основных этапов конфликта // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2003». История: Сб. тез. М.: Исторический ф-т МГУ. С. 156–161.
- Беляев Д. Д., Сафронов А. В., 2013. Династическая история Йокиба во второй половине VIII в. // Вопросы эпиграфики: Сб. ст. / Отв. ред. А. Г. Авдеев. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. Вып. 7. Ч. 1. С. 533–599.
- Гуляев В. И., 1972. Атрибуты царской власти у древних майя // СА. № 3. С. 116–134.
- Гуляев В. И., 1993. Скипетр и держава: К вопросу о царской власти у древних майя // Вестник древней истории. № 4. С. 45–60.
- Дэвлет Е. Г., 2000. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.: Научный мир. 248 с.
- Ершова Г. Г., 2002. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М.: Алетейа. 392 с.
- Fields V. M., 1986. The Iconographic Heritage of the Maya Jester God // Sixth Palenque Round Table. Norman: University of Oklahoma. P. 167–174.

¹ <https://decipherment.wordpress.com/2014/01/24/a-game-with-a-throne/>.

- Grube N.*, 1994. Hieroglyphic sources for the history of northwest Yucatan // *Hidden Among the Hills: Maya Archaeology of the Northwest Yucatan Peninsula* / Ed. H. J. Prem. Möckmühl: Verlag von Flemming. P. 316–358. (Acta Mesoamericana; no. 7.)
- Hellmuth N.*, 1987. *Monster und Menschen in der Maya-Kunst*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. 403 S.
- Marcus J.*, 1974. The Iconography of Power among the Classic Maya // *World Archaeology*. 6 (1). P. 83–94.
- Martin S., Grube N.*, 2008. *Chronicle of the Maya kings and queens*. New York: Thames and Hudson. 240 p.
- Miller M., Martin S.*, 2004. *Courtly Art of the Ancient Maya*, New York: Thames and Hudson. 304 p.
- Montgomery J. E.*, 1995. *Sculptors of the Realm: Classic Maya Artists' Signatures and Sculptural Style During the Reign of Piedras Negras Ruler 7* [Manuscript]: Ph. D. dissertation. *Albuquerque*: University of New Mexico. 2 vols. (Unpublished.)
- Nelson Z. N.*, 2005. *Settlement and Population at Piedras Negras, Guatemala* [Manuscript]: Ph. D. dissertation. University Park: The Pennsylvania University. 487 p. (Unpublished.)
- O'Neil M.*, 2012. *Engaging ancient maya sculpture at Piedras Negras, Guatemala*. Norman: University of Oklahoma Press. 256 p.
- Proskouriakoff T.*, 1950. *A study of classic maya sculpture*. Washington, D. C.: Carnegie Institution of Washington. 209 p.
- Stone A., Zender M.*, 2011. *Reading Maya Art*. London: Thames and Hudson. 248 p.
- Taube K.*, 1987. *A representation of the principal bird deity in the Paris Codex*. Washington, D. C.: Center for Maya Research. 24 p.
- Taube K.*, 2004. Flower Mountain. Concepts of life, beauty, and paradise among the Classic Maya // *RES: Anthropology and Aesthetics*. No. 45. P. 53–87.

Сведения об авторе.

Фахри Амина Ильгизовна, Институт Археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; email: fakhri.amina@gmail.com.

A. I. Fakhri

On specifics features of iconography of the ruler's throne
in the Maya monumental sculpture of the second half of I millennium AD
from Piedras Negras (Guatemala)

Abstract. Complex narrative and ornamental reliefs with hieroglyphic writing are intrinsic to the Maya stone cutting tradition. This research is dedicated to a group of Maya monuments from Piedras Negras (Guatemala) dating to the second half of the 1st millenium AD focused on the idea of heritage and transfer of authority in the iconography of the ruler's throne. Investigation of the representation of the throne in monumental art as well as and the image and accompanying hieroglyphic text on the surviving throne 1 makes it possible to draw conclusions concerning the importance of citation in iconography and references to the rulers of previous epochs during the reign of K'inich Yat Ahk III in the decoration of valued objects. A comparative study of these images opens up wide perspectives for study of the ruler iconography, formation and evolution of the Maya courtly art.

Keywords: Mesoamerica, Maya archaeology, ruler iconography, maya sculpture, ideology of power.

REFERECES

- Belyaev D. D., 2001. Formirovanie i razvitie gosudarstvennoy organizatsii u maya Petena v klassicheskiy period (I tys. n. e.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Formation of state organization of Peten Maya in Classical period (I mill. AD): Ph. D. thesis]. Moscow. 524 p.
- Belyaev D. D., 2012. Pod sen'yu Ptich'ego Bozhestva: formirovanie ideologii tsarskoy vlasti na Gvatemal'skom nagor'e v I tys. do n. e. [In shadow of bird deity: Formation of ideology of royal power in Guatemala highland in I mill. BC]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Eucumene. Regional studies]*, 3, pp. 8–22.
- Belyaev D. D., Safronov A. V., 2003. Voynny tsarstv Bakal' i Yokib v VII–VIII vv.: rekonstruktsiya osnovnykh etapov konflikta [Wars of Bakal' and Yokib kingdoms in VII–VIII cc.: reconstruction of main stages of conflict]. *Trudy nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov «Lomonosov-2003». Istoriya: sbornik tezisov [Proceedings of «Lomonosov-2003» scientific conference of students and post-graduates. History: abstracts]*. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 156–161.
- Belyaev D. D., Safronov A. V., 2013. Dinasticheskaya istoriya Yokiba vo vtoroy polovine VIII v. [Dynastic history of Yokiba in second part of VIII c.]. *Voprosy epigrafiki [Problems of epigraphic]*. A. G. Avdeev, ed. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, vyp. 7, ch. 1, pp. 533–599.
- Devlet E. G., 2000. Khudozhestvennye izdeliya iz kamnya indeytsev Tsentral'noy Ameriki [Pieces of art made of stone of Central America Indians]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.
- Ershova G. G., 2002. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve [Ancient America: flight in time and space]. Mezoamerika. Moscow: Aleteya. 392 p.
- Fields V. M., 1986. The Iconographic Heritage of the Maya Jester God. *Sixth Palenque Round Table*. Norman: University of Oklahoma, pp. 167–174.
- Grube N., 1994. Hieroglyphic sources for the history of northwest Yucatan. *Hidden Among the Hills: Maya Archaeology of the Northwest Yucatan Peninsula*. Hanns J. Prem, ed. Möckmühl: Verlag Von Flemming, pp. 316–358. (Acta Mesoamericana, 7).
- Gulyaev V. I., 1972. Atributy tsarskoy vlasti u drevnikh maya [Royal power fasces of ancient Maya]. *SA*, 3, pp. 116–134.
- Hellmuth N., 1987. Monster und Menschen in der Maya-Kunst. Graz: Akademische Druck-u. Verlagsanstalt. 403 S.
- Martin S., Grube N., 2008. Chronicle of the Maya kings and queens. New York: Thames and Hudson. 240 p.
- Miller M., Martin S., 2004. Courtly Art of the Ancient Maya. New York: Thames and Hudson. 304 p.
- Montgomery J. E., 1995. Sculptors of the Realm: Classic Maya Artists' Signatures and Sculptural Style During the Reign of Piedras Negras Ruler 7. Manuscript: Ph. D. dissertation. *Albuquerque*: University of New Mexico. 2 vols. (Unpublished).
- Nelson Z. N., 2005. Settlement and Population at Piedras Negras, Guatemala. Manuscript: Ph. D. dissertation. University Park: The Pennsylvania University. 487 p. (Unpublished.)
- O'Neil M., 2012. Engaging ancient Maya sculpture at Piedras Negras, Guatemala. Norman: University of Oklahoma Press. 256 p.
- Proskouriakoff T., 1950. A study of classic Maya sculpture, Washington, D. C.: Carnegie Institution of Washington. 209 p.
- Stone A., Zender M., 2011. Reading Maya Art. London: Thames and Hudson. 248 p.
- Taube K., 1987. A representation of the principal bird deity in the Paris Codex. Washington, D. C.: Center for Maya Research. 24 p.
- Taube K., 2004. Flower Mountain. Concepts of life, beauty, and paradise among the Classic Maya. *RES: Anthropology and Aesthetics*, 45, pp. 53–87.

About the author:

Fakhri Amina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: fakhri.amina@gmail.com.

К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА КАМНЯ И БРОНЗЫ ИА РАН

К. Н. Гаврилов, А. Н. Гей

ОТДЕЛ КАМНЯ И БРОНЗЫ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Отдел бронзового века (до 1994 г. – сектор неолита и бронзы) – одно из основных структурных подразделений Института археологии – был создан в ИИМК в 1944 г. Возглавил сектор и руководил им до конца своих дней (1962 г.) член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев, а после него – такие известные ученые, как Е. И. Крупнов (до 1970 г.), Н. Я. Мерперт (до 1988 г.), М. Ф. Косарев (до 1994 г.), В. В. Волков (до 2000 г.).

Сфера научных интересов сотрудников отдела всегда отличалась широтой и разнообразием, охватывая древнейшую историю и археологию Старого Света. Масштабные полевые исследования проводились практически на всей территории СССР и далеко за его пределами (Афганистан, Болгария, Венгрия, Египет, Ирак, Сирия, Монголия). В настоящее время тематика исследований сотрудников отдела бронзового века сосредоточена на проблемах первобытной истории и археологии культур энеолита, бронзового века и переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа (VI – начало I тыс. до н. э.), основное внимание при этом уделяется древностям центральных областей России, Поволжья, южнорусских степей, Причерноморья, Кавказа, Прикаспия, Урало-Сибирского региона, а также Южной Европы и Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии.

При реорганизации структуры Института в 1992–1994 гг. сектор неолита и бронзы был преобразован. На его базе было создано два самостоятельных подразделения: отдел археологии бронзового века и отдел каменного века; часть сотрудников перешла в группу зарубежной археологии и другие подразделения ИА.

В последние годы научная деятельность отдела археологии бронзового века сосредоточена на разработке двух крупных направлений.

Одно из них исследует причины эволюции и трансформации археологических культур на фоне происходивших экономических, социальных, природных и иных изменений с использованием современных методов датирования и различных естественнонаучных исследований и реконструкций. Решение подобных вопросов предполагает обработку больших информационных массивов – обобщение накопленных материалов по ключевым памятникам и крупным регионам (Передняя Азия, Причерноморье и Предкавказье, степные и лесостепные районы Подонья и Поволжья, Северный Прикаспий), а также по хронологическим срезам (энеолит – ранняя, средняя и поздняя бронза).

Второе направление посвящено исследованиям в области первобытного искусства, реконструкции различных аспектов духовной жизни древних обществ Евразии, элементов существовавших у них мифологических и религиозных систем по археологическим и этнографическим материалам. Это разработка теоретических и общих вопросов изучения духовной жизни народов Сибири, исследования наскальных изображений, изучение символики раннеземледельческих обществ Южной и Юго-Восточной Европы, святилищ и погребальных памятников энеолита – бронзового века Евразии.

Ряд статей, публикуемых в данном тематическом блоке настоящего выпуска Кратких сообщений, написаны сотрудниками отдела археологии каменного века. Отдел каменного века является самым молодым научным подразделением Института археологии, и, как уже было отмечено выше, при его образовании наиболее опытный костяк нового научного коллектива составили бывшие сотрудники отдела неолита и бронзы. За прошедшее с 1992 г. время в состав отдела влились новые специалисты, органично продолжающие традиции московской школы изучения древнейших этапов человеческой истории, основы которых были заложены, в том числе, и сотрудниками отдела неолита и бронзы. Отдел каменного века успешно разрабатывает фундаментальные проблемы изучения культурогенеза, развития первобытного искусства, археологического источниковедения. Помимо традиционной проблематики, связанной с изучением каменного века Восточно-Европейской равнины, в последние годы сотрудниками Отдела на территории Горного Дагестана ведутся активные исследования памятников олдована – древнейшей эпохи в истории человечества. Помимо традиционных методов изучения археологических источников, весьма плодотворно, с применением современного оборудования и методик, проводятся работы в сфере изучения древних технологий производства орудий, а также в области трасологии.

Т. Н. Мишина

АСКОСЫ РАННЕБРОНЗОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ (БОЛГАРИЯ)

Резюме. Сосуды, известные как аскосы, встречаются в Средиземноморье, на Балканах от неолита до эпохи раннего железа. В статье впервые полностью публикуется самая большая на сегодня коллекция асков с телля Юнаците (Фракия) – всего 37 сосудов (рис. 1; 2 а, б; цв. рис. 3: с. 418). Эта асимметричная форма легко вычленяется из массового материала, что позволило оперировать достаточно представительными цифрами при статистической обработке (251 фрагмент). Данный тип керамики исследован морфологически, по размерам и пропорциям (рис. 4, графики 1–5), орнаменту. Выделено два стандарта: небольшие аскосы-чаши (группа 1) и более крупные аскосы-кувшины (группа 2). Детально разработанная стратиграфия и хронология телля Юнаците позволяет определить относительную и абсолютную хронологию этого типа керамики. Выявлена тенденция к уменьшению этого функционально-морфологического типа сосудов от ранних (XVI/XVII–XV) к более поздним (IX–VIII) горизонтам (график 6). Аскосы бытовали в интервале 3100–2400 гг. до н. э. (РБВ I и РБВ II, по принятой в настоящее время в болгарской археологии периодизации). Рассмотрение асков в ограниченной зоне (Болгария) (рис. 5) и в ограниченном временном интервале (РБВ) показало, что они являются хорошим хронологическим маркером для данного региона. Наиболее точно датируются аскосы с канелюрами и накольчатым декором, зафиксированные на этапе РБВ I и исчезающие к началу РБВ II. Для культуры Эзеро аскосы маркируют первый этап РБВ, для культуры Юнаците – первый и второй этапы РБВ. Это указывает на более тесное взаимодействие культур Эзеро и Юнаците на раннем этапе их сосуществования.

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы (РБВ), телль Юнаците, Фракия, асимметричный сосуд, аскос, тип, морфология, стратиграфия, хронология, периодизация.

Тип сосудов известный под названием аскосы или аски, широко встречается в Средиземноморском регионе, на Балканах от неолита до эпохи раннего железа включительно. Самые ранние аскосы известны в Греции, в западной Анатолии (*Misch*, 1992. S. 6, 7). В Болгарии впервые они зафиксированы В. Миковым в телле Юнаците в отложениях эпохи ранней бронзы и получили название «перднеазиатский тип» сосуда (*Миков*, 1940. С. 74, 75). Дальнейшие исследования на территории Болгарии позволили установить, что аскосы известны уже в неолите и энеолите на ряде поселений: Капитан Димитриево (*Georgiev*, 1961.

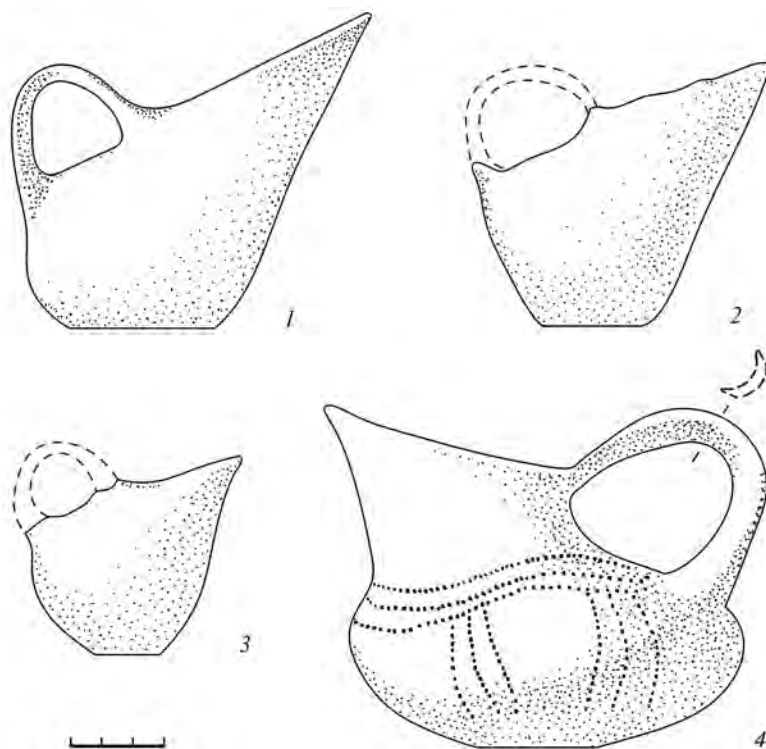
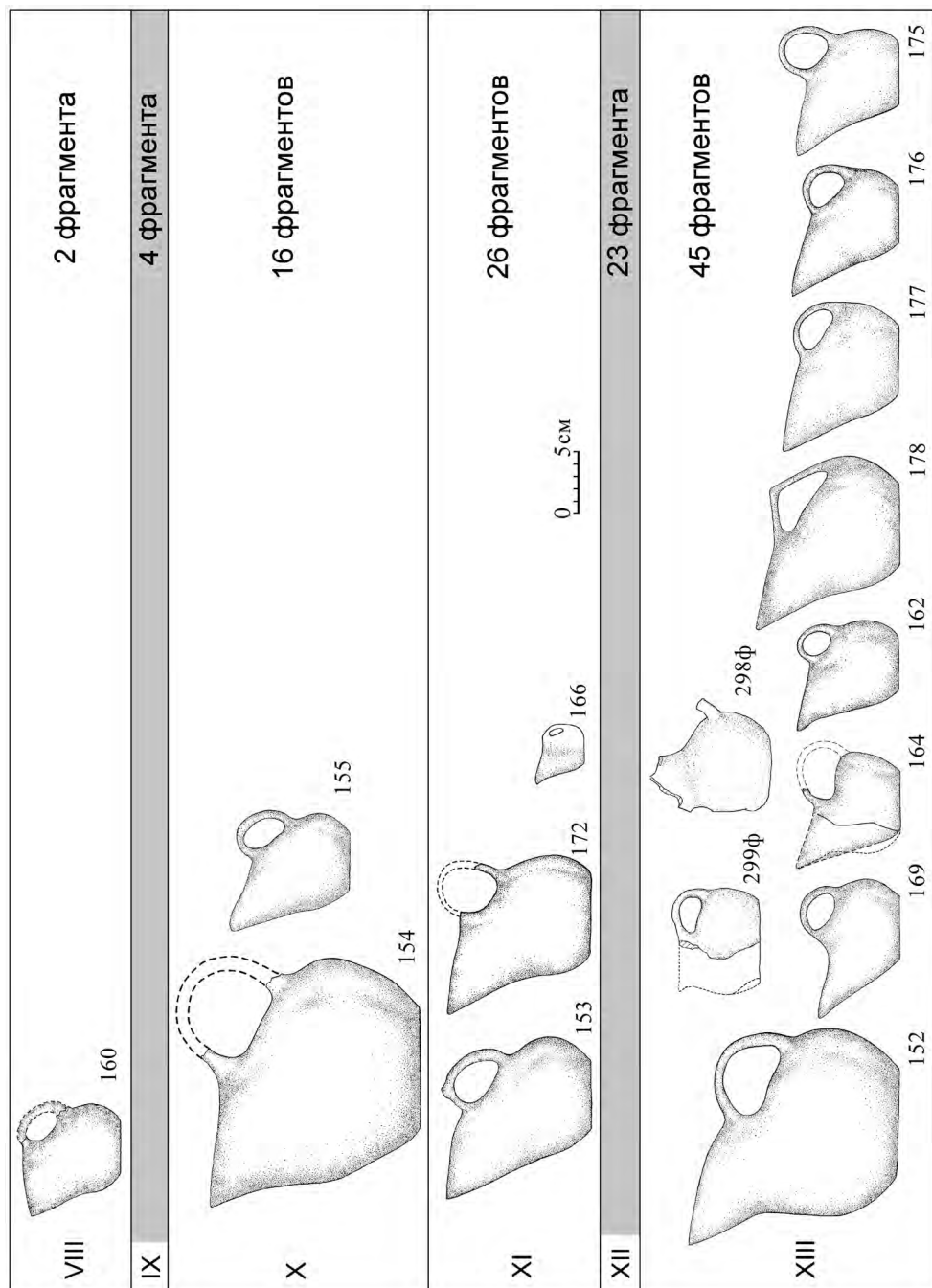

Рис. 1. Телль Юнаците. Аскосы, раскопки В. Микова 1939 г. (рисунки выполнены по фотографии в соответствии с размерами, приводимыми В. Миковым)

С. 79. Tabl. XXIII), Гълъбовци (Петков, 1964. С. 54, 57. Обр. 11а), Русе (Георгиев, Ангелов, 1957. С. 75, 81. Обр. 35, 1–2), Долнослав (Колева, 1993), Слатино (Čohadžiev, 1986), Хотница (Тодорова, 1979. Обр. 34), Мечкюр (Vajsova, 1966. С. 38, 39. Abb. 18, 6; 19, 11, 12; Jungsteinzeit..., 1981. No. 128, 160), Заминец (Николов, 1975. Обр. 35), Телиш-Редутите (Гергов, 1987. С. 49. Обр. 3в; 5г), Юнаците (Todorova, Matsanova, 2000. S. 345) и других.

Все энеолитические аскосы в Болгарии – асимметричны, имеют выраженную горизонтально-вытянутую форму тулова, ручку, расположенную параллельно тулову, и слабо оформленный или вовсе неоформленный слив. Морфологически они заметно отличаются от аскосов эпохи ранней бронзы и не связаны с ними своим происхождением (Misch, 1992. S. 246). В целом морфологическое разнообразие этого типа посуды достаточно велико (Демченко, 2013. С. 147–155; Misch, 1992. S. 6–242). Практически каждый аскос индивидуален, их близкие функционально-морфологические типы представлены небольшим числом, и находки на археологических памятниках в целом немногочисленны. Основным признаком, позволивший объединить столь разнородные по форме сосуды под одним названием, – асимметричная форма.

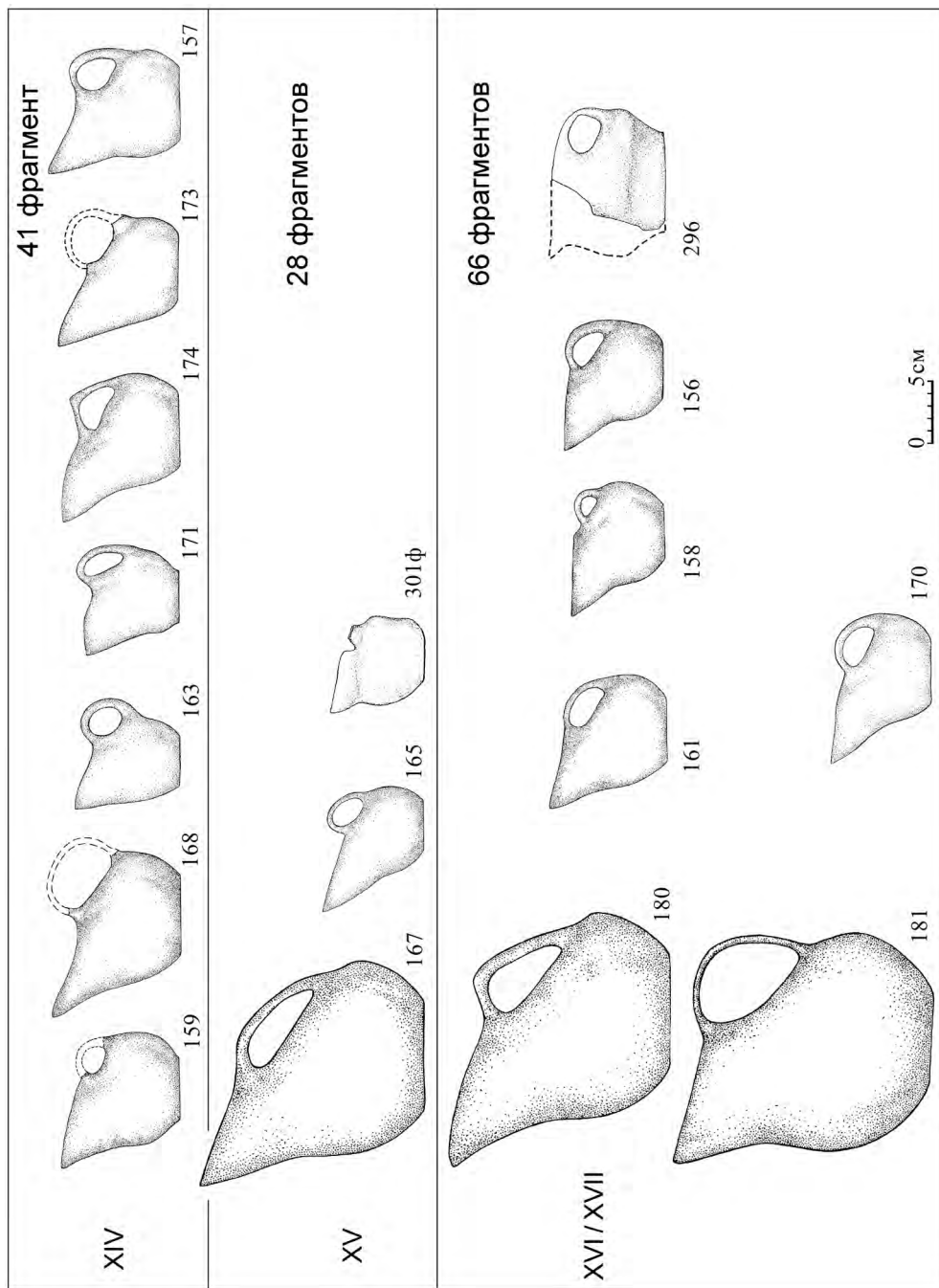

Рис. 2 а, б. Телья Юнаците. Аскосы, раскопки 1977–1990 гг., размещены с учетом стратиграфии

Часто вместе с аскосами исследователи рассматривают весь спектр асимметричных типов посуды – это антропо-орнитоморфные сосуды с выраженной эллипсовидностью тулова (*Балабина*, 2010. С. 611–619; *Демченко*, 2013; *Misch*, 1992). Т. Ковач на материалах Венгрии приводит типологию асков, в которой выделяет четыре типа, где собственно аскосы представляют первый тип: без выраженных орнитологических признаков (*Kovács*, 1972. Р. 8).

В результате исследования раннебронзовых отложений (пласт Б) телля Юнаците накоплена самая большая на сегодня коллекция асков из 37 сосудов: четыре целых сосуда (рис. 1) из раскопок 1939 г. опубликованы В. Миковым (*Миков*, 1940. С. 74, 75), а аскосы из позднейших раскопок представлены 30 археологически целыми экземплярами и тремя крупными фрагментами (рис. 2 а, б). Эта серия впервые полностью публикуется в данной работе. Благодаря асимметрии асковидная форма легко вычленяется среди массового материала, поэтому возможно оперировать более представительными цифрами, учитывая зафиксированный в слоях РБВ телля Юнаците 251 фрагмент данного типа сосудов. Большинство из них являются фрагментами тонкостенных асков с заощенной поверхностью, темно-серого или черного цвета. Отдельные аски уже были опубликованы (*Катинчаров*, *Мацанова*, 1993. С. 156, 157).

Морфологическое описание

Аскос – асимметричный, эллипсовидный сосуд и для описания достаточно сложен (*Лещаков*, 1988. С. 8, 9). В нашей коллекции все аскосы с плоским овальным дном, овальным в сечении туловом. В верхней части тулова намечается перехват, причем степень перехвата варьирует. Верхняя часть асков (горло) также имеет овальное в плане сечение. Для удобства описания формы были введены понятия: задняя стенка и передняя стенка аскоса. На передней стенке всегда моделируется слив. Для асков эпохи РБВ характерен отчетливо оформленный слив, выделяются разновидности: сливы вытянутые и укороченные.

К задней стенке крепится петлевидная ленточная ручка. В коллекции целых сосудов аутентичные ручки имеются у 19 сосудов. В остальных случаях ручка не сохранилась или была полностью реконструирована при реставрации. Ручки располагаются соответственно длине сосуда, все «петлевидные» с отчетливо выраженным верхним и нижним прилепом. Нижний прилеп всегда находится чуть выше максимального расширения тулова на задней стенке, верхний – у края устья. Форма ручки варьирует: часто ручка поднимается над устьем. Глубина прогиба ручки варьирует в разной степени. Для 19 аутентичных ручек расположение относительно устья таково:

1. Ручки, поднимающиеся выше края устья (16 экз.: (175/ХІІІ, 162/ХІІІ, 153/ХІ, 155/Х, 161/ХІV, 163/ХІV, 165/ХV, 168/ХІV, 169/ХІІІ, 170/?, 171/ХІV, 174/ХІV, 176/ХІІІ, 177/ХІІІ, 178/ХІІІ, 180/ ХVІ–ХVІІ) (рис. 2). Все ручки асков из коллекции В. Микова также выше края устья (рис. 1, 1–4).

2. Ручки, крепившиеся на уровне края устья (2 экз.: 296/ХVІ–ХVІІ фрагмент, 161/ХVІ–ХVІІ) (рис. 2).

3. Ручка, крепившаяся ниже устья (158/XVI–XVII) (рис. 2).

В горизонтальном сечении ручки уплощенные, тонкие, иногда достигают всего нескольких миллиметров в толщину, варьируют от плоской, широкой формы до полусферической, узкой. Горизонтальное сечение бывает с заметным проседанием посередине (рис. 1, 4). В вертикальном сечении ручки асков разнообразны:

1. округлое (4 экз.: 161/XIV, 162/XII, 163/XIV, 175/XII) (рис. 2);
2. овальное (12 экз.: 153/XI, 155/X, 156/XVI–XVII, 157/XV, 158/ XVI–XVII, 165/XV, 168/XIV, 169/XIII, 170/?, 171/XIV, 177/XIII, 176/XIII) (рис. 2);
3. подтреугольное (3 экз.: 174/XIV, 178/XIII, 180/XVI–XVII) (рис. 2).

Размеры и пропорции

Для анализа асков использованы некоторые размеры и пропорции (рис. 4). Этой процедуре подверглись все асковы из коллекции В. Микова и 28 сосудов из позднейших раскопок. Не анализировались: миниатюрный аскос (166/XI), 3 крупных фрагмента (296/XVI–XVII, 298/XIII, 299/XIII), форма которых потребовала значительной реконструкции, и аскос без масштаба, зарисованный по фотографии (301/XV).

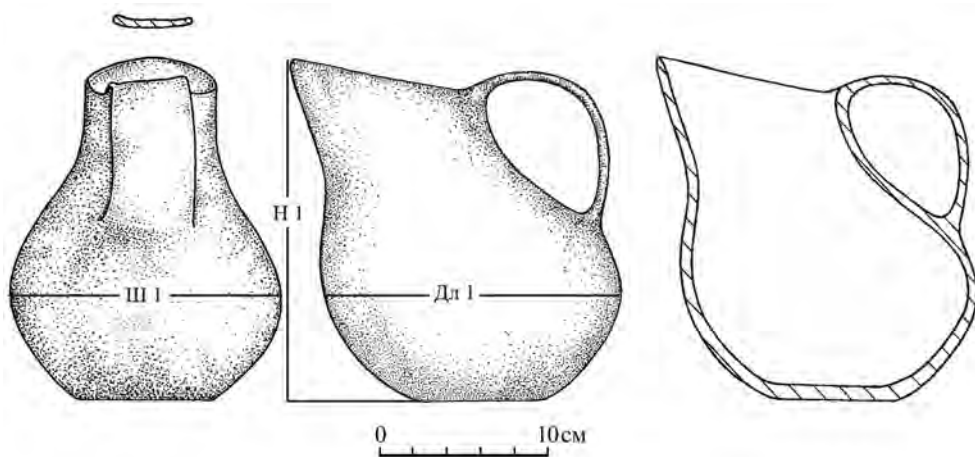

Рис. 4. Телья Юнаците. Размеры асков

Условные обозначения: Н1 – высота аскаса; Дл1 – длина тулова; Ш1 – ширина тулова

Построены графики 1, 2 и 3 с учетом абсолютных размеров: длины¹ тулова (Дл1) (график 1), ширины тулова (Ш1) (график 2) и высоты аскаса (Н1) (график 3). В графиках 1 и 3 учтены сосуды как из раскопок В. Микова, так

¹ Овальная (эллипсовидная) форма аскаса не дает диаметров, характерных для симметричных сосудов, поэтому для обозначения размеров дна, тулова и устья использовались величины длина (Дл) и ширина (Ш).

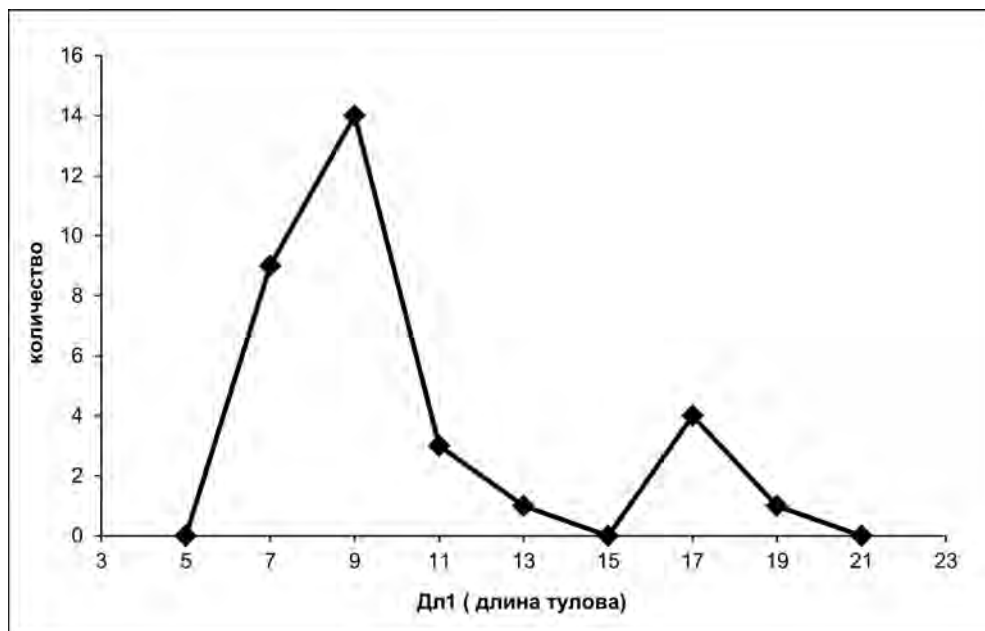

График 1. Распределение асқосов по длине тулова (Дл1) (раскопки 1939 и 1977–1990 гг.)

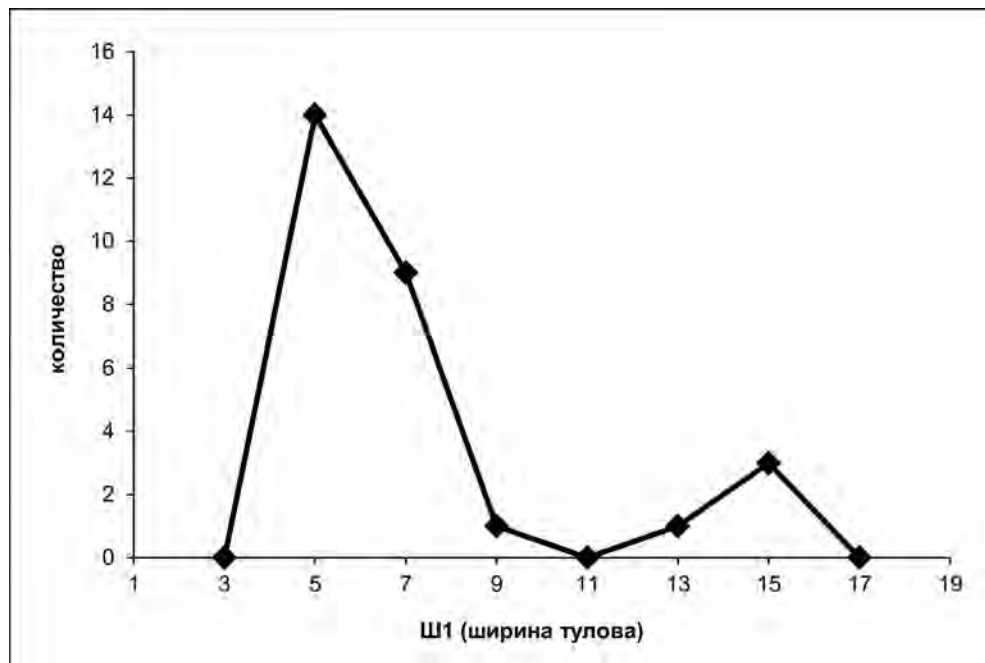

График 2. Распределение асқосов по ширине тулова (Ш1) (раскопки 1977–1990 гг.)

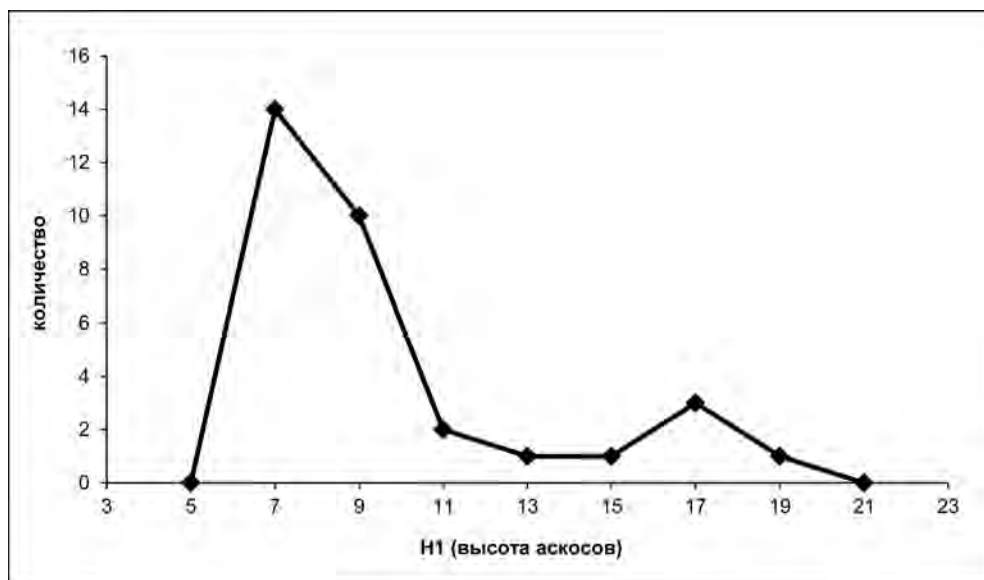

График 3. Распределение асковов по высоте (Н1) (раскопки 1939 и 1977–1990 гг.)

и из раскопок 1977–1990 гг. График 2 построен только на материале позднейших раскопок, поскольку ширина тулова асковов в публикации В. Микова не приводится.

На первых трех графиках отчетливо видно, что по размерам асковы распадаются на две устойчивые группы:

группа 1 – асковы небольших размеров, длина тулова колеблется от 6 до 13 см, ширина тулова – от 5 до 11 см, высота – от 6 до 15 см. Эту группу отнесем к асковам-чашам, поскольку они по размерам и объему соответствуют «чашам для питья» (Демченко, 2013. С. 146). Асковы-чаши составляют основную часть коллекции (27 экз.);

группа 2 – асковы крупных размеров, длина тулова фиксируется в интервале 15–19 см, ширина – 13–17 см, высота – 15–21 см, отнесем их к «аскосам-кувшинам». В этой группе пять сосудов: 154/X, 152/XIII, 167/XV, 180/XVI/XVII, 181/XVI/XVII.

Для целых асковов были посчитаны несколько пропорций. В данной статье приведем наиболее показательные. Графики 4 и 5 строились с учетом выделенных размерных групп: 1 (асковы-чаши) и 2 (асковы-кувшины). Первая пропорция – отношение длины тулова (Дл1) к ширине тулова (Ш1) (только сосуды из раскопок 1977–1990 гг.) отражает степень асимметрии тулова в горизонтальном сечении (график 4).

Закономерно, что для групп 1 и 2 длина тулова больше ширины (график 4). Здесь мы не наблюдаем различий: пропорции тулова асковов для двух выделенных размерных групп одинаковые и располагаются в интервале 0,9–1,5. График 5 демонстрирует пропорции аскова в целом, здесь также не выявлены

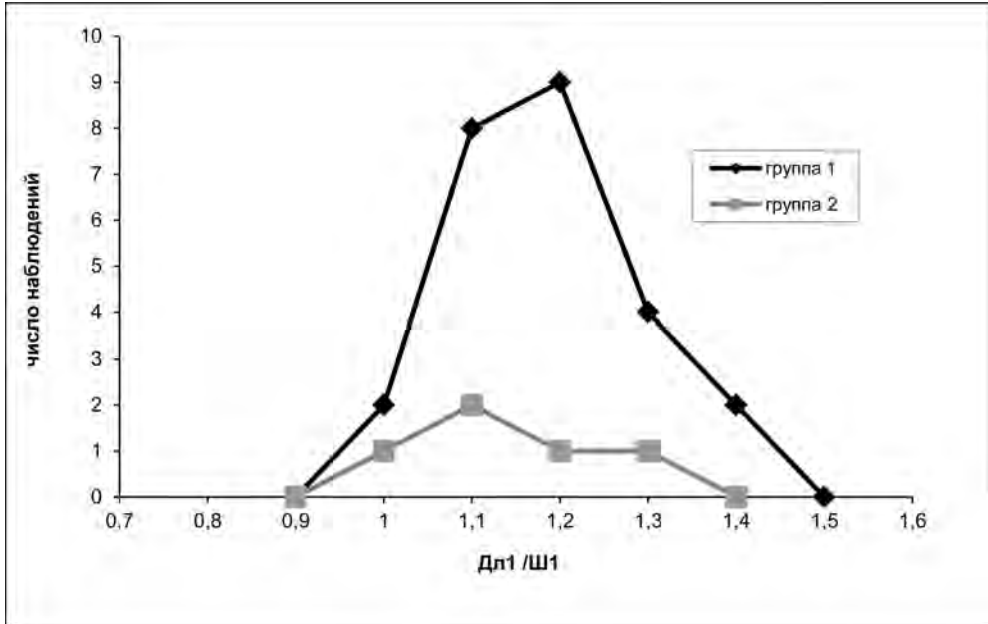

График 4. Отношение длины тулова аскосов (Дл1) к ширине тулова (Ш1) (раскопки 1977–1990 гг.)

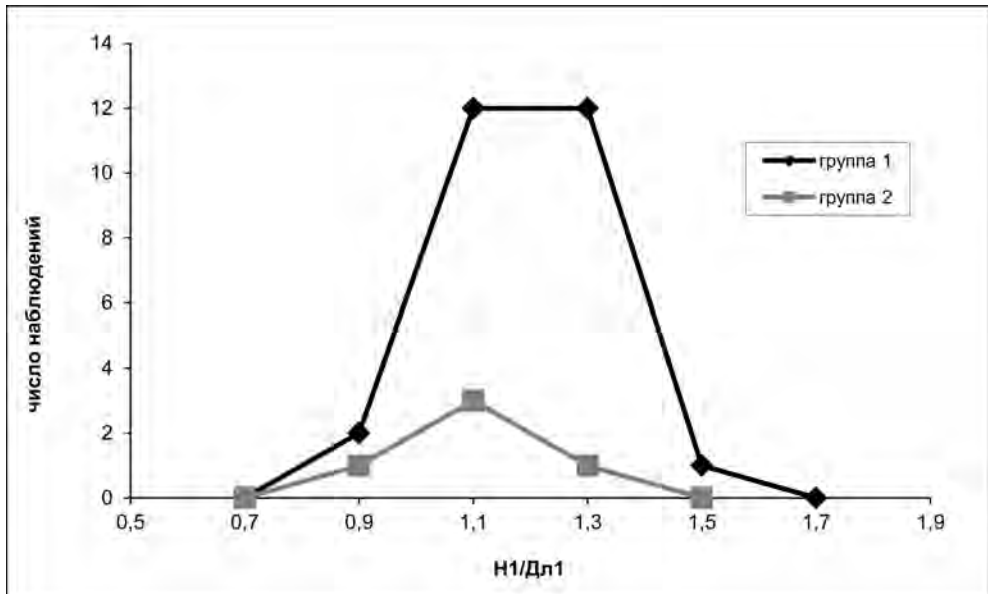

График 5. Отношение высоты аскосов (Н1) к длине тулова (Дл1) (раскопки 1939 и 1977–1990 гг.)

пропорциональные различия, пропорции и малых и больших сосудов фиксировались в интервале 0,7–1,7 (график 5). Визуально различимая «вертикальность» асков возникает, вероятнее всего, за счет вытянутого слива. Отметим, что эти графики получены на тех асках, которые можно было измерить. Картина может измениться, т. к. среди крупных фрагментов есть два (299/XIII, 296/XVI/XVII) (рис. 2), имеющих в горизонтальном сечении сильно вытянутый овал, что указывает на тенденцию к заметно удлинённому эллипсоидному тулову и призматической форме. Близкая аналогия им обнаружена на поселении Огняново-Малтепе (*Leshtakov*, 2000. S. 263. Fig. 16.17.1).

Анализ размеров и пропорций асков позволяет предположить, что в производстве этого типа сосудов имелось два размерных стандарта: небольшие по объёму аскосы-чаши и более крупные аскосы-кувшины. Анализ пропорций также указывает на некий стандарт для этой асимметричной формы.

Декор

Целые аскосы из раскопок 1977–1990 гг. в основном не орнаментированы, однако среди фрагментов встречаются орнаментированные канелюрами, накольчатый орнаментом или сочетанием того и другого (*Мишина*, 2011. С. 72, 73. Рис. 3). Как правило, орнамент располагался на тулове и ручке сосуда. Аскос из коллекции В. Микова имеет накольчатый орнамент по тулову сосуда, образуя композиции из трех параллельных горизонтальных линий в верхней части тулова, ниже по тулову спускаются сгруппированные по три вертикальные линии (рис. 1, 4). Для этого орнаментированного аска имеются два близкие по декору, размерам и обработке поверхности сосуда. Один происходит из раскопок Р. Катинчарова на телле Дядово (*Катинчаров и др.*, 1980. С. 35, 90). Его орнамент композиционно и технологически аналогичен аскосу из Юнаците, но на сосуде из Дядово фиксируется инкрустация орнамента белой пастой. Другой обнаружен в погребении 25 могильника Берекетская могила (*Kalčev*, 2002. S. 80, 111. Taf. 5, 7).

На поселении Небет-тепе (Пловдив) известен орнаментированный аскос, тулово которого покрыто шнуровым (или ложношнуровым) орнаментом из геометрических фигур сложной композиции (*Пейков*, 1995. Обр. 6), инкрустированных белой пастой. Встречаются аскосы, ручки которых украшены рельефными выступами, расположенными по сторонам ручки (Юнаците, № 153/XI), или конусовидным налепом (Берекетская могила, погребение 16).

Обработка поверхности

Большинство асков из Юнаците тонкостенные (от 0,2 до 0,4 см), их внешняя поверхность заглажена или залощена. Первоначальный цвет сосудов светло-коричневый, красновато-коричневый или темно-серый (цв. рис. 3). Также встречено большое количество фрагментов тонкостенных сосудов черного цвета, которые залощены до блеска. Судя по размерам фрагментов, они могли принадлежать крупным аскам (группе 2). Большинство целых асков

нашей коллекции имеют следы вторичного обжига в виде темно-коричневых или черных пятен.

Стратиграфия и абсолютная датировка

Детально разработанная стратиграфия и хронология телья Юнаците (*Мерперт и др.*, 2007. С. 125–144) позволяет определить относительную и абсолютную хронологию этого типа посуды. Детальная фиксация стратиграфии пласта Б телья Юнаците позволила привязать все целые сосуды и фрагменты раскопок 1977–1990 гг. к стратиграфическим горизонтам. Распределение по стратиграфическим горизонтам целых асковов и их фрагментов показано на графике 6.

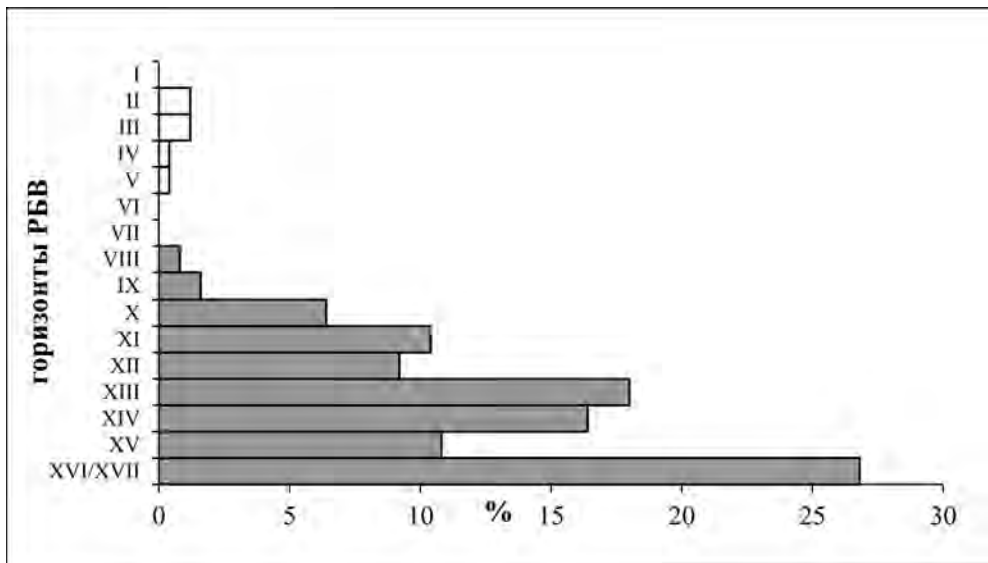

График 6. Распределение асковов по горизонтам (раскопки 1977–1990 гг.)

Целые асковы фиксируются на телье Юнаците с XVI/XVII-1–3 до VIII горизонта. С XVI/XVII по XIII горизонт обнаружено наибольшее число археологически целых сосудов (25 экз.) и 180 фрагментов; максимум целых сосудов и фрагментов дают XIV и XIII горизонты. В целом фиксируется тенденция к уменьшению этого функционально-морфологического типа сосудов от ранних к более поздним горизонтам. Самый поздний аскос (№ 160) обнаружен в VIII горизонте. Его стратиграфическая позиция весьма определенная: сосуд зафиксирован на участке обмазанного пола постройки 4 (квадрат П/5) (*Мерперт и др.*, 2007. Илл. 14). В целом распределение целых асковов совпадает с распределением фрагментов. Единичные фрагменты встречены в VIII и сV по II горизонты,

но их обнаружение связано с периферийной зоной на памятнике и нарушениями культурного слоя, чем объясняется переотложение более фрагментированного материала и попадание его в поздние горизонты. Аскос № 170 не имеет четкой стратиграфической позиции, он был обнаружен в квадрате К/5, на периферии поселения – на участке с мощными нарушениями римского времени.

Зондаж 1939 г. соотносится с линиями М-Н/8–4 на сетке раскопа 1976 г. Аскосы из раскопок В. Микова зафиксированы на глубине от 6,00 до 3,00 м, что позволяет с большой долей вероятности соотнести стратиграфически обе части коллекции. Глубина XVI/XVII-1–3 горизонтов на участке раскопа В. Микова – 5,50 м. Два аска В. Микова, очевидно, относятся к самым ранним горизонтам РБВ Юнаците: XVI/XVII-1–3. Глубину 4,1 м возможно связать с XIII или XII горизонтами; глубина 3,0 м близка к глубинам IX или VIII горизонтов (*Мерперт и др.*, 2007. 144. Илл. 4–6; 9; 10; 13). Такое стратиграфическое распределение не противоречит распределению асковов позднейшей серии, более точная привязка затруднительна.

Распределение выделенных нами размерных групп 1 (аскосы-чаши) и 2 (аскосы-кувшины) на стратиграфической колонке не выявило каких-либо особенностей. Аскосы-кувшины зафиксированы в XVI/XVII, XV, XIII, X горизонтах, аскосы-чаши представлены почти во всех отмеченных горизонтах.

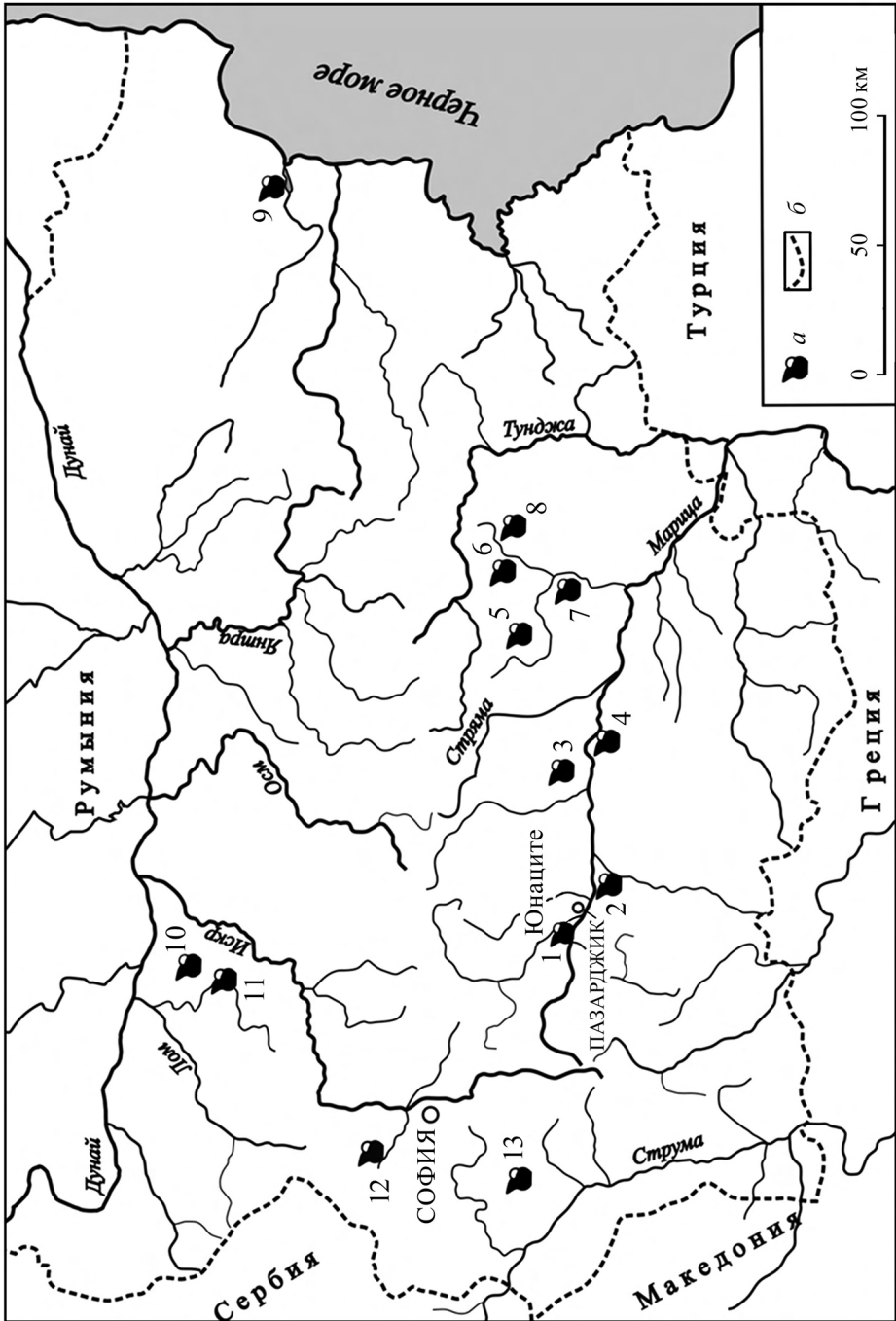
Серия из 29 радиоуглеродных определений, известная для отложений РБВ на Юнаците, позволяет обозначить дат бытования этого типа сосудов в абсолютных датах (*Бояджиев*, 2007; *Чичагова и др.*, 2007. С. 232–238). Для горизонтов с XVI/XVII-1–3 по VIII имеется 23 даты, благодаря которым можно датировать 9 нижних горизонтов в целом (*Чичагова и др.*, 2007. С. 235, 236. Рис. 181). Именно в этом интервале зафиксированы все находки целых асковов и большинство фрагментов. В абсолютных значениях интервал с XVI/XVII-1–3 по VIII горизонт датируется 3100–2400 гг. до н. э. и соответствует РБВ I и РБВ II, по принятой в настоящее время в болгарской археологии периодизации (*Alexandrov*, 1995. P. 253, 256; *Lechtakov*, 2000. P. 249–250; *Nikolova*, 1999 (2000). P. 52–70).

Географическое распространение и относительная хронология

По опубликованным данным мне известно 13 памятников: десять поселений, два могильника и одно случайное местонахождение, на которых найдено 56 экземпляров археологически целых асковов (рис. 5).

На карте Болгарии семь поселений и один могильник представляют компактную группу в среднем течении р. Марица и ее притоков в центральной части Горной Фракийской низменности. Это – Юнаците (37 археологически целых экз. и 251 фрагмент)², Малтепе-Огняново (2 экз.) (*Детев, Мацанова*, 1977. С. 70–72. Обр. 38; *Leshtakov*, 2000. P. 255. Fig. 16.17), Разкопаница-Маноле (1 экз.?) (*Detev*,

² Не исключено, что многочисленность асковов и их фрагментов в отложениях РБВ на теле Юнаците связано с большой площадью раскопанных поселений / горизонтов (*Балабина, Мишина*, 2007. Табл. 1).

1971. Р. 95, 101. Fig.1, 6), Небет-тепе (Пловдив) (1 экз.) (Пейков, 1995. Обр. 6), Берекетская могила (4 экз.) (Kalčev, 2002. S. 33, 109–120), Караново VII (1 экз.) (Georgiev, 1961. Veilage B), Дядово (1экз.?) (Катинчаров и др., 1980. С. 35, 36. Обр. 32), Эзеро (2 экз. и 1 фр-т) (Георгиев и др., 1979. С. 345. Табл. 200, 370, 371). На этих объектах встречены близкие аналогии аскасом из Юнаците. Другие памятники широко разбросаны по территории Болгарии и весьма удалены друг от друга и от этой компактной группы. Известны местонахождения асимметричных сосудов: на Варненском озере в поселении Эзерово (2 экз.) (Тончева, Ара, 1959. С. 97; Tončeva, 1973. Р. 473, 477. Fig. 2; 5) и в Северо-Западной Болгарии: случайная находка у с. Крушовица (2 экз.?) (Николов, 1964. С. 74, 75. Обр. 10, б), в курганном могильнике у с. Тырнава (1 экз.) (Николов, 1976. С. 41. Обр. 4, б), на поселении Кремиковцы (1 экз.?) вне культурного слоя (Георгиев, 1975. С. 26, 28. Обр. 15) и на поселении Градец (1 экз.) (Alexandrov, 1995. Р. 261. Fig. 6, 87) (рис. 5).

Группа памятников в долине р. Марица, где обнаружены аскасы, занимает территорию двух граничащих друг с другом культур: Эзеро и Юнаците. На поселении Юнаците аскасы маркируют продолжительный период (горизонты XVI/XVII–VIII) жизни, соответствующий этапам РБВ I и РБВ II. Р. Катинчаров, исследовавший поселение Дядово, относит обнаруженный там аскас к самому началу РБВ (XVI–XIII горизонты) (Катинчаров, 1980. С. 28, 35, 36). Аскасы из поселения Эзеро авторы раскопок зафиксировали в XII и IX горизонтах (РБВ I), что соответствует этапу Эзеро А (Георгиев и др., 1979. Р. 345, 371). Исследователи поселения Малтепе-Огняново П. Детев и В. Мацанова два самых ранних горизонта поселения относят к эпохе РБВ II (Детев, Мацанова, 1977. С. 70). Кр. Лещаков, анализировавший керамику из этого поселения, также связывает начало поселка с эпохой РБВ II, но не исключает, что отдельные типы посуды могут иметь аналогии в XV горизонте теля Юнаците (РБВ I) (Lechtakov, 2000. Р. 251, 253). В связи с этим утверждением отмечу аскас вытянутых по горизонтали пропорций, который автор соотносит с IV–I горизонтами (Ibid. Р. 263. Fig. 16.17.1). Он имеет близкие аналогии как в XVI/XVII (РБВ I), так и в XIII (РБВ II) горизонтах Юнаците (рис. 2, № 296/XVI/XVII и 299/XIII). В X горизонте поселения Небет-тепе (Пловдив) найден асимметричный сосуд со шнуровым орнаментом. По материалам Юнаците известно, что шнуровой орнамента встречается в финальных горизонтах РБВ II (Nikolova, 1996. Р. 175; Мишина, 2011. С. 74, 75), сочетание его с асимметричной формой позволяет предположить, что аскас из Небет-тепе (Пловдив) не из ранних и принадлежит РБВ II. Аскас из культурных отложений эпохи ранней бронзы (Караново VII) исследователи соотносят с этапом Эзеро А (РБВ I), Кр. Лещаков уточняет: интервал бытования аскасов – Караново VIIа, до начала РБВ II (этапа Михалич) (Лещаков, 2000.

Рис. 5. Находки аскасов на памятниках Болгарии

Условные обозначения: а – памятники с находками аскасов; б – государственные границы
 1 – Юнаците; 2 – Малтепе-Огняново; 3 – Разкопаница-Маноле; 4 – Небет тепе (Пловдив);
 5 – Берекетская могила (могильник); 6 – Караново VII; 7 – Дядово; 8 – Эзеро; 9 – Езерово;
 10 – Крушовица (случайная находка); 11 – Тырнава (могильник); 12 – Кремиковцы (случайная находка); 13 – Градец

С. 57), что согласуется с данными телья Юнаците. Он замечает, что для Юго-Восточной Болгарии этот тип сосудов в РБВ II уже не встречается (*Лецаков*, 2000. С. 55), что не противоречит нашим результатам.

Хронологическую ситуацию на могильнике Берекетская могила II. Калчев определяет как непрерывное развитие, а интервал его существования как действующего кладбища связывает с началом Эзеро A1 (XIII–XII горизонты) и концом Эзеро A2 (XI–IX гор-ты) (*Kalčev*, 2002. S. 45). Аскосы с накольчатым орнаментом, найденные в погребениях 12, 16, 25, хорошо коррелируются с орнаментированными фрагментами асков из нижних горизонтов Юнаците. Аскос без орнамента из погребения 73 имеет свои морфологические особенности, но также вполне соответствует этому временному промежутку.

Длинная стратиграфическая колонка асков телья Юнаците в некотором смысле снижает значение этого типа сосудов как хронологического маркера. Более надежным хронологическим индикатором являются орнаментированные аски. Для Юнаците известно распределение по горизонтам каннелированного, накольчатого и шнурового орнаментов. Фрагменты асков с канелюрами и накольчатым декором зафиксированы в нижних горизонтах и исчезают с наступлением этапа РБВ II (*Мишина*, 2011. С. 72–75). Это подтверждает находка аска с накольчатым орнаментом в нижних горизонтах (XIII) поселения Дядово (*Катинчаров и др.*, 1980. С. 28). Погребения 12, 16, 25 из могильника Берекетская могила, в которых в качестве погребального инвентаря использованы аскосы с накольчатым орнаментом, датируются временем РБВ I (*Kalčev*, 2002. S. 44, 45). На телье Разкопаница-Маноле найден фрагмент верхней части аска, но в публикации не указана его стратиграфическая позиция (*Detev*, 1971. P. 101. Fig. 6).

На поселениях культуры Эзеро, расположенных в восточной части Горной Фракийской низменности: Дядово, Эзеро, Караново VII, Небет-тепе (Пловдив), в могильнике Берекетская могила – аскосы известны в отложениях РБВ I. На Юнаците и, возможно, на поселении Огняново-Малтепе (исследована его периферия), которые находятся по соседству, аскосы бытовали на этапах РБВ I и РБВ II.

В памятниках вне этой компактной группы данный тип посуды представлен единично. Аскос из поселения Езерово мог быть импортом как с запада, из поселений нашей компактной группы, так и с севера, из района культуры Чернавода III (*Демченко*, 2013. С. 147; *Nikolova*, 1996. P. 174, 175). В западной части Болгарии аскос обнаружен на поселении Градец и рассматривается в рамках раннебронзовой культуры Коцофени (II–III) (*Alexandrov*, 1995. P. 261. Fig 6, 87). В могильнике у с. Тырнава в погребение 3 (курган 1) был положен аск, по специфическому прочерченному орнаменту отнесенный автором к началу РБВ (культура Коцофени) (*Николов*, 1976. С. 41).

Заключение

Аскосы широко распространены в Анатолии и Юго-Восточной Европе, хронологический диапазон их так же велик. Рассмотрение асков в компактной зоне (Болгария) и на ограниченном временном отрезке (РБВ) позволило установить, что они являются хорошим хронологическим индикатором для данного

региона. Для культуры Эзеро они маркируют первый этап раннего бронзового века, для культуры Юнаците – первый и второй этапы РБВ. Это указывает на более тесные взаимодействия между культурами Эзеро и Юнаците на раннем этапе их сосуществования.

Многочисленность асковов, найденных в отложениях РБВ на Юнаците, позволяет говорить о серийности изготовления такой посуды, вероятно, на данном поселении, хотя прямых доказательств этому не обнаружено. При анализе размеров асков выявилось, что в производстве данного типа посуды имелось два размерных стандарта: небольшие по объему асковы-чаши и более крупные асковы-кувшины. Анализ пропорций также указывает на стандарт для этого типа сосудов. Можно предположить, что у гончара имелось типовое представление об асимметричной форме.

Часто асковы называют ритуальными сосудами (Демченко, 2013. С. 148). Однако их многочисленная серия на поселениях эпохи РБВ телья Юнаците и археологический контекст (на полах построек, рядом с хозяйственными сооружениями: печами и зернохранилищами) указывают на то, что сосуды использовались и в быту.

ЛИТЕРАТУРА

- Балабина В. И., 2010. Миксоморфные образы в пластике древнейших земледельцев Европы (статуэтки, сосуды) // На пути открытия цивилизации: Сб. к 80-летию В. И. Сараниди. СПб: Алетей. С. 594–620.
- Балабина В. И., Мишина Т. Н., 2007. Поселение бронзового века на телье Юнаците и этапы его развития // Телья Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронзы. С. 9–14.
- Бояджиев Я., 2007. Телья Юнаците – абсолютная хронология горизонтов эпохи ранней бронзы // Телья Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронзы. С. 216–221.
- Демченко Т. И., 2013. Сосуд в виде птицы с территории Пруто-Днестровского междуречья // Обитаемое пространство в европейской преистории. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. С. 141–163. (Stratum plus; № 2/2013).
- Детев П., Мацанова В., 1977. Праисторическое селище при село Огняново // Известия на музеите от Южна България. Т. 3. С. 45–86.
- Георгиев Г. И., 1975. Стратиграфия и характер на културата на праисторическото селище в с. Кремиковци, Софийско. Археология. Кн. 2. С. 17–30.
- Георгиев Г., Ангелов Н., 1957. Разкопки на селищна могила до Русе през 1950–1953 година // Известия на Археологическия институт. XXI. София. С. 41–129.
- Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г., 1979. Эзеро. Раннобронзово селище. София: БАН. 548 с.
- Гергов В., 1987. Медни находки от праисторическо селище в м. Редутите при с. Телиш // Археология. Кн. 4. С. 44–51.
- Катинчаров Р., Бест Я., Николов В., Николова В., 1980. Селищна могила до с. Дядово: сондажен изкоп (Археологически разкопки 1977/1978) // Expeditio Thracica. 1. София. С. 9–94.
- Катинчаров Р., Мацанова В., 1993. Разкопки на селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Праисторически находки и изследвания: Сб. в памет на проф. Георги И. Георгиев. София. С. 155–173.
- Колева Б., 1993. Къснохалколитни аскови от Долнослав, Пловдивско // Праисторически находки и изследвания: Сб. в памет на проф. Георги И. Георгиев. София. С. 121–128.
- Лещаков Кр., 1988. Основни классификационни принципи за керамиката от ранната и средната бронзова епоха в Тракия // Археология. Кн. 3. С. 1–12.
- Лещаков Кр., 2000. Изследвания върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Исторически факултет. София. Т. 84–85. С. 5–121.

- Мерперт Н. Я., Мацанова В., Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2007. Стратиграфия горизонтов раннего бронзового века // Телль Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронзы. С. 125–145.
- Мерперт Н. Я., Мацанова В.*, 2007. Горизонты эпохи ранней бронзы // Телль Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронзы. С. 17–125.
- Миков В.*, 1940. Селищна могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Годишник на Пловдивска народна библиотека и музей. 1937/1939. Пловдив. С. 55–84.
- Мишина Т.*, 2011. Орнаментированная керамика эпохи раннего бронзового века телля Юнаците // Годишник на Регионален исторически музей Пазарджик (РИМ-Пазарджик). Пловдив. Т. 2. С. 69–81.
- Николов Б.*, 1964. Селища и некрополи от бронзовата епоха във Врачанско. Археология. Кн. 2. С. 69–77.
- Николов Б.*, 1975. Заминец. София: Наука и изкуство. 69 с.
- Николов Б.*, 1976. Могилни погребвания от раннобронзовата епоха при Търнава и Кнежа, Врачански окръг // Археология. Кн. 3. С. 38–51.
- Пейков А.*, 1995. Стратиграфия в крепостта на древнотракийския град Евмолпия // Известия на музея от Южна България. Пловдив. Т. 21. С. 23–42.
- Петков Н.*, 1964. Грънчарска пещ от неолитното селище при с. Гълъбовци, Софийско // Археология. Кн. 1. С. 48–59.
- Тодорова Х.*, 1979. Энеолит Болгарии. София: София-Пресс. 114 с.
- Тончева Г., Ара М.*, 1959. Праисторическо наколно селище при с. Езерово, Варненско // Археология I. Кн. 1–2. С. 96–99.
- Чичагова О. А., Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П.*, 2007. Новая серия дат 14С для телля Юнаците // Телль Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронза. С. 218–238.
- Alexandrov St.*, 1995. The Early Bronze Age in West Bulgaria: Periodization and Cultural Definition // Prehistoric Bulgaria / Eds D. Bailey, I. Panayotov. Madison: Prehistory Press. P. 253–269.
- Čohadžiev S.*, 1986. Frühäneolithische Keramik aus der prähistorischen Sidlung bei Slatino, Bezirk Kjustendil // Studia Praehistorica. Sofia. 8. S. 185–203.
- Detev P.*, 1971. Données archéologiques de la continuité de la culture du tell Razkopanitzа près du village Manole, département de Plovdiv // L'ethnogenese des peuples Balkaniques. Sofia, P. 93–105. (Studia Balkanika; 5.)
- Georgiev G.*, 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // Symposium l'Europe la fin de l'âge de la Pierre. Praga–Liblice–Brno, 5–12 octobre 1959. Praga: Académie Tchecoslovaque des Sciences. S. 45–100.
- Jungsteinzeit..., 1981. Jungsteinzeit in Bulgarien (Neolithikum und Äneolithikum): Katalog zu drei Ausstellungen in Wolfenbüttel, Oldenburg und Hannover, 1981–1982. Sofia: Komitee für Kultur. 117 S.
- Kalčev P.*, 2002. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Stara Zagora «Bereketska mogila» (Bulgarien). Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag. 130 S. (Sastuma; 8.)
- Kovács T.*, 1972. Askoi, Bird-shaped Vessels, Bird-shaped Rattles in Bronze Age Hungary // Folia Archaeologica. XXIII. Budapest. P. 7–28.
- Lechtakov Kr.*, 2000. The Pottery from Maltepe Tell Ognyanovo (Characteristics, Chronology and Interpretations) // Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory / Compl. and ed. L. Nicolova. Oxford: BAR. P. 241–270. (BAR Serie; 854.)
- Nikolova L.*, 1996. Settlement and Ceramic: The Experience of Early Bronze Age Bulgaria // Reports of Prehistoric Research Projects. Sofia. Vol. 1. No. 2–4. Part 2. P. 145–186.
- Nikolova L.*, 1999 (2000). The Yunatsite culture. Periodization, chronology and synchronizations // Reports of Prehistoric Research Projects. Sofia. Vol. 2–3. P. 34–104.
- Misch P.*, 1992. Die Askoi in der Bronzezeit. Jonsered: Astroms forlag. 268 S.
- Todorova N., Matsanova V.*, 2000. Late Chalcolithic Ceramic Style at Yunatsite Tell. (Approach to the Systematization of the Ceramics from the Newly Excavated Levels) // Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory / Compl. and ed. L. Nicolova. Oxford: BAR. P. 331–360. (BAR Serie; 854.)

Tonceva G., 1973. Les Palafittes des Environs de Varna // Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava. P. 471–781.

Vajsova H., 1966. Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien // Slovenska Archeologia. XIV–1. S. 15–48.

Сведения об авторе.

Мишина Татьяна Николаевна, Институт Археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; email: tmishina@mail.ru.

T. N. Mishina

Askoi from the Early Bronze Age settlements at Tell Yunatsite (Bulgaria)

Abstract. Vessels known as askoi are found all across the Mediterranean and the Balkans, they date to the period from the Neolithic to the Early Iron Age. The paper presents a collection of askoi from Tell Yunatsite (Thrace), which is the largest for today, containing 37 vessels in total (Fig. 1, 2a, 2b, 4a, 4b). The asymmetrical shape of such vessels is easily identifiable from the bulk of materials, making it possible to have sufficiently representative figures for statistical data processing (251 fragments). The pottery of this type has been studied in terms of its morphology, size classes and proportions (Fig. 3, diagrams 1–5) and ornamentation. Two vessel standards have been identified: small askos-cups (Group 1) and larger askos-jars (Group 2). Well-studied stratigraphy and chronology of Tell Yunatsite help determine relative and absolute chronology of this type of pottery. The number of askoi decreases from the earlier horizons (XVI/XVII–XV) to the subsequent horizons (IX–VIII) (Diagram 6). Askoi were commonly used in the interval of 3100–2400 BC (EBA I and EBA II in accordance with the periodization used in Bulgaria). The examination of askoi found in Bulgaria (Fig. 5) and within a limited chronological interval of Early Bronze Age has shown that these vessels are a reliable chronological marker for this region. Askoi with fluting and stroke ornamentation, which are recorded for EBA I and which disappeared by the beginning of EBA II, are dated with the highest precision. Regarding the Ezero culture, askoi function as the EBA I marker while for the Yunatsite culture they function both as the EBA I and the EBA II marker. It means that the Ezero and the Yunatsite culture had closer links at the early stage of their coexistence.

Keywords: Early Bronze Age, Tell Yunatsite, Thrace, asymmetrical vessel, askos, type, morphology, stratigraphy, chronology periodization.

REFERECES

Alexandrov St., 1995. The Early Bronze Age in West Bulgaria: Periodization and Cultural Definition. *Prehistoric Bulgaria*. D. Bailey, I. Panayotov, St. Alexandrov, eds. Madison: Prehistory Press, pp. 253–269.

Balabina V. I., 2010. Miksomorfnye obrazy v plastike drevneyshikh zemledel'tsev Evropy (statuetki, sosudy) [Mixmorphic images in plastics of Europe's earliest farmers (statuettes, vessels)]. *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik k 80-letiyu V. I. Sarianidi [On the way of discovery of civilization: toward 80th anniversary of V. I. Sarianidi]*. St. Petersburg: Aletyya, pp. 594–620.

- Balabina V. I., Mishina T. N., 2007. Poselenie bronzovogo veka na telle Yunatsite i etapy ego razvitiya [Bronze Age settlement at Tell Yunatsite and stages of its development]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite]*, vol. II, part 1. *Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 9–14.
- Boyadzhiev Ya., 2007. Tell' Yunatsite – absoljutnaya khronologiya gorizontov epokhi ranney bronzy [Tell Yunatsite – absolute chronology of Early Bronze Age horizons]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite]*, vol. II, part 1. *Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 216–221.
- Chichagova O. A., Aleksandrovskiy A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Zazovskaya E. P. 2007. Novaya seriya dat 14S dlya tellya Yunatsite [New series of 14C dates for Tell Yunatsite]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite]*, vol. II, part 1. *Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 218–238.
- Čohadžiev S., 1986. Frühneolithische Keramik aus der prähistorischen Siedlung bei Slatino, Bezirk Kjustendil. *Studia Praehistorica*, 8. Sofia, pp. 185–203.
- Demchenko T. I., 2013. Sosud v vide ptitsy s territorii Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Bird-shaped vessel from territory of Prut-Dniester interfluve]. *Obitaemoe prostranstvo v evropeyskoy preistorii [Inhabited space in European prehistory]*. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 141–163. (Stratum plus, 2/2013).
- Detev P., 1971. Données archéologiques de la continuité de la culture du tell Razkapanitza près du village Manole, département de Plovdiv. *L'ethnogenese des peuples Balkaniques*. Sofia, pp. 93–105. (Studia Balkanica, 5).
- Detev P., Matsanova V., 1977. Praistoricheskoe selishche pri selo Ognyanovo [Prehistoric settlement near village Ognyanovo]. *Izvestiya na muzeite ot Yuzhna B'lgariya [Bulletin of South Bulgarian museums]*, 3, pp. 45–86.
- Georgiev G., 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Süd-bulgarien). *L'Europe a la fin de l'âge de la pierre: Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique Européen, Praga-Liblice-Brno, 5–12 octobre 1959*. Praha: Académie Tchecoslovaque des Sciences, pp. 45–100.
- Georgiev G. I., 1975. Stratigrafiya i karakter na kulturata na praistoricheskoto selishche v s. Kremikovtsi, Sofiysko [Stratigraphy and character of culture of prehistoric settlement in village Kremikovtsi, Sofia region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 17–30.
- Georgiev G., Angelov N., 1957. Razkopki na selishchna mogila do Ruse prez 1950–1953 godina [Excavations at settlement near Ruse in 1950–1953]. *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut [Proceedings of Archaeological Institute]*, XXI. Sofiya, pp. 41–129.
- Georgiev G. II., Merpert N. Ya., Katincharov R. V., Dimitrov D. G., 1979. Ezero rannobronzovoto selishche [Ezero Early Bronze Age settlement]. Sofiya: B'lgarska akademiya na naukite. 548 p.
- Gergov V., 1987. Medni nakhodki ot praistoricheskoto selishche v m. Redutite pri s. Telish [Copper finds from prehistoric settlement in location Redutite near village Telish]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 44–51.
- Jungsteinzeit..., 1981 – Jungsteinzeit in Bulgarien (Neolithikum und Äneolithikum): Katalog zu drei Ausstellungen in Wolfenbüttel, Oldenburg und Hannover, 1981–1982. Sofia: Komitee für Kultur. 117 p.
- Kalčev P., 2002. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Stara Zagora «Bereketska mogila» (Bulgarien). Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag. 130 p. (Sastuma, 8).
- Katincharov R., Best Ya., Nikolov V., Nikolova V., 1980. Selishchna mogila do s. Dyadovo: sondazhen izkop (Arkheologicheskie razkopki 1977/1978) [Settlement near village Dyadovo: sounding trench (Archaeological excavations 1977/1978)]. *Expeditio Thracica*, 1. Sofiya, p. 9–94.
- Katincharov R., Matsanova V., 1993. Razkopki na selishchnata mogila pri s. Yunatsite, Pazardzhishko [Excavations at settlement near village Yunatsite, Pazardzhik district]. *Praistoricheski nakhodki i izsledvaniya: sbornik v pamet na profesor Georgi I. Georgiev [Prehistoric finds and researches: in memory of Prof. Georgi I. Georgiev]*. Sofiya, pp. 155–173.
- Koleva B., 1993. K'snokhalkolitni askosi ot Dolnoslav, Plovdivsko [Late Chalcolithic askoi from Dolnoslav, Plovdiv district]. *Praistoricheski nakhodki i izsledvaniya: sbornik v pamet na profesor Georgi I. Georgiev [Prehistoric finds and researches: in memory of Prof. Georgi I. Georgiev]*. Sofiya, pp. 121–128.
- Kovács T., 1972. Askoi, Bird-shaped Vessels, Bird-shaped Rattles in Bronze Age Hungary. *Folia Archaeologica*, XXIII. Budapest, pp. 7–28.
- Lechtakov Kr., 2000. The Pottery from Maltepe Tell Ognyanovo (Characteristics, Chronology and Interpretations). *Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps*

- and the Black Sea in Prehistory. L. Nikolova, ed., comp. Oxford: BAR, pp. 241–270. (BAR Series, 854).
- Leshchakov Kr., 1988. Osnovni klassifikatsionni printsipi za keramikata ot rannata i srednata bronzova epokha v Trakiya [Basic classification principles for Early and Middle Bronze Ages pottery in Thrace]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 1–12.
- Leshchakov Kr., 2000. Izsledvaniya v r'rkhu bronzovata epokha v Trakiya [Investigations of Bronze Age in Thrace]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet "Kliment Okhridski". Istoricheski fakultet [Annual of Sofia university Kliment of Ochrid. History faculty]*, 84–85, pp. 5–121.
- Merpert N. Ya., Matsanova V., 2007. Gorizonty epokhi ranney bronzy [Early Bronze Age horizons]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite]*, vol. II, part 1. *Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 17–125.
- Merpert N. Ya., Matsanova V., Balabina V. I., Mishina T. N., 2007. Stratigrafiya gorizontov rannego bronzovogo veka [Stratigraphy of Early Bronze Age horizons]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite]*, vol. II, part 1. *Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 125–145.
- Mikov V., 1940. Selishchna mogila pri s. Yunatsite, Pazardzhishko [Settlement near village Yunatsite, Pazardzhik district]. *Godishnik na Plovdivska narodna biblioteka i muzey [Annual of Plovdiv people library and museum]*. 1937/1939. Plovdiv, pp. 55–84.
- Misch P., 1992. Die Askoi in der Bronzezeit. Jonsered: Astroms verlag. 268 p.
- Mishina T., 2011. Ornamentirovannaya keramika epokhi rannego bronzovogo veka tellya Yunatsite [Ornamented pottery of Early Bronze Age from Tell Yunatsite]. *Godishnik na Regionalen istoricheski muzey Pazardzhik (RIM-Pazardzhik) [Annual of Regional historic museum Pazardzhik (RIM-Pazardzhik)]*, 2. Plovdiv, pp. 69–81.
- Nikolov B., 1964. Selishcha i nekropoli ot bronzovata epokha v v Vrachansko [Settlements and cemeteries of Bronze Age in Vrachansko]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 69–77.
- Nikolov B., 1975. Zaminets [Zaminets]. Sofiya: Nauka i izkustvo. 69 p.
- Nikolov B., 1976. Mogilni pogrebvaniya ot rannobronzovata epokha pri T"rnava i Knezha, Vrachanski okr'g [Barrow burials of Early Bronze Age near T"rnava and Knezha, Vrachanski region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 38–51.
- Nikolova L., 1996. Settlement and Ceramic: The Experience of Early Bronze Age Bulgaria. *Reports of Prehistoric Research Projects*, vol. 1, no. 2–4, 2. Sofia, pp. 145–186.
- Nikolova L., 1999 (2000). The Yunatsite culture. Periodization, chronology and synchronizations. *Reports of Prehistoric Research Projects*, 2–3. Sofia, pp. 34–104.
- Petkov N., 1964. Gr'ncharska peshch ot eneolitnoto selishche pri s. G"l'bovtsi, Sofiysko [Potter's kiln at Eneolithic settlement near village G"l'bovtsi, Sofia region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 48–59.
- Peikov A., 1995. Stratigrafiya v krepostta na drevnotrakiyskiya grad Evmolpiya [Stratigraphy of fortress in early Thracian town Eumolpia]. *Izvestiya na muzeita ot Yuzhna B"lgariya [Bulletin of South Bulgarian museums]*, 21. Plovdiv, pp. 23–42.
- Todorova Kh., 1979. Eneolit Bolgarii [Eneolithic of Bulgaria]. Sofiya: Sofiya-Press. 114 p.
- Todorova N., Matsanova V., 2000. Late Chalcolithic Ceramic Style at Yunatsite Tell. (Approach to the Systematization of the Ceramics from the Newly Excavated Levels). *Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory*. L. Nikolova, ed., comp. Oxford: BAR, pp. 331–360. (BAR Series, 854).
- Tonceva G., 1973. Les Palafittes des Environs de Varna. *Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur*. Bratislava, pp. 471–781.
- Tonceva G., Ara M., 1959. Praistoricheskoto nakolno selishche pri s. Ezerovo, Varnensko [Prehistoric round settlement near village Ezerovo, Varna Region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, 1–2, pp. 96–99.
- Vajsova H., 1966. Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien. *Slovenska Archeologia*, XIV–1, Ss. 15–48.

About the author:

Mishina Tat'yana N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: tnmishina@mail.ru.

В. И. Балабина

КУХОННЫЕ СОСУДЫ КУКУТЕНИ-ТРИПОЛЬЯ С СИМВОЛИКОЙ ЖИВОТНЫХ

Резюме. Статья посвящена символике изображений животных на кухонной посуде культуры Кукутени-Триполье. Систематизирована информация о 132 сосудах из поселений Украины, Молдовы и Румынии. Преобладают материалы периодов Триполья VII–СII (рис. 1а) – времени бытования керамики группы «С». Соотношение горшков и мисок с символическими изображениями животных в этой группе может указывать на пропорциональную редкость символики. Параметрический анализ плоскодонных горшков в выборке свидетельствует о присутствии данной символики на сосудах разного размера (рис. 1б). Изображения на керамике группы «С» находят композиционные и, видимо, смысловые соответствия на расписных сосудах. На тех и других имеются протомы, расположенные по периметру (варианты пространственных моделей), парные головы (парциальные изображения упряжек), одиночные головы (обобщенный зооморфизм) (рис. 2, 3). Среди зооморфных головок на кухонной посуде преобладают bovines, значительно меньше баранов и оленей, имеются единичные изображения рогатых животных неясной биологической принадлежности. Треть выборки – дефектные изображения. Число кухонных сосудов с символическими изображениями животных для большинства поселений близко количеству исследованных построек. Не исключено, что отмеченная такой символикой посуда могла входить в первые пользовательские наборы в новых домах.

Ключевые слова: зооморфная символика, кухонные сосуды, керамика группы «С», парные и одиночные головы, bovines, бараны, олени.

Зооморфную символику в виде головок или рогов животных можно встретить на разных типах форм керамики Кукутени-Триполья, как среди *столовых сосудов* (чаши, кубки, амфорки, крышки, черпаки), так и среди *кухонных* (плоскодонные горшки, горшки на ножках, миски). Данный очерк посвящен достаточно редкой символике животных на кухонной посуде, выделяемой для всех периодов Кукутени-Триполья по сочетаниям ряда хронологически и территориально варьирующих показателей (состав формовочной массы, особенности обработки поверхности и декор). Доля кухонной посуды в коллекциях памятников может заметно отличаться, причем в количественной оценке давних хранений можно согласиться с Е. Г. Старковой, справедливо допускающей их статистическую

недостоверность (Старкова, 2012). Старые коллекции целесообразно считать условно-полными из-за традиционного, несомненно, вынужденного отсева массы фрагментов.

Большая часть материала была собрана в начале 1990-х гг. по отчетной документации в музеях и археологических хранениях разных городов Украины, Молдовы, а также в Москве и Санкт-Петербурге одновременно с зооморфными фигурками (из-за проблем с дефинициями фрагментов). Обычно при работе с коллекциями знакомиться приходилось с уже отобранными предметами, чаще всего хранившимися вместе со статуэтками. В публикациях же подобная символика до сих пор появляется не часто. В результате и сейчас удается систематизировать информацию всего о 132 преимущественно фрагментированных сосудах. Из них 122 привязываются к 40 поселениям. В пределах Украины это 109 образцов зооморфной символики с 28 памятников; также использованы рисунки и фотографии 10 сосудов без точной локализации – из сборов и раскопок В. В. Хвойко в Поднепровье (Архив ИА НАН Украины) – либо опубликованные с обобщенной локализацией: «Подолия», «Уманщина», «Днепр» (Энциклопедия..., 2004). В Молдове нашлось всего 8 экземпляров для 7 поселений. На территории Румынии (по публикациям) собрано 15 экз. с 5 памятников. Половину имеющейся совокупности составляют достаточно мелкие фрагменты – 65 экз., крупных частей профиля (треть или половина формы) – 29, целых, условно-целых сосудов – 38. Следует добавить, что на информативности данной выборки, помимо сохранности (степени целостности) сосудов, сказывается и состояние иллюстраций, среди которых есть различающиеся по качеству фотографии и рисунки. Варьируют как масштабы, так и число проекций. К сожалению, именно целые сосуды иллюстрированы хуже всего. Большая их часть почерпнута из таблиц в публикациях и отчетах, в основном в виде уменьшенных контуров с профильным изображением зооморфных головок. В таких случаях можно оперировать данными о размерах и пропорциях, но именно детализация зооморфных изображений бывает слабо различимой.

Имеющаяся, выборка, релевантность которой станет понятной через несколько десятилетий, соотносится с периодами АП–СП (по трипольской шкале). На плоскодонных горшках символика животных пока фиксируется от Триполья АП до СП, на мисках – в VI–СІ, на горшках на ножках – в VII–СІ. В целом более 71 % материала принадлежит Триполю СІ, около 21 % – Триполю VII. Для прочих периодов зафиксированы единичные предметы, что составляет от 1 до 4 % (рис. 1а). В частности, для финала раннего Триполья достоверная зооморфная символика на кухонной посуде пока представлена только в Поливановом Яре III, а для позднего – лишь в Кошиловцах (Попова, 1985. Рис. 21, 7–9; 2003. Рис. 109, 5–7; *Hadaczek*, 1914; *Cehak*, 1933). Подобные информационные лакуны отчасти обусловлены логистикой полевых исследований, в какой-то мере – состоянием артефактов, часто залежавших в пашне. Если сохранились только головки, не всегда можно понять, от статуэток они или украшали сосуды. А в некоторых случаях не удастся уточнить их принадлежность именно к кухонной посуде. По этой причине из рассмотрения пришлось исключить опубликованные материалы Луки-Врублевецкой и Хебешешть (Бибиков, 1953; *Dumitrescu et al.*, 1954), в ряде случаев пришлось пренебречь отдельными сосудами из публикаций.

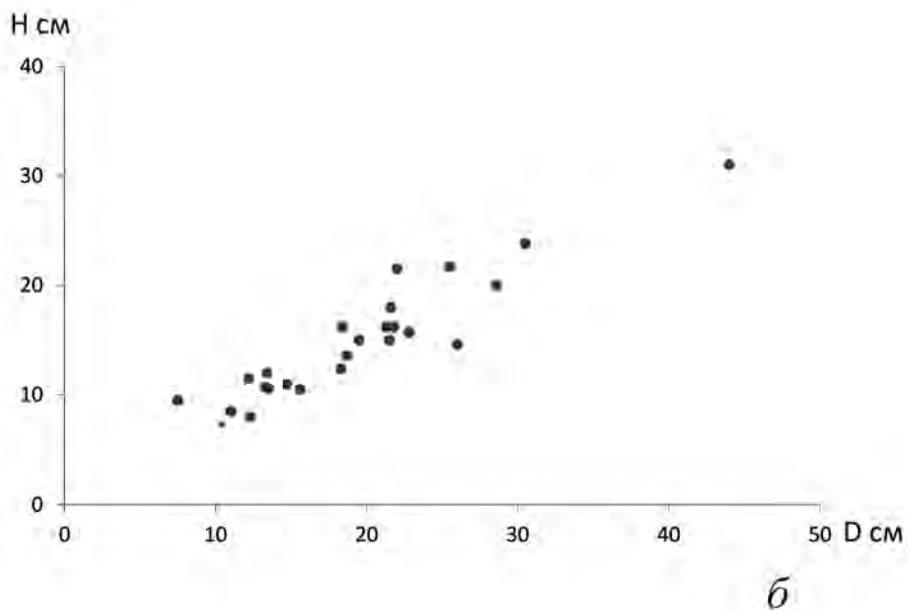
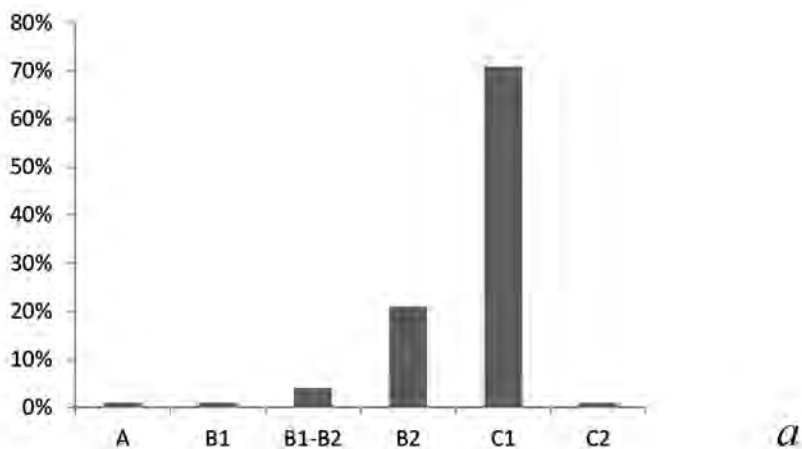

Рис. 1а. Хронологическое распределение выборки трипольских кухонных сосудов с зооморфной символикой

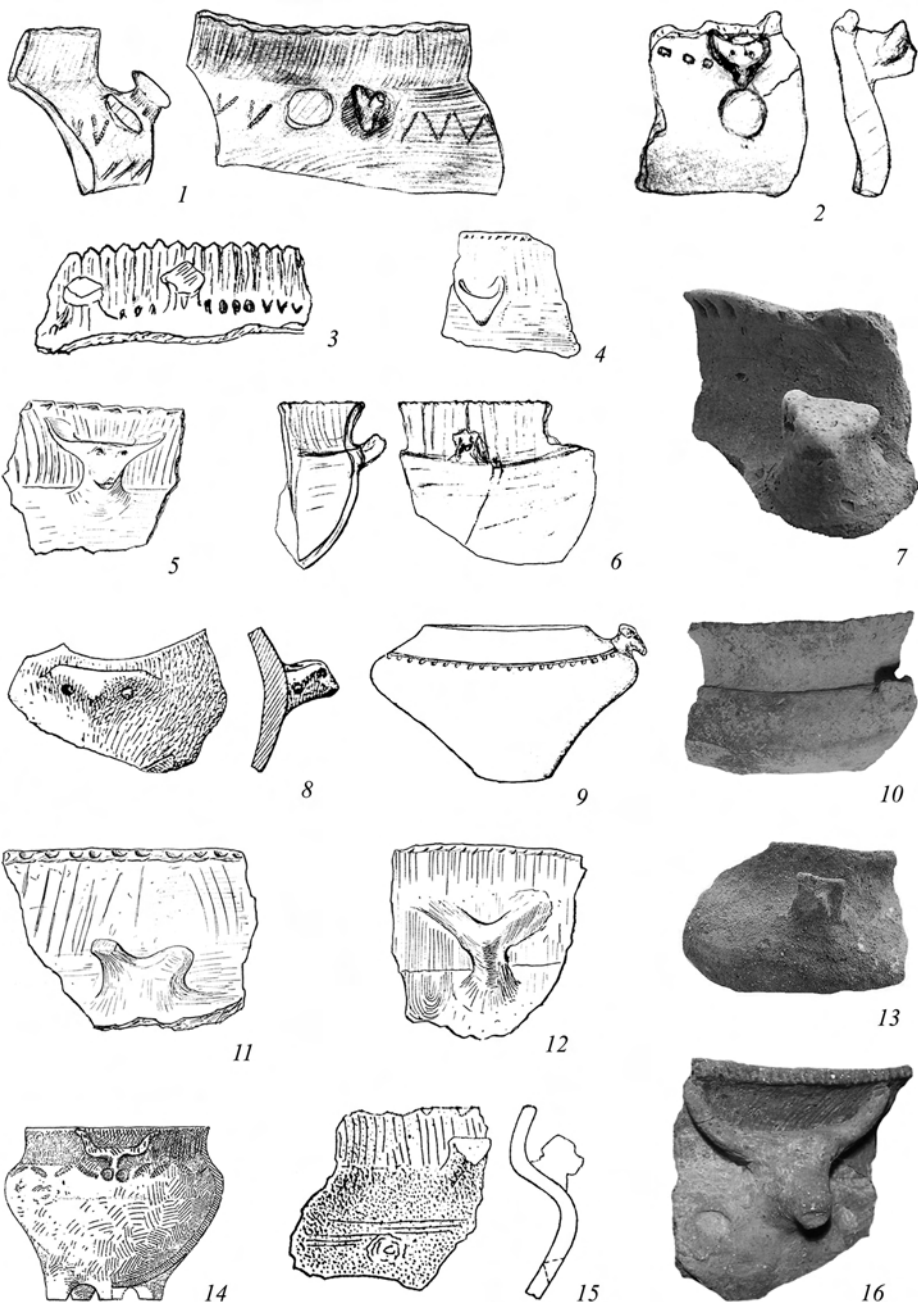
Рис. 1б. Вариации размеров кухонных горшков с зооморфной символикой.
H – высота, D – максимальный диаметр

Как хорошо известно, разновременная кухонная керамика Кукутени-Триполья отличается морфологически и по составу формовочной массы. В Триполье ВІІ появилась очень характерно оформленная посуда, впервые выделенная и описанная в начале 1930-х гг. среди материалов Кукутени. Тогда она получила наименование *керамика «С»* (*Schmidt*, 1932). В термин вкладывался одновременно и типологический и хронологический смысл. *Керамика «С»* – до сих пор один из маркеров развитого и позднего периодов (ВІІ–СІІ). Согласно последним исследованиям, в ней встречаются разные отощители, среди которых наиболее часты искусственная добавка песка либо толченой ракушки (фиксировалось и их сочетание), возможно присутствие органики, дресвы и шамота. Формовочные массы варьируют по цвету (от светло-серого до бордово-коричневого), что справедливо соотносят с локальными особенностями глинищ (*Рижов*, 2001; *Старкова*, 2012). Остается добавить, что символика животных встречена на сосудах и с примесью ракушки, и с добавкой песка.

Поскольку в имеющейся выборке преобладает керамика «С», подробнее можно обсудить именно эти материалы – символику на *плоскодонных горшках, мисках, горшках на ножках*, относящихся к периодам ВІІ–СІІ (по трипольской шкале). В такой суженной группе преобладают плоскодонные горшки – 115 экз., из них целых и археологически целых – 25, крупных фрагментов – 28, фрагментов верха профиля – 62. Горшков на ножках всего 5 (целые). Мисок разной высоты (целых и фрагментированных) – 4. Не исключено, что наблюдаемое соотношение горшков и мисок отчасти соответствует их долям в *условно полных* сериях кухонных сосудов, документированным на нескольких памятниках (*Шмаглей, Видейко*, 2005; *Старкова*, 2008; 2012), что, свою очередь, может указывать на пропорциональную редкость зооморфной символики на них.

Общая информация о морфологии, пропорциях и размерах сосудов с символикой животных. Рассматриваемые *плоскодонные горшки*, а также *горшки на ножках* трехчастны – имеют венчик (горло), плечо, тулово. *Миски* бывают и трехчастными, и двухчастными (плечо + тулово). Пропорции всех доступных измерению сосудов достаточно низкие. У *плоскодонных горшков* и у *горшков на ножках* отношение максимального диаметра (D) к высоте емкости (H) колеблется от 1,2 до 1,7, у немногочисленных мисок – от 2,01 до 2,07. Анализ параметров целесообразен лишь для *плоскодонных горшков*. Варьируют они весьма широко: диаметр (D) – от 7,5 до 44 см, высота (H) – от 7,3 до 31 см (рис. 16). Наблюдаемый параметрический разброс определенно свидетельствует о присутствии рассматриваемой символики на горшках самого разного размера – от очень маленьких до весьма крупных. Преобладание среди них маленьких и средних отчасти может быть предопределено лучшей сохранностью и «собираемостью» (из-за меньшего числа фрагментов).

Зооморфная символика на керамике «С» – головки животных, укрепленные на сосудах снаружи, в верхней части профиля. Формально их можно разделить на весьма редкие *парные изображения* (7 экз.), пока выявленные только на относительно многочисленных плоскодонных горшках, и *одиночные* (118 экз.), представленные на всех упомянутых выше типах форм (рис. 2, 3). Те и другие можно встретить на сосудах разного размера во всем ареале Кукутени-Триполья. С годами, по мере появления новых материалов хорошей сохранности,

выяснилось, что вторая, более массовая группа, разделяется на два варианта: (а) действительно *одиночные головки* и (б) подобные же «*протомы*», симметрично размещенные по периметру. Их может быть от двух до шести (рис. 3, 14, 18, 19). К сожалению, из-за информационных лакун для большинства мелких фрагментов не удастся уточнить принадлежность к тому или иному варианту. Их придется обозначить как «*одиночные* (а или б)». Как справедливо отмечено в публикации материалов Майданецкого, одиночные головки (а) придают сосуду обобщенный зооморфизм (Шмаглий, Видейко, 2005. С. 66). Парные головки животных, встречающиеся и на расписных сосудах, иногда даже изображенные в недоузках, давно интерпретируются как парциальные изображения упряжных животных. Зооморфные «протомы» (б), равномерно *транслированные* по периметру, допустимо трактовать как подобия пространственных моделей, сопоставимых с орнаментальным членением росписи. Таким образом, на керамике «С» зооморфная символика даже композиционно соотносится с разными смысловыми полями. Из-за фрагментарности материала возникает своего рода их вторичное, запутывающее, пересечение.

Можно описать два *способа крепления головок на сосудах*: 1) *отстоящие головки* пока встречены на плоскодонных горшках; 2) *аппликации, наложенные на сосуд*, отмечены на любых горшках и мисках. Те и другие распространены по всей территории Кукутени-Триполья и бывают *одиночными и парными*, уверенно распознаваемыми и различно стилизованными.

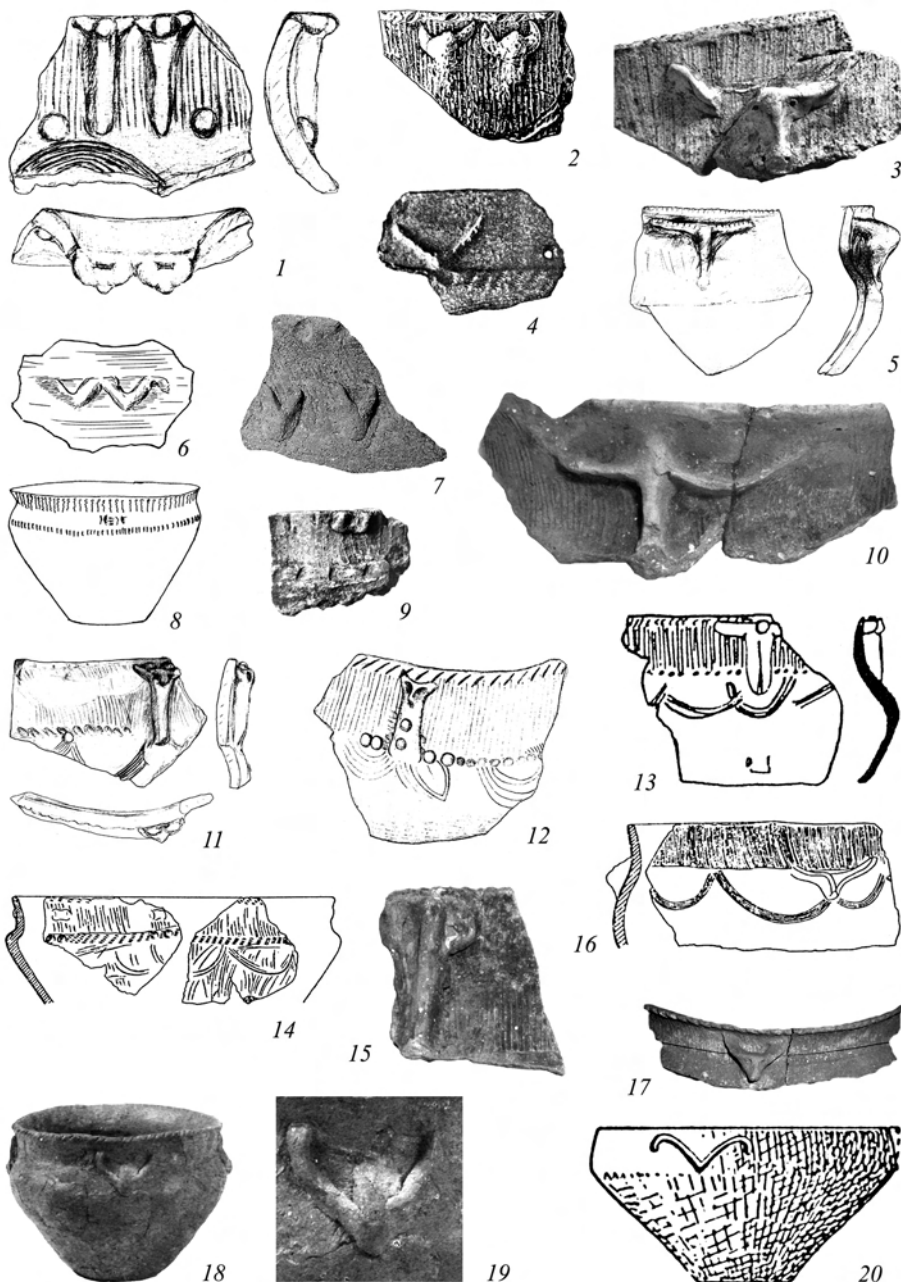
1. *Отстоящие головки (на плоскодонных горшках)* могут иметь размеры от 2 до 6 см. Немногочисленные среди них *пары* изображают *бювонов* или *неясных «рогатых»*. Отчетливо преобладающие *одиночные «протомы»* (а или б) соответствуют *бювонам*, реже *баранам* или *неясным «рогатым»* (рис. 2, 1–13, 15, 16). Шеи упомянутых копытных варьируют по длине, поставлены под разными углами – от опущенной чуть ниже условной горизонтали до поднятой почти вертикально. Крепились шеи преимущественно к плечу сосуда, хотя возможны также прилепы к венчику и перегибу от плеча к тулову. Расположение самих голов относительно профиля сосуда выглядит иначе. В большинстве случаев они находятся на уровне венчика (от верхней трети его высоты до нижней границы). Морды животных могут быть обобщенно-натуралистичными (подтреугольными) и стилизованными – в виде вертикального «защипа». Глаза и ноздри изображались редко.

Рис. 2. Кухонные сосуды Кукутени с символикой животных

1–13, 15, 16 – отстоящие зооморфные головки на плоскодонных горшках; 14 – зооморфная аппликация на венчике горшка на ножках

1, 2 – Чичеркозовка (сборы И. П. Гирнык, хранение: Тальное); 3 – Лукаши; 4, 16 – Сушковка; 5, 11 – Среднее Поднепровье (коллекция В. Хвойко); 6 – Ворошиловка (хранение: Винница); 7, 13 – Майданецкое; 8 – Тыргу Окна-Подей; 9 – Поднепровье; 10 – Янтривка; 12 – Стена (коллекция В. Хвойко); 14 – Фрумушка; 15 – Евминка I

1, 2, 6 – рисунки автора; 3, 7, 10, 13 – по: Энциклопедія..., 2004; 4, 16 – по: Burdo, 2010; 5, 11, 12 – Архив ИА НАНУ, Киев; 8 – по: Mätasä, 1964; 9 – Архив Т. С. Пассек (ИА РАН); 14 – по: Niçu, 1972; 15 – по: Круц, 1977

2. *Аппликации* – накладные головки имеют разброс по размеру в тех же пределах – от 1,5 до 6,3 см; изображают *бovina, барана, оленя и неясного «рогатого»* (рис. 3). Морфологически они тоже варьируют от обобщенно-натуралистичных до стилизованных: плоских (подтреугольных, «Т-образных», обобщенных поднятых рожек) и фронтально выступающих рогатых голов с носами-защипами либо просто округлыми мордами. Иногда изображены только направленные вперед рога. Детализация лицевой части (глаза, ноздри) пока крайне редка. Среди *обобщенно-натуралистичных* аппликаций можно отметить несколько голов, похожих на тура – с длинными, широко разведенными рогами, концы которых приподняты. Этим головам есть соответствия в стилизациях, обобщающих рогатую голову почти до «Т-образности» (рис. 2, 14; 3, 3, 5, 13, 16).

Большинство стилизованных накладных голов на разных типах форм сосудов морфологически близки друг другу. Аппликации бывают без шеи, реже с шейей (тоже вертикально наложенной на сосуд), поднятой или опущенной (рис. 3, 1, 11, 12, 15, 18, 19). Изредка обозначался подгрудок (в виде защипа), или низ шеи акцентировался круглыми налечами. *Горизонтальные отверстия*, скорее всего, *функциональные* – в мордах либо шеях (*бовинов* или *баранов*), пока встречены только на крупных плоскодонных горшках. Аппликации заметно различаются по степени рельефности, наиболее выступающие среди них – своего рода промежуточное звено между *аппликациями* и *отстоящими головками*.

На *плоскодонных горшках* чаще всего встречаются *одиночные головы* животных, значительно реже *парные рядом* и *трансляция* по периметру. *Одиночные головки* соответствуют копытным – *бовинам, баранам, оленям* либо *неразличимым* (иногда из-за сохранности) «*рогатым*». Преобладают *бовины*. Изображения *баранов* более редки, *олени* единичны. *Парные головки* на горшках распознаются как *бовины, бараны, «рогатые»* (рис. 2, 1, 3; 3, 1, 2, 4–6). Бывают среди них и еще менее ясные персонажи из-за плохих сохранности либо качества иллюстраций. Изображения, расположенные по периметру (пока один случай), принадлежат *бовинам* (рис. 3, 18, 19). На мисках выявляется близкий набор персонажей – *одиночные бовины, бараны* (достоверные и предположительные), их *трансляция* по периметру (*бовины и/или бараны*) (рис. 3, 14, 20). На *горшках на ножках* пока встречены только *одиночные головы бовинов* (рис. 2, 14).

Расположение аппликаций на сосудах. На горшках *аппликации* могут находиться на венчике, на перегибе к плечу, на плече, а также занимать и венчик, и плечо, однако большинство их привязано к венчику, либо более широко – к венчику и перегибу под ним. Равновероятна приуроченность аппликаций к горшкам разного размера. На малочисленных *горшках на ножках* они пока

Рис. 3. Кухонные горшки и миски Кукутени С с зооморфными аппликациями

1, 11 – Стена IV; 2 – Сороки (озеро); 3 – Ялтушков; 4 – Кудринцы; 5 – Майданецкое; 6, 7, 17 – Поднепровье, коллекция В. Хвойко; 8 – Шипенцы; 9 – Гребени; 10, 15 – Мерешовка; 12 – Петрены; 13 – Чечельник; 14, 16 – Кукутень; 18–20 – Тыргу Окна-Подей

1, 5, 11 – фонды ИА НАНУ, Киев (рисунки автора); 2 – по: Черныш, 1982; 3 – фото С. Н. Рыжова; 4 – по: Passek, 1935; 6, 9 – Архив ИА НАНУ; 7, 17 – по: Burdo, 2010; 8 – по: Childe, 1923; 10, 15 – ИА РАН, Москва; 12 – ОГИМ, Одесса, рис. А. П. Погожевой; 13 – по: Косаківський, 1993; 14, 16 – по: Dodd-Opritescu, 1980; 18–20 – по: Энциклопедія..., 2004

зафиксированы на венчиках, на *мисках* располагаются на венчике, перегибе к плечу и даже на плече. Но в целом *зооморфные аппликации* привязываются преимущественно к венчикам кухонных сосудов. А так как отстоящие головки тоже чаще всего находятся на этом же уровне, наиболее вероятно смысловое соответствие тех и других, частично подтверждающееся общими семантическими полями – *обобщенным зооморфизмом* и изображением *упряжных животных*.

Декор и обработка поверхности. На керамике «С» с зооморфной символикой обычен углубленный *декор по краю, венчику и плечикам*. На *плоскодонных горшках* декор *края* не обязателен. Наиболее частый его мотив – *косые насечки сверху*; реже – *круглые ямки под краем*. Иногда эти два мотива сочетаются. Единичны случаи использования *треугольного и ромбического штампа*. На немногочисленных *мисках* и *горшках на ножках* также встречены *косые насечки по краю*. *Венчики* большинства сосудов с зооморфной символикой всех рассматриваемых типов форм покрыты *вертикальными расчесами*. В единичных случаях отметим *горизонтальное полосчатое заглаживание поверхности*.

На *плечиках* кухонных сосудов (с символикой животных) декор (тоже не обязателен) бывает *однорядным* и *двухрядным*. На *плоскодонных горшках* в этой зоне встречено несколько мотивов *однорядного декора*: *косые насечки*; *прочерченные дуги* (опущенные или подвешенные); *зигзаг из гребенчатого штампа*. *Двурядный декор* здесь более вариабелен. Верхний ряд могут образовывать и *косые насечки*, и *круглые ямки*, и *косые отпечатки гребенчатого штампа*, и *разреженные отпечатки ромбического штампа*. Нижний ряд строится из *прочерченных дуг* (подвешенных либо опущенных). На стыках дуг возможны *шарики*.

На *плечиках горшков на ножках* пока встречен только *однорядный декор* в виде *косых насечек, прямоугольного штампа* либо *встречных отпечатков гребенчатого штампа*. На *плечиках мисок* также можно отметить *однорядный декор* из *длинных косых штрихов* либо *двухрядный*: *верхний ряд косых отпечатков гребенчатого штампа* сочетается с *прочерченными подвешенными дугами* под ним. Ниже перегиба на стенках *плоскодонных горшков* и *горшков на ножках* декора нет, только на одной из *мисок* изображены *прочерченные подвешенные дуги*. Таким образом, рассматриваемая весьма скромная серия кухонных сосудов с символикой животных не имеет заметных отклонений от массовой керамики «С» того же времени ни морфологически, ни по декору.

Встречаемость кухонных сосудов с зооморфной символикой на поселениях Кукутени-Триполья целесообразно рассматривать для полной совокупности топографически атрибутированных образцов (для 122 сосудов с 40 памятников). Ее можно прокомментировать в двух ракурсах: оценивая (1) встречаемость на памятниках и (2) массовость для разных периодов Кукутени-Триполья (рис. 1а) в сравнении с инोकультурными раннеземледельческими материалами.

Первый ракурс или сюжет – представленность *сосудов с символикой животных на памятниках*. Большинство таких сосудов в данной совокупности происходит с 30–33 поселений. Их среднее число для «точки на карте» между 2 до 3. Действительно, традиционно на большинстве памятников Кукутени-Триполья раскапывались только постройки (сгоревшие и рухнувшие вместе со всем содержимым). Культурный слой за их пределами, воспринимавшийся как балласт, старались не трогать. На поселении обычно исследовали несколько построек,

довольно часто не более 3. При сопоставлении этих данных с встречаемостью сосудов с зооморфной символикой оказывается, что она близка числу раскапывавшихся построек. Одно из немногих возможных объяснений такому наблюдению: пластическую зооморфную маркировку могли наносить на самые первые (в новых домах) пользовательские наборы кухонной посуды.

Есть две группы поселений, для которых выборки зооморфной символики на кухонной посуде несколько крупнее, чем для большинства прочих памятников. Это поселения с углубленными постройками и «поселения-гиганты». Наблюдаемые на таких памятниках превышения выборок до 15–25 образцов вполне объяснимы. На немногочисленных поселениях с углубленными постройками (или их частями) интересующие нас фрагменты сосудов, как и прочая керамика, происходят из заполнений жилищ-полужемлянок, куда они попали вместе с культурным слоем. Поселения-гиганты с концентрической планировкой в междуречье Днепра и Южного Буга раскапывались очень долго. На нескольких из них исследовано много построек и вскрыта весьма значительная площадь.

Второй сюжет – распределение *сосудов с символикой животных в рамках периодизации Триполья*, которая выглядит столь неравномерной (рис. 1а), его также следует увязывать с логистикой исследования поселений. В частности, отмеченную выше крайнюю редкость зооморфной символики на кухонной посуде для тех или иных периодов Триполья, скорее всего, следует оценивать как случайность, порожденную недостатком информации. С годами, по мере ее накопления, зооморфная маркировка кухонной посуды еще может обнаружиться, поскольку в сопредельных земледельческих европейских культурах она известна с раннего неолита. Вспомним о серии кришских барботинных горшков и бутылей с аппликациями в виде фигур оленей и козлов (Nițu, 1972. Fig. 2, 1–5). Кухонные сосуды с зооморфными головками попадают на памятниках *Старчево* (Dimitrijević, 1974. Tab. XV, 9). Целая серия их происходит из винчанского телья *Турдаш* (Roska, 1941. Taf. CXVIII, 7; CXXI, 13, 14; CXLIV, 3–5). Попадают они и на некоторых других поселениях *Винчи* и *винчанского круга* (Comşa, 1969; Lazarovici, 1979), а также на памятниках Караново IV – Гумельница – Коджадермен (Andrieşescu, 1924. Fig. 11; Петков, 1957) и культуры воронковидных кубков (Kovalczyk, 1970). Тем не менее для большинства упомянутых культур тоже достаточно очевидна редкость на поселениях *кухонных сосудов с зооморфной символикой*.

Результаты. Приведенный анализ имеющейся весьма скромной серии кухонных сосудов с символикой животных позволяет сделать ряд наблюдений разного уровня. Появились основания для обсуждения особенностей функционирования такой маркировки на обиходной посуде в разные периоды Кукутени-Триполья. Но большая часть выводов касается преимущественно керамики «С». Так, например, установлено, что зооморфная символика на ней встречена на сосудах и с примесью ракушки, и с добавкой песка – наиболее вероятно местное воспроизведение и самой символики, находящей композиционные соответствия на расписных сосудах. На тех и других можно встретить и «протомы», транслированные вокруг венчика (варианты пространственных моделей, сопоставимые с орнаментальными композициями или вписанные в них), и парные головки (парциальные изображения упряжек), и одиночные головы (обобщенный

зооморфизм). Все это может свидетельствовать об общности некоторых вариантов пластической маркировки разных категорий посуды. Соотношение кухонных горшков и мисок, отмеченных ею, отчасти следует долям этих типов форм в «условно полных» сериях, что, в свою очередь, может указывать и на пропорциональную редкость самой символики. Параметрический разброс выборки наиболее массовых плоскодонных горшков, отмеченных зооморфной символикой, указывает на присутствие ее на сосудах самого разного размера – от очень маленьких до весьма крупных.

Среди 132 зооморфных головок, встреченных на кухонной посуде (для всех периодов Триполья), преобладают изображения бовинов (несомненных – 52, предположительных из-за сохранности или качества иллюстраций – 26). Значительно меньше баранов (несомненных – 7, предположительных – 9), единичны: рогатые (2) и олени (2), пока встреченные только на керамике «С». Треть выборки – дефектные изображения из-за качества иллюстрации или сохранности (37). Стоит добавить, что парными бывают изображения *бовинов, баранов и неясных рогатых*. Одиночные головки животных (a, b, a or b) распознаются как *бовины, бараны, олени* и просто *рогатые*. Пока «видовой» состав животных на кухонной посуде оказывается несколько уже, чем у зооморфных фигурок Кукутени-Триполья.

Среднее число кухонных сосудов с символикой животных на поселении близко количеству раскапывавшихся построек. Одно из немногих возможных объяснений такой статистики: сосуды, отмеченные данной маркировкой, могли входить в самые первые пользовательские наборы посуды. Крайняя редкость зооморфной символики на кухонной посуде для раннего – середины среднего Триполья, скорее всего, случайна. С годами она еще может обнаружиться, поскольку в земледельческих европейских культурах известна с раннего неолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков С. Н.*, 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевка на Днестре. М.; Л.: АН СССР. 460 с. (МИА; № 38.)
- Энциклопедія..., 2004. Енциклопедія трипільської цивілізації: У 2 т. / Голов. ред. Л. М. Новохатько. Київ: Міністерство культури і мистецтв України. Т. 1 / Ред. М. Ю. Відейко, Н. Б. Бурдо. 703 с.
- Косаківський В. А.*, 1993. Дослідження житла на трипільському поселенні Чечельник // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк: Надтир'я. С. 48–49.
- Круц В. А.*, 1977. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка. 160 с.
- Петков Н.*, 1957. Животински декоративен елемент в енеолитната керамика от Горни Пасарел // ИАИ. Кн. XXI. С. 291–294.
- Попова Т. О.*, 1985. Початок розвинутого Трипілья на Середньому Дністрі (за матеріалами Поливанового Яру) // Археологія. № 52. С. 22–32.
- Попова Т. А.*, 2003. Многослойное поселение Поливанов Яр (К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднепровье). СПб.: МАЭ РАН. 328 с.
- Рижов С. М.*, 2001. Гончарство племен трипільської культури // Давня кераміка України. Київ: ІА НАНУ. С. 5–60.
- Старкова Е. Г.*, 2008. Керамика типа Кукутени С в трипольських комплексах етапа ВІІ // РА. № 3. С. 16–25.
- Старкова Е. Г.*, 2012. Трипольское поселение Кринички: новый взгляд на старые коллекции // Сборник Гос. Эрмитажа. Вып. LXX. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 5–17.

- Черныш Е. К.*, 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР / Отв. ред.: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука. С. 165–320. (Археология СССР)
- Шмаглий Н. М., Видейко М. В.*, 2005. Майданецкое – трипольский протогород. Киев: ИА НАНУ. 141 с.
- Andrișescu L.*, 1924. Les fouilles de Sultana // *Dacia*. № 1. P. 51–107.
- Burdo N.*, 2010. The Sacred Legacy of Trypilia civilization. Kiev: IA NANU. 370 p.
- Cehak H.*, 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce // *Światowit*. Vol. XIV. S. 164–252.
- Childe V. G.*, 1923. Schipenitz: a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina // *JRAI*. Vol. LIII. P. 263–288.
- Chropovský B.*, 1958. Príspevok k problematike neolitického osídlenia záp. Slovenska // *Slovenská Archeológia*. VI–1. S. 66–81.
- Comșa E.*, 1969. Données concernant la civilisation Vinca du sud-ouest de la Roumanie // *Dacia*. N. S. XIII. P. 11–44.
- Dimitrijević S.*, 1974. Problem stupnjevanja Starčevačke kulture s posebnim obzirom na doprinos južnopanonskih nalazišta rješavanju ovog problema // Počeci ranih zemljoradničkih kultureu Vojvodini i Srpskom podunavlju. Materiali. X / Red. N. Tasić. Beograd: Srpsko arheološko društvo: Gradski muzej. S. 59–122.
- Dodd-Opritescu A.*, 1980. Condigeratii asupra ceramicii Cucuteni C // *SCIIVA*. T. 31. No. 4. P. 547–557.
- Dumitrescu V., Dumitrescu H., Dâmbovița M. P., Gostar N.*, 1954. Habașești. Monografie arheologica. București: Editura Academiei Române. 611 p.
- Hadaczek C.*, 1914. La colonie industrielle de Koszyłowce de l'époque énéolithique: Album de fouille. Leopold. T.P.N.P. 19 p., 33 tab.
- Horváth F.*, 1982. A Gorzai halom késő neolit rétege // *Arhaeologiai Eztesítő*. No. 109. Budapest. P. 201–222.
- Kowalczyk J.*, 1970. The Funnel Beaker Culture // *The Neolithic in Poland* / Ed. T. Wislanski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. P. 144–177.
- Lazarovici Gh.*, 1979. Neoliticul Banatului, colecția. Cluj-Napoca: Muzeul National de Istorie a Transilvaniei. 273 p.; 50 fig.; 10 table; 162 pl. (Biblioteca museo Napoca; III.)
- Mătasă C.*, 1964. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Țirgu Ocna-Podei // *Arheologia Moldovei*. II–III. P. 11–66.
- Nițu A.*, 1972. Reprezentările zoomorfe plastic pe ceramica neo-eneolitică carpato-dunăzeană // *Arheologia Moldovei*. VII. P. 9–96.
- Passek T.*, 1935. La céramique Tripolienne. M.; L.: Éditions universitaires. 165 p. (Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle; fasc. 122.)
- Roska M.*, 1941. Die Sammlung Zsófia von Torma. Kolozsvár (Cluj): Minerva Irodalmi és Nyomdai Műintézet. 350 S.
- Schmidt H. von.*, 1932. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter. 131 S.

Сведения об авторе.

Балабина Вера Игоревна, Институт Археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: balabina@mail.ru.

V. I. Balabina

Cucuteni-Tripolye kitchenware featuring symbolic figures of animals

Abstract. The paper is devoted to symbolic figures of animals on Cucuteni-Tripolye kitchenware. It has systemized information on 132 vessels of various types coming

from settlements in Ukraine, Moldova and Rumania. Artifacts dating to the Tripolye BII–CII period, i. e. the time when Group C ceramics persisted, predominate (Fig. 1a). The ratio of pots to bowls featuring symbolic figures of animals in this group may specify a proportional rarity of symbols. Parametric analysis of flat-bottomed pots in the sample shows that these symbols are present on vessels of various sizes (Fig. 1b). Figures on Group C ceramics match the figures on painted vessels compositionally and, apparently, semantically. Both have protomes placed along the perimeter, paired heads (depiction of partial teams of animals), single heads (generalized zoomorphism) (Fig. 2, 3). Bovines predominate among zoomorphic heads placed on kitchenware; rams and stags are present in substantially fewer cases, and there are some rare depictions of horned animals of unclear biological species. One third of the sample consists of flawed figures. The number of kitchen vessels featuring symbolic figures of animals for most settlements is close to the number of the dwellings examined. It is quite probable that kitchenware with such symbols formed part of the first consumer set in new dwellings.

Keywords: zoomorphic symbols, kitchenware, C ceramics, paired and single heads, bovines, rams, stags.

REFERENCES

- Andrieșescu L., 1924. Les fouilles de Sultana. *Dacia*, 1, pp. 51–107.
- Bibikov S. N., 1953. Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaya na Dnestre [Early Tripolie settlement Luka-Vrublevetskaya on Dniester]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 460 p. (MIA, 38).
- Burdo N., 2010. The Sacred Legacy of Trypilia civilization. Kiev: IA NANU. 370 p.
- Cehak H., 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. *Światowit*, XIV, ss. 164–252.
- Chernysh E. K., 1982. Eneolit Pravoberezhnoy Ukrainy i Moldavii [Eneolithic of Righ-bank Ukraine and Moldavia]. *Eneolit SSSR [Eneolithic of USSR]*. V. M. Masson, N. Ya. Merpert, eds. Moscow: Nauka, pp. 165–320. (Arkheologiya SSSR).
- Childe V. G., 1923. Schipenitz: a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina. *JRAI*, LIII, pp. 263–288.
- Chropovský B., 1958. Príspevok k problematike neolitického osídlenia záp. Slovenska. *Slovenská Archeológia*, VI–1, pp. 66–81
- Comşa E., 1969. Données concernant la civilisation Vinca du sud-ouest de la Roumanie. *Dacia*. N.S. XIII, pp. 11–44.
- Dimitrijević S., 1974. Problem stupnjevanja Starčevačke kulture s posebnim obzirom na doprinos južnopanonskih nalazišta rješavanju ovog problema. *Počeci ranih zemljoradničkih kultureu Vojvodini i Srpskom podunavlju. Materiali*. X. N. Tasić, ed. Beograd: Srpsko arheološko društvo: Gradski muzej; Gradski muzej, ss. 59–122.
- Dodd-Opritescu A., 1980. Condigeratii asupra ceramicii Cucuteni C. *SCIVA*, vol. 31, no. 4, pp. 547–557.
- Dumitrescu V., Dumitrescu H., Dâmbovița M. P., Gostar N., 1954. Habașești. Monografie arheologica. București: Editura Academiei Române. 611 p.
- Entsiklopediya..., 2004 – Entsiklopediya tripil's'koï tsivilizatsii [Encyclopedia of Tripolie civilization]. L. M. Novokhat'ko, ed. Kyiv: Ministerstvo kul'turi i mistetstv Ukraïny. 2 vols.
- Hadaczek C., 1914. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolithique: Album de fouille. Leopold: T.P.N.P., 19 p., 33 tab.
- Horváth F., 1982. A Gorzai halom késő neolit rétege. *Arhaeological Eztesitő*, 109. Budapest, pp. 201–222.
- Kosakivs'kiy V. A., 1993. Doslidzhennya zhitla na tripil's'komu poselenni Chechel'nik [Investigations of dwelling at Tripolie settlement Chechel'nik]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 1991 roku [Archaeological investigations in Ukraine 1991]*. Lutsk: Nadstyr'ya, pp. 48–49.

- Kowalczyk J., 1970. The Funnel Beaker Culture. *The Neolithic in Poland*. T. Wislanski, ed. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 144–177.
- Kruts V. A., 1977. Pozdnetripol'skie pamyatniki Srednego Podneprov'ya [Late Tripolie sites of Middle Dnieper region]. Kiev: Naukova dumka. 160 p.
- Lazarovici Gh., 1979. Neoliticul Banatului, colecția. Cluj-Napoca: Muzeul National de Istorie a Transilvaniei. 273 p., 50 fig., 10 tabele, 162 pl. (Biblioteca museo Napoca, III).
- Mătasă C., 1964. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei. *Arheologia Moldovei*, II–III, pp. 11–66.
- Nițu A., 1972. Reprezentările zoomorfe plastic pe ceramica neo-eneolitică carpato-dunăzeană. *Arheologia Moldovei*, VII, pp. 9–96.
- Passek T., 1935. La céramique Tripolienne. Moscou; Leningrad: Éditions universitaires. 165 p. (Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle, 122).
- Petkov N., 1957. Zhivotinski dekorativen element v eneolitnata keramika ot Gorni Pasarel [Animal decorative element in Eneolithic pottery from Gorni Pasarel]. *Izvestiya na Arkheologicheskaya institut [Bulletin of Archaeological Institute]*, XXI, pp. 291–294.
- Popova T. O., 1985. Pochatok rozvinutogo Tripillya na Sredn'omu Dnistri (za materialami Polivanovogo Yaru) [Beginning of developed Tripolie on Middle Dniester (based on materials of Polivanov Yar)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 52, pp. 22–32.
- Popova T. A., 2003. Mnogosloynoe poselenie Polivanov Yar (K evolyutsii tripol'skoy kul'tury v Srednem Podnestrov'e) [Multilayered settlement Polivanov Yar (On evolution of Tripolie culture in Middle Dniester region)]. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN. 328 p.
- Rizhov S. M., 2001. Goncharstvo plemen tripil's'koï kul'turi [Pottery-making of Tripolie culture tribes]. *Davnya keramika Ukraïny [Ancient pottery of Ukraine]*. Kyïv: IA NANU, pp. 5–60.
- Roska M., 1941. Die Sammlung Zsófia von Torma. Kolozsvár (Cluj): Minerva Irodalmi és Nyomdai Műintézet. 350 p.
- Schmidt H. von., 1932. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter. 131 p.
- Shmaglyi N. M., Videyko M. V., 2005. Maydanetskoe – tripol'skiy protogorod [Maydanetskoe – a Tripolie proto-city]. Kiev: IA NANU. 141 p.
- Starkova E. G., 2008. Keramika tipa Kukuteni C v tripol'skikh kompleksakh etapa BII [Pottery of Cucuteni C type in Tripolie complexes of B II stage]. *RA*, 3, pp. 16–25.
- Starkova E. G., 2012. Tripol'skoe poselenie Krinichki: novyy vzglyad na starye kollektsii [Tripolie settlement Krinichki: new view of old collections]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Annual of State Hermitage]*, LXX, pp. 5–17.

About the author:

Balabina Vera I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: balabina@mail.ru.

Л. И. Авилова

КОЛЬЦЕВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ БАЛКАНО-КАРПАТСКОГО ТИПА В АНАТОЛИИ И СИТУАЦИЯ ПЕРЕХОДА К РАННЕБРОНЗОВОМУ ВЕКУ

Резюме. Статья посвящена группе металлических изделий, известных в литературе как кольцевидные подвески. Они характерны для позднего энеолита Балкано-Карпатья, но встречаются и в Анатолии, где традиционно датируются РБВ II–III (III тыс. до н. э.). Автор является сторонником более широкой датировки анатолийских подвесок – от второй половины IV тыс. до н. э. (Икизтепе) до РБВ II (Баклатепе). Подвески рассматриваются в свете соотношения энеолитических балканских культур с анатолийскими памятниками конца энеолита – начала раннебронзового века. Распространение данного типа изделий связывается с распадом энеолитической Балкано-Карпатской металлургической провинции и формированием в РБВ новой, Циркумпонтийской, провинции. Кольцевидные подвески позволяют наметить направление связей – с Балкан в прибрежные территории Анатолии.

Ключевые слова: энеолит, раннебронзовый век, Балкано-Карпатья, Анатолия, хронология, металлургические провинции, направление контактов.

В материалах энеолитических памятников Юго-Восточной Европы встречаются металлические подвески дисковидной формы с большим отверстием в центре и трапециевидным выступом сверху, на котором имеется одно-два малых отверстия для крепления. Согласно общепринятому мнению, подвески представляют собой крайне стилизованные антропоморфные изображения с подчеркнутыми женскими признаками. Предметы изготовлялись из золота, иногда – из свинца или серебра. Они происходят из комплексов разного типа, в основном из погребений и кладов. В Карпатском бассейне такие изделия встречаются в культуре Бодрогкерестур: могильнике Ясладань (*Patay*, 1944–1945. Pl. V, 18; VIII, 15) (рис. 1, 1, 2), Тисавалк (*Patay*, 1978) и др. (рис. 1, 3, 13). Они найдены и в могильнике Тибава культуры Тисаполгар (конец V тыс. до н. э.), где связаны с поздними погребениями, относящимися к культуре Бодрогкерестур. Комплексы датируются первой половиной IV тыс. до н. э. (*Ehrich, Bankoff*, 1992. P. 391, 342. Fig. 1), хотя Дж. Маккаи ошибочно относил их к III тыс. до н. э. (*Makkay*, 1976. P. 251, 252).

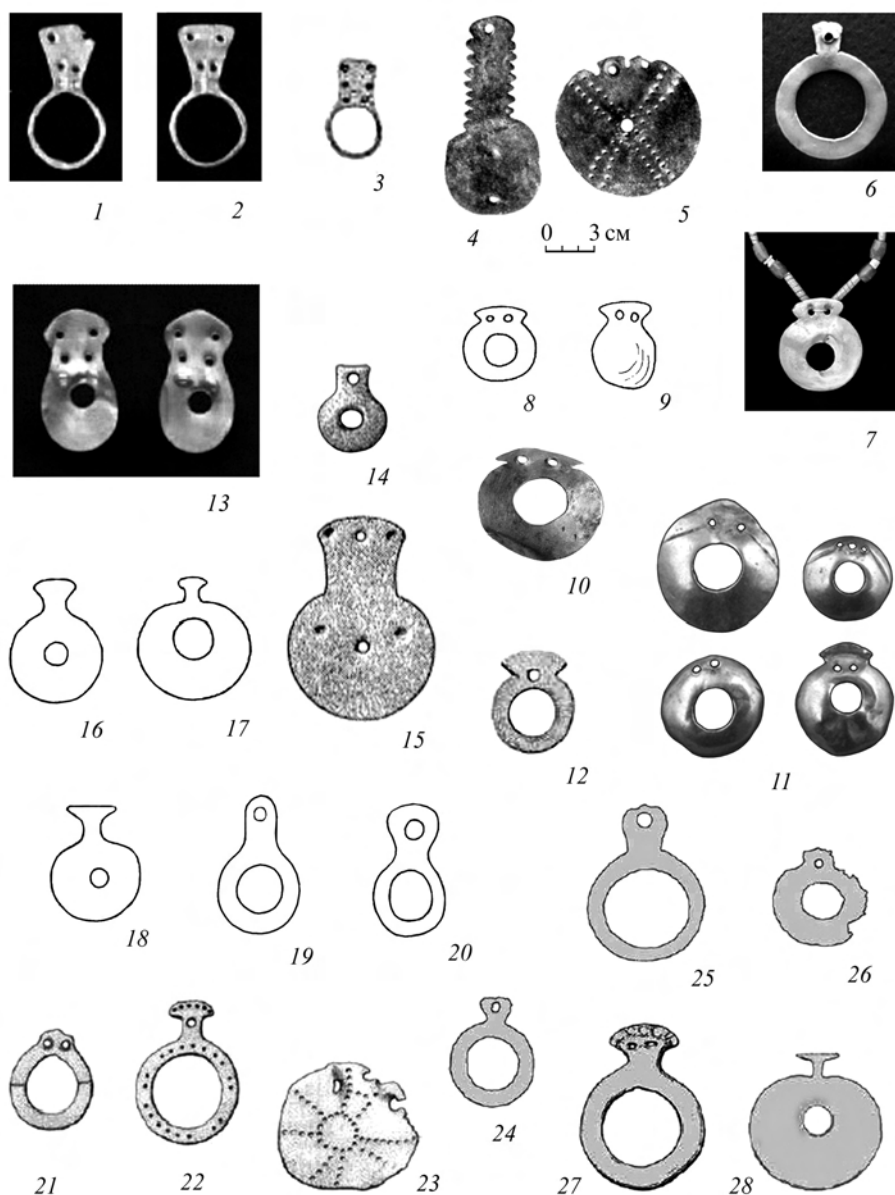

Рис. 1. Кольцевидные подвески из Балкано-Карпатъя, Эгейды и Анатолии

1, 2 – Ясладанъ; 3 – Пустаиштванхаза; 4, 5 – Карбуна; 6–9 – Варна; 10 – Пьетреле; 11 – Хотница; 12 – Гумельница; 13 – Мадьярхоморог; 14 – Алепотипа; 15 – Эйлейтия; 16–18 – Баклатепе; 19, 20 – Троя; 21–23 – Икизтепе; 24–26 – окрестности Трапезунда; 27 – Гёллер; 28 – Сарды
1–3, 6–13, 18, 21, 24–26, 28 – золото; 4, 5 – медь; 14, 15, 27 – серебро; 16, 17, 22, 23 – свинец; 19, 20 – камень

Здесь мы сталкиваемся с противоречиями в датировках одних и тех же памятников по балканской и анатолийской шкалам. Осмысление хронологического соотношения балканских культур с анатолийскими прошло несколько этапов. В 1950-е гг. преобладали диффузионистские взгляды Г. Чайлда (1952), в соответствии с которыми достижения цивилизации (производящее хозяйство, оседлость и пр.) распространились в Западную Анатолию и затем на Балканы с Ближнего Востока путем колонизации, в которой ведущую роль играли ранние городские центры Западной Анатолии. При этом культура Винча синхронизировалась с Троей (*Milojčić*, 1960).

Внедрение радиоуглеродного датирования в 1960-е гг. и раскопки многослойных памятников на Балканах вызвали переворот во взглядах на хронологию региона: начало энеолита стали датировать на 3 тысячи лет раньше. В отличие от Европы, хронологические схемы Анатолии в те годы оставались неизменными. Значительных раскопок в западном и центральном районах Анатолии до 1980-х гг. не велось, ¹⁴C даты были единичны. Система синхронизации двух регионов рухнула (*Özdoğan*, 1997). Распространились взгляды о полной самостоятельности культурного развития Балкан (*Renfrew*, 1970). В настоящее время в результате широких исследований памятников на территории Турции и накопления ¹⁴C датировок исследователи снова признают анатолийские и ближневосточные корни балканских культур, предлагая различные варианты осмысления характера связей между Юго-Восточной Европой и Анатолией. Разрабатываются модели скачкообразной экспансии с востока, ведущей роли морских путей, обмена продукцией и технологиями (*Özdoğan*, 2011. P. 658, 659). Однако расхождения (в том числе терминологического характера) в датировке энеолита и бронзового века существуют до сих пор.

Подвески, близкие балкано-карпатским, известны в общности Кукутени-Триполье. Так, медные бляшки с небольшими отверстиями присутствуют в Карбунском кладе (*Sergeev*, 1963. Рис. 10, 11) времени Триполье А (конец V тыс. до н. э.) (рис. 1, 4, 5). Золотая кольцевидная подвеска классического типа происходит из поселения Траян и датируется Кукутени АВ, синхронизируется с культурой Бодроккерестур, а также концом Гумельницы А и началом Гумельницы В (*Dumitrescu*, 1961). Серия золотых кольцевидных подвесок найдена в бесспорном археологическом контексте в энеолитическом некрополе Варны (рис. 1, 6–9) (в кенотафах 15, 36, 97 и погребениях 3, 15, 26, 36, 48, 54, 270, 271, 276 и др. – *Ivanov, Avramova*, 2000. P. 38; *Русев и др.*, 2010. Табл. 13). Комплексы надежно датируются началом горизонта Караново VI – Гумельница – Коджадермен (конец V – начало IV тыс. до н. э. – *Ehrich, Bankoff*, 1992. P. 390; *Todorova*, 1999. S. 245, 246). В последующем хронологическом горизонте Баден – Чернавода III (РБВ) такие подвески не встречаются. Таким образом, период их бытования в Европе составляет около тысячи лет – с середины V до середины IV тыс. до н. э. (*Jovanović*, 1996).

Кольцевидные подвески известны и южнее. Серебряные экземпляры найдены в позднеэнеолитических памятниках Эгеиды (*Maran*, 2000. P. 185. Abb. 1, 1, 4) (рис. 1, 14, 15); две находки – медная и свинцовая – зафиксированы в Полиохни IV («красный», соответствует Трое II) (*Bernabò-Brea*, 1964. Pl. CLXXVII, 28; CLXX, 3).

Из памятников Анатолии также происходит небольшая серия кольцевидных подвесок балканского облика (рис. 1, 16–28), которые обратили на себя внимание исследователей (*Zimmermann*, 2007; *Keskin*, 2011). Большую роль в росте интереса к этой теме сыграли исследования памятников на Черноморском (*Bilgi*, 1984; 1990) и Эгейском (*Erkanal, Özkan*, 1999) побережьях Малой Азии (рис. 2). О контактах между прибрежными территориями Анатолии и Балканами за последние годы писали нередко, связи между Северной Анатолией и Юго-Восточной Европой в период Караново VI прослеживаются, в частности, по керамике (*Thissen*, 1993. P. 207–210; *Georgieva*, 2014).

Рис. 2. Карта памятников с находками кольцевидных подвесок

1 – Варна; 2 – Дуранкулак; 3 – Хотница; 4 – Троя; 5 – Полиохни; 6 – Строфилос; 7 – Йорган; 8 – Баклатепе; 9 – Сарды; 10 – Афродизий; 11 – Караташ-Семайюк; 12 – Икизтепе; 13 – Трапезунд; 14 – Гёллер; 15 – Калинкая

Приведу сведения о некоторых анатолийских находках.

Гёллер – разграбленный могильник в Северной Анатолии, традиционно датируемый РБВ. Серебряная подвеска найдена вне контекста (*Makkay*, 1989. P. 42) (рис. 1, 27). Т. Циммерман оспаривает ее датировку РБВ и предлагает датировать поздним энеолитом, указывая, что морфологически она полностью соответствует балканским образцам (*Zimmermann*, 2007. P. 28).

Из памятника Калинкая (поселение и могильник на севере Центральной Анатолии, исследовался в 1970-х гг.) происходит золотая кольцевидная подвеска. Ее контекст также неясен. Поскольку в могильнике имеются не только погребения в сосудах эпохи РБВ, но и грунтовые захоронения позднего энеолита (*Mellink*, 1972. P. 169, 170), Т. Циммерман относит эту находку также к позднему энеолиту на основании балканских параллелей (*Zimmermann*, 2007. P. 28).

Не имеет привязки к комплексу и золотая подвеска из окрестностей Сард в Западной Анатолии (*Waldbaum*, 1983. P. 151, 152. Pl. 58, 998). Ее верхняя часть отличается Т-образной формой (рис. 1, 28).

Две свинцовых и одна золотая подвеска найдены в могильнике Баклатепе (Западная Анатолия, район Измира), они также имеют более или менее выраженное Т-образное завершение (рис. 1, 16–18). Памятник датируется РБВ II (*Keskin*, 2011).

Опубликованы семь золотых кольцевидных подвесок из окрестностей Трапезунда, находящихся в частной коллекции (*Keskin*, 2011. P. 210. № 15–22) (рис. 1, 24–26).

Серия из трех подвесок найдена в Икизтепе (северное побережье Малой Азии, район Бафры). Предметы обнаружены в ходе профессиональных раскопок в археологическом контексте, поэтому их следует охарактеризовать подробнее. Памятник представляет собой четыре телля, расположенные на естественных холмах на левом берегу р. Кизыл-Ирмак. Кроме поселений, в Икизтепе I исследован могильник. Раскопки проводились экспедицией Стамбульского университета начиная с 1970-х гг. Особый интерес представляют телли I и II: они содержат материалы от позднего энеолита (с характерной темной керамикой) до конца РБВ III. Большинство металлических находок происходит из могильника и связывается с РБВ III (в зарубежной литературе принято датировать его последней третью III тыс. до н. э. – *Bilgi*, 1984; 1990; *Yakar*, 2011).

Золотая подвеска (рис. 1, 21) была найдена на поселении в раскопе D, слой 3, и датирована РБВ II (вторая четверть III тыс. до н. э., см: *Bilgi*, 1984. P. 70, 95. Fig. 18, 265). Еще две подвески изготовлены из свинца (рис. 1, 22, 23). Они обнаружены в некрополе, в погребениях 192 и 246 и отнесены к РБВ III (*Bilgi*, 1984. P. 70, 71. Fig. 18, 266, 267).

Поздние датировки находок из Икизтепе, имеющих четкие морфологические соответствия в энеолите Балкан, требуют объяснения. Ряд исследователей высказывал сомнения в предложенной авторами раскопок хронологии памятника. Так, Л. Тиссен показал, что материалы из Икизтепе, датированные в публикациях О. Бильги анатолийским РБВ (III тыс. до н. э.), имеют параллели в Балканских позднеэнеолитических комплексах, что тем более существенно, если учитывать недостаточно разработанную стратиграфию поселенческих слоев памятника (*Thissen*, 1993. P. 215–218). Х. Парцингер подчеркивал, что стратиграфия могильника, расположенного в культурных напластованиях мощностью свыше 6 м, изучена недостаточно и предложил датировать ряд находок поздним энеолитом (*Parzinger*, 1993. S. 237, 238). В этом плане наиболее выразительна дисковидная свинцовая подвеска с радиальным пунсонным орнаментом (рис. 1, 23), аналогичная бляхе из Карбунского клада (рис. 1, 5). Сам автор раскопок в Икизтепе О. Бильги отмечал архаический характер мышьяковых бронз из погребений с кольцевидными подвесками (*Bilgi*, 1984. P. 77, 79).

Добавлю, что оловянных бронз, которые в середине III тыс. до н. э. уже широко распространены в Анатолии, в памятнике нет. Кроме того, из Икизтепе происходит большая серия черенковых листовидных копий и четырехспиральных плоских блях того типа, который известен по кладу из Арслантепе VIА –

комплексу, надежно датированному анатолийским поздним энеолитом, по ^{14}C – 3700–3400 до н. э. (см.: *Yakar*, 2011). В пользу удревнения ряда погребений говорит и вытянутое на спине положение погребенных, и использование охры в стратиграфических ранних захоронениях (*Bilgi*, 1990. Р. 165–169). Эти факты являются аргументами в пользу более ранней датировки металлического инвентаря из погребений, скорее всего, второй половиной IV тыс. до н. э. К сожалению, серия из 15 радиоуглеродных дат, полученных из поселенческих слоев Икизтепе, не проясняет картины (из могильника дат нет). Во многих случаях датировки находятся в явном противоречии с последовательностью слоев и не дают возможности разграничить во времени энеолитические и раннебронзовые слои (*Авилова*, 1996).

Таким образом, часть погребений могильника Икизтепе I, включая те, в которых найдены кольцевидные подвески, следует относить к «местному позднему халколиту», т. е. ко второй половине IV тыс. до н. э. (*Zimmermann*, 2007. Р. 30). Но поскольку анатолийские подвески демонстрируют некоторую морфологическую вариабельность, видимо, надо согласиться с Л. Кескином в том, что часть находок (экземпляры из Баклатепе) датируются РБВ II (*Keskin*, 2011. Р. 195). В таком случае подвески с Т-образным выступом являются поздней разновидностью данного типа изделий. Представляется, что кольцевидные подвески, распространившись в Анатолию с Балкан в позднем энеолите, бытуют здесь дольше, чем на территории своей прародины – от второй половины IV тыс. до н. э. (Икизтепе) до РБВ II (Баклатепе).

На основании вышеизложенного можно сформулировать ряд заключений. Обзор кольцевидных подвесок дает основания полагать, что их родиной была территория Балкано-Карпатья и Нижнего Подунавья, где они были широко распространены, и надежно датируются поздним энеолитом (середина V – первая половина IV тыс. до н. э.). Находки подвесок в Анатолии преимущественно связаны с памятниками, находящимися на побережье: Баклатепе на западном, Икизтепе и серия из окрестностей Трапезунда – на северном (рис. 2). Хронология этих памятников нуждается в уточнении. Так, ряд погребений Икизтепе следует датировать значительно более ранним временем, чем принято считать вслед за автором раскопок – не РБВ II–III (вторая половина III тыс. до н. э.), а переходом от позднего энеолита к РБВ I (вторая половина IV тыс. до н. э.).

Кольцевидные подвески маркируют пути, по которым позднеэнеолитические культурные импульсы с Балкан распространялись в Анатолию. Значительное морфологическое сходство подвесок из могильника Варны с находками из Икизтепе отмечает М. Оздоган (*Özdoğan*, 2011. Р. 669, 670), видя в нем доказательство непосредственных контактов между Северными Балканами и северным побережьем Анатолии. Однако более логично предполагать, что промежуточным звеном являлись острова Эгейского архипелага, где также найдены подвески (*Maran*, 2000) (рис. 1, 14, 15). Контакты, вероятно, поддерживались по морю с использованием плотов (*Höckmann*, 2003). В этом смысле показательны находки двух каменных подвесок в Трое (раскопки Г. Шлимана), имитирующих изделия того же типа (*Keskin*, 2011. Р. 210. № 9, 10) (рис. 1, 19, 20). Находки «кольцевидных идолов» указывают, что взаимодействие двух регионов происходило не только в области экономики, но и в сфере идеологии.

Несмотря на немногочисленность анатолийских кольцевидных подвесок, они достаточно выразительны, чтобы связать их с историко-культурными и социально-экономическими изменениями, происходившими при переходе от поздних первобытных структур (или «обществ с комплексной экономикой») к раннеклассовым и раннегосударственным.

На юго-востоке Европы на базе богатых месторождений меди сложилась Балкано-Карпатская металлургическая провинция – БКМП (I–XXXVIII вв. до н. э.) с высочайшими показателями производства и технологии. Знания о металле проникают в Западную Анатолию, на Северные Балканы и в Подунавье с Ближнего Востока вместе с производящей экономикой. Благоприятные природные условия региона определялись отсутствием засух и ландшафтным разнообразием, здесь не было необходимости в ирригации, связанном с ней централизованным учетом и контроле над потреблением продуктов и организацией сельскохозяйственных работ, необходимой на Ближнем Востоке при поливном земледелии. Поскольку отсутствовала база для формирования иерархической общественной структуры, на Балканах в V–IV тыс. до н. э. успешно функционировала модель эгалитарного общества с поселениями деревенского типа без признаков раннегородской, тем более государственной модели развития (*Özdoğan*, 2002). Такая ситуация вела к консервации сельской общины. Местная элита – организатор поиска и производства металла – функционировала на уровне вождества.

Анатолийское металлопроизводство сформировалось на месте и было связано с моделью развития ближневосточного общества – от деревенских поселений к ранговому обществу с раннегородскими центрами и государственными образованиями. Такой путь развития характерен для Южной, Восточной и Юго-Восточной Анатолии, которая составляла часть сиро-месопотамской цивилизации. Раннегородская и раннегосударственная фазы ее развития отмечены существованием элиты – организатора производства и обмена, потребителя престижных вещей (*Авилова*, 2009).

IV тыс. до н. э. представляет собой важный исторический рубеж как на Балканах, так и на Ближнем Востоке. Быстро разрушается энеолитический культурный комплекс Гумельница – Караново VI – Варна. Число так называемых переходных памятников (типа Галатин) резко падает, а возникающие спустя некоторое время поселения со слоями раннебронзовой эпохи имеют кардинально иной облик (культура Эзеро). Одновременно происходит кризис металлопроизводства, причем часть территории БКМП входит в новую Циркумпонтийскую провинцию (*Черных и др.*, 2002). Процесс ее формирования улавливается с большим трудом, тем более, что между двумя системами имеется огромный хронологический hiatus (Там же. С. 21. Рис. 13). О нем свидетельствуют мощные слои запустения на многослойных поселениях (телль Юнаците в Южной Болгарии – см.: *Мерперт и др.*, 2007; *Bojadhiev*, 1998). Новейшие даты из телля Караново дают основания определять продолжительность hiatus между концом энеолита и эпохой ранней бронзы в 1000 лет (*Николов, Петрова*, 2013). Однако некоторые археологические материалы IV тыс. до н. э. позволяют наметить вектор связей, которые шли в обратном направлении – с Балкан в Анатолию. Будучи воспринятой в Анатолии в конце энеолита, балканская форма кольцевидных подвесок доживает здесь до РБВ II.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И., 1996. Проблемы датирования бронзового века Анатолии (к вопросу о радиоуглеродной хронологии региона) // РА. № 1. С. 5–20.
- Авилова Л. И., 2009. Металлопроизводство древней Анатолии: специфика региона // КСИА. Вып. 223. С. 48–87.
- Мерперт Н. Я., Мацанова В., Балабина В. И., Мишина Т. Н., 2007. Стратиграфия горизонтов раннего бронзового века // Телль Юнаците. М.: Восточная литература. Т. II. Ч. 1: Эпоха бронзы. С. 125–145.
- Николов В., Петрова В., 2013. Проучвания на тел Караново в контекста на проблема за продължителността на хиатуса между късния халколит и ранната бронзова епоха в Тракия // Археология. Кн. 2. С. 7–24.
- Русев Р., Славчев В., Маринов Г., Бояджиев Й., 2010. Варна – праисторически център на металообработката. Варна: Данграфик. 192 с.
- Сергеев Г. П., 1963. Раннетрипольский клад у с. Карбуна // СА. № 1. С. 135–152.
- Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. М.: Иностранная литература. 468 с.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: б. и. 95 с.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В., 2002. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1. С. 1–20.
- Bernabò-Brea L., 1964. Poliochni, Citta Preistorica nell'Isola di Lemnos. Rome: L'erma di Bretschneider. Vol. I. 704 p.
- Bilgi Ö., 1984. Metal objects from Ikiztepe-Turkey // BAVA. Bd. 6. P. 31–96.
- Bilgi Ö., 1990. Metal objects from Ikiztepe-Turkey // BAVA. Bd. 9–10. P. 119–219.
- Bojadzhiev J., 1998. Radiocarbon dates from Southeastern Europe and the cultural processes during the fourth millennium BC // James Harvey Gaul in memoriam. Sofia: The James Harvey Gaul Foundation. P. 223–233.
- Dumitrescu H., 1961. Connections between Cucuteni-Tripolie cultural complex and the neighbouring Eneolithic cultures in the light of the utilization of golden pendants // Dacia. Vol. V. P. 69–93.
- Ehrich R. W., Bankoff H. A., 1992. Geographical and chronological patterns in East Central and Southeast Europe // Chronologies in Old World archaeology / Ed. R. W. Ehrich. Chicago; London: Univ. of Chicago Press. Vol. I. P. 375–392; Vol. II. P. 341–363.
- Erkanal H., Özkan T., 1999. Excavations at Bakla Tepe. Tahtalı Dam Area Salvage Project / Eds T. Özkan, H. Erkanal. Izmir: T. C. Kültür Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Genel Müdürlüğü Izmir Arkeoloji Müzesi Müdürlüğü. P. 108–138.
- Georgieva P., 2014. Opportunities for tracing influences of the Balkans on Anatolia during the end of the fifth and the beginning of the fourth millennium BC // Bulgarian e-Journal of Archaeology. Vol. 4. P. 217–236. URL: <http://be-ja.org>.
- Höckmann O., 2003. Zur frühen Seefahrt in den Meerengen // Studia Troica. Vol. 13. S. 133–160.
- Ivanov I., Avramova M., 2000. Varna Necropolis. The Dawn of European Civilization. Sofia: Agato. 55 p.
- Jovanović B., 1996. Eneolithic gold pendants in South-East Europe: their meaning and their chronology // Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und in den benachbarten Regionen: Festschrift Amalia Mozsolicz zum 85 Geburtstag / Ed. T. Kovács. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. P. 31–36.
- Keskin L., 2011. Anadolu'da Ele Geçen Halka İdoller: Tipolojik ve Kronolojik Bir Değerlendirme. Anadolu/Anatolia. Vol. 37. P. 195–222.
- Makkay J., 1976. Problems concerning Copper Age chronology in the Carpathian basin. Copper Age gold pendants and gold discs in Central- and South-East Europe // Acta Archaeologica Hungarica. Vol. 28. P. 251–300.
- Makkay J., 1989. Régészeti intézet. Budapest: Akadémia Kiadó. 186 p.
- Maran J., 2000. Das ägäische Chalkolithikum und das erste Silber in Europa // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens und des ägäischen Bereiches: Festschrift für Baki Ögün zum 75 Geburtstag / Ed. C. Işık. Bonn: R. Habelt. S. 179–193. (Asia Minor Studien; Vol. 39.)

- Mellink M.*, 1972. Archaeology in Asia Minor // *American Journal of Archaeology*. Vol. 76. P. 165–188.
- Milojčić V.*, 1960. Anatolia and the Balkans // *Antiquity*. Vol. 34. P. 270–278.
- Özdoğan M.*, 1997. The beginning of Neolithic economies in Southeastern Europe: an Anatolian perspective // *Journal of European Archaeology*. Vol. 5. No. 2. P. 1–33.
- Özdoğan M.*, 2002. The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Aegean // *Anatolian metal II* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Bochum Bergbau Museum. P. 67–76. (Der Anschnitt; Beiheft 15.)
- Özdoğan M.*, 2011. Eastern Thrace: the contact zone between Anatolia and the Balkans // *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)*. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 657–682.
- Parzinger H.*, 1993. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2 Teile. 440 S.
- Patay P.*, 1944–1945. Rézkori temető leletei Jászladányból // *Archaeologiai Értesítő*. Ser. III. Vol. V–VI. P. 1–22.
- Patay P.*, 1978. Das kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest: Akadémia Kiadó. 60 S.
- Renfrew C.*, 1970. The autonomy of the South-East European Copper Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. New Series. Vol. 35. P. 12–47.
- Thissen L.*, 1993. New insights in Balkan-Anatolian connections in the Late Chalcolithic: old evidence from the Turkish Black Sea littoral // *AS*. Vol. 43. P. 207–237.
- Todorova H.*, 1999. Die Anfänge der Metallurgie an der westlichen Schwarzmeerküste // *The Beginnings of Metallurgy* / Eds A. Hauptmann, E. Pernicka, T. Rehren, Ü. Yalçın. Bochum: Bochum Bergbau Museum. P. 237–246. (Der Anschnitt; Beiheft 9).
- Waldbaum J. C.*, 1983. Metalwork from Sardis. The finds through 1974. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press. 216 p.
- Yakar J.*, 2011. Anatolian chronology and terminology // *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)* / Eds G. McMahon, Sh. Steadman. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 56–93.
- Zimmermann Th.*, 2007. Anatolia and the Balkans, once again – ring-shaped idols from Western Asia and a critical reassessment of some «Early Bronze Age» items from İkiztepe, Turkey // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 26. No. 1. P. 25–33.

Сведения об авторе.

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: aviloval@mail.ru.

L. I. Avilova

Ring-shaped Pendants of the Balkan-Carpathian Region and Anatolia and the Transition to the Early Bronze Age

Abstract. The paper describes a group of metal items known in the literature as ring-shaped pendants. They are typical for the Late Eneolithic of the Balkan-Carpathian Region. They are also found in Anatolia where they are traditionally dated to EBA II–III (3rd mill BC). The author supports a wider chronological range of Anatolia pendants, i. e. from the second half of 4th mill BC (Ikiztepe) to EBA II (Baklatepe). The pendants are examined in the context of relationship of the Eneolithic Balkan cultures with the Anatolian sites dating to the end of the Eneolithic – beginning of the Early Bronze Age. The spread of this type of items is linked to the breakup of the Eneolithic Metallurgical Province and development of a new Circumpontic Province during the EBA. Ring-shaped pendants help trace the direction of the links, i. e. from the Balkans to the coastal areas of Anatolia.

Keywords: Eneolithic, Early Bronze Age, Balkan-Carpathian Region, Anatolia, chronology, metallurgical provinces, direction of the contacts.

REFERENCES

- Avilova L. I., 1996. Problemy datirovaniya bronzovogo veka Anatolii (k voprosu o radiouglerodnoy khronologii regiona) [Problems of dating of Anatolian Bronze Age (on radiocarbon chronology of the region)]. *RA*, 1, pp. 5–20.
- Avilova L. I., 2009. Metalloprodukcija drevney Anatolii: spetsifika regiona [Metal production of ancient Anatolia: regional specifics]. *KSIA*, 223, pp. 48–87.
- Bernabò-Brea L., 1964. *Poliochni, Citta Preistorica nell'Isola di Lemnos*, I. Rome: L'erma di Bretschneider. 704 p.
- Bilgi Ö., 1984. Metal objects from Ikiztepe-Turkey. *BAVA*, 6, pp. 31–96.
- Bilgi Ö., 1990. Metal objects from Ikiztepe-Turkey. *BAVA*, 9–10, pp. 119–219.
- Bojadzhiev J., 1998. Radiocarbon dates from Southeastern Europe and the cultural processes during the fourth millennium BC. *James Harvey Gaul in memoriam*. Sofia: The James Harvey Gaul Foundation, pp. 223–233.
- Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., 2000. Metallurgicheskie provintsii i radiouglerodnaya khronologiya [Metallurgical provinces and radiocarbon chronology]. Moscow. 95 p.
- Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., Kuz'minykh S. V., 2002. Metallurgiya v Tsirkumpontiyском areale: ot edinstva k raspadu [Metallurgy in Circumpontic area: from unity to disintegration]. *RA*, 1, pp. 1–20.
- Childe G., 1952. U istokov evropeyskoy tsivilizatsii [At beginnings of European civilization]. Moscow: Inostrannaya literatura. 468 p.
- Dumitrescu H., 1961. Connections between Cucuteni-Tripolie cultural complex and the neighbouring Eneolithic cultures in the light of the utilization of golden pendants. *Dacia*, V, pp. 69–93.
- Ehrich R. W., Bankoff H. A., 1992. Geographical and chronological patterns in East Central and Southeast Europe. *Chronologies in Old World archaeology*. R. W. Ehrich, ed. Chicago; London: University of Chicago Press, I. P. 375–392; II, pp. 341–363.
- Erkanal H., Özkan T., 1999. Excavations at Bakla Tepe. Tahtalı Dam Area Salvage Project. T. Özkan, H. Erkanal, eds. Izmir: T. C. Kültür Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Genel Müdürlüğü İzmir Arkeoloji Müzesi Müdürlüğü, pp. 108–138.
- Georgieva P., 2014. Opportunities for tracing influences of the Balkans on Anatolia during the end of the fifth and the beginning of the fourth millennium BC. Electronic resource. *Bulgarian e-Journal of Archaeology*, 4, pp. 217–236. URL: <http://be-ja.org>.
- Höckmann O., 2003. Zur frühen Seefahrt in den Meerengen. *Studia Troica*, 13, pp. 133–160.
- Ivanov I., Avramova M., 2000. Varna Necropolis. The Dawn of European Civilization. Sofia: Agato. 55 p.
- Jovanović B., 1996. Eneolithic gold pendants in South-East Europe: their meaning and their chronology. *Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und in den benachbarten Regionen: Festschrift Amalia Mozsolics zum 85 Geburtstag*. T. Kovács, ed. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, pp. 31–36.
- Keskin L., 2011. Anadolu'da Ele Geçen Halka İdoller: Tipolojik ve Kronolojik Bir Değerlendirme. *Anatolia*, 37, pp. 195–222.
- Makkay J., 1976. Problems concerning Copper Age chronology in the Carpathian basin. Copper Age gold pendants and gold discs in Central- and South-East Europe. *Acta Archaeologica Hungarica*, 28, pp. 251–300.
- Makkay J., 1989. Régészeti intézet. Budapest: Akadémia Kiadó. 186 p.
- Maran J., 2000. Das ägäische Chalkolithikum und das erste Silber in Europa. *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens und des ägäischen Bereiches: Festschrift für Baki Ögün zum 75 Geburtstag*. C. Işık, ed. Bonn: R. Habelt, Ss. 179–193. (Asia Minor Studien, 39).
- Mellink M., 1972. Archaeology in Asia Minor. *American Journal of Archaeology*, 76, pp. 165–188.
- Merpert N. Ya., Matsanova V., Balabina V. I., Mishina T. N., 2007. Stratigrafiya gorizontov rannego bronzovogo veka [Stratigraphy of Early Bronze Age horizons]. *Tell' Yunatsite [Tell Yunatsite], vol. II, part. 1. Epokha bronzy [Bronze Age]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 125–145.

- Milojčić V., 1960. Anatolia and the Balkans. *Antiquity*, 34, pp. 270–278.
- Nikolov V., Petrova V., 2013. Prouchvaniya na tel Karanovo v konteksta na problema za prodolzhitelnostta na khiatusa mezhdur k'zniya khalkolit i rannata bronzova epokha v Trakiya [Investigations at Tell Karanovo in context of problem of duration of hiatus between Late Chalcolithic and Early Bronze Age in Thrace]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 7–24.
- Özdoğan M., 1997. The beginning of Neolithic economies in Southeastern Europe: an Anatolian perspective. *Journal of European Archaeology*, vol. 5, no. 2, pp. 1–33.
- Özdoğan M., 2002. The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Aegean. *Anatolian metal II*. Ü. Yalçın, ed. Bochum: Bochum Bergbau Museum, pp. 67–76. (Der Anschnitt. Beiheft, 15).
- Özdoğan M., 2011. Eastern Thrace: the contact zone between Anatolia and the Balkans. *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)*. Oxford: Oxford University Press, pp. 657–682.
- Parzinger H., 1993. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2 Taile. 440 S.
- Patay P., 1944–1945. Rézkori temető leletei Jászladányból. *Archaeologiai Értesítő*. Series III, vol. V–VI, pp. 1–22.
- Patay P., 1978. Das kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest: Akadémia Kiadó. 60 p.
- Renfrew C., 1970. The autonomy of the South-East European Copper Age. *Proceedings of the Prehistoric Society*. New Series, 35, pp. 12–47.
- Rusev R., Slavchev V., Marinov G., Boyadzhiev Y., 2010. Varna – praistoricheski tsent'r na metaloobrabotkata [Varna – prehistoric center of metalworking]. Varna: Dangrafik. 192 p.
- Sergeev G. P., 1963. Rannetripol'skiy klad u s. Karbuna [Early Tripolie hoard near village Karbuna]. *SA*, 1, pp. 135–152.
- Thisssen L., 1993. New insights in Balkan–Anatolian connections in the Late Chalcolithic: old evidence from the Turkish Black Sea littoral. *AS*, 43, pp. 207–237.
- Todorova H., 1999. Die Anfänge der Metallurgie an der westlichen Schwarzmeerküste. *The Beginnings of Metallurgy*. A. Hauptmann, E. Pernicka, T. Rehren, Ü. Yalçın, eds. Bochum: Bochum Bergbau Museum, pp. 237–246. (Der Anschnitt. Beiheft, 9).
- Waldbaum J. C., 1983. Metalwork from Sardis. The finds through 1974. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 216 p.
- Yakar J., 2011. Anatolian chronology and terminology. *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)*. G. McMahon, Sh. Steadman, eds. Oxford: Oxford University Press, pp. 56–93.
- Zimmermann Th., 2007. Anatolia and the Balkans, once again – ring-shaped idols from Western Asia and a critical reassessment of some «Early Bronze Age» items from İkiztepe, Turkey. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 26, no. 1, pp. 25–33.

About the author:

Avilova Lyudmila I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: aviloval@mail.ru.

С. Н. Корневский, А. С. Кизилов

ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ КЕРАМИКИ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ И МОДЕЛИРОВАНИИ СЛЕДОВ ПОВОРОТНОГО УСТРОЙСТВА

Резюме. Статья посвящена краткому обобщению результатов исследования керамики майкопско-новосвободненской общности с применением методики А. А. Бобринского и использования микроскопа. Представлена характеристика исходного сырья, методов конструирования, обработки поверхностей. Особо акцентируется проблема использования древними гончарами поворотных устройств. Впервые такие сосуды были отмечены в работе А. А. Бобринского и Р. М. Мунчаева в 1966 г. на примере сосудов с плоским дном. В настоящее время серия сосудов со следами использования поворотных устройств расширилась. В статье описан эксперимент, проведенный А. С. Кизиловым, по моделированию сосуда майкопской культуры с фиксацией следов его поворота без фиксированной оси вращения с нефиксированной средой вращения. В результате получены фактические сведения о следах, которые доказывают использование майкопскими гончарами поворотных устройств с фиксированной осью вращения при изготовлении сосудов не только с плоским, но и с круглым дном.

Ключевые слова: майкопская культура, технология гончарства, поворотное устройство, отпечатки.

Керамический фонд Майкопско-новосвободненской общности (МНО) чрезвычайно богат и разнообразен. Поэтому его изучение, как важнейшего археологического источника, постоянно привлекает внимание. Оно сводится к типологическому анализу форм посуды, технологии изготовления сосудов, их бытовой и социальной функции, так как МНО являлась еще и носителем кодовой информации, которая выражалась в орнаментах и знаках (*Корневский, 2013*). Большой вклад в изучение технологии майкопской керамики был сделан в середине 1960-х гг. А. А. Бобринским и Р. М. Мунчаевым. В 1966 г. они опубликовали статью, в которой был поставлен вопрос о гончарном круге племен МНО и ряде косвенных свидетельств использования майкопскими гончарами круговых устройств. Это было настоящее открытие широкомасштабного порядка (*Бобринский, Мунчаев, 1966*).

В 1978 г. А. А. Бобринский конкретизировал понятие гончарного круга и ввел термин РФК – ручной феоормообразующий круг, имеющий различные ступени формирования от 1 до 7 (*Бобринский*, 1978. С. 191). Функции круга на ступенях РФК1 – РФК5 рассматривались как различные устройства в виде простого поворотного столика для профилирования и заглаживания различных частей сосуда. При этом основа конструирования тулова сосуда была связана с ручной лепкой. Вытягивание сосуда начиналось со ступени РФК5–1 и заканчивалось функцией РФК7 (Там же).

Особое внимание изучению технологии изготовления майкопской керамики А. А. Бобринским и его последователями стало уделяться после 1985 г., когда было открыто поселение Галюгаевское-1. Под микроскопом с 12-кратным увеличением было просмотрено более 1 000 фрагментов посуды этого памятника и других поселков и курганов МНО. Работа шла в русле методики А. А. Бобринского и при его непосредственных консультациях. Участие в ней также принимали И. А. Гей.

В результате комплексного экспериментального исследования керамики этого поселения были введены понятия майкопской посуды 1 класса из теста без минеральных примесей строго симметричных форм. В качестве искусственных примесей у таких сосудов использовалась органическая добавка (солома, навоз животных), а далее была определена керамика ординарного (т. е. обычного) 2 класса с минеральными примесями в тесте с присутствием органики. Сосуды с таким тестом не отличались строгой симметрией форм. Наконец, был установлен 3 класс керамики, которая характеризовалась минеральными искусственными примесями в тесте и строгой симметрией форм (*Корневский*, 1993. С. 19–23, 26–31).

В 2004 г. обобщающие результаты рассматриваемой темы были кратко подытожены и изданы в монографии – в разделе, посвященной керамике МНО (*Корневский*, 2004. С. 22–35).

Работа по изучению технологии изготовления майкопской керамики по методу А. А. Бобринского продолжалась. В целом сейчас о ее результатах можно сказать следующее.

Огромная серия майкопских сосудов, известная к настоящему времени, включает закрытые и открытые формы. К числу закрытых форм относятся горшки, кубки разного объема и размера с плечиками на тулове и венчиком. Венчик может быть отогнутым наружу, прямым или наклоненным вовнутрь. Очень большие горшки образно называют «пифосами» (рис. 1, 2).

К открытым уплощенным сосудам относятся миски (плошки), чаны, жаровни. Редко встречаются высокие открытые сосуды в виде стакана (*Корневский*, 2004).

В коллекции керамики МНО известны сосуды с ручками, среди которых можно выделить ручки-ушки, ленточные ручки-петельки, круглые ручки-ушки. Большое значение для типологии форм имеет место, куда поставлены ручки, и их количество. Ручки могут располагаться на переходе тулова к горлу, на плечиках сосуда, по середине тулова. Как правило, майкопские сосуды имеют по две ручки. Одноручные сосуды очень редки. Встречаются сосуды с тремя ручками. Они особенно характерны для керамики долинского варианта в Центральном Предкавказье.

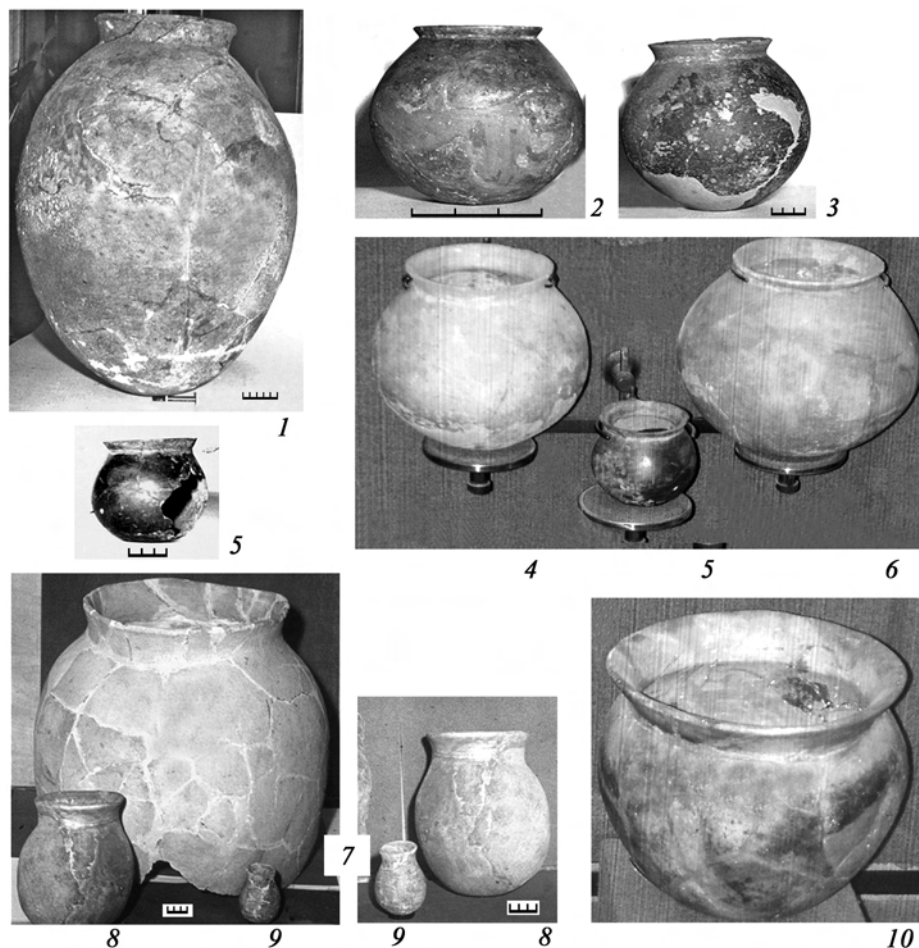

Рис. 1. Сосуды с круглым дном раннего, галюгаевско-серегинского (майкопского) варианта майкопско-новосвободненской общности

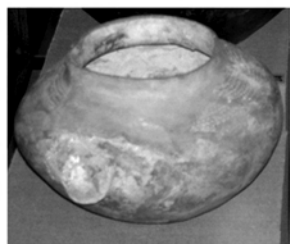
1–6, 10 – Майкопский курган; 8, 9 – Галюгаевское поселение

Сосуды строго симметричных форм, вероятно, изготовленные с помощью круговых устройств: 1–4, 6 – керамика охристых тонов, коричневатно-красных оттенков; 5 – чернолощеный сосуд

Сосуды относительной симметричности, лепные: 8, 9 – поверхность покрыта окислами; 10 – охристый тон поверхности с пятнами черного цвета от вторичного пламени

Ручки – очень важный признак формы сосуда. Он связан не только с техническими данными о горшке. Он может указывать на локальные этнические традиции.

Днища могут быть круглыми, кругло-уплощенными и плоскими. В редких случаях фиксируется поддон.

1

2

3

4

5

6

7

8

Состав формовочной массы (теста) сосудов. Для изготовления сосудов, по наблюдению А. А. Бобринского и И. А. Гей, использовалась ожелезненная (красножгущаяся) глина и смесь ожелезненной и слабоожелезненной глин. Для многих типов майкопской керамики показательно чистое тесто без искусственных минеральных примесей. Чтобы получить такую формовочную массу, глину сначала высушивали, затем дробили в порошок и получали с добавлением воды желаемую смесь (Канторович, Маслов, 2009. С. 101, примечание И. А. Гей).

Примеси в тесте. Майкопские сосуды, изготавливаемые из чистой глины, могут иметь мельчайшие естественные примеси песка (рис. 3, 1, 2). Из искусственных примесей практиковалась дресва и иногда шамот. В качестве естественной примеси присутствует бурый железняк. Редко встречены сосуды из белой глины – каолина (рис. 2, 4).

Органические примеси представлены навозом, стеблями растений, соломой, веточным кормом. Выгорая, они оставляют после себя поры или щели.

На обломке лепного сосуда из Долинского поселения отчетливо проступает тканевая подкладка (Фонды Государственного Эрмитажа, № 1614/228). Это характерный признак керамики энеолита и раннего бронзового века Закавказья.

Обжиг сосуда, как отметила И. А. Гей, происходил при температуре не менее 800 градусов (Там же).

Обработка поверхности. Внешняя поверхность сосудов заглаживалась, лошилась, покрывалась ангобом или иной жидкой глиной. И. А. Гей зафиксировала лощение, которое проводилось по сухой основе (Там же).

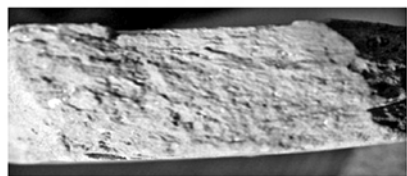
Цвета горшков и мисок были в основном охристой палитры: красные, желтые (соломенные), оранжевые, коричневатые. В Закубанье Ю. Ю. Пиотровским отмечены зеленоватые круговые майкопские сосуды (Галанина, Пиотровский, 1986. С. 5). Цвет майкопской керамики во многом зависел от степени обжига горшка и сорта глины: ожелезненной (красножгущейся) или слабоожелезненной. Встречались также сосуды черного цвета. Однако особый колорит керамике МНО придают именно красно-охристые сосуды. Они являются одним из ее показателей именно как общности, независимо от вариантов. Для придания сосуду красного цвета его могли натирать охрой (рис. 1, 2). След такого покрытия прослежен на венчике сосуда охристого цвета Галюгаевского поселения (рис. 4, 2). По этому признаку керамика МНО заметно отличалась от куро-араксской керамики и была более близка традициям цветовой гаммы лейлатепинской посуды.

При анализе способов конструирования А. А. Бобринским и И. А. Гей установлено, что майкопскими гончарами использовался емкостно-донный начин, т. е. тулово сосуда лепилось жгутиками от венчика к дну. Затем круглое дно могло уплощаться или оставаться сферической формы. Есть примеры приставного

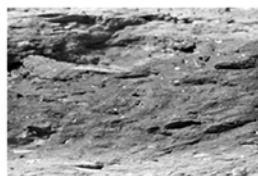
Рис. 2. Сосуды новосвободненской группы и долинского варианта майкопско-новосвободненской общности

1, 5 – Новосвободная, курган 1 (раскопки Н. И. Веселовского); 2 – Новосвободная, курган 2 (раскопки Н. И. Веселовского); 3 – Бамутский могильник, к. 7, п. 2, сосуд с тремя ручками; 4, 7 – Иноземцево, находки из разрушенных курганов; 6, 8 – Иноземцево, 1976 г.

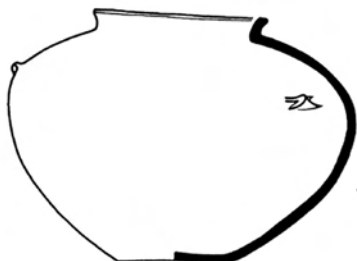
Цвет поверхности сосудов: 1, 3, 6, 8 – охристые красноватые и коричневатые тона; 2 – черный; 4 – белый; 5 – ярко-красный; 7 – малиново-красный

1

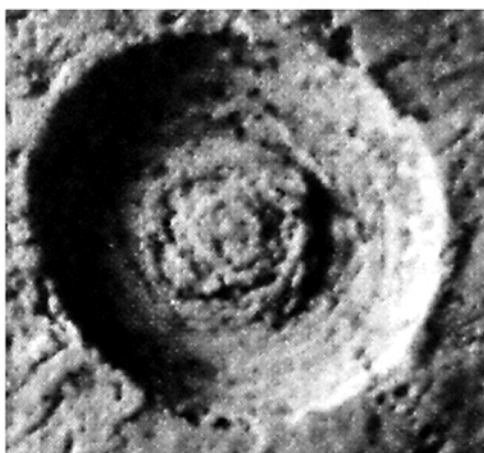
2

3

4

5

6

дна (Корневский, 1993. С. 70). Отмечено также приставное горло к сосуду. Керамика могла производиться с помощью круга, выполнявшего функцию РФКЗ. То есть сосуд мог заглаживаться на поворотном устройстве, профилироваться, подправлялся его венчик (Бобринский, 1978. С. 191).

На основании диагностических форм керамики весь массив памятников, под которым Е. И. Крупнов и А. А. Иессен понимали майкопскую культуру, был подразделен на четыре варианта: галюгаевско-серегинский, псекупский, долинский и новосвободненский (Корневский, 2004).

Такое деление МНО сразу же поставило вопрос о конкретном исследовании технологии каждого из типов в рамках выделенных вариантов. В целом, намеченная тема масштабна. Здесь мы коснемся только одного из ее аспектов.

Так называемая круговая керамика – одно из самых ярких проявлений материальной культуры племен майкопско-новосвободненской общности на Кавказе. О способах ее производства мы знаем сейчас не так уж много. В статье 1966 г. А. А. Бобринским и Р. М. Мунчаевым разбирался вопрос о круглых углублениях – отпечатках на дне плоскодонных сосудов долинского варианта МНО. Такие углубления были обнаружены на 12 сосудах небольших размеров позднего этапа майкопской культуры (долинского варианта). Следы показывали, что сосуд стоял неподвижно на горизонтальной поверхности. Он был к ней прикреплен и вращался вместе с ней на оси. После изготовления поверхность сосудов обливали жидким раствором ангоба красновато-коричневого цвета. Эта операция закрывала многие следы вращения.

Другим признаком вращения является повышенный рельеф на краю оттисков. Такие следы динамического вращения говорят именно о такой технологии и не являются свидетельством меток гончаров или непонятных значков на доньях горшков. Все это приводит к выводу, что майкопская керамика изготавливалась с помощью гончарного круга. О следах механического вращения могут также свидетельствовать параллельные бороздки на поверхности сосудов. Но их обнаружить непросто из-за дополнительной обработки поверхности керамики. Лучше всего бороздки наблюдаются под венчиком сосуда.

Можно предположить, что майкопский гончарный круг должен был иметь ось, закрепленную в каком-то неподвижном основании, а также рабочий диск со сквозным отверстием в его поверхности. Более конкретно описать его сложно. Следы такого рода есть не на всех сосудах. Отмечены случаи, когда отверстие замазывалось кусочком глины (Бобринский, Мунчаев, 1966. С. 18). Реконструкция майкопского гончарного круга по форме похожа на ручной круг, посаженный на ось, которая крепилась к неподвижной плите. Подобное устройство из глины зафиксировано в Уре. Из какого материала делался майкопский круг, неясно. Следов дерева не обнаружено. Может быть, его изготавливали из глины? (Там же. С. 31).

Представленные выше данные получены при изучении посуды Бамутского могильника, относящейся к керамике долинского варианта МНО. В настоящее

Рис. 3. Керамика майкопско-новосвободненской общности

1, 2 – тесто без минеральных примесей (сосуды 1 класса), Галюгаевское поселение; 3, 4 – сосуд с тремя ручками (могильник Клады, к. 31, п. 5) и отпечаток на дне этого сосуда; 5, 6 – поселение Великент II, отпечаток на дне сосуда (по: Мунчаев и др., 2010)

время число таких случаев увеличилось (рис. 3, 5, 6). В основном все они связаны именно с Центральным Предкавказьем (*Корневский*, 1993. С. 145. Рис. 39, 5, 8; 40, 2, 3).

Лишь один сосуд (явно долинского варианта) зафиксирован в комплексе погребения 5 кургана 31 могильника Клады – в богатейшем захоронении новосвободненской группы (рис. 3, 3, 4).

Сосуд с отпечатком оси поворотного устройства обнаружен также на поселении Великент II (рис. 3, 5, 6) (*Мунчаев и др.*, 2010. С. 337). Углубление в дне сосуда несет все признаки использования вращения. Они выражены в бортике по краю отверстия и в четких концентрических окружностях – желобках внутри него. На дне углубления имеется выпуклина. Вероятно, это комок глины, которым заткнули углубление. По схеме А. А. Бобринского, такой след остался от динамического вращения, при котором сосуд был закреплен на поворотном устройстве и вращался вместе с ним вокруг неподвижного стержня (*Бобринский, Мунчаев*, 1966. С. 14–22). Последний факт позволяет заметно расширить ареал такой технологии производства керамики на Кавказе. Но он еще не говорит, откуда конкретно такой способ изготовления посуды появился у майкопцев долинского варианта, если только его не занесли в Предкавказье мигрирующие керамисты с юга.

Наличие поворотных устройств хорошо документируется для керамики МНО долинского варианта. А как обстоит дело с круглодонной керамикой галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов? Можно ли предполагать, что для изготовления этих форм майкопской посуды также использовались поворотные устройства? Пока в пользу использования поворотных устройств могут свидетельствовать лишь строгая симметрия майкопских горшков и параллельные тонкие бороздки-следы на внутренней поверхности сосудов. Следы от механического вращения еще сырой формы были зафиксированы на охристом сосуде с чистым тестом Галюгаевского поселения (рис. 4, 1) На внутренней стороне тулова отчетливо виден след – широкая бороздка от механического поворота заготовки (рис. 4, 2). На венчике также прослеживаются правильные полосы от вращения этой детали (рис. 4, 1).

Для верификации предположения об использовании механических поворотных устройств майкопскими гончарами А. С. Кизилевым¹ был произведен эксперимент по определению следов от вращения полого тела вручную – без фиксации оси вращения и при фиксированной оси вращения.

В начале эксперимента был изготовлен горшок, форма которого должна была напоминать круглодонный небольшой сосуд майкопской культуры. Задачи достичь полной идентичности формы и рецептуры теста с керамикой IV тыс. до н. э. не ставилось.

Для изготовления сосуда использована красная (красножгущаяся) сочинская глина, отобранная специалистом – керамистом-профессионалом. В нее добавлен шамот (красная и белая керамическая крошка). Глиняная масса в пластичном

¹ А. С. Кизилев – кандидат педагогических наук, дизайнер, историк, археолог, дипломированный профессионал-керамист, механик широкого профиля г. Сочи.

Рис. 4. Галюгаевское поселение, керамика 1 класса

1 – сосуд со следом борозды правильной окружности на внутренней поверхности, ниже ребра горловины; *2* – сосуд с окрашенной охрой зоной ребра горла изнутри тулова. Цвет керамики красно-охристый

состоянии была раскатана в тонкий плат (лист) толщиной до 4 мм с использованием скалки из дерева ровной цилиндрической формы. Скалка-палочка, которая природой превращена в ровный цилиндр, была подобрана на берегу р. Сочи. Тулово сосуда изготовлено по частям. Нижняя часть сделана путем накладки пластичного раскатанного глиняного теста на шаровидную основу.

Шаровидная основа получена путем изготовления матерчатого узла (сферы) Для этого использована стрейч-ткань². Внутри она была заполнена песком для фиксации объема и придания упругости. (В древности такой узел-основа мог быть изготовлен из шкуры животного, развернутой мехом вовнутрь. Внешняя поверхность такой формы была гладкой и отпечатков на глине не сохранила).

Шаровидная основа, повернутая сферой вверх, была помещена в небольшую плетеную корзину, которая была установлена дном на камне так, чтобы с ней можно было совершать поворотные движения.

Следующим этапом изготовления сосуда стало наложение раскатанного листа глины на основу и его разглаживание на ней. Затем, поворачивая корзину, острым инструментом (ножом) лист глины был обрезан строго по «экватору» шаровидной основы и удален с нее.

Полученная полусфера по всей поверхности имела постоянную толщину 4 мм, как и любая раскатанная таким же методом лепешка, например – из пшеничного теста. Все это очень напоминало ровную толщину стенок майкопской качественной керамики, которой, на наш взгляд, невозможно добиться, используя прием выбивания сосуда по основе, так как мастеру трудно контролировать ровную толщину стенки сосуда.

После подсушивания глины на основе-болванке резким движением основа была перевернута. Под собственным весом радиус узла стал уменьшаться, и болванка свободно вышла из полусферы глиняного теста, не дав треснуть туловищу будущего горшка.

После освобождения болванки все повторилось еще раз с другим куском глины. Он был раскатан на плоскости, наложен на основу-болванку и обрезан по «экватору» основы. В верхней полусфере было вырезано отверстие для горловины.

Полученные заготовки – полусферы – были совмещены. Венчик был изготовлен ленточным способом. В обоих случаях для соединения разных частей сосуда использовался соединительный жижель³. Подсушенное туловище дало небольшую просадку, что еще больше приблизило его к оригинальным формам майкопской керамики псекупского варианта МНО.

Применение поворотной основы – корзины – давало возможность подрабатывать форму сосуда, придавать ей строгую симметрию и исследовать следы, остающиеся на глине вследствие вращения разной интенсивности (рис. 6, 1).

Первый этап эксперимента с изучением следов вращения был связан с наложением линии строгой окружности на фотографию с сохранившимися следами вращения в теле керамического сосуда Галюгаевского поселения. Результат

² Стрейч – эластичность – свойство, которое было специально придано многим типам ткани, оно позволяет им растягиваться на теле и возвращаться к исходной форме, когда изделие снимают. Эластичность стрейч-ткани сопоставимо с живой кожей.

³ Жижель (*шиликель-жижель или просто жижель*) – смесь глины с небольшим количеством воды, доведенная до консистенции сметаны. Применяется керамистами повсеместно для надежного соединения подвальных частей керамического изделия между собой. Например, для присоединения к глиняному сосуду ручек.

показал, что след вращения практически совпадает с идеальным геометрическим кругом. Внутренняя окружность венчика при этом не является концентрической окружностью в сравнении с имеющимися концентрическими окружностями следов механического вращения. Это говорит о том, что сосуд вращали уже после его первичного изготовления. То есть шла вторичная доработка горшка, вылепленного от руки.

Второй этап был связан с проверкой характера следов на сосуде.

В подсушенном виде была проведена вторичная доработка на вращающем устройстве (корзина) с осевой фиксацией корзины и без этой фиксации.

В начале приложения силы руки, вызывающей сдвиг сосуда, за счет мягкости руки внутри горшка происходит осевой сдвиг и синхронно с ним начинается вращение. Это приводит к образованию синусоидального заброса следов внутри сосуда, который виден на микросъемке внутренней стороны (рис. 6, 2).

Если же производить вращение за одно касание ладони при осевой фиксации сосуда (корзина фиксируется по центру осью вращения, притыкается кольшком к неподвижной основе, когда корзина вращается на неподвижной оси с поворотом около 120°); то распределение сил резко меняется (рис. 6, 3, 4).

Ось берет на себя нагрузку сил сдвига и прижима, а рука гончара работает только в противодействие силе вращения. Таким образом, образование борозды на сосуде внутри корпуса происходит без радиального смещения, что и позволяет получить такой ровный и длинный след как на рисунке (рис. 6, 3, 4).

Стоит отметить, что некоторые бороздки несколько смещаются визуальнo, но это результат фотосъемки в упор и некоторой неровности впадин на самом сосуде (рис. 5).

Таким образом, можно прийти к заключению, во-первых, что полое тело круглодонной керамики можно было изготовить разными способами от руки и не только ленточным методом. Как конкретно? Для этого необходимы дополнительные эксперименты. Окончательная конфигурация сосуда осуществлялась с помощью механического вращения. Как выглядело это вращающееся устройство, сказать непросто. Возможно, его роль играла либо донная часть другого сосуда, куда ставили заготовку, либо плетеная корзина, закрепленная в донной части на камешке, либо деревянный или глиняный диск, посаженный на ось. Остается открытым вопрос, каким был шаг (прокрутка) механического вращения за одно касание рукой. Верхняя часть сосуда – горло и венчик – могли изготавливаться отдельно и приставляться к уже готовому тулову, о чем уже было известно ранее.

В результате проведенного эксперимента авторы статьи считают, что можно констатировать использование поворотных устройств майкопскими гончарами для производства сосудов не только с плоским, но и с круглым дном, принимая во внимание следы вращения, оставленные под венчиком сосуда на его внутренней поверхности.

В этнографии гончарства примеры с изготовлением сосудов с круглым дном известны у аборигенов Филиппин (*Van der Leeuw*, 1993). Вначале глина (сырье-заготовка) помещалась женщиной-гончаром на основу, которой могла быть деревянная доска, подставка или нижняя часть более крупного сосуда. Из куска сырья начиналась лепка нижней части тулова. Достигнув середины

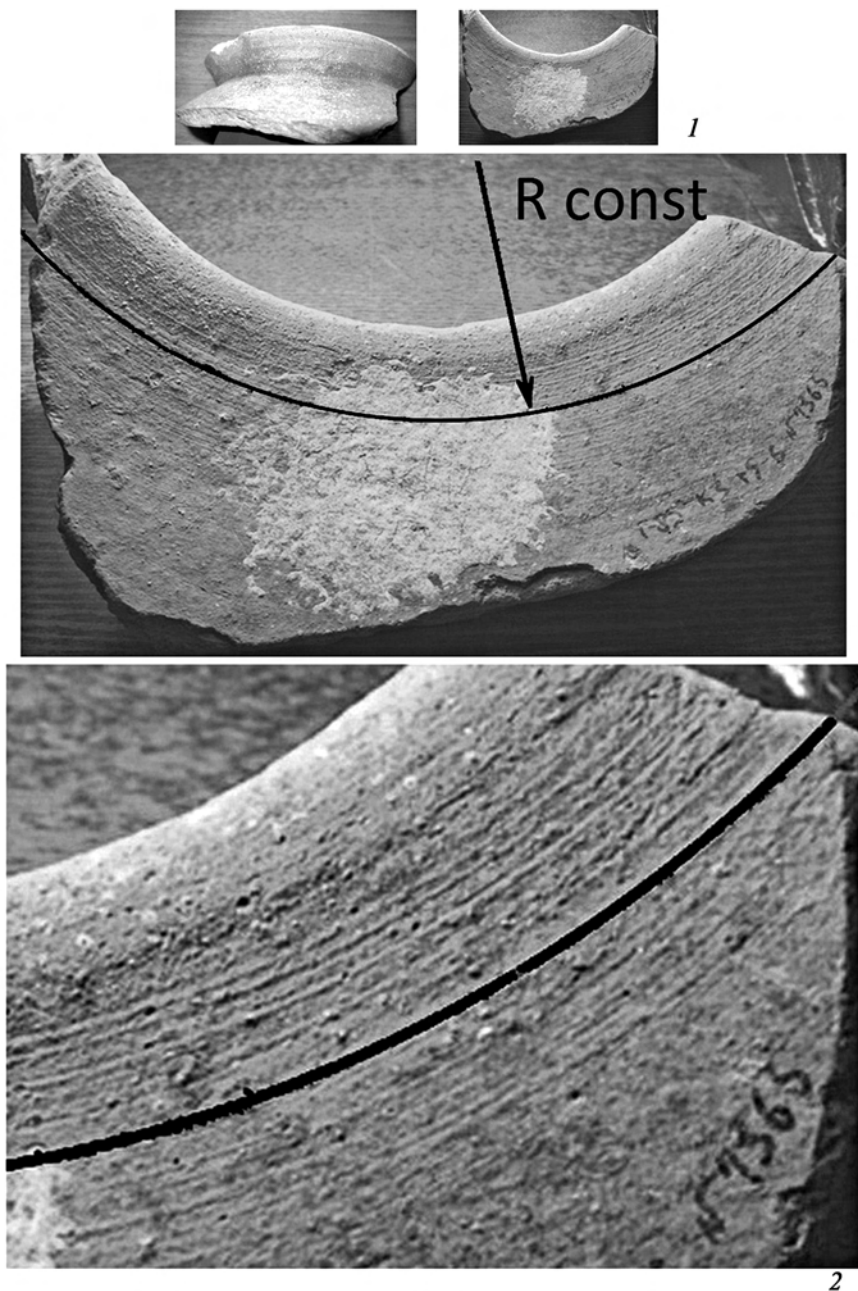

Рис. 5. Галюгаевское поселение. Следы механического поворота на внутренней поверхности сосуда

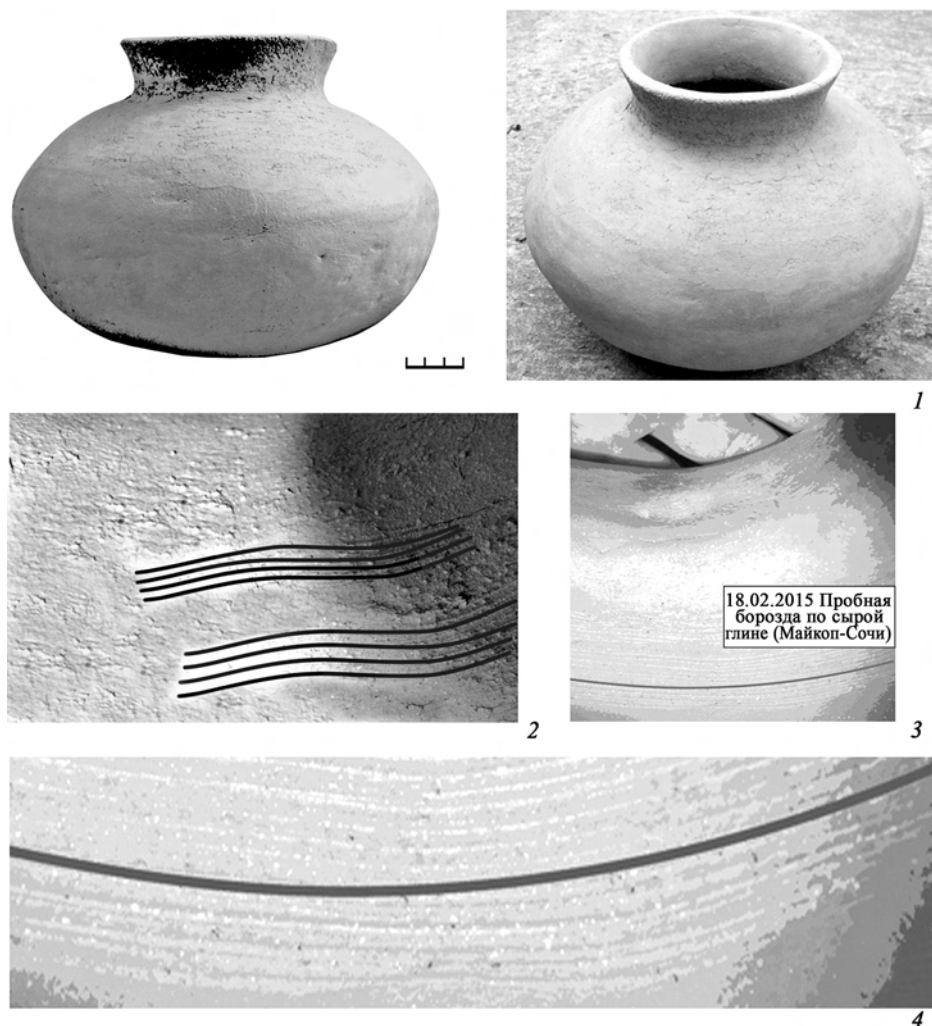

Рис. 6. Экспериментальный сосуд

1 – форма сосуда; 2 – следы на внутренней поверхности от поворота сосуда рукой без оси вращения; 3, 4 – следы на внутренней поверхности сосуда от поворота сосуда с осью вращения

тулова, заготовка помещалась на поворотное устройство – диск на оси, закрепленный на крестовине. Круглодонная заготовка крепилась на кругу с помощью обкладки ее глиной. Верхняя часть тулова наращивалась лоскутными лентами, так получалась закрытая сферическая форма. Венчик мог отгибаться. Или его делали отдельно, а затем прикрепляли к тулову. Окончательная доводка сосуда проводилась на поворотном устройстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., Мунчаев Р. М.*, 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. С. 14–28.
- Галанина Л. К., Пиотровский Ю. Ю.*, 1986. Культуры эпохи бронзы и раннемеотские погребения Келермесского могильника // Древние памятники культуры на территории СССР: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Г. И. Смирнова. Л.: Гос. Эрмитаж. С. 5–14.
- Канторович А. Р., Маслов А. А.*, 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станции Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Ред. А. Б. Белинский. Ставрополь: Наследие. Вып. IX: Археология. Краеведение С. 83–116.
- Корневский С. Н.*, 1988. Два погребения майкопской культуры из Кисловодска // КСИА. Вып. 193. С. 88–90.
- Корневский С. Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: Наука. 174 с.
- Корневский С. Н.*, 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.: Знание. 167 с.
- Корневский С. Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 246 с.
- Корневский С. Н.*, 2013. О понятиях цивилизация, протоцивилизация и знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока V–III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 230. С. 63–83.
- Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р. М.*, 2010. Восточный Кавказ и проблема Кавказско-Месопотамских связей в IV–III тыс. до н. э. // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х. А. Амирханова / Ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 316–334.
- Van der Leeuw S. E.*, 1993. Giving the Potter a Choice: Conceptual aspects of pottery techniques // Technological Choices: Transformation in Material Cultures since the Neolithic / Ed. P. Lemonnier. London; New York: Routledge. P. 232–288.

Сведения об авторах.

Корневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru;

Кизилов Андрей Сергеевич, Международный инновационный университет, ул. Орджоникидзе, 10А, Сочи, 354000, Краснодарский край, Россия; e-mail: kiziloff2014@mail.ru.

S. N. Korenevsky, A. S. Kizilov

General information on production of Maikop-Novosvobodnaya ceramics
and modeling of turntable marks

Abstract. The paper summarizes the results of the study devoted to Maikop-Novosvobodnaya ceramics, using A. A. Bobrinsky's methodology and the microscope. It presents characteristics of raw materials, design methods and treatment of surfaces. A special focus of the paper is the use of turntables by ancient potters. Such pots with corresponding imprints were recorded for the first time by A. A. Bobrinsky and R. M. Munchaev in 1966 among flat-bottomed vessels. Presently the list of pots bearing marks of turntables has been expanded. The paper describes an experiment made by

A. S. Kizilov to model a Maikop pot and record marks of its pulling around without a fixed axle of rotation in a non-steady rotation mode. During the experiment hard data on marks were obtained, proving that Maikop pot-makers used turntables with a fixed axle of rotation to manufacture not only flat-bottomed pots but also round-bottomed ones.

Keywords: Maikop culture, pottery-making technique, turntable, imprints.

REFERECES

- Bobrinский A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinский A. A., Munchaev R. M., 1966. Iz drevneyshey istorii goncharnogo kruga na Severnom Kavkaze [From earliest history of potter's wheel in North Caucasus]. *KSIA*, 108, pp.14–28.
- Galanina L. K., Piotrovskiy Yu. Yu., 1986. Kurgany epokhi bronzy i rannemeotskie pogrebeniya Kelermesskogo mogil'nika [Bronze Age kurgans and early Maeotian burials of Kelermes cemetery]. *Drevnie pamyatniki kul'tury na territorii USSR [Ancient monuments of culture in territory of USSR]*. G. I. Smirnova, ed. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 5–24.
- Kantorovich A. R., Maslov A. A., 2009. Raskopki pogrebeniya maikopskogo vozhdya v kurgane bliz stanitsy Mar'inskoy (predvaritel'naya publikatsiya) [Excavations of Maikop chieftain's burial in kurgan near Cossack village Mar'inskaya (preliminary publication)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, IX. *Arkheologiya. Kraevedenie [Archaeology, Local lore]*. A. B. Belinskiy, ed. Stavropol': Nasledie, pp. 83–116.
- Korenevskiy S. N., 1988. Dva pogrebeniya maikopskoy kul'tury iz Kislovodskaya [Two burial of Maikop culture from Kislovodsk]. *KSIA*, 193, pp. 88–90.
- Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Monuments of Bronze Age population of Central North Caucasus piedmont]. Moscow: Nauka. 174 p.
- Korenevskiy S. N., 1993. Drevneyshee osedloe naselenie na srednem Tereke [Earliest settled population on Middle Terek]. Moscow: Obshchestvo «Znanie». 167 p.
- Korenevskiy S. N., 2004. Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya. Maikopsko – novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrenney tipologii [Earliest farmers and cattle-breeders of North Caucasus piedmont (Maikop-Novosvobodnaya entity, problems of internal typology)]. Moscow: Nauka. 246 p.
- Korenevskiy S. N., 2013. O ponyatiyakh tsivilizatsiya prototsivilizatsiya i znakakh na keramike v kul'turakh Podunav'ya, Kavkaza i Perednego Vostoka V–III tys. do n. e. [On concepts of civilization and proto-civilization and signs on pottery in cultures of Danube region, Caucasus and Near East in V–III mill. BC]. *KSIA*, 230, pp. 63–83.
- Munchaev R. M., Amirov Sh. N., Magomedov R. M., 2010. Vostochnyy Kavkaz i problema Kavkazsko-Mesopotamskikh svyazey v IV–III tys. do n. e. [Eastern Caucasus and problem of Caucasian-Mesopotamian relationships in IV–III mill. BC]. *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk, professora Kh. A. Amirkhanova [Investigations in prehistoric archaeology of Eurasia: collection of articles toward 60th anniversary of corresponding member of RAS Prof. Kh. A. Amirkhanov]*. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Nauka. Dagestanskiy nauchnyy tsentr, pp. 316–334.
- Van der Leeuw S., 1993. Giving the Potter a Choice: Conceptual aspects of pottery techniques. *Technological Choices: Transformation in material cultures since the Neolithic*. P. Lemonnier, ed. London; New York: Routledge, pp. 232–288.

About the authors.

Korenevsky Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru;

Kizilov Andrey S., International University of Innovation, ul. Ordzhonikidze, 10A, Sochi, 354000, Krasnodarskiy kray, Russian Federation; e-mail: kiziloff2014@mail.ru.

Н. В. Рындина, И. Г. Равич

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА БРОНЗОВЫХ МОТЫГ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Резюме. Среди изученных ранее с помощью методов современной металлографии 152 бронзовых изделий майкопской культуры по особенностям технологии выделяются две втульчатые мотыги. Одна найдена в поселении Галюгай I, другая в кургане 1, погребении 70 у с. Заманкул (рис. 1). Обе мотыги подвергнуты всестороннему визуальному и микроструктурному исследованию в лаборатории кафедры археологии МГУ. Его результаты позволили судить не только о технологии их изготовления, но и об особенностях их использования. Технологический цикл изготовления мотыг состоял из отливки заготовок в двусторонних глиняных формах с плоской крышкой и последующей их доработки ковкой. Характерным отличием заключительной кузнечной обработки изделий являлось то, что упрочняющий наклеп лезвия использовали только при формовке мотыги из Заманкула (см. различие их микроструктур на рис. 3). Это наблюдение позволяет заключить, что подобное орудие возможно было использовать и в аграрных, и в строительных работах. Низкая твердость лезвия и малый вес мотыги из Галюгая I позволяют думать о ее культурном назначении.

Ключевые слова: майкопская культура, коллекция бронзовых изделий, втульчатые мотыги, состав металла, технология производства.

Великолепные металлические изделия, внезапно появляющиеся в IV тыс. до н. э. на Северном Кавказе в памятниках майкопской культуры, поражают своим обилием и разнообразием форм. В майкопских коллекциях массовыми сериями представлены бронзовые орудия, предметы вооружения, бытовые и культовые объекты. Ни в одном регионе нашей страны, да и во многих других регионах Старого Света, памятники раннего бронзового века не содержат такого количества и многообразия металлических предметов, как на Северном Кавказе (Мунчаев, 1994. С. 198). Естественно поэтому, что майкопский металл уже давно привлекал внимание исследователей. Однако продукция майкопского металлопроизводства на протяжении длительного времени описывалась учеными с позиции анализа типологии составляющих ее изделий (Иессен, 1950; Мунчаев, 1975; 1994; Корневский, 1974; 2004; 2011) и химического состава их металла (Селимханов, 1960;

Черных, 1966; Корневский, 1974; Галибин, 1991). Крайне редко в работах, посвященных майкопскому металлу, появлялись краткие и, как правило, мало обоснованные сведения о способах его отливки или кузнечной обработки. И все-таки, несмотря на изначально ограниченную тематическую направленность, полученные в отмеченных исследованиях выводы имеют большое научное значение. Во-первых, мы располагаем теперь полной базой данных по различным категориям и типам майкопских изделий. Во-вторых, эти типы четко сопоставлены с близкими по времени ближневосточными находками и показано их значительное своеобразие. В-третьих, высказано предположение о возможной связи большинства майкопских изделий с продукцией местного металлопроизводства. В-четвертых, установлено, что майкопские бронзы представлены сплавами двух разновидностей: медь – мышьяк и медь – мышьяк – никель.

Новое направление в изучении истории древней металлургии Северного Кавказа связано с анализом технологии производства майкопских изделий из металла на основе использования методов современной металлографии и сканирующей электронной микроскопии. Такой методический путь исследований удалось реализовать в работе, проводимой на протяжении последних лет в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ с применением современного оборудования. В основу реконструкции методов обработки майкопского металла были положены изготовленные в лабораторных условиях модельные образцы. В итоге их изучения были составлены атласы микроструктур двойных медно-мышьяковых и тройных медно-мышьяково-никелевых бронз, подвергнутых различным режимам литья,ковки и разнотемпературного отжига. Иллюстрации из атласов позволили получить данные для детальной расшифровки микроструктур майкопских изделий.

Объектом технологического исследования стали образцы 152 майкопских находок, полученных в музеях Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Краснодарского края, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Их общий набор и связь с памятниками различных локальных вариантов майкопско-новосвободненской общности (МНО) показан в табл. 1. Напомним, что расширенное понятие майкопской культуры как «майкопско-новосвободненской общности», включающей в себя четыре локальных варианта (галюгаевско-серёгинский, псекупский, новосвободненский и долинский), было введено в научный оборот С. Н. Корневским (2004. С. 51–58).

Результаты технологического изучения обозначенных в табл. 1 находок детально рассмотрены в недавно опубликованных работах (Рындина, Равич, 2013; 2014). Поэтому в настоящей статье приведем лишь те выводы, которые наиболее важны для дальнейшего анализа технологии майкопских мотыг. Так, бесспорно установлено, что основная масса майкопских изделий связана с продукцией местного металлопроизводства, что подтверждает ранее высказанные предположения исследователей. Доказан высочайший уровень этого металлопроизводства, которое базировалось на использовании 11 технологических схем, включавших сложнейшие виды литья полуфабрикатов изделий и их последующую ковку в различных температурных режимах. Показано, что майкопские мастера при формовке орудий труда и предметов вооружения регулярно упрочняли их рабочие окончания с помощью холодной деформации. В предварительном плане

Таблица 1. Распределение металлографически исследованных категорий изделий по локальным вариантам МНО

Категории изделий	Локальные варианты					Всего
	ГСЛВ	ПЛВ	НЛВ	ДЛВ	Случайные находки	
Кинжалы	5	6	25	36	1	73
Топоры втульчатые	3		10	8	2	23
Топоры-молоты			1			1
Мечи			1			1
Копья		1				1
Мотыги	2					2
Тёсла	1	2	7	7		17
Долота			1		1	2
Шилья	1		2	3		6
Вилки			2	1	2	5
«Псалии»			2	1		3
Посуда	1		7	6		14
Диски-зеркала		1		1		2
Фигурки собачек			2			2
Итого изделий	13	10	60	63	6	152

решена проблема происхождения майкопских металлургических знаний, в сложении которых участвовали переднеазиатские мастера, неоднократно появлявшиеся на Северном Кавказе на протяжении IV – начала III тыс. до н. э.

Новые технологические наблюдения, полученные при поверхностном технологическом осмотре и микроструктурном анализе двух бронзовых мотыг из памятников галюгаевско-серёгинского варианта МНО, вновь возвращают нас к теме виртуозного совершенства местного кузнечного и литейного ремесла.

Первая мотыга (рис. 1, 1) найдена при раскопках поселения Галюгай I на среднем Тереке (Курский район Ставропольского края). Она была обнаружена в 1985 г. С. Н. Корневским в центральной части поселка, внутри площади жилища (*Корневский*, 1995. С. 63, 64). Вокруг мотыги зафиксированы скопления керамических обломков и куски обожженного турлука, покрывавшего очаг (*Корневский*, 1995. С. 91. Рис. 4; 2011. С. 84). По материалам памятника (керамика, кости животных) получены три радиоуглеродные даты: 3610–3354, 3355–3100, 3240–3100 (*Корневский*, 2008. С. 85. Табл. 2)¹. Они укладываются во временной интервал около 500 лет. По справедливому заключению М. Б. Рысина, такой диапазон делает их маловероятными, поскольку длительность обитания на майкопских стоянках была кратковременной (*Рысин*, 2012. С. 108). В связи с этим кажется более обоснованным датировать мотыгу из Галюгай I в обобщенной форме, связывая ее со вторым, средним, периодом в истории МНО (*Корневский*, 2011. С. 110).

¹ Здесь и далее приводятся калиброванные даты (68 % вероятности).

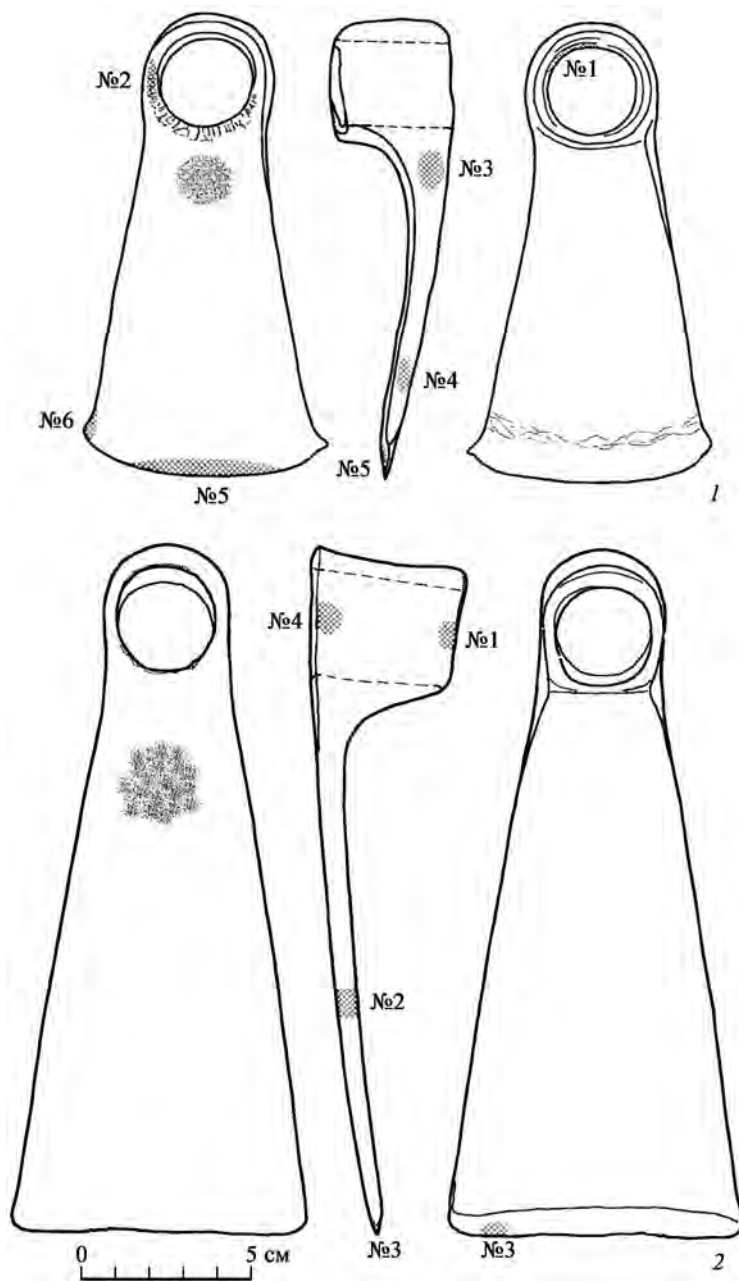

Рис. 1. Майкопские мотыги, прошедшие микроструктурное исследование

1 – поселение Галюгай I; 2 – Заманкул, курган 1, погребение 70

Условные обозначения: номерами и сетчатой штриховкой показаны места изготовления шлифов; точечным заполнением обозначены вмятины на спинке орудий, возникшие в результате удаления литников

Обозначим размеры мотыги. Ее длина – 135 мм, высота обуха – 36, ширина втулки – 39, диаметр верхнего отверстия – 28, диаметр нижнего отверстия – 25, длина лезвия – 79, ширина «тали» клина – 36 мм. Клин мотыги слегка опущен вниз (угол наклона – 9°), а сам режущий край имеет четкий скос по отношению к плоскости спинки орудия. Вес мотыги – 495 г.

Состав металла мотыги был исследован с помощью спектрального анализа в лаборатории Института истории материальной культуры РАН Санкт-Петербурга В. А. Галибиным. Анализ проводился по трем пробам, изъятым из разных участков втулки орудия (см. табл. 2). По полученным результатам очевидно, что изделие изготовлено из мышьяковой бронзы, содержание мышьяка в которой составляет около 3 %.

Таблица 2. Результаты спектрального анализа мотыги из Галюгаевского I поселения

Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au	Co
536-16	осн.	–	0,015	0,09	0,004	0,011	0,014	2,9	0,025	0,11	–	0,004
536-17	осн.	–	0,017	0,08	0,004	0,025	0,014	3,0	0,065	0,12	–	0,004
536-18	осн.	–	0,022	0,04	0,005	0,016	0,014	3,3	0,004	0,13	–	0,004

При поверхностном осмотре мотыги обратили на себя внимание кольцевидные заливки металла, расположенные вокруг верхнего и нижнего контуров ее втулки (рис. 2). Очевидно, что заливки образовались из-за просачивания расплава вдоль стержня, вставленного в литейную форму для получения отверстия втулки. Боковые литейные швы на орудии не обнаружены. Расположение литника, через который поступал металл в отливку, обозначен на рис. 1 точечным заполнением, выявляющим округлую вмятину на спинке мотыги поблизости от втулки. Все эти данные показывают, что основой для формовки мотыги служила литая заготовка. Но на ее поверхности присутствуют и следы последующей кузнечной доработки. На втулке, а также на брюшке орудия, вплоть до его лезвийной кромки, были зафиксированы еле различимые вмятины, связанные с ковкой. Их размер (7 × 15 мм), видимо, соответствовал рабочей части кузнечного инструмента. На границе перехода брюшка в скос лезвия были видны вмятины меньшего размера – 4 × 10 мм, свидетельствующие о применении более миниатюрного инструмента.

Попытаемся восстановить характер литейной формы, в которой был отлит полуфабрикат изделия (рис. 2). Большую помощь в решении этой проблемы оказали консультации, полученные от профессора кафедры технологии литейных процессов Национального технологического университета (бывший МИСиС) Михаила Владимировича Пикунова. По мнению М. В. Пикунова, форма была двусторонней и имела горизонтальный разъем. В нижней полуформе располагалась вся полость для отливки вместе с основанием для вставного стержня. Верхняя полуформа представляла собой почти плоскую плиту с двумя отверстиями: одно глухое для верхнего знака стержня, а другое сквозное, служившее каналом

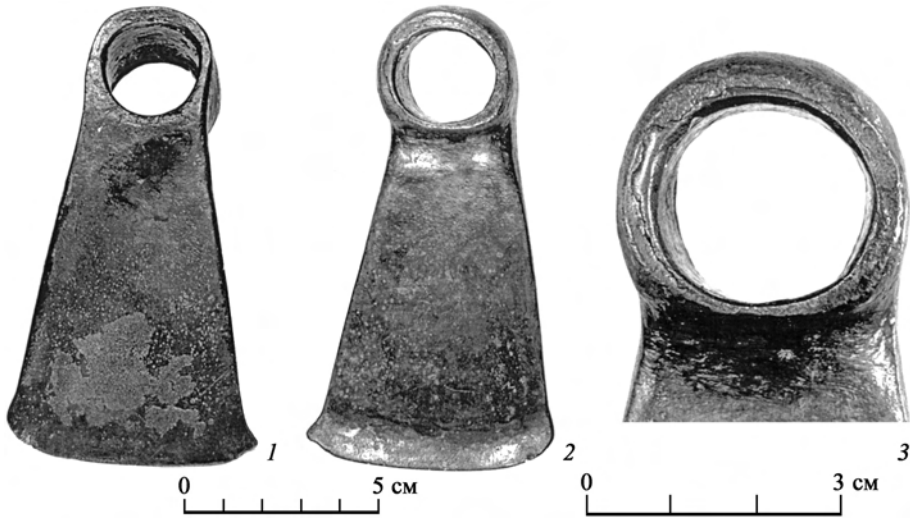

Рис. 2. Поселение Галюгай I. Заливы, забитые ковкой, возникшие при литье вокруг втулки мотыги

1 – со стороны спинки орудия; 2, 3 – со стороны брюшка

для заливки расплава. Толщина верхней плиты составляла не менее 15–20 мм, что обеспечивало соответствующую длину канала-литника. Только при такой его величине возможно было обеспечить необходимое давление металла для полного заполнения им полости формы, а также для образования заливов вокруг верхней и нижней части стержня. После извлечения отливки из формы литник с ее поверхности удалялся. Форма была одноразовой и, скорее всего, изготовленной из глины. По мнению М. В. Пикунова, отсутствие усадочной раковины на поверхности орудия свидетельствует, что она осталась в литнике.

Обратим внимание на литейные формы, близкие по типу к вышеописанной, из памятников эпохи бронзы Ближнего Востока и Средней Азии. В металлургической мастерской Тепе-Габристана на северо-западе Ирана найдены две нижние, основные створки литейных форм из глины, приближающиеся по конфигурации к майкопской форме. Однако при сходстве их конструкций и способов изготовления отливок формы служили для литья втульчатых клевцов с односторонне- или двусторонне-заостренным окончанием. Они датируются концом V – IV тыс. до н. э. (*Majidsadeh*, 1979. P. 84. Fig. 2-2, 2-3; *Piggot*, 1999. P. 111). Еще одна изложница близкой конструкции известна из иранского памятника Гиссар (слой III) эпохи средней бронзы (III тыс. до н. э.). Она также изготовлена из глины и предназначалась для отливки двустороннего орудия типа топора-кирки или топора-клевца с характерной удлиненной вниз втулкой (*Yule*, 1982. Abb. 2212). Однако известны и литейные формы для мотыг. Нижняя створка такой формы из глины найдена в процессе раскопок литейной мастерской на поселении Гонур на юге Средней Азии (*Панахписту*, 2010. С. 271. Рис. 4; 5). По мнению В. А. Сарияниди, мастерская может быть датирована началом II тыс. до н. э. (Там же. С. 266).

Для более детальной реконструкции технологии обработки мотыги из Галюгая I на ее поверхности с помощью подполировки металла было изготовлено шесть шлифов (рис. 1, 1). Два шлифа расположены на внешней поверхности втулки (№ 1, 2), два – на боковой части мотыги вдали и вблизи от лезвия (№ 3, 4), два – на сечении лезвия (№ 5, 6). Металлографическое исследование шлифов показало, что микроструктура мотыги характеризуется очень крупными дендритами, свидетельствующими о том, что перед литьем форму сильно прогрели (рис. 3, 1, 2). Рисунок дендритов на всех изученных участках мотыги и даже на сечении ее лезвия не был искажен. На фоне дендритов были заметны полиэдры (диаметром 0,035–0,045 мм) без полос скольжения. Эти данные показывали, что мотыгу не подвергали сильной проковке, а лишь уплотняли ее поверхность при помощи холодной деформации с обжатием не более 20 %. Послековки изделие отжигали при температуре 600° С. Все особенности конфигурации мотыги, включая изгиб корпуса, расширение лезвия и его скос, получены с помощью литья. Отсутствие полос скольжения в полиэдрах показывает, что после отжига мотыгу не упрочняли с помощью холодной проковки, как это делали применительно к большинству учтенным в табл. 1 орудиям труда и предметам вооружения майкопской культуры. Не удивительно, что показатели твердости ее лезвия оказались заниженными по сравнению с прочими майкопскими изделиями (62 кг/мм²).

Вторая исследованная мотыга (рис. 1, 2) открыта в 1993 г. при раскопках погребения 70 в кургане 1 у с. Заманкул в Северной Осетии (*Корневский, Ростунов, 2004. С. 153, 155. Рис. 7, 4*). В прямоугольной погребальной яме находились останки двух человек – мужчины и женщины. Мотыга была найдена в северо-западном углу ямы вместе с развалом двух сосудов, бронзовым теслом и топором. Радиоуглеродная дата погребения: 3640–3500 гг. до н. э., что вновь связывает ее со вторым периодом в истории МНО (*Корневский, Ростунов, 2004. С. 148; Корневский, 2011. С. 110*).

Мотыга имеет длину 200 мм, высота ее обуха составляет 42 мм, ширина втулки – 36, диаметр верхнего отверстия – 30, диаметр нижнего – 28, ширина «тали» клина – 34 мм. Угол наклона клина – 12°. Край его лезвия снизу заточен «на скос». Вес мотыги – 850 г.

Судить о составе металла мотыги можно по результатам спектрального анализа, проведенного в лаборатории ГосНИИР А. Ф. Дубровиным. Приведем полученные им данные: Cu – осн.; Sn – 0,01; Pb – 0,01; Bi – 0,002; Ag – 0,006; Sb – 0,003; As – 4,0; Fe – 0,01; Ni – 0,5; Co – 0,005. Итак, орудие изготовлено, как и мотыга Галюгая I, из мышьяковой бронзы (4 % As). Присутствие никеля в количестве 0,5 % вряд ли позволяет расценивать исходный сплав как тройную бронзу Cu–As–Ni. В ранее опубликованных работах мы показали, что граница искусственного легирования никелем соответствует его наличию в количестве 0,8–1 % (*Рындина, Равич, 2013. С. 101; Равич, Рындина, 2013. С. 91*).

При визуальном технологическом осмотре мотыги вдоль краев ее втулки были заметны кольцеобразные наплывы металла. Литейные швы и усадочные раковины отсутствовали. На спинке орудия, неподалеку от втулки, также прослежена вмятина от удаленного литника (рис. 1, 2). Судя по этим наблюдениям, литейная форма для получения полуфабриката изделия была аналогична той, которую применяли при литье мотыги из Галюгая I. Микроструктурное

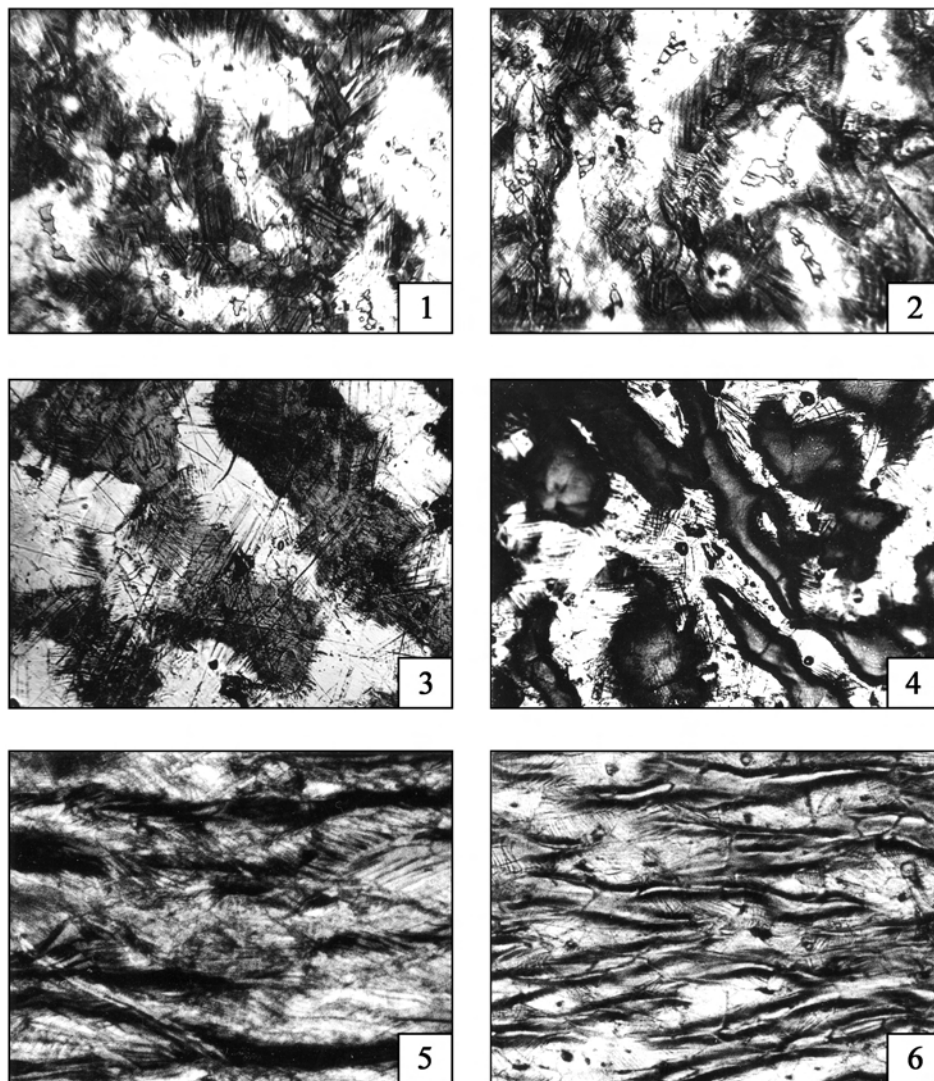

Рис. 3. Микроструктуры изученных мотыг из поселения Галюгай I (1, 2) и кургана у с. Заманкул (3–6)

1 – шлифы № 3, 4 на боковой части мотыги; 2 – шлиф № 5 у кромки лезвия; 3 – шлиф № 1 на боковой поверхности втулки; 4 – шлиф № 2 на средней части боковины орудия; 5, 6 – шлиф № 3 у кромки лезвия;

1–3, 5 – $\times 500$; *4, 6* – $\times 340$

исследование нескольких шлифов, расположенных на подполированной боковой поверхности втулки (№ 1, 4), на средней части боковины орудия (№ 2), а также на заостренном крае лезвия (№ 3), позволило уточнить результаты

визуальных наблюдений. На шлифах № 1, 2 и 4 выявилась крупнодендритная структура с ненарушенным рисунком дендритов. На их фоне располагались рекристаллизованные зерна диаметром 0,035–0,045 мм с полосами скольжения (рис. 3, 3, 4). На шлифе № 3 были обнаружены волокнисто вытянутые дендриты и мелкие полиэдры размером 0,025 мм также с заметно выраженными полосами скольжения (рис. 3, 5, 6). На основе этих наблюдений можно заключить, что вначале отливалась заготовка орудия, близкая к его конечной форме. Форма, как и в первом случае, сильно прогрелась перед заполнением расплавом. После литья заготовку ковали в холодную с обжатием не более 20–40 % для уплотнения металла и его упрочнения. Чтобы сформировать и упрочнить лезвие, металл подвергали вытяжке со значительной деформацией (60–80 %). Ковка сопровождалась промежуточными отжигами при 400–500°С. Заключительной операцией обработки мотыги являлся упрочняющий холодный наклеп ее лезвия с обжатием 40–60 %. Не случайно поэтому, что его твердость оказалась значительно более высокой, чем у мотыги из Галюгая I (142 кг/мм²).

Кроме исследованных мотыг известны еще две находки подобных орудий из майкопских памятников. Одна обнаружена в знаменитом Майкопском кургане (ОАК..., 1900. С. 9. Рис. 34), другая – в погребении 150 Псекупского могильника (*Ловпаче*, 1985. С. 31. Табл. II. Рис. 1). К сожалению, металл этих орудий до сих пор не изучен с помощью микроструктурного анализа. По справедливому заключению С. Н. Корневского, основным носителем идеи производства втульчатой мотыги с цилиндрической втулкой на Северном Кавказе стали племена галюгаевско-серегинского варианта МНО, где они изготавливались местными литейщиками и кузнецами. При этом майкопцы выработали свою форму мотыг, заметно отличную по типу от орудий Ирана и Южной Месопотамии (*Корневский*, 2011. С. 81, 82).

В заключение затронем проблему способов использования двух изученных орудий. О рабочих функциях мотыг мы знаем прежде всего из этнографических наблюдений. Они связывают мотыгу с аграрными работами по взрыхлению почвы перед посевом зерновых культур (*Основы этнологии...*, 2007. С. 115). Значительно шире описывают операции, которые производились подобными орудиями, мифы древнего Шумера (*От начала...*, 1997. С. 80–84, 372). У шумеров этот инструмент используется и для аграрных, и для строительных работ. Мотыгу применяют для подтески деревянных изделий, для перерубания прутьев и корней в земле и даже при сооружении жилых построек. Все эти функции возможно было реализовать лишь с помощью крупногабаритного орудия, отличающегося значительным весом и высокой твердостью лезвия. Подобным требованиям отвечала мотыга из Заманкульского кургана, но мотыга из Галюгая явно не соответствовала им. находка столь ценного, но крайне легкого по весу и недостаточно твердого инструмента в пределах площади жилища заставляет задуматься, не мог ли он быть объектом культа? О возвышении культовой значимости мотыги можно судить по тексту шумерийского мифа «О мотыга, мотыга, мотыга» (*Спор мотыги с плугом*) (*Kramer*, 1944. Р. 51–53; *Jacobsen*, 1946. Р. 134–137). В этом мифе повествуется о том, что мотыгу сделал сам бог-творец Энлиль в момент создания мира. Он возвысил значение мотыги, изготовив ее из золота и использовал для отделения земли от неба. Культовая ценность

шумерийской мотыги подчеркивается и тем, что она находится под контролем особого административного лица и хранится под присмотром в его доме. Нельзя ли считать жилище Галюгая I, в котором найдена майкопская мотыга, домом такого «надзирателя» над этим орудием и одновременно культового лидера майкопцев², о котором упоминает более поздний шумерийский миф? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос, но можно с определенной долей вероятности предположить, что дом в Галюгаевском I поселении служил местом поклонения мотыге.

ЛИТЕРАТУРА

- Галибин В. А.*, 1991. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 59–69.
- Иессен А. А.*, 1950. К хронологии больших кубанских курганов // СА. Вып. XII. С. 157–200.
- Корневский С. Н.*, 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА. № 3. С. 14–32.
- Корневский С. Н.*, 1995. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН. 188 с.
- Корневский С. Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии). М.: Наука. 243 с.
- Корневский С. Н.*, 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сб. к 80-летию чл.-корр. РАН проф. Р. М. Мунчаева / Отв. ред. Н. Я. Мерперт, С. Н. Корневский. М.: Таус. С. 71–122.
- Корневский С. Н.*, 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 335 с.
- Корневский С. Н., Ростунов В. Л.*, 2004. Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 148–167.
- Ловпаче Н. Г.*, 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории. С. 16–64.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.
- Мунчаев Р. М.*, 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред. К. Х. Кушнарёва, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 158–225.
- Основы этнологии...*, 2007. Основы этнологии: учебное пособие / Ред. В. В. Пименов. М.: МГУ. 696 с.
- От начала...*, 1997. От начала начал: антология шумерской поэзии / Ред. В. К. Афанасьева. СПб.: Петербургское востоковедение. 496 с.
- ОАК...*, 1900. Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб. 192 с.
- Папахристу О. А.*, 2010. Литейные формы из мастерской столичного Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации: Сб. к 80-летию В. И. Сариниди / Отв. ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. СПб.: Алетейя. С. 265–284.
- Равич И. Г., Рындина Н. В.*, 2013. Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа (особенности состава, способов получения, технологии) // КСИА. Вып. 230. С. 84–98.
- Рындина Н. В., Равич И. Г.*, 2013. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. Вып. 3. М.: Таус. С. 89–110.

² Подобное предположение высказал ранее С. Н. Корневский при обсуждении результатов анализа мотыги.

- Рындина Н. В., Равич И. Г.*, 2014. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рожд. и пам. Н. Я. Мерперта / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 135–154.
- Рысин М. Б.*, 2012. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая типология) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. С. 107–113.
- Селимханов И. Р.*, 1960. Историко-химическое и аналитическое исследование древних предметов из медных сплавов / Отв. ред. М. А. Кашкай, В. А. Пазухин. Баку: АН Азербайджанской ССР. 183 с.
- Черных Е. Н.*, 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы / Отв. ред. Б. А. Колчин, А. А. Формозов. М.: Наука. 143 с.
- Jacobsen T.*, 1946. Sumerian Mythology: A Review Article // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 5. No. 2. Chicago: University of Chicago Press. P. 128–152.
- Kramer S. N.*, 1944. Sumerian Mythology. Philadelphia: American Philosophical Society: University of Pennsylvania Press. 130 p.
- Majidzadeh Y.*, 1979. An early prehistoric coppersmith workshop at Tape Ghabristan // Akten des VII Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie. Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 6. P. 82–92.
- Pigott V. C.*, 1999. A heartland of metallurgy. Neolithic and chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // The Beginnings of Metallurgy / Eds A. Hauptmann, E. Pernicka, T. Rehren, Ü. Yalçin. Bochum: Bochum Bergbau Museum. P. 107–120. (Der Anschnitt; Beiheft 9.)
- Yule P.*, 1982. Tepe Hissar: Neolithische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran. München: Beck. 45 p. (Materialien Zur Allgemeinen Und Vergleichenden Archäologie; Bd. 14).

Сведения об авторах.

Рындина Наталия Вадимовна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27/4, Москва, 119992, Россия; e-mail: archaeologysu@gmail.com;

Равич Ирина Григорьевна, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, ул. Гастелло, 44, Москва, 107114, Россия; e-mail: ravich41@mail.ru.

N. V. Ryndina, I. G. Ravich

New data on production technology of bronze hoes
in the North Caucasus Maikop culture

Abstract. The collection of 152 Maikop bronze items, which were previously examined with the help of contemporary metallography methods, includes two shaft-hole hoes that stand apart from other items due to distinctive features of their production processes. One hoe was found at Galyugai I settlement; the other was uncovered in grave 70 of kurgan 1 near the village of Zamankul (Fig. 1). Both hoes were subjected to thorough visual and microstructural analyses in the laboratory of the Archaeology Chair in Moscow State University. The results of the analyses enabled the scholars to assess not only the production technology but also specific features of their use. The technological cycle of hoe production included casting blanks in bivalve clay moulds with a flat top and their subsequent reworking with hammering. The final hammering of the items is worth noting

as the hardening of the blade was used only in forming the hoe from Zamankul (see differences in microstructure in Fig. 3). This observation implies that such a tool was, probably, used both in agrarian and construction works. Low hardness of the blade and a small weight of the hoe from Galyugai I suggest that it was used for ceremonial and ritual purposes.

Keywords: Maikop culture, collection of bronze items, shaft-hole hoes, metal composition, production technology.

REFERENCES

- Chernykh E. N., 1966. Istoriya drevneyshey metallurgii Vostochnoy Evropy [History of earliest metallurgy of Eastern Europe]. B. A. Kolchin, A. A. Formozov, eds. Moscow: Nauka. 143 p.
- Galibin V. A., 1991. Osobennosti sostava nakhodok iz tsvetnogo i blagorodnogo metalla iz pamyatnikov Severnogo Kavkaza epokhi ranney i sredney bronzy [Specifics of composition of finds made of non-ferrous and noble metal from North Caucasus' sites of Early and Middle Bronze Age]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya* [Ancient cultures of Kuban' region]. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 59–69.
- Iessen A. A., 1950. K khronologii bol'shikh kubanskikh kurganov [On chronology of Kuban' big kurgans]. *SA*, 12, pp. 157–200.
- Jacobsen T., 1946. Sumerian Mythology: A Review Article. *Journal of Near Eastern Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 128–152.
- Korenevskiy S. N., 1974. O metallicheskih toporakh maikopskoy kul'tury [On metal axes of Maikop culture]. *SA*, 3, pp. 14–32.
- Korenevskiy S. N., 1995. Galyugay I – poselenie maikopskoy kul'tury [Galyugay I – settlement of Maikop culture]. Moscow: koordinatsionno-metodicheskiy tsentr prikladnoy etnografii IEA RAN. 188 p.
- Korenevskiy S. N., 2004. Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya (maikopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrenney tipologii) [Earliest farmers and cattle-breeders of North Caucasus piedmont (Maikop-Novosvobodnaya entity, problems of internal typology)]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Korenevskiy S. N., 2008. Sovremennye problemy izucheniya maikopskoy kul'tury [Actual problems of Maikop culture studies]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu chlenakorrespondenta Rossiyskoy akademii nauk professora R. M. Munchaeva* [Archaeology of Caucasus and Near East: toward 80th anniversary of corresponding member of RAS Prof. R. M. Munchaev]. N. Ya. Merpert, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 71–122.
- Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of North Caucasus piedmont. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 335 p.
- Korenevskiy S. N., Rostunov V. L., 2004. Bol'shie kurgany maikopskoy kul'tury u s. Zamankul v Severnoy Osetii [Big kurgans of Maikop culture near village Zamankul in North Ossetia]. *Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii* [Monuments of archaeology ancient art of Eurasia]. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 148–167.
- Kramer S. N., 1944. Sumerian Mythology. Philadelphia: American Philosophical Society: University of Pennsylvania Press. 130 p.
- Lovpache N. G., 1985. Mogil'niki v ust'e reki Psekupsa [Cemeteries in Psekups River estuary]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Problems of archaeology of Adygei]. N. V. Anfimov, ed. Maikop: Adygeyskiy Nauchno-issledovatel'skiy institut ekonomiki, yazyka, literatury i istorii, pp. 16–64.
- Majidzadeh Y., 1979. An early prehistoric coppersmith workshop at Tape Ghabristan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 6. *Akten des VII Internationalen Kongressus für Iranische Kunst und Archäologie*, pp. 82–92.
- Munchaev R. M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [Caucasus at dawn of Bronze Age]. Moscow: Nauka. 415 p.

- Munchaev R. M., 1994. Maikopskaya kul'tura [Maikop culture]. *Arkheologiya. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza [Archaeology. Bronze Age of Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Ages of Caucasus]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 158–225.
- Osnovy etnologii..., 2007 – Osnovy etnologii: uchebnoe posobie [Foundations of ethnology: manual]. V. V. Pimenov, ed. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 696 p.
- Ot nachala..., 1997 – Ot nachala nachal: antologiya shumerskoy poezii [From the very beginnings: anthology of Sumerian poetry]. V. K. Afanas'eva, ed. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 496 p.
- OAK..., 1900 – Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1897 god [Report of Imperial Archaeological Commission for 1897]. St. Petersburg. 192 p.
- Papakhristu O. A., 2010. Liteanye formy iz masterskoy stolichnogo Gonura (predvaritel'noe soobshchenie) [Casting moulds from workshop in capital site Gonur (preliminary information)]. *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik k 80-letiyu V. I. Sarianidi [On way of discovery of civilization: toward 80th anniversary of V. I. Sarianidi]*. P. M. Kozhin, M. F. Kosarev, N. A. Dubova, eds. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 265–284.
- Pigott V. C., 1999. A heartland of metallurgy. Neolithic and Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau. *The Beginnings of Metallurgy*. A. Hauptmann, ed. Bochum: Bochum Bergbau Museum. P. 107–120. (Der Anschnitt. Beiheft, 9).
- Ravich I. G., Ryndina N. V., 2013. Mysh'yakovo-nikelevye bronzy maikopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza (osobennosti sostava, sposobov polucheniya, tekhnologii) [Arsenic-nickel bronzes of Maikop culture of North Caucasus (specifics of composition, production modes, technology)]. *KSIA*, 230, pp. 84–98.
- Ryndina N. V., Ravich I. G., 2013. Metall maikopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza v svete analiticheskikh issledovaniy [Metal of Maikop culture of North Caucasus in light of analytical investigations]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural sciences]*, 3. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 89–110.
- Ryndina N. V., Ravich I. G., 2014. Obshchee i osobnoe v tekhnologii metalloproduktov maikopskikh plemen Severnogo Kavkaza [General and special in technology of metal production of Maikop tribes of North Caucasus]. *Drevnie kul'tury Yugo-Vostochnoy Evropy i Zapadnoy Azii: sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya i pamyati N. Ya. Merperta [Ancient cultures of South-Eastern Europe and Western Asia: toward 90th anniversary and in memory of N. Ya. Merpert]*. R. M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 135–154.
- Rysin M. B., 2012. Problemy khronologii i periodizatsii maikopskikh pamyatnikov Severnogo Kavkaza (radiokarbonnye datirovki i traditsionnaya arkheologicheskaya tipologiya) [Problems of chronology and periodization of North Caucasus Maikop sites (radiocarbon datings and traditional archaeological typology)]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy konferentsii k 110-letiyu M. P. Gryaznova [Cultures of Eurasian steppes and their interaction with early civilizations: proceedings of conference toward 110th anniversary of M. P. Gryaznov]*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 107–113.
- Selimkhanov I. R., 1960. Istoriko-khimicheskoe i analiticheskoe issledovanie drevnikh predmetov iz mednykh splavov [Historical-chemical and analytical investigation of ancient artefacts made of copper alloys]. M. A. Kashkay, V. A. Pazuikhin, eds. Baku: AN Azerbaijan Soviet Socialist Republic. 183 p.
- Yule P., 1982. Tepe Hissar: Neolithische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran. München: Beck. 45 p. (Materialien Zur Allgemeinen Und Vergleichenden Archäologie, 14).

About the authors.

Ryndina Natalia V., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: archaeologymosu@gmail.com;

Ravich Irina G., State scientific research Institute for restoration, ul. Gastello, 44, Moscow, Russian Federation; e-mail: ravich41@mail.ru.

А. Н. Гей, А. А. Клещенко

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА АРПАЧИНСКИЙ III НА НИЖНЕМ ДОНУ

Резюме. В работе публикуются материалы из спасательных раскопок кургана эпохи бронзы на Левобережье Нижнего Дона, проведенных в 2013 г. в связи со строительством трубопровода «Южный поток». Первичная насыпь кургана возведена над захоронением донского варианта древнейшей культурно-исторической общности. Позднее в него было впушено 3 раннекатакомбных погребения с интересными особенностями в обряде (расчленение костяков), сопровождавшихся досыпкой насыпи. К эпохе средней бронзы относятся и 3 позднейших захоронения, наиболее выразительное из них типично для западноманычской катакомбной культуры. Интерес представляют результаты радиоуглеродного датирования, полностью подтверждающие зафиксированную стратиграфическую последовательность комплексов и показывающие достаточно ранний возраст (последняя треть IV тыс. до н. э.) первичного захоронения, сходного по обрядовым показателям с группой, которую принято относить к позднему этапу ямной культуры.

Ключевые слова: Нижний Дон, курган, эпоха бронзы, ямная культура, катакомбная культура.

В 2013 г. Южная экспедиция ИА РАН провела раскопки кургана № 1 могильника Арпачинский III, расположенного в Багаевском районе Ростовской области, в пойме р. Дон – в 2,6 км к западу-юго-западу от хутора Арпачин (рис. 1, I). Исследованный курган входил в группу из трех насыпей (рис. 1, II), обозначенную в списках памятников Ростовской области как Арпачин III. В действительности, он является одним из немногих нераскопанных курганов известного большого могильника Арпачин II, исследовавшегося Донской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством И. С. Каменецкого еще в 1975 г. В то время памятник включал 45 насыпей, а раскопанная нами и представленная в статье значилась под номером 15 и входила в южную, удаленную от реки цепочку.

Причина, по которой курган не подвергся раскопкам в то время, выяснилась почти сразу в начале работ. Центр кургана № 1 был разрушен большой ямой ското могильника, имевшей размеры 6 × 6 м и глубину до 3,5 м. Полы были сильно опуханы, в связи с чем насыпь имела форму уплощенного конуса с воронкой

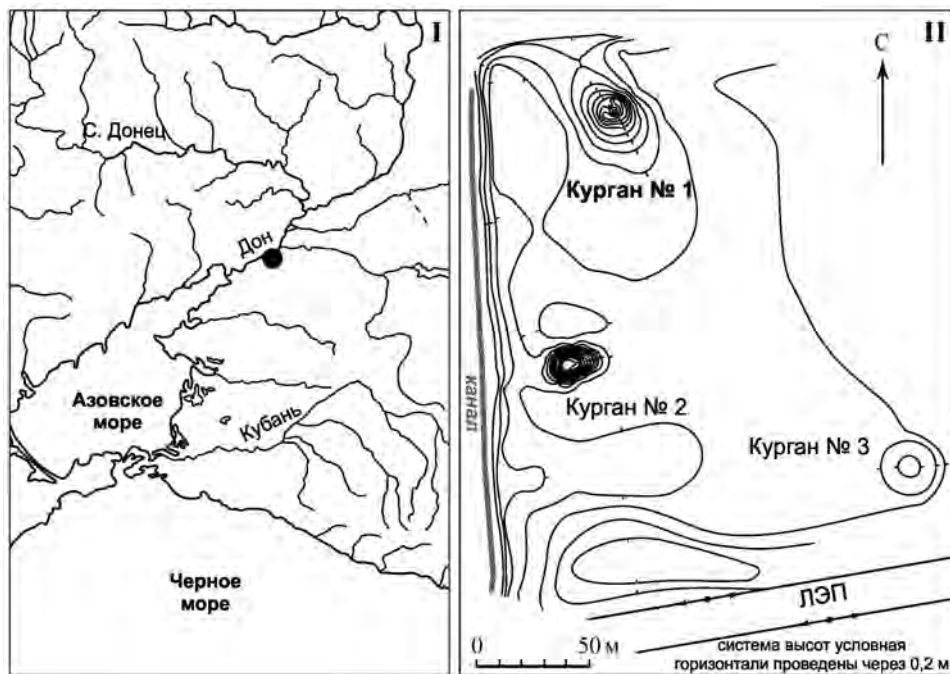

Рис. 1. Арпачинский III. Местоположение (I) и план (II) могильника

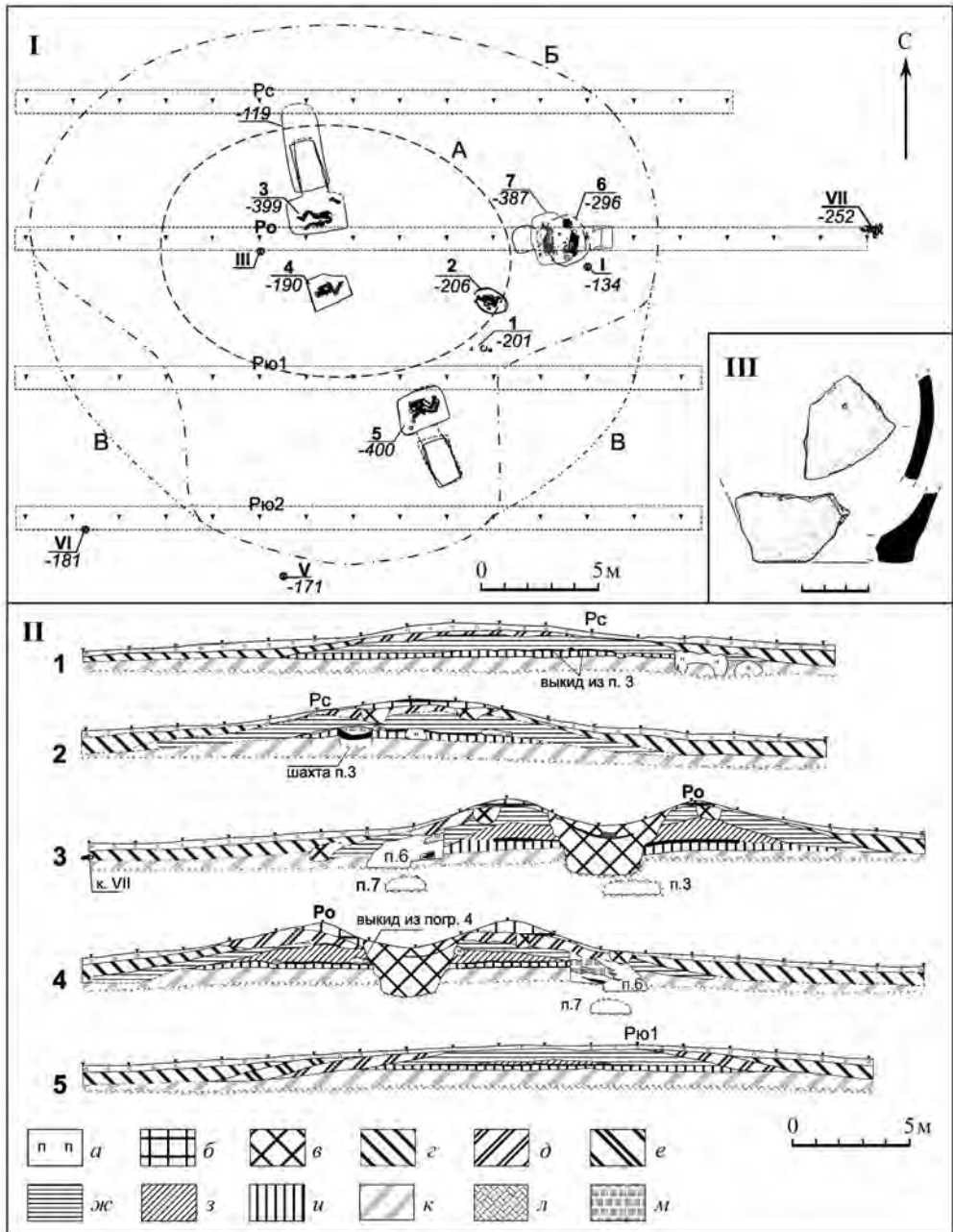
в центре. В плане курган был вытянут по линии север – юг и имел размеры 40×36 м. Высота насыпи с отвалами скотомогильника достигала 1,8 м.

В результате исследований профилей бровок (рис. 2, II) было установлено, что курган насыпался в два приема. Первая его насыпь была сделана над погребением № 4 и состояла из серо-коричневого гумусированного суглинка. Насыпь была растянута по линии запад – восток. Реконструируемые ее размеры составили 11×14 м, высота не превышала 1,2 м. Вторая насыпь, полностью перекрывающая первую, была сооружена над погребением 3 из светлого серо-коричневого суглинка с включением материковой глины и карбонатов. Реконструируемый ее диаметр – 27 м. Высота над уровнем погребенной почвы – порядка 1,5–2 м. Всего в результате исследований в кургане было обнаружено семь отдельных комплексов и семь погребений (рис. 2, I).

Комплексы были представлены отдельными костями и целыми костяками животных: КРС, МРС, лошадей и свиней¹ (II, IV–VII), обломками железного предмета (удил?) (I) и фрагментом донца лепного сосуда, предположительно, срубной культуры (III) (рис. 2, III).

Погребение 1 (впускное во 2-ю насыпь) было открыто в 10,3 м к востоку-юго-востоку от условного центра кургана на уровне древнего горизонта

¹ Все палеозоологические определения сделаны к. б. н. Е. В. Добровольской.

(рис. 2, *I*; 3, *Л*). Погребение сильно пострадало от работы техники. Форма сооружения не установлена. От погребения подростка (антропологические определения выполнены сотрудником МАЭ РАН к. и. н. А. А. Казарницким) сохранились только диафизы двух параллельно лежавших трубчатых костей, ориентированных по линии север – юг, а также одна из фаланг руки. Поза и ориентировка точно не определяются. Можно предположить широтную в целом ориентировку и скорченное положение скелета.

К востоку от этих останков находились развалы двух лепных сосудов.

От одного сосуда остался только придонная часть (рис. 3, *I–I*). Поверхности его шероховатые, внешняя – со следами вертикальных расчесов; в тесте примесь светлой дресвы и песка; обжиг плохой; черепок в изломе черный, внешняя поверхность – светло-коричневая.

Второй был установлен сверху дном и представлял собой небольшую чашечку закрытого типа (рис. 3, *I–2*), орнаментированную по краю венчика косыми прочерченными насечками, а по верхней части тулова – двумя горизонтальными прочерченными линиями, разделенными небольшими глубокими круглыми вдавлениями. От них спускаются еще три косых линии с вдавлениями между ними. Качество теста и обжига идентичны первому сосуду.

Погребение 2 (впускное во 2-ю насыпь) было обнаружено в 9,7 м к востоку-юго-востоку от условного центра кургана на уровне древнего горизонта (рис. 2, *I*; 3, *Л*). Придонная часть погребальной ямы или камеры катакомбы имела правильные овальные очертания, размеры 1,60 × 1,05 м и была ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Стенки сохранились на высоту до 0,10 м, переход их ко дну был плавно скруглен.

Скелет женщины 40–45 лет был уложен по длинной оси ямы в скорченном положении строго на правом боку и ориентирован головой на запад-северо-запад. Череп находился на органической подушке. Левая рука была согнута в локте, кисть ее с вытянутыми пальцами лежала ладонью вниз на левом бедре. Правая рука была вытянута и направлена к левому колену, кисть ее находилась на ребре, тыльной стороной вперед с подогнутыми пальцами.

Под скелетом и на дне были отмечены пятна черно-коричневого органического тлена. На нем в ряде мест были видны пятна красной охры: сплошное пятно шло от правого плеча под обоими сосудами и уходило под правую кисть и оба коленных сустава; менее интенсивные пятна охры находились за спиной

Рис. 2. Арпачинский III. Курган 1. Общий план и чертежи бровок

I – общий план: *A* – границы 1-й насыпи; *B*, *B* – зафиксированная и реконструируемая границы 2-й насыпи

II – чертежи бровок: северная бровка: *1* – северный профиль; *2* – южный профиль; центральная бровка: *3* – северный профиль; *4* – южный профиль; 1-я южная бровка: *5* – северный профиль

Условные обозначения: *a* – пашня; *b* – грабительский отвал; *в* – перекоп; *г* – темно-серый суглинок; *д* – серо-коричневый суглинок; *е* – коричневый суглинок; *ж* – серо-коричневый суглинок с карбонатами (2-я насыпь); *з* – серо-коричневый гумусированный суглинок (1-я насыпь); *и* – погребенная почва; *к* – предматерик; *л* – материк; *м* – линзы материкового суглинка

III – фрагменты сосуда из насыпи (компл. III)

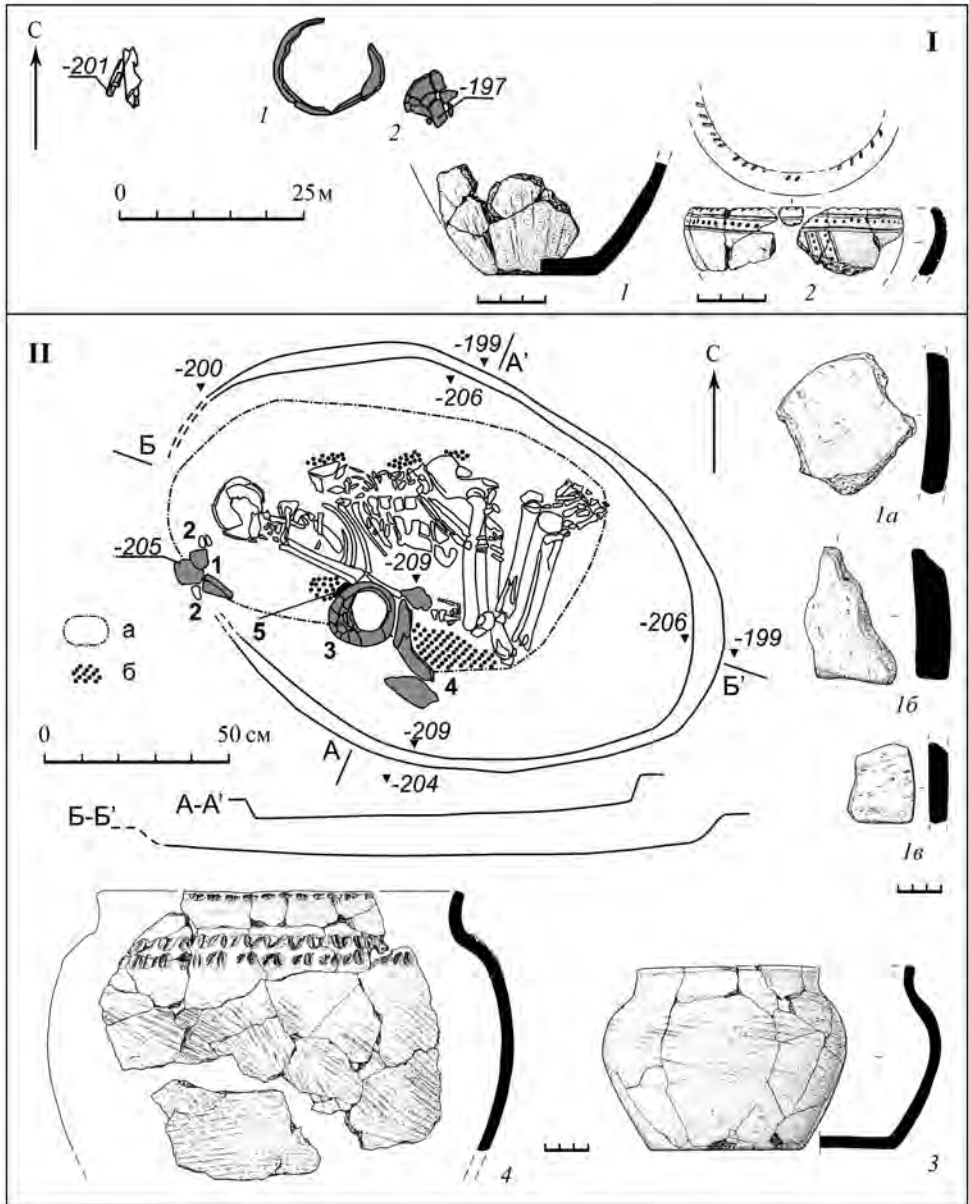

Рис. 3. Арпачинский III. Курган 1. Погребения 1 и 2

I – погребение 1: 1, 2 – лепные сосуды

II – погребение 2: 1а–в – фрагменты кружалных (?) сосудов; 2 – раковины-перловицы; 3, 4 – лепные сосуды; 5 – ком охры; условные обозначения: а – границы подстилки, б – охра

скелета; отдельные крупинки, образующие полосу, просматривались сзади черепа и плечевого пояса. Кроме того, прослойка коричневого, слабо окрашенного охрой тлена заходила поверх кости, что, возможно, указывает на наличие одежды или покрывала. Слабые следы розовой охры присутствовали и на костях стоп.

У черепа погребенной находился «культовый набор», включавший две необработанных створки речной раковины-перловицы (рис. 3, II–2) и лежавшие между ними три фрагмента стенок от двух оранжевоглиняных кружалных (?) сосудов отличного обжига с пачкающейся поверхностью (рис. 3, II–1). Черепки имели следы сильной сглаженности, в некоторых местах – до блеска, что может являться следствием трения при соприкосновении со сравнительно мягким материалом.

У правого локтя находился крупный, до 5 см в поперечнике, шарообразный ком рыхлой красной охры (рис. 3, II–5). Впритык к нему стоял лепной черноглиняный плохого обжига горшок (рис. 3, II–3) с густым сажистым нагаром на поверхности. Горшок имел сплюснутый яйцевидный корпус, выраженное плечико, низкий и слегка отогнутый наружу венчик с плоским срезом. На обеих поверхностях имелись горизонтальные расчески. В тесте – незначительная примесь дресвы.

С восточной стороны к сосуду примыкала стоявшая на ребре венчиком вниз жаровня (рис. 3, II–4) из верхней части лепного черноглиняного горшка среднего обжига, также имевшая следы густого сажистого нагара. Горшок имел шаровидное тулово, выраженное плечико, низкий и слегка отогнутый наружу венчик с плоским срезом. По плечу был нанесен орнамент в виде двух горизонтальных рядов пальцевых зацепов, а у самого края венчика проходил ряд вдавлений небольшого гребенчатого штампа. Поверхности имели следы горизонтальных глубоких расчесов и были хорошо заглажены, местами – до блеска. В тесте – незначительная примесь светлой дресвы и шамота.

Погребение 3 (основное для 2-й насыпи) обнаружено в 4 м к северо-северо-востоку от центра кургана (привязка к центру входной шахты) и представляло собой катакомбу (рис. 2, I; 4, I). Судя по профилям северной бровки, это захоронение было впущено в северную полу первичной насыпи с последующей досыпкой, законсервировавшей материковый выкид из погребального сооружения. Однако при промежуточной зачистке подпрямоугольный контур верхней части входной шахты был прослежен с глубины 1,2 м от вершины кургана, т. е. уже в толще второй насыпи. В плане он имел размеры 3,4 × 5 м с ориентацией север – юг с небольшим отклонением к западу. Согласно этим наблюдениям, после совершения погребения 3 и досыпки над ним произошло повторное проникновение в уже существовавшее погребальное сооружение, возможно, с целью подзахоронения одного из двух зафиксированных в камере погребенных.

Нижняя часть входной шахты имела прямоугольную форму и была ориентирована по направлению север – юг с небольшим отклонением к западу. Размеры ее – 2,25 × 1,12 м. Северная стенка имела небольшой отрицательный уклон, западная и восточная – практически отвесные, южная не зафиксирована из-за рухнувшего свода дромоса и камеры. Поверхности западной и восточной стенок имели горизонтально направленную волнистость. На высоте 0,3–0,4 м от дна

шахты в восточной стенке обнаружены горизонтально направленные остатки обугленного дерева длиной 0,25 м. Дно шахты имело постоянный уклон, увеличивающийся к входу в камеру. Перепад высоты составлял 0,5 м.

Из-за обрушения свода границы погребальной камеры удалось проследить лишь у самого дна (на глубине 4 м от вершины кургана). Она была ориентирована длинной осью по линии запад – восток с небольшим отклонением на север, т. е. четко перпендикулярно длинной оси входной шахты. Ровное плоское дно было слегка наклонено к востоку. Размеры камеры – 2,5 × 1,6 м.

По длинной оси камеры со сдвигом к дальней южной ее стенке были помещены останки двух погребенных, ориентированных головами в восточном направлении.

Скелет «А» (северный) принадлежал женщине 35–45 лет. Захоронение было совершено в слабоскорченном положении на спине, с небольшим наклоном туловища вправо. Была отмечена стиснутость скелета, заметная прежде всего по грудной клетке и плечевому поясу. Череп покоился на основании, грудная клетка и таз были несколько наклонены вправо. Левая рука была прижата к ребрам и согнута в локте, кисть ее лежала на лобковой кости. Плечевая кость правой руки была так же прижата к ребрам. От правого предплечья сохранилась только лучевая, которая без всякой связи с плечевой находилась внутри правой стороны грудной клетки. Ноги погребенной были изначально уложены коленями вправо.

Скелет «Б» (южный) принадлежал мужчине 30–35 лет и имел все признаки вторичного захоронения: кости имели черный цвет, что могло свидетельствовать о длительном хранении останков перед погребением. Ориентировка скелета была той же, что у скелета «А», но степень скорченности крайне незначительная.

Грудная клетка, позвоночный столб и тазовые кости находились в сочлененном положении. Они были слегка наклонены вправо и производили впечатление стиснутости (пеленания). От черепа сохранился только крупный обломок черепной крышки, который лежал на месте грудины и был глубоко вдавлен внутрь грудной клетки. Кости рук отсутствовали совершенно. Кости ног не входили в суставные гнезда. Они лежали в слегка подогнутом положении. Кости стоп отсутствовали.

По всей площади дна камеры прослеживались следы черного тлена от подстилки. На черепе скелета «А» были отмечены следы оранжевой охры, а на его берцовых костях – пятна красной охры. Большое пятно красной охры, имевшее подквадратные очертания, было зафиксировано на подстилке справа от головы и правого плеча скелета «А». Кроме того, пятна красной охры проходили полосой от грудной клетки скелета «Б» в направлении юго-восточного угла камеры. Отдельные ее пятна были замечены и у середины восточной стенки камеры.

В северо-восточном углу камеры лежали несколько обугленных плашек, ориентированных по линии северо-восток – юго-запад. Их положение соответствует местам обнаружения сосудов в погребениях 5 и 7.

Погребение 4 (основное для 1-й насыпи кургана) было открыто в 3 м к юго-востоку от условного центра кургана (рис. 2, I; 4, II). Погребальная конструкция представляла собой яму прямоугольной формы с четкими углами, размерами

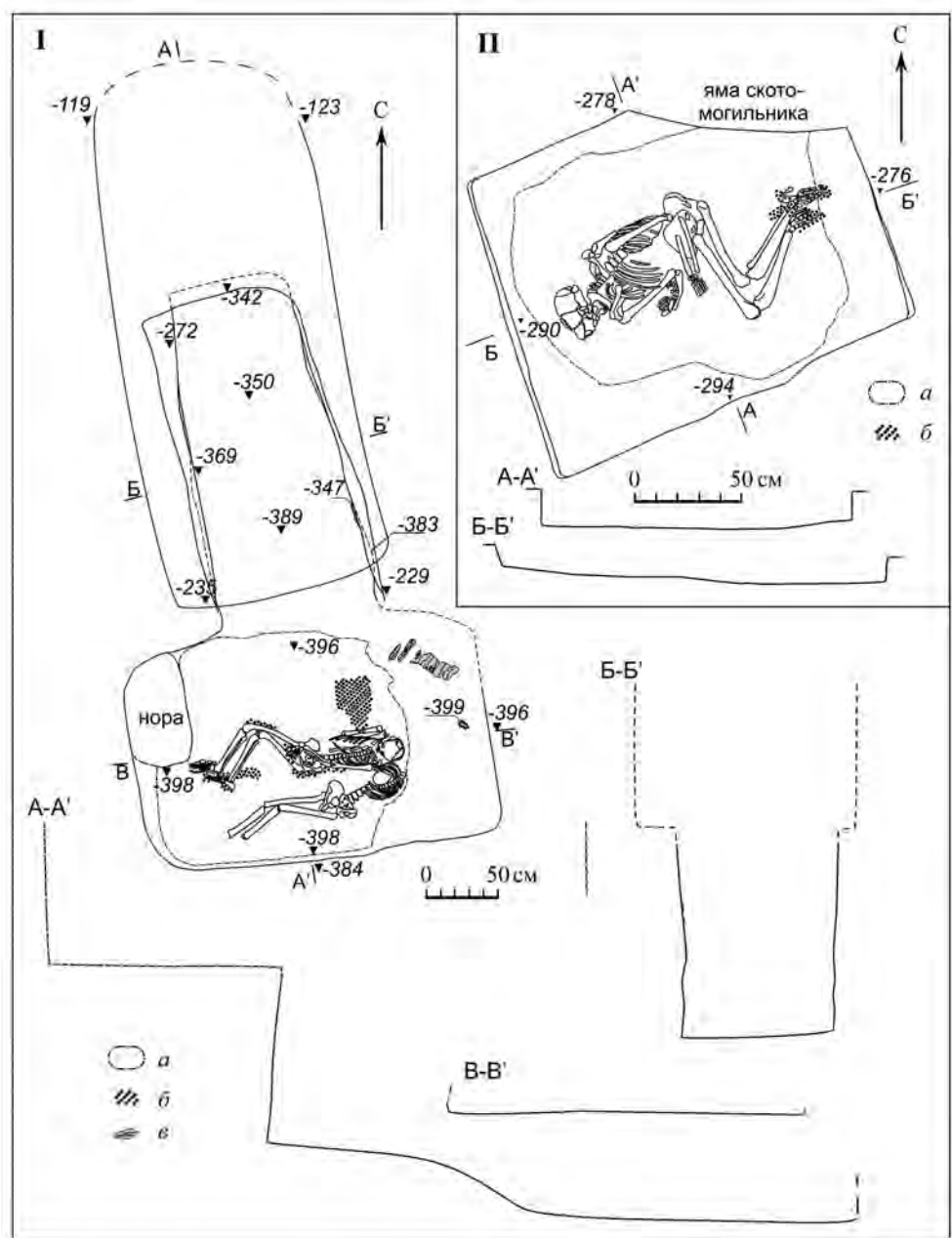

Рис. 4. Арпачинский III. Курган 1. Погребения 3 (I) и 4 (II)

Условные обозначения: а – границы подстилки; б – овра; в – обожженные деревянные плахи

1,85 × 1,35 м и ориентированную по длинной оси в направлении запад-юго-запад – восток-северо-восток. Вертикальные стенки были прослежены на высоту до 20 см, истинная же глубина от уровня древнего горизонта составляла около 1 м. Ровное дно ямы слегка понижалось к ногам погребенного. Северный угол был полностью срезан краем более глубокой ямы скотомогильника.

На дне ямы по длинной ее оси лежал скелет мужчины 35–45 лет в скорченном положении строго на правом боку, головой на запад-юго-запад. Локоть правой, сильно согнутой в локте руки был прижат к животу, а предплечье направлено вперед и вверх, так что дистальный конец его возвышался над дном ямы не менее чем на 15 см. Кисть первоначально находилась на своем месте, т. е. выше дна ямы и была отогнута в сторону тела, но при разложении мягких тканей кости ее сместились вниз. Такое неестественное положение руки объясняется прижизненной травмой – переломом костей правого предплечья, после которого они срослись под углом. Левая рука была уложена поверх тела и согнута в локте, кисть с подогнутыми пальцами была помещена ладонью вниз между правым локтем и бедренными костями.

Дно могильной ямы по всей площади было покрыто черным органическим тленом от подстилки с вкраплениями карбонатов и крупинок охры. Наиболее отчетливо красновато-коричневатый оттенок проступал вокруг черепа, немного бледнее – к северу от туловища или за спиной погребенного. Под черепом был обнаружен слой рыхлого черного тлена.

На костях легкий розоватый охристый налет был отмечен на черепе. Охрой также были окрашены кости стоп до щиколоток. Кроме того, пятно густой красной охры под стопами обрисовывало контуры как бы двух остроносых «башмаков» или «носков».

Погребение 5 (впускное во вторую насыпь) было открыто в 12 м к юго-востоку от условного центра кургана (привязка к центру входной ямы) и представляло собой катакомбу (рис. 2, I; 5). Первоначально на уровне 1,3 м от вершины кургана в толще насыпи 2 было обнаружено пятно заполнения северной части входной шахты в виде квадрата материковой глины размерами 0,8 × 0,8 м, ориентированное по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток. Целиком же пятно заполнения шахты было зафиксировано в толще предматерикового суглинка. Оно имело прямоугольные очертания и размеры 2 × 1,2 м. В верхней части заполнение представляло собой слоистую массу с направлением прослоек вниз – в сторону камеры катакомбы. Северная, восточная и южная стенки шахты имели небольшой отрицательный уклон, а западная – практически отвесная. Дно имело уклон в сторону камеры с перепадом высоты в 0,6 м. Свод дромоса просел в древности. Лишь в нижней его части была зафиксирована прослойка заполнения. Вдоль западной и восточной стенок шахты были оформлены небольшие уступчики высотой до 0,15 м и длиной до 1 м, подчеркивавшие ширину дромоса.

Свод погребальной камеры осел непосредственно на дно. В плане она имела прямоугольную форму с закругленными углами, размеры – 2,2 × 1,65 м, и длинной осью была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад.

На дне камеры в центральной ее части были помещены останки трех погребенных, уложенных условно головами на запад-юго-запад.

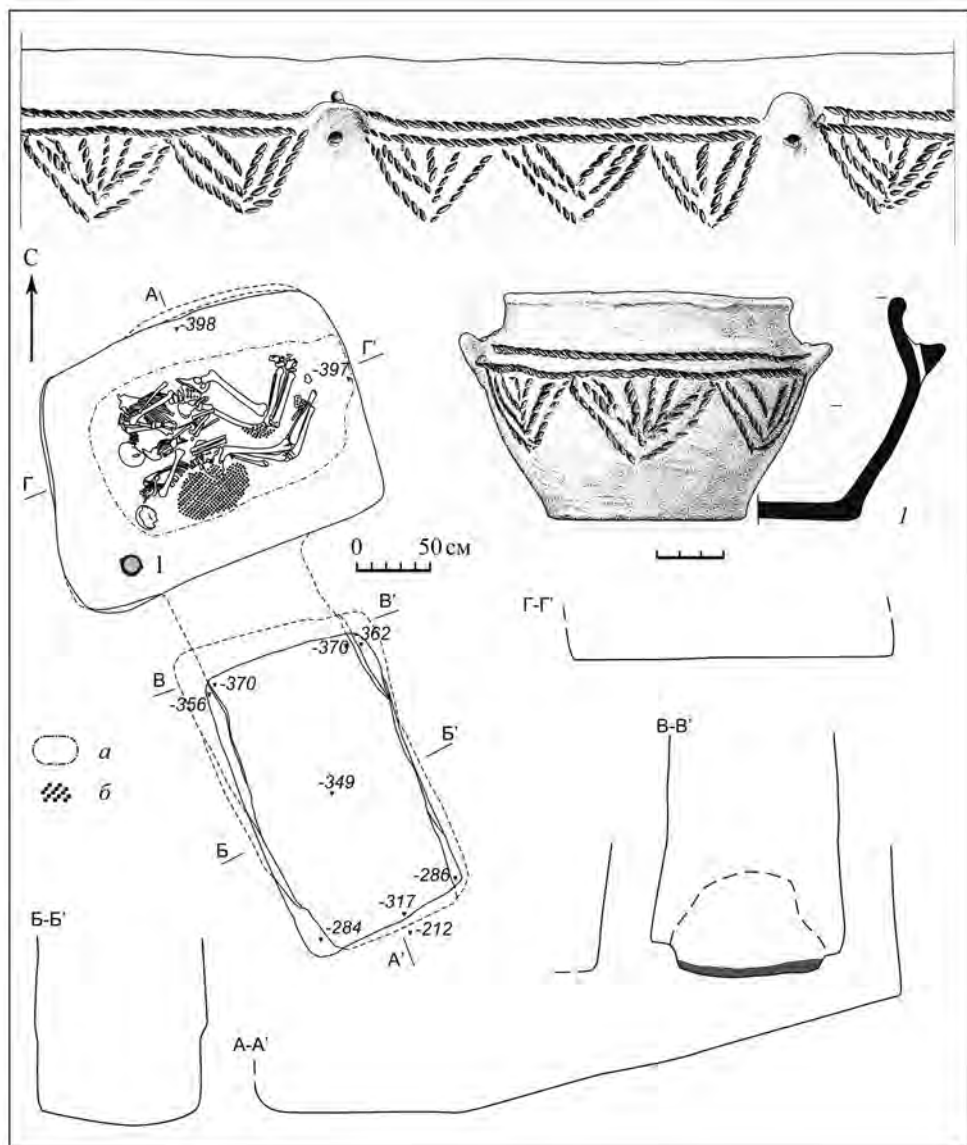

Рис. 5. Арпачинский III. Курган 1. Погребение 5

I – лепной сосуд; условные обозначения: *a* – границы подстилки; *б* – охра

Скелет «А», ближайший к входу, принадлежал мужчине 18–20 лет и находился в слабоскорченном положении на правом боку, но с многочисленными нарушениями, указывающими на укладку полуразложившегося трупа с элементами имитации целого скелета, а также на тугое пеленание тела в районе грудной клетки и таза. Череп находился вне связи с позвонками и был поврежден.

Черепная коробка лежала на боку, но верхняя челюсть была обращена вверх, а нижняя отсутствовала вовсе. Грудная клетка была предельно стиснута: ключицы смещены, шейные позвонки не стыковались с остальным позвоночным столбом. В тазовых костях нарушены сочленения. Левая рука имитировала положение поверх тела. При этом кости предплечья находились сзади тазовых костей, без сочленения с плечевой и друг с другом. Ноги погребенного были слабо скорчены и обращены коленями вправо. Перед бедренными костями задом наперед лежала локтевая кость правой руки, других ее частей не обнаружено. Стопа одной из ног была уложена параллельно берцовым костям, сзади них. Под ней находилось яркое и густое пятно охры.

Скелет «Б» принадлежал ребенку 4–6 лет. Кости его были сложены в виде длинного узкого «пакета» между туловищами взрослых индивидов «А» и «В». Раздавленный череп с нижней челюстью залегал в западной части «пакета». В средней части находились плечевые кости, ребра и участок позвоночного столба, причем концы их были вставлены прямо внутрь черепной коробки. Сверху они были прикрыты еще одним обломком черепа. К востоку от них лежала подвздошная кость, а еще далее – уложенные параллельно бедренные, берцовые и одна из плечевых костей, причем последняя – дистальным концом к западу.

Скелет «В», дальний от входа, принадлежал мужчине 25–30 лет и лежал в слабоскорченном положении на правом боку. Череп (без лицевого отдела и нижней челюсти) в сочленении с шейными позвонками был склонен на правый висок или направлен вперед так, что касался черепа скелета «Б». Грудная клетка сложилась таким образом, как будто первоначально опиралась на что-то спиной. Левая лопатка свободно отпала назад. В области рук и ног отмечалось рассогласование или нарушение всех суставных сочленений. Поверх грудной клетки вне сочленения друг с другом помещались плечевая и локтевая кости левой руки, уложенные параллельно. Тазовые кости были обращены вполоборота вправо, крестец был смещен. Ноги были подогнуты и обращены вправо. От стоп сохранились только пяточные и предплюсны.

Под всеми скелетами были расчищены остатки подстилки подпрямоугольной формы в виде слоя черного органического тлена.

На подстилке перед скелетом «А» находилось густое пятно вишнево-красной охры. Такая же охра была обнаружена на костях индивида «Б», а также на левой плечевой кости и поясничных позвонках скелета «В» и возле его правого бедра. Таким образом, полоса охры проходила поперек оси камеры поверх всех скелетов. Вкрапления и мелкие крупинки охры имелись так же на подстилке за головами погребенных и под скелетом «Б».

В юго-западном углу камеры стоял небольшой лепной двухчастный горшок (рис. 5, 1) с широким туловом и скругленным краем венчика. Он имел две небольшие симметричные горизонтально приплюснутые ручки с вертикальными отверстиями-проколами, проделанными снизу вверх. По плечикам сосуд был орнаментирован оттиском толстого шнура в виде пояса их двух горизонтальных линий с шестью свисающими заполненными треугольниками. Обжиг хороший; внешняя поверхность обожжена до светло-коричневого, местами оранжевого цвета; в тесте – незначительная примесь светлой дресвы и шамота.

Погребение 6 (впускное во 2-ю насыпь) было открыто в 12 м к востоку от условного центра кургана, в толще центральной бровки, и представляло собой катакомбу (рис. 2, I; 6, I). Точная форма шахты не восстанавливается, так как северный и южный ее края попали в раскопчные траншеи. Сохранившиеся размеры у дна составили порядка $1,4 \times 1,2$ м, широтной осью шахта была ориентирована строго по линии запад – восток.

Камера имела правильную овальную форму, размеры – $2,2 \times 1,8$ м, и была ориентирована длинной осью строго по линии север – юг. Свод первоначально имел купольную форму, но обрушился еще в древности. Камера погребения 6 была сделана непосредственно в толще осевшего свода камеры захоронения 7.

В камере параллельно ее длинной оси лежал скелет мужчины 45–55 лет в скорченном положении строго на правом боку и ориентировкой головой строго на север. Правая рука была вытянута, кисть была обращена ладонью вниз и зажата между бедренными костями. Левая рука была слегка согнута в локте, кисть ее с расправленными пальцами помещалась на левом бедре.

Под скелетом и непосредственно вокруг него на дне имелись слабые следы черного органического тлена с обильными меловыми вкраплениями. Между правой рукой и тазом, а также между бедренными и берцовыми костями отмечено пятно светло-коричневого с оранжевым оттенком органического тлена. Между правым предплечьем и коленями были зафиксированы несколько угольков.

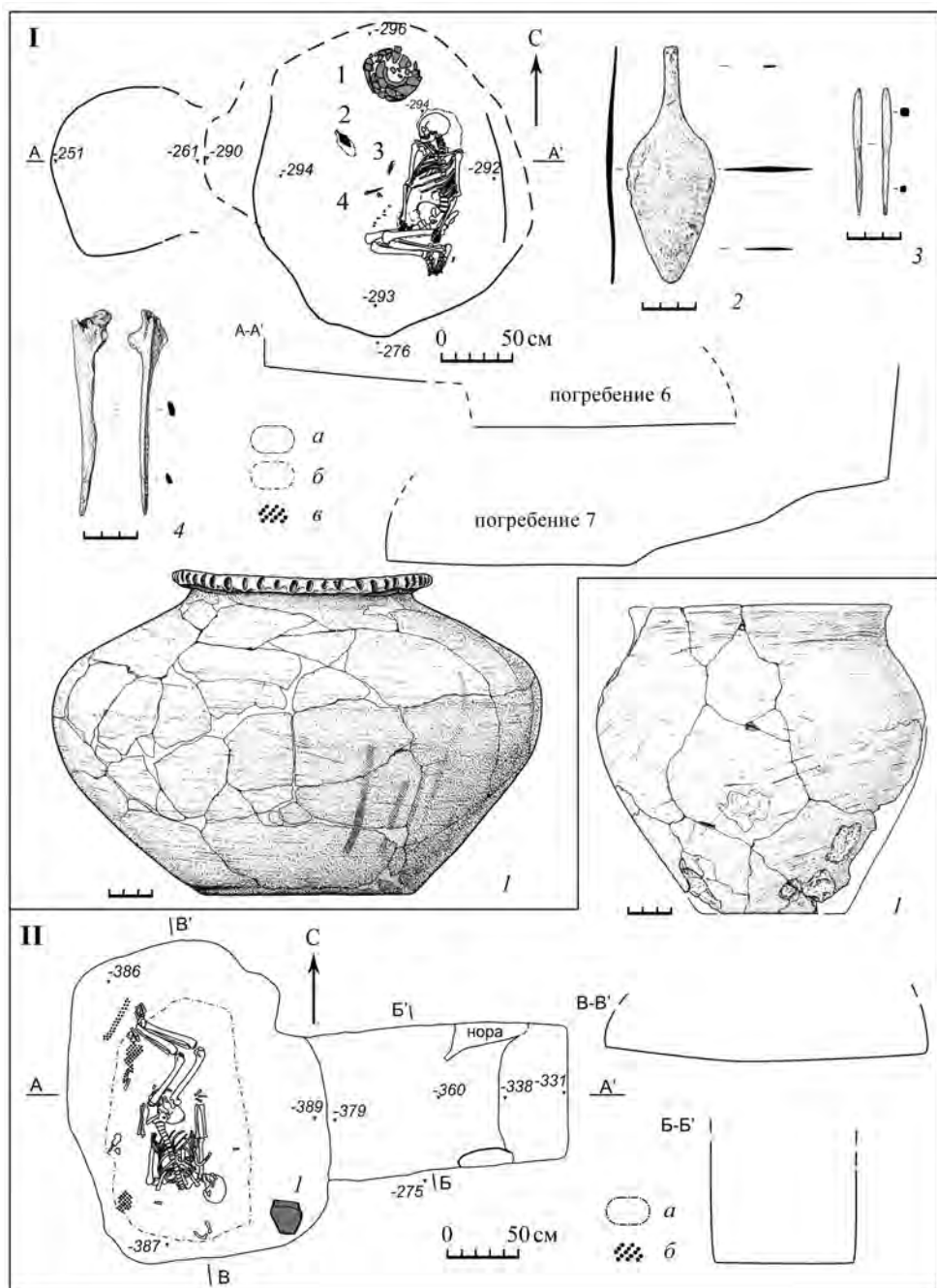
В северном конце камеры стоял лепной реповидный сосуд средних для этого типа посуды размеров (рис. 6, I–I) с расчлененным вертикальными насечками внешним краем массивного венчика. Поверхности были хорошо заглажены, местами – до блеска, и имели следы расчесов. Обжиг среднего качества; внешняя поверхность – светло-коричневая с серыми пятнами, черепок в изломе черный; в тесте – примесь светлой дресвы и шамота. По нижней части тулова видны следы вертикальных подтеков сероватого цвета. Внутри сосуда было желтое органическое вещество.

Перед правым плечом лежал бронзовый кованный черешковый листовидный нож (рис. 6, I–2), обращенный острием на юго-восток. Оба лезвия по всему краю (начиная с основания черенка) имеют следы проковки. Нож находился на толстом и рыхлом слое черного тлена, представлявшем законсервированные остатки черной подстилки.

У правой плечевой кости, параллельно ей, лежало бронзовое кованое шило (рис. 6, I–3), обращенное острием к ногам погребенного. Шило имело уступ при переходе от черенка к рабочей части. Под ним был зафиксирован тлен, аналогичный тлену под ножом. Несмотря на то, что типологически предмет относится к разновидности «стрекал», он был уложен таким образом, что никакого места для рукоятки не оставалось. Таким образом, атрибуция его именно в качестве шила бесспорна.

Чуть далее от правой руки погребенного лежала костяная проколка с заостренным концом, изготовленная из грифельной (?) косточки МРС (рис. 6, I–4), ориентированная острием на восток.

У острия проколки на подстилке имелось небольшое пятно красной охры.

Рентгено-флуоресцентный анализ металла ножа и шила, сделанный в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН В. Ю. Луньковым (№ ан. 50342 и 50341), показал незначительное содержание мышьяка в обоих предметах: 1,22 и 0,45 % соответственно, без существенных примесей других металлов.

Погребение 7 (впускное во 2-ю насыпь) было обнаружено в 14,5 м к востоку от условного центра кургана (привязка к центру входной шахты) в толще центральной бровки и представляло собой катакомбу (рис. 2, *I*; 6, *II*).

При выборке заполнения шахты были обнаружены фрагмент лепной керамики, а также несколько фрагментов костей взрослых особей МРС и лошади. Шахта имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Размеры ее в плане составляли 1,7 × 1 м. Дно через небольшой плавный уступ в восточной части постепенно понижалось к западной стенке. Переход в камеру был обозначен ступенькой высотой 0,1 м. Камера имела подпрямоугольную в плане форму и, предположительно, купольный свод, длинной осью была направлена строго по линии север – юг. Размеры ее – 2,2 × 1,7 м.

По длинной оси камеры с небольшим смещением к дальней стенке лежал скелет мужчины 35–45 лет в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину, с ориентировкой головой на юг.

Грудная клетка была развернута вполоборота вправо, верхняя ее часть вместе с черепом первоначально имели приподнятое положение. Череп лежал отдельно у правого плеча на правом виске лицом к северу. Нижняя челюсть лежала на средней части правой плечевой кости в перевернутом состоянии.

Тазовые кости залегали в положении «на спине» с небольшим наклоном вправо. Правая рука была вытянута в направлении колен. Смещенные со своих мест кости кисти первоначально находились ладонью вниз. Левая рука первоначально находилась поверх тела. Фаланги кисти ее сохранили положение на левом тазобедренном суставе. Длинные же кости завалились за спину. Обе ноги были подогнуты и обращены вправо. Вокруг черепа в придонной части заполнения было рассеяно несколько фаланг руки и обломок ребра.

Под скелетом и вокруг него дно покрывал черный органический тлен от подстилки подпрямоугольных очертаний. На ней были прослежены следы охры в виде налета и отдельных мелких крупинок. Наиболее отчетливо полоса красной охры, тянувшаяся с разрывами от стоп до плеча, просматривалась по краю подстилки за спиной погребенного. Сам скелет окрашен не был.

В юго-западном углу камеры была помещена жаровня с углями, изготовленная из продольной половины черноглиняного лепного горшка стройных пропорций (рис. 6, *II*). Обе поверхности имеют следы разнонаправленных расчесов, внешняя заглажена, местами – до блеска. Обжиг среднего качества; в тесте – примесь светлой дровсы.

Рис. 6. Арпачинский III. Курган 1. Погребения 6 и 7

I – погребение 6: 1 – лепной сосуд; 2 – бронзовый нож; 3 – бронзовое шило; 4 – костяная проколка; условные обозначения: *a* – границы черной подстилки; *b* – границы коричневой подстилки; *в* – охра

II – погребение 7: 1 – лепной сосуд; условные обозначения: *a* – границы подстилки; *b* – охра

Таким образом, первая насыпь кургана была возведена над безынвентарным захоронением № 4 донского варианта ямной общности, для которого характерна западная ориентация погребенных. К ней же принадлежала и большая часть основных захоронений, раскопанных в могильнике Арпачин II ранее. Интересно, что радиоуглеродная дата этого комплекса (табл. 1), позволяющая относить его к последней четверти IV тыс. до н. э. и говорить о заметном хронологическом разрыве между ним и последующими раннекатакомбными погребениями. Древнейшим из них является раннекатакомбное захоронение № 3, сопровождавшееся досыпкой насыпи 2. Можно предполагать, что с поверхности второй насыпи в катакомбу 3 было совершено повторное проникновение, связанное с подхоронением второго покойника. Раннекатакомбное погребение 5, близкое по основным обрядовым и конструктивным особенностям погребению 3, было впущено в противоположную южную полу уже второй насыпи. Последним из раннекатакомбных является погребение 7 в восточной поле кургана. К последнему этапу функционирования курганного кладбища относятся погребения № 1, 2, 6, наиболее выразительное из которых (№ 6) относится к западноманычской катакомбной культуре. Радиоуглеродная дата захоронения № 6 является по сути всего лишь вторым определением такого рода, полученным для комплексов западноманычской катакомбной культуры (табл. 1). Тем не менее, она оказалась близка первой дате, полученной по материалам Кудиновского могильника несколько десятилетий тому назад. находка керамики эпохи поздней бронзы в верхних слоях насыпи (комплекс III) не исключает возможности использования кургана и срубным населением.

Таблица 1. Радиоуглеродные определения материалов из погребений кургана 1 могильника Арпачинский III

комплекс	культура	шифр лаб.	дата C14 ВР	дата C14 BC cal
Арпачинский III 1/4	ямная	Poz-66346	4470 ± 35	3330–3091 (68,2%) 3341–3024 (95,4%)
Арпачинский III 1/5	раннекатакомб.	Poz-66348	4185 ± 35	2882–2698 (68,2%) 2891–2637 (95,4%)
Арпачинский III 1/6	западноманыч.	Poz-66347	3875 ± 35	2455–2297 (68,2%) 2468–2211 (95,4%)
Кудинов 2/6 (раскопки А. Н. Мелентьева)	западноманыч.	UCLA-1273	3860 ± 80	2470–2200 (68%) 2600–2000 (95%)

Сведения об авторах.

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru;

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru.

A. N. Gey, A. A. Kleshchenko

Studies of Arpachinsky III burial ground in the Lower Don region

Abstract. This is the publication of materials from rescue excavations of a Bronze Age kurgan located on the left bank of the Lower Don region conducted during construction of the South Stream pipeline. The primary mound of the kurgan was erected over the burial of the Don variant of the ancient Pit-Grave cultural and historic community. Subsequently three Early Catacomb secondary burials were made in this kurgan; these burials have interesting burial rite features such as dismemberment of the skeletons accompanied by the filling up of the mound. Three latest burials are dated to the Middle Bronze Age as well; the most impressive is the burial, typical for the West Manych Catacomb culture. Of interest are radiocarbon dating results, which fully confirm the stratigraphic sequence of the assemblages recorded and demonstrate a rather early age (the last third of 4000 BC) of the primary burial, stylistically similar to the group that is usually attributed to the late stage of the Pit-Grave culture.

Keywords: Lower Don region, kurgan, Bronze Age, Pit-Grave (Yamnaya) culture, Catacomb culture.

About the authors.

Gey Alexander N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru;

Kleshchenko Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru.

В. Е. Щелинский, А. С. Тесаков, В. В. Титов,
А. Н. Симакова, П. Д. Фролов, С. В. Куршаков

РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ СТОЯНКА КЕРМЕК В ЗАПАДНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Резюме. Новая раннепалеолитическая стоянка Кермек, расположенная в Западном Предкавказье, связана с хорошо изученной толщей аллювиально-прибрежно-морских отложений раннего плейстоцена (позднего куяльника). Эти отложения имеют обратную намагниченность и характеризуются пресноводными и солоновато-водными моллюсками (с *Dreissena theodori*) и фауной мелких млекопитающих (с *Allophaiomys deucalion*), что позволяет датировать стоянку поздним гелазием или ранним калабрием в диапазоне 2,1–1,8 млн л. н. Каменную индустрию стоянки можно определить как классический олдован. Вместе с тем она имеет местные отличительные особенности, которые проявляются прежде всего в наличие в ней признаков «продвинутой» технологии ашеля, таких как изготовление крупных отщепов и пиков. Вероятно, мы имеем дело с переходной индустрией от олдована (mode 1) к ашелю. Стоянка Кермек является самой древней раннепалеолитической стоянкой в Западной Евразии за пределами Кавказа.

Ключевые слова: стоянка Кермек, ранний плейстоцен, поздний куяльник, классический олдован/мод 1 с элементами ашеля, Западное Предкавказье, Южная Россия.

Стоянка Кермек была открыта В. Е. Щелинским в 2008 г. во время изучения раннеплейстоценовых отложений, обнажающихся в клифе таманского берега Азовского моря (цв. рис. 1: с. 419) (Щелинский, 2013а; Shchelinsky et al., 2010). В настоящее время получены предварительные данные ее комплексных исследований.

* Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 15-01-00049-а и РФФИ № 15-04-02079-а, 15-05-03958-а

1. Геологическая позиция, палеоэкология и возраст стоянки Кермек

Стоянка Кермек находится в 1 км к западу от поселка Пересыпь, в 500 м к северу от пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края, в 250 м к востоку от устья Синеи балки и в 200 м к западу от стоянки Родники 1 (координаты: N 45,21.45, E 37,06.19) (цв. рис. 1). Приурочена она к пологому северо-восточному крылу Тиздарской брахиантиклинали, ось которой располагается приблизительно в 3 км к западу. Стоянка связана со сложно построенной толщей плейстоценовых отложений, слагающих слабо наклоненную в сторону Синеи балки террасовидную структуру высотой около 20 м. Эта толща хорошо обнажается в береговом уступе Азовского моря на протяжении около 100 м (цв. рис. 1, Б). Состоит она из переслаивающихся хорошо отмытых светло-серых и желтых морских песков, гравийно-щебнистых горизонтов (пляжевые фации) и грезвулканических глин общей мощностью более 50 м. Большая часть толщи имеет моноклиналиное залегание, при этом слои круто наклонены в восточном направлении (азимут простирания 80–90°, угол падения 30–35°) (*Dodonov et al.*, 2008; *Pevzner et al.*, 1998; *Shchelinsky et al.*, 2010). Верх моноклиналиных слоев срезан водной эрозией и перекрыт пачкой субаквальных отложений мощностью около 3 м, предатленных внизу ожелезненными брекчиями с суглинисто-дресвяным заполнителем, переходящими выше в пестроцветные глины и покровные суглинки. Примечательно, что эти отложения залегают горизонтально и не имеют признаков тектонической деформации (рис. 2). В нижней части этой пачки отложений обнаружены фрагмент зуба *Mammuthus cf. chosaricus*, кости *Bison sp.* и нижняя челюсть *Equus cf. chosaricus*. Эта ассоциация млекопитающих характерна для хазарского фаунистического комплекса второй половины среднего плейстоцена.

Нижняя моноклиналиная часть разреза имеет раннеплейстоценовый возраст. Впервые она была исследована И. М. Губкиным и М. И. Варенцовым (1933), определившими ее позднекуляльницкий возраст. Однако подробное описание и изучение этой толщи проведены позднее сотрудниками Геологического института РАН (*Вангенгейм и др.*, 1991; *Тесаков и др.*, 1999; *Тесаков*, 2004). В ней была установлена следующая последовательность слоев (снизу вверх) (в скобках – мощность):

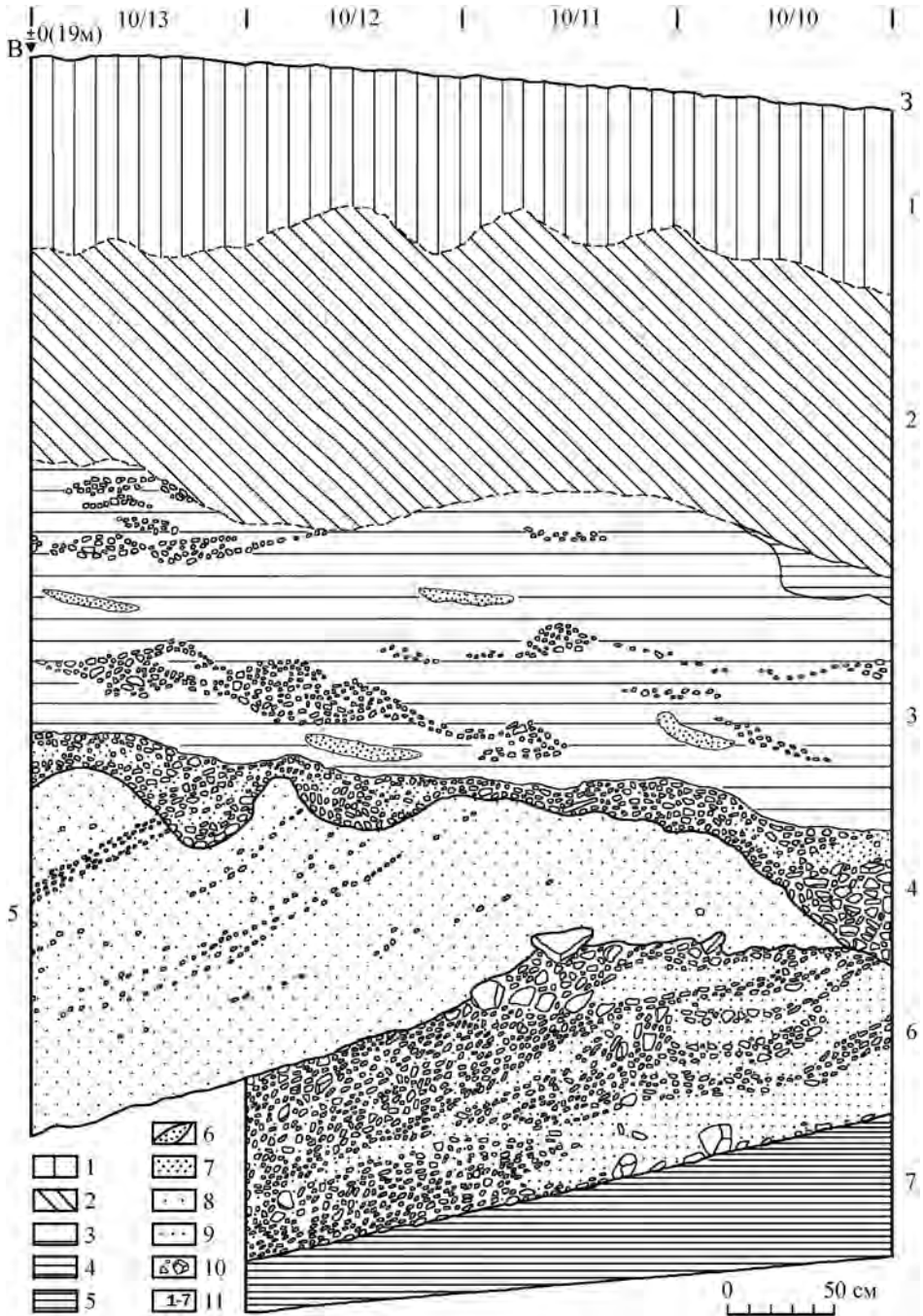
1. Илы и глины – голубовато-серые, песчаные, слоистые, содержат тонкостенные раковины *Dreissena polymorpha* (> 7 м).

2. Гравий железистых песчаников и карбонатных конкреций с обильными раковинами солоновато- и пресноводных моллюсков. С этим слоем связан комплекс мелких млекопитающих Тиздар 1 (1 м).

3. Белые пески, мелкозернистые, слюдястые, с раковинами *Dreissena polymorpha*, *Theodoxus sp.* (0,5–1 м).

4. Черная песчаная нестратифицированная глина с крупными известковыми конкрециями сложной формы (4 м).

5. Белые мелко- и среднезернистые слюдястые, косослоистые пески с прослойками гравия. Отложения местами содержат раковины солоновато- и пресноводных моллюсков, растительный детрит и остатки мелких млекопитающих (местонахождение Тиздар 2) (20 м).

6. Белые мелкозернистые, слюдистые, алевроитовые, неяснослоистые пески (10 м).

7. Черные песчаные глины с карбонатными конкрециями (> 7 м).

В результате недавнего обследования разреза в этой толще был выявлен еще один, ранее не замеченный, литологический слой, оказавшийся культуросодержащим слоем раннепалеолитической стоянки, названной Кермек (Щелинский, 2010; 2013а; Shchelinsky *et al.*, 2010). Он залегает в кровле слоя 4 и в основании слоя 5 описанного разреза и представляет собой пачку переслаивающихся щебнисто-галечных прослоев и прослоев песка с большим количеством раковин пресноводных и солоновато-водных моллюсков общей мощностью около 1 м. В фациально-генетическом отношении это типичные пляжевые отложения слабо солоновато-водного или пресноводного бассейна. В разрезе раскопа этот слой соответствует слою 6 (рис. 2).

1.1. Палеомагнитные данные

Образцы на палеомагнитный анализ были взяты с интервалом 1 м из глинистых прослоев у основания и в верхней части толщи отложений (слои 1 и 7). Все они показали обратную намагниченность.

Известно, что отложения куяльника соответствуют интервалу палеомагнитной шкалы в диапазоне от хрона Гаусс (ранний куяльник) до начала эпохи Матуяма (поздний куяльник) (Певзнер, 1989). При этом на основе изучения наиболее полных разрезов в Западной Грузии и материалов бурения на Керченском полуострове было установлено, что верхняя граница куяльника располагается между хронами Олдувей и Гилза (Там же). По современным представлениям о последовательности палеомагнитных инверсий (Roberts *et al.*, 2010; Ogg, 2012), она может быть проведена между основной частью хрона Олдувей (C2n) и его верхним обратно намагниченным субхроном (Врика). Таким образом, верхний предел куяльника приходится на Олдувей. Поскольку отложения из нижней и верхней частей рассматриваемой нами верхнекуяльницкой толщи имеют обратную намагниченность, можно заключить, что они соответствуют либо предолдувейскому интервалу (C2r.1r), либо относятся к более широкому интервалу, включая хрон Олдувей (C2n) (Певзнер, 1989; Тесаков и др., 1999). В таком случае, самая верхняя часть толщи с обратной полярностью может отвечать короткому эпизоду с обратной намагниченностью (Врика) в самых верхах эпизода Олдувей. Следовательно, на основе стратиграфической корреляции мы можем утверждать, что стоянка Кермек имеет возраст, по крайней мере, не моложе 1,778 млн лет (верхняя граница эпизода Олдувей), но может быть и древнее.

Рис. 2. Стоянка Кермек. Раскоп. Разрез отложений на южной стенке

1 – современная почва, суглинок желто-серый; 2 – суглинок палево-бурый; 3 – глина пестроцветная слоистая с линзами слабоокатанных обломков; 4 – глина темно-серая; 5 – глина коричневатобурая; 6 – линзы желто-серого песка; 7 – песок серый; 8 – песок белый; 9 – песок светло-серый; 10 – щебень, гальки и глыбы доломита; 11 – литологические слои.

Слой 6 – культуросодержащий слой стоянки

1.2. Моллюски

Рассматриваемая толща хорошо охарактеризована фауной моллюсков. Она обнаружена в трех местах разреза: в слое 2 (местонахождение Тиздар), в верхней части слоя 5 (местонахождение Тиздар 2) (Pevzner et al., 1998; Тесаков, 2004) и в культуросодержащем слое стоянки Кермек (Фролов, 2013).

Малакофауна Кермека представлена *Fagotia esperi*, *F. acicularis*, *F. sp.*, *Theodoxus* aff. *transversalis*, *T. danubialis*, *T. cf. danubialis*, *Parafossarulus* sp., *Bithynia* sp., *Lithoglyphus* sp., *Micromelania* sp., *Viviparus* sp., *Limax* sp., *Dreissena polymorpha*, *Margaritifera* (*Margaritifera*) *arca*, *Bogatschevia* sp.

Во всех комплексах представлены сходные формы пресноводных и солоновато-водных моллюсков. При этом обращает на себя внимание совместное залегание ископаемой жемчужницы *Margaritifera arca* и унионид рода *Bogatschevia* sp., описанное, например, для бошерницкого комплекса моллюсков, коррелируемого с ранним – ранним средним апшероном (ранним калабрием) (Чепалыга, 1967). Однако наличие в рассматриваемых комплексах *Dreissena theodori* и отсутствие в них унионид *Pseudostوريا*, типичных для первой половины раннего плейстоцена, свидетельствует, что эти комплексы моллюсков соответствуют позднему куяльнику и относятся ко времени переходного этапа от гелазия к калабрию. Следует отметить, что формы моллюсков анализируемых комплексов обитали в мозаичных реофильных и стагнофильных условиях и четко указывают на расположение стоянки на берегу реки или солоновато-водного эстуария.

1.3. Млекопитающие

В рассматриваемой толще, включающей стоянку Кермек, имеются три местонахождения с остатками млекопитающих, залегающих в стратиграфической последовательности. Два из них – нижний (Тиздар 1, слой 2) и верхний (Тиздар 2, слой 5) – содержат фауну мелких млекопитающих. Оба имеют сходный состав таксонов, включая примитивную форму *Allophaiomys* (Тесаков, 2004).

В комплексе фауны из культуросодержащего слоя стоянки Кермек, располагающегося в разрезе между Тиздаром 1 и Тиздаром 2, имеются остатки как мелких, так и крупных позвоночных животных. Мелкие млекопитающие из культуросодержащего слоя стоянки аналогичны таковым из Тиздара 1 и Тиздара 2. Выявлены, в частности, *Allophaiomys deucalion* (6), *Lagurini* gen. (2) и *Spermophilus* sp. (1). Важно отметить, что полевки *Allophaiomys deucalion* из описываемых отложений являются весьма примитивными и характеризуют один из наиболее ранних этапов развития некорнезубых *Microtini* в Центральной и Восточной Европе (Там же).

В эволюционном и хронологическом аспектах комплексы грызунов Тиздара 1, Кермека и Тиздара 2 коррелируются с восточно-европейскими региональными зонами MQR11 и MQR10 (Pevzner et al., 2001; Тесаков, 2004). При этом фауна Тиздар 1 (MQR11) характеризуется совместным распространением

Allophaiomys deucalion и последних представителей рода *Borsodia*, тогда как фаунам Кермека и Тиздара 2 (MQR10) свойственно сосуществование *Allophaiomys deucalion* и древнейших некорнезубых *Lagurini*, *Prolagurus ternopolitanus* и *Lagurodon arankae*. Эти ассоциации относятся к раннему этапу псекупского фаунистического комплекса (Тесаков, 2004) и датируются в интервале $\approx 2,1-1,8$ млн л. н.

Остатки крупных млекопитающих из культуросодержащего слоя стоянки Кермек пока малочисленны и фрагментарны. Среди них определены остатки бобра *Trogontherium* sp.; дельфина *Delphinidae* gen. indet.; волка *Canis* sp.; южного слона *Archidiskodon meridionalis* cf. *meridionalis*; носорога *Stephanorhinus* aff. *etruscus*; гигантского носорога-эламотерия *Elasmotherium* sp.; лошади *Equus* sp. и оленя *Eucladoceros* sp. Этот состав фауны характерен для начального этапа раннего плейстоцена юга Восточной Европы (конец среднего – поздний виллафранк) и для псекупского фаунистического комплекса (поздний виллафранк). В целом эти животные указывают на саванноподобные лесостепные ландшафты вблизи солоновато-водного морского бассейна, что согласуется с найденными на стоянке остатками дельфинов и малакофауной. Пресноводный или слабо солоновато-водный характер водоема подтверждается также находками костей рыб – плотвы *Rutilus* cf. *rutilus*, сома *Silurus* cf. *glanis* и щуки *Esox lucius*.

1.4. Палинология

Для палинологического анализа из разреза с промежутком 1–2 м были взяты 16 образцов, в частности из нижних глин и илов (слой 1); гравия (слой 2), песков (слои 5 и 6) и темных глин (слой 7). В нижнем илистом прослое слоя 1 выявлена пыльца трав (*Artemisia*, *Asteraceae*, *Chenopodiaceae*). Древесная группа достигает 25% и представлена пыльцой *Pinus*, *Salix*, *Ulmus*, *Juglans*, *Liquidambar*. Это комплекс свидетельствует о луговых и степных ландшафтах. Верхняя часть слоя 1 показывает увеличение пыльцы *Pinus* и *Betula*. Также появляется пыльца *Tilia*, *Corylus*, *Quercus*, *Carpinus*. Данные таксоны показывают возрастание умеренно влажных условий и расширение ареалов хвойных и широколиственных лесов.

Слои 2, 5 и 6, включающие палеонтологические местонахождения Тиздар 1 и Тиздар 2 и стоянку Кермек, характеризуются пыльцой разнообразных групп травянистых растений (до 50–60% спектров) с *Chenopodiaceae*, *Poaceae*, *Asteraceae*, *Artemisia*, *Polygonaceae*, *Valerianaceae*, *Polygonaceae*, *Plumbaginaceae*, *Typha* и *Azolla*. В древесных группах доминирует сосна, единично представлены *Tsuga*, *Abies*, *Carya*, *Tilia*, *Acer*, *Fagus*, *Liquidambar*, *Quercus*, *Carpinus* и *Sorbus*. Реконструируемые ландшафты комбинируют луговые степи и хвойно-широколиственные леса. Пыльца прибрежной растительности указывает на близость водоемов с медленным течением.

2. Характеристика культуросодержащего слоя стоянки Кермек

В результате первых раскопок на стоянке Кермек изучено около 30 м² культуросодержащего слоя. Как отмечалось, этот слой представляет собой пачку переслаивающихся щебнисто-галечных прослоев и прослоев песка с большим количеством раковин пресноводных и солоновато-водных моллюсков, имеющую максимальную мощность 1 м (рис. 2). Анализ этих отложений показывает, что они сформировались в пляжной зоне слабо солоновато-водного бассейна в условиях сравнительно невысокой активности прибойных потоков. Грубообломочный материал слоя происходит, главным образом, из подстилающих его грязевулканических глин, содержащих этот материал в довольно большом количестве.

Культурные остатки распространены по всему слою. При этом они залегают как среди обломочного материала, так и в прослойках песка. Прослежено увеличение их количества к основанию слоя. Культурные остатки в целом немногочисленны и разрежены. Малые концентрации их в отдельных местах имеют нечеткие границы. Залегание культурных остатков в субкавалных отложениях, конечно же, не могло не привести к их некоторому перемещению. В условиях периодически обводнявшегося пляжа это было неизбежно. Вместе с тем обнаруженные каменные изделия и обломки костей млекопитающих в большинстве своем неокатанные и прекрасно сохранились. Это свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками могло быть незначительным. Поэтому складывается впечатление, что возможной причиной разбросанности и относительной малочисленности культурных остатков в слое была кратковременная деятельность людей на стоянке. Стоянка располагалась в пляжевой зоне, на берегу опресненного морского залива или эстуария и, вероятно, посещалась людьми неоднократно.

3. Каменная индустрия стоянки Кермек

Коллекция каменных изделий, найденных на стоянке, пока сравнительно немногочисленная и состоит из 333 предметов. Среди них имеются все основные слагаемые каменной индустрии – нуклеусы, отщепы, многочисленные и разнообразные орудия (рис. 3–5). Состав изделий свидетельствует о довольно сложной технологии обработки камня и изготовлении разных категорий орудий. В настоящее время можно отметить лишь некоторые характерные признаки этой индустрии.

Основным исходным сырьем для изготовления орудий на стоянке был местный окварцованный доломит миоценового возраста. Каменное сырье в основном приносилось на стоянку, но не издалека. В настоящее время плитчатый доломит, такой же, как использовавшийся на стоянке, встречается в ближайших окрестностях от нее в обнажениях и осыпях древних грязевулканических отложений.

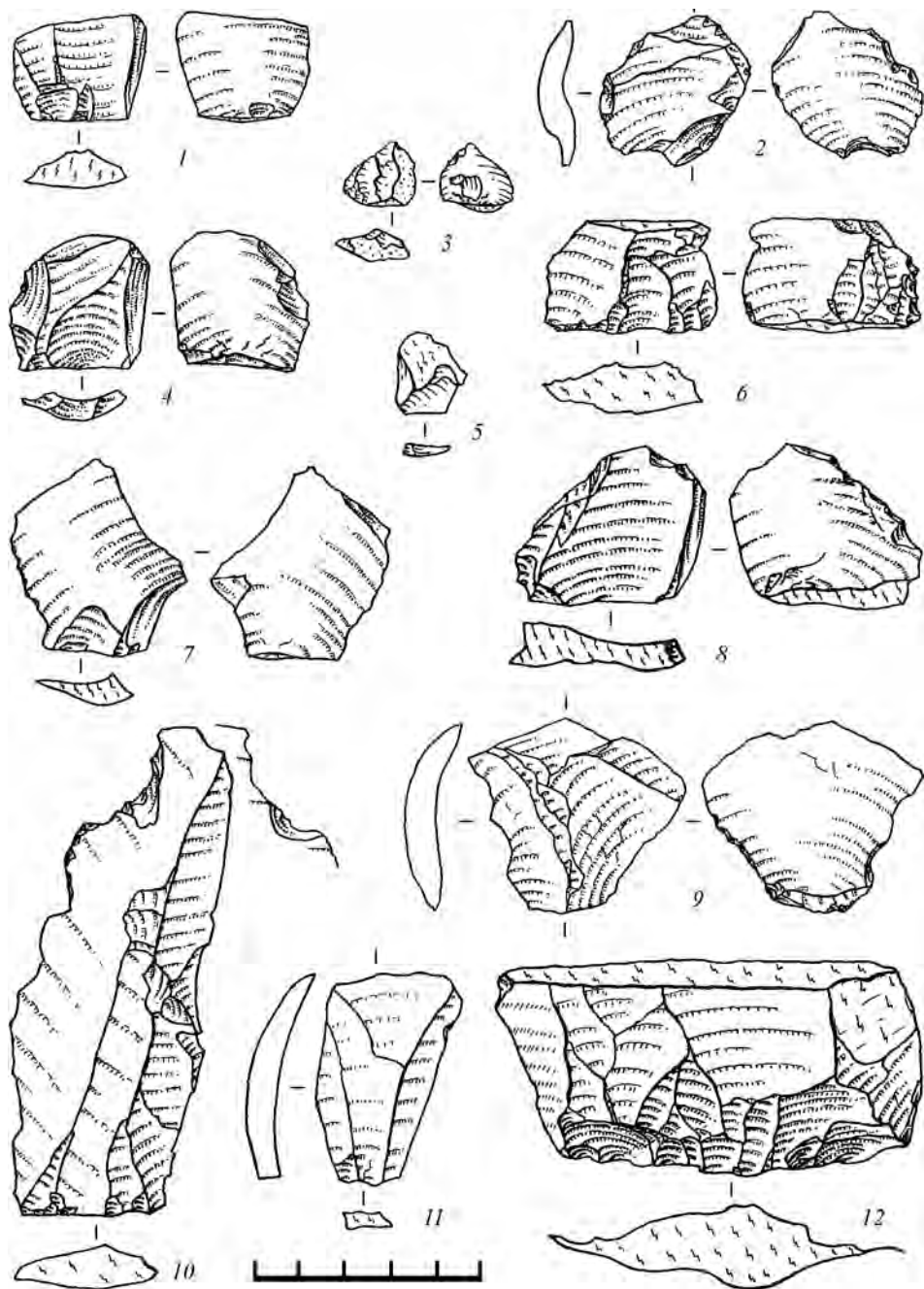

Рис. 3. Стоянка Кермек. Отщепы из окварцованного доломита

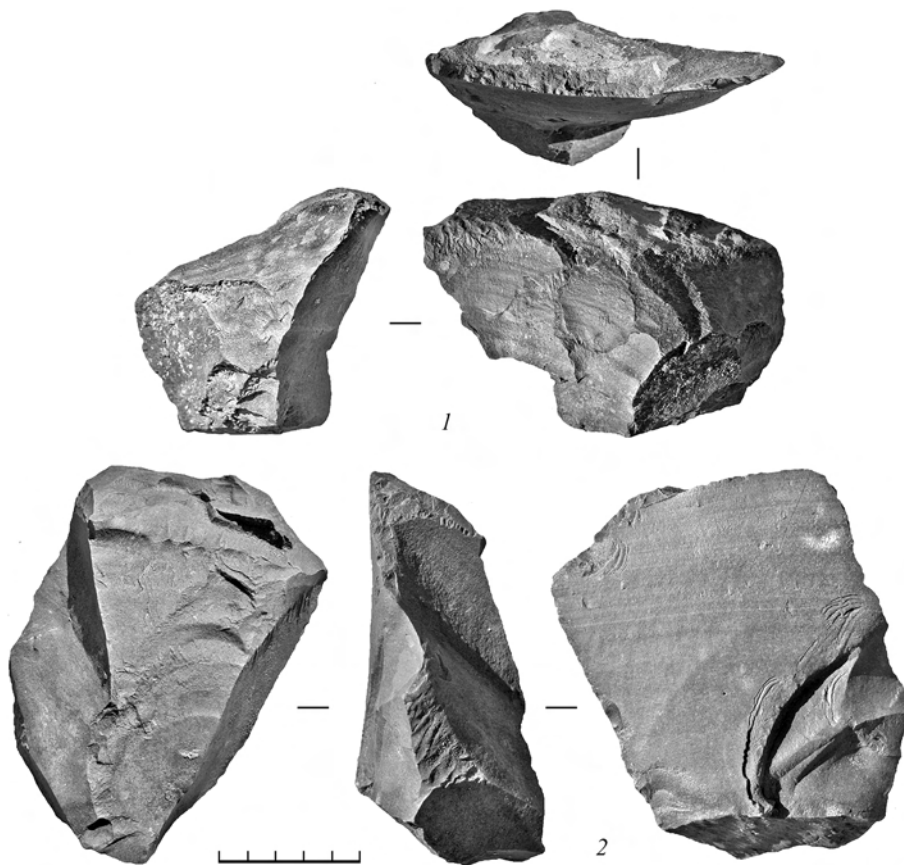

Рис. 4. Стоянка Кермек. Крупные отщепы из окварцованного доломита

Каменные изделия в основном имеют хорошую сохранность. На многих орудиях неплохо просматриваются следы износа от использования в работе. Изделия имеют преимущественно серовато-коричневую, коричневатую-серую, коричневую и желтовато-коричневую с различными оттенками патину в зависимости от структуры и плотности исходного сырья.

Соотношение основных технолого-морфологических групп изделий следующее: нуклеусы – 15 экз. (5%), отщепы – 125 экз. (38%), орудия – 193 экз. (57%). Обращает на себя внимание обилие орудий. Изделия главным образом крупные (5 см и больше). Мелкими изделиями (меньше 5 см) чаще всего являются отщепы.

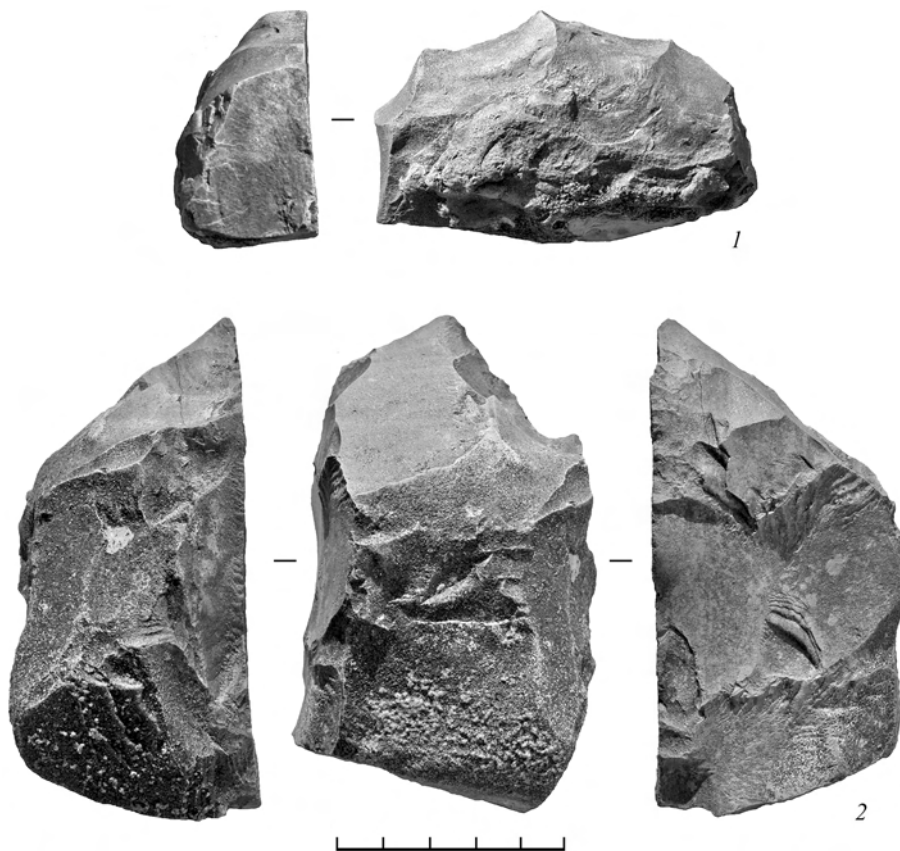

Рис. 5. Стоянка Кермек. Орудия из окварцованного доломита

1 – чоппер; 2 – пик

3.1. Нуклеусы и отщепы

Нуклеусы довольно простые. Они представляют собой обыкновенные обломки плиток доломита, расщепление которых производилось без предварительной подготовки. Ударной площадкой/площадками служила естественная горизонтальная или скошенная поверхность обломка, покрытая коркой, или реже гладкая плоскость раскалывания плитчатой отдельности сырья. Аналогичный характер имела поверхность/поверхности скалывания нуклеусов. Иначе говоря, нуклеусы не подвергались обработке ни в начале, ни в процессе расщепления. В разных соотношениях представлены нуклеусы с одной, двумя, тремя и более поверхностями скалывания. Больше всего нуклеусов с одной поверхностью скалывания (одно- и двуплощадочных, грубо-призматических, с негативом одного скола). Нуклеусы с двумя, тремя и более поверхностями скалывания (многогранники) единичны. Нельзя не отметить наличие весьма

крупных нуклеусов, предназначавшихся для изготовления особо крупных отщепов.

Отщепы весьма разнообразны, многие из них фрагментированные. Целые и почти целые экземпляры в большинстве своем мелкие, т. е. длиной меньше 5 см. Ударная площадка почти на всех отщепах необработанная (прямая или скошенная). Она чаще всего покрыта выветрелой коркой, реже гладкая. Лишь на единичных отщепах площадка грубо подготовленная. Среди отщепов крупнее 3 см преобладают бесформенные. Вместе с тем обращают на себя внимание отщепы более или менее правильной формы – удлиненные пластинчатые (рис. 3, 10, 11), подтреугольные, овальные (рис. 3, 2, 4, 8) и подчетыреугольные, включая отщепы укороченных пропорций (рис. 3, 1, 6, 12). Имеются единичные отщепы с изогнутым профилем, связываемые обычно с обработкой бифасов, отщепы с естественным обушком, а также отщепы типа Kombewa (рис. 3, 7). Важно отметить наличие серии особенно крупных отщепов длиной больше 10 см (рис. 4), использовавшихся как орудия и в качестве заготовок для крупных орудий. На многих отщепах разных размеров прослеживаются следы износа в виде выкрошенности края от использования при различных видах работ.

Наряду с расщеплением нуклеусов и изготовлением отщепов, в индустрии стоянки весьма важную роль играло также намеренное раскалывание исходных отдельностей доломита с целью получения подходящих обломков, из которых затем изготавливались многие орудия.

3.2. Орудия

Орудия, как было отмечено, весьма многочисленны. При этом они довольно четко дифференцируются по категориям и, в ряде случаев, имеют хорошо выраженные особые формы. Орудия изготовлены из отщепов (78 экз., 40,4%) и из обломков доломита (115 экз., 59,6%). Орудий из обломков заметно больше.

Почти треть всех орудий составляют простые орудия в виде отщепов и обломков доломита с частичной обработкой. У этих орудий отсутствует четко выраженное рабочее лезвие, и они, очевидно, служили для разового использования. Однако наряду с ними сериями представлены сложные орудия, среди которых особенно выделяются разнообразные чопперы, чоппероидные скребла и пики разных модификаций. Именно эти орудия во многом определяют технологический облик индустрии стоянки. Настоящих бифасов (ручных рубил) в индустрии нет. Имеется лишь один невыразительный частичный бифас. Коротко охарактеризуем основные категории орудий.

Чопперы (23 экз.) с учетом пропорций (соотношение длины и ширины орудий) разделяются на три подкатегории: 1) чопперы соразмерные (длина и ширина орудий примерно одинаковые) – 6 экз.; 2) чопперы укороченные (ширина орудия превышает его длину, рабочее лезвие широкое) – 9 экз. (рис. 5, 1); 3) чопперы удлиненные (длина орудия превышает его ширину, рабочее лезвие относительно узкое) – 8 экз. В каждой из подкатегорий выделяются формы орудий в соответствии с формой их рабочего лезвия: 1 – с прямым рабочим лезвием; 2 – с выпуклым рабочим лезвием; 3 – с заостренным рабочим лезвием (рис. 5, 1).

Все чопперы, за исключением одного, имеют одностороннюю обработку. Обращает на себя внимание значительное количество укороченных и удлиненных чопперов с прямым и заостренным рабочим лезвием.

Чопперовидные скребла (10 экз.) сходны с чопперами. Однако обработаны они более тщательно. Для оформления их рабочего лезвия чаще использовались многочисленными мелкие сколы и ретушь.

Скребла (37 экз.) в основном небольшие. Наряду с преобладающими скреблами из обломков доломита (23 экз.), имеются довольно многочисленные скребла из отщепов (14 экз.), в том числе продольные, поперечные и диагональные.

Пики (11 экз.) представлены разными модификациями. В основном выделяются две подкатегории пиков: с выраженной рукояточной частью (пяткой) и с невыраженной рукояточной частью. У этих пиков максимальная ширина приходится не на пятку, а на середину орудия. Пиков первой подкатегории 5 экз. Два из них имеют частичную двустороннюю обработку. Три других орудия оформлены обработкой с одной стороны. При этом форма рабочего конца у них различная – узкая клиновидная (2 экз.), узкая скребковидная (1 экз.) и заостренная (2 экз.). Пятка у некоторых орудий частично обработанная. Пиков второй подкатегории (без выраженной пятки) – 6 экз. Эти орудия все односторонние. Форма рабочего конца у них также различная – узкая клиновидная (3 экз.), узкая долотовидная (1 экз.), узкая скребковидная (1 экз.) и заостренная (1 экз.) (рис. 5, 2). Сходные модификации пиков имеются на стоянках Богатыри / Синяя Балка и Родники 1 (*Щелинский*, 2013а; 2013б; 2014).

Другие категории орудий, имеющиеся в инвентаре стоянки (нуклевидные скребки, клювовидные орудия, орудия с шипом, скребки, зубчатые орудия и другие), не менее интересны. Не останавливаясь на них из-за ограниченности объема данной статьи, отметим лишь, что многие из них довольно мелкие и изготовлены как из обломков, так и из отщепов.

4. Выводы

1. Стоянка Кермек залегает *in situ* в ясном геологическом контексте и связана с отложениями позднего куяльника, охарактеризованными малакофауной (с *Dreissena theodori*) и фауной мелких млекопитающих (с *Allophaiomys deucalion*). По совокупности геологических, палеомагнитных, биостратиграфических и палинологических данных она датируется поздним гелазием (поздним палеоплейстоценом) или ранним калабрием (ранним эоплейстоценом) в хронологическом интервале 2,1–1,77 млн л. н. Таким образом, она является самой древней из известных раннепалеолитических стоянок Западной Евразии за пределами Кавказа.

2. Результаты палинологического исследования позволяют реконструировать ландшафты, сочетающие луга, степи и хвойно-широколиственные леса. Пыльца прибрежной растительности свидетельствует о наличии водоема с медленным течением.

3. Малакофауна Кермека указывает на пресноводные аллювиальные и солоновато-водные эстуарные условия водоема с сочетанием реофильных

и стагнофильных условий. Данные характеристики водоема подтверждаются и видовым составом рыб, остатки которых были обнаружены в культуросодержащем слое.

4. Мелкие млекопитающие из культуросодержащего слоя Кермек представлены остатками *Allophaiomys deucalion* и ранней некорнезубой формой *Lagurini*, *Prolagurus ternopolitanus*, *Lagurodon arankae* и *Spermophilus* sp. Эта ассоциация позволяет отнести ее к раннему этапу псекупского фаунистического комплекса (зона MQR10) (Тесаков, 2004). Поздневилафранкский возраст костеносных слоев подтверждается и остатками млекопитающих псекупского териокомплекса крупного и среднего размерного класса.

5. Стоянка располагалась в пляжевой зоне, по-видимому, эстуария или лимана опресненного морского бассейна. В связи с этим можно говорить о «пляжевой» адаптации древнейших людей (Щелинский, 2013в), характерной для начальной поры раннего палеолита Кавказа и Предкавказья.

6. Каменная индустрия стоянки Кермек характеризуется довольно сложной технологией обработки камня, включающей в себя ряд последовательных операций. В индустрии четко разграничиваются первичная обработка исходного сырья и последующее оформление орудий. Ей свойственны дифференциация и значительное количество сложных хорошо оформленных категорий орудий, а также наличие типологически выраженных особых форм изделий среди чопперов, пиков и некоторых других орудий.

7. В этом плане индустрия стоянки Кермек является более развитой, по сравнению с близкой по возрасту олдованской (предолдованской) индустрией стоянки Дманиси в Южном Закавказье на территории Грузии.

8. Каменная индустрия стоянки Кермек не укладывается полностью в технологическо-морфологические критерии ни индустрий олдована/мод 1 (Leakey, 1971; Carbonell et al., 1999; de Lumley et al., 2009), ни индустрий раннего ашеля (Lepre et al., 2011; Semaw et al., 2013) и содержит элементы и тех, и других культурно-технологических комплексов.

С олдованом/мод 1 индустрию Кермека сближают:

- использование главным образом местного каменного сырья;
- распространенная практика простого раскалывания исходных отделностей сырья и использование обломков в качестве заготовок для изготовления орудий;
- архаичная технология расщепления нуклеусов; широкое использование в качестве орудий простых отщепов;
- преобладание орудий из обломков сырья;
- наличие значительного количества чопперов в составе орудий;
- отсутствие ручных рубил.

К признакам раннего ашеля в индустрии Кермека могут быть отнесены:

- изготовление отщепов разной формы, в том числе особо крупных, длиной больше 10 см, для использования в качестве готовых орудий для рубки и резания и в качестве заготовок для некоторых категорий орудий;
- обилие и типологическое разнообразие орудий;
- наличие пиков, представленных различными модификациями.

9. В целом индустрия стоянки Кермек может быть отнесена к классическому олдовану. Вместе с тем она имеет выраженные признаки прогрессивной ашельской технологии. Вероятно, мы имеем дело с переходной индустрией от олдована/мод 1 к ашелю.

10. Близкой аналогией индустрии стоянки Кермек является таманская индустрия архаичного ашеля, представленная несколько более поздними стоянками Богатыри/Синяя Балка и Родники 1. В обеих индустриях в составе каменных изделий имеются крупные отщепы и разнообразные, выразительные пики. Однако в целом индустрия стоянки Кермек выглядит менее сложной и структурированной.

11. Открытие стоянки Кермек показало, что древнейший ранний палеолит Кавказа и прилегающих регионов Западной Азии не ограничивается только стоянками Дманиси в Южном Закавказье (Lordkipanidze et al., 2007) и Убейдия в Леванте (Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993). Это открытие, как и недавнее обнаружение древнейших раннепалеолитических стоянок на Малом Кавказе в Армении (Presnyakov et al., 2012) и на Северо-Восточном Кавказе в горном Дагестане (Амирханов, 2007), свидетельствует, что в начале раннего плейстоцена на рубеже гелазия и калабрия, в интервале 2,1–1,8 млн лет назад древнейшие люди появились не только в Дманиси, но практически одновременно заселили всю территорию Кавказа и Предкавказья. При этом стоянка Кермек является самым северным пунктом расселения древнейших гоминин, расположенным непосредственно на границе Западной Азии и Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.
- Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С., 1991. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. № 60. С. 41–52.
- Губкин И. М., Варенцов М. И., 1933. Геология нефтяных и газовых месторождений Таманского полуострова и ближайшие задачи разведки на газ в пределах Таманского полуострова // Природные газы. № 7. С. 90–125.
- Певзнер М. А., 1989. Палеомагнитная характеристика отложений куяльника и его положение в магнитохронологической шкале // БКИЧП. № 58. С. 117–124.
- Тесаков А. С., 2004. Биостратиграфия среднего плиоцена-эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим) // Труды ГИН РАН. Вып. 554. С. 1–247.
- Тесаков А. С., Вангенгейм Э. А., Певзнер М. А., 1999. Находки древнейших некорнезубых полевок *Allophaiomys* и *Prolagurus* на территории Восточной Европы // Доклады Академии наук. Т. 366. № 1. С. 93–94.
- Фролов П. Д., 2013. Раннеплейстоценовая (куяльницкая) малакофауна местонахождения Тиздар (Таманский полуостров, Россия): стратиграфия и палеоэкология // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (10–15 июня 2013 г., Ростов-на-Дону) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 659–660.
- Чепалыга А. Л., 1967. Антропогеновые пресноводные моллюски юга Русской равнины и их стратиграфическое значение // Труды ГИН РАН. Т. 166. С. 1–200.
- Щелинский В. Е., 2010. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 57–77.

- Щелинский В. Е., 2013а. Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А. П. Деревянко* / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 153–171.
- Щелинский В. Е., 2013б. Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове // *Записки ИИМК РАН*. № 8. С. 7–25.
- Щелинский В. Е., 2013в. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (10–15 июня 2013 г., Ростов-на-Дону) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮИЦ РАН. С. 713–716.
- Щелинский В. Е., 2014. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН. 168 с.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar A., 1993. The lithic assemblages of 'Ubeidiya, a Lower Palaeolithic site in the Jordan Valley. Jerusalem: The Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem. 208 p. (Qedem; Vol. 34.)
- Carbonell E., Mosquera M., Rodriguez X. P., Sala R., Made J. V. D., 1999. Out of Africa: the dispersal of the earliest technical systems reconsidered // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 18. P. 119–136.
- Dodonov A. E., Tesakov A. S., Simakova A. N., 2008. The Taman fauna type locality of Sinyaya Balka: new data on its geology and biostratigraphy // *Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries. International Conference, Krasnodar–Temriuk, 1–6 September 2008* / Eds S. A. Vasil'ev et al. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. P. 135–138.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 3. 306 p.
- Lepre Ch., Roche H., Kent D. V., Harmand S., Quinn R. L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C., 2011. An earlier origin for the Acheulian // *Nature*. Vol. 477. P. 82–85.
- Lordkipanidze D., Javashvili T., Vekua A., Ponce de León M. S., Zollikofer C. P. E., Rightmire G. P., Pontzer H., Ferring R., Oms O., Tappen M., Bykhsianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martines-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L., 2007. Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi, Georgia // *Nature*. Vol. 449. P. 305–310.
- Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // *L'Anthropologie*. Vol. 113. P. 1–46.
- Ogg J. G., 2012. Geomagnetic polarity time scale // *The Geologic Time Scale 2012* / Eds F. M. Gradstein et al. Amsterdam: Elsevier. P. 85–113.
- Pevzner M. A., Tesakov A. S., Vangengeim E. A., 1998. The position of the Tizdar Locality (Taman Peninsula, Russia) in the magnetochronological scale // *Paludicola*. Vol. 2. No. 1. P. 95–97.
- Pevzner M. A., Vangengeim E. A., Tesakov A. S., 2001. Quaternary zonal subdivision of Eastern Europe based on vole evolution // *Bollettino Societa Paleontologica Italiana*. Vol. 40. No. 2. P. 269–274.
- Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonova A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP/II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // *Gondwana Research*. Vol. 21. P. 928–938.
- Roberts A. P., Florindo F., Larrasoana J. C., O'Regan M. A., Zhao X., 2010. Complex polarity pattern at the former Plio-Pleistocene global stratotype section at Vrica (Italy): Remagnetization by magnetic iron sulphides // *Earth and Planetary Science Letters*. Vol. 292. P. 98–111.
- Semaw S., Rogera M., Stout D., 2013. Early Acheulian stone assemblages 1.7–1.6 million years ago from Gona, Afar, Ethiopia // *European Society for the study of Human Evolution: Abstracts*. Vienna. P. 179.
- Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V., 2010. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference, June 21–26. Rostov-on-Don: SSC Publishers*. P. 148–149.

Сведения об авторах.

Щелинский Вячеслав Евгеньевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shchelinsky@yandex.ru;

Тесаков Алексей Сергеевич, Геологический институт РАН, Пыжевский пер., 7, Москва, 119017, Россия; e-mail: tesak-ov@yandex.ru;

Титов Вадим Владимирович, Институт аридных зон ЮНЦ РАН, ул. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: vvtitov@yandex.ru;

Симакова Александра Николаевна, Геологический институт РАН, Пыжевский пер. 7, Москва, 119017, Россия; e-mail: simak2001@mail.ru;

Фролов Павел Дмитриевич, Геологический институт РАН, Пыжевский пер., 7, Москва, 119017, Россия; e-mail: pavlenti987@mail.ru;

Куршаков Сергей Викторович, Институт аридных зон ЮНЦ РАН, ул. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: kurshakov@yandex.ru.

V. E. Shchelinsky, A. S. Tesakov, V. V. Titov,
A. N. Simakova, P. D. Frolov, S. V. Kurshakov

The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia
(preliminary results from a multidisciplinary study)

Abstract. The Early Pleistocene site of Kermek located in western Ciscaucasia is connected with a well-studied Early Pleistocene (late Kujalnikian) fluvial-shallow marine sequence. These reverse magnetized deposits are characterized by freshwater and brackish water mollusks (with *Dreissena theodori*), and by a small mammal fauna (with *Allophaiomys deucalion*), and are dated to the latest Gelasian or early Calabrian ca. 2,1–1,8 Ma. The lithic industry from the site can be attributed to the Classic Oldowan but with distinctive local features that include indications of «advanced» technologies of Acheulean such as the manufacture of large flakes and picks. Most likely it is a transitional industry between Oldowan/Mode 1 and Acheulean. Site of Kermek is the earliest Early Paleolithic site in Western Eurasia outside the Caucasus.

Keywords: site of Kermek, Early Pleistocene, Late Kujalnikian, Classic Oldowan with Acheulean features, Western Ciscaucasia, Southern Russia.

REFERECES

- Amirkhanov H. A., 2007. Issledovanie pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze (predvaritel'nye rezul'taty) [Investigation of Oldovan sites in North-Eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus, 2007. 52 p.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar A., 1993. The lithic assemblages of 'Ubeidiya, a Lower Palaeolithic site in the Jordan Valley. Jerusalem: The Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem. 208 p. (Qedem, 34).
- Carbonell E., Mosquera M., Rodriguez X. P., Sala R., Made J. V. D., 1999. Out of Africa: the dispersal of the earliest technical systems reconsidered. *Journal of Anthropological Archaeology*, 18, pp. 119–136.

- Chepalyla A. L., 1967. Antropogenovye presnovodnye molluski yuga Russkoy ravniny i ikh stratigraficheskoe znachenie [Anthropogenic fresh water mollusks of South of Russian Plain and their stratigraphic significance]. Moscow: Nauka. 222 p. (Trudy Geologicheskogo instituta RAN, 166).
- Dodonov A. E., Tesakov A. S., Simakova A. N., 2008. The Taman fauna type locality of Sinyaya Balka: new data on its geology and biostratigraphy. *Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries. International Conference, Krasnodar-Temriuk, 1–6 September 2008*. S. A. Vasil'ev, ed. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS Publishers, pp. 135–138.
- Frolov P. D., 2013. Rannepleystotsenovaya (kuyal'nitskaya) malakofauna mestonakhozhdeniya Tizdar (Tamanskiy poluostrov, Rossiya): stratigrafiya i paleoekologiya [Early Pleistocene (Kuyal'nik) malacofauna of Tizdar locality (Taman Peninsula, Russia): stratigraphy and palaeoecology]. *VIII Vserossiyskoe soveshchanie po izucheniyu chetvertichnogo perioda «Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy» [VIII All-Russian conference on research of Quaternary period «Fundamental problems of Quarter, results of study and main trajectories of further investigations»]*. G. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 659–660.
- Gubkin I. M., Varentsov M. I., 1933. Geologiya neftyanykh i gazovykh mestorozhdeniy Tamanskogo poluostrova i blizhayshie zadachi razvedki na gaz v predelakh Tamanskogo poluostrova [Geology of oil and gas deposits of Taman Peninsula and actual tasks of gas prospecting in Taman Peninsula]. *Prirodnye gazy [Natural gases]*, 7, pp. 90–125.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963, 3. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Lepre Ch., Roche H., Kent D. V., Harmand S., Quinn R. L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C., 2011. An earlier origin for the Acheulian. *Nature*, 477, pp. 82–85.
- Lordkipanidze D., Javhashvili T., Vekua A., Ponce de León M. S., Zollikofer C. P. E., Rightmire G. P., Pontzer H., Ferring H., Oms O., Tappen M., Bykhshianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martines-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L., 2007. Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia. *Nature*, 449, pp. 305–310.
- Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Les premières étapes de la colonization de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée. *L'Anthropologie*, 113, pp. 1–46.
- Ogg J. G., 2012. Geomagnetic polarity time scale. *The Geologic Time Scale 2012*. F. M. Gradstein, ed. Amsterdam: Elsevier, pp. 85–113.
- Pevzner M. A., 1989. Paleomagnitnaya kharakteristika otlozheniy kuyal'nika i ego polozhenie v magnitokhronologicheskoy shkale [Palaeomagnetic characteristic of Kuyal'nik deposits and its position in magnetochronological scale]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Akademii nauk SSSR [Bulletin of AN SSSR Commission for study of Quaternary period]*, 58, pp. 117–124.
- Pevzner M. A., Tesakov A. S., Vangengeim E. A., 1998. The position of the Tizdar Locality (Taman Peninsula, Russia) in the magnetochronological scale. *Paludicola*, vol. 2, no. 1, pp. 95–97.
- Pevzner M. A., Vangengeim E. A., Tesakov A. S., 2001. Quaternary zonal subdivision of Eastern Europe based on vole evolution. *Bollettino Societa Paleontologica Italiana*, vol. 40, no. 2, pp. 269–274.
- Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonova A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes. *Gondwana Research*, 21, pp. 928–938.
- Roberts A. P., Florindo F., Larrasoana J. C., O'Regan M. A., Zhao X., 2010. Complex polarity pattern at the former Plio-Pleistocene global stratotype section at Vrica (Italy): Remagnetization by magnetic iron sulphides. *Earth and Planetary Science Letters*, 292, pp. 98–111.
- Semaw S., Rogers M., Stout D., 2013. Early Acheulian stone assemblages 1.7–1.6 million years ago from Gona, Afar, Ethiopia. *European Society for the study of Human Evolution: 3Rd Annual Meeting: Abstracts*. Vienna, p. 179.
- Shchelinskiy V. E., 2010. Pamyatniki rannego paleolita Priazov'ya [Early Palaeolithic sites of Azov Sea region]. *Chelovek i drevnosti: pamyati A. A. Formozova (1928–2009) [Man in antiquity: in memory of A. A. Formozov (1928–2009)]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 57–77.

- Shchelinskiy V. E., 2013a. Kermek – stoyanka nachal'noy pory rannego paleolita v Yuzhnom Priazov'e [Kermek – camp of of eagle stage of Early Palaeolithic in South of Azov Sea region]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii [Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia]*. V. I. Molodin, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 153–171.
- Shchelinskiy V. E., 2013b. Piki rannepaleoliticheskoy stoyanki Rodniki 1 na Tamanskom poluostrove [Peaks of Early Palaeolithic camp Rodniki 1 in Taman Peninsula]. *Zapiski IIMK RAN*, 8, pp. 7–25.
- Shchelinskiy V. E., 2013c. Funktsional'nye osobennosti oldovanskikh stoyanok na Tamanskom poluostrove v Yuzhnom Priazov'e (geologicheskie i arkheologicheskie svidetel'stva) [Functional features of Oldovan sites in Taman Peninsula in South of Azov Sea region (geological and archaeological evidences)]. *VIII Vserossiyskoe soveshchanie po izucheniyu chetvertichnogo perioda: «Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy» [VIII All-Russian conference on research of Quaternary period «Fundamental problems of Quarter; results of study and main trajectories of further investigations»]*. G. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 713–716.
- Shchelinskiy V. E., 2014. Eopleystosenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'e [Eopleistocene Early Palaeolithic site Rodniki 1 in West of North Caucasus piedmont]. St. Petersburg: IIMK RAN. 168 p.
- Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V., 2010. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries. *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publishers, pp. 148–149.
- Tesakov A. S., 2004. Biostratigrafiya srednego pliotsena-eopleystotsena Vostochnoy Evropy (po melkim mlekopitayushchim) [Biostratigraphy of Middle Pliocene – Eopleistocene of Eastern Europe (based on small mammals)]. Moscow: Nauka. 247 p. (Trudy Geologicheskogo instituta RAN, 554.)
- Tesakov A. S., Vangengeym E. A., Pevzner M. A., 1999. Nakhodki drevneyshikh nekornezubykh polevok *Allophaiomys* i *Prolagurus* na territorii Vostochnoy Evropy [Finds of most ancient field-voles *Allophaiomys* and *Prolagurus* in territory of Eastern Europe]. *Doklady Akademii nauk [Reports of Academy of Sciences]*, vol. 366, no. 1, pp. 93–94.
- Vangengeym E. A., Vekua M. L., Zhegallo V. I., Pevzner M. A., Taktakishvili I. G., Tesakov A. S., 1991. Polozhenietamanskogo faunisticheskogo kompleksa v stratigraficheskoy i magnitokhronologicheskoy shkalakh [Position of Taman faunistic complex in stratigraphic and magnetochronological scales]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Akademii nauk SSSR [Bulletin of AN SSSR Commission for study of Quaternary period]*, 60, pp. 41–52.

About the authors.

Shchelinsky Vyacheslav E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru;

Tesakov Aleksey S., Geological Institute Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky lane, 7, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: tesak-ov@yandex.ru;

Titov Vadim V., SSC Russian Academy of Sciences Rostov-on-Don; Russian Federation; e-mail: vvtitov@yandex.ru;

Simakova Alexandra N., Geological Institute Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky lane, 7, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: simak2001@mail.ru;

Frolov Pavel D., Geological Institute Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky lane, 7, Moscow, 119017; Russian Federation; e-mail: pavlenti987@mail.ru;

Kurshakov Sergey V. SSC Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don; Russian Federation; e-mail: kurshakov@yandex.ru.

А. Б. Селезнёв

КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ СЛОЯ 32 НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ I

Резюме. В статье представлены результаты исследования кремневой коллекции слоя 32 раннепалеолитической стоянки Мухкай I, расположенной в Акушинском районе Республики Дагестан вблизи выходов кремневого сырья. По типологическому набору каменного инвентаря стоянка может быть отнесена к олдовану нижние слои датируются временем не позднее 2–1,5 млн л. н. Палеомагнитная датировка слоя 32 находится в хронологических пределах 2–1 млн л. н. На памятнике представлен полный цикл первичного расщепления и изготовления орудий, что встречается редко на памятниках этого времени.

Ключевые слова: ранний палеолит, Республика Дагестан, культура Олдован, стоянка, технология расщепления камня, стратиграфический анализ.

Основными источниками настоящего исследования стали материалы полевых работ и коллекции каменных изделий из слоя 32 нижнепалеолитической стоянки Мухкай I раскопок 2011–2012 гг. Общее количество обработанного кремня с этого памятника на сегодняшний момент составляет почти 1 500 кремневых артефактов. Из них кремневая коллекция из слоя 32 выделяется как количественно, так и качественно – почти четверть всего массива изделий и треть всех орудий I Мухкайской стоянки (табл. 1).

Таблица 1. Состав кремневой коллекции стоянки Мухкай I

	Количество находок	Количество орудий
Мухкай I	1470	212 (14,4%)
Слой 32	337 (22,9%)	69 (20,5%)

Необходимо отметить, что в раскопках I Мухкайской стоянки слой 32 вскрывался дважды. В 2011 г. он толщиной около 1 м был зафиксирован в основании шурфа-врезки на глубине 18,5–19,5 м от условного нулевого репера – в нижней части 6-метровой пачки суглинков, не содержащих слои с обломочным материалом. В 2012 г., когда работы были перенесены на новый

участок, располагавшийся в 50 м южнее, слой 32, мощностью также около 1 м, был исследован в тех же стратиграфических условиях в верхней части шурфоврезки на глубине 17,5/18,5 м от нуля, т. е. на 1 м выше, чем в 2011 г.

В стратиграфическом отношении позиция слоя 32 очень важна для Мухкай-ских стоянок. Во-первых, по глубине залегания в основании мощной пачки слоев стерильных суглинков слой 32 может быть сопоставлен со слоем 52 стоянки Мухкай II (Ожерельев, 2014). Во-вторых, по данным палеомагнитного анализа, слой 32 находится между пачкой слоев, датируемых периодом прямой намагниченности Харамильо 0,99–1,07 млн л. н. и нижележащим слоем суглинка 33 также прямой полярности, который можно предварительно сопоставить с палеомагнитным эпизодом Олдувей, датирующимся временем 1,96 млн л. н. Из приведенных фактов можно сделать вывод, что слой 32 стоянки Мухкай I предварительно может датироваться в пределах 1–2 млн л. н.

В табл. 2 представлен количественный и качественный состав коллекции кремневых изделий из слоя 32 по объединенным материалам раскопок стоянки Мухкай I в 2011–2012 гг.

Таблица 2. Типологический состав инвентаря из слоя 32

Наименование изделий	Слой 32	%
ЖЕЛВАКИ, НУКЛЕУСЫ И ЗАГОТОВКИ		
Желваки и обломки без видимых следов обработки	18	5,3 %
Желваки со сколами	3	0,9 %
Нуклеусы и нуклевидные	–	–
Отщепы	86	25,5%
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА		
Обломки желваков со сколами	93	27,6 %
Обломки и осколки	63	18,7 %
Чешуйки оббивки	5	1,5 %
ПЕРВИЧНАЯ ОБРАБОТКА	268	79,8 %
ОРУДИЯ		
Чопперы	19 (27,5%)	5,6 %
Пики и пикообразные орудия	5 (7,3%)	1,5 %
Скребки	11 (15,9%)	3,3 %
Скребла	2 (2,9%)	0,6 %
Ножи с обушком	1 (1,5%)	0,3 %
Орудия с выемкой	3 (4,3%)	0,9 %
Отщепы с частичной ретушью	28 (40,6%)	8,3 %
ВТОРИЧНАЯ ОБРАБОТКА	69 (100%)	20,2 %
Итого	337	100 %

Как видно из табл. 2, процент изделий с вторичной обработкой в слое 32 составляет одно из самых максимальных значений для олдованских памятников Горного Дагестана – более 20% (20,2%). На категорию чопперов приходится свыше одной четверти всего состава орудий (27,9%), пиков – 5,9%. В кремневой коллекции вторичной обработки из слоя 32 обращает на себя внимание многочисленность такой категории орудий как скребки (16,2%). Приведенные факты, несомненно, свидетельствуют о том, что в культурно-стадиальном отношении кремневая индустрия из слоя 32 стоянки Мухкай I по своим количественным и качественным показателям полностью соответствует основным технико-типологическим характеристикам культуры классического *олдована* (Амирханов, 2007).

График 1. Статистика распределения предметов первичного раскалывания из слоя 32 стоянки Мухкай I

Анализируя количественное содержание комплекса первичной обработки кремневого сырья из слоя 32 по данным графика 1, можно отметить заметное преобладание таких категорий первичного раскалывания, как обломки желваков со сколами, отщепы и обломки отщепов. Практически полное отсутствие желваков со сколами может говорить о том, что операции раскалывания с этими категориями могли проводиться на других участках стоянки, соотносимой со слоем 32. Отсутствие в слое 32 нуклесов – весьма редкой категории для олдованских памятников Горного Дагестана – может говорить об общих закономерностях и тенденциях развития кремневой индустрии этой древнейшей культуры. Приведенные факты могут свидетельствовать, что раскопки 2011–2012 гг. вскрыли насыщенный находками участок стоянки, стратиграфически связанной с уровнем слоя 32 и располагавшейся в непосредственной близости от доступных источников кремневого сырья, активно использовавшегося в процессе раскалывания.

Данные графика 2 свидетельствуют, что в слое 32 был зафиксирован полный типологический набор кремневой индустрии культуры Олдована (Амирханов, 2007; 2008), а самыми многочисленными категориями комплекса вторичной обработки оказались чопперы, скребки и отщепы с ретушью.

Разнообразие находок из раскопок слоя 32 стоянки Мухкай I представлено всеми категориями кремневых изделий, характерных для палеолитических стоянок охотников древнекаменного века. Кроме значительного количества законченных орудий, в коллекции имеются предметы, атрибутируемые как заготовки, незаконченные при обработке и поломанные в ходе использования, а также многочисленные отходы производства каменных инструментов.

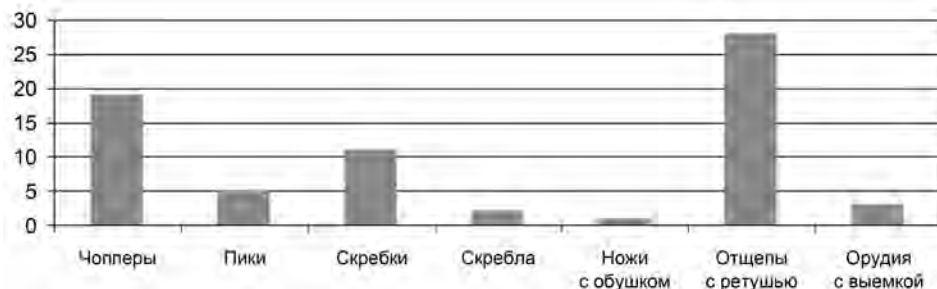

График 2. Статистика распределения предметов со вторичной обработкой из слоя 32 стоянки Мухкай I

Среди последних, так же как и в случаях с другими исследуемыми раннепалеолитическими стоянками Горного Дагестана, особенно выделяется значительная в количественном отношении группа чопперов из 19 экз. (табл. 3, рис. 1–3).

Коллекция чопперов из слоя 32 в табл. 3 разделена по годам раскопок и по использованному виду сырья с целью показать различный характер вскрытых участков слоя 32 и особенности в применении на этих участках желвачного и плитчатого сырья.

Для сравнения можно привлечь материалы стоянки Айникаб I, однокультурной I-й Мухкайской стоянке. На основе проведенного исследования 48 чопперов стоянки Айникаб I (полностью учитывались морфологические признаки орудий и технические приемы их получения, а в основу классификации были положены в первую очередь форма и размеры лезвия и способ оформления рабочей части) было выделено 15 типов чопперов, изготовленных из 3 видов каменного сырья – кремня, известняка и окремнелого известняка (Таймазов, 2010. С. 78. Табл. 2).

Таблица 3. Типология чопперов из слоя 32 стоянки Мухкай I

Типы	2011	2012
ЖЕЛВАК		
С узким лезвием	2	1
С поперечным лезвием	1	1
С продольным лезвием	1	–
С дугообразным лезвием	1	–
С переходящим лезвием	–	1
Гигантолит	–	2
ВСЕГО	5	5
ПЛИТКА		
Долотовидный	1	4
С узким лезвием	–	3
Гигантолит	–	1
ВСЕГО	1	8

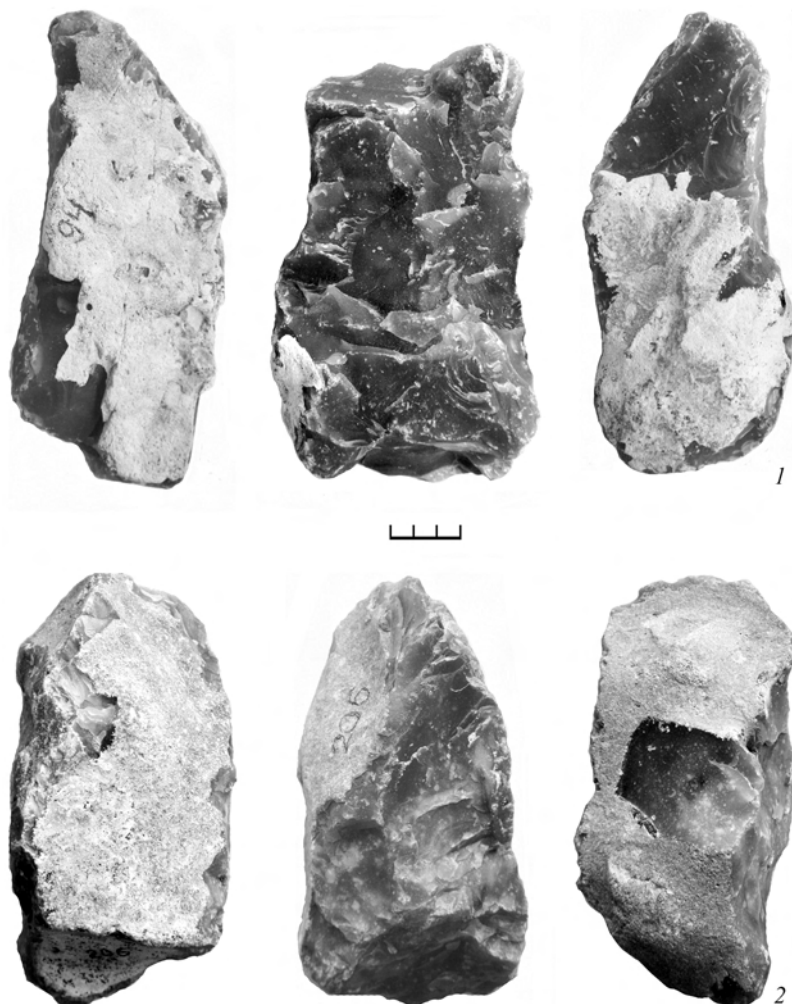

Рис. 1. Мухкай I–2011. Слой 32. Чопперы на обломках желваков

1 – с подживлением лезвия (№ 94); *2* – с узким лезвием (№ 206)

Важно отметить, что почти четверть чопперов (11 экз. – 23 %) из раскопок стоянки Айникаб I была изготовлена из некремневых видов каменного сырья (Таймазов, 2010. С. 78. Табл. 2).

В коллекции из слоя 32 стоянки Мухкай I, насчитывающей 19 экз., было выделено 7 типов чопперов – в 2 раза меньше, чем на Айникабской стоянке (см. табл. 3). Причем чопперов, изготовленных из некремневых пород каменного сырья, на Мухкайской стоянке найдено не было.

Большинство чопперов со стоянки Айникаб I, как отмечает А. И. Таймазов, изготовлены из трещиноватого кремня серого цвета (Таймазов, 2010. С. 78).

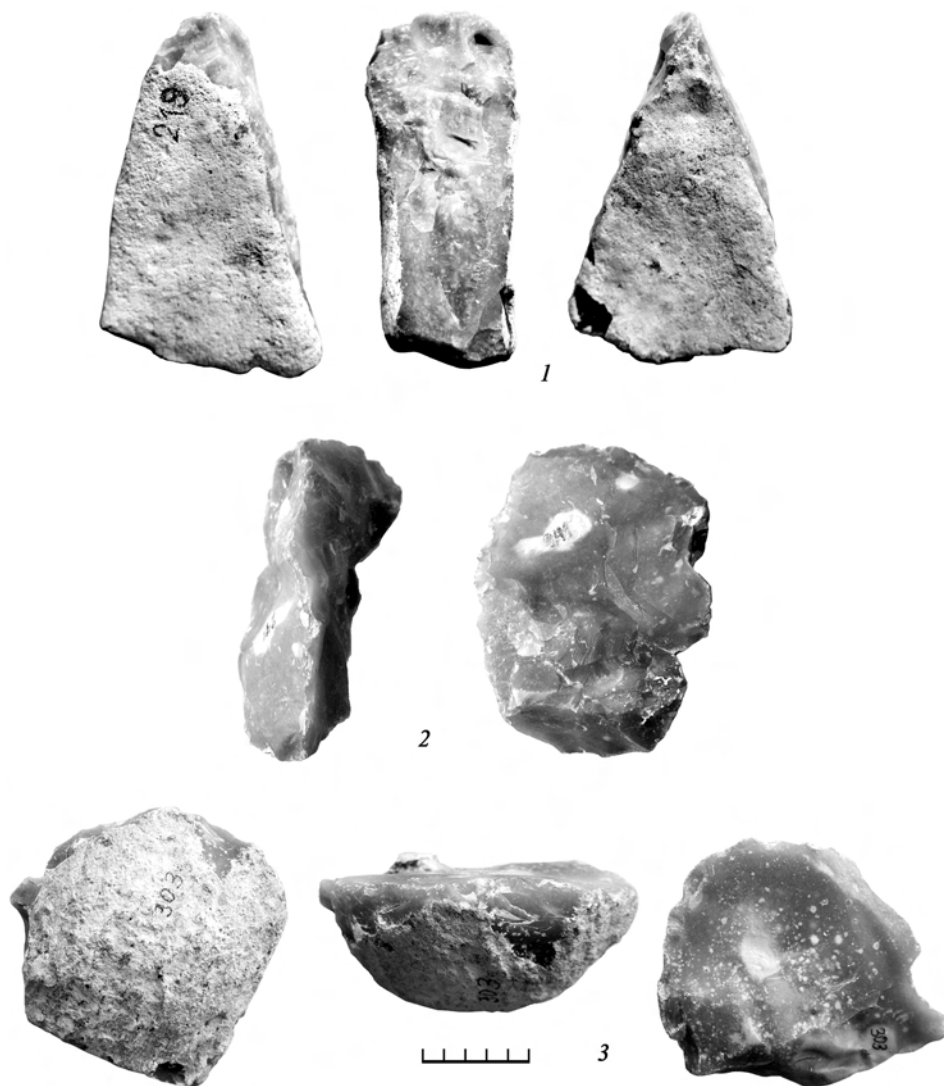

Рис. 2. Мухкай I–2011. Чопперы. Слой 32

1 – долотовидный на обломке плитки (№ 219); *2* – с продольным лезвием на обломке желвака (№ 241); *3* – с дугообразным лезвием на обломке желвака (№ 303)

Добавим, что такого качества кремнь в основном представлен сырьем в виде желваков и их обломков и сопоставим с верхней геологической пачкой с обломочным материалом на стоянке Мухкай I.

В нижележащих пачках с чередующимися слоями суглинков и обломочных материалов, в том числе и в слое 32, превалирует в основном кремнь другой формы (плитчатый) и другого качества (более темный по оттенкам и менее

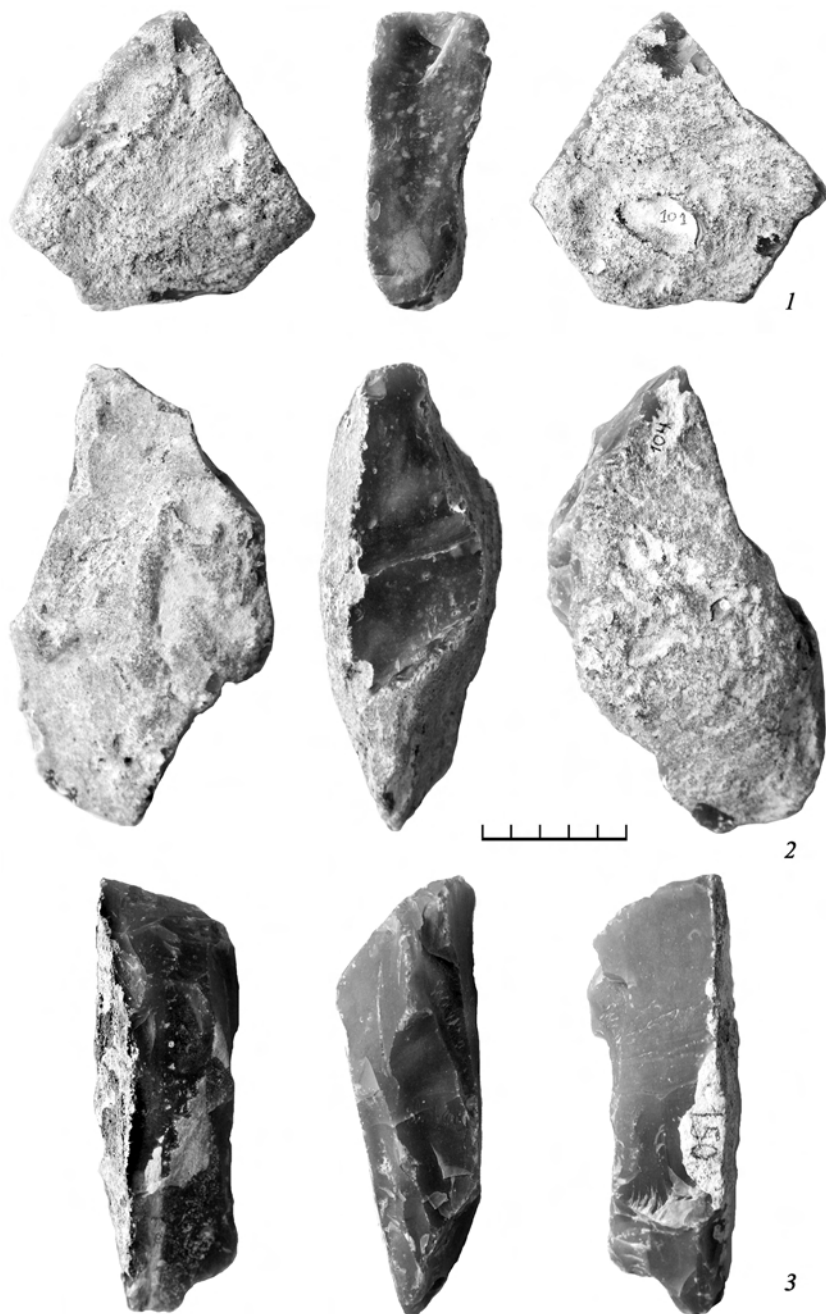

Рис. 3. Мухкай I–2012. Слой 32. Чопперы на плитке

1 – с долотовидным лезвием (№ 101); *2* – с долотовидным лезвием (№ 104); *3* – с узким лезвием (№ 150)

трещиноватый). Особенно ярко такая закономерность проявилась в случае со слоем 32 в раскопках 2012 г., где из 13 найденных чопперов 8 были изготовлены на плитчатом сырье (табл. 3, рис. 2, 1; 3, 1–3).

В 2012 г. была встречена, в том числе и в слое 32, показательная группа крупных чопперов, названных чопперами-гигантолитами и впервые введенных в научный оборот Х. А. Амирхановым в специальном исследовании, посвященном орудиям-гигантолитам в индустрии культуры Олдован в Дагестане (*Амирханов, 2013*). Автор отмечает, что по габаритам, и особенно по своему весу, они во много раз (до 8–10 раз) превосходят орудия аналогичных типов обычных размеров (Там же. С. 5). Из раскопок 2012 г. автор публикует односторонний чоппер-гигантолит из слоя 32 (№ 91), отмечая его крупный вес – свыше 4,5 кг (Там же. Рис. 2).

Еще один чоппер-гигантолит из слоя 32 раскопок 2012 г. был изготовлен на крупной отдельности плитчатого сырья и может быть определен по своему типу как долотовидный (№ 146).

В однокультурных Мухкаю I стоянках Таманского полуострова (Богатыри / Синяя Балка, Родники 1–4, Кермек) в качестве основного сырья использовался окварцованный доломит в виде плитчатых отдельных (Щелинский, 2011. С. 39, 40; 2014. С. 38). При сравнении коллекций чопперов из этих стоянок (Щелинский, 2011. Рис. 9, 1; 10; 2014. Рис. 15–18; 21, 3; 22, 2; 54–65) с чопперами 1-й Мухкайской стоянки при схожести первичных плитчатых форм отдельных сырья обращает внимание отсутствие на Таманских стоянках гигантских чопперов в сочетании с серией нуклеусов, которые практически не встречаются на мухкайских стоянках. Подобные различия, вероятно, могут объясняться пониманием древними мастерами физических свойств различных видов каменного сырья, чьи характеристики могли влиять не только на его первичный отбор, но и на получение конечной формы орудий.

В коллекции чопперов со стоянки Мухкай I–2012 большинство чопперов на плитчатом сырье представлены экземплярами с долотовидным и узким лезвием (рис. 1, 1; 3, 1–3), тогда как на стоянке Айникаб I доля чопперов этого типа составляет менее 1/3 от всей коллекции (*Таймазов, 2010*. С. 80. Табл. 7), а на таманских стоянках они встречаются в единичных экземплярах.

Необходимо отметить, что 8 чопперов на плитчатом сырье и все 3 чоппера-гигантолита из слоя 32 происходят с участка, вскрытого в 2012 г. и располагавшегося в 50 метрах южнее и ближе к выходам кремневого сырья, залегающего в известняках сарматского времени.

С нашей точки зрения, подобные факты могут говорить о том, что кремневое сырье для расщепления древними поселенцами культуры Олдован Горного Дагестана могло находиться и использоваться прямо на месте стоянок, без специальных экспедиций за более качественным сырьем. А на расположенных ближе к выходам кремневого сырья мухкайских стоянках не использовались другие менее качественные некремневые породы – известняк и окремнелый известняк.

Кроме чопперов, на стоянке Мухкай I в слое 32 были найдены 5 пиков и пикообразных орудий, из которых почти половина, как и в случае с чопперами, была изготовлена на плитчатом сырье.

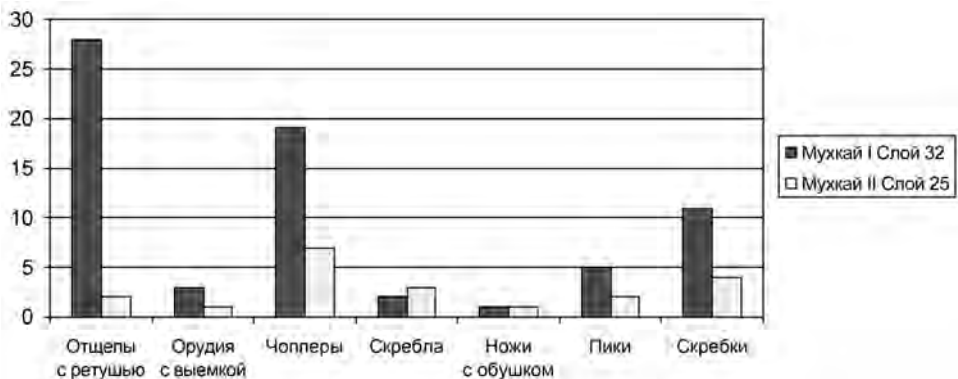
В 2012 г. в слое 32, помимо чопперов-гигантолитов, был найден один гигантский пик-клевец весом 3,85 кг (Амирханов, 2013. С. 9, 10. Рис. 4, 1). Автор совершенно справедливо отмечает появление орудий-гигантолитов в индустрии Олдована Горного Дагестана близостью источников доступного кремневого сырья.

Помимо чопперов и пиков, в коллекции слоя 32 стоянки Мухкай I много скребков, как на небольших отщепах, так и на массивных обломках (рис. 4, 1, 2, 4–7). Скребла (рис. 4, 3) и ножи с обушком в слое 32 представлены единичными экземплярами. К редким формам орудий можно отнести орудие с концом в виде кледца (2012, № 90).

Таким образом, общее количество находок кремневых изделий из слоя 32 Мухкай I (сезон 2011–2012 г.) составляет 337 предметов, из которых 68 (20,2%) являются изделиями с вторичной обработкой, представляющими полный орудийный набор культуры Олдован. Процент орудий из слоя 32 стоянки Мухкай I хорошо сопоставим не только с аналогичными показателями с других олдованских стоянок Горного Дагестана (Таймазов, 2010. С. 77), но и однокультурных памятников Африки, Аравии и Таманского п-ва.

Несмотря на непродолжительный период исследования раннепалеолитических многослойных памятников Горного Дагестана, результаты их комплексных изысканий позволяют сделать ряд важных выводов. Культурные слои стоянок Мухкай I и Мухкай II, расположенные в многометровых толщах раннеплейстоценовых отложений, могут коррелировать между собой, особенно этот вывод касается серии верхних пачек разрезов этих стоянок.

Состав предметов с вторичной обработкой двух самых насыщенных слоев – слоя 32 стоянки Мухкай I и слоя 25 стоянки Мухкай II (график 3) – свидетельствует, на наш взгляд, о сходной хозяйственной деятельности на этих памятниках, выражающейся в преобладании орудий на обломках, а не на отщепах, и доминировании среди орудий чопперов, пиков, скребков и отщепов с ретушью.

**Предметы со вторичной обработкой
из слоев 32 и 25 стоянки Мухкай II**

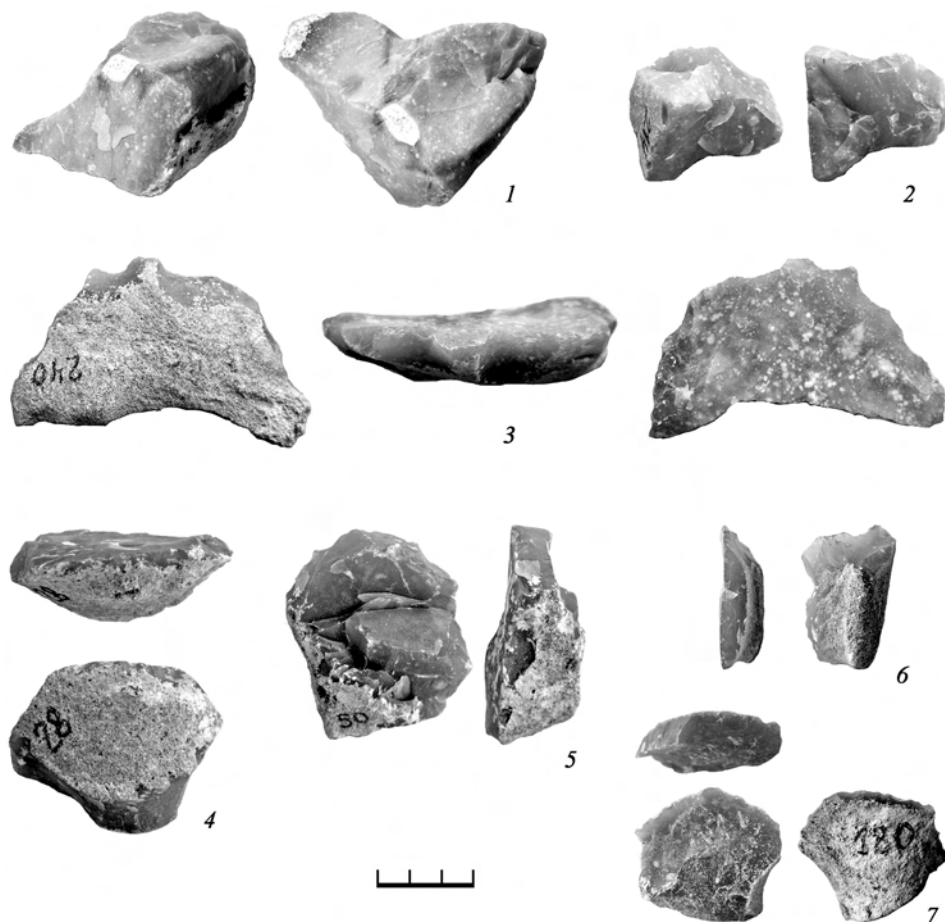

Рис. 4. Мухкай I. Слой 32. Кремневый инвентарь

1 – скребок на обломке (2011, № 176); 2 – скребок высокой формы (2011, № 214); 3 – скребло с выемками на первичном отщепе (2011, № 240); 4 – скребок на первичном отщепе (2012, № 28); 5 – скребок высокой формы на обломке (2012, № 50); 6 – боковой скребок на отщепе (2012, № 134); 7 – скребок на первичном отщепе (2012, № 180)

Отсутствие окатанности на кремневых изделиях из Мухкайских стоянок, а также тот факт, что стратиграфические ступенчатые шурфы-врезки вскрыли различные по характеру участки слоев, которые можно отнести к центральным (где представлен полный орудийный набор) и периферийным (где в основном встречены отходы первичного расщепления) хозяйственным зонам стоянок, позволяют ставить вопрос о хозяйственной специфике.

Необходимо отметить, что применявшийся в процессе раскалывания на стоянках Мухкай I и II меловой кремнь различных оттенков серого цвета, происходящий из слоев верхних геологических пачек, имеет определенные отличия

от кремневого сырья из нижележащих пачек. К таким отличиям относятся худшее качество, трещиноватая структура и наличие зачастую толстой меловой корки, что при подборе сырья и раскалывании приводило к появлению большого количества отходов производства – желваков и обломков без видимых следов обработки (*Гиря*, 2010).

Как было отмечено выше, при анализе такой характеристики в процессе расщепления, как выбор сырья, заметная разница наблюдается при сравнении мухкайских стоянок с однокультурной с ними стоянкой Айникаб I и таманскими стоянками Богыри / Синяя Балка, Родники I–IV и Кермек. На стоянке Айникаб I зачастую использовалось сырье худшего качества, а также в процессе расщепления применялись некремневые породы каменного сырья. На таманских стоянках основным видом сырья был окварцованный доломит. На Мухкайских стоянках, напротив, практически не использовался известняк, а в слоях, расположенных в нижних геологических пачках (особенно на стоянке Мухкай I), большинство изделий изготавливалось на более качественном плитчатом кремневом сырье. Форма кремневого плитчатого сырья влияла на конечные формы изделий с вторичной обработкой: особенно на чопперы – самую распространенную категорию среди крупных орудий Мухкай I. Большинство чопперов на плитчатом сырье из мухкайских стоянок относится к типам доловидных и с узким лезвием, в отличие от чопперов стоянки Айникаб и таманских стоянок, где их доля заметно меньше (*Таймазов*, 2010; *Щелинский*, 2011; 2014). Возможно, подобные закономерности могут быть прослежены среди другой категории орудий – пиков, когда последние, изготовленные из плитчатого сырья, не обладая полным набором признаков (*Амирханов*, 2010; 2012), все же могут быть отнесены к «пиковидным» и к «пикообразным». Ответить на этот вопрос поможет дальнейшее исследование стоянки Мухкай I. Кроме того, на стоянке Мухкай I встречены показательные серии орудий-гигантолитов (*Амирханов*, 2013), которые на стоянке Айникаб I представлены редкими единичными экземплярами.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А.*, 2007. Памятники олдована в Центральном Дагестане // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 1–5 октября 2007 г.). Махачкала: Эпоха. С. 6–7.
- Амирханов Х. А.*, 2008. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай I в Центральном Дагестане // Ранний палеолит Евразии: Новые открытия: Мат-лы Междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 28–31.
- Амирханов Х. А.*, 2010. Пики трехгранного сечения в коллекциях памятников Олдована Центрального Дагестана // Карабах в каменном веке: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию открытия палеолитической стоянки Азых в Азербайджане (3–7 октября 2010 г., Баку, Азербайджанская Республика). Баку: Ин-т археологии и этнографии НАНА. С. 20–25.
- Амирханов Х. А.*, 2012. Категория пика в технокомплексах Олдована и раннего ашеля // РА. № 2. С. 5–14.
- Амирханов Х. А.*, 2013. Орудия-гигантолиты в индустрии Олдована Дагестана // РА. № 3. С. 5–12.

- Гиля Е. Ю., 2010. Открытия Олдована на юге России в свете экспериментально-трассологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии: сборник статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, профессора Х. А. Амирханова / Ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 88–113.
- Ожерельев Д. В., 2014. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // КСИА. Вып. 235. С. 60–81.
- Таймазов А. И., 2010. Типология чопперов раннепалеолитической стоянки Айникаб I (по материалам исследований 2005–2009 гг.) // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х. А. Амирханова / Ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 75–87.
- Щелинский В. Е., 2011. Новая раннепалеолитическая стоянка на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М.: Таус. С. 37–58.
- Щелинский В. Е., 2014. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники I в Западном Предкавказье. СПб.: Периферия. 168 с.

Сведения об авторе.

Селезнёв Алексей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: absel@rambler.ru.

A. B. Seleznev

Flint tools from layer 32 of Lower Paleolithic Mukhkai I camp

Abstract. The paper describes results of the study related to a flint assemblage in Layer 32 of Lower Paleolithic Mukhkai I camp located in the Akusha district, Republic of Dagestan, in close proximity to flint outcrops. Judging by the typology of stone tools, the camp may be referred to the Oldovan culture and dated to the time range not older than 2–1,5 million years ago. The paleomagnetic dating of Layer 32 is within the chronological range of 2–1 million years ago. The site represents a complete cycle of flint knapping and implement production, which is extremely rare at the sites dating to the Lower Paleolithic.

Keywords: Early Paleolithic, Dagestan republic, Oldovan culture, site, lithic technology, stratigraphical analysis.

REFERENCES

- Amirkhanov H. A., 2007. Pamyatniki oldovana v tsentral'nom Dagestane [Oldovan sites in Central Dagestan]. *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza. Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus. Newest archaeological and ethnographical investigations in Caucasus: materials of international conference]*. Makhachkala: Epokha, pp. 6–7.
- Amirkhanov H. A., 2008. Sravnitel'naya tipologo-statisticheskaya kharakteristika inventarya stoyanki Mukhkay-1 v Tsentral'nom Dagestane (po materialam raskopok 2007 goda) [Comparative typological-statistical characteristic of inventory of station Mukhkay-1 in Central Dagestan (based on materials of excavations of 2007)]. *Ranny paleolit Yevrazii: novyye otkrytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries: materials of international scientific conference]*. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 28–31.

- Amirkhanov H. A., 2010. Piki trekhgrannogo poperechnogo secheniya v kollektsiyakh pamyatnikov oldovana Tsentral'nogo Dagestana [Peaks with triangular cross-section in collections of Oldovan sites of Central Dagestan]. *Karabakh v kamennom veke: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu otkrytiya paleoliticheskoy peshchernoy stoyanki Azykh v Azerbaydzhanе* [Karabakh 9n Stone Age: materials of international conference devoted to 50th anniversary of discovery of Palaeolithic cave site Azykh in Azerbaijan]. Baku: Institut arheologii i etnografii Natsional'noy akademii nauk Azerbaydzhana, pp. 20–25.
- Amirkhanov H. A., 2012. Kategoriya pika v tekhnokompleksakh Oldovana i rannego ashelya [Peak category in technocomplexes of Oldovan and Early Acheulian]. *RA*, 2, pp. 5–14.
- Amirkhanov H. A., 2013. Orudiya-gigantolity v industrii Oldovana Dagestana [Gigantic lithic tools in Oldovan industry of Dagestan]. *RA*, 3, pp. 5–12.
- Giryа E. Yu., 2010. Otkrytiya Oldovana na yuge Rossii v svete eksperimental'no-trasologicheskogo metoda [Discovery of Oldovan in South Russia in light of experimental use-wear method]. *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk, professora Kh. A. Amirkhanova* [Investigations in prehistoric archaeology of Eurasia: collection of articles toward 60th anniversary of corresponding member of RAS Prof. Kh. A. Amirkhanov]. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Nauka: Dagestanskiy nauchnyy tsentr, pp. 88–113.
- Ozherel'ev D. V., 2014. Tipologiya izdeliy so vtorichnoy obrabotkoy sloya 74 rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay II (Dagestan) [Typology of artefacts with secondary treatment from layer 74 of the Early Palaeolithic site Mukhkay II (Dagestan)]. *KSIA*, 235, pp. 60–81.
- Shchelinskiy V. E., 2011. Novaya rannepaleoliticheskaya stoyanka na Tamanskom poluostrove (Yuzhnoe Priazov'ye) [New Early Palaeolithic station in Taman Peninsula (South Azov Sea zone)]. *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy: sbornik statey v chest' 60-letiya Kh. A. Amirkhanova* [Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe: collection of articles in honour of 60th anniversary of Kh. A. Amirkhanov]. K. N. Gavrilov, ed. Moscow: Taus, pp. 37–58.
- Shchelinskiy V. E., 2014. Eopleystotsenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'e [Eopleistocene Early Palaeolithic station Rodniki 1 in West of North Caucasus piedmont]. St. Petersburg: Periferiya. 168 p.
- Taymazov A. I., 2010. Tipologiya chopperov rannepaleoliticheskoy stoyanki Aynikab I (po materialam issledovaniy 2005–2009 gg.) [Typology of choppers from Early Palaeolithic station Aynikab I (based on materials of research of 2005–2009)]. *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk, professora Kh. A. Amirkhanova* [Investigations in prehistoric archaeology of Eurasia: collection of articles toward 60th anniversary of corresponding member of RAS Prof. Kh. A. Amirkhanov]. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Nauka: Dagestanskiy nauchnyy tsentr, pp. 75–87.

About the author:

Seleznёv Aleksey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: absel@rambler.ru.

М. Г. Жилин

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Резюме. На торфяниковых стоянках позднего мезолита в Верхнем Поволжье представлены разнообразные наконечники стрел из камня, кости и рога. Наконечники стрел для охоты на крупного зверя многочисленны, разнообразны и наиболее совершенны технически, что соответствует большой роли крупных животных, прежде всего – лося, в жизнеобеспечении населения оставивших рассмотренные памятники. Для их добычи применялись различные колющие и колюще-режущие наконечники. Мелкие колющие зубчатые наконечники стрел использовались для охоты на рыбу, а массивные тупые – на пушных зверей и боровую дичь. Разнообразие наконечников стрел из кости и рога позволяло успешно добывать различных зверей, птиц и рыб, кости которых встречены в большом количестве на этих стоянках.

Ключевые слова: наконечники стрел, кость и рог, мезолит, Верхнее Поволжье, торфяниковые памятники, трасологический анализ.

Лук и стрелы в мезолите Северной Евразии были основным охотничьим оружием. В лесной зоне Восточной Европы наконечники стрел изготавливались из камня, кости, рога и, значительно реже, дерева. Как показывают раскопки памятников, где хорошо сохраняются изделия из органических материалов, в культурах кунда, онежская, веретье и бутовская основную роль в оснащении стрел играли костяные наконечники (Жилин, 2001). По количеству и разнообразию они существенно превосходят каменные наконечники стрел почти на всех раскопанных памятниках мезолита Восточной Европы, где сохраняются изделия из органических материалов.

В настоящий момент в Верхнем Поволжье раскопано 12 торфяниковых стоянок, содержащих культурные слои позднего мезолита. К этому времени я отношу памятники конца бореального и начала атлантического периода, предшествующие появлению керамики в верхнем Поволжье (рис. 1). Рамки статьи не позволяют привести их описание, поэтому ограничусь перечислением наиболее важных из них со ссылками на публикации: Озерки 5 (Жилин, 2001; 2006а), Нушполы 11, Окаемово 4, 5, 18а (Жилин, 1997; 2001; 2014), Замостье 2 (Замостье..., 2013; Лозовская, 2001; Лозовский, 2008; Lozovski, 1996), Ивановское 3 и 7 (Крайнов, Хотинский,

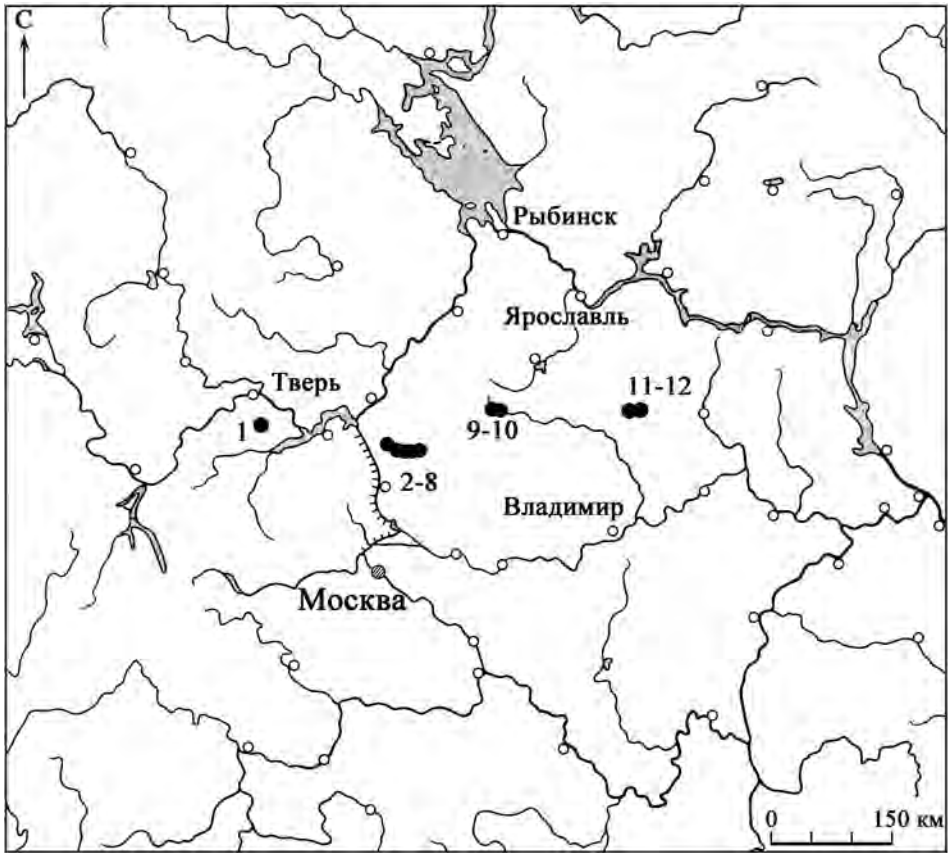

Рис. 1. Позднемезолитические торфяниковые памятники Верхнего Поволжья

1 – Озерки 5; 2–8 – Нушполы 1, Окаемово 4, 5, 18а, Замостье 1, 2, 5; 9–10 – Ивановское 3, 7; 11–12 – Сахтыш 2а, 14

1984; Жилин, 2001; Жилин и др., 2002); Сахтыш 2а (Аверин и др., 2009) и 14 (Жилин, 2006б).

На основании результатов трасологического анализа, а также проведенных нами и другими исследователями экспериментов, и с учетом древних изображений и этнографических данных (Нужный, 1992; 2008; Fischer, 1989; Лозовская, 2001; Жилин, 2004; Zhilin, 2014а; 2014b), наконечники стрел можно разделить на несколько функциональных групп. Критерием разделения на группы служило основное назначение наконечника: 1) наносить небольшие по площади, но очень глубокие раны, поражая жизненно важные органы (колющие наконечники); 2) наносить глубокие и широкие раны, приводящие к большой потере крови (колюще-режущие наконечники); 3) наносить сильный удар, приводящий к шоку и внутренним повреждениям, но не портящий шкуру (тупые массивные наконечники).

Группа 1. Колющие наконечники легко протыкали шкуру и глубоко входили в тело зверя, иногда проходя навывлет. Главным образом, это цельные костяные наконечники с остро заточенным боевым концом. Однако в финальном мезолите Прионежья и Верхнего Поволжья некоторые крупные костяные колющие наконечники стрел вместо острия на конце имели мелкий широкий желобок, в который крепилось кремневое острие (рис. 3, 4, 8, 9). В Верхнем Поволжье они найдены в слоях финального мезолита на стоянках Озерки 5 (Жилин, 2006а), Нушполы 11 (Жилин, 1997), Ивановское 7 (Жилин и др., 2002). Острие крепилось при помощи клеящего вещества с обмоткой тонкой нитью, что прослеживается по изделиям с сохранившейся смолой и отпечатками нити на смоле на края желобка (Нушполы 11, III слой – рис. 3, 8). Мелкие кремневые иволистные наконечники из этих и других стоянок Верхнего Поволжья (Жилин, 2006. Рис. 39, 3, 8, 9), вероятно, предназначались именно для таких составных колющих наконечников. В Оленеостровском могильнике (Гурина, 1956) составные костяные наконечники с кремневым острием сохранили свое первоначальное положение в колчане, не оставляющее сомнения в их устройстве и применении в качестве именно наконечников стрел, а не дротиков, как у индейцев Северо-западного побережья Северной Америки. Примечательно, что кремневыми остриями оснащались костяные наконечники разной формы. Эти наконечники предназначались для охоты на крупного зверя, вероятно, на лося, кабана и медведя, кости которых встречены на всех стоянках, где найдены такие наконечники. Вероятно, древние охотники считали, что кремневое острие усиливает поражающую способность костяного наконечника. Однако наконечники с желобком для каменного острия, появившись в позднем мезолите, просуществовали очень недолго, и уже в слоях начала неолита они не встречаются. Видимо, это связано с тем, что тяжелые стрелы, оснащенные крупными костяными наконечниками, пущенные из мощного лука с достаточно близкого расстояния, и без каменного острия обладали очень высокой поражающей способностью. Последнее подтвердилось в ходе проведенных нами экспериментов по стрельбе из лука холмгаардского типа стрелами с костяными наконечниками мезолитических типов.

Следы от попаданий на колющих наконечниках различны по интенсивности, что связано с длительностью их использования, но в целом однотипны. На кончике острия одного (рис. 2, 3) плоский микроскол и заполировка, в пределах которой от острия вдоль оси и под острым углом идут тонкие короткие царапины – следы попаданий в мягкий, слабозагрязненный материал. Острие другого наконечника (рис. 2, 6) расщеплено, на одной стороне почти плоский длинный скол, на противоположной – очень короткий плоский скол с заломом – следы попаданий в твердый материал, дополняемые слабой заполировкой незатронутых сколами участков и единичными царапинами от острия вдоль оси орудия – следами попаданий в мягкий материал. Этот наконечник, вероятно, пробив шкуру и мышечные ткани попал в кость, что вызвало деформацию его острия. На некоторых наконечниках линейные следы идут не строго вдоль оси, а под острым углом к ней, винтообразно, что говорит о вращении стрелы вдоль оси при поражении цели (Жилин, 2014).

В первой группе можно выделить три функциональных типа. Критерием их выделения являются особенности поведения наконечника при поражении жертвы.

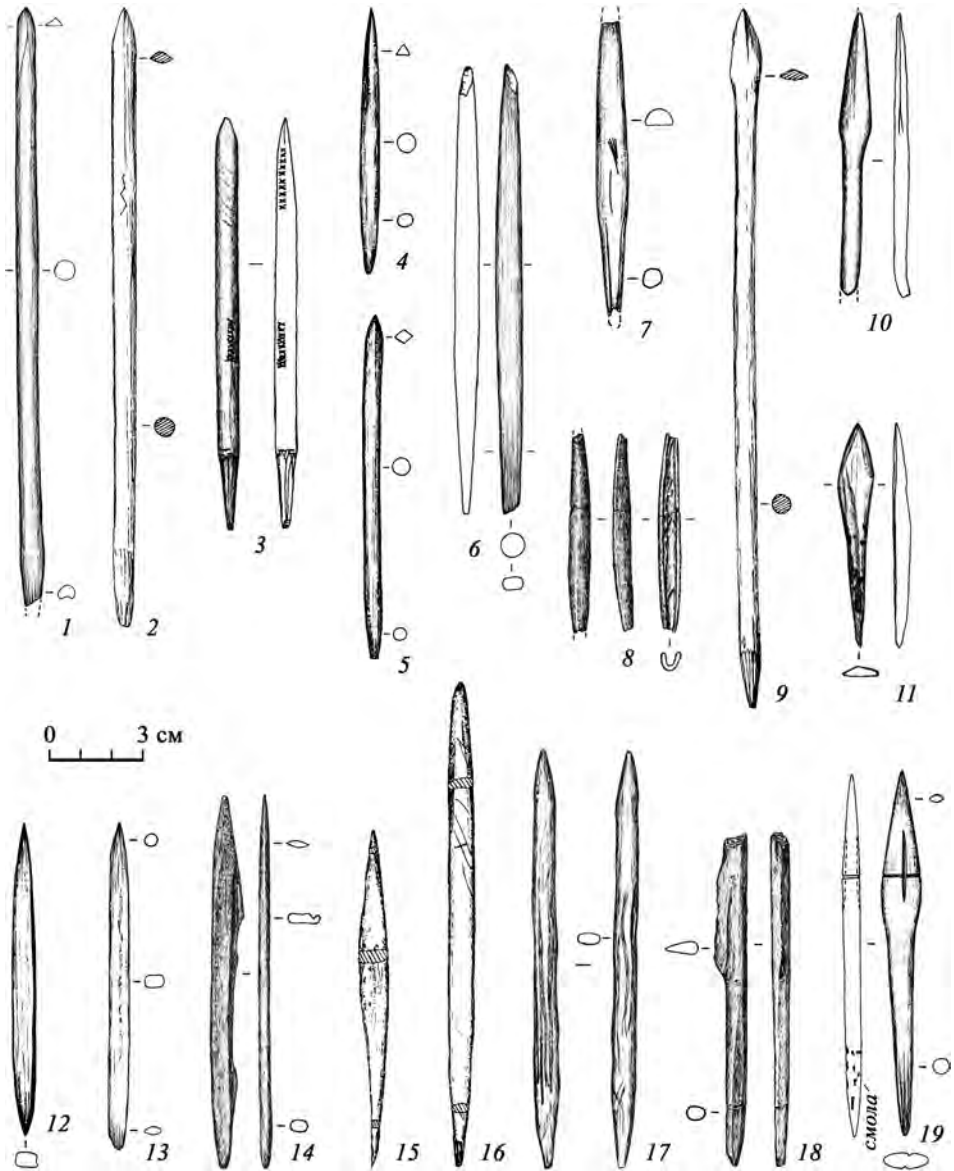

Рис. 2. Колющие наконечники стрел

1, 3, 6 – Ивановское 7, слой ПА (по: Жилин и др., 2002); 2, 9, 15, 16 – Замостье 2, верхний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008); 4, 5, 7, 10, 11, 17 – Озерки 5, нижний слой (по: Жилин, 2006а); 8, 13, 18, 19 – Окаёмово 5, нижний слой (по: Жилин, 2014); 12 – Нушполы 11, слой III (по: Жилин, 1997)

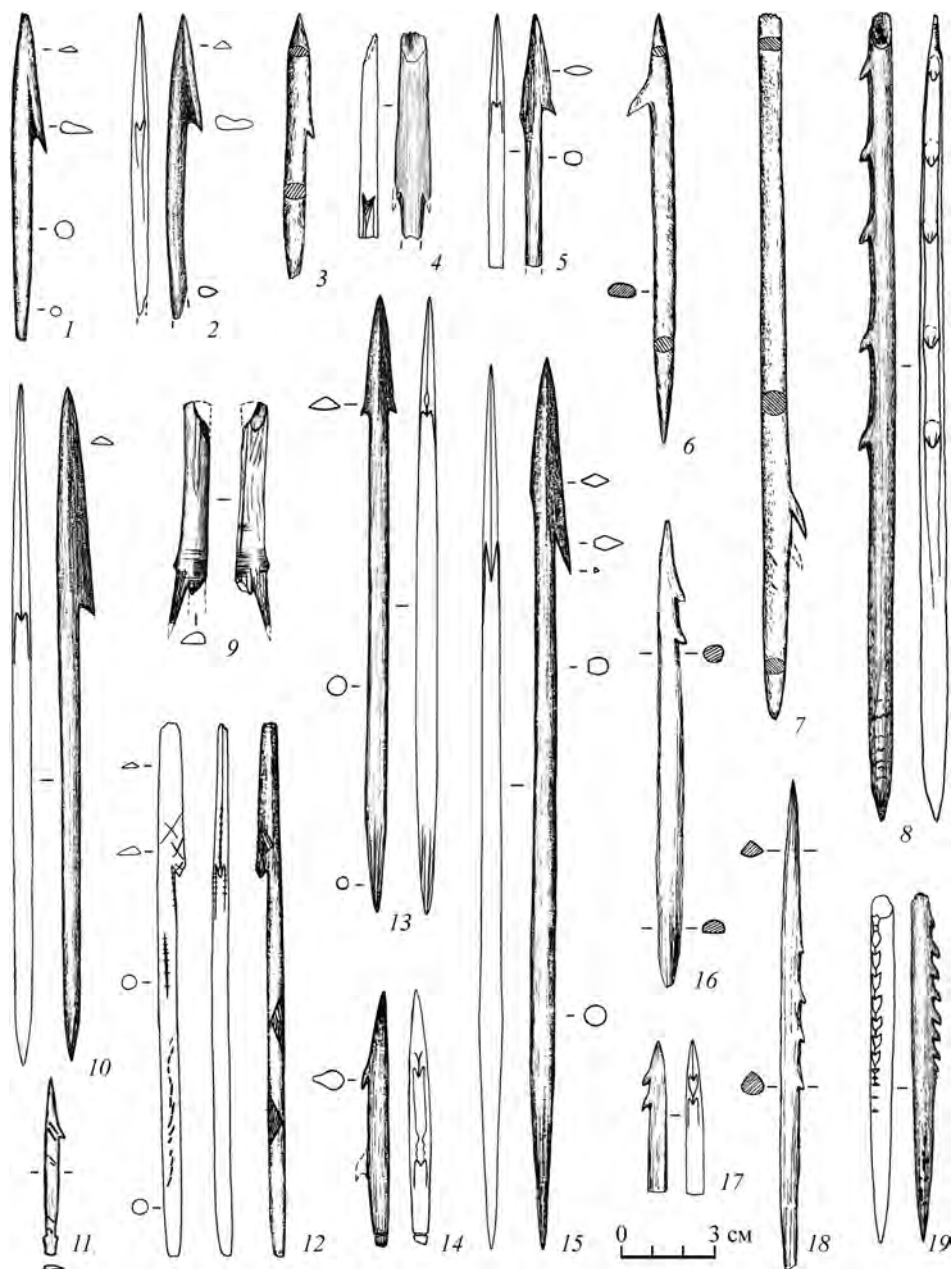

Рис. 3. Колющие наконечники стрел с зубцами и шипами

1, 9, 12 – Озерки 5, нижний слой (по: Жилин, 2006а); 2, 13, 15, 19 – Окаёмово 5, нижний слой (по: Жилин, 2014); 3, 11 – Замостье 2, верхний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008); 4 – Ивановское 7, слой ПА (по: Жилин и др., 2002); 5, 8, 14, 17 – Нушполы 11, слой III (по: Жилин, 1997); 6, 7, 16, 18 – Замостье 2, нижний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008); 10 – Окаёмово 4, нижний слой (по: Жилин, 1997)

Тип 1.1. Ровные, без зубцов, шипов, поясков и утолщений на стержне. Эти наконечники по эффекту можно сравнить с винтовочной пулей, которая нередко пробивает зверя насквозь, оставляя небольшие входное и выходное отверстия, если не попадает в кость. При столкновении с костью такой наконечник часто ломается на несколько частей, что усиливает его поражающий эффект. Крупные массивные ровные колющие наконечники предназначались для охоты на крупного зверя, прежде всего, лося. В слое IV Сахтыша 14 найден фрагмент черепа лося, пробитого игловидным наконечником. Под увеличением хорошо видно, что кость от удара треснула, а края отверстия стерты (Жилин, 2004. Рис. 8), что говорит о глубоком проникновении именно игловидного наконечника. Диаметр отверстия точно соответствует диаметру игловидных наконечников из этого слоя. Различные ровные колющие наконечники могли применяться для охоты на разнообразную дичь, в том числе на птицу (Жилин, Карху, 2002) и рыбу. Последнее подтверждается как данными этнографии (Загорска, 1991. С. 47), так и нахождением большого количества ровных колющих наконечников в озерных отложениях мезолитического времени от Прибалтики (Загорска, 1991; Vankina, 1999) до Зауралья (Савченко и др., 2010). Наконечники этого типа широко распространены и встречаются сериями, иногда значительными, на стоянках позднего мезолита Верхнего Поволжья. По форме ровные колющие наконечники подразделяются на варианты: игловидные (рис. 2, 1–6), узкие плоские бесчерешковые (рис. 2, 12–17), черешковые с узким длинным пером (рис. 2, 7), с естественным продольным желобком (рис. 2, 8) (Жилин, 2001).

Тип 1.2. Колющие наконечники с зубцами или шипами. Часть колющих костяных наконечников оснащена шипами и зубцами по одному или обоим краям, чтобы не дать стреле выпасть из тела раненого зверя. Последнее было особенно важно, когда стрела вошла неглубоко, зверь был ранен несмертельно и убежал от преследователей. Застрявшая в ране стрела при беге зверя, особенно в лесу, где торчащее древко задевало за кусты и деревья, постоянно бредила рану. Это приводило к потере крови и позволяло собакам и охотникам легче идти по следу. Чукчи считали, что стрела с зубчатым наконечником сама убивает оленя даже при легком ранении, поскольку ввинчивается в тело убегающего зверя (Гурина, 1956). Крупные наконечники этого типа предназначались для охоты на крупного зверя, более мелкие использовались для охоты на различную дичь и для битвы рыбы. Последнее документировано находкой мелкого наконечника с зубцами по одному краю, воткнувшегося в дно на прибрежном участке стоянки Ивановское VII (Жилин и др., 2002). Кончик острия наконечника сглажен и заполирован, от него вдоль оси орудия идут тонкие длинные царапины с размытыми краями. Такие следы встречаются на наконечниках острог и образуются при втыкании в заиленное песчаное дно водоема в результате сильного удара. Выразительность следов на этом наконечнике указывает на его длительное использование и неоднократные попадания в озерное дно (Жилин, 2014). Наиболее вероятно применение подобных стрел при охоте на щуку, когда она греется на мелководье. В это время к ней можно подойти очень близко и произвести выстрел в упор. Однако за счет эффекта преломления в воде часто случаются промахи. Вероятно, это и произошло на Ивановской VII, в результате чего наконечник глубоко вошел в дно озера и при вынимании стрелы там и остался. Именно щука

была основной промысловой рыбой на этой и других мезолитических стоянках Восточной Европы (Жилин, 2004). Охота на рыбу с помощью лука и стрел хорошо известна из этнографии (Загорска, 1991). Вероятно для этого же предназначались и редкие мелкие наконечники с зубцами с выступами по краям насада из Замостья 2 (Лозовская, Лозовский, 2013. Рис. 4, 5) и с кольцевой канавкой на насаде из Нушпол 11 (Жилин 1997. Рис. 12, 3). По принципу крепления они аналогичны наконечникам гарпунов, т. е. соединялись с древком при помощи линия, и в момент попадания при рывке добычи могли отделяться от древка. Этот же принцип применялся и в известных из этнографии «шнурковых стрелах», также служивших для охоты на рыбу. Наконечники стрел с зубцами и шипами, возникнув в раннем мезолите, получили распространение в позднем мезолите Восточной Европы, в том числе и в Верхнем Поволжье. По форме колющие наконечники с зубцами подразделяются на варианты: однокрылые с шипом на конце крыла (рис. 3, 1–3, 10, 12; в том числе с желобком вместо острия – рис. 3, 9); двукрылые симметричные с шипами на конце крыла (рис. 3, 13; в том числе с желобком вместо острия – рис. 3, 4); двукрылые асимметричные с шипами на конце крыла (рис. 3, 5, 15); с зубцами у острия (рис. 3, 6, 16, 17); с одно-сторонними зубцами на стержне (рис. 3, 18, 19; в том числе с желобком вместо острия – рис. 3, 8), гарпунного типа (рис. 3, 11, 14) (Жилин, 2001).

Тип 1.3. Колющие наконечники с утолщенной или расширенной головкой или насадом. При попадании они обладают шокowym эффектом, при этом за счет отточенного острия глубоко проникают, иногда пробивая мишень навывлет. Для усиления шокowego эффекта на некоторых наконечниках с биконической головкой делался уступ, направленный в сторону острия, или рельефный поясok в наиболее широкой части головки. Расширенная или утолщенная головка, как и шипы или зубцы, удерживала стрелу в теле жертвы, не давая ей выпасть, если стрела не прошла насквозь. Наконечники этого типа широко распространены и встречаются сериями, иногда значительными, на стоянках позднего мезолита Верхнего Поволжья. Колющие наконечники с утолщенной или расширенной головкой или насадом по форме подразделяются на варианты: с биконической головкой (рис. 4, 1–7, 12); с утолщенной головкой неправильной формы, напоминающей биконическую (рис. 4, 8–11, 13); короткие наконечники близкие биконическим (рис. 4, 14–17); с широкой уплощенной головкой (рис. 4, 15, 16); с расширением на стержне (Там же). Примечательно, что в отличие от ранне-мезолитических памятников, на стоянках позднего мезолита обычно преобладают укороченные наконечники с утолщенной головкой неправильной формы.

Группа 2. Колюще-режущие вкладышевые наконечники. При попадании глубоко проникали в тело жертвы или проходили насквозь, острие прокалывало, а одно или два лезвия легко разрезали различные ткани. Это крупные костяные наконечники, вдоль одного или обоих краев которых прорезан узкий глубокий паз. В него вставлялись и закреплялись при помощи клеящего вещества вкладыши-микропластинки, образующие острое лезвие, которое могло оканчиваться шипом. Большинство из них представлено обломками с выпавшими вкладышами. Однако отдельные экземпляры, сохранившиеся целиком, как, например, наконечники из Ивановского 7, Станового 4 (Жилин, 2014), Веретья 1 (Ошибкина, 1983.

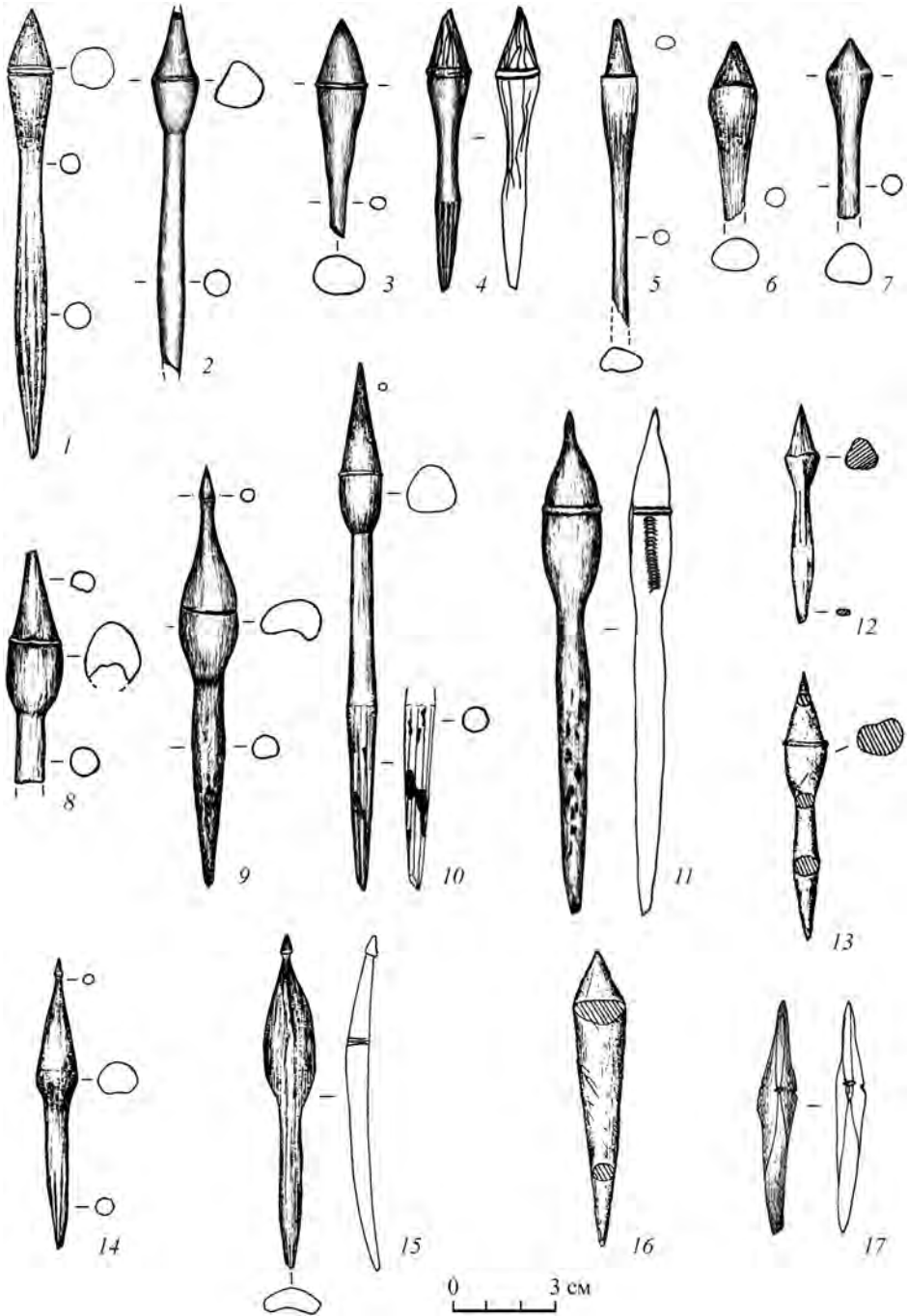

Рис. 26) дают представление о том, как эти наконечники выглядели. На острие одного из них (рис. 5, 1) видны хорошо выраженные следы попаданий в мягкий материал: сильная сглаженность кончика, яркая заполировка, сливающаяся с полировкой наконечника, в пределах которой – частые царапины и борозды от острия вдоль оси изделия, что говорит о его длительном использовании на охоте без существенных поломок. Проведенный автором трасологический анализ костяных наконечников из мезолитических стоянок Верхнего Поволжья и Восточного Прионежья показал, что, судя по линейным следам на острие, часть их при попадании вращалась (Жилин, 2001; 2014; Скакун и др., 2014; Zhilin 2014b). Это должно было увеличивать раны от вкладышевых наконечников и приводить к значительно большей потере крови, чем при попадании цельнокостяных. Это было очень мощное оружие. Вкладышевые наконечники стрел были широко распространены в Верхнем Поволжье в раннем и среднем мезолите. В позднем мезолите их число резко сокращается. Они представлены единичными экземплярами, а на ряде стоянок их нет вообще. Такие наконечники применялись для охоты на крупного зверя, прежде всего, лося, являвшегося основным объектом охоты в мезолите Верхнего Поволжья (Жилин, 2004). В этой группе можно выделить два функциональных типа по особенностям поведения наконечника при попадании.

Тип 2.1. Колюще-режущие вкладышевые наконечники без зубцов и шипов. По форме они подразделяются на варианты: игловидные (рис. 5, 1, 2); узкие плоские бесчерешковые (этот вариант представлен мелким обломком из нижнего слоя стоянки Окаево 5) (Жилин, 2001).

Тип 2.2. Колюще-режущие вкладышевые наконечники с зубцами или шипами. Сочетали высокие поражающие свойства наконечников этой группы со способностью удерживаться в теле жертвы. Они по форме подразделяются на варианты: весловидные с шипом и пазом (рис. 5, 4); однокрылые с шипом на конце крыла и пазом на противоположном крае (рис. 5, 7); двукрылые асимметричные с шипом на конце крыла и пазом на противоположном крае (рис. 5, 3, 5, 6, 8) (Там же). Крыло на крае с пазом у ряда наконечников последнего варианта выражено очень слабо, так что четко разграничить два последних варианта нередко бывает затруднительно.

Цельные однокрылые наконечники без шипов и двукрылые без шипов (весловидные) занимают промежуточное положение, что проявляется в характере заточки краев их пера. У некоторых из них края тупые, эти наконечники по назначению и эффектам при попадании ближе к типу 1 первой группы (рис. 2, 19). У большинства же края острые, и они приближаются к типу 1 второй группы (рис. 2, 9–11, 18), однако не обладают столь ярко выраженным режущим действием, как вкладышевые наконечники.

Для сравнения поражающей способности разных типов костяных наконечников стрел автором совместно с С. Н. Савченко и О. М. Юлановым в октябре

Рис. 4. Колющие наконечники стрел с утолщенной или расширенной головкой

1, 5 – Окаёмово 4, нижний слой (по: Жилин, 1997); 2–4, 6–9, 11, 14, 15, 17 – Озерки 5, нижний слой (по: Жилин, 2006а); 10 – Окаёмово 5, нижний слой (по: Жилин, 2014); 12, 16 – Замостье 2, верхний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008)

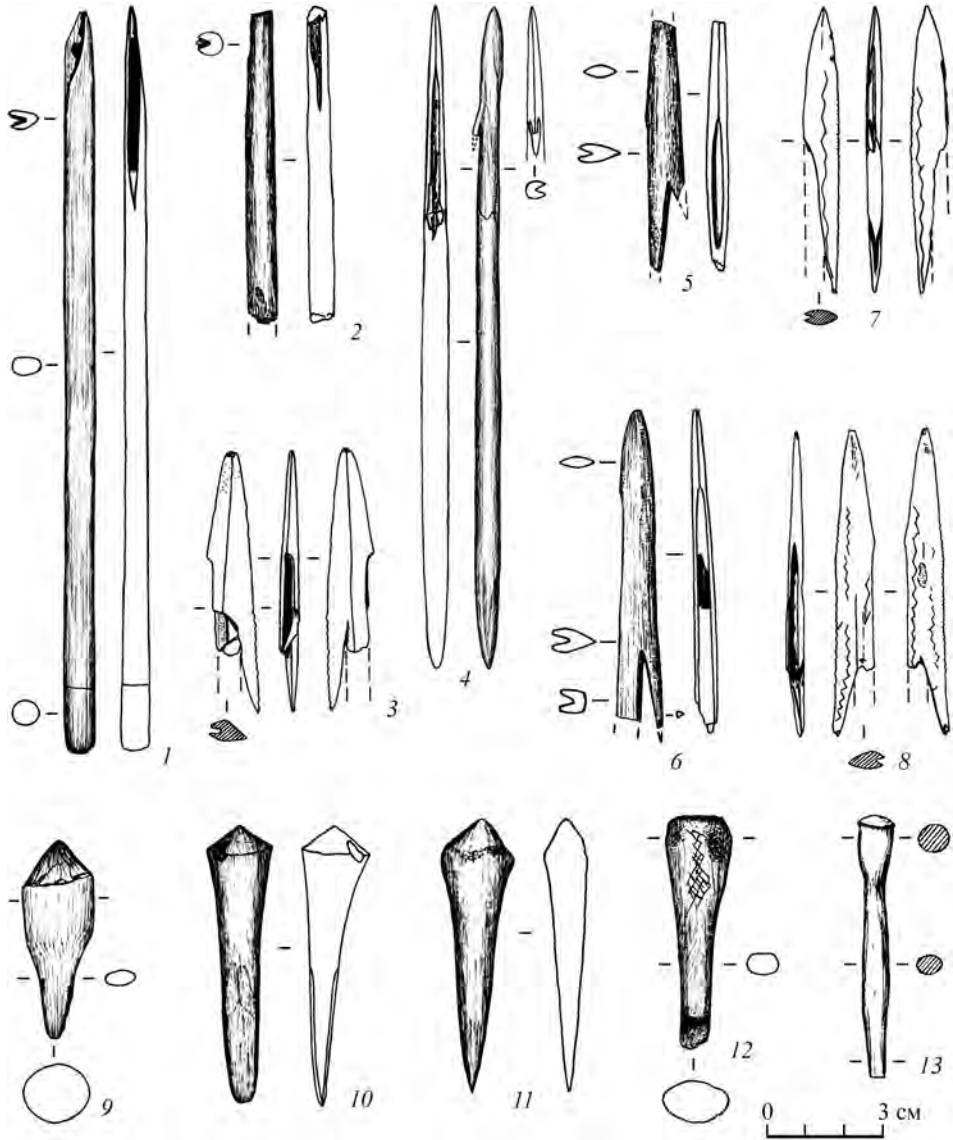

Рис. 5. Наконечники стрел, колюще-режущие вкладышевые (1–8) и тупые (9–13)

1, 4 – Ивановское 7, слой ПА (по: Жилин и др., 2002); 2 – Озерки 5, нижний слой (по: Жилин, 2006а); 3, 7–8 – Замостье 2, верхний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008); 5, 6 – Окаёмово 5, нижний слой (по: Жилин, 2014); 9 – Ивановское 7, слой ПА (по: Жилин и др., 2002); 10–12 – Озерки 5, нижний слой (по: Жилин, 2006а); 13 – Замостье 2, нижний мезолитический слой (по: Лозовский, 2008)

2013 г. был проведен эксперимент по стрельбе из лука стрелами с костяными наконечниками мезолитических типов. Мишень, сложенную из блоков торфа с дерном, сделанную по форме и размеру кабана сеголетка и покрытую свежей шкурой кабана сеголетка, пробили несколько стрел. Стрельба велась с расстояния 30 шагов (около 25 метров) из охотничьего лука с силой натяжения 24 кг. Одна стрела была с колюще-режущим вкладышевым наконечником, аналогичным рис. 5, 1; вторая – с наконечником с биконической головкой с пояском, аналогичным рис. 4, 1, но с более длинным стержнем. Наконечники стрел изготовлены С. Н. Савченко и М. Г. Жилиным из метаподий лося при помощи кремневых орудий (Савченко, 2006; Savchenko, 2010). Длина стрел с наконечником около 110 см, оперение – из двух перьев глухаря. Обе стрелы пробили мишень насквозь, при этом у обеих треть длины стрелы, включая наконечник, вышла с другой стороны мишени. По мнению охотника О. М. Юланова, стрелявшего из лука, оба ранения были бы смертельными для настоящего зверя. Описанный эксперимент, естественно, не претендует на полное соответствие реальности, однако показывает, что колющие гладкие наконечники, колюще-режущие вкладышевые наконечники и колющие наконечники с утолщенной головкой при стрельбе с близкого расстояния тяжелыми стрелами из лука, аналогичного по силе натяжения мезолитическому, обладают одинаковой способностью пробивать шкуру и тело жертвы.

Группа 3. Тупые массивные наконечники из кости и рога. Применялись для охоты на боровую дичь и пушных зверьков. Считается, что эти наконечники не портят шкуру зверя. При попадании они сбивают пушного зверька с дерева, нанося ему травмы, в результате которых он легко становится добычей охотника. Как показали наши эксперименты, главное достоинство таких наконечников в том, что они не втыкаются в ствол дерева, а при промахе падают на землю, проходя сквозь ветки. Подобные наконечники использовались для охоты на пушных зверей народами Сибири еще в XX веке (Салымский..., 2001). Появившись в среднем мезолите, тупые наконечники получают распространение в позднем мезолите Верхнего Поволжья. По форме выделяется несколько вариантов этих наконечников (рис. 5, 8–13) (Жилин, 2001).

Интересно, что у разных народов и в разные исторические эпохи, судя по изображениям и застрявшим в костях наконечникам (Нужный, 1992; 2008), одинаковые наконечники служили для охоты на разную дичь, и, наоборот, для охоты на одних и тех же зверей применялись разные наконечники. Таким образом, использование различных наконечников не столько определялось объектом охоты, сколько культурными традициями. Последнее наиболее ярко проявляется при сравнении наконечников стрел бутовских и иеневского слоев поселения Становое 4 (Жилин, 2004). Основными объектами промысла во всех слоях этого поселения были лось и бобр, а данные палинологии указывают на таежное окружение. Это в большей мере справедливо для наконечников стрел, предназначенных для охоты на крупную дичь.

В то же время можно проследить и специализацию отдельных групп и типов костяных наконечников стрел. В нашем случае можно с уверенностью говорить об использовании тупых массивных наконечников для охоты на пушного зверя

и на боровую дичь. Мелкие наконечники с зубцами по краю, наиболее вероятно, предназначались для охоты на рыбу. Наиболее уверенно это можно утверждать в отношении редких наконечников стрел с гарпунным типом крепления.

Проведенный краткий обзор показывает, что в позднем мезолите в Верхнем Поволжье встречены наконечники из кости и рога, предназначенные для добычи самых разных животных, представленных среди фаунистических остатков на стоянках (Жилин, 2004). Наконечники стрел для охоты на крупного зверя многочисленны, разнообразны и наиболее технически совершенны, что соответствует большой роли крупных животных, прежде всего, лося в жизнеобеспечении населения рассмотренных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверин В. А., Жилин М. Г., Костыльёва Е. Л., 2009. Мезолитические слои стоянки Сахтыш ПА: По материалам раскопок 1999 и 2004 гг. // ТАС. Вып. 7. С. 130–139.
- Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник. М.; Л.: АН СССР. 429 с. (МИА; № 47.)
- Жилин М. Г., 1997. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края: материалы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», 1–5 июля 1997, Сергиев Посад / Ред. Т. Н. Манушина и др. Сергиев Посад: Сергиево-Посад. гос. ист.-худож. музей-заповедник. С. 164–196.
- Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 326 с.
- Жилин М. Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 144 с.
- Жилин М. Г., 2006а. Мезолитические торфяниковые памятники тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира. 140 с.
- Жилин М. Г., 2006б. Многослойное мезолитическое поселение Сахтыш 14 (по раскопкам 1999–2001 гг.). // ТАС. Вып. 6. С. 197–202.
- Жилин М. Г., 2014. Костяная индустрия бутовской культуры. Преемственность и трансформации в развитии. М.: ИА РАН. 300 с. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf (дата обращения: 03.09.2015).
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 246 с.
- Загорска И. А., 1991. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука. С. 39–64.
- Замостье..., 2013. Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Ред. В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Кlemente-Конте. СПб.: ИИМК: СПГИХМЗ. 236 с.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., 1984. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье. // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины / Отв. ред. А. А. Величко и др. М.: Наука. С. 92–109.
- Лозовская О. В., 2001. Вкладышвые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Мат-лы Междунар. конф., 1–5 июля 1997, Сергиев Посад / Ред. Т. Н. Манушина и др. Сергиев Посад: Подкова. С. 273–291.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М., 2013. Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Ред. В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Кlemente-Конте. СПб.: ИИМК: СПГИХМЗ. С. 76–109.

- Лозовский В. М., 2008. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человечество, адаптация, культура / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. С. 200–222.
- Нужний Д. Ю., 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 188 с.
- Нужний Д. Ю., 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ. 308 с.
- Ошибкина С. В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 295 с.
- Савченко С. Н., 2006. Реконструкция техники изготовления наконечников «шигирского» типа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. / Ред. А. Я. Мартынов. Соловки: СОЛТИ. С. 314–323.
- Савченко С. Н., Калинина И. В., Жилин М. Г., 2010. Шигирские древности в собраниях Свердловского областного краеведческого музея и Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 38. С. 8–23.
- Салымский..., 2000. Салымский край. Екатеринбург: Тезис. 341 с.
- Скакун Н. Н., Жилин М. Г., Терехина В. В., 2014. История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII // Археологические вести. СПб.: Арт-Экспресс. Вып. 20. С. 80–95.
- Fischer A., 1989. Hunting with Flint-Tipped Arrowheads: Results and Experiences from Practical Experiments // The Mesolithic in Europe: Papers Presented at the Third International Symposium, Edinburgh, 1985 / Ed. C. Bonsall. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd. P. 29–39.
- Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2. Treignes: Editions du CEDARC. 97 p.
- Savchenko S. N., 2010. Experimental reconstruction of the manufacture technique of slotted bone arrowheads // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia. Cultural, technological and functional signature / Eds A. Legrand-Pineau, I. Sidéra, N. Buc, E. David, V. Scheinsohn. Oxford: BAR. P. 141–147. (BAR International Series; 2136.)
- Vankina L., 1999. The collection of Stone Age bone and antler artifacts from lake Lubana. Riga: N.I.M.S. 290 p.
- Zhilin M. G., 2014a. Early Mesolithic hunting and fishing activities in Central Russia: A review of faunal and artefactual evidence from wetland sites // Journal of Wetland Archaeology. Vol. 14. No. 1 (September). P. 92–106.
- Zhilin M. G., 2014b. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7: technology of the manufacture and use-wear traces // XVII World UISPP Congress, Burgos, 1–7 September 2014: Abstracts. Burgos. P. 440.
- Zhilin M. G., Karhu A. A., 2002. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia // Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Bird Working Group, Krakow, Poland, 11–15 September, 2001. P. 109–116. (Acta zoologica cracoviensia; 45 (special issue).)

Сведения об авторе.

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru.

M. G. Zhilin

Bone arrowheads in the Late Mesolithic in the Upper Volga region

Abstract. The Late Mesolithic peat-bog short-term camps in the Upper Volga Region have produced a variety of arrowheads made of stone, bone and antler. Arrowheads intended for hunting big mammals are numerous, diverse and the most perfect technologically, which implies that big animals, first of all, the elk, were an important element in the economic

survival system of the populations that used such camps. Various thrusting and cut-and-thrust arrowheads were used to hunt big animals. Small thrusting notched arrowheads were used to catch fish, while massive blunt arrowheads were used to hunt fur animals and upland fowl. The diversity of arrowheads made of bone and antler allowed ancient populations to successfully hunt various animals, birds, fish, whose bones are found in great quantities at such camps.

Keywords: arrowheads, bone and antler, Mesolithic, Upper Volga region, peat-bog short-term camps, use-wear analysis.

REFERECES

- Averin V. A., Zhilin M. G., Kostyleva E. L., 2009. Mezoliticheskie sloi stoyanki Sakhtysh IIA: Po materialam raskopok 1999 i 2004 gg. [Mesolithic layers of station Sakhtysh IIA: based on materials from excavations of 1999 and 2004]. *TAS*, 7, pp. 130–139.
- Fischer A., 1989. Hunting with Flint-Tipped Arrowheads: Results and Experiences from Practical Experiments. *The Mesolithic in Europe: Papers Presented at the Third International Symposium, Edinburgh, 1985*. C. Bonsall, ed. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd, pp. 29–39.
- Gurina N. N., 1956. Oleneostrovskiy mogil'nik [Oleniy Ostrov cemetery]. Moscow; Leningrad: Nauka. 429 p. (MIA, 47).
- Kraynov D. A., Khotinskiy N. A., 1984. Ivanovskie stoyanki – kompleks mezo- i neoliticheskikh ozernobolotnykh poseleniy na Volgo-Okskom mezhdurech'ye [Ivanovskoe stations – complex of Meso- and Neolithic lacustrine-marshy settlements in Volga-Oka interfluvium]. *Arkheologiya i paleogeografiya mezolita i neolita Russkoy ravniny [Archaeology and palaeogeography of Russian Plain's Mesolithic and Neolithic]*. A. A. Velichko, ed. Moscow: Nauka, pp. 92–109.
- Lozovskaya O. V., 2001. Vkladyshevye orudiya stoyanki Zamost'e 2 [Tools with inserts from Zamost'e 2 station]. *Kamennyi vek evropeyskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Stone Age of European plains: objects of organic matters and settlement structure as reflection of human culture: materials of international conference]*. T. N. Manushina, ed. Sergiev Posad: Podkova, pp. 273–291.
- Lozovskaya O. V., Lozovskiy V. M., 2013. Zubchatye ostriya i nakonechniki s zubtsom stoyanki Zamost'e 2 [Denticulate and jagged points of Zamost'e 2 station]. *Zamost'e 2. Ozerneoe poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita – neolita v bassejne Verkhney Volgi [Zamost'e 2. Lacustrine settlement of ancient fishers of Mesolithic-Neolithic epoch in Upper Volga basin]*. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Klemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN; Sergievo-Posadskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 76–109.
- Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2. Treignes: Editions du Centre d'Etudes et de Documentation Archéologiques. 97 p.
- Lozovskiy V. M., 2008. Izdeliya iz kosti i roga mezoliticheskikh sloev stoyanki Zamost'e 2 [Bone and antler artefacts from Mesolithic layers of Zamost'e 2 station]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. A. N. Sorokin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 200–222.
- Nuzhniy D. Yu., 1992. Rozvytok mikrolitichnoi tekhniki v kam'yanomu vitsi [Development of microlithic technique in Stone Age]. Kyiv: Naukova dumka. 188 p.
- Nuzhniy D. Yu., 2008. Rozvytok mikrolitichnoi tekhniki v kam'yanomu vitsi: udoskonalennyya zbroi pervisnikh myslivtsiv [Development of microlithic technique in Stone Age: perfection of first hunters' weapons]. Kyiv: KNT. 308 p.
- Oshibkina S. V., 1983. Mezolit basseyna Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ya [Mesolithic of Sukhona basin and eastern part of Onega Lake zone]. Moscow: Nauka. 295 p.
- Salymkiy..., 2000 – Salymskiy kray [Salym land]. Ekaterinburg: Tezis. 341 p.
- Savchenko S. N., 2006. Rekonstruktsiya tekhniki izgotovleniya nakonechnikov «shigirskogo» tipa [Reconstruction of production technique of «Shigir» type points]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Evropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii [Earliest and*

- medieval history and culture of European North: problems of research and scientific reconstruction*]. A. Ya. Martynov, ed. Solovki: SOLTI, pp. 314–323.
- Savchenko S. N., 2010. Experimental reconstruction of the manufacture technique of slotted bone arrowheads. *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia. Cultural, technological and functional signature*. A. Legrand-Pineau, ed. Oxford: BAR, pp. 141–147. (BAR International Series, 2136).
- Savchenko S. N., Kalinina I. V., Zhilin M. G., 2010. Shigirskie drevnosti v sobraniyakh Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya i Gosudarstvennogo Ermitazha [Shigir antiquities in collections of Sverdlovsk Regional museum of local lore and State Hermitage]. *ASGE*, 38, pp. 8–23.
- Skakun N. N., Zhilin M. G., Terekhina V. V., 2014. Istoriya izgotovleniya i ispol'zovaniya odnogo nakonechnika iz stoyanki Ivanovskoe VII [History of production and use of a pick from Ivanovskoe VII station]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological bulletin]*, 20. St. Petersburg: Art-Ekspres, pp. 80–95.
- Vankina L., 1999. The collection of Stone Age bone and antler artifacts from lake Lubana. Riga: N.I.M.S. 290 p.
- Zagorska I. A., 1991. Rybolovstvo i morskoy promysel v kamennom veke na territorii Latvii [Fishing and sea fishery in Stone Age in territory of Latvia]. *Rybolovstvo i morskoy promysel v epokhu mezolita – rannego metalla v lesnoy i lesostepnoy zone Vostochnoy Evropy [Fishing and sea fishery in Mesolithic – Early metal epoch in forest and forest-steppe zone of Eastern Europe]*. Leningrad: Nauka, pp. 39–64.
- Zamost'e..., 2013 – Zamost'e 2. Ozernoe poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita – neolita v bassejne Verkhney Volgi [Zamost'e 2. Lacustrine settlement of ancient fishers of Mesolithic-Neolithic epoch in Upper Volga basin]. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Klemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN: Sergievo-Posadskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik. 236 p.
- Zhilin M. G., 1997. Pamyatniki mezolita i rannego neolita zapadnoy chasti Dubnenskogo torfyanika [Mesolithic and Early Neolithic sites of Western part of Dubna peat-bog]. *Drevnosti Zaleskogo kraya: materialy kmezhdunarodnoy konferentsii «Kamennyy vek evropeyskikh ravnin: ob "ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury» [Antiquities of Zalesky land: «Stone Age of European plains: objects of organic matters and settlement structure as reflection of human culture»: materials of international conference]*. T. N. Manushina, ed. Sergievo-Posadskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 164–196.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Mesolithic bone industry in forest zone of Eastern Europe]. Moscow: URSS. 326 p.
- Zhilin M. G., 2004. Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Natural environment and economy of Mesolithic population of Center and North-West of East European forest zone]. Moscow: Academia. 144 p.
- Zhilin M. G., 2006a. Mezoliticheskie torfyanikovy pamyatniki tverskogo Povolzh'ya: kul'turnoe svoeobrazie i adaptatsiya naseleniya [Mesolithic peat-bog sites of Volga basin in Tver' region: population's cultural specific and adaptation]. Moscow: Lira. 140 p.
- Zhilin M. G., 2006b. Mnogosloynoe mezoliticheskoe poselenie Sakhtysh 14 (po raskopkam 1999–2001 gg.) [Multilayered Mesolithic settlement Sakhtysh 14 (based on excavations of 1999–2001)]. *TAS*, 6, pp. 197–202.
- Zhilin M. G., 2014. Kostyanaya industriya butovskoy kul'tury. Preemstvennost' i transformatsii v razviti [Bone industry of Butovo culture. Continuity and transformations in evolution]. Electronic resource. Moscow: IA RAN. 300 p. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf.
- Zhilin M. G., 2014a. Early Mesolithic hunting and fishing activities in Central Russia: A review of faunal and artefactual evidence from wetland sites. *Journal of Wetland Archaeology*, vol. 14, no. 1 (September), pp. 92–106.
- Zhilin M. G., 2014b. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7: technology of the manufacture and use-wear traces. *XVII World Congress de l'Union internationale des sciences prèhistoriques et protohistoriques: Abstracts*. Burgos, p. 440.
- Zhilin M. G., Karhu A. A., 2002. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia. *Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Bird Working Group, Krakow, Poland, 11–15 September, 2001*, pp. 109–116. (Acta zoologica cracoviensia; 45 (special issue).)

Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engovatova A. V., 2002. Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (po materialam stoyanki Ivanovskoe VII) [Mesolithic and Neolithic cultures of Upper Volga region (based on materials from Ivanovskoe VII station)]. Moscow: Nauka. 246 p.

About the author:

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru.

С. В. Ошибкина

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УСЛОВНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. В статье обсуждаются проблемы реконструкции идеологических представлений охотников-собирателей, населявших лесную зону Восточной Европы в эпоху мезолита и неолита. Еще в XIX в. стали известны первые предметы первобытного искусства, группы петроглифов, в том числе условные изображения, которые исследователи связывают с космогоническими представлениями древних. Число подобных данных по мезолиту к настоящему времени значительно увеличилось, главным образом за счет находок художественных предметов из погребений Оленеостровского могильника с его замечательными скульптурными фигурами, торфяников Вис 1, Замостье 2, Веретье. Автор анализирует назначение находок, развитие наиболее популярных сюжетов и вероятное отношение мифологии древнего населения к сюжетам космогонического характера. Предлагается вывод о том, что в неолите лесной зоны Северной Евразии у некоторых групп населения существовали представления о небесной сфере и культовое отношение к основным небесным светилам – солнцу и луне, возможно, и к звездам. Подобных сведений о мезолитическом населении недостаточно. Однако и в этот ранний период заметно внимание к таким сюжетам как солнечный лось-олень, водоплавающая или солнечная птица – лебедь, журавль, которых мифология многих народов связывает с небесной сферой, солнцем, светилами.

Ключевые слова: Север Восточной Европы, лесная зона, мезолит, неолит, первобытное искусство, символизм, космогонические представления, мифология.

Принято считать, что охотники-собиратели эпохи мезолита, обитавшие в лесной зоне Восточной Европы вели в основном подвижный образ жизни, что вместе с прагматическим отношением к предметам материальной культуры чаще всего не оставляло никаких следов духовной жизни, тем более каких-либо космогонических¹ представлений населения. Полагают, что подобные представления и взгляды на окружающий мир оформились позднее, уже у относительно оседлого населения, освоившего производящие формы хозяйства как более

¹ Космогония – наука о происхождении вселенной и солнечной системы.

прогрессивные, что произошло только в раннем неолите. Тем не менее во второй половине XIX в. на стоянках лесного неолита впервые были собраны случайные находки, составившие представительные коллекции миниатюрной скульптуры из кремня, были также открыты группы петроглифов, в том числе условные изображения, которые исследователи нередко связывают с космогоническими представлениями древних. Число подобных данных к настоящему времени значительно увеличилось, главным образом за счет находок на стоянках и в могильниках мезолита – неолита. Правда, трактовка мелкой пластики и петроглифов, особенно условных изображений, остается предметом дискуссий. В настоящем очерке обратимся к некоторым характерным фигурам и знакам, найденным на памятниках мезолита – неолита, чтобы понять хотя бы предположительно их назначение, развитие наиболее популярных сюжетов во времени и вероятное отношение мифологии древнего населения к сюжетам с космогоническим содержанием. Перечисленные проблемы неоднократно обсуждались в специальной литературе (Древняя астрономия..., 1998). В результате существует множество гипотез, которые в данном тексте упоминаются в краткой форме.

В раннем голоцене в лесной зоне Восточной Европы существовало несколько археологических культур, оставленных населением разного уровня развития и с различной системой социальной организации. Их образование могло быть результатом миграционных процессов или автохтонного развития, когда происходило изменение культурных традиций и вещественного материала в среде этнически однородного населения, вызванное изменениями окружающей природной среды, хозяйственной деятельности и всей экономики популяции в целом. Оба варианта возможны, однако трудно прослеживаются на археологических материалах. Важно отметить неравномерное развитие культур, что объективно отражает закономерности исторического процесса.

В мезолите, несмотря на то, что популяции оставались охотничье-собираТЕЛЬскими, известны примеры структурированных групп поселений с временными стоянками и вынесенными на специально отведенные места могильниками. Существовал регламентированный погребальный обряд, что свидетельствует об устойчивых традициях и достаточно высоком уровне духовной жизни населения. На поселениях таких культур встречаются иногда художественно оформленные предметы – оружие, орудия труда, культовые вещи – со сложными орнаментальными композициями, гравировками, условными знаками, а также примитивная скульптура. В лесной зоне Восточной Европы выделяются несколько очагов мезолитического искусства, что как будто подтверждает предположение об одновременном существовании культур с предметами искусства и без них (Формозов, 1983).

Обращаясь к предметам искусства, приходится учитывать, что для древнего человека художественно оформленные изделия могли иметь совершенно иное значение, чем в нашем понимании искусства. Отношение первобытного человека к природному окружению и предметному миру, основанное на повседневной жизненной практике и общих наблюдениях, существенно отличалось от представлений об окружающем мире и системы мышления современных народов (Леви-Брюль, 1936. С. 289–301). Поэтому рассматриваемые здесь предметы, найденные на памятниках каменного века лесной зоны Евразии, очевидно, имели

не только бытовое, но и сакральное значение, не были декоративными в нашем понимании, что заставляет называть их только художественно оформленными изделиями.

Наиболее представительные коллекции предметов искусства раннего мезолита найдены на поселениях и стоянках мезолитической культуры веретье, где можно видеть постепенное изменение приемов художественного оформления вещей, что происходило на протяжении бореального времени, всего периода существования культуры. К позднему мезолиту относится ряд коллекций художественных предметов из погребений Оленеостровского могильника с его замечательными скульптурными фигурами, находки из торфяников Вис 1, Замостье 2 и других.

На памятниках мезолита встречаются характерные художественные изделия, отражающие природное окружение и связанные с основными видами животных, обитавших в лесной зоне Северной Евразии и служивших охотничьей добычей. Таким зверем, прежде всего, являлся лось, обитатель таежных и смешанных лесов, самая крупная мясная добыча, из костей которого к тому же делали всевозможные орудия, оружие, украшения. В списках охотничьей фауны собранной в культурных слоях стоянок мезолита присутствуют и другие виды – северный олень, бобр, заяц, куница, в исключительных случаях – бурый медведь. Однако изображение лося представлено гораздо чаще других животных, его сопровождают фигуры птицы и змеи. Находки такого рода чрезвычайно редки, но заметно, что для раннего мезолита характерно стилизованное изображение лося, а к концу бореала аналогичные фигуры нередко оформляют уже более конкретно, выделяя детали, близкие натуре.

Среди находок в поселении Веретье 1 (Архангельская область), датированном началом бореала, представлен кинжал из выпрямленного ребра крупного лося. Орудие тщательно отполировано, поверхность с двух сторон покрыта серией пересекающихся прочерченных линий. Завершает обух стилизованное резное изображение головы лося с поднятыми вверх ушами и зубчатыми выступами по краям, изображающими гриву (рис. 1, 11). Кинжал не могли использовать по прямому назначению, этому противоречит особая тщательность отделки поверхности и деталей и довольно тупые острие и боковые лезвия. Скорее всего, орудие имело ритуальное назначение, особенно учитывая, что сделано оно именно из ребра лося, в соответствии с правилами симпатической магии.

В Веретье 1 на изделии из лопатки лося, на полированной плоскости, представлен гравированный рисунок в виде креста, состоящего из полос, заполненных короткими линиями разного направления (рис. 1, 8). Сложную графическую фигуру можно интерпретировать как символический солярный знак (Ошибкина, 2006. Рис. 66, 3). По двум концам рисунка короткими линиями намечены выступы. В этой связи можно вспомнить, что в мифологии лопарей или саамов, по описанию Н. Харузина и ряда скандинавских исследователей XVIII–XIX вв., существовала сложная картина мира и пантеон божеств. Главным считали бога солнца Пейве, символом которого был крест с тяжами или вожжами по концам перекрестий. Вожжи солнца имели каждая свое назначение – лучший день для охоты, субботний бог, покровитель пятницы и колдовства. Обычно на всех бубнах шаманов помещали символ солнца (Харузин, 1890.

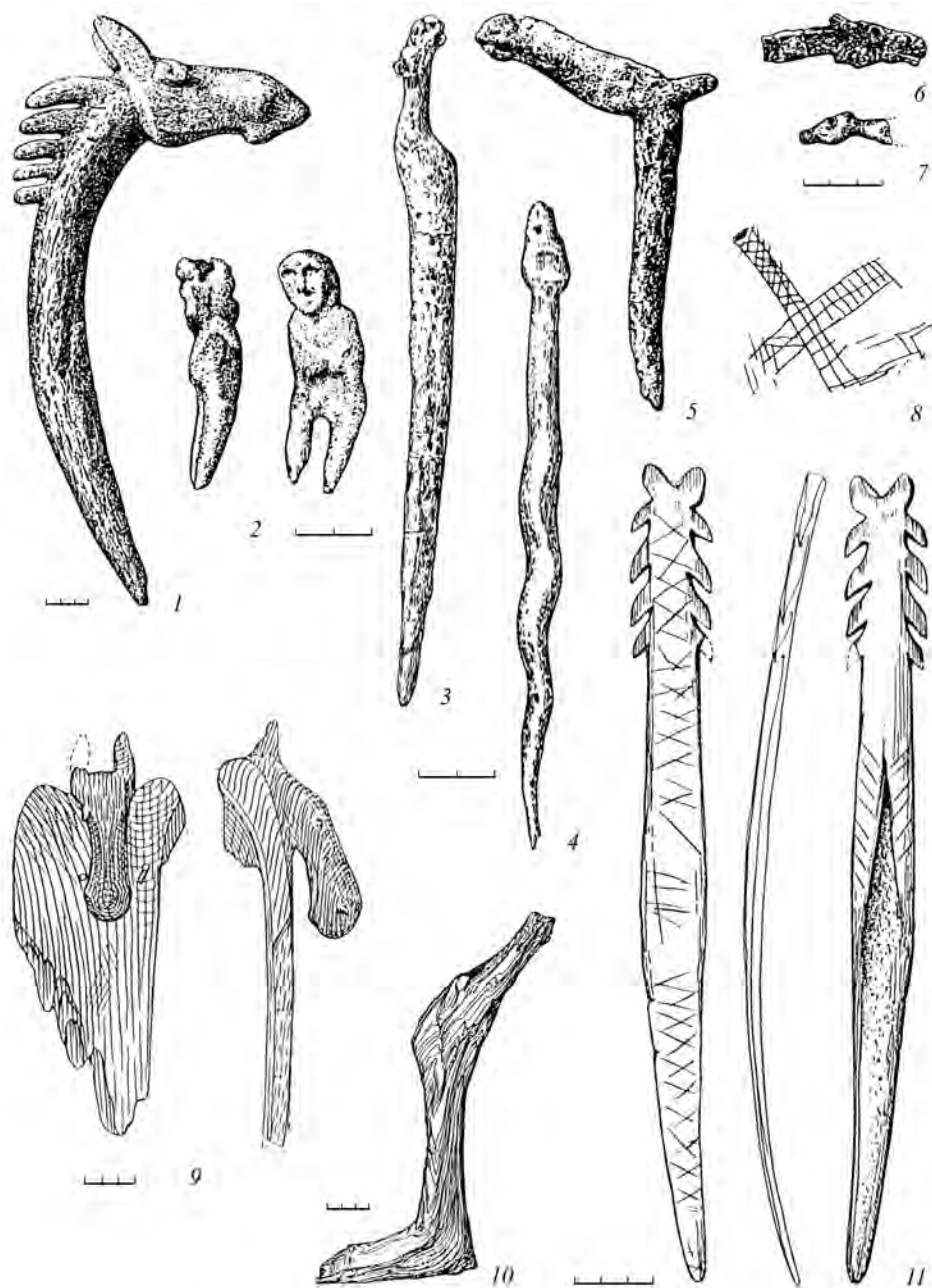

Рис. 1. Памятники с находками изображений животных

1–7 – Оленеостровский могильник (по: Гурина, 1956); 8, 10, 11 – Веретье 1 (по: Ошибкина, 2006); 9 – Вис 1 (по: Вуров, 1999)

С. 143, 145). Этнографическая аналогия показывает, что графическая фигура из Веретья 1 является символическим знаком солнца у древнего населения, занимавшего примерно те же территории, где в Средние века еще обитали саамы, позднее отодвинутые к побережьям Ледовитого океана. В пантеоне богов у саамов была еще луна – Анкако, ей посвящалась суббота, священный день недели. Ярким природным явлением были северные сияния и затмения светила, которые саамы считали шествиями по небу душ умерших (*Харузин*, 1890. С. 196). Очевидно, внимание к космогоническим явлениям характерно для самых ранних обитателей северных территорий, в дальнейшем в разных формах оно сохранилось у современных народов.

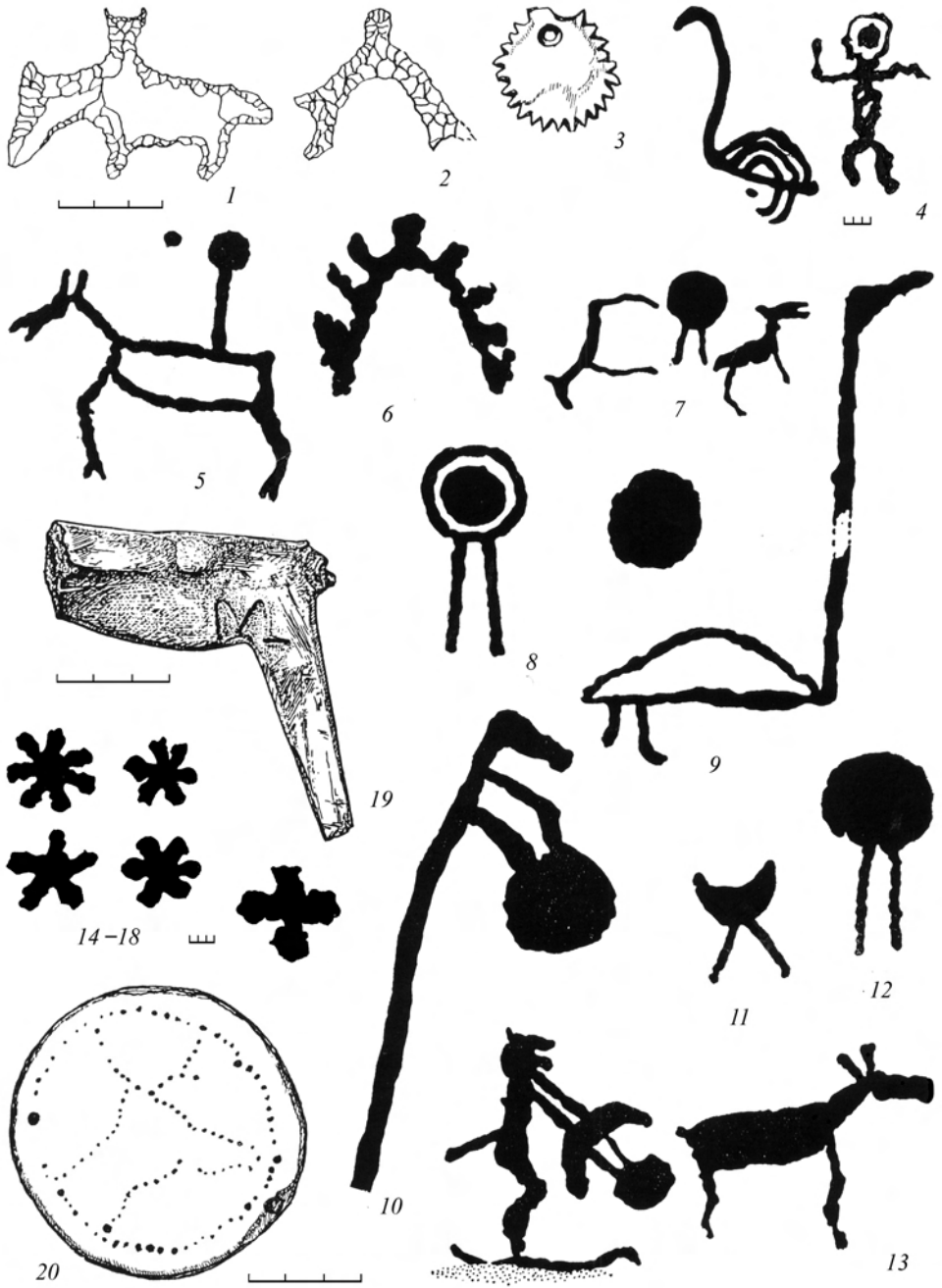
В погребениях Оленеостровского могильника на Онежском озере найдено несколько фигур лосей – изображения голов и целой фигуры. Среди них также представлен кинжал, завершенный профильным изображением головы лося (погребение 61), лежавший на груди погребенного (*Гурина*, 1956. Рис. 29). Это изделие, несмотря на общую плохую сохранность, имеет хорошо узнаваемые детали натуры. Объемные роговые фигуры в виде головы лося на длинной заостренной шее, которые обычно называют Г-образными, могли служить навершиями больших ритуальных посохов или жезлов (*Столяр*, 1983. С. 153). Особую известность приобрел жезл, завершенный профильной головой лося, с выделенными деталями – гривой, ушами, характерной нижней челюстью и выпуклым глазом. Жезл обнаружен в тройном погребении (№ 55–57), помещался в центре могилы, лежал над головой мужчины, которого считают шаманом (*Гурина*, 1956. Рис. 27). Это погребение имеет несколько радиоуглеродных дат (ГИН РАН и Oxford), которые относят его уже к концу бореала или началу атлантического периода (*Ошибкина*, 2006. С. 108).

Таким же навершием могла быть деревянная фигура в виде головы лося из Рованием (Финляндия), у которой тоже показан выпуклый глаз и короткая шея, а для крепления просверлено отверстие в основании. Датирована фигура 5700 BC (цв. рис. 2: с. 420).

К концу бореального периода относится торфяниковая стоянка Вис 1 (бассейн Вычегды), где найдена оригинальная деревянная фигура – изображение головы лося, как полагают, служившая деталью лыжи (*Burov*, 1999. Abb. 8).

Если в раннем мезолите известны символические изображения лося, то позднее получают распространение более конкретные фигуры. В неолите по всей лесной зоне северной Евразии встречаются близкие натуре скульптурные изображения лося или оленя из разных материалов, рисунки и гравировки на скальных поверхностях. Примером служат роговые жезлы, изображающие лосей, найденные в могильниках китайской культуры в Прибайкалье (*Студзицкая*, 1998). Прекрасные ритуальные роговые жезлы в виде головы лося на длинной шее представлены на памятниках неолита на западе лесной зоны. Они найдены на стоянке Швянтой 3В в Литве (*Rimantiene*, 1994. Abb. 85), в могильнике Звейниекы в Латвии, на других стоянках (*Irsenas*, 2000).

Повсеместное внимание к сюжетам, связанным с лосем или оленем, нередко объясняют космогоническими представлениями древних охотников-собирателей. По данным этнографии, у многих народов лесной зоны Евразии лось или его двойник – олень – представлены в мифах или верованиях, они олицетворя-

ют солнце там, где почитают светило главным источником жизни. Так в мифах саамов солнце едет по небу на оленях или олень-солнце движется по небесной сфере, олицетворяя умирающее и вновь возникающее божество (*Равдоникас*, 1937. С. 22).

На эту же тему А. П. Окладников сообщает, что охотники тайги представляли солнце как живое существо в виде гигантского лося, за день пробегающего весь небосклон и к ночи погружающегося в бесконечное подземное море. Предания о солнечном звере сложились еще в каменном веке и дошли в мифах до нашего времени (*Окладников*, 1964. С. 59, 60). Известен миф нганасан о шамане и женщинах-лосихах (важенках), сидящих вокруг небесного очага, в котором вместо огня сияют солнечные лучи. Архаичный миф о солнечных лосихах приводит Б. А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» (1981. С. 69), со ссылкой на работу А. Ф. Анисимова «Космологические представления народов Севера» 1959 г. Очевидна глубокая древность и повсеместное распространение мифологии, отражающей космические представления различных по происхождению и этносу народов, обитавших в лесной зоне Евразии.

Отдельные археологические предметы подтверждают достаточно наглядно роль лося в мифах и солнечных культах. Например, на свайной стоянке Модлона (Вологодская обл.) найдена роговая фигура – изображение головы лося с резным трехлучевым знаком под челюстью на горле, нанесенным с двух сторон (рис. 3, 19). Судя по форме головы и заостренной у конца шее, фигура служила навершием «жезла» и является сакральным предметом, связанным с солнечным культом (*Ошибкина*, 1978. Рис. 10).

В эпоху неолита широко распространились мелкие пластические изделия, в числе которых среди многочисленных антропоморфных и зооморфных фигур встречены символические изображения. С. Н. Замятнин, впервые описавший мелкую пластику эпохи неолита, выделял некоторые символические фигуры и не сомневался, что здесь показаны солярные и лунарные знаки культового назначения (*Замятнин*, 1948. С. 110). Среди них характерны отдельные объемные изображения – кремневая фигурка лося с выступом на спине, завершенным лунарным знаком из Дуденева (Тверская область), лунарный предмет с выступом для привязывания из Мстино на Валдае (*Замятнин*, 1948). Янтарная подвеска с зубчатым краем, найденная в одном из погребений Кончанского могильника (*Зимина*, 1992. Рис. 175), видимо, олицетворяла солнечный диск. Фигуры,

Рис. 3. Изображения лосей из памятников Севера Восточной Европы

1 – фигура лося из Дуденево Тверской области (по: *Замятнин*, 1948); 2 – кремневая фигура из Мстино (по: Там же); 3 – Кончанский могильник (по: *Зимина*, 1992)

Онежские петроглифы: 4 – Пери-Нос, камень 3 (по: *Савватеев*, 1970); 5 – Пери Нос, мыс VI; 6 – Пери Нос VI, кремневая фигура – солнечный свод; 7 – остров Большой Гурий (по: *Савватеев*, 1990); 8 – Пери Нос VI; 9 – Карецкий мыс (по: Там же); 10 – Бесов Нос, северный мыс; 11 – Пери Нос VI; 12 – Пери Нос III; 13 – Бесов Нос, северная группа, сцена солнечной «охоты» на лося (5, 6, 8, 10–13 – по: *Равдоникас*, 1936)

14–18 – Бесовы следки, беломорские петроглифы (по: *Савватеев*, 1970); 19 – свайное поселение Модлона, голова лося с солярным знаком (по: *Ошибкина*, 1978); 20 – Сахтыш VIII (по: *Крайнов*, 1992)

выполненные из кремня и янтаря (рис. 3, 1–3), имеют близкие соответствия среди онежских петроглифов. По мнению В. И. Равдоникаса (1937. С. 13), изображения светил или предметов, их олицетворяющих, свидетельствуют о сложившихся космогонических представлениях древнего населения. Обитатели неолитических стоянок размещали на скальных поверхностях Онежского святилища мифологические сюжеты, в том числе солярные и лунарные знаки, соединенные с антропоморфными (рис. 3, 4) или зооморфными фигурами (рис. 3, 10, 13). Особый интерес представляет антропоморфная фигура с разведенными в стороны руками, направленными одна вверх, другая вниз. Вокруг головы фигуры выбит круг или нимб – символ солнечного божества (*Лаушкин*, 1959. С. 93). У побережий Белого моря, среди беломорских петроглифов, известны выбитые на скальной поверхности углубления в виде пятен или звезд (рис. 3, 14–18) (*Савватеев*, 1970. Рис. 6, 7). Не все исследователи видели в них изображение звезд, другие полагали, что здесь представлены именно звезды, что является лишним аргументом в пользу внимательного отношения неолитического населения к небесным светилам.

На основании этнографических аналогий, почерпнутых главным образом из мифологии саамов, обитавших в древности вблизи от Онежского озера, К. Д. Лаушкин (1959. С. 109) убедительно обосновал вывод о существовании на восточном берегу Онежского озера святилища, связанного с космогоническим и, конкретно, солнечным культом протосаамского населения. По мнению исследователя, об этом свидетельствует даже самое расположение святилища на мысах, вытянутых в сторону заката и уходящих в глубину озера (до 750 м). Из семи мысов восточного берега Онежского озера пять средних состоят из красных гранитов и на них сосредоточены петроглифы святилища Бесов Нос. Первый и последний мысы состоят из серых гранитных пород, петроглифов здесь мало или нет совсем. Отмечая эту особенность, А. М. Линевский заметил, что от устья р. Шолы весь облик каменных мысов напоминает лежащего в озере ящера, что могли замечать и создатели петроглифов и святилища (*Линевский*, 1939).

В оценке Онежских петроглифов есть разные версии. Очевидна глубокая древность и повсеместное распространение мифологии, отражающей космогонические представления различных по происхождению и этносу народов, обитавших в лесной зоне Евразии.

Правда, А. Я. Брюсов и А. М. Линевский видели в лунарных и солярных фигурах с отходящими лучами (рис. 3, 7, 11, 12) всего лишь капканы или зверей в капканах, а вывод о существовании у древних солярного культа А. Я. Брюсов назвал «сплошной фантазией»². С этой точкой зрения трудно согласится. Принимая во внимание группировку изображений, можно допустить, что в ряде случаев на каменных полотнах основные персонажи – лоси и птица – расположены вокруг символической фигуры или солярного знака с двумя отростками (рис. 3, 7). Тем самым фигуры изображают мифологический сюжет с участием солнечного светила. Гипотеза о солярно-лунарном назначении святилища и онежских петроглифов, выдвинутая В. И. Равдоникасом и поддержанная

² Пометка А. Я. Брюсова на полях статьи К. Д. Лаушкина (библиотека ИА РАН).

К. Д. Лаушкиным и А. А. Формозовым, критически рассматривалась в свое время Ю. А. Савватеевым, который считал гипотезу недостаточно доказанной (Савватеев, 1970. С. 117–124).

Среди петроглифов Онежского святилища есть случаи совмещения образов лося и лебедя. А. М. Жульников (2006. С. 59) полагает, что в этих случаях представлены календарные символы, обозначающие основные сезоны года, в течение которых охотились осенью и зимой на лося, летом – на водоплавающих птиц. Следовательно, происходила смена охотничьих сезонов. Подобная трактовка сюжетов представляет определенный интерес.

В системе мифов и космогонических представлений, кроме лося и оленя, могла участвовать также водоплавающая птица, которая во многих мифах народов севера лесной зоны Евразии участвовала в создании земли и всего сущего. У финских народов Восточной Европы существовал миф о птице, ныряющей на дно первичного океана за землей, из которой затем создан мир (Напольских, 1991. С. 27–30). Скульптурное изображение водоплавающей птицы появляется уже в мезолите. Например, в Веретье 1 встречена объемная деревянная фигура крупной птицы с поднятой головой, в позе трубящего лебедя (рис. 1, 10). Фигура с выпуклым глазом сделана на плоском основании, так что могла стоять в помещении, где и была найдена. В неолите центр Русской равнины и северные регионы, а также Приуралье были заселены протофинскими народами. У разных по происхождению групп населения получила распространение керамическая посуда с отдельными рисунками или целыми фризами из плывущих птиц. На многих стоянках неолита найдены фигурки из глины, кости или кремня, на керамике встречаются сложные композиции из соляных знаков и фигур птиц (Ошибкина и др., 1992; Lozovski, 1996. Fig. 40). В среде протоуральских народов известен несколько иной древний миф о творении земли, неба, солнца, созданных из яйца птицы (Напольских, 1991. С. 27). Здесь встречаются изображения птиц, но они относительно редки.

В Оленеостровском могильнике найдены два скульптурных изображения змеи, из них одно завершено антропоморфной личиной, что делает фигуру совершенно уникальной (Попова, 1995. С. 23). Она найдена в погребении (№ 23) вместе с антропоморфной фигурой с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны, названной двулицким Янусом, которую считают сакральной, так же как змею с личиной. Объемные и графические изображения змеи встречены на многих памятниках лесной зоны. Первые изображения рептилий появились в позднем мезолите, особенно распространены в неолите, представлены среди петроглифов Беломорья (Савватеев, 1970. Рис. 57). Объемные фигуры змеи, выполненные из рога, глины или кремня, часто встречаются в культурных слоях неолитических стоянок или в погребениях лесной зоны Евразии (Ошибкина, 1978. С. 98, 99). Обычно змею связывают с подземным миром, считают олицетворением зла. Полагают также, что змея могла защитить человека от зла или спасти от несчастья (Moora, 1957. Fig. 1). Существует и другая точка зрения, отражающая космогонические представления охотников-сборителей лесной зоны, которая отмечает случаи совмещения образов лося и змеи в рисунках на скалах и, позднее, в оформлении оружия в бронзовом веке. Полагают, что случаи сочетания образов лося и змеи говорят о двух основных сторонах жизни,

о соотношении верхнего и подземного миров, что характерно, скорее, для мифов народов Сибири (*Студзицкая*, 2001. С. 185). В мифологическом пантеоне европейских народов, например, у саамов определенное место тоже отведено змеям, которые живут семьями и являются животными культовыми (*Харузин*, 1890. С. 234).

Таким образом, в неолите лесной зоны северной Евразии встречены многочисленные доказательства существования у некоторых групп населения вполне сложившихся представлений о небесной сфере и культового отношения к основным небесным светилам – солнцу и луне, возможно, и к звездам. Подобных сведений о мезолитическом населении недостаточно. Однако и в этот более ранний период заметно внимание к таким сюжетам, как солнечный лось-олень, водоплавающая или солнечная птица – лебедь, журавль, которых мифология многих народов связывает с небесной сферой, солнцем, светилами.

Отдельный вопрос о причинах, по которым древнее население обращалось к небесной сфере. Обычно этот феномен объясняют анимистическими взглядами человека. Могли быть и вполне практические причины. В высоких широтах, в тундре и лесотундре, во время полярной ночи люди могли знать расположение основных светил, звезд и созвездий и использовать их при выборе нужного направления, учитывая при этом определенные изменения конфигурации созвездий. Это же относится к солнцу в дневное время. Однако охотники-собиратели не удалялись от основных поселений на значительные расстояния и могли поэтому использовать приметы на местности. Передвижение по большим открытым водоемам, подобным Онежскому озеру и другим большим озерам или морям, в мезолите было ограничено. Передвижение по речным артериям могло следовать береговым ориентирам. Для оседлого неолитического населения значимость небесных ориентиров тоже не ясна, но в этот период известны лодки, в том числе многовесельные. Их изображения часто представлены среди петроглифов, особенно беломорских. То же можно сказать в отношении ориентации могильников и отдельных погребений, которые могли следовать береговым линиям рек. Судя по большим некрополям, где удастся проследить изменения ориентации погребений при смене состава населения, можно думать, что человек имел представление о странах света и использовал эти знания в соответствии с собственными традициями. Известны случаи отклонения ориентации погребений от основного принятого в данной популяции положения погребенных, что отражало высотное расположение солнца в разное время года, что особенно заметно в северных широтах. Что же касается основных небесных светил, они довольно рано оказались в центре космогонических представлений и определенных культовых действий у многих групп древнего населения лесной зоны Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н. Н.*, 1956. Оленеостровский могильник. М.: Наука. 431 с. (МИА; № 47.)
Древняя астрономия..., 1998. Древняя астрономия: Небо и человек: Тр. Междунар. конф., 19–24 ноября 1997 г. М.: Человек и К. 310 с.
Жульников А. М., 2006. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия. 224 с.

- Замятин С. Н.*, 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры на неолитических памятниках Северо-Восточной Европы // СА. Вып. X. С. 85–123.
- Зими́на М. П.*, 1992. Запад Русской равнины // *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука. С. 112–130.
- Крайнов Д. А.*, 1992. Русская равнина. Центр // *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука. С. 68–111.
- Лаушкин К. Д.*, 1959. Онежское святилище. Ч. 1: Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Тарту: Эстонское гос. изд-во. Т. 4. С. 83–111.
- Леви-Брюль Л.*, 1930. Первобытное мышление. М.: Атеист. 365 с.
- Линевский А. М.*, 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргиздат. Ч. 1. 194 с.
- Напольских В. В.*, 1991. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Народы уральской языковой семьи. М.: ИЭ АН СССР. 189 с. (Материалы к серии «Народы Советского Союза»; Вып. 5.)
- Окладников А. П.*, 1964. Олень Золотые Рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.; М.: Искусство. 239 с.
- Ошибкина С. В.*, 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука. 230 с.
- Ошибкина С. В.*, 1992. Север Восточной Европы // *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука. С. 8–67.
- Ошибкина С. В.*, 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: Гриф и К. 322 с.
- Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.*, 1992. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука. 136 с.
- Попова Т. А.*, 1995. Загадки Древнего Заонежья // Древности Северо-Западной России. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 9–10.
- Равдоникас В. И.*, 1936. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л.: АН СССР. Т. 1: Наскальные изображения Онежского озера. 205 с. (Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Археологическая серия; т. 9, № 10.)
- Равдоникас В. И.*, 1937. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. Вып. IV. С. 11–32.
- Рыбаков Б. А.*, 1981. Язычество древних славян. М.: Наука. 608 с.
- Савватеев Ю. А.*, 1970. Залавруга. Л.: Наука. Ч. 1. 443 с.
- Савватеев Ю. А.*, 1990. Каменная летопись Карелии. Петроглифы Онежского озера и Белого моря. Петрозаводск: Скандинавия. 119 с.
- Столяр А. Д.*, 1983. «Жезлы» Онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по палеолиту и мезолиту СССР / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Л.: Наука. С. 154–155.
- Студзицкая С. В.*, 1998. Мелкая пластика неолита Прибайкалья (изобразительные традиции) // Вестник антропологии. № 5. С. 207–220.
- Студзицкая С. В.*, 2001. Некоторые мотивы древнего искусства лесной Евразии (семантический аспект) // МИФ 7. София: СД Симолини. С. 172–190.
- Формозов А. А.*, 1983. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. № 3. С. 5–13.
- Харузин Н.*, 1890. Русские лопари: Очерки Прошлого и Современного Быта. М.: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ. 483 с.
- Burov G. M.*, 1999. Die mesolithischen Schlittenformen in Nordosteuropa // Den Bogen spannen: Festschrift für Bernhard Gramsch / Hrsg. von E. Cziesla, Th. Kersting, St. Pratsch. Weissbach: Beier and Berans. S. 117–136. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; Bd. 20.)
- Irsenas M.*, 2000. Elk figurines in the stone age art of the Baltic Area // Prehistoric art in the Baltic region. Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts. P. 93–105. (Dailės Akademijos Darbai; 20.)
- Lozovski V. M.*, 1996. Zamostje 2. Treignes, Belgique: Centre d'Etudes et de Documentation Archéologiques. 97 p.
- Moora H.*, 1957. Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 58. S. 225–232.
- Rimantiene R.*, 1994. Die Steinzeit in Litauen // Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 146 S. (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission; 75.)

Сведения об авторе.

Ошибкина Светлана Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Savanna_kasper@mail.ru.

S. V. Oshibkina

On interpretation of symbolic images from early Holocene sites
in the North of Eastern Europe

Abstract. The paper discusses the problems related to reconstruction of ideological views of hunters-gatherers who lived in East European forest zone in the Mesolithic and Neolithic. First pieces of primitive art and rock engravings came to light in XIX century. Among them there were some images of symbolic character, probably illustrating some cosmogonical ideas of the ancient people. Since then the data on the Mesolithic art have grown considerably, mostly due to the materials from the Oleniy Ostrov cemetery, peat-bog sites Vis 1, Zamostye 2, Veretye. The author analyses the objects' function, evolution of most popular subjects and probable relation of mythology with subjects of cosmogonical character. Conclusion is put forward that some groups of Neolithic population of East European forest zone developed some ideas on the celestial sphere and cult attitude to heavenly bodies – the Sun and the Moon, and, possibly, to the stars. Information on Mesolithic population is not sufficient, yet in this early period of special importance were such subjects as Sun elk-deer, water or Sun bird – swan and crane, which in ancient mythologies are related with celestial sphere, the Sun and other heavenly bodies.

Keywords: North of Eastern Europe, forest zone, Mesolithic, Neolithic, primitive art, symbolism, cosmogonical ideas, mythology.

REFERECES

- Burov G. M., 1999. Die mesolithischen Schlittenformen in Nordosteuropa. *Den Bogen spannen: Festschrift für Bernhard Gramsch*. von E. Cziesla, Th. Kersting, St. Pratsch, eds. Weissbach: Beier and Berans, pp. 117–136. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, 20.)
- Drevnyaya astronomiya..., 1998 – Drevnyaya astronomiya: Nebo i chelovek: trudy mezhduna-rodnoy konferentsii [Ancient astronomy: Sky and man: Transactions of international conference]. Moscow: Chelovek i K. 310 p.
- Formozov A. A., 1983. K probleme «ochagov pervobytnogo iskusstva» [On problem of «focuses of primitive art»]. *SA*, 3, pp. 5–13.
- Gurina N. N., 1956. Oleneostrovskiy mogil'nik [Oleniy Ostrov cemetery]. Moscow: Nauka. 431 p. (MIA, 47.)
- Irsenas M., 2000. Elk figurines in the Stone Age art of the Baltic Area. *Prehistoric art in the Baltic region*. Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts, pp. 93–105. (Dailės Akademijos Darbai, 20.)
- Kharuzin N., 1890. Russkie lopari: Ocherki Proshlogo i Sovremennogo Byta [Russian Lopars: Essays on past and modern life-style]. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A. A. Levenson. 483 p.
- Kraynov D. A., 1992. Russkaya ravnina. Tsentr [Russian Plain. Center]. *Oshibkina S. V., Kraynov D. A., Zimina M. P. Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaya zona Vostochnoy Evropy [Art of Stone Age: Forest zone of Eastern Europe]*. Moscow: Nauka, pp. 68–111.
- Laushkin K. D., 1959. Onezhskoe svyatilishche [Onega sanctuary], 1. Novaya rasshifrovka nekotorykh petroglifov Karelii [New deciphering of some rock-paintings in Karelia]. *Skandinavskiy sbornik [Scandinavian collection of articles]*, 4. Tartu: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 83–111.

- Lévy-Bruhl L., 1930. Pervobytnoe myshlenie [La mentalité primitive]. Moscow: Ateist. 365 p. (In Russian).
- Linevskiy A. M., 1939. Petroglify Karelii [Rock-paintings of Karelia], 1. Petrozavodsk: Kargizdat. 194 p.
- Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2. Treignes, Belgique: Centre d'Etudes et de Documentation Archéologiques. 97 p.
- Moora H., 1957. Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva. *Suomen Muinais-muistoyhdistyksen Aikakauskirja*, 58, pp. 225–232.
- Napol'skikh V. V., 1991. Drevneyshie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoy yazykovoy sem'i: dannye mifologicheskoy rekonstruktsii (priural'skiy kosmogonicheskiy mif [Earliest stages of formation of peoples entering family of Uralian languages: data of mythological reconstruction (East-Uralian cosmogonical myth)]. *Narody ural'skoy yazykovoy sem'i. [Peoples entering Family of Uralian languages]*. Moscow: IAE SO RAN. 189 p. (Materialy k serii «Narody Sovetskogo Soyuz», 5.)
- Okladnikov A. P., 1964. Olen' Zolotyie Roga: Rasskazy ob okhote za naskal'nymi risunkami [Golden-horned deer: Stories on rock-paintings hunting]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo. 239 p.
- Oshibkina S. V., 1978. Neolit Vostochnogo Prionezh'ya [Neolithic of Eastern part of Onega Lake zone]. Moscow: Nauka. 230 p.
- Oshibkina S. V., 1992. Sever Vostochnoy Evropy [North of Eastern Europe]. *Oshibkina S. V., Kraynov D. A., Zimina M. P. Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaya zona Vostochnoy Evropy [Art of Stone Age: Forest zone of Eastern Europe]*. Moscow: Nauka, pp. 8–67.
- Oshibkina S. V., 2006. Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya. Kul'tura Veret'e [Mesolithic of Eastern part of Onega Lake zone. Veret'e culture]. Moscow: Grif i K. 322 p.
- Oshibkina S. V., Kraynov D. A., Zimina M. P., 1992. Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaya zona Vostochnoy Evropy [Art of Stone Age: Forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 136 p.
- Popova T. A., 1995. Zagadki Drevnego Zaonezh'ya [Enigmas of ancient Transonega Lake zone]. *Drevnosti Severo-Zapadnoy Rossii [Antiquities of North-Western Russia]*. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 9–10.
- Ravdonikas V. I., 1936. Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera i Belogo morya [Rock paintings of Onega Lake and White Sea], 1. Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera [Rock paintings of Onega Lake]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 205 p. (Trudy IAE. Arkheologicheskaya seriya, vol. 9, no. 10).
- Ravdonikas V. I., 1937. Elementy kosmicheskikh predstavleniy v obrazakh naskal'nykh izobrazheniy [Elements of cosmic ideas in rock-painting images]. *SA*, IV, pp. 11–32.
- Rimantiene R., 1994. Die Steinzeit in Litauen. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 146 S. (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission, 75.)
- Rybakov B. A., 1981. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of ancient Slavs]. Moscow: Nauka. 608 p.
- Savvateev Yu. A., 1970. Zalavruga [Zalavruga], 1. Leningrad: Nauka. 443 p.
- Savvateev Yu. A., 1990. Kamennaya letopis' Karelii. Petroglify Onezhskogo ozera i Belogo morya [Stone chronicle of Karelia. Rock-paintings of Onega Lake and White Sea]. Petrozavodsk: Skandinaviya. 119 p.
- Stolyar A. D., 1983. «Zhezly» Onezhskikh petroglifov i ikh material'nye prototipy [«Wands» of Onega rock-paintings and their material prototypes]. *Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR [Researches in Mesolithic and Neolithic of USSR]*. L. Ya. Krizhevskaya, ed. Leningrad: Nauka, pp. 154–155.
- Studitskaya S. V., 1998. Melkaya plastika neolita Pribaykal'ya (izobrazitel'nye traditsii) [Small plastics of Cisbaikalian Neolithic (figurative traditions)]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*, 5, pp. 207–220.
- Studitskaya S. V., 2001. Nekotorye motivy drevnego iskusstva lesnoy Evrazii (semanticheskiy aspekt) [Some motifs of ancient art of forest-zone Eurasia (semantic aspect)]. *MIF 7 [MIF 7]*. Sofiya: SD Simolini, pp. 172–190.
- Zamyatnin S. N., 1948. Miniaturnye kremnevye skul'ptury na neoliticheskikh pamyatnikakh Severo-vostochnoy Evropy [Miniature flint sculptures at Neolithic sites of North-Eastern Europe]. *SA*, X, pp. 85–123.
- Zhul'nikov A. M., 2006. Petroglify Karelii. Obraz mira i miry obrazov [Rock-paintings of Karelia. Image of the world and worlds of images]. Petrozavodsk: Skandinaviya. 224 p.

Zimina M. P., 1992. Zapad Russkoy ravniny [West of Russian Plain]. *Oshibkina S. V., Kraynov D. A., Zimina M. P. Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaya zona Vostochnoy Evropy [Art of Stone Age: Forest zone of Eastern Europe]*. Moscow: Nauka, pp. 112–130.

About the author:

Oshibkina Svetlana V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Savanna_kasper@mail.ru.

А. Н. Сорокин

ПУРГАСОВСКАЯ КУЛЬТУРА: К 30-ЛЕТИЮ ИЗУЧЕНИЯ

Резюме. Пургасовская культура была выделена автором после раскопок в 1985 г. стоянки Пургасово 3. Каменная индустрия основана на параллельно-призматической технике первичного расщепления. Для вторичной обработки характерно использование приемов вентральной подтески наконечников, резцов, некоторых скребков и ножей, а также пильчатой ретуши и двустороннего краевого ретуширования. Орудийный комплекс включает набор своеобразных предметов охотничьего вооружения, многочисленных комбинированных орудий и каменных сверленных грузил. Значительной серией представлены наконечники стрел, среди которых, помимо традиционных черешковых и иволистных экземпляров с плоской вентральной ретушью, присутствуют весьма специфические изделия с выемкой на проксимальном боевом конце, а также крупные острия с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основании. Возраст пургасовских древностей определяется на основании единичных естественнонаучных данных и аналогий в памятниках и культурах пребореального и бореального времени.

Ключевые слова: мезолит, пребореал, бореал, пургасовская культура, задне-пильевская культура, култинская культура, наконечники пургасовского типа.

В 1983 г. при раскопках стоянки Борисово 1 в Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в заполнении жилища 2 были найдены два миниатюрных наконечника, обративших на себя внимание своей необычностью. Оба они были изготовлены из микропластин и имели небольшие черешки, обработанные полукрутой вентральной ретушью, а их боевые концы были оформлены в виде выемок крутой дорсальной ретушью (Сорокин, 1990. Рис. 17, 5, 6), из-за чего отдаленно напоминали средневековые железные срезни. Остальной набор памятника был достаточно стандартен для мезолитических коллекций Мещерской низменности. В том же году Б. А. Фоломеевым в ходе разведок по Своду памятников Рязанской области в Кадомском р-не, на правом берегу р. Мокши, была открыта стоянка Пургасово 3, где на выдувах был собран обильный подъемный материал, включая своеобразный поперечнолезвийный наконечник, весьма похожий на находки из Борисово 1. В 1985 г. Окской экспедицией ИА РАН под руководством А. Н. Сорокина в связи с угрозой уничтожения стоянки Пургасово 3 в процессе сооружения мелиоративного объекта были предприняты ее

превентивные охранные раскопки. В процессе исследования была получена целая серия подобных поперечнолезвийных наконечников, но значительно более крупных, чем микролиты из Борисово 1. Анализ музейных коллекций позволил выявить аналогичные «срезни» и на других памятниках Примокшанской и Мещерской низменностей. Выразительность, неординарность и своеобразие коллекции Пургасово 3 были настолько очевидны, что, даже если бы не было больше известно ни одного аналогичного памятника, правомерность выделения пургасовской культуры (Сорокин, 1987; Смирнов, Сорокин, 1989; Сорокин, 2005) вряд ли бы вызвала сомнение.

В настоящее время в мезолите Центральной России известно три археологические культуры – задне-пилевская, култинская и пургасовская, различающиеся, прежде всего, набором каменного инвентаря (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Статья посвящена характеристике последней из них. Тем не менее для понимания своеобразия пургасовской культуры целесообразно дать краткую характеристику и двух первых.

Задне-пилевская культура

Эпонимная стоянка Задне-Пилево 1 расположена в Рязанской области. К наиболее выразительным памятникам задне-пилевской культуры в Волго-Окском бассейне относятся стоянки Суконцево 7, Петрушино, Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Черная 1, Борисово 1, Красное 3, Исток 1 (верхний слой) и Соболево 5 (Сорокин, 1990), в бассейне р. Съежи – Васильево 1 и Курово 4 (Сидоров, 1996). Аналогичные материалы известны в Посухонье – это стоянки Колупаевская и Яснополянская (Ошибкина, 1983), а также были получены в Посожье на стоянках Криничная (Липницкая, 1979; Кудряшов, Липницкая, 1993) и Дедня (Копытин, 1995; Колосов, 2007а; 2007б).

Техника первичной обработки задне-пилевской культуры основывается на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин (Сорокин, 1990). При расщеплении применялись костяной или роговой посредник и отжимная техника. Ударные площадки тщательным образом ретушировались и подвергались абразивной подправке. Последняя использовалась и для подработки ребер. Не менее тщательно подготавливалась и «точка удара», а также осуществлялось редуцирование площадок потенциальных сколов. По мнению Е. Ю. Гири, система первичного расщепления находит прототип в индустрии «восточного граветта» (Лозовский и др., 2009).

Во вторичной обработке использовались: 1) круглая затупливающая ретушь, 2) резцовая техника, 3) приостряющая и уплощающая ретушь, 4) двусторонняя оббивка и 5) шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника.

Стандартный типологический набор задне-пилевской культуры (рис. 1, 2) включает: скребки концевые, двойные, подокруглые и боковые; резцы на сломе заготовки; ножи с приостряющей краевой ретушью; вкладыши из фрагментированных пластин; скошенные острия; сверла симметричные с невыделенными рабочими концами; скобели с мелкими дугообразными узкими или широкими

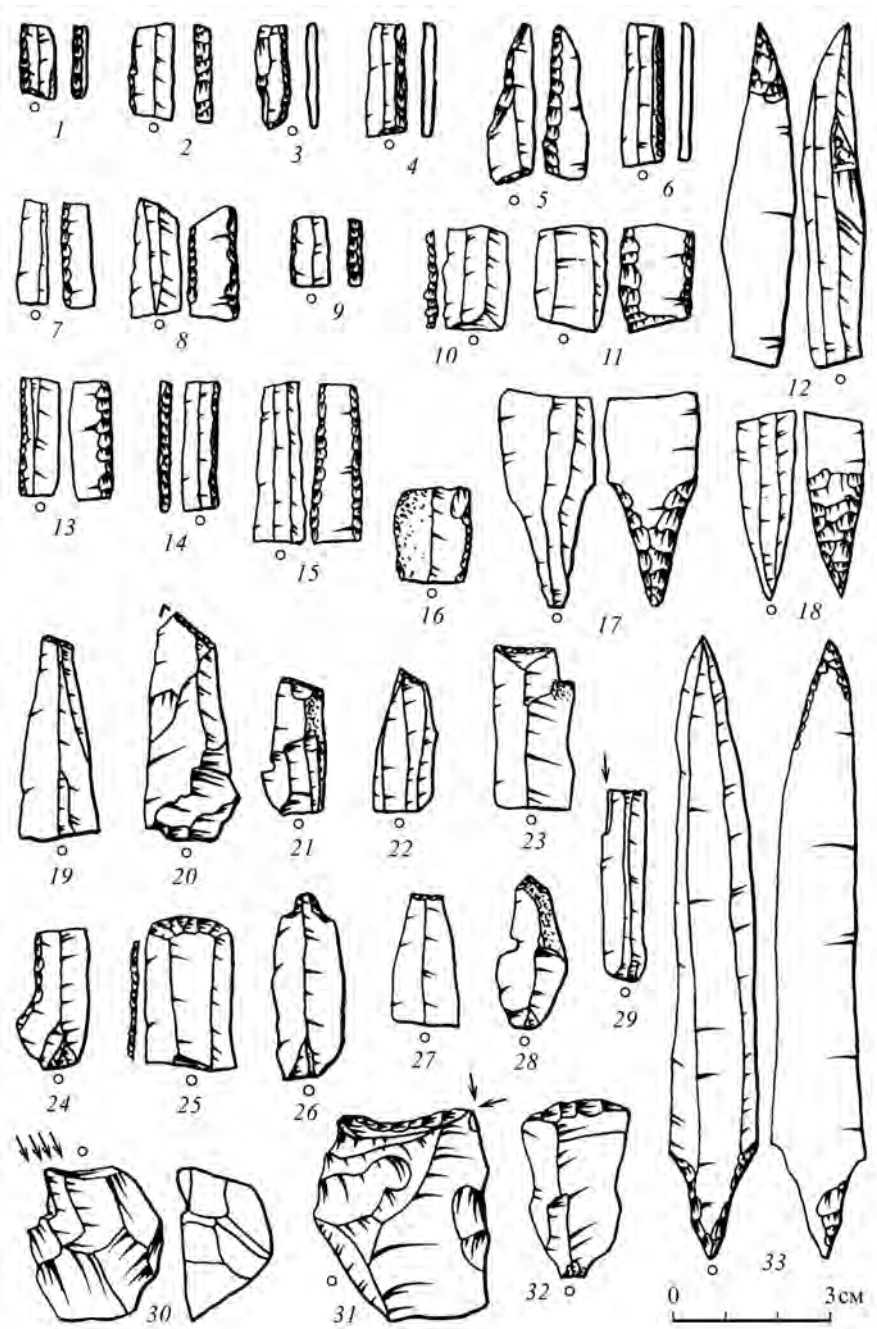

Рис. 1. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь задне-пилевской культуры

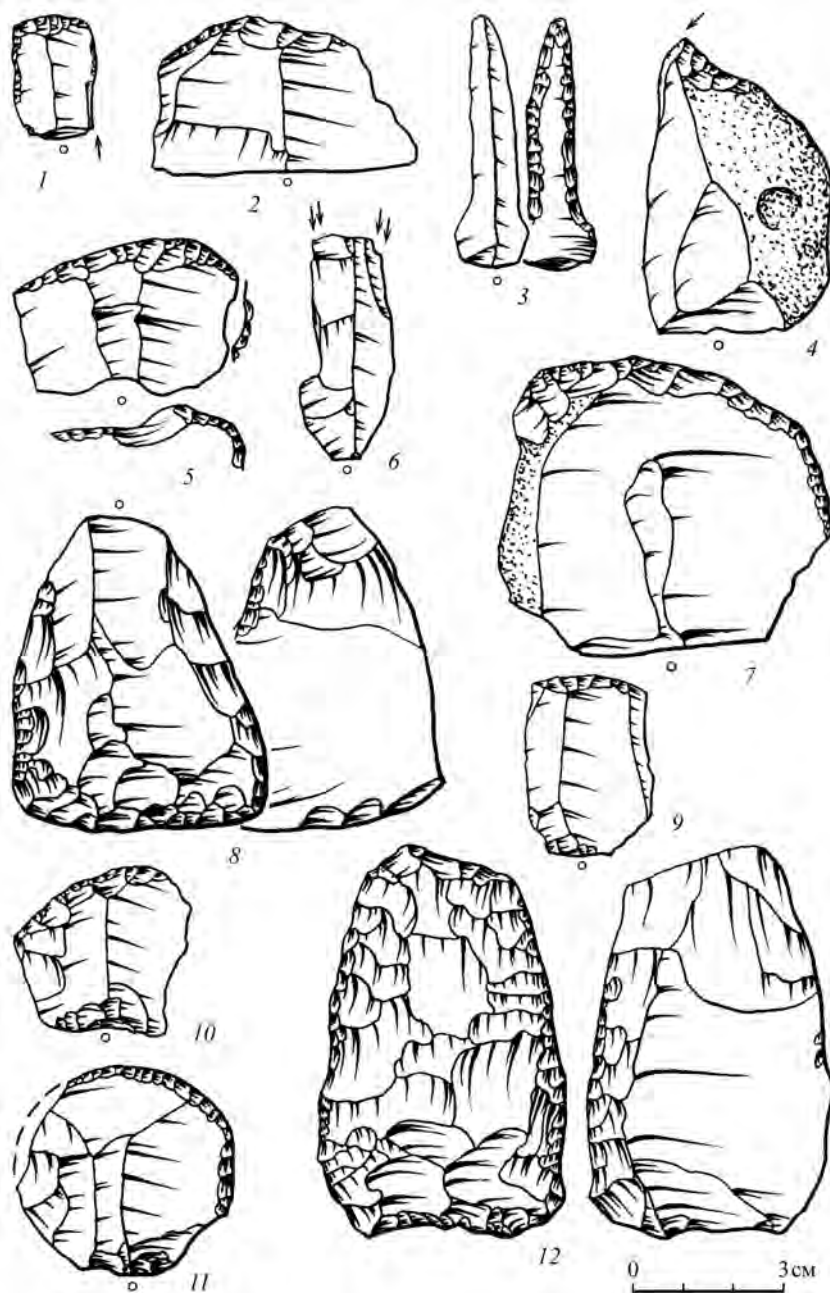

Рис. 2. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь задне-пилевской культуры

выемками; наконечники стрел иволостной и черешковой формы с вентральной ретушью; микролиты с затупленным ретушью краем; изделия с попеременно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Их дополняют ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой, изредка присутствуют геометрические микролиты (трапеции, прямоугольники и треугольники) (Сорокин, 1990).

Судя по радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Черная 1, Малая Ламна 3, Новошино, Замостье 5 и Милино 2, классические памятники задне-пилевской культуры существовали в диапазоне от 7500 до 9800/9500 лет назад, т. е. от пребореала и до начала атлантикума включительно. В 1990–2000-х гг., главным образом за счет раскопок болотных стоянок, была существенно пополнена источниковедческая база культуры и получены палинологические определения и радиоуглеродные даты (Жилин, 1998; 2000; 2002; 2004а; 2004б; 2006; Zhilin, 1996; 2005; Кольцов, Жилин, 1999), по-видимому, удлиняющие ее хронологию, однако все это не привело к ее автоматическому улучшению, красноречиво обнажив тот распространенный случай, что количество далеко не всегда переходит в новое качество. Во всяком случае, первая же проверка новых материалов на достоверность показала ненадежность большинства из этих коллекций и дат (Смирнов, 2004). Вот почему до выхода в свет подробной публикации всех этих памятников говорить о состоявшемся пересмотре хронологии и характеристики культуры преждевременно (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009).

Нет определенности и с исторической судьбой задне-пилевского населения. Что касается генезиса задне-пилевской культуры, то, судя по имеющимся данным, она наследует граветтские традиции и ее истоки следует искать в рессетинской культуре (Сорокин, 1987; 1990; 2000; 2004; 2006а; 2006б; 2008). Не вызывает сомнения и тот факт, что только источниковедческая критика материалов и естественнонаучных данных, а также новые раскопки с использованием методики пространственной фиксации позволяют надежнее уяснить начало и окончание задне-пилевского феномена.

Култинская культура

Эпонимная стоянка Култино 1 расположена в Тверской области (Кольцов, Жилин, 1999. С. 17–19, 96–99). Помимо нее известно всего три представительных коллекции – Старая Пустынь (Кольцов и др., 1991), Спас-Седчено 2 (Кольцов, Жилин, 1999. С. 48–51) и Барашево 1 (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2005). Для сравнительного анализа допустимо также использование коллекций Угольново 1 (Кольцов, Жилин, 1987; Кольцов, 1989. С. 74, 75, 252) и Велетьминской 9 (Кольцов, Жилин, 1999. С. 46, 47, 124–129).

Для култинской культуры характерны параллельно-призматическая техника расщепления торцевых, конических и призматических ядрищ, относительно высокий микролитизм индустрии. Наиболее высокий индекс пластинчатости зафиксирован в Култино 1 и Старой Пустыни, где он достигает 87,5 % и 77,1 % соответственно. Во вторичной обработке отмечается отсутствие уплощающей

ретуши и крутой затупливающей ретуши при обработке микролитов. Крутое ретуширование использовалось исключительно при изготовлении резцов, косых и скошенных острий. Эпизодически для заточки лезвий рубящих орудий применялась шлифовка.

Орудийный набор, отличающийся крайней бедностью и невыразительностью, включает лишь восемь общих типов орудий (рис. 3, 4), среди которых присутствуют резцы на сломе заготовки и двугранные, концевые скребки, скобели с узкими дугообразными выемками, комбинированные орудия, пластины с поперечно срезанным ретушью концом, косые острия и вкладыши из фрагментированных пластин. При этом следует отметить, что массовых среди них всего три типа – это резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин (Сорокин, 1990). Из обрабатываемых орудий также встречаются скобели, плечиковые сверла, ножи, а также топоры и тесла подовальных и подтрапещиевидных очертаний. Некоторые рубящие орудия имеют следы пришлифовки лезвий. Из морфологически выраженных предметов охотничьего вооружения присутствуют исключительно скошенные и косые острия. Ни один из вышеназванных типов орудий сам по себе не является специфическим и не определяет культурного своеобразия коллекций, в которых он представлен. Однако в совокупности с высокими микролитовидными показателями, а также повышенным индексом пластинчатости, эти комплексы отличаются от всех других, и на этом фоне становится ощутимым их своеобразие. Сказанное и позволяет рассматривать материалы перечисленных стоянок в качестве отдельной культуры, которая по наиболее выразительному ее памятнику была названа култинской (Там же).

Особенности этой культуры хорошо заметны также по отсутствию симметричных и асимметричных колющих черешковых наконечников стрел и стандартизированных вкладышей. В качестве предметов охотничьего вооружения, как отмечалось, использовались исключительно косые и скошенные острия, первые – как асимметричные колющие наконечники, вторые – в виде боковых вкладышей. Эффективность такого рода изделий наглядно продемонстрирована крупнейшим украинским специалистом в области охотничьего вооружения Д. Ю. Нужным (Нужный, 1992; 2006). Если скошенные острия довольно обыденны и их можно найти как в задне-пилевской, рессетинской, так и некоторых других финально-палеолитических и мезолитических культурах Центральной России, то косые острия практически неизвестны в них.

Во всех памятниках среди предметов охотничьего вооружения на первом месте стоят вкладыши из фрагментированных пластинок. Разумеется, они не являются культурно-специфическим типом изделий, однако их многочисленность косвенно указывает на несохранившееся вкладышевое вооружение, безусловно широко бытовавшее в култинской культуре. А специфику материалам придают, как отмечалось, косые и скошенные острия. Что касается перфораторов, скобелей, ножей, рубящих и комбинированных орудий, то варибельность их весьма невысока. Несмотря на бедность орудийного состава, Култино 1, Старая Пустынь, Спас-Седчено 2, Барашево 1, Угольново 1 и Велетьминская 9 по основным типологическим показателям близки друг другу и отличны от других Волго-Окских стоянок простотой и малой варибельностью своего состава. Более того,

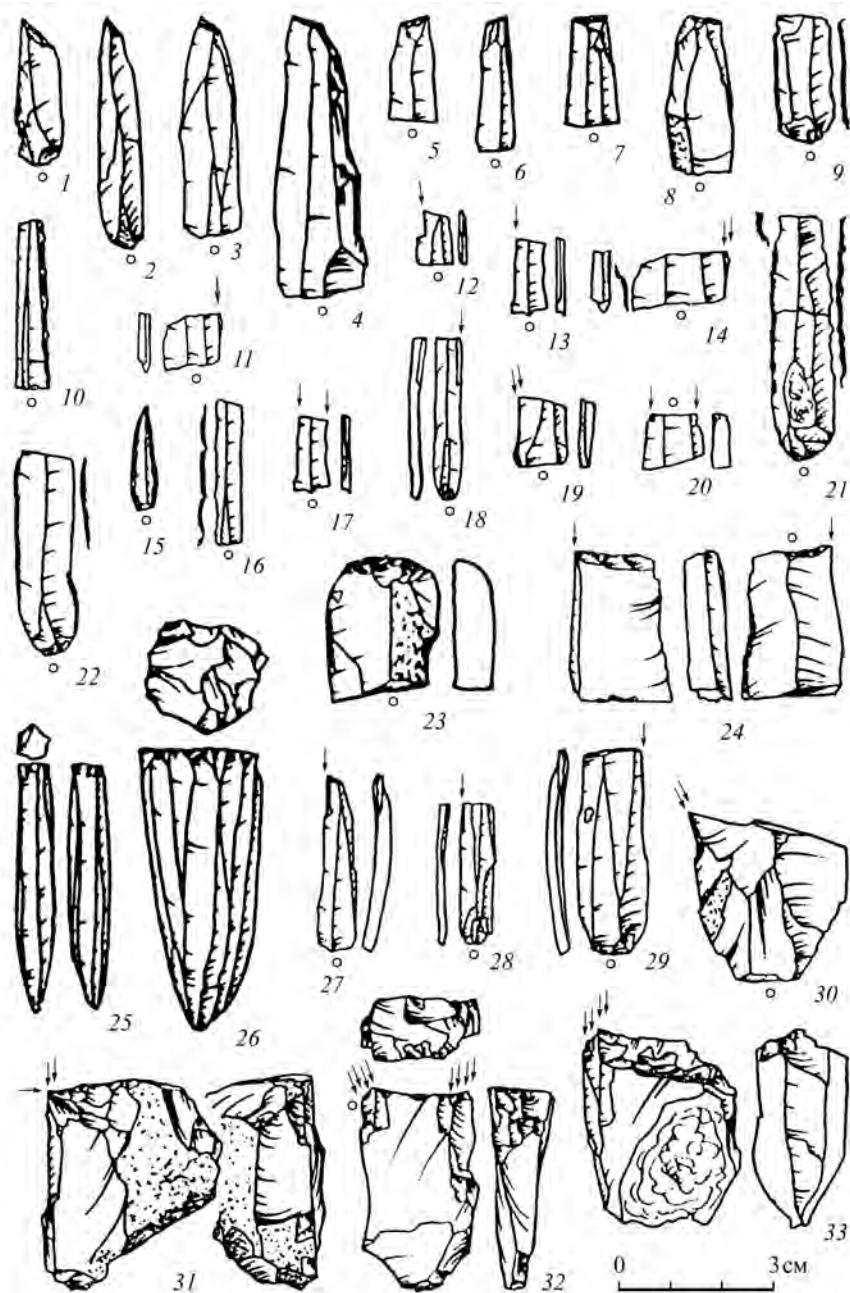

Рис. 3. Стоянка Култино I. Каменный инвентарь култинской культуры

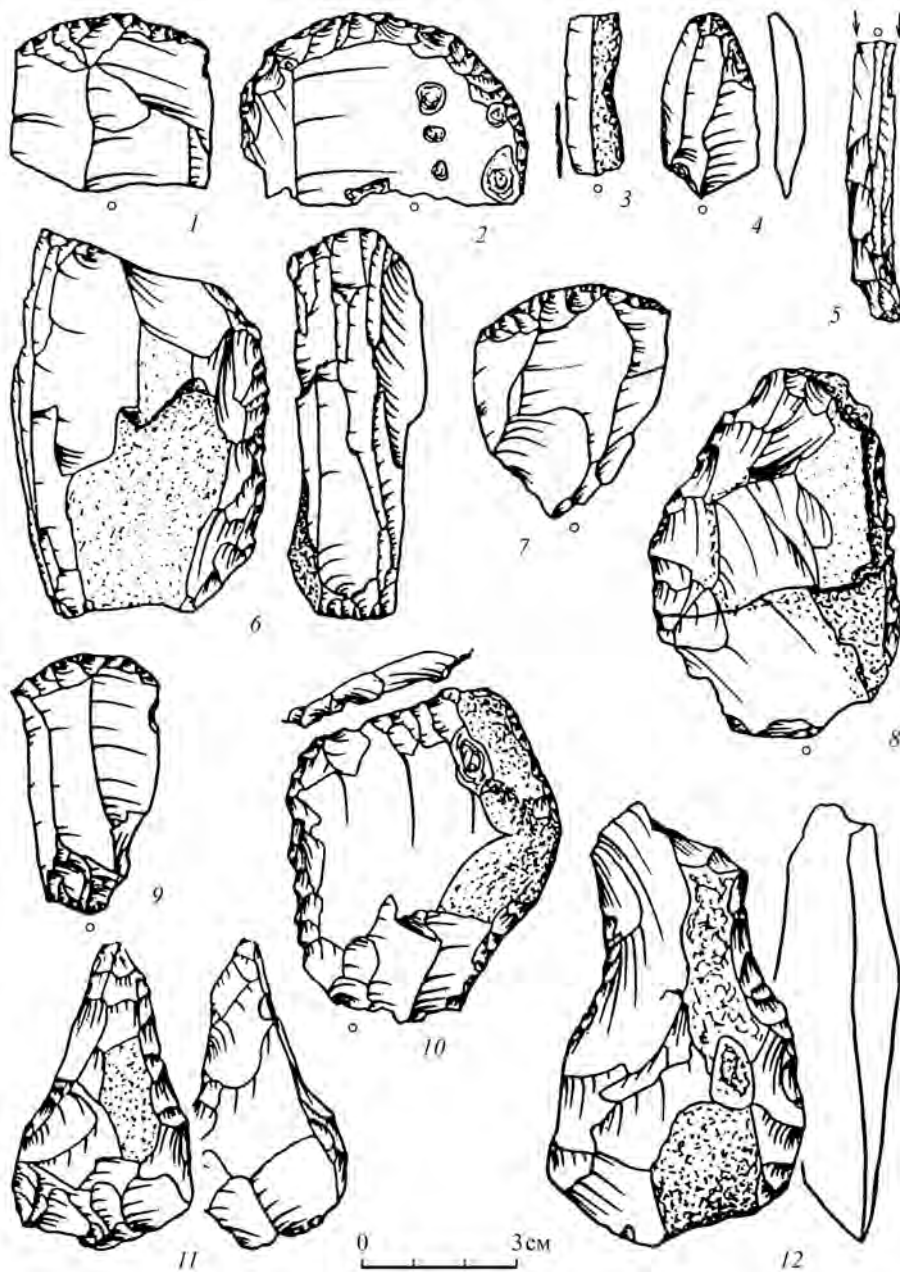

Рис. 4. Стоянка Култино 1. Каменный инвентарь култинской культуры

култинский набор настолько безлик, что его примесь в любом другом мезолитическом материале невозможно выделить типологически. Именно это и определяет малочисленность стоянок култинской культуры в регионе.

Обилие косых острий в Култино 1, их присутствие в качестве единственного типа морфологических наконечников в других представительных коллекциях, на фоне тождества форм обрабатывающих орудий позволяет сблизить култинские стоянки с материалами камской (Гусенцова, 1993) и средневычегодской культур (Археология Республики..., 1997. С. 106–109; Волокитин, 2006), т. е. увязывать генезис култинской культуры с приуральскими древностями.

Вопрос об ее хронологии достаточно сложен. Естественнонаучные данные имеются лишь у двух памятников – это радиоуглеродная дата для Спас-Седчено 2 – 8540 ± 120 л. н. (ГИН-5440) (Кольцов, Жилин, 1999. С. 56) и палинологическое определение для Велетьминской 9, по которому образцы относятся ко второй половине бореального периода (Там же). Теперь целесообразно обратиться к характеристике материалов пургасовской культуры.

Пургасовская культура

Каменная индустрия памятников пургасовской культуры характеризуется развитой параллельно-призматической техникой первичного расщепления, основанной на утилизации одноплощадочных конических, карандашевидных, призматических и подпризматических ядрищ, предназначенных для скалывания пластин, микропластин и, реже, отщепов. Судя по всему, использовалась техника отжима и скалывания с помощью мягкого – костяного или рогового – посредника.

В качестве заготовок для орудий служили главным образом пластины, но вполне обыденны также отщепы и нуклевидные куски. Для изготовления грузил использовались гальки разных размеров, а рубящие орудия производились из галек и желваков.

Орудийный состав весьма разнообразен (рис. 5–8), доминируют резцы, а в них преобладают изделия с не обрабо танной площадкой скола, более трети которых – нуклевидные. Двугранных и ретушных резцов поровну, присутствуют комбинированные, однако, в совокупности число их невелико. Весьма характерным признаком оформления резцов служат плоские многофасеточные сколы.

На втором месте по численности стоят вкладыши из фрагментированных пластин, на третьем – скребки. Среди скребков превалируют концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, нерегулярные (скробачи) и стрельчатые. Скобели, как правило, с дугообразными, узкими мелкими выемками, одинарные и многолезвийные. Перфораторы довольно выразительны. Чаще всего изготавливались из широких пластин, причем в качестве рабочего участка в этом случае использовалась бугорковая часть заготовки. По форме они бывают с невыделенным рабочим участком и плечиковые. Разнообразны комбинированные орудия, наиболее часты сочетания резцов с ножами, скребками или сверлами и скребков с перфораторами. Однако в последнем случае это могут быть и специально выделенные насады. Встречены пластины

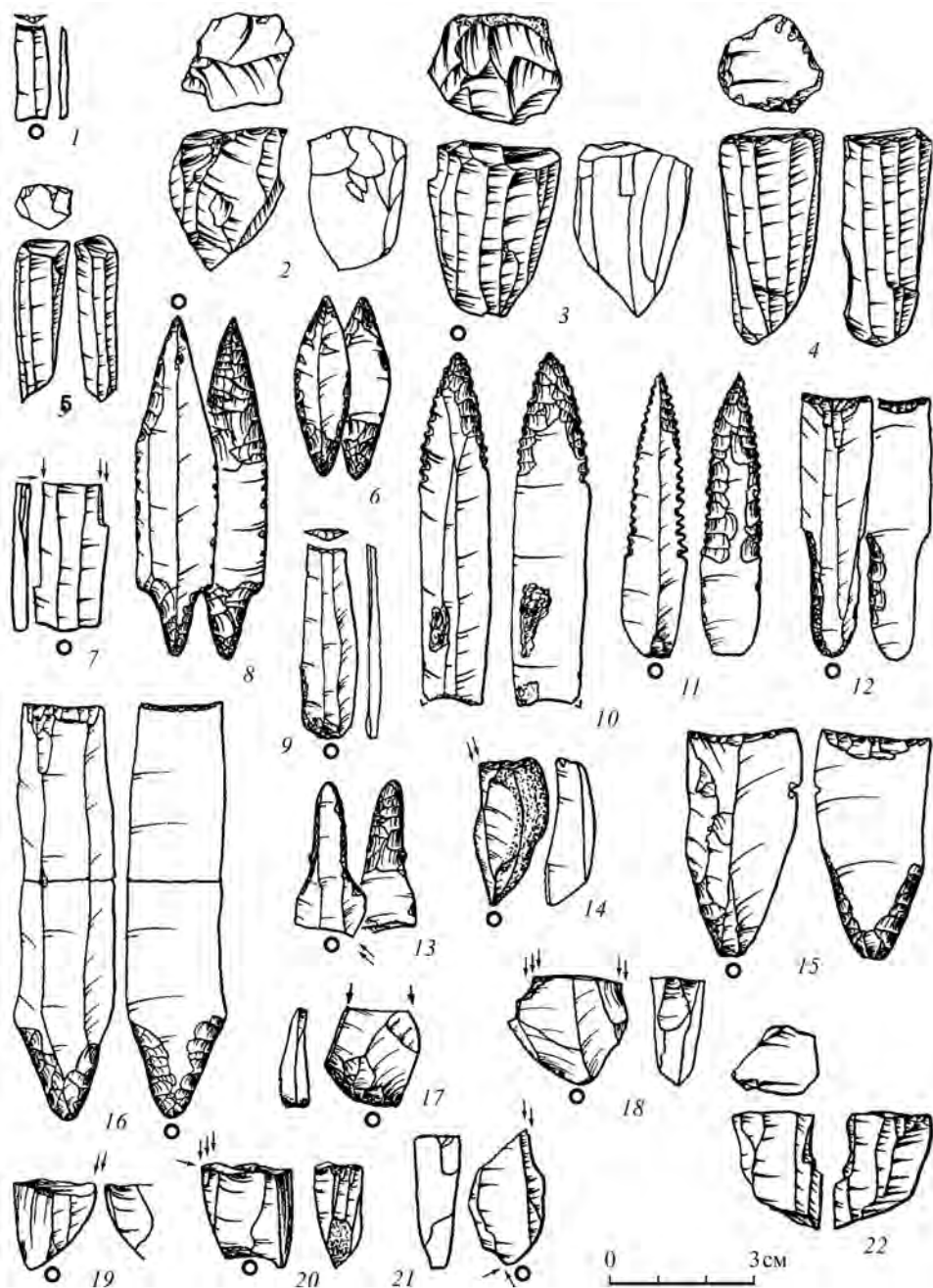

Рис. 5. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь пургасовской культуры

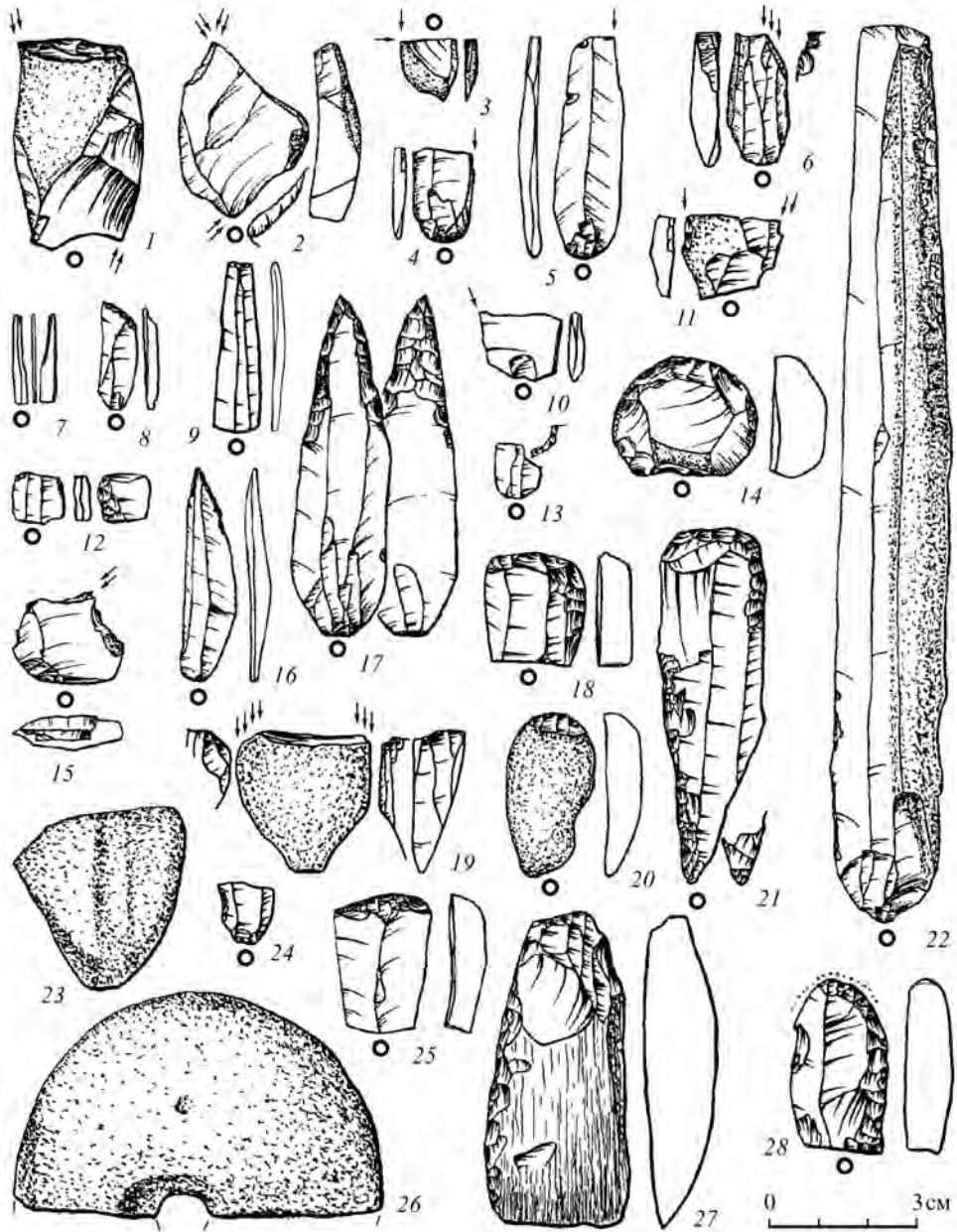

Рис. 6. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь пургасовской культуры

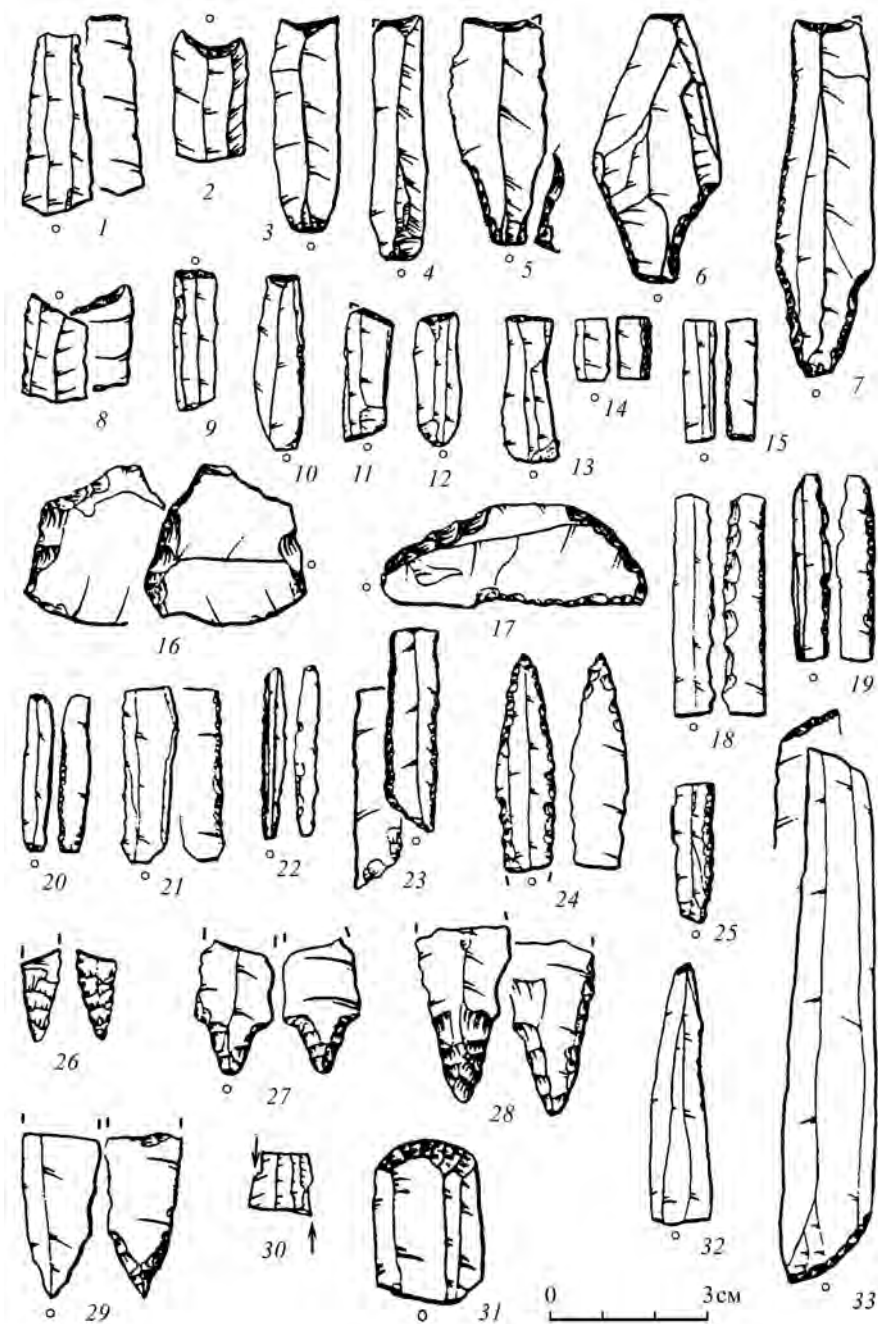

Рис. 7. Стоянка Шагара 4. Каменный инвентарь пургасовской культуры

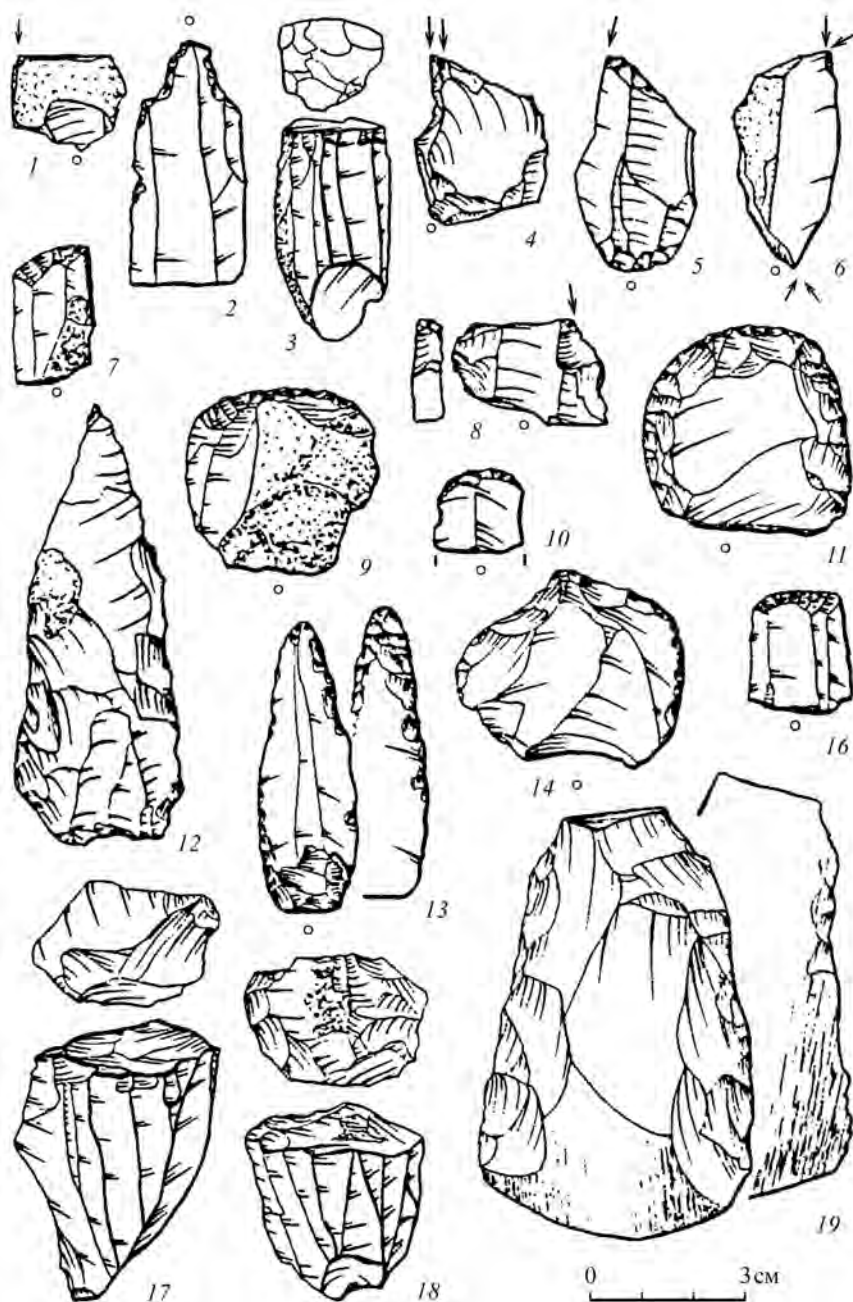

Рис. 8. Стоянка Шагара 4. Каменный инвентарь пургасовской культуры

с регулярной приостряющей и, реже, притупляющей ретушью, тесла подтреугольной и подтрапещевидной формы, выполненные из отщепов и желваков в технике оббивки, двустороннего ретуширования и шлифовки. Если обушковые части тесел, как правило, лишь обкальвалась, то лезвия непременно имеют следы пришлифовки обеих поверхностей.

Сравнительно многочисленны скошенные острия, микролиты с поперечно срезанным ретушью концом, а также микролиты с выемкой на конце. Выемчатые изделия часто имеют подтеску плоской ретушью на брюшке. Этот прием является культуроопределяющим для пургасовских памятников. В верхнем палеолите он представлен в Авдеево (*Гвоздовер*, 1998), в мезолите – присутствует в Веретье 1 (*Ошибкина*, 1997; 2006). Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Стандартизированные вкладыши тоже представлены в единичном числе и в целом, по-видимому, не характерны для культуры, хотя наличие вкладышевых изделий, судя по медиальным фрагментам пластин, отрицать в целом не приходится.

Весьма выразительны каменные грузила с пазами для подвешивания и круглыми сверлинами и абразивы, включая так называемые выпрямители древков стрел. Сверление двустороннее, осуществлялось, судя по всему, полый костью. Последний прием тоже является культуроопределяющим для пургасовских стоянок. Среди восточно-европейских мезолитических индустрий двустороннее сверление было широко развито в культуре веретье (Там же).

Значительной серией представлены наконечники стрел, среди которых, помимо традиционных черешковых и иволистных экземпляров с плоской вентральной ретушью, очень характерны изделия с выемкой на проксимальном конце. Выделяются две их разновидности. Первая – это массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен ретушью прямо или в виде выемки. В обработке боевых частей использовалось как одностороннее, та и двустороннее ретуширование. В первом случае применялась исключительно крутая дорсальная ретушь, во втором – либо полукрутая дорсальная и вентральная, либо пологая на спинке в сочетании с плоской на брюшке. Вторая разновидность типичных пургасовских наконечников представлена крупными остриями с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основании. Боевая часть наконечников с пильчатой ретушью эпизодически оформлялась и на проксимальном окончании заготовки.

Специфику пургасовской культуры составляют прием вентральной подтески наконечников, резцов и некоторых скребков и ножей, пильчатая ретушь и двустороннее краевое ретуширование, а также своеобразные предметы охотничьего вооружения, включая «срезни», комбинированные орудия и каменные сверленные грузила. Следует отметить и неразвитость технологии стандартизированных вкладышей в виде микролитов с затупленным ретушью краем и производных от них геомикролитов – прямоугольников и треугольников. Однако во всех комплексах наблюдается обилие фрагментированных пластин со следами заломов на углах и выразительными следами сработанности, красноречиво указывающих на их использование в составных пазовых изделиях.

Территория пургасовской культуры, учитывая нынешнее состояние источниковедческой базы, может быть очерчена в самом предварительном виде. Она

охватывает Среднее и Нижнее Примокшанье (Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5, Клюквенный 4, Широмазово 2) в пределах Окско-Мокшинской низины, акваторию Великих Мещерских озер (Шагара 4, Борисово 1), южную часть Верхневолжской низменности (Дорки 4) и выходит на Великий водораздел (Круглое озеро) (Сорокин, 2000; 2005; 2006; Археология Мордовского..., 2008; Фролов, Мирецкий, 1991). Однако аналогии наконечникам пургасовского типа имеются значительно шире – на территории Республики Коми в материалах парчевской культуры (Археология Республики..., 1997; Волокитин, 2006), Таймыре (Хлобыстин, 1998) и даже Сахалине.

Если параллели в культурах парчевской и веретье вполне естественны и хорошо объяснимы из сезонно-подвижного образа жизни и палеоэкологической реконструкции ХКТ населения лесной зоны пребореального и бореального времени как охотников-рыболовов-собирателей лесной зоны, то аналогии пургасовским наконечникам в Таймырских материалах менее понятны. Хотя, впрочем, палеоэкологическая реконструкция и сезонные миграции позволяют в известной мере определиться и с ними. А вот присутствие единичных «пургасовских» наконечников на Чукотке и Сахалине вряд ли удастся объяснить даже этим. Это столь отдаленные края, что появление там аналогичных форм никак, вероятно, не связано с ежегодными сезонными кочевьями пургасовского населения. «Материализация» подобных аналогий в рамках миграционной гипотезы требует специальной и кропотливой работы, успех которой совершенно не очевиден. Ибо такие далекие параллели рискованны и практически всегда недоказуемы, если не удастся выявить всю последовательность смещения ареала. Таким образом, речь скорее должна идти о независимом возникновении там аналогичных форм.

Несмотря на 30-летнюю историю изучения, источниковедческая база пургасовской культуры по-прежнему не столь обширна, как бы того хотелось, а стоянок, исследованных с применением пространственной фиксации, всего три – это Пургасово 3, Шагара 4 и Борисово 1. Конечно, трех полноценно раскопанных памятников не так много, тем не менее их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный набор так разнообразен, что пургасовская культура, как представляется, имеет право на существование. Однако ее характеристика и основные ключевые вопросы, среди которых проблема генезиса, исторических судеб и хронологии, могут быть, к сожалению, в настоящее время лишь сформулированы. И вся работа по расширению источниковедческой базы и получению полноценных ответов на большинство стандартных вопросов культурологического характера еще впереди.

Сравнение материалов пургасовской, задне-пилевской и култинской культур показывает явное сходство первых двух из них между собой, однако в силу ряда специфических черт не позволяет отождествлять их друг с другом. Различия имеются на уровне как первичного расщепления и вторичной обработки, так в значительной мере и ведущих форм орудий, причем, что особенно важно, не только предметов охотничьего вооружения. Одновременно несложно заметить, что имеющееся сходство в значительной мере определяется присутствием в охотничьем вооружении задне-пилевской и пургасовской культур наконечников с плоской вентральной ретушью. Этот сюжет целесообразно рассмотреть

детальнее. Прием плоского ретуширования в Восточной Европе вплоть по конец 1980-х гг. связывали с наследием свидерской культуры (*Кольцов*, 1977; 1989). Однако за последние 20–25 лет стало очевидным, что видеть в ней единственный его источник – это глубокое заблуждение. В настоящее время стало очевидным, что «постсвидерская гипотеза» – это та ширма, за которой потерялась реальная исследовательская работа. Анализ показывает, что для так называемых постсвидерских культур характерна отжимная технология, неизвестная в свидерской культуре; их типологический состав существенно сложнее и значительно разнообразнее свидерского набора и никак к нему не сводим; для всех них характерны вкладышевые изделия, полностью отсутствующие в свидерской культуре. Кроме того, совершенно очевидно, что ни хронологически, ни территориально, ни типологически, ни технологически плоское вентральное ретуширование не может быть связано исключительно со свидерскими истоками, прежде всего потому, что абсолютно все так называемые постсвидерские индустрии (Там же) основываются на иных, чем в Свидере, принципах расщепления, вкладышевое вооружение в них не имеет своих прототипов и типологический состав изделий существенно разнообразнее (*Сорокин*, 2010). В то же время и отжимная индустрия, и вкладышевая технология, и развитый типологический состав характерны для граветтской индустрии, где и следует, вероятно, искать истоки «постсвидера». Здесь и технология, и типология показывают плавную эволюцию от верхнепалеолитических комплексов к финальнопалеолитическим и мезолитическим. Судя по всему, генезис так называемого постсвидера, то есть индустрий Восточной Европы, имеющих в своем наборе симметричные наконечники с вентральной ретушью, связан с граветтскими традициями (*Сорокин*, 2006а; 2006б; 2008; 2010; *Сорокин и др.*, 2009). Наличие в верхнепалеолитических индустриях Русской равнины, относящихся к кругу «восточного граветта», практически всех прототипов мезолитических технологий и новаций позволяет со всей определенностью высказать подобную гипотезу и считать ее наиболее разумным объяснением имеющегося сходства и итогом технологического развития. Более того, несмотря на кажущуюся значительную хронологическую разницу в возрасте Пургасово 3 и верхнепалеолитической стоянки Авдеево, сходство многих изделий и технических приемов настолько разительное, что исключает, вероятно, лишь случайность таких совпадений.

Помимо Авдеево наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Костенки 1, Хотылево 2, Гагарино и некоторых других (*Ефименко*, 1958; *Заверняев*, 1974; 1991; *Тарасов*, 1965; 1979; Палеолит..., 1984; *Амирханов*, 1998; *Гвоздовер*, 1998). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с одной из перечисленных «восточно-граветтских» индустрий. Во всяком случае, В. Тауте совершенно определенно высказывался на этот счет (*Taute*, 1968. P. 281). Поэтому весьма вероятно, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Например, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и задне-пилевской культурам представляется вполне осязаемой (*Sorokin*, 1999; *Сорокин*, 2004; 2006б; 2008). А в индустрии Авдеево можно найти и прототипы мезолитических иволлистных наконечников, как, впрочем, и стандартизированных вкладышей,

не говоря уже о скребках, резцах, скобелях и прочих предметах. В том случае, если удастся найти промежуточные звенья, гипотеза получит строгое подтверждение, но до того времени предстоят значительные усилия.

Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова и в Турции, синхронных по времени ранним кундским и задне-пилевским памятникам (*Амирханов*, 1997; 2006; *Neolithic in Turkey...*, 1999). Но вряд ли можно всерьез говорить о какой-либо связи населения Аравийского и Анатолийского полуостровов и Европейских равнин друг с другом или каком-либо обмене между этими популяциями. Никак не объясняет свидерская гипотеза и присутствие наконечников с вентральной ретушью на северо-востоке Азиатского материка (*Слободин*, 1999). Это означает, что выводить всё исключительно из свидерской культуры при полном несходстве первичного расщепления, вторичной обработки и типологического набора нерационально. Более того, сравнение такой традиционно «постсвидерской» культуры, как кундская, со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сулгостовской, ставит под сомнение наличие между ними существенной связи. И единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия, – это плоская ретушь на наконечниках (*Sulgostovska*, 1999. Р. 91), однако она тут же справедливо замечает, что плоская ретушь не является атрибутом одной свидерской культуры, поэтому не может претендовать на исключительную роль. Аналогичные мысли неоднократно высказывались и другими исследователями (*Филатова*, 1991; 2002; 2004; *Желтова*, 2000; *Археология Республики...*, 1997; *Волокитин*, 2006). Таким образом, если вероятность взаимосвязи «постсвидера» со свидерской культурой крайне невелика, то, напротив, генетическая связь «постсвидера» и «восточного граветта» становится все более очевидной. Нет сомнения, что решение проблемы генезиса «постсвидера» возможно лишь при качественном изменении всей источниковедческой базы с учетом всего спектра данных, включая особенности технологии первичной обработки, характерные приемы вторичной обработки и всего комплекса морфологических типов изделий, а также неперемного учета проблемы глобального природного воздействия на артефакты и слои (*Сорокин*, 2002б).

Источниковедческий анализ показывает, что оснований для отождествления приема вентрального ретуширования исключительно со свидерской культурой в настоящее время нет. Популярная в 1970–1980-е гг. идея «постсвидерских» культур (*Кольцов*, 1977; 1989) оказалась на поверку бессодержательной. Никаких весомых аргументов в свою поддержку за последние четверть века она так и не получила. Все, кто на практике работают с коллекциями, сходятся во мнении, что необъясненный никем термин «постсвидер» лишь скрывает суть проблемы. В настоящее время очевидно, что прием плоского вентрального ретуширования был распространен очень широко, причем в индустриях генетически независимых друг от друга.

Если искать параллели среди мезолитических культур Европейской России, не вызывает сомнения сходство пургасовской индустрии с задне-пилевской, парчевской и сухонской, а также культурой веретье. На настоящее время в наличии три памятника, исследованные с помощью пространственной фиксации, – это Пургасово 3, Шагара 4 и Борисово 1. Все прочие стоянки,

где имеются пургасовское вооружение и наконечники с вентральной ретушью, представлены, к сожалению, либо подъемным материалом, либо раскопаны по условным горизонтам, поэтому непригодны для пространственного анализа. А попытка выборочного моделирования по трем вышеупомянутым стоянкам, предпринятая автором (*Сорокин, 2005; 2006б*), не дала неопровержимых свидетельств соотношения наконечников пургасовского типа и наконечников с вентральной ретушью. Поэтому говорить о прямой взаимосвязи задне-пилевских и пургасовских древностей пока не приходится. Следовательно, это тоже задача на ближайшую перспективу.

Говоря о генезисе пургасовской индустрии, нельзя не упомянуть об ее сходстве с индустрией культуры веретье. В Веретье 1, помимо наконечников с вентральной ретушью и поперечнолезвийных, правда единичных, наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня, а при обработке площадок резцов использовалась плоская подтезка. Можно упомянуть и тот факт, что прием подтески использован для оформления боевого конца одного из косых острий. Причем на его черешке присутствует еще и пильчатая ретушь (*Ошибкина, 1997. Рис. 32, 18*).

Заслуживает внимание присутствие пильчатой ретуши на охотничьем вооружении кундской культуры. Хотя здесь сходство, в отличие от культуры веретье, более опосредованное и менее уловимое. Есть переключки пургасовской индустрии с парчевскими и сухонскими материалами, причем даже по охотничьему вооружению (*Волокитин, 2006; Ошибкина, 1983; 2006*). Однако, как с задне-пилевской культурой, параллели и с ними сложно рассматривать в силу их общей недостаточной изученности. Словом, все эти направления возможных связей должны стать предметом усилий ближайших исследований. Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что нынешнее состояние изученности пургасовской культуры не позволяет однозначно решать проблему ее генезиса.

Возраст пургасовских древностей определяется в значительной мере исходя из аналогий в памятниках и культурах пребореального и бореального времени. Абсолютные даты по-прежнему единичны. Для стоянки Шагара 4 получена радиоуглеродная дата 9350 ± 200 (ГИН-5417), помещающая этот памятник в конец пребореального – начало бореального времени. Возраст стоянки Борисово 1 по образцам, происходящим из шлейфа культурного слоя в пойме, определен палинологическим методом не позднее начала бореала. Других естественнонаучных дат и определений для пургасовских материалов в настоящее время нет. Исходя из этих отрывочных сведений, а также размеров каменных изделий и известной рудиментарности микролитов пургасовского типа в Борисово 1, можно предположить, что Пургасово 3 является наиболее ранним из ее ныне известных памятников, а Борисово 1 – наиболее поздним. Если это так, то хронология пургасовской культуры охватывает пребореальный и бореальный периоды голоцена.

Такова, если вкратце, характеристика пургасовской культуры и ее место в мезолите Европейской России. Остается лишь надеяться, что последующие исследования внесут большую ясность в проблематику пургасовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А.*, 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир. 264 с.
- Амирханов Х. А.* 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 15–34.
- Амирханов Х. А.*, 2006. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука. 694 с.
- Археология Мордовского...*, 2008. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / Отв. ред. В. В. Ставицкий, В. Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 552 с.
- Археология Республики...*, 1997. Археология Республики Коми. М.: Дик. 758 с.
- Волокитин А. В.*, 2006. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 124 с.
- Гвоздовер М. Д.*, 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 224–278.
- Гусенцова*, 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский ун-т. 240 с.
- Ефименко П. П.*, 1958. Костенки 1. М.; Л.: АН СССР. 452 с.
- Желтова М. Н.*, 2000. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Вып. 4. Т. 1. С. 15–21.
- Жилин М. Г.*, 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Вып. 3. С. 25–30.
- Жилин М. Г.*, 2000. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС. Вып. 4. Т. 1. С. 72–79.
- Жилин М. Г.*, 2002. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Вып. 5. С. 107–116.
- Жилин М. Г.*, 2004а. Мезолит Волго-Окского междуречья: Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 92–139.
- Жилин М. Г.*, 2004б. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 144 с.
- Жилин М. Г.*, 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира. 140 с.
- Заверняев Ф. М.*, 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4. С. 142–161.
- Заверняев Ф. М.*, 1991. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // РА. № 4. С. 164–181.
- Колосов А. В.*, 2007а. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения – 3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. / Ред. И. А. Марзалюк. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова. С. 154–156.
- Колосов А. В.*, 2007б. Мезолит Белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск. 22 с.
- Кольцов Л. В.*, 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 216 с.
- Кольцов Л. В.*, 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М.: Наука / Отв. ред. Л. В. Кольцов. С. 68–86, 247–259. (Археология СССР).
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 1987. Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. № 3. С. 131–135.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.: Наука. 157 с.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г., Черников В. Ф.*, 1991. Мезолитическая стоянка Старая Пустынь на нижней Оке // Археология Верхнего Поволжья: материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Ред. Ф. В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т; упр. культуры Ниж. облизполкома; Этнос. С. 42–51.
- Копытин В. Ф.*, 1995. Дедня – новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Региональная навуковая канферэнцыя «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя»: тэзісы дакладау. Магілеў. Ч. 1: Археалогія. С. 3–13.

- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.*, 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.: ИА АН СССР. 65 с.
- Кудряшов В. Е., Липницкая О. Л.*, 1993. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилевщине // Дняроўскі край: паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. Магілёў. С. 27–29.
- Липницкая О. А.*, 1979. Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157. М. С. 32–36.
- Лозовский В. М., Гирия Е. Ю., Кравцов А. Е.*, 2009. Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. П. Чабай. Донецк: С. 269–288. (Археологический альманах; № 20).
- Нужный Д. Ю.*, 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 188 с.
- Нужный Д. Ю.*, 2006. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. Вип. 2. 226 с.
- Ошибкина С. В.*, 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 295 с.
- Ошибкина С. В.*, 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М. 204 с.
- Ошибкина С. В.*, 2006. Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М.: ИА РАН. 322 с.
- Палеолит...*, 1984. Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука. 383 с. (Археология СССР)
- Сидоров В. В.*, 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2. С. 75–92.
- Слободин С. Б.*, 1999. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 234 с.
- Смирнов А. С.*, 2004. Фактологическая основа археологических исследований (на примере верхневолжской раннеолитической культуры) // РА. № 2. С. 96–114.
- Смирнов А. С., Сорокин А. Н.*, 1989. Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. С. 12–19.
- Сорокин А. Н.*, 1987. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. С. 41–46.
- Сорокин А. Н.*, 1990. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.: ИА РАН. 220 с.
- Сорокин А. Н.*, 2000. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 46 с.
- Сорокин А. Н.*, 2002а. О мезолите низовьев р. Мокши // ТАС. Вып. 5. С. 71–82.
- Сорокин А. Н.*, 2002б. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 251 с.
- Сорокин А. Н.*, 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 69–91.
- Сорокин А. Н.*, 2005. Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // В эпоху мамонтов. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. С. 359–443. (Stratum plus. № 1. 2003–2004.)
- Сорокин А. Н.*, 2006а. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.: Таус. 310 с. (Труды Отдела охранных раскопок; Вып. 5).
- Сорокин А. Н.*, 2006б. Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К. 214 с.
- Сорокин А. Н.*, 2008. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К. 328 с.
- Сорокин А. Н.*, 2010. Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы // Человек и древности. Памяти А. А. Формозова / Ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 188–202.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В.*, 2009. На переломе эпох. М.: Гриф и К. 388 с.
- Тарасов Л. М.*, 1965. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. М.; Л.: Наука. С. 111–140. (МИА; вып. 131).
- Тарасов Л. М.*, 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука. 168 с.
- Филатова В. Ф.*, 1991. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск. С. 9–64.
- Филатова В. Ф.*, 2002. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 7. С. 177–211.

- Филатова В. Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск. 274 с.
- Фролов А. С., Мирецкий А. В., 1991. Мезолитическая стоянка Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья: материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Ред. Ф. В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т; упр. культуры Ниж. облисполкома; Этнос. С. 19–26.
- Хлобыстин Л. П., 1998. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культуры Севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин. 340 с.
- Neolithic in Turkey... , 1999. Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization: New Discoveries / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen. Istanbul: Arkeoloji Ve Sanat Yayinlari. 1999. 236 p., 203 p. pl. (Ancient Anatolian civilizations series; vol. 3).
- Sorokin A. N., 1999. On the problem of influence of Volga–Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique: Actes du 5-e Colloque International UISPP, Commission XII (Grenoble, 18–23 Septembre 1995) / Ed. A. Trevenin, sous la direction scientifique de P. Bints. Paris. Editions du CTHS. P. 425–428.
- Sulgostowska S., 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe / Ed. S. Kozłowski [et al.]. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press. P. 85–92.
- Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa: Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Köln: Graz. 326 S. 180 Taf. 12. Kart. (Fundamenta. Reihe A; Bd 5.)
- Zhilin M. G., 1996. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia / Ed. L. Larson. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 273–284. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 80; No. 24.)
- Zhilin M. G., 2005. The terminal Palaeolithic – early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe // Pioneer Settlements and colonization processes in the Barents regions / Ed. H. Knutsson. Vuollerim. P. 163–180. (Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology; Vol. 1.)

Сведения об авторе.

Сорокин Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ansorokin@rambler.ru.

A. N. Sorokin

Purgasovo culture: on the occasion of the 30th anniversary of studies

Abstract. The Purgasovo culture was singled out by the author after excavations of Purgasovo 3 short-term camp in 1985. Its stone industry is based on parallel prismatic technique of primary knapping. Secondary treatment is characterized by the use of ventral adzing of picks, burins, some scrapers and knives as well as serrate retouch and bifacial retouching of the edge. The weapon assemblage includes a set of distinctive items of hunting weapons, numerous combined implements and stone perforated sinkers. The collection of arrowheads is quite large and, in addition to traditional barbed and tanged items and leaf items with flat ventral retouch, includes rather peculiar items with a slot at the proximal tip as well as large picks with serrated retouch at the tip and a slot at the base. The age of Purgasovo artifacts is determined on the basis of anecdotal natural scientific data and analogues from the sites and cultures of the Preboreal and Boreal periods.

Keywords: Mesolithic, Preboreal, Boreal, Purgasovo culture, Zadne-Pilevo culture, Kultino culture, picks of the Purgasovo type.

REFERECES

- Amirkhanov Kh. A., 1997. Neolit i postneolit Khadramauta i Makhry [Neolithic and post-Neolithic of Hadramaut and Makhra]. Moscow: Nauchnyy mir. 264 p.
- Amirkhanov Kh. A., 1998. Vostochnyy gravett ili gravettoidnye industrii Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy? [Eastern Gravette or Gravette-like industries of Central and Eastern Europe?]. *Vostochnyy gravett [Eastern Gravettian]*. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 15–34.
- Amirkhanov Kh. A., 2006. Kamenny vek Yuzhnoy Aravii [Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 694 p.
- Arkheologiya Mordovskogo..., 2008 – Arkheologiya Mordovskogo kraya. Kamenny vek, epokha bronzy [Archaeology of Mordva land. Stone Age. Bronze Age]. V. V. Stavitskiy, V. N. Shitov, eds. Saransk: Nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 552 p.
- Arkheologiya Respubliki..., 1997 – Arkheologiya Respubliki Komi [Archaeology of Komi Republic]. Moscow: Dik. 758 p.
- Efimenco P. P., 1958. Kostenki I [Kostenki 1]. Moscow; Leningrad: AN USSR. 452 p.
- Filatova V. F., 1991. Khronologiya i periodizatsiya mezolita Karelii [Chronology and periodization of Mesolithic in Karelia]. *Khronologiya i periodizatsiya arkhologicheskikh pamyatnikov Karelii [Chronology and periodization of Karelia's archaeological sites]*. Petrozavodsk, pp. 9–64.
- Filatova V. F., 2002. Oleneostrovskiy mogil'nik v sisteme mezoliticheskikh poseleniy Karelii [Oleniy Ostrov cemetery in system of Mesolithic settlements of Karelia]. *Kizhskiy vestnik [Kizhi bulletin]*, 7, pp. 177–211.
- Filatova V. F., 2004. Mezolit basseyna Onezhskogo ozera [Mesolithic of Onega Lake basin]. Petrozavodsk. 274 p.
- Frolov A. S., Miretskiy A. V., 1991. Mezoliticheskaya stoyanka Dorki 4 na Verkhney Volge [Mesolithic station Dorki 4 in Upper Volga region]. *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ya: materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury Rossiyskoy Federatsii [Archaeology of Upper Volga zone: materials to Code of Monuments of history and culture of Russian Federation]*, 1. F. V. Vasil'ev, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet: Etnos, pp. 19–26
- Gusentsova T. M., 1993. Mezolit i neolit Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Mesolithic and Neolithic of Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. 240 p.
- Gvozdover M. D., 1998. Kremnevyy inventar' Avdeevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [Flint inventory of Avdeev Upper Palaeolithic station]. *Vostochnyy gravett [Eastern Gravettian]*. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 224–278.
- Khlobystin L. P., 1998. Drevnyaya istoriya Taimyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur Severa Evrazii [Early history of Taimyr trans-polar region and problems of formation of North Eurasian cultures]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 340 p.
- Kolosov A. V., 2007a. Pamyatniki butovskoy kul'tury na territorii Belorusskogo Posozh'ya [Sites of Butovo culture in territory of Sozh basin, Byelorussia]. *Romanovskie chteniya–3: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Romanov readings–3: proceedings of international scientific conference]*. I. A. Marzalyuk, ed. Mogilev: Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. A. Kuleshova, pp. 154–156.
- Kolosov A. V., 2007b. Mezolit Belorusskogo Posozh'ya (kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya materialov): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Mesolithic of Sozh basin, Byelorussia (cultural-chronological interpretation of materials): Ph. D. thesis]. Minsk. 22 p.
- Kol'tsov L. V., 1977. Final'nyy paleolit i mezolit Yuzhnoy i Vostochnoy Pribaltiki [Latest Palaeolithic and Mesolithic of South and East Baltic zone]. Moscow: Nauka. 216 p.
- Kol'tsov L. V., 1989. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Volga-Oka interfluve]. *Mezolit SSSR [Mesolithic of USSR]*. L. V. Kol'tsov, ed. Moscow: Nauka, pp. 68–86, 247–259. (Arkheologiya SSSR).
- Kol'tsov L. V., Zhilin M. G., 1987. Mezoliticheskaya stoyanka Ugol'novo 1 [Mesolithic station Ugol'novo 1]. *SA*, 3, pp. 131–135.
- Kol'tsov L. V., Zhilin M. G., 1999. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. Pamyatniki butovskoy kul'tury [Mesolithic of Volga-Oka interfluve. Sites of Butovo culture]. Moscow: Nauka. 157 p.

- Kol'tsov L. V., Zhilin M. G., Chernikov V. F. 1991. Mezoliticheskaya stoyanka Staraya Pustyn' na Nizhney Oke [Mesolithic station Staraya Pustyn' in Lower Oka region]. *Arkheologiya Verkhnego Povolzh'ya: materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury Rossiyskoy Federatsii* [Archaeology of Upper Volga zone: materials to Code of Monuments of history and culture of Russian Federation], 1. F. V. Vasil'ev, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet: Etnos, pp. 42–51.
- Kopytin V. F., 1995. Dednya – novyy pamyatnik mezolita v bassejne reki Pronya [Dednya – new Mesolithic site in Pronya River basin]. *Regiyanal'naya navukovaya kanferentsyya «Gistarychnyya lesy Verkhnyaya Padnyaprouya»: tezisy dakladau* [Regional scientific conference «Historic destiny of Upper Dnieper zone»: abstracts], 1. Arkheologiya. Magileu, pp. 3–13.
- Kravtsov A. E., Sorokin A. N., 1991. Aktual'nye voprosy Volgo-Okskogo mezolita [Topical problems of Volga-Oka Mesolithic]. Moscow: IAN SSSR. 65 p.
- Kudryashov V. E., Lipnitskaya O. L., 1993. K voprosu o kudlaevskoy kul'ture epokhi mezolita na Mogilevshchine [On problem of Kudlaev culture of Mesolithic epoch in Mogilev region]. *Dnyaprouski kray: Pavedamlenni ablasnoy krayaznauchay kanferentsyi* [Dnieper land: Transactions of regional conference for local lore]. Mogilev, pp. 27–29.
- Lipnitskaya O. A., 1979. Mezoliticheskaya stoyanka Krinichnaya [Mesolithic station Krinichnaya]. *KSIA*, 157, pp. 32–36.
- Lozovskiy V. M., Giryа E. Yu., Kravtsov A. E., 2009. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: tekhnologicheskii podkhod [Mesolithic of Volga-Oka interfluvium: technological approach]. *Aktual'nye problemy pervobytnoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Topical problems of prehistoric archaeology of Eastern Europe]. V. P. Chabay, ed. Donetsk, pp. 269–288. (Arkheologicheskii al'manakh, 20).
- Neolithic in Turkey..., 1999 – Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization: New Discoveries. M. Özdoğan, N. Başgelen, eds. Istanbul: Arkeoloji Ve Sanat Yayınları. 236 p., 203 pl. (Ancient Anatolian civilizations series, 3).
- Nuzhnyy D. Yu., 1992. Rozvytok mikrolitichnoi tekhniki v kam'yanomu vitsi [Development of microlithic technique in Stone Age]. Kyiv: Naukova dumka. 188 p.
- Nuzhnyy D. Yu., 2006. Rozvytok mikrolitichnoi tekhniki v kam'yanomu vitsi [Development of microlithic technique in Stone Age], 2. Kyiv: Naukova dumka. 226 p.
- Oshibkina S. V., 1983. Mezolit basseyna Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ya [Mesolithic of Sukhona basin and eastern part of Onega Lake zone]. Moscow: Nauka. 295 p.
- Oshibkina S. V., 1997. Veret'e 1. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veret'e 1. Settlement of Mesolithic epoch in North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 204 p.
- Oshibkina S. V., 2006. Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya: kul'tura veret'e [Mesolithic of eastern part of Onega Lake zone: Veret'e culture]. Moscow: IAN. 322 p.
- Paleolit..., 1984 – Paleolit SSSR [Palaeolithic of USSR]. P. I. Boriskovskiy, ed. Moscow: Nauka. 383 p. (Arkheologiya SSSR).
- Sidorov V. V., 1996. Mezolit basseyna r. S'zhi [Mesolithic of S'zha River basin]. *TAS*, 2, pp. 75–92.
- Slobodin S. B., 1999. Arkheologiya Kolymy i kontinental'nogo Priokhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene [Archaeology of Kolyma and Sea of Okhotsk continental zone in Late Pleistocene and Early Holocene]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 234 p.
- Smirnov A. S., 2004. Faktologicheskaya osnova arkheologicheskikh issledovaniy (na primere verkhnevolzhskoy ranneneoliticheskoy kul'tury) [Factological base for archaeological researches (on example of Upper Volga Early Neolithic culture)]. *RA*, 2, pp. 96–114.
- Smirnov A. S., Sorokin A. N., 1989. Desninskaya ekspeditsiya v 1984–1985 gg. [Desna expedition in 1984–1985]. *KSIA*, 196, pp. 12–19.
- Sorokin A. N., 1987. Kul'turnye razlichiya v mezolite basseyna r. Oka [Cultural differences in Mesolithic of Oka River basin]. *KSIA*, 189, pp. 41–46.
- Sorokin A. N., 1990. Butovskaya mezoliticheskaya kul'tura (po materialam Desninskoy ekspeditsii) [Butovo Mesolithic culture (based on materials of Desna expedition)]. Moscow: IAN. 220 p.
- Sorokin A. N., 1999. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture. *L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique: Actes du 5-e Colloque International de l'Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Commission XII*. A. Trevenin, P. Bints, eds. Paris: Editions du Comité des travaux historiques et scientifiques, pp. 425–428.

- Sorokin A. N., 2000. Mezolit Zhizdrinskogo poles'ya. Problema istochnikovedeniya mezolita Vostochnoy Evropy: Avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Mesolithic of Zhizdra marshy woodland. Problem of sources investigations for East European Mesolithic]: Ph. D. thesis]. M. 46 c.
- Sorokin A. N., 2002a. O mezolite nizov'ev r. Mokshi [On Mesolithic of Moksha lower reaches]. *TAS*, 5, pp. 71–82.
- Sorokin A. N., 2002b. Mezolit Zhizdrinskogo poles'ya. Problema istochnikovedeniya mezolita Vostochnoy Evropy [Mesolithic of Zhizdra marshy woodland. Problem of sources investigations for East European Mesolithic]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Sorokin A. N., 2004. Mezolit Volgo-Okskogo basseyna [Mesolithic of Volga-Oka basin]. *Problemy kamennogo veka Russkoy ravniny [Problems of Stone Age of Russian Plain]*. Kh. A. Amirhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 69–91.
- Sorokin A. N., 2005. Mezoliticheskie stoyanki nizov'ev r. Mokshi [Mesolithic stations of Moksha River lower reaches]. *V epokhu mamontov [In age of mammoths]*. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 359–443. (Stratum plus, 1. 2003–2004).
- Sorokin A. N., 2006a. Mezolit Oki. Problema kul'turnykh razlichiy [Oka Mesolithic. Problem of cultural differences]. Moscow: Taus. 310 p. (Trudy Otdela okhrannykh raskopok, 5).
- Sorokin A. N., 2006b. Problemy mezolitovedeniya [Problems of Mesolithic studies]. Moscow: Grif i K. 214 p.
- Sorokin A. N., 2008. Mezolitovedenie Pooch'ya [Mesolithic studies in Oka zone]. Moscow: Grif i K. 328 p.
- Sorokin A. N., 2010. Eshche raz o probleme «postsviderskikh» kul'tur Vostochnoy Evropy [Once again on problem of «post-Swidry» cultures of Eastern Europe]. *Chelovek i drevnosti. Pamyati A. A. Formozova [Man and antiquity: in memory of A. A. Formozov]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 188–202.
- Sorokin A. N., Oshibkina S. V., Trusov A. V., 2009. Na perelome epoch [On turning point of epochs]. Moscow: Grif i K. 388 p.
- Sulgostowska S., 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations. *Tanged Points Cultures in Europe*. S. Koziowski, ed. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, pp. 85–92.
- Tarasov L. M., 1965. Paleoliticheskaya stoyanka Gagarino (po raskopkam 1962 g.) [Palaeolithic station Gagarino (on excavations of 1962)]. *Paleolit i neolit SSSR [Palaeolithic and Neolithic of USSR]*, 5. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 111–140. (MIA, 131.)
- Tarasov L. M., 1979. Gagarinskaya stoyanka i ee mesto v paleolite Evropy [Gagarino station and its place in Palaeolithic of Europe]. Leningrad: Nauka. 168 p.
- Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa: Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Köln: Graz. 326 S., 180 Taf., 12 Kart. (Fundamenta. Reihe A, 5.)
- Volokitin A. V., 2006. Mezoliticheskie stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychehge [Mesolithic stations Parch 1 and Parch 2 on Vychehge]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN. 124 p.
- Zavernyaev F. M., 1974. Novaya verkhnepaleoliticheskaya stoyanka na r. Desne [New Upper Palaeolithic station on Desna River]. *SA*, 4, pp. 142–161.
- Zavernyaev F. M., 1991. Kremnevy inventar' Khotylevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [Flint inventory of Khotylevo Upper Palaeolithic station]. *RA*, 4, pp. 164–181.
- Zheltova M. N. 2000. Nekotorye tekhniko-morfologicheskije osobennosti sviderskoy industrii [Some technical-morphological specifics of Swidry industry]. *TAS*, 4, vol. 1, pp. 15–21.
- Zhilin M. G., 1996. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic. *The Earliest Settlement of Scandinavia*. L. Larson, ed. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 273–284. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 80, no. 24.)
- Zhilin M. G., 1998. Adaptatsiya mezoliticheskikh kul'tur Verkhnego Povolzh'ya k kamennomu syr'yu [Adaptation of Upper Volga Mesolithic cultures to stone raw materials]. *TAS*, 3, pp. 25–30.
- Zhilin M. G., 2000. O svyazyakh naseleniya Pribaltiki i Verkhnego Povolzh'ya v rannem mezolite [On relationships of population of Baltic zone and Upper Volga region in Early Mesolithic]. *TAS*, 4, vol 1, pp. 72–79.
- Zhilin M. G., 2002. Stratigrafiya i planigrafiya mnogosloynnogo poseleniya Stanovoe 4 v Verkhnem Povolzh'e [Stratigraphy and planigraphy of multilayered settlement Stanovoe 4 in Upper Volga region]. *TAS*, 5, pp. 107–116.

- Zhilin M. G., 2004a. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: Nekotorye itogi izucheniya za poslednie gody [Mesolithic of Volga-Oka interfluve: some results of recent years studies]. *Problemy kamennogo veka Russkoy ravniny [Problems of Stone Age in Russian Plain]*. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 92–139.
- Zhilin M. G., 2004b. Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Natural environment and economy of Mesolithic population of Center and North-West of East European forest zone]. Moscow: Academia. 144 p.
- Zhilin M. G., 2005. The terminal Palaeolithic – early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe. *Pioneer Settlements and colonization processes in the Barents regions*. H. Knutsson, ed. Vuollerim, pp. 163–180. (Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology, 1).
- Zhilin M. G., 2006. Mezoliticheskie torfyanikovye pamyatniki Tverskogo Povolzh'ya: kul'turnoe svoeobrazie i adaptatsiya naseleniya [Mesolithic peat-bog sites of Volga basin in Tver' region: population's cultural specific and adaptation]. Moscow: Lira. 140 p.

About the author:

Sorokin Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ansorokin@rambler.ru.

Е. В. Леонова, М. Б. Медникова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)

Резюме. В статье приведены результаты исследования двух изолированных палеоантропологических находок из мезолитических слоев пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ). Комплексная экспертиза позволила идентифицировать две женские проксимальные фаланги кисти, принадлежавшие индивидуумам разного возраста. Уровень морфологических различий позволяет не только констатировать высокую индивидуальную изменчивость мезолитического населения этого региона, но и поставить вопрос о возможности смены населения при переходе от раннего к позднему мезолиту. Последствия ритуальных «усечений» мизинцев, описанных для мезолитических женщин Крыма, в материалах из пещеры Двойная не выявлены, хотя особенности строения одной из фаланг могут свидетельствовать о долговременном ограничении подвижности этого пальца.

Ключевые слова: мезолит, фаланги кисти человека, микрофокусная рентгенография, микротомография, радиологическая микроскопия, Северо-Западный Кавказ.

Введение

Исследования культурных отложений в западном гроте пещеры Двойная ведутся с 2008 г. Губской экспедицией ИА РАН. Пещера Двойная находится в Губском ущелье (предгорья северного склона Западного Кавказа, Скалистый хребет). К настоящему моменту общая площадь раскопа в пещере около 21 м². На вскрытой площади выделено три культурных слоя каменного века, залегающих под позднейшими отложениями и непосредственно перекрытых мощным (до 1 м) горизонтом обвала: два мезолитических слоя и один позднепалеолитический. Стерильной прослойки между мезолитическими слоями нет, граница между ними фиксируется по оттенкам и характеру отложений на стратиграфическом разрезе, локально прослежен десквамационный горизонт, разделяющий культурные слои. Раннемезолитический от нижележащего верхнепалеолитического слоя отделен тонкой (1–3 см) прослойкой разложившегося известняка в центральной части грота, а ближе к выходу – горизонтом дресвы и мелкого щебня. Для раннемезолитического слоя получены три радиоуглеродные даты:

11830 ± 160 (ГИН-14703); 10020 ± 160 (ГИН-14706); 8980 ± 280 (ГИН-14704) (Леорова, 2014).

На материалах пещеры Двойная можно проследить последовательную смену трех вариантов каменных индустрий рубежа плейстоцена и голоцена, имеющих как ряд общих черт, так и отличия. Общей чертой всех трех индустрий является расщепление кремня, направленное на получение пластинок в качестве основной заготовки для орудий, а различия особенно ярко проявляются в формах геометрических микролитов и острий. Для наиболее раннего верхнепалеолитического комплекса характерной чертой является наличие низких асимметричных треугольников и прямоугольников, в раннемезолитическом слое среди геометрических микролитов абсолютно преобладают сегменты, в верхнемезолитическом слое появляются разнообразные формы трапеций. Сходная тенденция развития или смены каменных индустрий поздней поры верхнего палеолита (эпипалеолита) и мезолита (протонеолита) прослеживается на материалах других памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа, а также Леванта, Средней Азии и Северного Причерноморья (Леорова, 2015. С. 78, 79).

Обстоятельства антропологических находок

В процессе лабораторной обработки фаунистической коллекции из раскопок 2010 г. были обнаружены две фаланги, предположительно отнесенные Н. В. Сердюк к роду *Ното*. Находки зафиксированы в ходе разборки культурных слоев, имеют точные координаты и взяты с индивидуальными полевыми номерами (рис. 1). Никаких особенностей залегания, привязки к каким-либо специфическим структурам или объектам культурного слоя не прослежено (Леорова и др., 2011).

Находка № 2328 (кв. *т-6б*, глуб. –260) залегала сразу под горизонтом обвала в светло-коричневом суглинке с мелким щебнем известняка, угольками (слой 4, первый культурный слой) – поздний мезолит (?). Сохранность хорошая, цвет белесовато-желтый¹.

Находка № 2449 (кв. *П-7с*, глуб. –267) залегала в слое темно-коричневого суглинка с отдельными угольками и золой среди обломков костей животных и расщепленных кремней (слой 6, второй культурный слой) – ранний мезолит. Сохранность удовлетворительная, цвет от коричневого до черного. Темная окраска, вероятнее всего, связана с пребыванием в огне, но обжиг незначительный, в результате лишь частично изменился цвет поверхности, но структура поверхности не нарушена.

Следует подчеркнуть, что подобные антропологические находки мезолитической эпохи для Северного Кавказа пока остаются уникальным явлением.

¹ Цвет костей в культурных слоях пещеры Двойная различный и напрямую связан с характером вмещающих отложений. Около входа и в горизонтах обвалов известняка кости светло-желтого, почти белого цвета. Ближе к центру пещеры, как правило, кости имеют коричневый цвет.

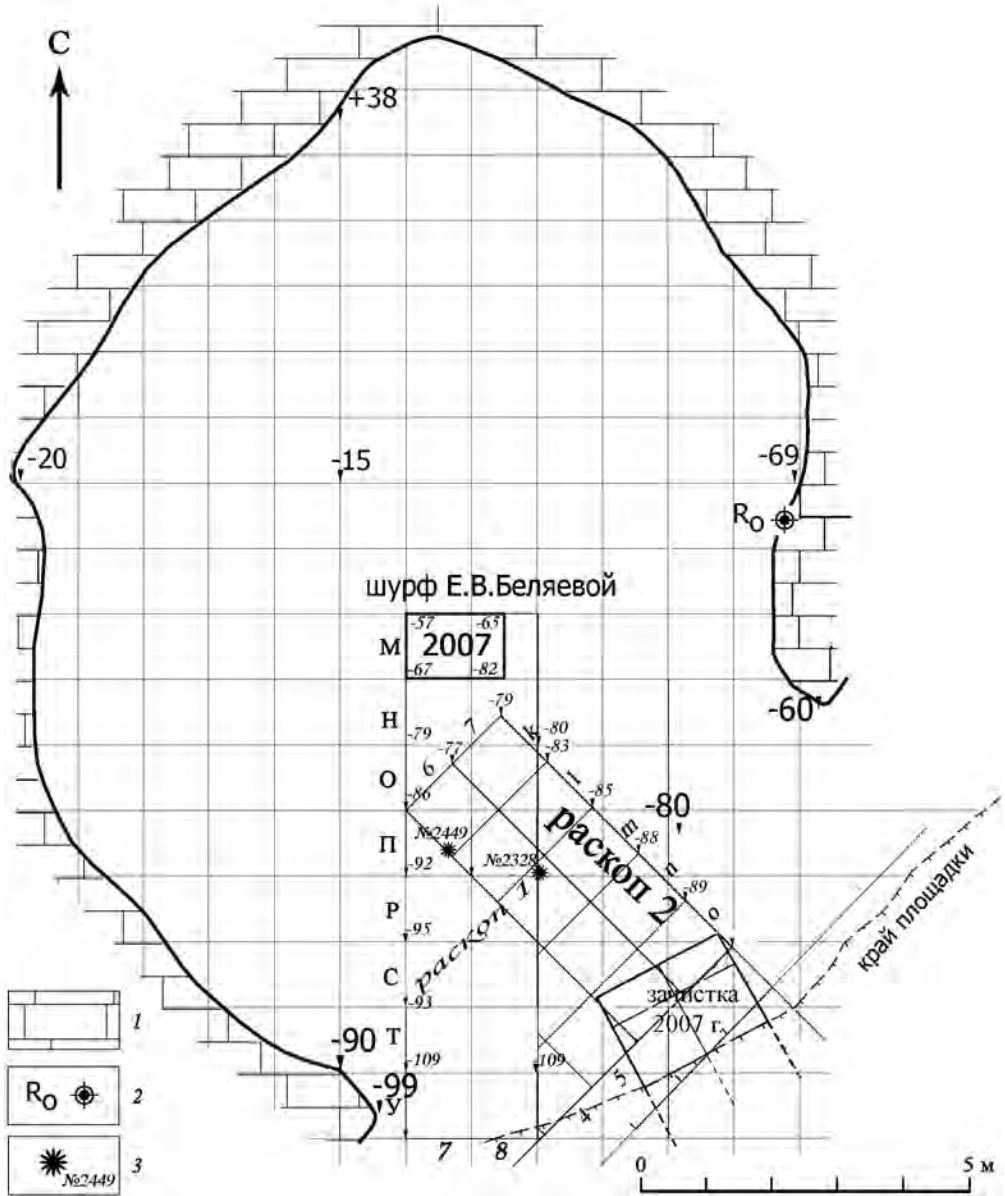

Рис. 1. План пещеры Двойная с указанием мест антропологических находок

Поэтому нам представляется чрезвычайно важным оперативное введение в научный оборот этих материалов.

Проведенное нами макро- и микроморфологическое исследование стало возможным благодаря современным радиологическим методам.

Методы исследования

Как отмечено выше, антропологические находки представлены двумя мелкими трубчатými костями. Система традиционных приемов описания в данном случае, не обеспечивает высокой достоверности результатов экспертизы. Поэтому мы использовали не только стандартные методы идентификации, но и оригинальные методические разработки, ранее примененные при описании изолированных и фрагментарных ископаемых находок Homo (*Mednikova*, 2011; 2013). Макроморфологические измерения выполнялись электронным калипером с разрешением 0,01 мм или 0.0005” (Digital Electronic Caliper, model No. GMC-190). Исследование внутренней структуры осуществлялось после микротомографии (XRADIA, «Системы микроскопии и анализа») и микрофокусной рентгенографии на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ) (разработка кафедры электронных приборов и устройств и предприятия ЗАО «ЭлтехМед»).

Измерения толщины стенок и размеров остеонов производились недеструктивно, на виртуальных срезах, полученных в ходе радиологического исследования, на уровне сечения в середине диафиза. Метод радиологической микроскопии был впервые в практике палеоантропологических исследований применен при изучении ископаемой фаланги т. н. «денисовской девочки» (*Медникова и др.*, 2013а). Показатели геометрии поперечного сечения рассчитывались по формулам для эллипса.

Морфологическая характеристика антропологических находок из пещеры Двойная

Находка № 2328

По предварительной оценке, это могла быть трубчатая кость кисти или стопы (рис. 2, а). Поскольку она имеет уплощенное, а не округлое сечение – это фаланга кисти. Основание несет одну фасетку – следовательно, найдена **проксимальная** фаланга. При определении луча проксимальных фаланг Г. А. Бонч-Осмоловский (1941. С. 89) следовал рекомендациям Пфицнера: у третьей фаланги основание, тело и головка равномерно сильные, у второй фаланги слабее развито тело, особенно в дистальной части, у четвертой – слабее развиты и тело, и основание.

У косточки из пещеры Двойная основание расширено. Асимметрия, проявляющаяся в скошенности головки и развитии контуров проксимальной сочленовой поверхности, свидетельствуют, что фаланга относится к **левой** кисти.

Максимальная ее длина – 32,96 мм. Сопоставление находки из пещеры Двойная с обследованным нами ранее верхнепалеолитическим сапиенсом Сунгирь 1 (*Медникова*, 2012) свидетельствует о малых размерах фаланги из Губского ущелья, скорее, типичных для кости мизинца (см. табл. 1).

Сравнение с размерными характеристиками проксимальных фаланг разных лучей у представителей мезолитической эпохи (табл. 2) подтверждает визуальное впечатление о грацильности исследуемого элемента кисти. Эта косточка

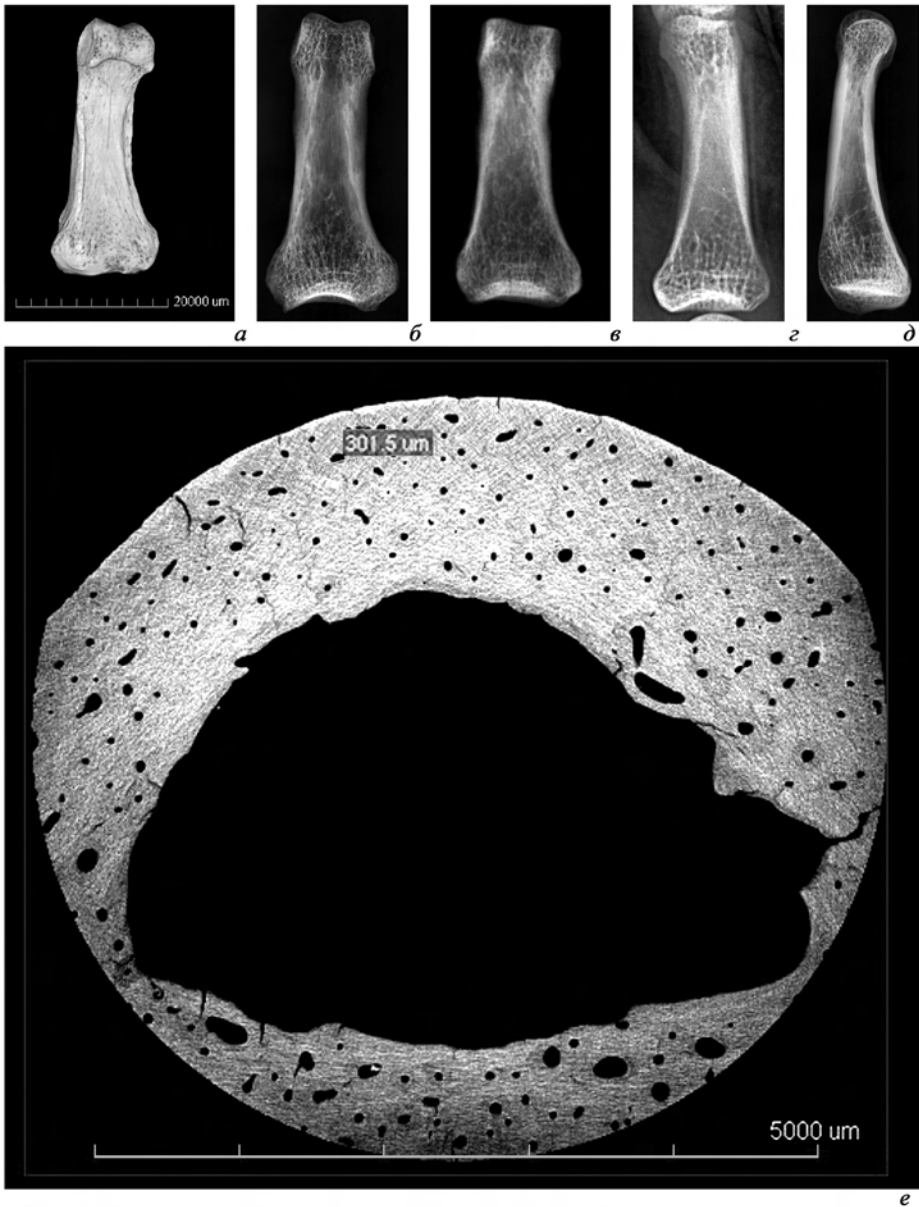

Рис. 2. Материалы из пещеры Двойная

a – 3D модель проксимальной женской фаланги из пещеры Двойная № 2328, полученная по результатам микрофотографии. Хорошо развиты боковые гребни на ладонной поверхности – результат рабочей гипертрофии костной ткани; *б* – проксимальная фаланга № 2328 (*a*, *г*) на фоне проксимальных фаланг правых мизинцев верхнепалеолитического сапиенса Сунгирь 1 (*в*) и современного двадцатилетнего мужчины (*г*).

Микрофокусный рентген: *a–г* – передне-задняя проекция; *д* – боковая проекция; *е* – виртуальный гистологический срез дорзальной компакты на уровне середины диафиза. Находка № 2328

короче, уже и ниже, чем мужские или женские фаланги 2–3 пальцев из Мурзак-Кобы. Фаланга мизинца у крымского мезолитического мужчины тоже намного длиннее и выше (табл. 2). Размеры проксимальной фаланги пятого луча у женщины из Мурзак-Кобы не могут служить для полноценного сравнения, поскольку, как установил еще Д. Г. Рохлин (1965), соответствующие косточки на обеих руках были затронуты ритуальной ампутацией. Однако, если ориентироваться на уровень полового диморфизма в строении других фаланг, длина отсутствующей косточки у женщины из Мурзак-Кобы должна быть сходна с размерами фаланги из Двойной пещеры.

На микрофокусной рентгенограмме можно видеть остаточные следы ростовой пластинки, что соответствует параметрам современного двадцатилетнего человека (рис. 2, в–д). Это определение подтверждается визуальным осмотром поверхности фаланги, не выявившим следов недавнего синостозирования, которое, по современным данным, происходит у девочек в 14–14,5 лет (Birkner, 1978).

На виртуальном гистологическом срезе не наблюдается никаких постдефицитивных изменений (рис. 2, е). В то же время ламеллярные структуры, характерные для детского возраста, отсутствуют. То есть гистологическая картина целиком соответствует макроморфологической. Размеры остеонов на поперечном срезе в середине диафиза варьируют в пределах 139–301 мкм, размеры Гаверсовых каналов – от 40 до 97,3 мкм. Внутренняя массивность фаланги достаточно высока (показатель кортикализации %СА составляет 68,27, полярный момент инерции J 204,219).

В целом можно предположить, что для данной трубчатой кости была более характерна преобладающая остеобластическая активность, ассоциируемая с развитием васкулярной системы, питавшей костную ткань, по «консервативному» типу (Mednikova, Dobrovol'skaya, 2014). Соответственно, можно предположить, что обладательница этой фаланги из пещеры Двойная принадлежала к популяции, сформировавшейся на протяжении длительного периода в условиях теплого климата.

Другие признаки позволяют судить о качестве жизни конкретного индивидуума, причем за годы до смерти. На микрофокусном снимке в боковой проекции заметны резорбированные линии Гарриса – свидетельства физиологических стрессов, приводивших к периодической приостановке процесса роста. Их количество не менее 5, что позволяет судить об интенсивности и периодичности неблагоприятного воздействия на организм ребенка. Судя по локализации линий Гарриса, на рентгенограмме запечатлелись эпизодические стрессы в возрасте от 7 до 14 лет (рис. 2, д).

Итак, эта мелкая трубчатая кость из раскопок пещеры Двойная представляет собой проксимальную фалангу левой кисти и, предположительно, принадлежала индивидууму женского пола не старше 20 и не моложе 14,5 лет (скорее всего, ближе к 20).

Находка № 2449

Мелкая трубчатая кость кисти или стопы (рис. 3, а). Сечение диафиза овальное, уплощенное, без выраженных боковых гребней. Основание несет одну фасетку, что соответствует морфологии проксимальных фаланг. Форма головки

и дистального метафиза не вполне обычна. Отчетливо выражено метафизарное сужение и 2 боковые фасетки, частично распространяющиеся на дорзальную поверхность. Первоначально это заставило нас предполагать, что кость принадлежит не человеку, а животному. Но радиологические исследования обнаруживают картину, вполне типичную для представителей рода Homo.

Несмотря на заметные внешние отличия, по своим размерам эта кость сопоставима с предыдущей находкой. Ее наибольшая длина 30,92 мм. Впрочем, высота, ширина и окружность диафиза заметно выше, чем у фаланги № 2328 (табл. 1, 2).

По степени внутренней массивности, т. е. по относительной толщине стенок, эта кость также сходна с другой находкой из пещеры Двойная. При площади кортикального слоя в середине диафиза (СА), составляющей 30,039, общей площади (ТА) – 175,67, площади медуллярного канала – 43,92, показатель кортикализации (%СА) – 68,40, а полярный момент инерции (J) – 294,3983.

Таблица 1. Измерения грубчатых костей из пещеры Двойная в сравнении с размерами проксимальных фаланг кисти верхнепалеолитического мужчины Сунгирь 1 (второй – пятый лучи), мм

Признак	№ 2328	№ 2449	2 прав.	2 лев.	3 прав.	3 лев.	4 прав.	4 лев.	5 прав.	5 лев.
Сочленовная длина	31,97	29,33	42,46	41,12	45,84	46,17	41,80	42,36	34,98	33,84
Высота в середине диафиза	5,85	6,24	6,28	6,60	7,50	7,15	6,63	7,05	5,90	6,14
Ширина в середине диафиза	7,98	8,90	10,91	10,03	11,13	11,01	9,94	10,49	9,09	8,73
Окружность в середине диафиза	23	25	30	28	31	32	28	30	26	25
Проксимальная наибольшая высота	10,26	10,30	11,28	11,54	12,80	12,71	11,37	12,17	9,74	9,50
Проксимальная наибольшая ширина	14,57	13,26	15,79	14,95	17,35	17,68	15,91	17,79	15,42	13,92
Проксимальная сочленовная высота	8,68	7,69	10,63	9,21	11,15	10,65	9,78	10,22	9,55	8,95
Проксимальная сочленовная ширина	9,43	10,73	13,18	11,14	12,51	13,02	12,82	14,01	11,15	11,87
Дистальная высота	6,40	5,88	8,56	7,87	8,22	7,96	7,47	8,69	7,15	6,99
Дистальная наибольшая ширина	9,33	10,20	12,45	11,83	13,13	12,77	12,02	12,72	9,68	10,20
Дистальная сочленовная ширина	7,14	8,78	9,30	9,16	9,72	10,10	9,05	9,47	7,56	8,16

Таблица 2. Фаланги из пещеры Двойная на фоне находок эпохи мезолита (сравнительные измерения по Г. А. Бонч-Осмоловскому)

Находка	Суставная длина	Ширина тела	Высота тела	Высотно-широтный индекс
1. Фаланга 2 луча Мурзак-Коба 1	44,2	11,3	7,3	63,48
2. Фаланга 2 луча Мурзак-Коба 2	37,1	9,9	6,3	63,64
3. Фаланга 3 луча Мурзак-Коба 1	48,4	11,5	8	69,57
4. Фаланга 3 луча Мурзак-Коба 2	41,3	10	6,5	65,0
5. Фаланга 5 луча Мурзак-Коба 1	38,9	–	7	–
8. Фаланга 5 луча Мурзак-Коба 2	–	–	4	–
6. Двойная пещера № 2328	31,97	7,98	5,75	72,06
7. Двойная пещера № 2449	29,33	8,90	6,24	70,11

Микрофокусная рентгенография позволила выявить мощную трабекулярную сеть в метафизарных областях (рис. 3, б, в). Кроме того, на снимке в боковой проекции видны следы 7 физиологических стрессов, перенесенных индивидуумом в процессе роста.

Микротомография позволяет проследить детали заполнения полости костного мозга трабекулярными структурами (рис. 3, г). Подобные морфологические тенденции иногда прослеживались у носителей «архаической» морфологии – неандертальцев (Медникова и др., 2013б). Впрочем, индивидуальная изменчивость подобных структур у представителей анатомически современного человека до сих пор не изучена должным образом, поскольку методические возможности для этого появились совсем недавно.

Размер остеонов варьирует в пределах 121,9–285,1 мкм, размер Гаверсовых каналов – в пределах 40,6–99,34 мкм (рис. 3, д).

Суммируя, следует подчеркнуть, что, несмотря на морфологическую специфику этой находки, ее с достаточной долей вероятности можно отнести к проксимальным фалангам кисти человека. Судя по размерам, это также могла быть фаланга мизинца, причем вновь женская. Показатели внутренней массивности кости, размеры остеонов и Гаверсовых каналов сближают две находки. Вместе с тем стоит отметить, что во внутренней структуре фаланги № 2449 выявлены последствия активных перестроек в перимедуллярной области, что, по-видимому, отражает больший возраст этого индивидуума по сравнению с предыдущим.

Обсуждение

Итак, найденные в слоях пещеры Двойная трубчатые кости принадлежат разным людям. При этом эти кости гомологичны, что позволяет нам судить о высоком уровне индивидуальной морфологической изменчивости среди населения мезолитической эпохи на Кавказе.

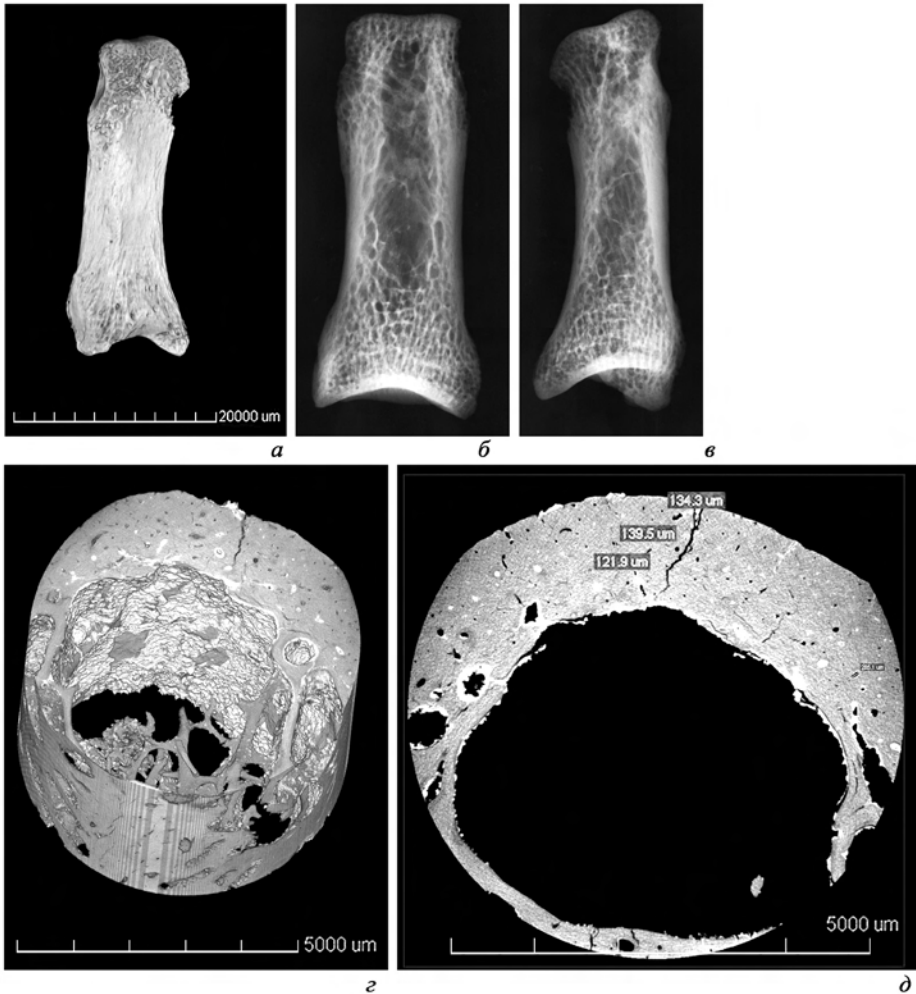

Рис. 3. Материалы из пещеры Двойная

а – 3D модель трубчатой кости № 2449, полученная по результатам микротомографии. Боковые гребни на ладонной (подошвенной) поверхности практически не развиты. Микрофокусные рентгенограммы трубчатой кости № 2449; *б* – передне-задняя проекция; *в* – боковая проекция; *г* – 3D модель дорсальной стенки диафиза и области медуллярного канала трубчатой кости 2449. Мощные трабекулы и последствия костных перестроек в перимедуллярной области; *д* – виртуальный гистологический срез дорсальной компакты на уровне середины диафиза. Находка № 2449

С сожалением вынуждены отметить, что сравнительные данные по эпохе камня, и особенно по мезолитической эпохе, описывающие строение проксимальных фаланг кисти, весьма немногочисленны. И нельзя не отдать должное работам наших предшественников Г. А. Бонч-Осмоловского и Д. Г. Рохлина, в которых подобная информация содержится.

Радиологические исследования морфологии элементов кисти пока в основном исчерпываются эпохой палеолита. Вот почему мы были вынуждены в качестве реперной точки использовать результаты нашего предшествующего обследования верхнепалеолитического человека со стоянки Сунгирь.

Хотя мы констатируем отсутствие широкого сравнительного фона для наших находок в материалах мезолитической эпохи, две фаланги, найденные в пещере Двойная, настолько различны внешне, что позволяют поставить вопрос о степени однородности населения Северного Кавказа в эпоху мезолита. Учитывая хронологический разрыв, связанный с этими находками, можно предполагать появление мигрантов из других регионов при переходе от раннего к позднему этапу.

Тот факт, что нами идентифицированы кости женских мизинцев, представляет особый интерес в свете недавнего повторного рассмотрения погребения Мурзак-Коба 2 (*Медникова и др.*, 2015). Основываясь на результатах микрофокусной рентгенографии МК2, мы пришли к выводу, что частичная ампутация мизинцев этой молодой женщины произведена не за год, а за несколько лет до смерти, т. е. в юношеские годы. В мезолитической популяции Крыма ритуальные ампутации могли быть частью женских обрядов перехода (инициации или брака), ведь мужчина из того же захоронения таким испытаниям не подвергался.

Девушка из пещеры Двойная, обладательница фаланги № 2328, несмотря на достаточно взрослый, по меркам той эпохи, возраст, подобный обряд не проходила. Об этом говорит заметное развитие боковых гребней с ладонной поверхности фаланги, говорящее о постоянной физической активности.

Примечательно, что на другой фаланге, № 2449, предположительно принадлежавшей женщине старшего возраста, боковые гребни практически не сформированы или были редуцированы вследствие долгой иммобилизации этого пальца. Травмы на этой фаланге не фиксируются, но мы не можем утверждать, что в результате каких-то событий не пострадали концевая и средняя фаланги этого же пальца. В то же время диафиз фаланги № 2449 не атрофирован, он достаточно объемён. Впрочем, тот факт, что он выше по сравнению с диафизом фаланги № 2338, говорит о меньшем формообразующем давлении сухожилий мышц сгибателей-разгибателей.

Таким образом, возможно, в мезолитической популяции, населявшей пещеру Двойная, традиции ритуальных ампутаций фаланг у женщин не было или этот обряд проводился в старшем возрасте.

Заключение

Комплексная экспертиза изолированных палеоантропологических находок из раскопок пещеры Двойная позволила идентифицировать две женские проксимальные фаланги кисти, принадлежавшие индивидуумам разного возраста. Уровень морфологических различий позволяет не только констатировать высокую индивидуальную изменчивость мезолитического населения этого региона, но и поставить вопрос о возможности смены населения при переходе от раннего

к позднему мезолиту. Последствия ритуальных «усечений» мизинцев, описанных для мезолитических женщин Крыма, в материалах их пещеры Двойная не выявлены, хотя особенности строения одной из фаланг могут свидетельствовать о долговременном ограничении подвижности этого пальца.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1941. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л.: АН СССР. 171 с. (Палеолит Крыма; Вып. II.)
- Леонова Е. В.*, 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М. С. 77–88.
- Леонова Е. В., Азеева К. Е., Александрова О. И.*, 2011. Отчет о раскопках пещеры Двойная в Мостовском районе Краснодарского края Губской археологической экспедиции ИА РАН в 2010 году (Открытый лист № 574, Открытый лист № 575) // Архив ИА РАН.
- Медникова М. Б.*, 2012. Кисть сунгирца (новые данные о строении трубчатых костей) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. № 4. С. 4–17.
- Медникова М. Б., Добровольская М. В., Виола Б., Лавренко А. В., Казанский П. Р., Шкловер В. Я., Шуньков М. В., Деревянко А. П.*, 2013а. Радиологическая микроскопия фаланги руки девочки из Денисовой пещеры // АЭАЕ. № 3. С. 120–125.
- Медникова М. Б., Потрахов Н. Н., Бессонов В. Б.*, 2013б. Применение микрофокусной рентгенографии в разграничении ископаемых представителей рода *Homo* с архаической и современной морфологией // Биотехносфера. № 4 (28). С. 51–55.
- Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И.*, 2015. Обряды перехода в каменном веке по данным физической антропологии // КСИА. Вып. 237. С. 50–63.
- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука. 303 с.
- Birkner R.*, 1978. Normal radiographic patterns and variances of the human skeleton. Anatomical X-ray atlas of adults and children. Baltimore (Munich): Urban and Schwarzenberg. 500 p.
- Leonova E. V.*, 2014. Investigation of Mesolithic and Upper Paleolithic multilayer sites in the North-West Caucasus // Mikulov Anthropology Meeting. Brno: Academy of Science of the Czech Republic, Institute of Archaeology (CAS) – Masaryk University, Department of Anthropology. P. 45–50. (The Dolni Vestonice Studies; vol. 20.)
- Mednikova M.*, 2011. A proximal pedal phalanx of a hominid from Denisova Cave, the Altai // AEAE. Vol. 1 (45). P. 129–138.
- Mednikova M. B.*, 2013. Distal phalanx of the hand of *Homo* from Denisova cave stratum 12: a tentative description // AEAE. Vol. 2. P. 146–155.
- Mednikova M., Dobrovolskaya M.*, 2014. Vascular system development of small tubular bones of Neanderthals from Altai caves // European Society for the study of Human Evolution (ESHE): 4th Annual Meeting (Florence, Italy, 18–20 September, 2014). Florence. P. 115. (Proceedings of the European Society of Human Evolution; 3.)

Сведения об авторах.

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036, Москва Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036, Москва Россия; e-mail: medma_ра@mail.ru.

Ye. V. Leonova, M. B. Mednikova

Anthropological finds in the Mesolithic layers of the Dvoynaya cave
(North-Western Caucasus)

Abstract. The paper describes results of the study of two separate paleoanthropological finds in the Mesolithic layers of the Dvoynaya cave (North-Western Caucasus). By doing a complex expertise, the scholars managed to identify two female proximal phalanges of two individuals of different ages. The level of morphological differences suggests that there was a high individual variability of the Mesolithic population living in this region and, most likely, one population group was replaced by another group during transition from the Early to the Late Mesolithic. Consequences of ritual truncation of little fingers described for the Mesolithic females of the Crimea have not been identified in the Dvoynaya cave finds, though specific structure of one of the phalanges may imply that the movement of this finger was restricted for a long time.

Keywords: Mesolithic, human manual phalanges, microfocus X-ray, microtomography, radiological microscopy, North-Western Caucasus.

REFERENCES

- Birkner R., 1978. Normal radiographic patterns and variances of the human skeleton. Anatomical X-ray atlas of adults and children. Baltimore (Munich): Urban and Schwarzenberg. 500 p.
- Bonch-Osmolovskiy G. A., 1941. Kist' iskopaemogo cheloveka iz grota Kiik-Koba [Hand of fossile man from Kiik-Koba grotto]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 171 p. (Paleolit Kryma, II.)
- Leonova E. V., 2014. Investigation of Mesolithic and Upper Paleolithic multilayer sites in the North-West Caucasus. *Mikulov Anthropology Meeting*. Brno: Academy of Science of the Czech Republic, Institute of Archaeology (CAS) – Masaryk University, Department of Anthropology, pp. 45–50. (The Dolni Vestonice Studies, 20).
- Leonova E. V., 2015. K probleme khronologii i kul'turnoy variabel'nosti kamennykh industriy kontsa verkhnego paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam navesa Chygay i peshchery Dvoynaya) [On problem of chronology and cultural variability of stone industries of late Upper Palaeolithic and Mesolithic in North-Western Caucasus (based on materials from Chygay rock-shelter and Dvoynaya cave)]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Traditions and innovations in history and culture: Program of fundamental researches of Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow, pp. 77–88.
- Leonova E. V., Ageeva K. E., Aleksandrova O. I., 2011. Otchet o raskopkakh peshchery Dvoynaya v Mostovskom rayone Krasnodarskogo kraya Gubskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN v 2010 godu [Report on excavations of cave Dvoynaya in Krasnodar Region, Mostovsky district of Gubs archaeological expedition, IA RAN, in 2010]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Mednikova M., 2011. A proximal pedal phalanx of a hominid from Denisova Cave, the Altai. *AEAE*, 1 (45), pp. 129–138.
- Mednikova M. B., 2012. Kist' sungirtsa (novye dannye o stroenii trubchatykh kostey) [Sungir man's hand (new data on structure of tubular bones)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII [Bulletin of Moscow university. Ser. XXIII]*, 4, pp. 4–17.
- Mednikova M. B., 2013. Distal phalanx of the hand of Homo from Denisova cave stratum 12: a tentative description. *AEAE*, 2, pp. 146–155.
- Mednikova M., Dobrovolskaya M., 2014. Vascular system development of small tubular bones of Neanderthals from Altai caves. *European Society for the study of Human Evolution (ESHE): 4th Annual Meeting* (Florence, Italy, 18–20 September, 2014). Florence, p. 115. (Proceedings of the European Society of Human Evolution, 3.)

- Mednikova M. B., Dobvol'enskaya M. V., Viola B., Lavrenyuk A. V., Kazanskiy P. R., Shklover V. Ya., Shun'kov M. V., Derevyanko A. P., 2013a. Radiologicheskaya mikroskopiya falangi ruki devochki iz Denisovoy peshchery [Radiographic microscopy of hand phalanx of a girl from Denisova cave]. *AEAE*, 3, pp. 120–125.
- Mednikova M. B., Potrakhov N. N., Bessonov V. B., 2013b. Primenenie mikrofokusnoy rentgenografii v razgranichenii iskopaemykh predstaviteley roda Homo s arkhaischeskoy i sovremennoy morfologiyey [Application of microfocus radiography in discrimination between fossile representatives of species of *Homo* gens with archaic and modern morphology]. *Biotekhnosfera [Biotechnospha]*, 4 (28), pp. 51–55.
- Mednikova M. B., Moiseev V. G., Khartanovich V. I., 2015. Obryady perekhoda v kamennom veke po dannym fizicheskoy antropologii [Transition rites in Stone Age on data relating to physical anthropology]. *KSLA*, 237, pp. 50–63.
- Rokhlin D. G., 1965. Bolezni drevnikh lyudey (kosti lyudey razlichnykh epokh – normal'nye i patologicheski izmenennyye) [Diseases of early people (bones of people of various epochs – normal and pathologically changed)]. Moscow; Leningrad: Nauka. 303 p.

About the authors.

Leonova Yelena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Mednikova Maria B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Г. Е. Афанасьев

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ КАК ПАМЯТНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. Датировка и культурная принадлежность Алексеевского городища обсуждается в течение 90 лет. С. Н. Замятнин считал, что памятник относится к салтовской культуре, Т. М. Олейников приписывал его хазарам, а С. А. Плетнёва, первоначально датировавшая памятник XVII–XVIII вв., позже также отнесла его ко времени салтовской культуры. Приведенные автором статьи параллели строительным материалам и приемам, конструкциям основания и стен, параметрическим характеристикам Алексеевского городища показывают, что все они хорошо вписываются в хазаро-аланское кирпичное и каменное фортификационное зодчество на Дону, имеющее византийские архитектурные и строительные корни. Эпохе Хазарского каганата соответствует и радиоуглеродная дата бревна из стен Алексеевского городища – 767–847 гг.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Византия, донские аланы, фурт-асы, хазары, салтово-маяцкая культура, фортификация, городища.

Алексеевское городище расположено на правом берегу реки Тихая Сосна (рис. 1, а, б), на юго-западной окраине г. Алексеевка Белгородской области. Информация о нем впервые появляется в «Сведениях 1873 г.» о городищах и курганах, собранных Центральным статистическим комитетом по инициативе Д. Я. Самоквасова (Сведения..., 1896. С. 300). В 1905 г. Р. Ноздрин рассматривал этот памятник в контексте локализации Олександрова городища, упомянутого в русских документах XVII в. (Ноздрин, 1905). Однако после открытия Колтуновского городища стало ясно, что оно в большей степени, чем Алексеевское, соответствует названным в источниках ориентирам, позволяющим идентифицировать Олександрово городище (Афанасьев, 2013).

Первенство в натурном описании крепости, представленном в ГАИМК в 1926 г., принадлежит жителю Алексеевской слободы Воронежской губернии И. И. Турбину. Позже ее осматривали С. Н. Замятнин, Т. М. Олейников, В. Г. Ерёмченко, С. А. Плетнёва, С. С. Миргородский и автор данной статьи. С. Н. Замятнин относил Алексеевское городище к кругу салтово-маяцких древностей (Турбин, 1926. С. 1–9), а Т. М. Олейников считал, что его основали хазары (Олейников, 1927. С. 1–7). Иных взглядов придерживалась С. А. Плетнёва, предположившая,

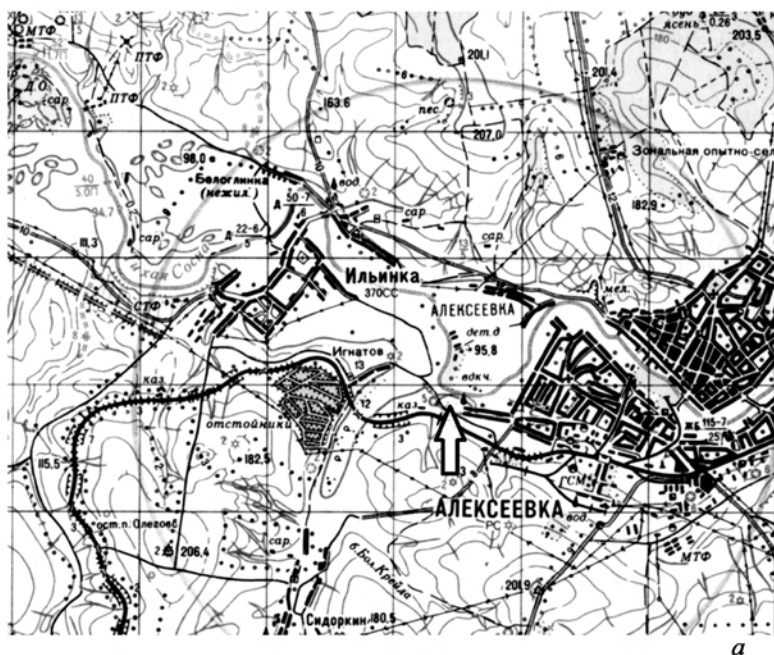

Рис. 1. Карта и космический снимок района Алексеевского городища
а – фрагмент карты масштаба 1:100 000 (составлена в 1964 г.); *б* – космический снимок Алексеевского городища (сделан в 2011 г.)

что в XVII–XVIII вв. на месте салтовского селища была воздвигнута русская крепость (Плетнёва, 1963. С. 20–25). Первоначально я тоже разделял эту точку зрения (Афанасьев, 1983. С. 96, 97), но затем более глубокое знакомство с архитектурно-строительными характеристиками этого фортификационного объекта заставило меня отказаться от нее, что несколько позже сделала и С. А. Плетнёва (Афанасьев, 1993; Винников, Плетнёва, 1998. С. 36). Если проанализировать в историко-архитектурном аспекте информацию И. И. Турбина, С. Н. Замятина, Т. М. Олейникова, В. Г. Ерёмченко, С. А. Плетнёвой и С. С. Миргородского, то вырисовывается следующая картина.

Строительные материалы

Материалом для возведения стен крепости служил сырцовый и обожженный кирпич. Последний представлен экземплярами с обжигом различного качества и цвета (Турбин, 1926. С. 4–7; Олейников, 1927. С. 1–7). Разнообразие цветовой гаммы свидетельствует о том, что кирпич подвергался неравномерному обжигу при температуре от 400 до 800°, скорее всего костровому (Токаренко, 2009), но при окончательном решении этого вопроса следует учитывать и информацию И. И. Турбина о нахождении рядом с городищем группы обжигательных печей.

Размеры алексеевского полноформатного кирпича варьируют в пределах 26,7–40 см: И. И. Турбин пишет о кирпичах 26,7 × 13,3 см и 35,6 × 35,6 см, а Т. М. Олейников упоминает кирпичи 40 × 40 × 8 см (рис. 2, б). Ближайшие им аналогии можно найти на расположенных в долине Тихой Сосны Красном и Колтуновском городищах салтово-маяцкой культуры. Установлено, что при возведении крепостных стен Красного городища использовался сырцовый или слабо обожженный кирпич – около 90%. Хорошо обожженный кирпич встречается реже – около 10%. Размеры сырцового и обожженного кирпича Красного городища находятся в одних вариационных рамках: 40 × 20 × 10 см, 55–50 × 25–30 × 7–8 см, 40–46 × 40–46 × 7–8 см, 55–50 × 55–50 × 7–8 см (Афанасьев, Красильников, 2012). Колтуновские кирпичи представлены сырцовыми глиняными и землебитными кирпичами квадратной формы с размерами сторон от 27 до 46 см при толщине 3–6 см. Чаще всего там применялся кирпич 36–38 × 36–38 × 5,5 см, но изредка (для облицовки стен) использовали и кирпич половинчатого формата (Афанасьев, 2013).

Проблема генезиса кирпичного фортификационного зодчества IX в. в бассейне Дона носит дискуссионный характер (Афанасьев, 2012). Общепризнано, что это новое явление для строительной практики хазаро-аланского населения Восточной Европы. Аналогичный процесс прослеживается в русских городах времен Владимира, когда там появляется церковная и светская кирпичная архитектура, имеющая византийские истоки (Ёлишин, 2008. С. 5–206). Статистическое исследование размеров донского кирпича хазарского времени показало, что здесь выделяются две группы. Первая – объединяет сырцовые и обожженные кирпичи, сделанные на основе $\frac{3}{4}$ византийской стопы (1 спифа) или 1 стопы. Они характерны для городищ Нижнего Дона. Своим происхождением кирпичи

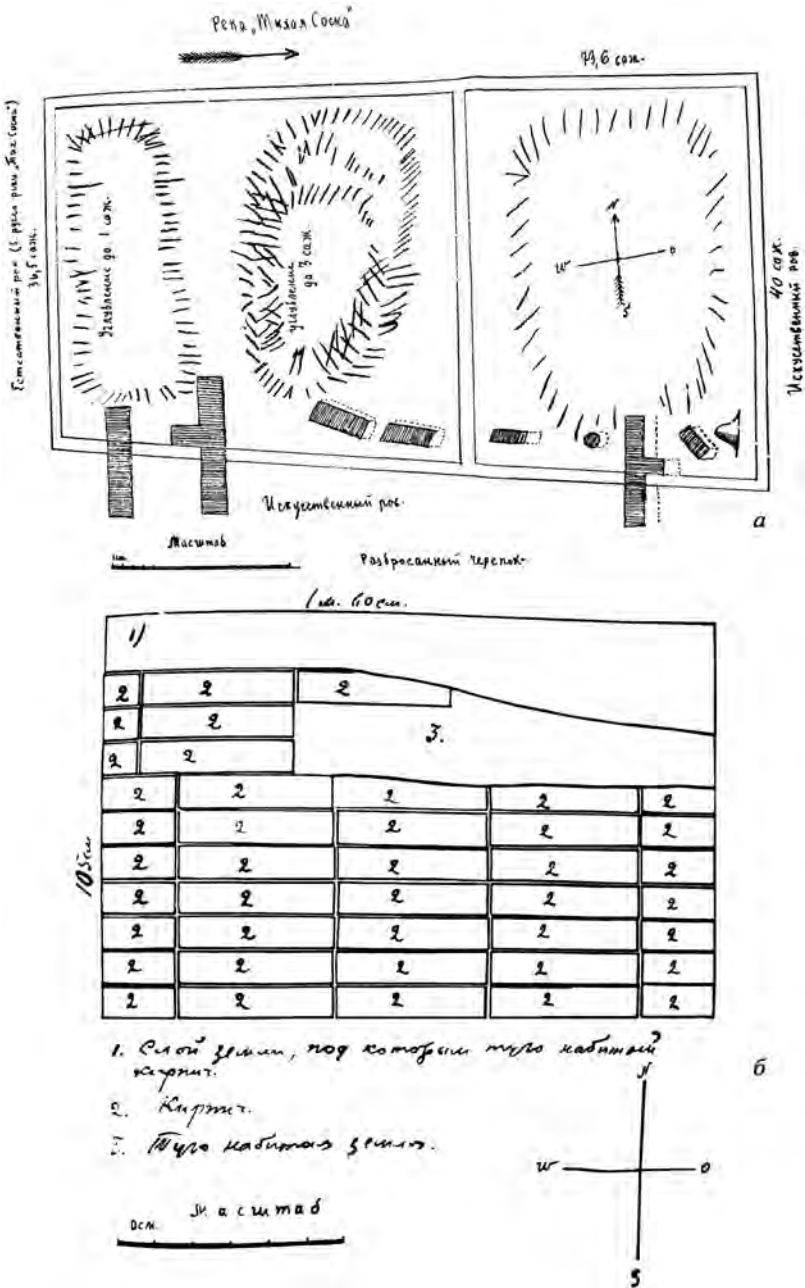

Рис. 2. Алексеевское городище. Графические материалы (по: Олейников, 1927)
 а – план; б – схема кирпичной кладки южной крепостной стены

первой группы, вероятно, связаны с Крымом. Вторая группа состоит из сырцовых и обожженных кирпичей, сформованных на основе $1\frac{1}{3}$ византийской стопы, $1\frac{1}{2}$ стопы (1 локтя) и 2 стоп. Они присущи фортификационным памятникам долины Тихой Сосны. Происхождение кирпичей второй группы связано с Таманским полуостровом. Общим для обоих регионов бассейна Дона является кирпич размером в 1 византийскую стопу (Афанасьев, 2012).

Кроме кирпича, при возведении Алексеевского городища использовались и глинобитные (землебитные) блоки $35,6 \times 26,7 \times 24$ см, зафиксированные в кладке сооружения, пристроенного к южной крепостной стене с внешнего фаса (Турбин, 1926. С. 2). Т. М. Олейников отмечал факт использования «туго набитого кирпича» или «туго набитой земли» в кладке южной крепостной стены (Олейников, 1927. С. 6), а С. А. Плетнёва писала, что северная стена городища сложена из сырцовых блоков $100 \times 70 \times 30$ см (Плетнёва, 1963. С. 24). Разнообразие материала, из которого выполнены стены Алексеевского городища, вполне вписывается в византийскую строительную практику и соответствует рекомендациям архитекторов (*Витрувий*. Кн. 1, гл. V, § 8).

Связующие материалы, штукатурка

Согласно информации И. И. Турбина, связующим раствором в кладке южной стены Алексеевского городища была смешанная с соломой глина, в которой просматривались зерна ржи. Иначе связывались глиняные блоки, из которых выполнена пристройка к внешнему фаса южной стены, там применялась чистая глина без присадок (Турбин, 1926. С. 1–4). На Красном городище облицовочные ряды с внешней и с внутренней стороны сложены из сырцовых кирпичей половинчатого формата на известковом растворе белого цвета. Здесь мы встречаемся с тем же строительным приемом, что и в некоторых церквях в Фессалониках, где кладка на глине была скрыта за известковым раствором, которым строители промазывали швы (Липатов, 2006. С. 127). Техника кладки кирпичей во внутреннем массиве стены Красного городища нерегулярная. Это, однако, не повлияло на прочность стены, так как примененный для связки раствор глины, как и на Алексеевском городище, заполнял практически все полости, образуя прочный кирпичный монолит (Афанасьев, Красильников, 2012). Подобным образом возводились стены и на Колтуновском городище, где их ядро представляло собой монолит кладки из сырцового глиняного и землебитного кирпича на глиняном растворе. С внутренней стороны стены кирпичная облицовка была сложена на известковом растворе (Афанасьев, 2013. С. 24–44).

Т. М. Олейников обращал внимание на то, что на Алексеевском городище «кладка стены [южной. – Г. А.] кирпичом как бы обмазана глиной» (Олейников, 1927. С. 1–7). Возможно, это указывает на оштукатуривание сырцовых крепостных стен для обеспечения их гидроизоляции. В долине Тихой Сосны зафиксированы разные способы защиты сырцовых и каменных стен крепостных сооружений от атмосферной влаги. Если на Красном и Колтуновском городищах швы сырцовой кладки защищались от осадков тем, что лицевая кладка велась

на известковом растворе или была облицована меловыми блоками, то на Маяцком городище применялся несколько иной способ. Швы лицевой кладки там затирались известковым или глиняным раствором.

Основание стен

Раскопки С. А. Плетнёвой показали, что основание кирпичной части южной крепостной стены Алексеевского городища и примыкавшие к ней забутованные деревянные клетки не имели субструкций. Но клетки были поставлены не на почвенный слой, а «на плотный, по-видимому, выровненный материк» (Плетнёва, 1963. С. 22). В отличие от южной крепостной стены, северная стена опиралась на культурный слой салтовского времени (рис. 3, б). Осталось неясным, велась ли кладка непосредственно на почвенный слой или на него предварительно укладывались деревянные плахи, как это имело место на Правобережном Цимлянском (Плетнёва, 1994. С. 275, 276), Маяцком и Красном городищах (Афанасьев, Красильников, 2012).

Возведение кирпичных и каменных крепостей без углубленного фундамента – это распространенный в I тысячелетии строительный прием, применявшийся на широкой территории Евразии, который иногда ошибочно считается специфическим именно для хазарского крепостного зодчества. В действительности, он характерен не только для фортификационных памятников салтово-маяцкой культуры, но и для одновременных им оборонительных и культовых сооружений Северного Кавказа (Биджиев, 1983. С. 16–20; Кузнецов, 1993. С. 76), Крыма (Герцен, 1984. С. 75–80; Фирсов, 1990. С. 113–133) и Балканского полуострова (Рабовянов, 2011. С. 25, 28, 33, 39, 45, 83, 94, 136, 169). Этот же строительный прием был зафиксирован в фортификационных сооружениях позднеримского и ранневизантийского времени на Балканах (Bájenaru, 2010. P. 99, 162) и в Крыму (Белов, 1953. С. 237–245).

Причины, по которым на одном и том же оборонительном объекте стены опирались в одних случаях на материк, а в других – на почвенный слой, можно объяснить необходимостью устройства дренажа. В месте расположения Алексеевского городища уклон материка в сторону реки составляет 2 см на 1 м. Если бы южная крепостная стена лежала на материковой глине, то атмосферные осадки со всей площади крепости стекали бы к ней и заболачивали внутреннюю территорию крепости. Строительство южной стены на погребенной почве создавало дренаж, через который поверхностная вода свободно уходила под стену и, далее, по склону террасы в реку, что обеспечивало необходимое осушение территории. Аналогичный строительный прием был применен при возведении стен Маяцкой крепости. Там толщина перекрывающего меловой материк почвенного слоя варьирует на разных участках памятника от 0,04 до 0,52 м. Этого вполне достаточно для того, чтобы атмосферные осадки не скапливались у подножья стены, а отводились через почвенный слой в соответствии с уклоном местности, равным 4 см на 1 м с юго-востока на северо-запад. Отток воды от основания стен предотвращал нижние каменные блоки или кирпичные ряды кладки от чрезмерного насыщения влагой и последующего

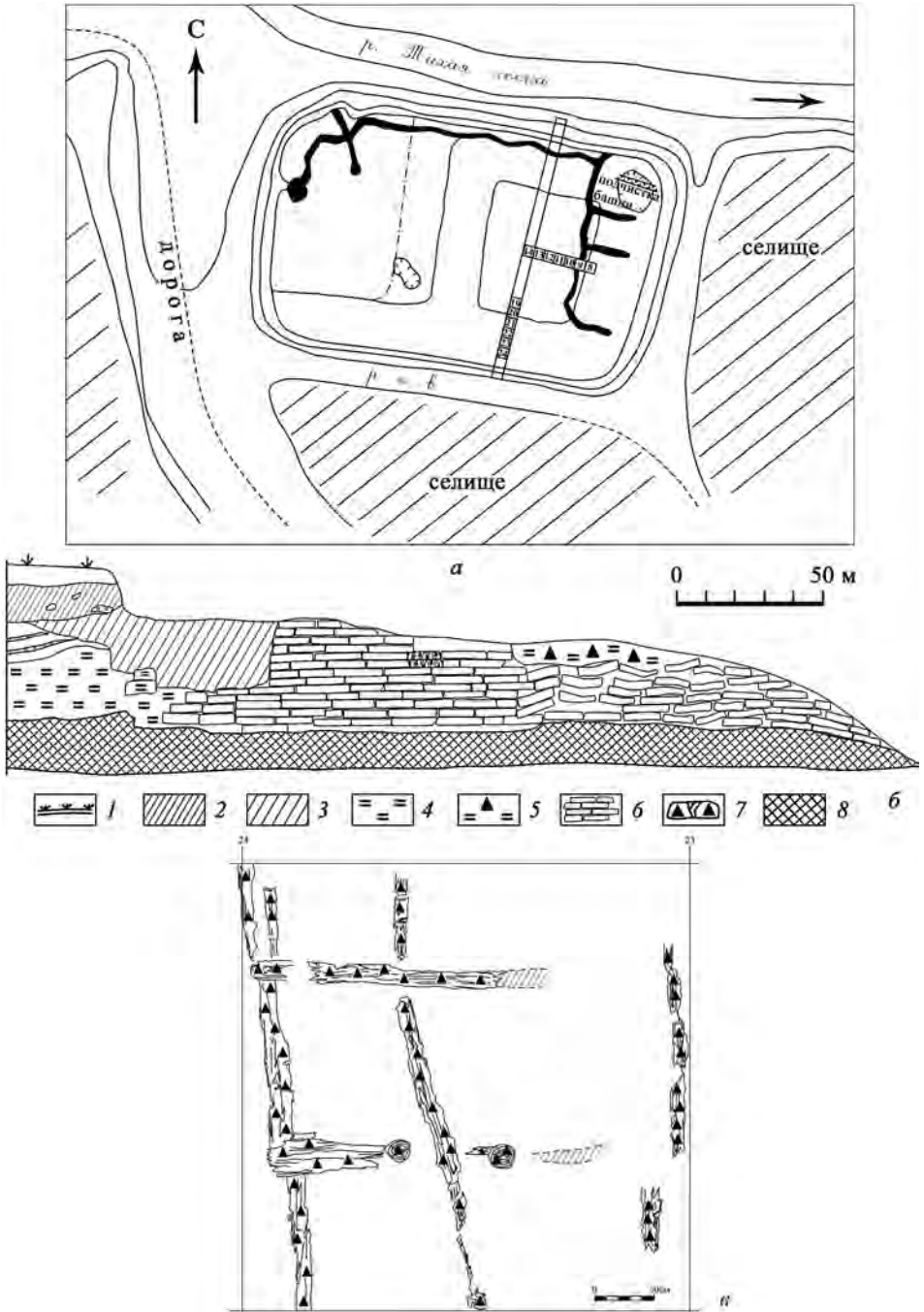
их разрушения в условиях колебания около минусовых температур в осенне-зимний и зимне-весенний период года.

Возникает вопрос: какую высоту стен может выдержать подобное основание? Расчеты показывают, что один кубический метр кладки из полнотелого кирпича, из которого было построено Алексеевское городище, весит 1 700–2 000 кг. Давление на грунт такой кладки высотой 1 м составляет 0,17–0,2 кг/см². Следовательно, грунт возвышенности (твердая глина высокой плотности с критическим значением 3 кг/см²), на котором расположился этот памятник, обладает достаточным сопротивлением для постройки на нем кирпичной крепостной стены на высоту около 15 м. В реальности она не превышала 4 м, если судить по объемам развалов стен Красного и Колтуновского городищ, типологически близких Алексеевскому.

Конструкции стен

По своему устройству южная крепостная стена Алексеевского городища могла бы быть отнесена к характерному для римско-византийских фортификационных сооружений типу трехслойных стен, состоящих из двух щитов (внутреннего и внешнего) и заполнения между ними. Однако информация И. И. Турбина свидетельствует о том, что там зафиксированы не три, а два конструктивных элемента. Внешний – это кирпичная стена шириной в 1,22 м, сохранившаяся на высоту в 3,05 м. Внутренний конструктивный элемент – обугленный дубовый сруб. Исследователь полагал, что это была «пристройка какого-то помещения к стене или лаз на стену» (Турбин, 1926. С. 4–7). Т. М. Олейников дополнил свой отчет в ГАИМК информацией В. Г. Ерёмченко о результатах грабительских раскопок С. А. Паначевского, который вскрыл участок внутреннего фаса южной стены и примыкающего к ней юго-восточного угла. В нем просматривалась выложенная строго вертикально кирпичная стена толщиной 2,13 м, а в юго-восточном углу – 5,69 м. В результате проведенной зачистки было установлено, что кладка стены начинается на глубине 15 см от современной поверхности (рис. 2, б). Внешний фас стены был отвесным, а внутренний – наклонным. Это обстоятельство привело Т. М. Олейникова к выводу о том, что «раскоп был сделан в так называемом “быке”, который был устроен для поддержки стены» (Олейников, 1927. С. 1–7).

Что же касается упомянутого И. И. Турбиным пристроенного изнутри к кирпичной стене дубового сруба, то аналогичная ситуация документирована и раскопками С. А. Плетнёвой. Деревянные конструкции в южной крепостной стене стали прослеживаться сразу же после снятия дернового слоя. Они представляли собой пятистенные клетки шириной в 3,2 м и длиной 1,6 м. Внутренняя половина клетки имела размеры 2,2 × 1,6 м, внешняя – 1 × 1,6 м. Сруб сложен из дубовых бревен диаметром 0,2–0,25 м и сохранился на 6 венцов. Все его внутреннее пространство было плотно забито материковой глиной, вероятно, добытой при рытье рва (рис. 3, в). Такой принцип использования вынутого из рва грунта соответствует римско-византийской строительной традиции (Флавий Вегеций Ренат. Кн. 4, § 2).

Т. М. Олейников отмечал, что восточная стена Алексеевского городища сохранилась лучше других. Он расчистил кем-то сделанную яму и на глубине 0,35 м обнаружил кладку стены из обожженного кирпича. Аналогичную кладку исследователь зафиксировал и в северо-восточном углу крепости (Олейников, 1927. С. 4). В 1963 г. это место было обследовано С. А. Плетнёвой, которая, обнаружив оплывшую западину, предположила, что в годы Великой Отечественной войны там располагался немецкий блиндаж (Плетнёва, 1963. С. 20–25). Кроме того, установлено, что ширина сложенной из пахсовых (саманных) блоков северной стены (рис. 3, б) составляла чуть более 6 м, а ее сохранившаяся высота – около 1 м (Там же).

Срубная конструкция южной стены Алексеевского городища находит ближайšie аналогии на Маяцком городище, где процесс строительства реконструируется следующим образом. Первоначально на уровень дневной поверхности в соответствии с заданным направлением будущей стены укладывались поперечные дубовые доски. Затем площадка, предназначенная для забутовки (шириной около 5 м), покрывалась гидроизоляционным слоем глины, на который укладывались клетки обрешетки. Они засыпались щебнем и заливались меловым раствором и облицовывались с внешней и внутренней стороны меловыми блоками. Выполняя функцию армирующего конструктивного элемента, деревянные клетки гасили излишнее статическое боковое давление мокрой насыпной массы забутовки (в тот период, когда она еще не затвердела) на сложенные из меловых блоков внутренний и внешний щиты крепостной стены. Подобный принцип устройства внутрстенных деревянных конструкций был прослежен С. А. Плетнёвой при исследовании Правобережного Цимлянского городища (Плетнёва, 1994. С. 275), но не был документирован В. С. Флёровым, использовавшим более упрощенную процедуру раскопок.

Если пятистенные срубы предназначались для сдерживания глиняной забутовки, то кирпичная (внешняя облицовочная) стена южной куртины Алексеевского городища имела иную систему крепления. Там, по наблюдениям И. И. Турбина, в кладке через каждые 2–3 слоя кирпича прослеживались угольные прослойки. Он полагал, что таким образом обжигался уложенный в стену сырцовый кирпич. Обугленные деревянные конструкции в кирпичной кладке отмечал и Т. М. Олейников. Заключение И. И. Турбина было ошибочным. Угольные прослойки в кирпичной кладке стены образовались в результате тепла специфических химических или микробиологических реакций окисления, проходивших в древесине и приводивших к ее самовозгоранию. Чем меньше рассеивается выделяющееся из древесины тепло, тем при более низкой температуре окружающей среды начинается самовозгорание дерева. Кирпичный панцирь кладки стены наилучшим образом отвечал этим условиям. Изначально же это были заложённые в кладку дубовые плахи, задача которых состояла в армировании стены.

Рис. 3. Алексеевское городище. Графические материалы (по: Плетнёва, 1963)

a – план; *б* – разрез северной крепостной стены (1 – дерновый слой; 2 – гумусированный слой; 3 – перекоп; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – сырцовые кирпичи; 7 – обгорелые доски; 8 – погребенная почва); *в* – план срубной конструкции в южной стене

Ближайшие территориальные аналогии этому строительному приему мы находим здесь же, в долине Тихой Сосны. К примеру, основание стены Красного городища покоится на слое чернозема, на уровне средневековой дневной поверхности. Предварительно на него, перпендикулярно направлению стены были положены слегка обожженные дубовые плахи толщиной 15–17 см. Их перекрывала кирпичная кладка на 6 вертикальных рядов общей высотой 0,5–0,55 м. Выше располагался еще один горизонтальный ряд слабообожженных дубовых плах, но, в отличие от нижнего яруса, плахи верхнего яруса были уложены не вплотную, а с промежутком в 10–12 см. Дубовые плахи второго яруса перекрывала кирпичная кладка, сохранившаяся на 7–8 вертикальных рядов (*Афанасьев, Кра-сильников, 2012*).

В процессе исследования внешнего щита северного отрезка юго-западной стены Маяцкого городища, где кладка из меловых блоков сохранилась на пять вертикальных рядов, удалось зафиксировать остатки дубовых досок, уложенных сквозь толщу стены. Они были прослежены в горизонтальном шве между блоками третьего и четвертого рядов. Аналогичные доски зафиксированы и в кладке внутреннего щита северного отрезка юго-западной стены, где она сохранилась на пять вертикальных рядов. Обугленные дубовые доски, лежащие поперек стены, прослежены на двух участках в швах между третьим и четвертым рядами кладки. Многочисленные следы обожженных дубовых досок прослеживались в кладке внешнего щита южного отрезка юго-западной стены, где сохранилось семь вертикальных рядов. Доски, лежащие горизонтально поперек стены, зафиксированы между третьим и четвертым рядами кладки, а также между шестым и седьмым рядами. Аналогичные наблюдения были сделаны при исследовании других стен Маяцкого городища (*Афанасьев, 1977. С. 15–44; 1980. С. 3–22; 1981. С. 3–38; 1982. С. 3–38*).

Параллели этому строительному приему мы находим в памятниках византийского зодчества (*Витрувий*. Книга первая, глава V, § 3–7), где деревянные конструкции использовались не только для усиления опоры основания стен. Каменщики закладывали в стены деревянные балки с целью упрочить конструкцию на время, за которое раствор наберет достаточную прочность (*Оустерхаут, 2005. С. 205–207*). Показательны раскопки Г. Д. Белова в северной части Херсонеса (*Белов, 1941. С. 227, 234*), где были зафиксированы армирующие стены деревянные пояса-связи в конструкциях зданий IX в. Этот технический прием был характерен и для Балкан. Скрытые в кладке стен византийских и болгарских крепостей, церквей и жилых строений деревянные конструкции не только армировали стены во время высыхания, но и осуществляли антисейсмические функции (*Gavrilović et al., 2003*). В стенах оборонительных сооружений подобный технический прием фиксируется и на византийских объектах в Северной Африке. Так, при исследовании северной оконечности крепостной стены Карфагена была обнаружена землебитная стена шириной 5 м. В процессе ее возведения строительный материал укладывался слоями толщиной в 40 см, между которыми зафиксированы прослойки древесного пепла (*Pringle, 1981. P. 173*) – остатки армирующих стену деревянных конструкций.

Таким образом, общая толщина южной крепостной стены Алексеевского городища складывается из двух компонентов – ширины кирпичной стены,

внешнего панциря, и ширины забутованных глиной срубов. По И. И. Турбину, ширина кирпичной стены составляла 1,22 м. Общая ширина 2-х городен срубной конструкции, по С. А. Плетнёвой, равна 3,2 м. Следовательно, толщина южной крепостной стены приближалась к 4,5 м (15 византийских футов). Если, имея в виду аналогии Маяцкого городища, допустить, что по первоначальным планам сруб должен был бы поддерживаться изнутри крепости такой же кирпичной стеной, как и с внешней стороны, то общая запланированная архитекторами толщина южной стены приближалась к 6 м (≈ 20 византийских футов) и была равной ширине северной крепостной стены.

Действительно, некоторые полевые наблюдения указывают на вероятность того, что в крепости шла подготовка к возведению внутреннего кирпичного щита южной стены. С. А. Плетнёва зафиксировала в квадратах 9–12 своего раскопа уложенные для просушки сырцовые кирпичи, которые находились «в слое строительства крепости» (Плетнёва, 1963. С. 20–25). Если это так, то можно говорить о том, что толщина южной и северной стен аналогична толщине стен Маяцкого городища – 6 м (≈ 20 византийских футов). Более того, она соответствует именно той толщине, которую рекомендуют для возведения крепостных стен позднеантичные архитекторы (*Флавий Вегеций Ренат*. Книга 4, § 2). Стены других хазаро-аланских городищ этого типа в бассейне Дона были тоньше. Толщина стен Красного и Левобережного Цимлянского городищ в основании составляет 3,86–3,9 м и 3,75 м (≈ 12 византийских футов) (Афанасьев, Красильников, 2012; Афанасьев, 2011). Ширина стены Колтуновского городища – 3–3,2/4,5–4,6 м (10/15 византийских футов). К ним близки стены Правобережного Цимлянского городища толщиной, по В. С. Флёрову, в 4,5 м (≈ 15 византийских футов), по И. И. Ляпушкину, – 4–4,8 м (13–15 византийских футов), а по С. А. Плетнёвой, – от 4,7 до 5,8 м (более 15, но менее 20 византийских футов) (Флёров, Флёрова, 2008. С. 60; Ляпушкин, 1940; Плетнёва, 1994. С. 276).

План и внутреннее пространство

У исследователей Алексеевского городища не было единого мнения о геометрической форме и размерах этого памятника. В «Сведениях 1873 г.» говорится о том, что он имеет четырехугольную форму размерами 149,3 × 74,7 м. И. И. Турбин не сообщил о форме городища, но привел его размеры: восточный вал – 85,3 м, западный – 77,9 м, северный – 156,8 м, южный – 146,2 м. С. Н. Замятнин считал, что и размеры, и форма крепости совпадают с размерами и формой Маяцкого и Верхнеольшанского городищ. Т. М. Олейник указывал длину Алексеевского городища в 157 м, ширину в восточной части – 85,3 м, а в западной – 77,9 м. Составленный им план иллюстрирует трапециевидную форму укрепления (рис. 2, а). С. А. Плетнёва писала, что памятник имеет правильную прямоугольную форму размерами 200 × 100 м (рис. 3, а). Проведенная мною компьютерная дешифровка аэрофотоснимка Алексеевского городища позволила выявить направления скрытых под толщей грунта крепостных стен, конфигурация которых позволяет поддержать точку зрения

С. Н. Замятнина о том, что геометрическая фигура Алексеевского городища близка к трапециевидной. С известной долей условности намечаются и внешние параметры памятника ($\approx 95:145$ м), позволяющие полагать, что разбитая архитекторами площадка под строительство форта имела размеры $\approx 300 \times 450$ византийских футов, а соотношения сторон площадки составляло 2:3, что соответствует рекомендациям Псевдо-Гигина для возведения полевых лагерей (*Ле Бокк*, 2001).

Дискуссионным остается вопрос о существовании башен в системе стен Алексеевского городища. С. А. Плетнёва писала о раскопках «башни» в северо-восточном углу крепости (*Плетнёва*, 1963. С. 24). Мне представляется, что зафиксированная исследовательницей ситуация не может являться доказательством наличия в северо-восточном углу крепости именно башни, от которой якобы сохранились только «канавки основания стен». Приступая к полевым исследованиям, С. А. Плетнёва не учла, что задолго до неё там уже фиксировались следы «кем-то сделанного здесь незначительного колодца» (*Олейников*, 1927. С. 4). Следующий этап деструктивного вмешательства связан с раскопками в этом месте самого Т. М. Олейникова, когда он обнажил кирпичную кладку стены. И, наконец, в годы Великой Отечественной войны там же был устроен блиндаж. Так что физическое состояние внутреннего северо-восточного угла Алексеевского городища не могло сохранить достоверную информацию о его первичных конструктивных элементах. Да и само расположение башни с внутренней стороны угла крепости характерно для устройства ранних римских лагерей (*Ле Бокк*, 2001), но никак не для развитой фортификационной архитектуры раннего Средневековья. Наконец, расположение внутренней башни в углу крепости со стороны, защищенной крутым склоном береговой террасы и самой рекой, лишено фортификационного смысла.

Более обнадеживающим выглядит сообщение И. И. Турбина о том, что с внешней стороны к южной стене Алексеевского городища примыкала кладка шириной 4,27 м (≈ 14 византийских футов), сложенная из сырцовых блоков. Он полагал, что это остатки или основания башни, фланкирующей куртины южной стены, или остатки основания т. н. «быка» – опоры для моста через крепостной ров (*Турбин*, 1926. С. 2). В пользу предположения о наличии башни у южных куртин может свидетельствовать не только само место нахождения остатков пристройки, но и ее размеры, которые близки параметрам (в 15 византийских футов) промежуточных башен Левобережного Цимлянского городища (*Раппопорт*, 1959). На такое же расстояние (≈ 15 византийских футов) выступает за внешний фас крепостной стены юго-восточная башня Правобережного Цимлянского городища (*Флёров*, 1994. С. 447).

Все исследователи Алексеевского городища упоминали внутреннюю стену, разделяющую крепость на две части. В «Сведениях 1873 г.» сообщается, что «посредине проходит небольшой вал» (Сведения..., 1896. С. 300). И. И. Турбин уточнил, что он расположен на расстоянии 66,1 м от восточной стены городища и скрывает такую же кирпичную стену. Это наблюдение подтверждает в своем отчете и Т. М. Олейников, когда пишет, что кладка внутреннего вала хорошо заметна на распаханной поверхности городища (*Турбин*, 1926. С. 4–7; *Олейников*, 1927. С. 1–7).

Кроме внутренней стены, осматривавшие памятник авторы отмечают и расположенные в восточной половине городища следы кирпичного здания. По мнению И. И. Турбина, оно находилось в центре восточной котловины и могло быть остатками или храма, или наблюдательной вышки. Последнюю функцию этого здания поддерживал и Т. М. Олейников, но, в отличие от своего предшественника, он размещал его в 3,56 м от юго-восточного угла (*Олейников, 1927. С. 1–7*). На территории Алексеевского городища отмечались и западины. Т. М. Олейников упоминал одну западину в западной половине городища и две западины в восточной. С. А. Плетнёва в раскопе, разбитом в восточной части городища, обнаружила два пятна «полуземлянок» (в квадратах 11–12 и 14) (*Плетнёва, 1963. С. 23*), но они не были исследованы полностью, так что трудно сказать с определенностью – относятся ли они ко времени строительства крепости или это следы деятельности человека более позднего времени.

Датировка

В отчете Т. М. Олейникова содержится утверждение, что в районе Алексеевского городища когда-то обитали хазары (*Олейников, 1927. С. 1–7*). Своих аргументов он не изложил, и можно думать, что эта точка зрения базировалась на основе общих представлений российских историков XIX – начала XX в. об этнополитической ситуации в регионе. В то время были распространены уже прочно сложившиеся взгляды на хазар как обитателей в IX–X вв. «дикого поля» на обширной территории к югу от Харькова и Воронежа (*Веселовский, 1866. С. 3; Вейнберг, 1885. С. 7–11; 1891; Багалея, 1914. С. 188–190*). Показательно, что когда воронежский священник С. Е. Зверев задал научному сообществу вопрос: кто же обитал на Маяцком городище, то Д. Я. Самоквасов без колебаний ответил – хазары (*Захарова, 2010*).

Стратиграфическая ситуация на Алексеевском городище была прослежена С. А. Плетнёвой, которая выделила три слоя. Нижний, перекрывающий материковую поверхность, содержал материалы салтовской культуры. Второй слой – это период строительства крепости. Он хорошо фиксировался прослойкой натоптанной глины, образовавшейся в процессе возведения кирпичных стен на глиняном растворе. Никаких артефактов для датировки XVII–XVIII вв. слоя строительства обнаружено не было. И это обстоятельство С. А. Плетнёва особо подчеркивала, объясняя его тем, что крепость, вероятно, существовала очень непродолжительное время. Зачистка бровки западины у северной стены показала, что крепость была возведена на уже сформировавшемся культурном слое салтовского времени (*Плетнёва, 1963. С. 20–25*). Возникает вопрос – когда?

Приведенные параллели строительным материалам и приемам, конструкция основания и стен, параметрическим характеристикам и метрологии Алексеевского городища показывают, что все они хорошо вписываются в имеющее византийские истоки хазаро-аланское кирпичное и каменное фортификационное зодчество в бассейне Дона. Времени салтово-маяцкой культуры соответствует и радиоуглеродная дата образца бревна из Алексеевского городища – 767–847 гг., которая в рамках четвертого десятилетия IX в. синхронна

с радиоуглеродной датой основания Маяцкого городища – 809–891 гг., синхронна с младшей монетой (813 г.) из клада Правобережного Цимлянского городища (учитывая поправку на возможное хождение монеты), а также синхронна строительной миссии Петроны Каматира в Хазарию для возведения Саркела – 834–837 гг. (Продолжатель Феофана..., 1992. С. 56, 57).

Таким образом, вывод С. Н. Замятнина о принадлежности Алексеевского городища носителям салтовской культуры получает убедительное подтверждение. Есть все основания полагать, что этот памятник был важным звеном в цепи типологически близких ему фортификационных сооружений, воздвигнутых в 30-х гг. IX в. в рамках мероприятий по укреплению государственных границ Хазарского каганата в долине Тихой Сосны, на землях донских алан (фурт/бурт-асов, асиев, ас-келов, ясов), и на Нижнем Дону, в зоне этнической территории хазар. Примечательно, что в это же время (837/838 гг.) в Хазарском каганате начинается специальный выпуск собственных монет с упоминанием в легенде страны Хазар и имени пророка Моисея (Kovalev, 2005). Все это является отражением нацеленных на государственную самоидентификацию сложных процессов кардинальных изменений во внешней и внутренней политике и в конфессиональных постулатах, которые проходили в Хазарском каганате в 30–40-х гг. IX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е.*, 1977. Работы на Маяцком городище // Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1977 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 6959.
- Афанасьев Г. Е.*, 1980. Исследование Маяцкого городища // Отчет о работе Советско-Венгеро-Болгарской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 8154.
- Афанасьев Г. Е.*, 1981. Раскопки в центральной части цитадели // Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 9055.
- Афанасьев Г. Е.*, 1982. Раскопки на территории городища // Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 8946.
- Афанасьев Г. Е.*, 1983. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихая Сосна // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ун-т. С. 89–101.
- Афанасьев Г. Е.*, 1993. Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. Вып. 210. С. 14–25.
- Афанасьев Г. Е.*, 2011. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. № 3. С. 108–119.
- Афанасьев Г. Е.*, 2012. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2. С. 29–49.
- Афанасьев Г. Е.*, 2013. Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени (к проблеме истоков архитектуры и строительных приемов) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків. Вип. 3. С. 24–44, 144–147.
- Афанасьев Г. Е., Красильников К. И.*, 2012. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, С. Н. Корневский. М.: Таус. Вып. 1. С. 204–225.
- Багалей Д. И.*, 1914. Русская история: пособие к лекциям для высш. шк. и руководство для учителей и самообразования. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина. Т. 1: Княжеская Русь (до Иоанна III). 217 с.
- Белов Г. Д.*, 1941. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: АН СССР. С. 202–267. (МИА; № 4.)

- Белов Г. Д., 1953. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. М.: АН СССР. С. 237–254. (МИА; № 34.)
- Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во. 167 с.
- Вейнберг Л. Б., 1885. Воронежский край. Исторический очерк. Воронеж: Типо-литография Губернского правления. Вып. 1. 121 с.
- Вейнберг Л. Б., 1891. Следы хазарской народности в пределах Воронежской губернии // Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж. 1891. С. 59–72.
- Веселовский Г. М., 1866. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. Воронеж. 454 с.
- Винников А. З., Плетнёва С. А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 216 с.
- Витрувий, 2006. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. М.: Архитектура. 327 с.
- Герцен А. Г., 1984. Система оборонительных сооружений Мангупа: Дисс. ... канд. ист. наук. Симферополь. 235 с.
- Ёлишин Д. Д., 2008. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 346 с.
- Захарова Е. Ю., 2010. Археологическая деятельность С. Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. № 1. С. 13–22.
- Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека. 464 с.
- Ле Бокэ Я., 2001. Римская армия эпохи ранней империи. М. URL: <http://www.roman-glorry.com/le-bohec-strategiya>.
- Липатов А. А., 2006. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 304 с.
- Лялушкин И. И., 1940. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. 4. С. 58–62.
- Ноздрин Р., 1905. Слобода Алексеевка Бирюченского уезда (черты из истории слободы и ее современного быта) // Памятная книжка Воронежской губернии. На 1905 г. Отдел III. Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет. С. 33–48.
- Олейников Т. М., 1927. Отчет за 1927 г. о раскопках около Дмитровского городища Воронежской губ. // РО НА ИИМК. Д. № 208. Ф. 2.
- Оустерхаут Р., 2005. Византийские строители. Киев; М.: Корвин Пресс. 331 с.
- Плетнёва С. А., 1963. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работах летом 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2471.
- Плетнёва С. А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. IV. С. 271–396.
- Пономарёв Л. Ю., 2013. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков. Т. 2. С. 440–461.
- Продолжатель Феофана..., 1992. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Подгот. Я. Н. Любарский. СПб.; М.: Наука. 354 с.
- Рабовянов Д., 2011. Извънстоличните каменни крепости на Първато Българско царство (IX – начало на XI в.). София: Национален археологически институт и музей при БАН. 308 с.
- Раппопорт П. А., 1959. Крепостные сооружения Саркела // Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. М.; Л.: АН СССР. С. 9–39. (МИА; № 72.)
- Сведения..., 1896. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ЗРАО. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб. С. 237–312.
- Токаренко С. Ф., 2009. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: Донецкий нац. ун-т. Т. 7. С. 535–542. (Труды по археологии.)
- Турбин И. И., 1926. Заявление о городищах в Воронежской губернии // РО НА ИИМК. Д. № 163. Ф. 2.
- Фирсов Л. В., 1990. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука. 470 с.
- Флавий Вегеций Ренат, 1940. Краткое изложение военного дела // ВДИ. № 1. С. 231–293.

- Флёров В. С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. IV. С. 441–516.
- Флёров В. С., Флёрова В. Е., 2008. Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего Средневековья: Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Истоки. С. 59–61.
- Băjenaru C., 2010. Minor fortification in the Balkan-Danubian area from Diocletian to Justinian. Cluj-Napoca. 358 p.
- Gavrilovič P., Kelley S., Šendova V., 2003. A Study of Seismic Protection, Techniques for the Byzantine Churches in Macedonia // APT Bulletin. Vol. 34. No. 2/3. P. 1–9.
- Kovalev R., 2005. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 220–252.
- Pringle D., 1981. The Defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries). Oxford: BAR. 695 p. (BAR International Series; 99.)

Сведения об авторе.

Афанасьев Геннадий Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

G. Ye. Afanas'ev

Alekseyevskoye hillfort as a Saltovo-Mayatskaya culture site

Abstract. Dating and cultural attribution of the Alekseyevskoye hillfort has been discussed for 90 years. S. N. Zamyatin believed that the site was attributed to the Saltovo culture, while T. M. Oleynikov attributed it to the Khazars and S.A. Pletneva initially dated the monument XVII–XVIII, more lately also carried it to the time of the Saltovo culture. Similarities in construction materials and construction techniques, technical design of the foundation and the fortification walls, and parametric characteristics of the Alekseyevskoye hillfort described by the author of the paper demonstrate that all these characteristics fit quite well in the Khazar and Alan brick and stone fortification architecture in the Don region, which has Byzantine architectural and construction roots. The radiocarbon date of the log that comes from the Alekseyevskoye hillfort walls is 767–847 and also corresponds to the Khazar Kaganate period.

Keywords: Khazar Kaganate, Byzantium, Don River Alans, Furt-As tribes, Khazars, Saltovo-Mayatskaya culture, fortification, hillforts.

REFERECES

- Afanas'ev G. E., 1977. Raboty na Mayatskom gorodishche [Works at Mayatskoye fortified settlement]. *Otchet o rabote Sovetsko-Vengerskoy ekspeditsii v 1977 g.* [Report on activity of Soviet-Hungarian expedition in 1977]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished.)
- Afanas'ev G. E., 1980. Issledovanie Mayatskogo gorodishcha [Investigation of Mayatskoye fortified settlement]. *Otchet o rabote Sovetsko-Vengero-Bolgarskoy ekspeditsii o rabotakh na Mayatskom gorodishche v 1980 g.* [Report on activity of Soviet-Hungarian-Bulgarian expedition at Mayatskoye fortified settlement in 1980]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished.)

- Afanas'ev G. E., 1981. Raskopki v tsentral'noy chasti tsitadeli [Excavations in central part of citadel]. *Otchet o rabote Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk USSR v 1981 g.* [Report on activity of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition in 1981]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished.)
- Afanas'ev G. E., 1982. Raskopki na territorii gorodishcha [Excavations in territory of fortified settlement]. *Otchet o rabote Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii v 1982 g.* [Report on activity of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition in 1982]. Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished.)
- Afanas'ev G. E., 1983. Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v doline r. Tikhaya Sosna [Sites of Saltovo-Mayatskaya culture in Tikhaya Sosna River valley]. *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnogo Podon'ya i Podneprov'ya I tysyacheletiya n. e.* [Archaeological sites of I mill. AD in Don and Dnieper forest-steppe zones]. A. D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy universitet, pp. 89–101.
- Afanas'ev G. E., 1993. Perspektivy primeneniya metodov aerokosmicheskogo zondirovaniya v arkheologii [Perspectives of application of aero-space sounding method in archaeology]. *KSLA*, 210, pp. 14–25.
- Afanas'ev G. E., 2011. Kto zhe v deystvitel'nosti postroil Levoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche? [Who really built Levoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement?]. *RA*, 3, pp. 108–119.
- Afanas'ev G. E., 2012. O stroitel'nom materiale i metrologii khazarialanskikh gorodishch basseyna Dona [On construction material and metrology of Khazarian-Alanian fortified settlements in Don basin]. *Povolzhskaya arkheologiya [Volga region archaeology]*, 2, pp. 29–49.
- Afanas'ev G. E., 2013. Koltunovskoe (Oleksandrovo) gorodishche khazarskogo vremeni (k probleme istokov arkhitektury i stroitel'nykh priemov) [Koltunovskoe (Oleksandrovo) fortified settlement of Khazarian time (On origins of architecture and construction methods)]. *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: problemy ta doslidzhennya [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: problems and investigations]*, 3. Kharkiv, pp. 24–44, 144–147.
- Afanas'ev G. E., Krasil'nikov K. I., 2012. Vizantiyskie arkhitekturnye i stroitel'nye traditsii v fortifikatsii Krasnogo gorodishcha [Byzantine architectural and construction traditions in fortifications of Krasnoye fortified settlement]. *Problemy arkheologii Kavkaza [Problems of archaeology of Caucasus]*, 1. R. M. Munchaev, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 204–225.
- Bagaley D. I., 1914. Russkaya istoriya: posobie k lektsiyam [Russian history: manual for lectures], 1. *Knyazheskaya Rus' (do Ioanna III) [Princely Rus' (till John III)]*. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina. 217 p.
- Băjenaru C., 2010. Minor fortification in the Balkan–Danubian area from Diocletian to Justinian. *Cluj-Napoca*. 358 p.
- Belov G. D., 1941. Raskopki v severnoy chasti Khersonesa v 1931–1933 gg. [Excavations in northern part of Chersonese in 1931–1933]. *Arkheologicheskie pamyatniki Bospora i Khersonesa [Archaeological sites of Bosphorus and Chersonese]*. S. A. Zhebelev, V. F. Gaydukevich, eds. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 202–267. (MIA, 4).
- Belov G. D., 1953. Zapadnaya oboronitel'naya stena i nekropol' vozle nee [Western defensive wall and necropolis near it]. *Materialy po arkheologii yugo-zapadnogo Kryma. [Materials on archaeology of South-Western Crimea]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 237–254. (MIA, 34).
- Bidzhiev Kh. Kh., 1983. Khumarinskoe gorodishche [Khumarinskoe fortified settlement]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 167 p.
- Elshin D. D., 2008. Kompleks monumental'nykh sooruzheniy kontsa X v. na Starokievskoy gore: arkheologicheskii, istoriko-arkhitekturnyy i gradostroitel'nyy aspekty: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Complex of monumental constructions of late X c. at Starokievskaya hill: archaeological, historical-architectural and town-planning aspects: Ph. D. thesis]. St. Petersburg. 346 p.
- Firsov L. V., 1990. Isary. Ocherki istorii srednevekovykh krepostey Yuzhnogo berega Kryma [Isary. Essays on history of medieval fortresses in Crimea South shore]. Novosibirsk: Nauka. 470 p.
- Flavius Vegetius Renatus, 1940. Kratkoe izlozhenie voennogo dela [Brief count of military science]. *VDI*, 1, pp. 231–293.
- Flyorov V. S., 1994. Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche v svete raskopok v 1987–1988, 1990 gg. [Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement in light of excavations of 1987–1988, 1990]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, IV. Simferopol', pp. 441–516.

- Flyorov V. S., Flyorova V. E., 2008. Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya i Mayatskaya kreposti: sravnenie planov i tekhnologii [Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya and Mayatskaya fortresses: comparison of plans and technologies]. *Vostochnoslavyanskiy mir Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya i kochevniky yuzhno-russkikh stepey v epokhu rannego Srednevekov'ya: materialy nauchnoy konferentsii [East-Slavic world of Dnieper-Don interfluvium and nomads of South Russia's steppes in the early Medieval epoch: proceedings of international scientific conference]*. A. Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Istoki, pp. 59–61.
- Gavrilovič P., Kelley S., Šendova V., 2003. A Study of Seismic Protection, Techniques for the Byzantine Churches in Macedonia. *Association for Preservation Technology Bulletin*, vol. 34, no. 2/3, pp. 1–9.
- Gertsen A. G., 1984. Sistema oboronitel'nykh sooruzheniy Mangupa: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [System of defensive constructions of Mangup: Ph. D. thesis]. Simferopol'. 235 p.
- Kovalev R., 2005. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8. *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 220–252.
- Kuznetsov V. A., 1993. Nizhniy Arkhyz v X–XII vekakh. K istorii srednevekovykh gorodov Severnogo Kavkaza [Nizhniy Arkhyz in X–XII centuries. On history of medieval cities of North Caucasus]. Stavropol': Kavkazskaya biblioteka. 464 p.
- Le Boek Ya., 2001. Rimskaya armiya epokhi ranney imperii [Roman army of early Empire epoch]. Electronic resource. URL: <http://www.roman-glory.com/le-bohec-strategiya>.
- Lipatov A. A., 2006. Vizantiyskie traditsii v stroitel'nom proizvodstve Drevney Rusi: stroitel'nye rastvory, steny, fundamenty: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Byzantine traditions in construction production of Medieval Rus': building mortars, walls, foundations: Ph. D. thesis]. St. Petersburg. 304 p.
- Lyapushkin I. I., 1940. Raskopki Pravoberezhnogo Tsimlyanskogo gorodishcha [Excavations of Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement]. *KSIIIMK*, 4, pp. 58–62.
- Nozdryn R., 1905. Sloboda Alekseevka Biryuchenskogo uezda (cherty iz istorii slobody i ee sovremennogo byta) [Alekseevka farmstead of Biryuchensky district (features from farmstead history and its present lifestyle)]. *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii. Na 1905 g. Otdel III [Memorial booklet for Voronezh province. For 1905. Part III]*. Voronezh: Voronezhskiy gubernskiy statisticheskiy komitet, pp. 33–48.
- Oleynikov T. M., 1927. Otchet za 1927 g. o raskopkakh okolo Dmitrovskogo gorodishcha Voronezhskoy gub. [Report for 1927 on excavations near Dmitrovskoe fortified settlement of Voronezh province]. *Archive of IIMK RAN, manuscript department*. (In Russian, unpublished.)
- Ousterkhaut R., 2005. Vizantiyskie stroiteli [Byzantine builders]. Kiev; Moscow: Korvin Press. 331 p.
- Pletneva S. A., 1963. Otchet Severo-Donetskogo otryada Nizhne-Don'skoy ekspeditsii o rabotakh letom 1963 g. [Report of North Donets part of Lower Don expedition on activity in summer of 1963]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Pletneva S. A., 1994. Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. [Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortified settlement. Excavations of 1958–1959]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, IV. Simferopol', pp. 271–396.
- Ponomarev L. Yu., 2013. Dvukhkamernye zhilishcha (doma-pyatistenki) saltovo-mayatskikh poseleniy Kerchenskogo poluostrova [Double-chamber dwellings (five-wall houses) of Saltovo-Mayatskoe settlements of Kerch Peninsula]. *Narteks. Byzantina Ukrainensis [Nartex. Byzantina Ukrainensis]*, 2. Khar'kov, pp. 440–461.
- Pringle D., 1981. The Defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries). Oxford: British Archaeological Reports. 695 p. (British Archaeological Reports International Series, 99).
- Prodolzhatel' Feofana..., 1992 – Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantiyskikh tsarey [Continuator of Theophanes. Biographies of Byzantine tsars]. Ya. N. Lyubarskiy, ed. St. Petersburg; Moscow: Nauka. 354 p.

- Rabovyanov D., 2011. Izv"nstolichnite kamenni kreposti na P"rvoto B"lgarsko tsarstvo (IX – nachaloto na XI v.) [Non-capital stone fortresses of First Bulgarian kingdom (IX – early XI c.)]. Sofiya: Natsionalen arkheologicheski institut i muzey pri B"lgarskata akademiya na naukite. 308 p.
- Rappoport P. A., 1959. Krepostnye sooruzheniya Sarkela [Fortified constructions of Sarkel]. *Nikol'skaya T. N. Kul'tura plemen basseyna Verkhney Oki v I tysyacheletii n. e. [Culture of Upper Oka basin tribes in I millennium AD]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 9–39. (MIA, 72).
- Svedeniya..., 1896 – Svedeniya 1873 g. o gorodishchakh i kurganakh [Information for 1873 on fortified settlement and kurgans]. *Zapiski russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of Russian Archaeological Society]*, vol. VIII, vyp. 1–2. Novaya seriya. *Trudy otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii [Transactions of department of Russian and Slavic archaeology]*, 1. St. Petersburg, pp. 237–312.
- Tokarenko S. F., 2009. Tekhnologiya izgotovleniya kirpichey Semikarakorskoy kreposti. Opyt rekonstruktsii [Technology of brick-making in Semikarakory fortress. Experience of reconstruction]. *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch]*, 7. *Khazarskoe vremya [Khazarian time]*. Donetsk: Donetskyy natsional'ny universitet, pp. 535–542.
- Turbin I. I., 1926. Zayavlenie o gorodishchakh v Voronezhskoy gubernii [Statement on fortified settlements in Voronezh province]. *Archive of IIMK RAN, manuscript department*. (In Russian, unpublished.)
- Veselovskiy G. M., 1866. Voronezh v istoricheskom i sovremenno-statisticheskom otnosheniyakh [Voronezh in historic and modern statistical aspects]. Voronezh. 454 p.
- Veynberg L. B., 1885. Voronezhskiy kray. Istoricheskiy ocherk [Voronezh region. Historic essay], 1. Voronezh: Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya. 121 p.
- Veynberg L. B., 1891. Sledy Khazarskoy narodnosti v predelakh Voronezhskoy gubernii [Traces of Khazarian people in limits of Voronezh Province]. *Ocherk zamechatel'neyshikh drevnostey Voronezhskoy gubernii. [Essay on most remarkable antiquities of Voronezh Province]*. Voronezh, pp. 59–72.
- Vinnikov A. Z., Pletneva S. A., 1998. Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Mayatskoe poselenie [On northern borders of Khazarian kaganate. Mayatskoe settlement]. Voronezh: Voronezhskyy gosudarstvennyy universitet. 216 p.
- Vitruvius, 2006. Desyat' knig ob arkhitekture [Ten books on architecture]. Petrovsky, ed. Moscow: Arkhitektura. 327 p.
- Zakharova E. Yu., 2010. Arkheologicheskaya deyatel'nost' S. E. Zvereva [Archaeological activity of S. E. Zverev]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya [Bulletin of Voronezh State university. History, politology, sociology]*, 1, pp. 13–22.

About the author:

Afanas'ev Gennady Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

С. И. Владимиров

ТОПОРЫ МАЯЦКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Резюме. В статье рассматриваются топоры, обнаруженные в погребениях Маяцкого археологического комплекса, исследованных Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией в 1975, 1977–1982 гг. В результате типологии материала и поиска аналогий удалось выделить виды и типы топоров как характерных для древностей салтово-маяцкой культуры, так и мало распространенных. Также удалось выявить особенности половозрастной принадлежности захоронений с топорами и встречаемость топоров с различными предметами погребального инвентаря. В ходе анализа погребений с топорами были прослежены некоторые черты обрядности (ориентировка костяков, частота находок оружия), отличающие погребения на территории Маяцкого селища от погребений на территории могильника.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Маяцкий археологический комплекс, погребальный инвентарь, топоры, типология.

Одним из наиболее характерных и распространенных видов оружия у населения салтово-маяцкой культуры, занимавшего территорию лесостепного Подонья и Подонечья, является боевой топорик. Особенно часто он встречается в катакомбных погребениях в составе сопутствующего инвентаря. Несмотря на это, из 141¹ катакомбного погребения, исследованного в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции 1975, 1977–1982 гг. на территории Маяцкого могильника и селища, лишь в 11 катакомбах находились 12 топориков разной степени сохранности. Топорики, найденные в катакомбах, исследованных на территории селища, опубликованы в работе А. З. Винникова и Г. Е. Афанасьева (1991. Рис. 6, 10; 8, 2; 9, 4; 10, 1; 21, 11; 23, 2; 24, 2; 33, 1; 38, 3; 39, 11). Рисунки топориков, обнаруженных в катакомбах могильника, опубликованы в статье В. С. Флёрова (1990. Рис. 18, 1; 20, 1). В обобщающей работе того же автора они упомянуты в тексте без графического сопровождения, что объясняется сосредоточением В. С. Флёрова прежде всего на погребальных обрядах населения, оставившего Маяцкий могильник (Флёров, 1993. С. 24, 32).

¹ На территории могильника, исследованного Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедицией, обнаружено 113 катакомб, содержавших захоронения, а на территории селища – 28 катакомб, также содержавших захоронения.

Однако ни в одной из вышеупомянутых работ топорики специально не рассматривались.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это разница в частоте находок топориков в катакомбах селища и могильника. На территории Маяцкого комплекса топорик встречался почти в каждой тринадцатой катакомбе, что является достаточно низким показателем для катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи. Однако если рассматривать катакомбы могильника и селища отдельно, то получится, что из 113 катакомб могильника лишь в двух находились топорики. В то же время на территории селища топорики или их части были найдены в каждой третьей катакомбе, для сравнения на территории Дмитриевского могильника топоры находились в каждой второй катакомбе (*Плетнёва*, 1989. С. 74).

В таком случае бросается в глаза редкость находок топориков в катакомбах Маяцкого могильника, что могло быть обусловлено особенностями погребальных традиций, существовавших у жителей Маяцкого селища, например извлечением из вещей катакомб (*Флёров*, 1993. С. 24). При этом в катакомбах на территории селища топорики встречены довольно часто, что может быть объяснено разницей в погребальных традициях, по которым население Маяцкого хоронило умерших в катакомбах селища и могильника. Причины различий погребальных обрядов жителей Маяцкого поселения достоверно не установлены, но их нельзя не учитывать при анализе материалов данного комплекса.

Прежде чем приступить к описанию «маяцких» топориков, необходимо остановиться на подходах к их типологизации. С. А. Плетнёва, основываясь на материалах раскопок Дмитриевского могильника, строила типологию топориков, отталкиваясь от таких признаков, как форма лезвия и форма обушка. По хронологическим построениям автора получилось, что для ранней группы катакомб Дмитриевского могильника характерны топорики с молотковидным обухом, а для поздней группы – с плоским и уплощенным обухом, т. е. изменения форм топоров во времени касались обушной части (*Плетнёва*, 1989. С. 155, 160). В. К. Михеев, специально рассматривая рабочие (хозяйственные) топоры, делил их на узколезвийные и широколезвийные (*Михеев*, 1985. С. 68, 69). А. В. Крыганов, анализируя оружие из салтово-маяцких могильников с трупосожжениями, разделял топорики по форме лезвия (*Крыганов*, 1989. С. 103, 104). Здесь нелишним, на наш взгляд, будет обращение к типологиям топориков, относящихся к культурам, близким салтово-маяцкой в хронологическом и территориальном плане. При типологизации древнерусских топоров А. Н. Кирпичников учитывал такие критерии, как форма лезвия и особенности устройства обуха и щековиц (*Кирпичников*, 1966. С. 29). На материалах VIII–XIV вв. с территории Северо-Западного Предкавказья У. Ю. Кочкаров, помимо упомянутых выше формы лезвия и обуха, использовал для составления типологии топориков такой признак, как форма топора (*Кочкаров*, 2008. С. 65). При рассмотрении мордовских боевых топориков-чеканов С. В. Святкин основное внимание уделил форме обуха, однако учитывал и форму лезвия (*Святкин*, 1998. С. 261). В работе, посвященной оружию ближнего боя волжских болгар VIII–X вв., И. Л. Измайлов использует типологию топоров из Танкеевского могильника, учитывавшую форму лезвия, форму обуха и общий вид бойка (*Измайлов*, 1989. С. 112). Однако в последующей своей работе

в типологии топориков автор выдвинул на первый план такой признак, как форма обуха и щековиц, и только затем форму лезвия (*Измайлов*, 1993. С. 90).

Из приведенных выше примеров типологии топоров видно, что чаще всего в качестве типобразующих признаков исследователи выбирали форму лезвия и форму обуха, однако первичный признак, отражавший изменение формы топоров во времени, определялся исследователями по-разному. В данной ситуации, при небольшой выборке материала, на наш взгляд, наиболее приемлемым будет разделение топоров Маяцкого комплекса на виды по форме лезвия и на типы по форме обуха, как было предложено С. А. Плетнёвой на материалах Дмитриевского могильника.

Вид 1: топоры с треугольным лезвием. Четыре топора были найдены в погребениях на территории селища, и один, в катакомбе могильника.

Тип 1: уплощенный обух, немного расширяющийся к концу (рис. 1, 2, 3). Форма обуха у данных топоров отличается, и их можно было бы выделить в разные подтипы, но из-за небольшой выборки материала считаем, что это будет методически неверным. К этому же виду может быть отнесен топор из катакомбы I в постройке 18, но только теоретически, так как конец обуха у него отломан (рис. 1, 4).

Тип 2: обух с утолщением на конце (рис. 1, 7, 11). К данному типу относятся два топора, которые по форме утолщения обуха отличаются друг от друга: у первого – небольшое расширение к концу, у второго – молоточковидное.

Тип 3: топор с коротким обухом (рис. 1, 1).

Топоры 1 вида достаточно широко распространены в ареале салтово-маяцкой культуры. Встречены они как на территории могильников с катакомбным обрядом захоронения, так и в кремациях (*Плетнёва*, 1989. Рис. 35; *Колода*, 2004. Рис. 13, 2; *Аксёнов*, 2001. Рис. 1, 2; 5, 22; 2005а. Рис. 4, 3, 4; *Аксёнов, Михеев*, 2006. Рис. 63, 7; 81, 9). Также топоры данного вида известны на территории Северо-Западного Предкавказья, Поволжья, поздние аналогии имеются в древнерусских материалах (*Кочкаров*, 2008. Табл. XXXI, 3, 5, 6; *Святкин*, 1998. Рис. 2, 2, 5, 6; *Измайлов*, 1993. С. 90; *Кирпичников*, 1966. Табл. XI, 5, 6).

Вид 2: топоры с подтрапещевидным лезвием. Три топора найдены в погребениях на территории селища и один в катакомбе могильника. У топора из катакомбы III Маяцкого селища отсутствует обух, поэтому невозможно определить его тип (рис. 1, 9). Остальные топоры этого вида имеют молоточковидный обух. При этом каждый из топоров данного вида имеет свои особенности: так у топора из катакомбы в хоз. яме 18 окончание обуха имеет грибовидную форму, а у топора из катакомбы II постройки 18 обух сильно оттянут к топористицу, у топора из катакомбы 71 Маяцкого могильника обух немного расширяется к концу (рис. 1, 5, 6, 12). Но выделение подтипов на основе данных особенностей кажется нам неуместным по упомянутой выше причине.

Топоры этого вида также часто встречаются в погребениях салтово-маяцкой культуры, как в ингумациях, так и в трупосожжениях (*Плетнёва*, 1989. Рис. 35; *Аксёнов*, 2001. Рис. 5, 24; 6, 2; 2005б. Рис. 4, 6; *Аксёнов, Михеев*, 2006. Рис. 61, 9).

Вид 3: с двубородчатым лезвием. Данный вид представлен одним экземпляром, обнаруженным в катакомбе в хоз. яме 25 Маяцкого селища (рис. 1, 8).

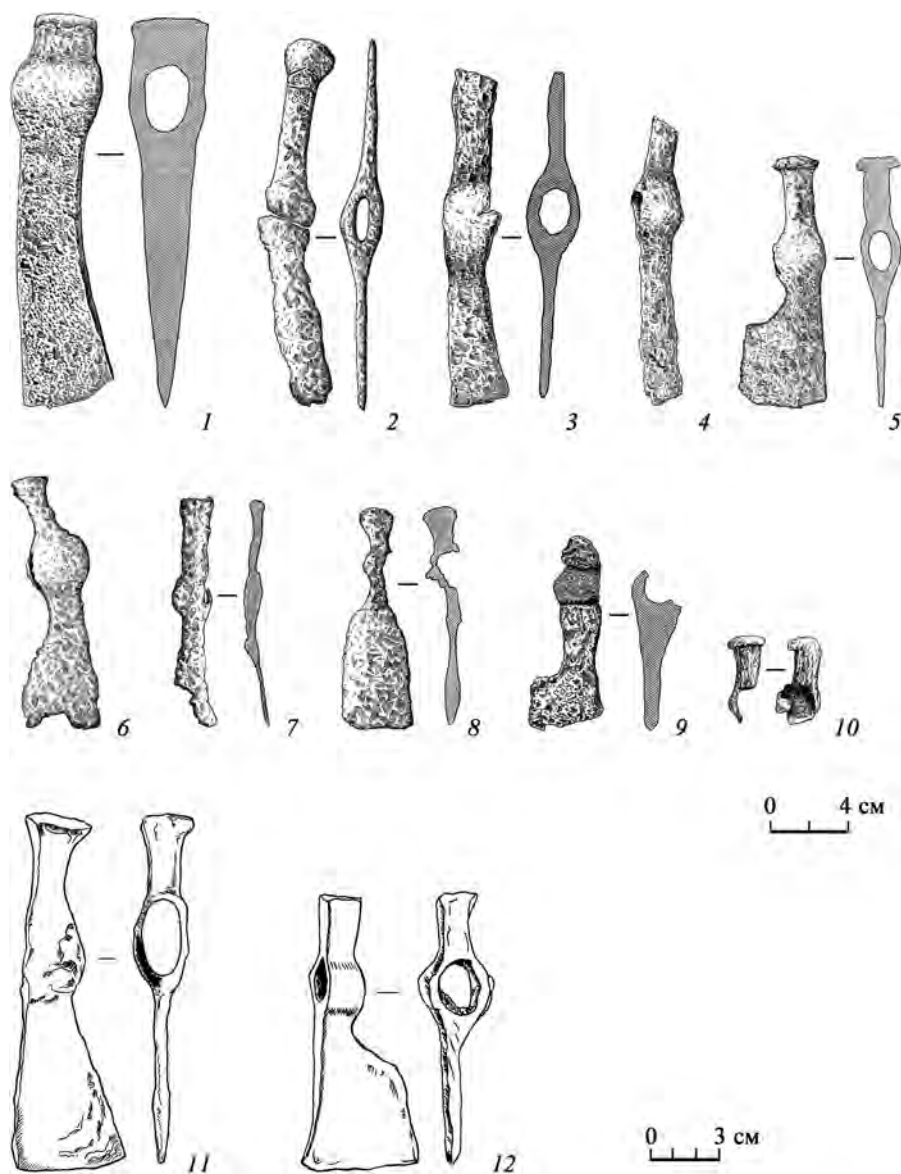

Рис. 1. Топоры Маяцкого археологического комплекса

Маяцкое селище: 1 – катакомба в яме постройки 28; 2, 9 – катакомба III; 3 – катакомба II; 4 – катакомба I в постройке 18; 5 – катакомба в хоз. яме 18; 6 – катакомба II в постройке 18; 7 – катакомба I; 8 – катакомба в хоз. яме 25; 10 – катакомба в хоз. яме 24
 Маяцкий могильник: 11 – катакомба 79; 12 – катакомба 71

Топоры с двубородчатым лезвием достаточно редко встречаются в древностях салтово-маяцкой культуры. Мы можем отметить аналогии в материалах Сухогомольшанского и Красногоровского могильников, а также в погребении воина у с. Кочеток (*Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 19, 4; Комар, Сухобоков, 2000. Рис 2; 56; Дегтярь, 1984. Рис. 2, 2*). Известен топор схожей формы с территории Северо-Западного Предкавказья, обнаруженный в погребении по типу кремации и относящийся к VIII–IX вв. (*Кочкаров, 2008. Табл. XXXVI, 45*).

От топора из катакомбы в хоз. яме 24 сохранился лишь короткий молоточковидный обух с грибовидным утолщением на конце, поэтому нами этот топор никуда не отнесен (рис. 1, 10).

Практически все рассмотренные топоры можно уверенно отнести к боевым. Исключением является топор, обнаруженный под черепом коня у входа в погребальную камеру, в яме постройки 28 Маяцкого селища (рис. 1, 1). На возможность отнесения данного топора к рабочим указывает его размер и ярко выраженная клиновидная форма. Рассматриваемый топор относится к первому типу рабочих топоров, по классификации В. К. Михеева (*Михеев, 1985. С. 68. Рис. 24, 13–18*). При этом нас не должно удивлять, что рабочий топор по своему расположению тяготел к погребению с оружием. В древностях салтово-маяцкой культуры известны случаи нахождения в комплексах с оружием типичных орудий труда, например мотыжек и серпов (*Винников, Афанасьев, 1991. С. 49; Михеев, 1985. С. 47*). Также в комплексах с оружием была найдена часть древнерусских рабочих топоров (*Кирпичников, 1966. С. 29*). Нельзя исключать и то, что топор мог не принадлежать захоронению в катакомбе и нес обрядовые функции, на что указывает его расположение у входа в погребальную камеру, как и топора из катакомбы 79, в обрядовых функциях которого не сомневается В. С. Флёров (1990. С. 156). Какими бы ни были причины, обусловившие такое местоположение, считаем возможным топор из ямы в постройке 28 Маяцкого селища по его первоначальному функциональному назначению считать рабочим².

Особого внимания заслуживает и топор из катакомбы III Маяцкого селища (рис 1, 2). Длина этого топора близка длине рассмотренного нами рабочего, однако отнести его к хозяйственным не позволяет форма лезвия и оттянутый, плоский (лезвиевидный) обух с веерообразным расширением на конце. Еще одной немаловажной особенностью данного топора является циркульный орнамент, нанесенный на обух. Последнее свидетельствует о безусловной принадлежности данного топора к боевым, так как только на боевых топорах встречаются орнаментальные украшения (*Кирпичников, 1966. С. 29*). Что касается циркульного орнамента, то он был широко распространен в древностях салтово-маяцкой культуры, особенно на костяных изделиях, встречен и в материалах Маяцкого могильника (*Флёрова, 1988. С. 91; Флёров, 1990. Рис. 20, 7*). Позднее циркульный орнамент был распространен в лесостепном Поднепровье (*Сергеева, 1998. С. 89*). Однако такого рода орнамент на металлических предметах комплекса во-

² В литературе достаточно распространён термин «универсальные топоры», т. е. топоры, которые могли применяться как в бою, так и в хозяйстве. В данной работе под рабочим понимается топор, изначально изготовленный для применения в хозяйстве, а мог ли он применяться в бою и насколько удачно, это уже другой вопрос.

оружия встречается достаточно редко, и единственной известной нам аналогией является наконечник копья из кремации Сухогомольшанского могильника (Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 72, 1).

Также в катакомбе с орнаментированным топориком был обнаружен обломок еще одного топора, находившегося на тазовых костях ребенка (рис. 1, 9).

Пять³ из рассмотренных нами топориков несут на себе следы либо преднамеренной порчи, либо они уже были сломаны в ходе их использования и в таком виде помещены в катакомбы (рис. 1, 4, 7, 8, 9, 10). При этом у четырех из пяти топоров повреждения касаются в основном проушной части и у одного – обушной. Условно к этим топорам может быть отнесен топор из катакомбы III, а также экземпляр из катакомбы II с трещиной на стенке проушной части (рис. 1, 2, 3). У остальных рассматриваемых топоров дефекты определенно могут быть связаны с коррозией.

Таким образом, встает вопрос о преднамеренной порче этих топоров. Здесь следует обратить внимание на то, что сабля из катакомбы в хоз. яме 18 Маяцкого селища была согнута, т. е. если не все, то какая-то часть жителей селища практиковала обряд преднамеренной порчи оружия (Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 21, 8). Обряд преднамеренной порчи предметов оружия был широко распространен среди населения салтово-маяцкой культуры, оставившего после себя могильники с захоронениями по типу кремации (Крыганов, 1989. С. 98). Однако здесь следует отметить, что чаще всего деформации подвергались сабли и стремена, топоры же очень редко. Были встречены «поврежденные» топоры и в катакомбных погребениях (Колода, 2004. Рис. 13, 2). Также объяснением помещения в погребение испорченных вещей может послужить стремление заменить целую вещь поврежденным, символизирующим ее аналогом. Это косвенно подтверждается характером повреждений рассмотренных топоров – в области проушного отверстия, т. е. повреждений, возникающих при функциональном использовании топора. Вотивная замена предметов погребального инвентаря была подробно рассмотрена А. А. Иерусалимской на материалах могильника Мошевая Балка (Иерусалимская, 1983. С. 102–104).

Взаимовстречаемость инвентаря из катакомб с топорами представлена в таблице 1⁴. При этом упор был сделан на предметы снаряжения воина и орудия труда. В итоге, как видно из данных таблицы, чаще всего топоры были встречены с ножами и деталями поясной гарнитуры, в семи из одиннадцати катакомб с топорами находились мотыжки, в четырех катакомбах топоры были обнаружены с другими видами оружия, в том числе с саблями, остатками дистанционного оружия (накладки на лук, наконечники стрел, крепления от колчана), деталями конской упряжи. Последнее наблюдение не противоречит возможности применения топоров конными воинами (Мерперт, 1955. С. 142, 143; Кирпичников, 1966. С. 45). Что же касается вопроса о половой принадлежности захоронений

³ Все они найдены в захоронениях Маяцкого селища.

⁴ В таблице не учтены украшения, так как более половины рассмотренных захоронений являются парными, что, при часто беспорядочном расположении костей в погребальной камере, затруднило бы определение их принадлежности и могло привести к неверной интерпретации данных сравнения.

Таблица 1. Совстречаемость топоров с инвентарем погребений

№ катакомбы	Пол погребенных	Топоры	Детали поясной гарнитуры	Ножи	Мотыжка	Детали лука, колчана, наконечники стрел	Сабля	Кистень	Детали конской упряжи	Угольная подстилка	Ориентация относительно входа	
											Влево	Вправо
Кат. I	муж./жен.	+	+	+	+	+	+	+		+		
Кат. в хоз. яме 18	муж./жен.	+	+	+	+	+	+		+		+	
Кат. в хоз. яме 24	муж.	+	+	+	+							+
Кат. в хоз. яме 25	муж.	+	+	+	+							+
Кат. I в постр. 18	жен./реб.	+	+	+	+					+		+
Кат. III	муж./мал.	+	+	+	+							+
Кат. 79	муж.	+	+		+	+					+	
Кат. II	жен./мал.	+	+	+								+
Кат. 71	муж./жен.	+	+	+								
Кат II в постр. 18	жен./жен.	+		+								+
Кат. в яме постр. 28	муж.	+				+				+		

с топорами, то в десяти случаях топоры принадлежали захоронениям мужчин или мальчиков, в одном случае – захоронению женщины. В катакомбе I постройки 18 костяки были сильно перемешаны, что затруднило отнесение инвентаря к какому-либо из них, но условно топор был отнесен к женскому захоронению (Винников, Афанасьев, 1991. С. 86). Погребения женщин с оружием были встречены и при исследовании Дмитриевского могильника, при этом по антропологическим данным черты всадничества были характерны не только для мужской, но и для женской популяции населения Дмитриевского комплекса (Плетнёва, 1989. С. 278; Бужилова, 2010. С. 862).

Топоры, обнаруженные в погребениях Маяцкого археологического комплекса, в целом имеют хорошо известные аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры и укладываются в рамки IX – начала X в. – время существования Маяцкого комплекса. При этом нельзя не отметить редкость находок орнаментированного оружия, такого, например, как боевой топорик из катакомбы III Маяцкого селища

и топорик с двубородчатым лезвием, известные аналогии которому происходят из погребений салтово-маяцкой культуры, совершенных по типу кремации. Однако топоры в погребениях Маяцкого комплекса встречались достаточно редко в сравнении с другими катакомбными могильниками салтово-маяцкой культуры. Причину этого можно видеть и в трансформации погребального обряда жителей Маяцкого поселения как наиболее отстоящего от основной территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры в лесостепном регионе. Но также можно найти объяснение этому в изначальных отличиях погребальных обрядов групп аланского населения, мигрировавшего с территории Предкавказья в Доно-Донецкую лесостепь (Флёров, 2000. С. 84, 85). Интересен и тот факт, что большинство захоронений с топорами в погребениях на территории селища были ориентированы головой вправо от входа в погребальную камеру, тогда как на могильнике господствовал обычай класть умерших головой влево от входа. Отличия в ориентировке погребенных в катакомбах были прослежены на примере расселения аланских племен Северного Кавказа V–VIII вв. (Коробов, 1998. С. 52–54). Таким образом, вновь встает вопрос о различиях населения, оставившего погребения на территории селища и могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С., 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. № 1–2. С. 62–78.
- Аксёнов В. С., 2005а. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // *Степи Европы в эпоху Средневековья* / Гл. ред. А. В. Евлевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т. Т. 4: Хазарское время. С. 357–368.
- Аксёнов В. С., 2005б. Салтовские кремационные могильники с конскими начальниками из бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах* / Гл. ред. В. К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. Т. 4. С. 182–198.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К., 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогольшанский могильник VIII–X вв. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. 306 с. (Хазарский альманах; Т. 5.)
- Бужилова А. П., 2010. Донские аланы по данным антропологии // *Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 855–866.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 192 с.
- Дегтярь А. К., 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // *СА*. № 2. С. 239–246.
- Иерусалимская А. А., 1983. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мошечая Балка) // *СЭ*. № 1. С. 102–113.
- Измайлов И. Л., 1989. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // *Ранние болгары в Восточной Европе* / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. С. 107–121.
- Измайлов И. Л., 1993. Оружие ближнего боя волжских болгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ. С. 77–106.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. 146 с. (САИ; вып. Е1–36).
- Колода В. В., 2004. Исследование раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // *Хазарский альманах* / Гл. ред. В. К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов ун-т. Т. 3. С. 213–241.

- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. № 2. URL: http://www.archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.
- Коробов Д. С., 2008. Расселение аланских племен Северного Кавказа V–VIII вв. по данным погребального обряда и письменным источникам // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 52–54.
- Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус. 176 с.
- Крыганов А. В., 1989. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалёва. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. С. 98–114.
- Мерперт Н. Я., 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье // СА. Вып. XXIII. С. 131–168.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 148 с.
- Плетнёва С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Святкин С. В., 1998. Относительная хронология мордовских боевых топоришков-чеканов VIII–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 260–266.
- Сергеева М. С., 1998. Орнаментация изделий из дерева и кости в лесостепном Поднепровье в X–XIII вв. // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. Вып. 12. С. 83–95.
- Флёров В. С., 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С. А. Плетнёва. М.: ИА АН СССР. С. 140–191.
- Флёров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы / Отв. ред. Е. В. Круглов. Волгоград: Перемена. Вып. 1. 144 с.
- Флёров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа. 164 с. (Труды Клино-Ярской экспедиции; I.)
- Флёрова В. Е., 1988. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла // РА. №2. С. 86–99.

Сведения об авторе.

Владимиров Сергей Игоревич, Воронежский государственный университет, ул. Хользунова, 50, Воронеж, 394068, Россия; e-mail: SergeiHistory@mail.ru.

S. I. Vladimirov

Axes from the Mayatsky archaeological assemblage

Abstract. The paper reviews axes discovered in the graves of the Mayatsky archaeological assemblage studied by the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition in 1975, 1977–1982s. As a result of typology of the finds and search for similar items, it became possible to single out types and kinds of axes typical for the Saltovo-Mayatsky culture as well as rare axes. The expedition also managed to identify sex and age characteristics of the graves with axes and inter-occurrence of axes and various funeral offerings. Some of the rite characteristics (such as orientation of the dead bodies, frequency of weapon finds) that make graves within the Mayatsky settlement different from the graves in the burial ground were identified during the analysis.

Keywords: Saltovo-Mayatsky culture, Mayatsky archaeological assemblage, funeral offerings, axes, typology.

REFERENCES

- Aksenov V. S., 2001. Rubezhanskiy katakombnyy mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury na Severskom Dontse [Rubezhanskiy catacomb cemetery of Saltovo-Mayatskaya culture on Severskiy Donets]. *Donskaya arkheologiya [Don archaeology]*, 1–2, pp. 62–78.
- Aksenov V. S., 2005a. Novye pominal'nye komplekсы voynov-vsadnikov saltovskogo vremeni s territorii Verkhnego Podonech'ya [New funeral complexes of riding warriors of Saltovo time from territory of Upper Donets]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch]*, 4. *Khazarское время [Khazarian time]*. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 357–368.
- Aksenov V. S., 2005b. Saltovskie krematsionnye mogil'niki s konskimi nachel'nikami iz basseyna Severskogo Donta [Saltovo cremation cemeteries with horse chamfreins from Severskiy Donets basin]. *Khazarский al'manakh [Khazarian miscellany]*, 4. V. K. Mikheev, ed. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet, pp. 182–198.
- Aksenov V. S., Mikheev V. K., 2006. Naselenie Khazarского kaganata v pamyatnikakh istorii i kul'tury. Sukhogomol'shanskiy mogil'nik VIII–X vv. [Khazarian kaganate population in sites of history and culture. Sukhogomol'shanskiy cemetery of VIII–X cc.]. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet. 306 p. (Khazarский al'manakh, 5).
- Buzhilova A. P., 2010. Donskie alany po dannym antropologii [Alans of the Don according to anthropological data]. *Chelovek i drevnosti: pamyati A. A. Formozova (1928–2009) [Man and antiquities: in memory of A. A. Formozov (1928–2009)]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 855–866.
- Degtyar' A. K., 1984. Kompleks iz pogrebeniya voina u s. Kochetok na Severskom Dontse [Complex from warrior's burial near village Kochetok on Severskiy Donets]. *SA*, 2, pp. 239–246.
- Flyorov V. S., 1990. Mayatskiy mogil'nik (raskopki 1979 g.) [Mayatsky cemetery (excavations of 1979)]. *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks: Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [Mayatsky archaeological complex: Materials of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: IA RAN SSSR, pp. 140–191.
- Flyorov V. S., 1993. Pogrebal'nye obryady na severe Khazarii (Mayatskiy mogil'nik) [Burial rites in North of Khazaria (Mayatsky cemetery)]. *Materialy i problemnye issledovaniya po drevney i srednevekovoy arkheologii yuga Vostochnoy Evropy [Materials and problem researches of ancient and medieval archaeology of South of Eastern Europe]*, 1. E. V. Kruglov, ed. Volgograd: Peremena. 144 p.
- Flyorov V. S., 2000. Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ya V–VIII vv.: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh [Alans of Central Caucasus foothills in V–VIII centuries: prophylactic rite directed against the dead]. Moscow: Polimedia. 164 s. (Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii, I).
- Flyorova V. E., 1988. Ornamentirovannye kostyanye izdeliya Sarkela-Beloy Vezhi: problema spetsializatsii remesla [Ornamented bone artefacts of Sarkel-Belaya Vezha: problem of craft specialization]. *RA*, 2, pp. 86–99.
- Ierusalimskaya A. A., 1983. Arkheologicheskie paralleli etnograficheski zasvidetel'stvovannym kul'tam Kavkaza (po materialam mogil'nika Moshchevaya Balka) [Archaeological parallels to ethnographically recorded cults of Caucasus (based on materials of Moshchevaya Balka cemetery)]. *SE*, 1, pp. 102–113.
- Izmaylov I. L., 1989. Oruzhie blizhnego boya volzhskikh bolgar VIII–X vv. [Close combat weapons of Volga Bulgarians of VIII–X cc.]. *Rannie bolgary v Vostochnoy Evrope [Early Bulgarians in Eastern Europe]*. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Kazanskogo filiala AN SSSR, pp. 107–121.
- Izmaylov I. L., 1993. Oruzhie blizhnego boya volzhskikh bulgar X–XIII vv. (kop'ya i boevye topory) [Close combat weapons of Volga Bulgarians of X–XIII cc. (spears and battle axes)]. *Arkheologiya Volzhskoy Bulgarii: problemy, poiski, resheniya [Archaeology of Volga Bulgaria: problems, search, solutions]*. F. Sh. Khuzin, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Akademii nauk Tatarstana, pp. 77–106.

- Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny X–XIII vv. [Spears, javelins, battle axes, mace-heads, bludgeons of X–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p. (SAI, E1–36).
- Kochkarov U. Yu., 2008. Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Weapons of North-West Caucasus' warriors in VIII–XIV cc. (close combat weaponry)]. Moscow: Taus. 176 p.
- Koloda V. V., 2004. Issledovanie rannesrednevekovykh katakombnykh pogrebeniy bliz s. Verkhniy Saltov v 1996 g. [Investigation of early medieval catacomb burials near village Verkhniy Saltov in 1996]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 3. V. K. Mikheev, ed. Kiev; Khar'kov: Mezhdunarodnyy Solomonov universitet. S. 213–241.
- Komar A. V., Sukhobokov O. V., 2000. Vooruzhenie i voennoe delo Khazarskogo kaganata [Weapons and warfare of Khazarian kaganate]. Elektronnyy resurs. *Vostochnoevropeyskiy arkhologicheskii zhurnal [East European archaeological journal]*, 2. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.
- Korobov D. S., 2008. Rasselenie alanskikh plemen Severnogo Kavkaza V–VIII vv. po dannym pogrebal'nogo obryada i pis'mennym istochnikam [Settling of North Caucasian Alanic tribes in V–VIII cc. based on data of burial rite and written sources]. *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. [Cultures of Eurasian steppes in second half of I millennium AD]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 52–54.
- Kryganov A. V., 1989. Vooruzhenie i voysko naseleniya Saltovo-Mayatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Weapons and army of Saltovo-Mayatskaya culture (based on materials from cemeteries with cremation rite)]. *Problemy arkhologii Podneprov'ya [Problems of archaeology of Dnieper zone]*. I. F. Kovaleva, ed. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 98–114.
- Merpert N. Ya., 1955. Iz istorii oruzhiya plemen Vostochnoy Evropy v rannem srednevekov'e [From history of East European tribes' weapons in early Middle Ages]. *SA*, XXIII, pp. 131–168.
- Mikheev V. K., 1985. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata [Don zone in structure of Khazar kaganate]. Khar'kov: Vishche shkola. 148 p.
- Pletneva S. A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranich'e (Dmitrievskiy arkhologicheskii kompleks) [On Slavic-Khazarian borderline (Dmitrievskiy archaeological complex)]. Moscow: Nauka. 288 p.
- Sergeeva M. S., 1998. Ornamentatsiya izdeliy iz dereva i kosti v lesostepnom Podneprov'e v X–XIII vv. [Ornamentation of wood and bone artefacts from forest-steppe of Dnieper basin in X–XIII centuries]. *Voprosy istorii slavyan. Arkheologiya. Etnografiya [Problems of history of Slavs. Archaeology. Ethnography]*, 12, pp. 83–95.
- Svyatkin S. V., 1998. Otnositel'naya khronologiya mordovskikh boevykh toporikov-chekanov VIII–XI vv. [Relative chronology of Mordovian battle pick-axes of VIII–XI cc.]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (voprosy khronologii) [Cultures of Eurasian steppes in second half of I millennium AD (problems of chronology)]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 260–266.
- Vinnikov A. Z., Afanas'ev G. E., 1991. Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii) [Cult complexes of Mayatskoe open settlement (Materials from excavations of Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition)]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 192 p.

About the author:

Vladimirov Sergey I., Voronezh State University, ul. Hol'zunova, 50, Voronezh, 394068, Russian Federation; e-mail: SergeiHistory@mail.ru.

Вал. В. Бейлекчи

КРЕСАЛА МУРОМЫ

Резюме. Кресала были почти обязательным элементом вещевого комплекса мужских захоронений VI–XI вв. летописной муромы. Известно 253 экземпляра кресал, которые представляют 5 основных типов, различающиеся, в свою очередь, по видам: 1) пластинчатые (рис. 1, 2; 2, 1); 2) желобчатые (рис. 1, 3); 3) овальные дротовые несомкнутые (рис. 2, 2–4; 3, 1–3); 4) калачевидные (рис. 1, 4; 3, 4–6); 5) с бронзовой рукоятью (биметаллические) (рис. 1, 5). Железные трубочки с пазом из комплекта огнива в литературе традиционно именуется «фитильными трубочками», однако, вероятнее всего, они использовались как зажим горловины мешочка для огнива. В захоронениях мужчин муромы по обряду трупоположения предметы из комплекта огнива фиксируются на месте их повседневного ношения – у пояса.

Ключевые слова: кресало, тип, форма, могильники, мурома, финны, погребение, распространение, расположение, трубочка с пазом.

Исследования могильников летописной муромы показали, что кресала были почти обязательным элементом вещевого комплекса мужских захоронений VI–XI вв. По встречаемости и количеству они уступают только ножам. Из раскопок Корниловского, Кочкинского, Максимовского, Малышевского, Муромского, Нижневерейского, Подболотьевского, Пятницкого, Чулковского могильников известно 253 экземпляра кресал, которые представляют 5 основных типов¹ (табл. 1, рис. 1, 2).

Тип 1. *Пластинчатые* (20 экз). Кресала в виде удлинённой пластины появились в Восточной Европе в позднеримское время и на разных территориях бытовали вплоть до XI в. (*Голубева*, 1965. С. 257, 259; *Розенфельдт*, 1992. С. 144, 145; *Леонтьев*, 1996. С. 142; *Седов*, 1999. С. 101–103). Нижняя пластинчатая рабочая часть сильно вытянута, ударной площадкой могли служить концевая

¹ Из общего числа кресал до полной публикации коллекций неопределёнными остаются 55 экземпляров (в основном это находки В. А. Городцова 1910 г. на Подболотьевском могильнике); у 5 пластинчатых кресал из Кочкинского могильника и 7 овальных несомкнутых кресал из могильников муромы вследствие утрат не определен вид.

Таблица 1. Распределение типов кресал по могильникам муромы

Могильники	Тип 1		Тип 2	Тип 3			Тип 4		Тип 5	Не определенные	Всего
	Тип 1.1	Тип 1.2		Тип 3.1	Тип 3.2	Тип 3.3	Тип 4.1	Тип 4.2			
Корниловский					1	3	1				5
Кочкинский	6			3						5	14
Максимовский					8	1				3	12
Мальшевский	5				16	26		4			51
Муромский					2						2
Нижневерейский						1					1
Подболотьевский		3			31	25		6	1	55	121
Пятницкий					2						2
Чулковский	4	2	2	4	19	11	3				45
Всего	15	5	2	7	79	67	4	10	1	63	253

и боковые кромки². Длина составляет от 6 до 7,5 см; рабочие части имеют максимальную ширину от 0,9 до 1 см. Исследование технологических схем пластинчатых кресал дьяковских памятников Москворечья и Тверского Поволжья показало, что изготавливались они как по простой методике целиком из железа, вторичного металла или сырцової стали с неравномерным содержанием и распределением углерода, так и из пакетированных заготовок (*Завьялов и др.*, 2009. С. 142, 158. Рис. 57, 64).

По способу оформления тыльной части пластины выделяются две разновидности:

1.1. *С петлей на конце* (рис. 3, 2), тип II, вид 2, по классификации И. Г. Розенфельдт. Образцы такого вида обнаружены в Кочкинском (6 экз.), Малышевском (5 экз., одно из женского погребения) и Чулковском (4 экз.) могильниках – всего 15 экз. Петля образована суженным верхним концом пластины, который загибался и сваривался с пластиной, в центре петли образовывалось отверстие.

1.2. *Со свернутым в виде крюка концом* (рис. 4, 1), тип II, вид 1 по классификации И. Г. Розенфельдт. Встречены в Чулковском могильнике (2 экз.) и Подболотьевском (3 экз.) – всего 5 экз. Окончание в виде крюка образовано суженным и загнутым верхним концом пластины.

Тип 2. *Желобчатые* (рис. 3, 3). Известны 2 экз. из Чулковского могильника. Изготовлены из согнутой в виде желоба прямоугольной пластины. Эта форма была широко распространена у мордвы Притёшья (например, могильник Личадеево) и у мордвы-мокши (Второй Старобадиковский могильник и др.)

² Бытующая практика морфологического разделения кресал на «однолезвийные» и «двулезвийные» (Культура Биляра..., 1985. С. 126–128; *Мутько*, 2011) представляется нецелесообразной. Термин «лезвие» обозначает «...острую рабочую часть режущего или рубящего инструмента либо оружия» (Большой толковый..., 1998). Уместно, по нашему мнению, использовать термин «площадка», который обозначает плоскую поверхность, и разделять кресала по наличию одной или двух ударных площадок.

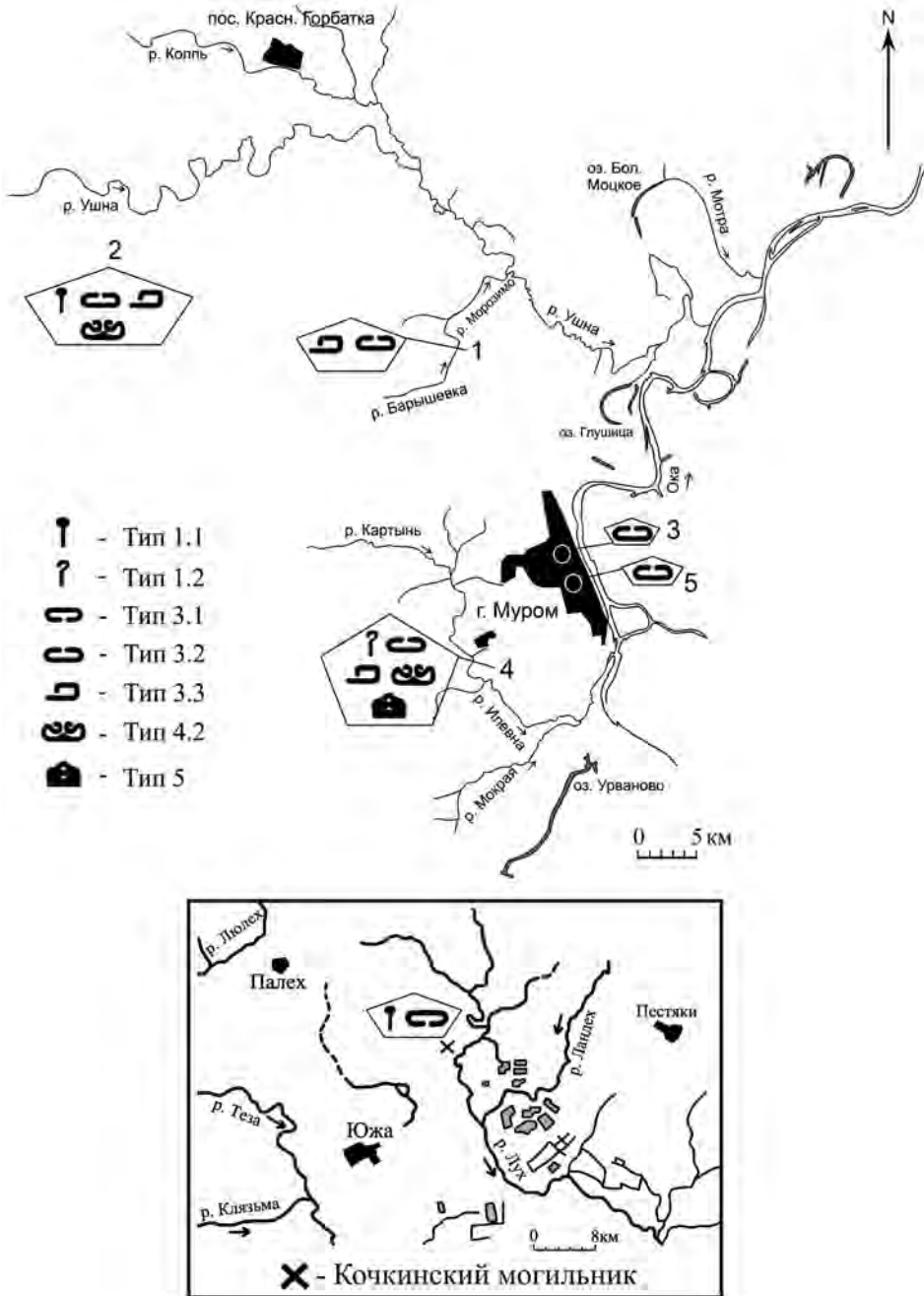

Рис. 1. Карта распределения типов кресал по могильникам муромы в левобережье Нижней Оки

1 – Максимовский; 2 – Малышевский; 3 – Муромский; 4 – Подболотьевский; 5 – Пятницкий

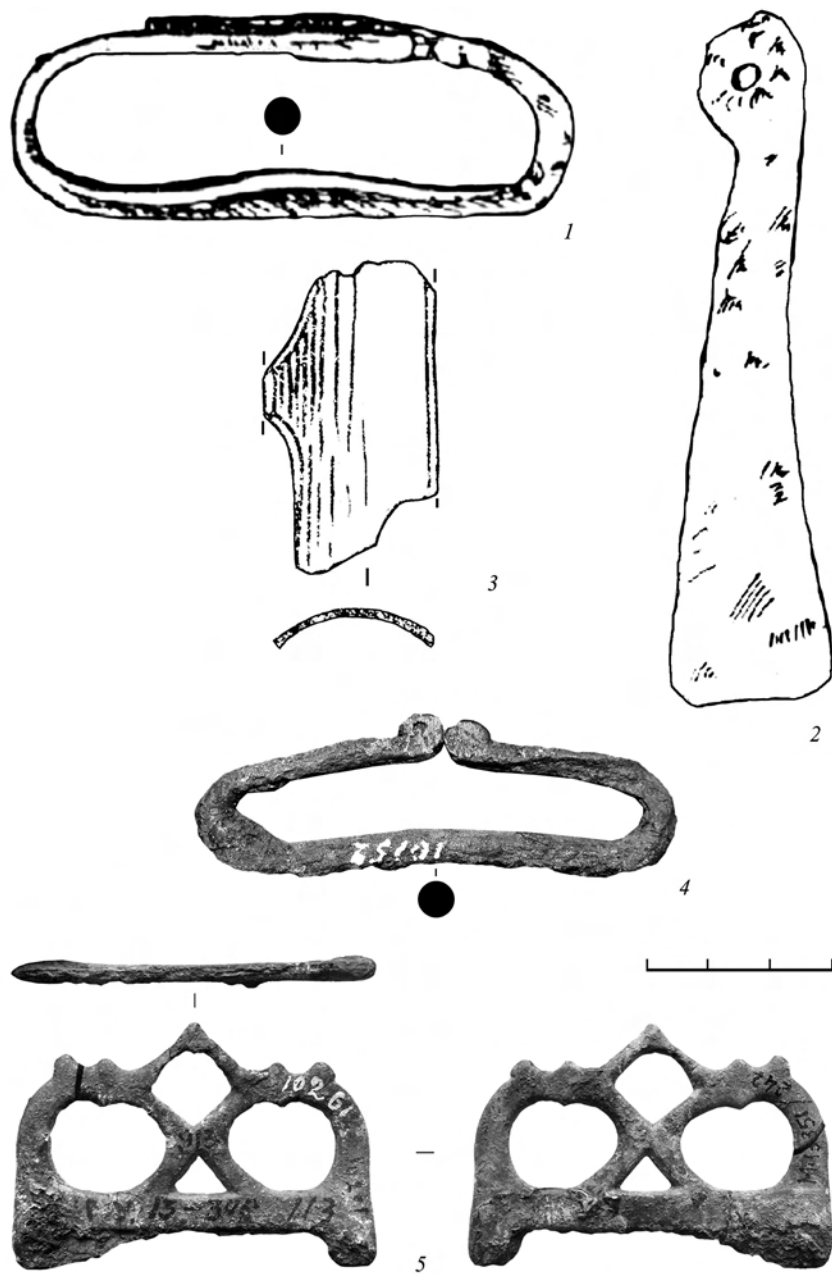

Рис. 3. Кресала из погребений муромских могильников

1 – овальное несомкнутое кресало с округлым сечением по всей длине; 2 – пластинчатое с петлей; 3 – желобчатое; 4 – калачевидное без язычка из круглого дрота; 5 – биметаллическое
 1 – Кочкинский м-к, погр. 9; 2 – Кочкинский м-к, погр. 33; 3 – Чулковский м-к, погр. 9; 4 – Корниловский м-к, погр. 35; 5 – Подболотьевский м-к

и датируется, вероятно, кон. VIII – нач. IX в. (*Мартьянов*, 2001. С. 283; *Петербургский*, 2011. С. 109). Появление их у муромы, видимо, определено пограничным с эрзянскими землями расположением могильника.

Тип 3. *Овальные дровотые несомкнутые* (153 экз.). Наиболее распространенный тип, известно несколько разновидностей.

3.1. *С округлым сечением по всей длине* (рис. 3, 1). Найдены в Кочкинском (3 экз.) и Чулковском (4 экз.) могильниках – всего 7 экз. Относятся к типу II, по классификации Ю. А. Краснова, известны в погребениях стадии 4 Безводнинского могильника (кон. VII – 1-я пол. VIII в.) (*Краснов*, 1980. С. 98. Рис. 49, 14, 15).

3.2. *Овальные несомкнутые с одной расплющенной стороной* (рис. 4, 2–4). Кресала этого вида встречены в Корниловском (1 экз.), Максимовском (8 экз.), Малышевском (16 экз.), Муромском (2 экз.), Подболотьевском (31 экз.), Пятницком (2 экз.), Чулковском (19 экз.) – всего 79 экз. В литературе известны также как «овальные дровотые несомкнутые прямообрубленные» (*Гришаков*, 1988. С. 75; *Бейлекчи*, 2005. С. 30). В Максимовском могильнике одно из кресал найдено вместе с половинками дирхемов чеканки 811–820 гг. и 830 г. (*Равдина*, 1988. С. 82).

Кресала изготовлены, как правило, из прямоугольного дрота. Длина составляет от 6,5 до 10,6 см, ширина – 2–2,5 см, ширина расплющенной стороны доходит до 1 см.

Единичные кресала этого вида встречены в могильнике Стёксово-2 мордвы-эрзи (*Мартьянов*, 2001. Табл. 64, 67); аналогичные находки обнаружены в погребениях № 5, 28, 37 Плесинского могильника ломоватовской культуры в Пермском Предуралье (Камский бассейн), датируемых VII–IX вв. (*Крыласова*, 2006. С. 131. Рис. 54, 1, 2. Тип А1.1.1.2а-б).

3.3. *Овальные несомкнутые с согнутой дужкой и подножкой* (рис. 5, 1–3). Кресала этой формы известны в Корниловском (3 экз.), Максимовском (1 экз.), Малышевском (26 экз., одно из женского погребения), Нижневерейском (1 экз.), Подболотьевском (25 экз.), Чулковском (11 экз.) могильниках – всего 67 экз. У четырех образцов из Подболотьевского могильника подножка не расплющена в пластину (рис. 5, 2). Рабочей поверхностью служила внешняя сторона подножки, а изогнутая дужка являлась рукоятью. Размеры кресал колеблются от 4,5 × 1,7 до 5,9 × 3 см.

В ряде случаев, несмотря на морфологические отличия, ошибочно определены как «салазковидные» типа болгарских (*Бейлекчи*, 2005. С. 134; *Культура Биляра...*, 1985. С. 126. Табл. XVIV), либо как «пластинчатые» (*Голубева*, 1987. С. 90), либо «пластинчатые с рукояткой» (*Бейлекчи*, 2005. С. 30).

Кресала данного вида не следует считать, как предполагалось, одним из этноиндикаторов культуры летописной муромы (*Голубева*, 1987. С. 90), поскольку они в значительном количестве обнаружены в мордовском могильнике Стёксово-2 (*Мартьянов*, 2001. С. 283). В то же время сомнительно их широкое распространение в поволжско-финской среде периода кон. VIII – 1-й пол. X в. (*Гришаков*, *Зеленев*, 1990. С. 44), так как в материалах марийских и мерянских памятников эти кресала отсутствуют. Возможно, данный вид наряду с видом 3.1 являлся локальным вариантом, бытовавшим у муромы и мордвы-эрзи.

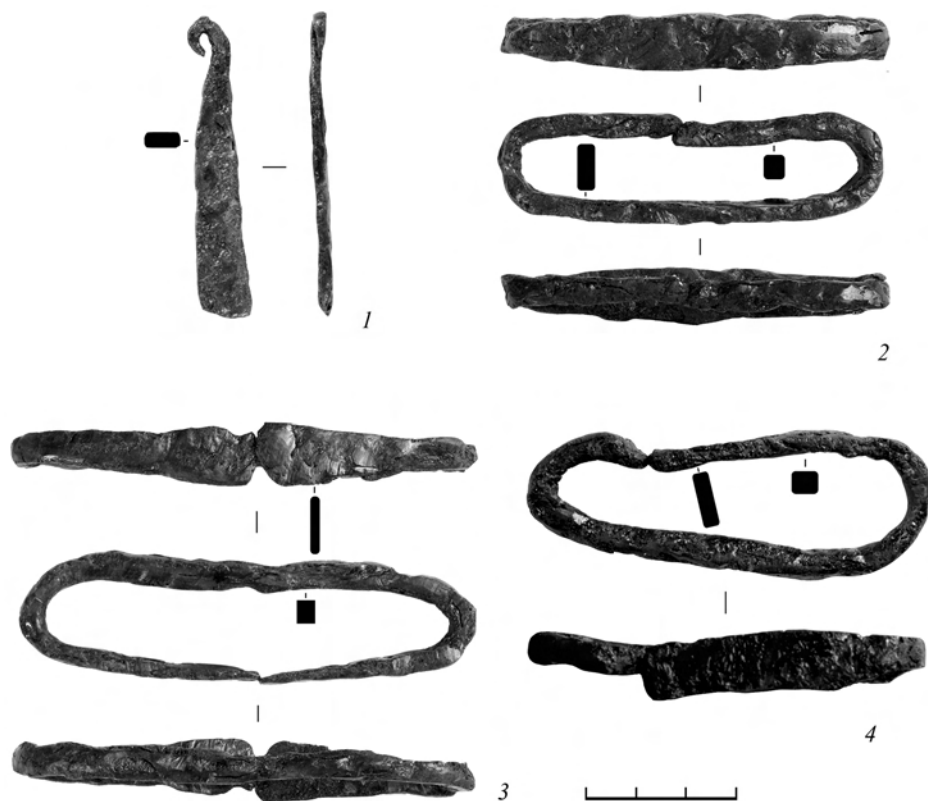

Рис. 4. Кресала из погребений Подболотьевского м-ка (раскопки 2012–2013 гг.)

1 – пластинчатое со свернутым в виде крюка концом (погр. 25/1); 2–4 – разновидности овальных дротовых несомкнутых с одной расплющенной стороной (погр. 72, 54, 41)

Тип 4. *Калачевидные*. Представлены двумя видами.

4.1. *Калачевидные без язычка* найдены в Корниловском (1 экз., рис. 5, 4) и Чулковском (3 экз.) могильниках, всего – 4 экз. (Бейлекчи, Лодыгина, 2005. С. 57. Рис. 8, 2; 9, 4). Изготовлены из дрота круглого сечения, концы ручек уплощены и завернуты в кольца. По классификации В. В. Гришакова, относятся к варианту III овальных кресал, известных в мордовских древностях 2-й пол. X – нач. XI в. (Гришаков, 1988. С. 75). Учитывая технику изготовления из дрота, такие изделия можно рассматривать как местное подражание калачевидным кресалам с язычком.

4.2. *Калачевидные с треугольным язычком* встречены в Малышевском (4 экз.) и Подболотьевском (6 экз., рис. 5, 4) могильниках – всего 10 экз. У сохранившихся изделий окончания ручек сомкнуты и отогнуты наружу, ударная площадка одна. Длина кресал колеблется от 7,6 до 9,5 см, ширина – от 3,7 до 4,8 см, толщина ударных площадок – около 0,6 см. Два экземпляра из Подболотья нестандартны: у одного из погребения 92 форма язычка полукруглая

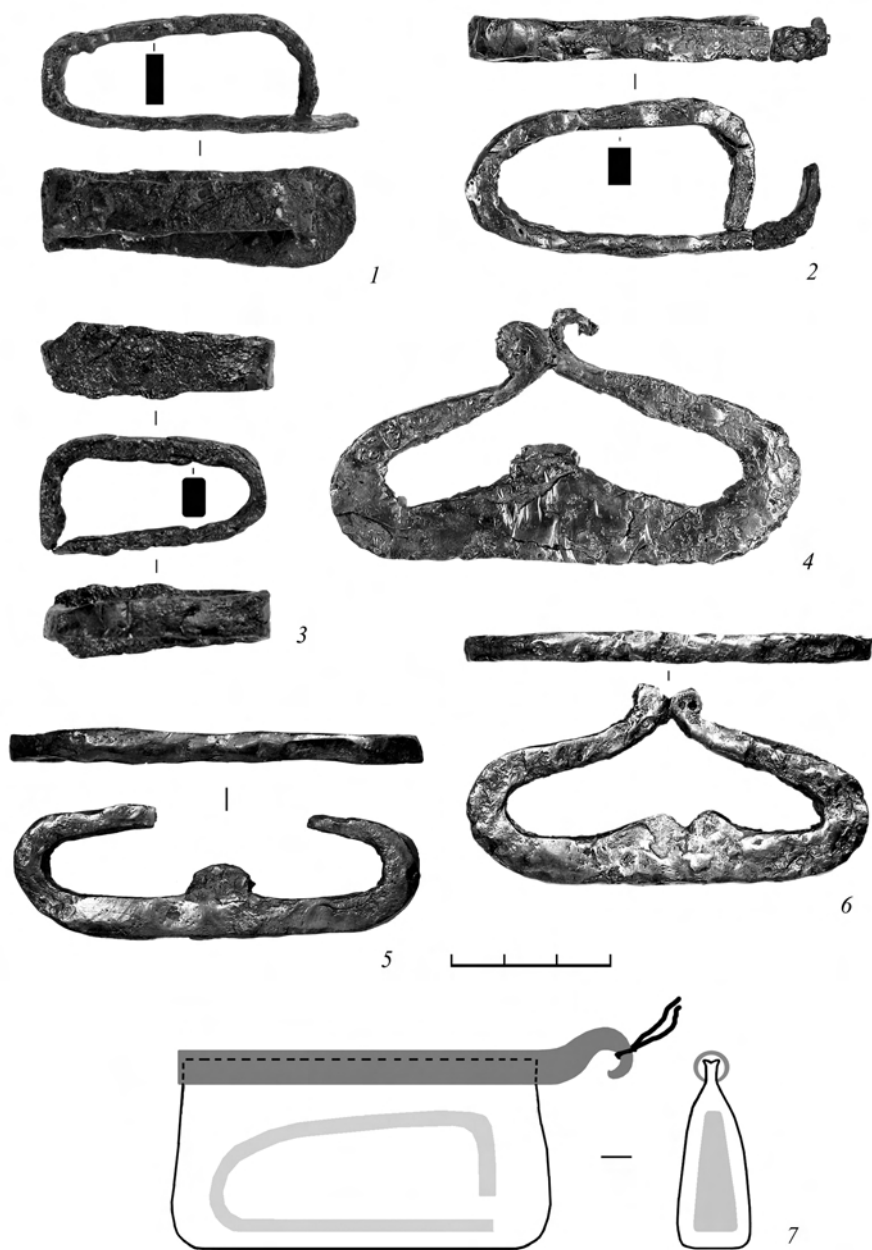

Рис. 5. Кресла из погребений Подболотьевского м-ка (раскопки 2012–2013 гг.)
 1–3 – разновидности овальных дровяных несомкнутых с согнутой дужкой и подножкой (погр. 36, 47, 114); 4–6 – разновидности калачевидных (погр. 87, 92, 97)

(рис. 5, 5), у другого из погребения 97 имеются два небольших треугольных язычка (рис. 5, 6).

Эти кресала представляют наиболее распространенный тип средневековых огнив, бытование которых приходится на период VII–XII вв. (*Леонтьев*, 1996. С. 142; *Колчин*, 1982. С. 163. Рис. 4), а в некоторых географических областях и на более позднее время (*Фёдоров-Давыдов*, 1966. С. 84). На территории расселения окских финнов они распространились, видимо, с приходом древнерусского населения в X в. (*Голубева*, 1965. С. 260). В одном из погребений (№ 106) Малышевского могильника кресало сопровождалось дирхемом чеканки 906–926 гг. (*Дубынин*, 1949. С. 7).

Тип 5. *С бронзовой рукоятью (биметаллическое)*. Единственный экземпляр происходит из грабительских раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника и хранится в Муромском историко-художественном музее (рис. 5, 5). От изделия сохранилась бронзовая рукоять в виде схематизированного изображения двух звериных голов, соединенных раскрытыми пастьми, образующих прорезь в форме ромба. Кресало относится к группе II, типу 5, варианту 2 по классификации Л. А. Голубевой и датируется 2-й пол. X в. Родиной биметаллических кресал считается Прикамье, но в X–XI вв. они известны на памятниках широкого ареала Восточной и Северной Европы, в том числе у поволжских финнов (*Голубева*, 1964; *Никитина*, 2002. С. 130. Рис. 57, 4).

Понять значение кресал в погребальной обрядности и их места как элемента погребального инвентаря помогают материалы недавних исследований Волжской экспедиции ИА РАН³. При раскопках Подболотьевского могильника в 2012–2013 гг. кресала обнаружены в 38 из 42 мужских погребений (85 % от общего числа) в количестве 68 экз. Из-за утрат остались не определены одно из кресал погребения 22, а также два кресала из погребения 118. В трех погребениях с кресалами, по определению д. и. н. М. В. Добровольской, были захоронены мальчики в возрасте от 5 до 15 лет, а в одном женском захоронении кресало входило в состав жертвенно-ритуального комплекса. Для сравнения, в 1910 г. В. А. Городцовым на Подболотьевском могильнике кресала были встречены в 30 из 76 мужских захоронений (39 % от общего числа) (*Бейлекчи*, 2005. С. 30).

В захоронениях кресала, как правило, залегали в средней части могильной ямы у условного пояса погребенных, в количестве 1–4 экз. для одного комплекса, сопровождалась обычно 1–3 кремнями. Таким же образом предметы из комплекта огнива, видимо, фиксировались на месте их повседневного ношения в других могильниках (*Спицын*, 1901. С. 107; *Городцов*, 1914. С. 76, 90, 95; *Гришаков*, 1988. С. 81, 82). Случай расположения кресал в изголовье или в изножье у муромы единичны, поэтому применительно к муроме невозможно говорить о «...выполнении, ими магических функций оберега» в отличие от погребений поздних кочевников Восточной Европы, где количество кресал с расположением «не на своем месте» достигает 46 % (*Евлевский, Потёмкина*, 2000. С. 201), или от погребений восточных славян, где «...иногда находят

³ Выражаю признательность автору раскопок О. В. Зеленцовой за любезное разрешение использовать материалы полевых отчетов.

кресала, расположенные не у пояса: в насыпи, у ног, плеч, колен» (Моця, 1990. С. 36, 37).

Кресала являлись широко распространенным бытовым предметом, представлявшим собой сугубо мужскую принадлежность (табл. 2). По данным этнографии и археологической реконструкции, в наборе для разведения огня кресало сопровождалось неотъемлемыми принадлежностями – кремнем и трупом, однако последний по естественным причинам в захоронениях не сохраняется. По этнографическим данным, труп мог быть изготовляться из переженной без доступа кислорода льняной ткани или из нижней «замшевой» части гриба трутовика копытообразного (*Polyporaceae*). Из гриба нарезались и «отбивались» пластинки, которые затем вываривались в зольно-водном растворе и высушивались. Следует отметить, что переженная ткань из-за своей хрупкости требует аккуратной переноски и герметичности.

**Таблица 2. Встречаемость кресал
в мужских, женских и конских погребениях муромы**

Могильники	Мужские погребения	Женские погребения	Конские погребения	Всего
Корниловский	2		1	3
Кочкинский	10	1		11
Максимовский	10			10
Мальшевский	41	2		43
Муромский	2			2
Нижневерейский	1			1
Новленский		1 (дар)		1
Подболотьевский	56	2 (дар)		58
Пятницкий	5	1 (дар)		6
Чулковский	25			25
Всего	152	7	1	160

Предметы в виде железной трубочки с пазом, часто сопровождающие комплекты огнива (табл. 3), в научной литературе традиционно именуется «фитильными трубками», хотя не все исследователи однозначно согласны с таким определением. Так, А. Ф. Дубынин отмечал, что «...так называемые железные стержни с продольным пазом и петлей на одном конце, по-видимому, являлись обоймой ножен или кошелька и служили для их подвешивания к поясу» (Дубынин, 1966. С. 67, 68). В. В. Гришаков и Ю. А. Зеленева также считали, что «...трубочки с пазом, часто называемые в археологической литературе “фитильными”, являются жесткой основой-замком сумочек для ношения кресал и кремней. Все они имеют для подвешивания к поясу крючок» (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 44, 45).

Таблица 3. Взаимовстречаемость кресал и трубочек с пазом в погребениях муромы

Могильники	Трубочки с пазом вместе с кресалами	Трубочки с пазом без кресал	Кресала без трубочек с пазом	Всего
Корниловский	1		1	2
Кочкинский	8	4	1	13
Максимовский	1		9	10
Мальшевский	20	10	16	46
Муромский			2	2
Нижневерейский			1	1
Подболотьевский	20	4	36	60
Пятницкий			6	6
Чулковский	16	3	10	29
Всего	66	21	82	169

У муромы бронзовые или железные пластинчатые обоймы-зажимы горловины поясного мешочка обнаружены в погребении 246 Подболотьевского (раскопки В. А. Городцова 1910 г.) и погребении 9 Корниловского могильника, фрагменты холщового поясного мешка – в погребении 6 Муромского могильника, остатки кожаных поясных мешочков с бронзовыми обоймицами – в погребениях 37, 51, 106 Подболотьевского (раскопки В. А. Городцова 1910 г.) и погребениях 109/109а, 131 Малышевского могильников (*Бейлекчи*, 2005. С. 45). Таким образом, по имеющимся данным следует полагать, что предметы из комплекта огнива носились в поясных мешочках из холста или кожи, несомненно, подвергавшихся для герметичности вощению. Трубка с пазом могла использоваться следующим образом: сложенное устье мешочка, которое не имело клапана, входило сбоку в паз трубки и плотно зажималось, создавая дополнительную герметичность (проверено автором в эксперименте; рис. 5, 7). Косвенно о таком способе закрывания мешочков свидетельствуют находки остатков сумочек лировидной формы на Подболотьевском могильнике в раскопе 2014 г., которые закрывались описанным способом, но не железными, а бронзовыми трубочками с пазами. В половине захоронений 2012–2013 гг. с кресалами «фитильные трубки» не обнаружены даже в обломках, что свидетельствует о применении муромой других способов закрывания горловин поясных мешочков, как, например, в погребении 131 Малышевского могильника, где найден ремешок – завязка горловины.

На основании материалов Кочкинского и Безводнинского могильников можно полагать, что у муромы в кон. VII – нач. VIII в. бытовали только пластинчатые кресала с петлей на конце и овальные несомкнутые с круглым сечением по всей длине (*Краснов*, 1980. С. 98. Рис. 49, 14–16; *Ерофеева и др.*, 1988. С. 109. Рис. 7), а пластинчатые кресала с петлей известны, например, в погребениях Младшего Ахмыловского могильника 2-й пол. VI – VII в. (*Никитина*, 2002. С. 37).

Во 2-й пол. VIII в. появляются и бытуют до X в. овальные несомкнутые кресала с одной расплющенной стороной и овальные несомкнутые кресала с согнутой дужкой и подножкой, которые встречены в подавляющем большинстве исследованных погребений муромы (*Бейлекчи*, 2005. С. 30). Вместе с указанными видами в Чулковском и Подболотьевском могильниках в захоронениях указанного времени продолжали встречаться пластинчатые кресала со свернутым в виде крюка концом⁴. В редких случаях (Корниловский и Чулковский могильники) совместно с овальными кресалами с согнутой дужкой и подножкой найдены калачевидные кресала без язычка (*Бейлекчи*, *Лодыгина*, 2005. С. 67. Рис. 8). На смену этим видам, вместе с другими предметами славянского культурного мира, приходят калачевидные кресала с язычком, которые встречены в муромских комплексах Подболотьевского и Малышевского могильников, датированных X – нач. XI в. (*Зеленцова*, 2013; *Дубынин*, 1949. С. 7).

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлекчи В. В.*, 2005. Древности летописной муромы (Погребальный обряд и поселения): учебное пособие. Муром: Московский психолого-социальный ин-т. 152 с.
- Бейлекчи В. В.*, *Лодыгина Е. В.*, 2005. Муромский могильник у деревни Корниловка // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский ун-т. Вып. 9. С. 48–69.
- Большой толковый..., 1998. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 2-е изд. 70 с.
- Голубева Л. А.*, 1964. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. № 3. С. 125–126.
- Голубева Л. А.*, 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии: памяти С. В. Киселёва: К 60-летию со дня рожд. М.: Наука. С. 257–260. (МИА; № 130.)
- Голубева Л. А.*, 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.: Наука. С. 81–92. (Археология СССР)
- Городцов В. А.*, 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. М. Т. XXIV. С. 40–213.
- Гришаков В. В.*, 1988. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 71–103. (Труды МНИИЯЛИЭ; Вып. 85.)
- Гришаков В. В.*, *Зеленев Ю. А.*, 1990. Муром VII–XI вв.: Учеб. пос. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.
- Дубынин А. Ф.*, 1949. Отчет за 1948 г. Археологические исследования Малышевского могильника в Селивановском р-не Владимирской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 238.
- Дубынин А. Ф.*, 1966. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. № 3. С. 67–79.
- Евглевский А. В.*, *Потёмкина Т. А.*, 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья: Сб. науч. ст. Донецк: Донецкий нац. ун-т. Т. 1. С. 181–206.
- Ерофеева Е. Н.*, *Травкин П. Н.*, *Уткин А. В.*, 1988. Кочинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 99–134. (Археология и этнография Марийского края; Вып. 14.)
- Завьялов В. И.*, *Розанова Л. С.*, *Терехова Н. Н.*, 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.

⁴ Выражаю благодарность В. В. Гришакову за предоставление для исследования материалов Чулковского могильника.

- Зеленцова О. В.*, 2013. Отчет о проведении научно-охранных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Мурома (II этап): В 5 т. // Архив ИА РАН. P-1.
- Зеленцова О. В.*, 2014. Отчет о проведении научных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в 2013 г.: В 3 т. // Архив ИА РАН. P-1.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Общ. ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 156–177.
- Краснов Ю. А.*, 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья.) М.: Наука. 223 с.
- Крыласова Н. Б.*, 2006. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья: монография. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т. 352 с.
- Культура Биляра...*, 1985. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука. 215 с.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 315 с.
- Мартыанов В. Н.*, 2001. Арзамасская мордва в I – начале II тыс.: Монография. Арзамас: АГПИ. 322 с.
- Митько О. А.*, 2011. Двухзвонные кресала из археологических памятников Сибири и Дальнего Востока и их аналоги из Нуристана // Вестник НГУ. Новосибирск. Сер. История, филология. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 246–255.
- Моця А. П.*, 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка. 156 с.
- Никитина Т. Б.*, 2002. Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.
- Петербургский И. М.*, 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь. 408 с.
- Равдина Т. В.*, 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.: Наука. 152 с.
- Розенфельдт И. Г.*, 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.
- Седов В. В.*, 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.: Тип. Т-ва Художественной Печати. Вып. 1. 120 с. (Материалы по археологии России, издаваемые ИАК; № 25.)
- Фёдоров-Давыдов Г. А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ. 274 с.

Сведения об авторе.

Бейлекчи Валентин Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; e-mail: benny1987@yandex.ru.

Val. V. Beilekchi

The Muroma fire-steels

Abstract. Fire-steels were practically a mandatory element of the grave offerings found in the Muroma male graves of the 6th–11th centuries. The Muroma population is mentioned in ancient chronicles. The overall number of discovered fire-steels is 253, they are divided into five main types: 1) plated (Fig. 1, 2; 2, 1); 2) grooved (Fig. 1, 3); 3) oval rod open ended (Fig. 2, 2–4; 3, 1–3); 4) kalach-type (C-type) (Fig. 1, 4; 3, 4–6); 5) fire-steels with a bronze handle (bimetallic) (Fig. 1, 5). Iron pipes with a slot from a fire-steel set are

traditionally called tinder-pipes / wick-containers in the literature; but, most likely, they were used as a clamp for the fire-steel bag opening. In accordance with the inhumation burial rite, the position of the fire-steel items in the Muroma male graves is identified near the part of the body where they were usually carried, i.e. the waistline.

Keywords: fire-steel, type, shape, cemeteries, Muroma, Finns, grave, dissemination, location, pipe with a slot.

REFERENCES

- Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti letopisnoy muromy (Pogrebal'nyy obryad i poseleniya): uchebnoe posobie [Antiquities of the Muroma mentioned in chronicles (Burial rite and settlements): manual]. Murom: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 152 p.
- Beylekchi V. V., Lodygina E. V., 2005. Muromskiy mogil'nik u derevni Kornilovka [Muroma cemetery near village Kornilovka]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii [Nizhnyy Novgorod researches in local lore and archaeology]*, 9. E. A. Molev, ed. Nizhnyy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, pp. 48–69.
- Bol'shoy tolkovyy..., 1998 – Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Great explanatory dictionary of Russian language]. 2nd edition. S. A. Kuznetsov, ed. St. Petersburg: Norint. 77 p.
- Dubynin A. F., 1949. Otchet za 1948 g. Arkheologicheskie issledovaniya Malyshevskogo mogil'nika v Selivanovskom r-ne Vladimirskoy obl. [Report for 1948. Archaeological investigations of Malyshevo cemetery in Selivanovsky district Vladimir Region]. *Archive of LA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Dubynin A. F., 1966. O plemennoy prinadlezhnosti naseleniya severnoy okrainy Muromskoy zemli [On tribal attribution of population of Muroma land northern periphery]. *SA*, 3, pp. 67–79.
- Erofeeva E. N., Travkin P. N., Utkin A. V., 1988. Kochkinskiy gruntovyy mogil'nik [Kochkinsky flat cemetery]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya mariytssev [Ethnic origin and ethnic history of the Mari]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii, pp. 99–134. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya; 14).
- Evglevskiy A. V., Potemkina T. A., 2000. Kresala v pozdnekochevnicheskikh pogrebeniyakh Vostochnoy Evropy [Fire-steels in late nomadic burials of Eastern Europe]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch]*, 1. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 181–206.
- Fedorov-Davydov G. A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamyatniki [Nomads of Eastern Europe under Golden Horde khans' power: Archaeological sites]. Moscow: Moskovskiy universitet. 274 p.
- Golubeva L. A., 1964. Ogniva s bronzovymi rukoyatyami [Fire-steels with bronze handles]. *SA*, 3, pp. 125–126.
- Golubeva L. A., 1965. K istorii plastinchatykh ogniv Vostochnoy Evropy [On history of plate fire-steels of Eastern Europe]. *Novoe v sovetskoy arkheologii: pamyati S. V. Kiseleva: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya [New in Soviet archaeology: in memory of S. V. Kiselev: toward 60th anniversary]*. Moscow: Nauka, pp. 257–260. (MIA, 130).
- Golubeva L. A., 1987. Muroma [The Muroma]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in medieval epoch]*. Moscow: Nauka, pp. 81–92. (Arkheologiya SSSR).
- Gorodtsov V. A., 1914. Arkheologicheskie issledovaniya v okrestnostyakh g. Muroma [Archaeological researches in Murom vicinity]. *Drevnosti [Antiquities]*, XXIV, pp. 40–213.
- Grishakov V. V., 1988. K istorii naseleniya pravoberezh'ya Nizhney Oki v kontse I tysyacheletiya nashey ery [On history of Lower Oka right bank in late I millennium AD]. *Materialy po arkheologii Mordovii [Materials on archaeology of Mordovia]*. M. F. Zhiganov, ed. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 71–103. (Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki, 85).
- Grishakov V. V., Zelenev Yu. A., 1990. Muroma VII–XI vv.: uchebnoe posobie [The Muroma of VII–XI cc.: manual]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet. 77 p.
- Kolchin B. A., 1982. Khronologiya novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorodian antiquities]. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection of articles. 50 years of excavations of Novgorod]*. B. A. Kolchin, V. L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–177.

- Krasnov Yu. A., 1980. Bezvodninskiy mogil'nik. (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezvodninsky cemetery. (On history of Volga basin in Gorky region in early Middle Ages)]. Moscow: Nauka. 223 p.
- Krylasova N. B., 2007. Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archaeology of daily life: material culture of medieval Cisuralian]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 352 p.
- Kul'tura Bilyara..., 1985 – Kul'tura Bilyara. Bulgarskie orudiya truda i oruzhie X–XIII vv. [Culture of Bilyar. Bulgarian tools and weapons of X–XIII cc.]. A. Kh. Khalikov, ed. Moscow: Nauka. 215 p.
- Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of Merya. On early history of North-Eastern Europe]. Moscow: Geoeko. 315 p.
- Mart'yanov V. N., 2001. Arzamasskaya mordva v I – nachale II tysyacheletiya [Arzamas Mordva in I – early II millennium]. Arzamas: Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 322 p.
- Mit'ko O. A., 2011. Dvulezviynye kresala izarkheologicheskikh pamyatnikov Sibiri i Dal'nego Vostoka i ikh analogii iz Nuristana [Double-blade fire-steels from archaeological sites of Siberia and Far East and their analogies from Nuristan]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State university. History, philology], vol. 10, vyp. 7. Arkheologiya i etnografiya, pp. 246–255.
- Motsya A. P., 1990. Pogrebal'nye pamyatniki yuzhnorusskikh zemel' IX–XIII vv. [Burial sites of South Russian lands of IX–XIII cc.]. Kiev: Naukova dumka. 156 p.
- Nikitina T. B., 2002. Mariytsy v epokhu srednevekov'ya (po arkeologicheskim materialam) [Mari in medieval epoch (based on archaeological materials)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut. 432 p.
- Peterburgskiy I. M., 2011. Material'naya i dukhovnaya kul'tura mordvy v VII–X vv. [Material and spiritual culture of Mordva in VII–X cc.]. Saransk. 408 p.
- Ravdina T. V., 1988. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevney Rusi: katalog [Burials of X–XI cc. with coins in territory of medieval Rus': catalogue]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Rozenfel'dt I. G., 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Okского mezhdurech'ya v VI–IX vv. [Antiquities of western part of Volga-Oka interfluvium in VI–IX cc.]. Moscow: Nauka. 177 p.
- Sedov V. V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Medieval Russian nation: Historical-archaeological investigation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.
- Spitsyn A. A., 1901. Drevnosti basseynov rek Oki i Kamy [Antiquities of Oka and Kama rivers], 1. St. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva Khudozhestvennoy Pechati. 120 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 25).
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2009. Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeystviy [History of blacksmith craft of Finno-Ugrian peoples of Volga and Ural region: On problem of ethno-cultural interactions]. Moscow: Znak. 264 p.
- Zelentsova O. V., 2013. Otchet o provedenii nauchno-okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Verbovskogo (Podbolot'evskogo) mogil'nika v Muromskom rayone Vladimirskoy oblasti v zone stroitel'stva mostovogo perekhoda cherez r. Oku s obkhodom g. Muroma (II etap) (v 5 tomakh) [Report on realization of scientific-protective archaeological researches of Verbovsky (Podbolot'evsky cemetery in Vladimir Region, Murom district in construction zone of bridge across Oka River with survey of Murom town (II stage) (in 5 volumes)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Zelentsova O. V., 2014. Otchet o provedenii nauchnykh arkheologicheskikh issledovaniy Verbovskogo (Podbolot'evskogo) mogil'nika i selishcha v Muromskom rayone Vladimirskoy oblasti v 2013 g. (v 3 kh tomakh) [Report on realization of scientific archaeological researches of Verbovsky (Podbolot'evsky cemetery and open settlement in Vladimir Region, Murom district in 2013 (in 3 volumes)]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

About the author:

Beilekchi Valentin V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: benny1987@yandex.ru.

И. В. Исланова

ГОРОДИЩА КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В БАССЕЙНЕ МСТЫ

Резюме. Основной тип поселений культуры псковских длинных курганов (КПДК) – селища. Однако в западных и южных областях этой культуры известны и городища. Анализ имеющихся артефактов с 7 поселений в бассейне р. Мсты (восточная область КПДК) позволяет говорить о наличии здесь подобных городищ в раннем Средневековье (рис. 1). Эти поселения имеют все признаки, выделенные для городищ КПДК типа 1. Большинство поселений слабо укреплены; размеры площадки более 1,5 тыс. м²; основной культурный слой относится к раннему железному веку, но в нем встречены лепная керамика и отдельные вещи КПДК (рис. 2–4); расположены в скоплениях памятников КПДК (курганых могильников и селищ) на песчаных почвах.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, раннее Средневековье, городища.

Основной тип поселений культуры псковских длинных курганов (КПДК) – это селища. Однако проведенные детальные исследования в западной и южной областях ареала этой культуры позволили говорить о существовании во второй половине I тыс. н. э. также укрепленных поселений (*Кузьмин*, 1988. С. 23; *Понов*, 2009. С. 220, 225, 230). Укрепленными поселениями КПДК являлись городища, которые располагались в «гнезде» памятников.

Материалы по городищам на территории современной Псковской области были проанализированы А. Г. Фурасьевым (1994). Собрав сведения по памятникам этого и смежных регионов, исследователь отмечает, что укрепленные поселения на территории соседнего новгородского региона неизвестны. По его мнению, причина в том, что в городищах здесь не было необходимости.

Детальный анализ материалов раннесредневековых памятников бассейна р. Мсты позволяет усомниться в такой версии. Эта территория является одним из наиболее обследованных в восточной зоне КПДК (*Исланова*, 2006. С. 26–29). На основании большинства критериев, предложенных А. Г. Фурасьевым: наличие в культурном слое лепной керамики, характерной для КПДК; наличие селищ КПДК у подножия городища; наличие в непосредственной близости от городищ одной или нескольких курганых групп второй

половины I тыс. н. э.; расположение на легких песчаных почвах в массиве основных боров (Фурасьев, 1994. С. 143, 144) – в регионе выделяется 7 городищ КПДК. В случае с рассматриваемым регионом можно несколько расширить признак местоположения селища: такой неукрепленный пункт мог находиться или у подножья городища, или несколько в отдалении (как правило, не более чем 0,5 км).

Городища можно отнести к типу 1: большинство из них слабоукрепленные, имеющие площадку более 1,5 тыс. м² и культурный слой, который начал накапливаться в раннем железном веке (Там же. С. 145). Два городища (Яхново и Варварина Гора) находятся в скоплениях (гнездах) раннесредневековых памятников на р. Шлине, проанализированных В. А. Бутовым (Бутов, 1993. С. 20–24. Рис. 1). «Гнезда» разделены естественными границами – болотами. Первое «гнездо» в верховьях реки (с учетом побережья оз. Шлино) имеет площадь 16 кв. км, второе – ниже по течению реки – 11 км². Помимо городищ здесь сосредоточены селища и курганные могильники КПДК (рис. 1). Опираясь на полученный при раскопках материал, В. А. Бутов относит укрепленные поселения к прибалтийско-финским позднедьяковским памятникам и полагает, что это были своеобразные родоначальные центры (Там же. С. 23, 24).

Аналогичная группировка памятников КПДК прослеживается и в верховьях Мсты. В каждом из скоплений (гнезд) курганных могильников и селищ в окрестностях дд. Дягилево, Пуйга, Почеп, Липовицы известно по одному городищу, которые исследователи относили только к раннему железному веку (рис. 1). Одно из них – городище Пуйга (Ограда) – имело овальную площадку 50 × 35 м, окруженную валом и рвом. Поселение находится на низком берегу заболоченного русла реки и имеет сходство с т. н. болотными городищами (Третьяков, 1934. С. 135, 136). Сразу за валом городища Борки (Липовицы) находится группа КПДК из трех насыпей, одна из которых была раскопана в 1959 г. А. Х. Репманом (Исланова, 2006. С. 12). Два кургана КПДК расположены непосредственно на городище Дягилево, что позволяет предположить использование площадки поселения раннего железного века в культовых целях. В скоплении памятников КПДК находится городище Ловницы, лежащее в нижнем течении р. Березайки (левый приток р. Мсты) (Исланова, 2006. Рис. 2; 3; Фролов, 2002. С. 58, 59. Рис. 1).

Основные этапы функционирования укрепленных поселений определяются только после стационарных раскопок, которые проведены на городищах Варварина Гора и Ловницы. На городище Варварина Гора (Городок 1) В. А. Бутовым было исследовано 526 м². Результаты археологических работ полностью опубликованы (Бутов, 2003). Городище находится на Валдайской возвышенности на правом берегу р. Шлины (бассейн р. Мсты) и занимает уплощенную вершину и склоны песчаного холма озового характера. Поселение приурочено к излучине реки и устью впадающего в нее ручья. Городище двухплощадочное. Верхняя площадка имеет овальную в плане форму и вытянута по длинной оси с ЮЮЗ на ВСВ; ее размеры – 45 × 25 м, высота над водой – 12 м. Нижняя площадка, примыкающая с востока, подтреугольной формы 30 × 15 м. Склоны городища крутые и, по мнению В. А. Бутова, не имеют следов искусственной подрезки; въезд – с западной стороны. Следов валов и рвов не прослеживается.

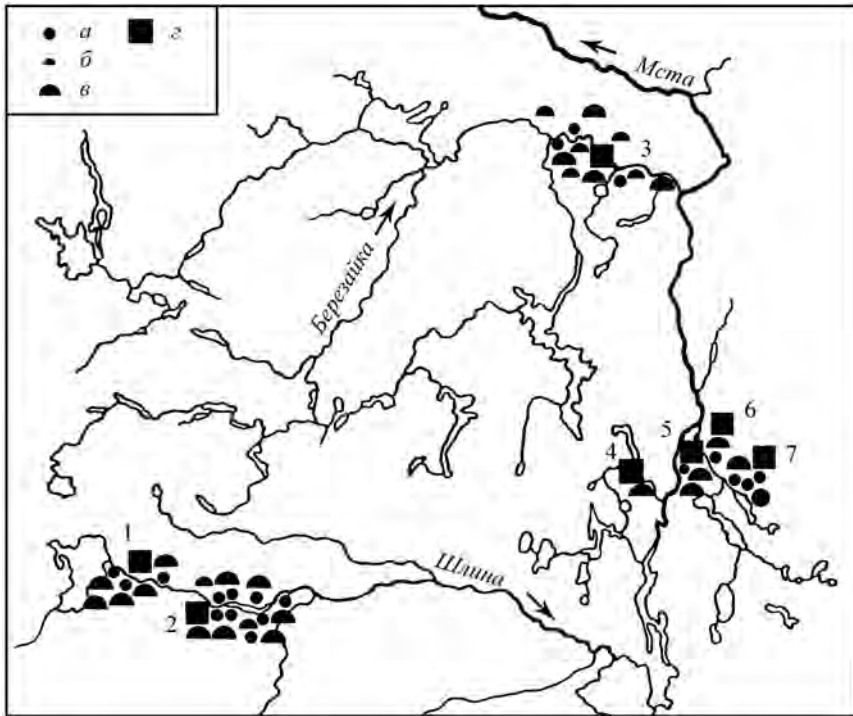

Рис. 1. Некоторые памятники культуры псковских длинных курганов (КПДК) в Верхнем Поместье

Условные обозначения: а – селище; б – одиночный курган; в – скопление курганных могильников; г – городище

Городища: 1 – Яхново; 2 – Варварина Гора; 3 – Ловницы; 4 – Борки (Липовицы); 5 – Почеп (Семики); 6 – Дягилево; 7 – Пуйга (Ограда)

Нижние напластования относятся к раннему железному веку (датируются I–V вв., по В. А. Бурову), верхние – к Средневековью (XI–XIV вв.). Однако среди материалов этого поселения есть и керамика, и вещи второй половины I тыс. н. э. Автор раскопок обратил внимание на находки «трех предметов, инородных в дьяковской культуре»: железного ножа с прямой спинкой и обломков двух пряслиц с бороздкой по центру тулова (рис. 2, 174, 774, 1280). Появление на городище этих изделий объяснено ассимиляцией «пришельцами-кривичами» части позднедьяковского населения. Помимо указанных предметов к интересующему нас периоду и культуре также можно отнести не менее 9 фрагментов верхних частей лепных сосудов (рис. 3) и не менее 11 глиняных биконических пряслиц, помещенных автором публикации в раздел средневековых предметов. Четыре пряслица подлощенные (рис. 2, 474, 505, 727, 924). Ближайшие аналоги лепной посуде и пряслицам известны на селище КПДК Городок 1, расположенном в 300 м от этого городища ниже по течению реки, и на аналогичных памятниках Верхнего Поместья (Исланова, 2006. С. 67–75,

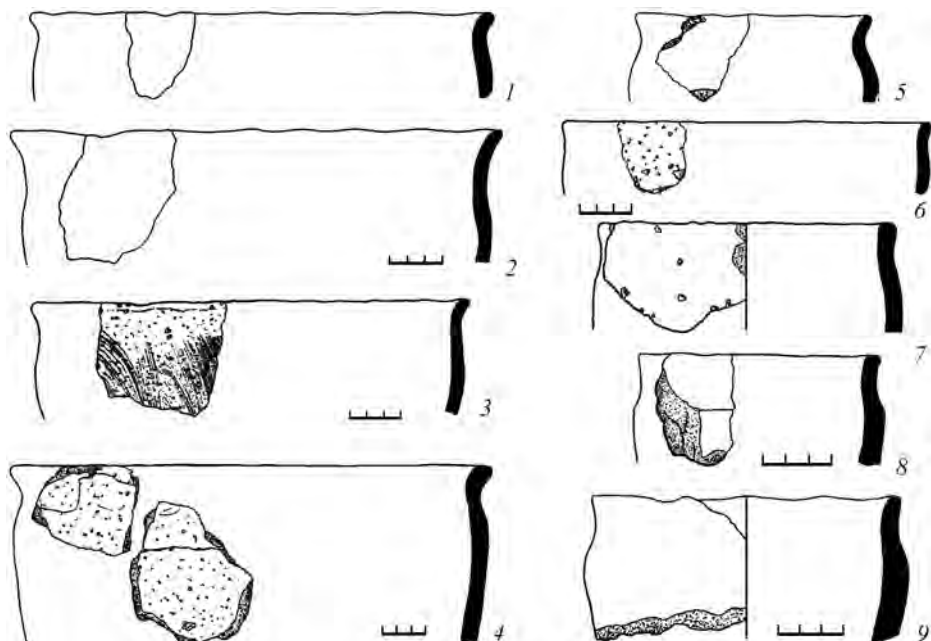

Рис. 3. Городище Варварина Гора. Керамика КПДК (по В. А. Бурову)

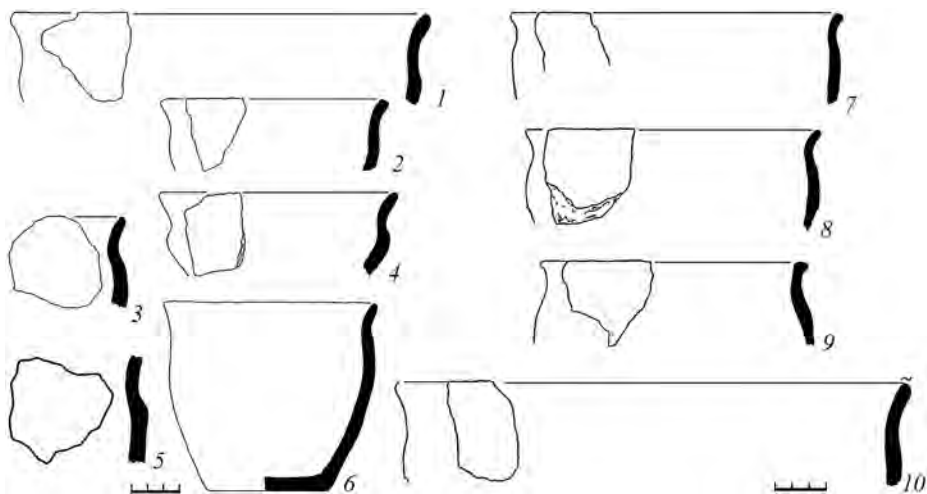

Рис. 4. Керамика КПДК с городищ Борки (5), Ловницы (1-4, 7-10) и из курганного могильника Ловницы (6)

На городище Ловницы также при раскопках найдены материалы КПДК. Укрепленное поселение расположено на мысу при впадении в р. Березайку (левый приток Мсты) р. Ловницы (Оловенки). Площадка треугольной формы размерами 35 × 25 м; ее высота над водой – более 10 м. С напольной стороны поселение укреплено тремя валами и тремя рвами. В 1910 и 1911 гг. А. В. Тищенко здесь раскопано более 62 м², а в расположенном поблизости курганном могильнике КПДК – пять насыпей (*Тищенко, 1914*). Помимо изделий, несомненно связанных с позднедьяковским временем, на городище были обнаружены биконические глиняные пряслица, одно из которых подлощенное (Там же. Рис. 5, 3, 7). Вся найденная керамика, в зависимости от характера глиняного теста, внешней поверхности, орнаментации, была разделена автором раскопок на пять групп. Для нас представляет интерес описание третьей группы. Она «выделяется малой примесью дресвы... заметны следы плечиков... Орнаментов не замечено, ...на основании ее (*этой группы*) можно установить связь между культурой городища и широкими курганами. Дело в том, что красные черепки этой группы очень близки, если не тождественны, с черепками и сосудами из курганов» (Там же. С. 18, 19). В коллекции, находящейся в фондах Государственного Эрмитажа, сохранились некоторые фрагменты посуды с городища, среди которых не менее 10 обломков верхних частей сосудов можно отнести керамике КПДК (рис. 4, 1–4, 7–10). Следует подтвердить и наблюдение, сделанное А. В. Тищенко, о сходстве сосуда, найденного в кургане могильника Ловницы (рис. 4, 6), с такой керамикой городища.

Городища Пуйга, Дягилево, Почеп исследованы только разведочными шурфами, а городище Яхново – рекогносцировочными раскопами. Вещевой и керамический материал единичен. Городище Борки (Липовицы) расположено в мысовой части песчаной гряды, возвышающейся на 3–3,5 м над заболоченной поймой р. Володни (левый приток Мсты), в одноименном урочище. Площадка трапециевидной формы размерами 52 × 33 м. Поселение было защищено кольцевым валом и рвом, а с напольной стороны – еще одним валом и рвом. Вход находился с северо-востока. В 1959 и 1961 гг. городище, за исключением укреплений, было почти полностью исследовано директором Вышневолоцкого краеведческого музея А. Х. Репманом (АКР, 2010. С. 92). Раскопано 356 м². Помимо лепной раннедьяковской керамики, здесь найден фрагмент верхней части лепного сосуда КПДК (Рис. 4, 5).

Городище Почеп (Семики, Дунай) расположено на отроге коренного берега оз. Тишадро (правобережье р. Мсты). Площадка подпрямоугольной формы размерами 60 × 23 м. Высота над местностью (первой террасой озера) – 12 м. С напольной стороны укреплено валом и рвом. В 1929 г. при шурфовке памятника П. Н. Третьяковым были обнаружены глиняное биконическое пряслице и синяя стеклянная 14-гранная буса (Охранная опись..., 1929).

Городище Яхново находится на левом берегу р. Шлины при впадении в нее ручья. Площадка подтреугольной формы (26 × 25,5 м), высотой над рекой 9 м, укреплена с напольной стороны валом и рвом. В 1968 г. Р. Л. Розенфельд здесь раскопал 24 м², а в 1992 г. В. А. Буров – 4 м² (*Розенфельдт, 1968; Буров, 1992*). Вполне допустимо, что неорнаментированные фрагменты верхних частей сосудов из городища Яхново относятся не в позднедьяковскому времени, как пред-

положил В. А. Буров, а к раннему Средневековью¹ (Буров, 1992. Рис. 81, 7, 18, 37, 39).

Местоположение памятников и найденные в культурном слое артефакты позволяют полагать, что рассмотренные городища, возникшие в раннем железном веке в Верхнем Помостье, использовались и во второй половине I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 2010. Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. А. В. Кашкин, К. И. Комаров, Г. Г. Король, В. С. Нефёдов, Г. К. Патрик, Б. Е. Янишевский; Ред. Г. Г. Король. М.: ИА РАН. Ч. 3: Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Кесовогорский, Краснохолмский, Кувшиновский, Лесной, Максатихинский, Молоковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы. 310 с.
- Буров В. А., 1992. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников в 1992 г. в Фировском районе Тверской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 17193.
- Буров В. А., 1993. Памятники культуры длинных курганов на верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге / Ред. С. В. Батыркина. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 9–25.
- Буров В. А., 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV вв. на юге Новгородской земли / Отв. ред. К. А. Смирнов. М.: Наука. 470 с.
- Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем Средневековье. М.: Тверской гос. ун-т. 286 с.
- Кузьмин С. Л., 1988. Археологическая карта Поплусья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород: Тез. науч.-практич. конф. / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник. С. 21–30.
- Михайлова Е. Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 17 с.
- Охранная опись..., 1929. Охранная опись материалов из разведок в районе Вышневолоцком П. Н. Третьякова // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 267.
- Попов С. Г., 2009. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени акад. В. В. Седова: Мат-лы 54 заседания (15–17 апреля 2008 г.) / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: Ин-т археологии. С. 218–234.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Отчет об археологической разведке в Валдайском районе Новгородской обл. и в Вышневолоцком районе Калининской обл. по берегам оз. Шлино и р. Шлины в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3731.
- Тищенко А. В., 1914. Отчет о раскопках в 1910–1911 гг. в Новгородской губ. // ИАК. Вып. 53. С. 1–22.
- Третьяков П. Н., 1934. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Бадер О. Н., Воеводский М. В., Дмитриев П. А., Збруева Л. В., Третьяков П. Н., Шмидт А. В. Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л.: ОГИЗ. С. 97–180.
- Фролов А. А., 2002. Археологическое изучение систем расселения в бассейне р. Березайки в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник. Вып. 16. С. 55–63.
- Фурсаев А. Г., 1994. Городища-убежища второй половины I тыс. н. э. // Петербургский археологический вестник. № 9. С. 141–150.

Сведения об авторе.

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва 117036, Россия; e-mail: ivisl@mail.ru.

¹ Коллекция из раскопок Р. Л. Розенфельдта в 1968 г. не сохранилась.

I. V. Islanova

Fortified sites of the Pskov Long Barrows Culture
in the Msta River basin

Abstract. The main type of the Pskov Long Barrows Culture dwelling sites are open settlements. But hillforts have also been found in the western and southern areas of this culture. The analysis of artifacts from seven settlements in the Msta River basin (the eastern area of the culture) suggests that such fortified sites were present in this region in the Early Middle Ages (Fig. 1). These settlements have all attributes characteristic for Pskov Long Kurgan Culture hillforts of type 1. Most settlements are poorly fortified; the size of the site is more than 1,500 sq. m; the basic occupation layer dates to the Early Iron Age, nevertheless the layer contains hand-made pottery and some artifacts from the Pskov Long Barrows Culture (Figs. 2–4). The settlements are located on sandy soil in the clusters of Pskov Long Barrows Culture sites (kurgan burial grounds and unfortified settlements).

Keywords: Pskov Long Barrows Culture, Early Middle Ages, hillforts.

REFERECES

- AKR, 2010 – Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Tver' Region], 3. G. G. Korol', ed. Moscow: IA RAN. 310 p.
- Burov V. A., 1992. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovykh pamyatnikov v 1992 g. v Firovskom rayone Tverskoy oblasti [Report on archaeological investigations of medieval sites in 1992 in Tver' Region, Firsovskiy district]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Burov V. A., 1993. Pamyatniki kul'tury dlinnykh kurganov na verkhney Shline [Sites of long kurgans culture on Upper Shlina]. *Arkheologicheskie pamyatniki na Verkhney Volge [Archaeological sites on Upper Volga]*. S. V. Batorykina, ed. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, pp. 9–25.
- Burov V. A., 2003. Gorodishche Varvarina Gora. Poselenie I–V i XI–XIV vv. na yuge Novgorodskoy zemli [Fortified settlement Varvarina Gora. Settlement of I–V and XI–XIV cc. in south of Novgorod land]. K. A. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. 470 p.
- Frolov A. A., 2002. Arkheologicheskoe izuchenie sistem rasseleniya v bassejne r. Berezayki v 2001 g. [Archaeological investigation of settling systems in Berezayka River basin in 2001]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of scientific conference]*, 16. V. L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 55–63.
- Furas'ev A. G., 1994. Gorodishcha-ubezhishcha vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. [Fortified settlements-shelters of second half of I millennium AD]. *Peterburgskiy arkheologicheskij vestnik [Petersburg archaeological Bulletin]*, 9, pp. 141–150.
- Islanova I. V., 2006. Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e [Upper Pomost'e in early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gosudarstvennyy universitet. 286 p.
- Kuz'min S. L., 1988. Arkheologicheskaya karta Poplyus'ya i problemy istorii naseleniya Severo-Zapada Novgorodskoy zemli [Archaeological map of Plyussa basin and problems of history of North-Western Novgorod land population]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezisy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: abstracts]*. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 21–30.
- Mikhaylova E. R., 2009. Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiya material'noy kul'tury: Aavtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Culture of long kurgans of Pskov type. Problems of chronology and evolution of material culture: Ph. D. thesis]. St. Petersburg. 17 p.
- Okhrannaya opis'..., 1929 – Okhrannaya opis' materialov iz razvedok v rayone Vyshnevolotskom P. N. Tret'yakova [Protection register of materials from surveys in Vyshniy Volochok district by P. N. Tret'yakov]. *Archive of IIMK RAN*. (In Russian, unpublished.)

- Popov S. G., 2009. Rannesrednevekovaya sistema rasseleniya na sredney Plyusse [Early medieval settling system on Middle Plyussa]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V. V. Sedova: materialy 54 zasedaniya [Archaeology and history of Pskov land. Academician V. V. Sedov seminar: materials of 54th session]*. I. K. Labutina, ed. Pskov: IA RAN, pp. 218–234.
- Rozenfel'dt R. L., 1968. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Valdayskom rayone Novgorodskoy obl. i v Vyshnevolotskom rayone Kalininskoy obl. po beregam oz. Shlino i r. Shliny v 1968 g. [Report on archaeological survey in Novgorod Region, Valday district and Kalinin Region, Vyshniy Volochok district on shores of Shlino Lake and Shlina River in 1968]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Tishchenko A. V., 1914. Otchet o raskopkakh v 1910–1911 gg. v Novgorodskoy gub. [Report on excavations of 1910–1911 in Novgorod province]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial Archaeological Commission]*, 53, pp. 1–22.
- Tret'yakov P. N., 1934. K istorii doklassovogo obshchestva Verkhnego Povolzh'ya [On history of pre-class society of Upper Volga zone]. *Bader O. N., Voevodskiy M. V., Dmitriev P. A., Zbrueva L. V., Tret'yakov P. N., Shmidt A. V. Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR [From history of tribal society in territory of USSR]*. Moscow; Leningrad: OGIZ, pp. 97–180.

About the author:

Islanova Inna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russia; e-mail: ivisl@mail.ru.

Ю. Б. Цетлин

ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВА» ДЛЯ АНАЛИЗА ОБЪЕМА СОСУДОВ

Резюме. В статье предлагается принципиально новый подход к решению важной методической проблемы – построению единой шкалы перевода количественных характеристик археологических объектов на уровень качественных понятий. Он базируется на представлении о том, что такие характеристики имеют объективный общечеловеческий характер, поскольку размерные параметры окружающего мира воспринимаются и оцениваются биологическими индивидами вида *Homo sapiens* примерно одинаково. Проблема решается на примере анализа количественных и качественных характеристик объема глиняных сосудов.

Ключевые слова: археология, этнография, гончарство, объем сосудов, количественные и качественные характеристики, единая шкала оценки объема сосудов.

Постановка проблемы. Для того, что изучить любое явление, его нужно прежде всего описать тем или иным способом. В науке используются три основных способа описания объектов изучения: изобразительный, словесный и численный.

Какой бы способ описания не применялся, он всегда осуществляется с той или иной степенью приближения к реальности. Поэтому, описывая любой объект, мы всегда его в определенной мере *формализуем*.

В археологии наиболее развитой и широко используемой является изобразительная форма описания вещественных объектов. Такая форма описания создает зрительный образ объекта и сразу позволяет понять, о чем идет речь. Длинные и, как правило, путанные словесные описания не способствуют четкому пониманию, а численные характеристики объектов исследования пока используются в археологии крайне редко.

Когда для описания исследуемых археологических объектов применяется словесная форма, формализация этого описания выражается системой понятий, которые, с одной стороны, связаны между собой определенной иерархией, а с другой – содержат обобщенные количественные характеристики объектов. Рассмотрим это на примере глиняных сосудов. Например, сосуд может определяться исследователем как «большой», «маленький» или «очень маленький», «высокий» или «низкий», «широкогорлый» или «узкогорлый», «шаровидный» или «прямостенный» и т. п.

Легко заметить, что все эти понятия являются *словесными выражениями интуитивных количественных характеристик* того сосуда, который описывается.

Употребляя такие понятия, исследователи подсознательно сопоставляют сосуд, с одной стороны, с некой мысленной линейкой, которая имеетя в голове и базируется на накопленном личном опыте конкретного археолога, а с другой – с остальными сосудами, имеющимися в той коллекции, которая в данный момент изучается.

Проблема возникает в связи с тем, что и мысленные линейки, и керамические коллекции, к которым они прикладываются, у разных исследователей неодинаковы. Поэтому в зависимости от конкретных обстоятельств один археолог назовет маленьким сосуд высотой 10 см, другой – 30, а третий (который сейчас изучает пифосы) – высотой 60 см.

Все это вызывает необходимость сформулировать следующую исследовательскую задачу и попытаться предложить ее решение, изложению которого и посвящена данная статья. Эта задача состоит в том, чтобы попытаться найти *более или менее объективные численные характеристики тем качественно разным словесным понятиям*, которыми мы пользуемся для описания глиняных сосудов.

Понятие «*качество*» как меры определенности объекта было первоначально сформулировано Аристотелем, а введено в современную науку Ф. Гегелем. Им же был сформулирован закон изменения таких характеристик объектов, как *переход количественных изменений в качественные* и обратно. Этот переход осуществляется с помощью категории «*мера*», которая определяется Ф. Гегелем как «*качественно определенное количество*» (Гегель, 1974. С. 257). Как же эта задача решается в археологии?

Поиск подходов к решению проблемы. В своей практической деятельности археологи в настоящее время обычно используют два подхода. Описание этих подходов мы встречаем в теоретической работе Г. А. Федорова-Давыдова «*Статистические методы в археологии*» (1987. С. 70), допущенной в качестве учебного пособия для студентов.

Первый подход состоит в том, что археолог, изучая определенную коллекцию сосудов, распределяет их, например, по признаку «общая высота» и получает, скажем, двух- или трехвершинный график. Это дает ему основание провести «границы между интервалами по резким “понижениям” полигона» и сказать, что одни сосуды относятся к группе малых, другие – средних, третьи – больших.

Второй подход обычно применяется, когда кривая распределения высоты сосудов выражена пологой линией. В этом случае «полигон» значений высот разбивается на равные интервалы, т. е. исследователь решает эту проблему просто путем *назначения пределов* для каждого понятия. Например, маленьким считается сосуд до 10 см высотой, средним – от 11 до 20 см, большим – от 21 до 30 см и т. д.

Изложенные подходы характеризуются двумя особенностями: во-первых, они исходят из состава той конкретной коллекции сосудов, которая в данный момент является объектом исследования; во-вторых, оба они являются формальными: первый подход потому, что границы между вершинами полигона

могут легко измениться при изменении объема выборки, второй – потому, что численные границы между понятиями назначаются исследователем волевым способом.

Отсюда следуют два важных вывода. Первый вывод – каждый раз при переходе к изучению новой коллекции сосудов археолог вынужден вновь определять численные пределы для понятий «маленький», «средний» или «большой» сосуд, которые, естественно, для разных коллекций будут неодинаковы. Второй вывод следует из первого и состоит в том, что разные коллекции сосудов в большинстве случаев будут *несопоставимы* друг с другом на уровне качественных понятий и для их сравнения опять придется обращаться к количественным характеристикам. Поэтому оба этих исследовательских подхода нельзя признать удовлетворительными.

В данной статье предлагается принципиально иной подход к решению поставленной проблемы. Он базируется на представлении о существовании неких *объективных количественных характеристик* для описания разных *качеств* объектов. Эта объективность основывается на том, что во всех случаях размерные характеристики окружающего нас мира, в частности та его сфера, которая относится к человеческой культуре, воспринимается и оценивается биологическими индивидами, относящимися к одному виду *Homo sapiens*, примерно одинаково. Вероятно, у муравьев и у слонов была бы другая, но тоже вполне объективная система представлений о размерных характеристиках окружающего мира. Основы такого подхода впервые были разработаны А. А. Бобринским еще в начале 1980-х гг. (*Бобринский*, 1984; *Цетлин, Волкова*, 2005, С. 64).

Таким образом, опираясь на представления о единой биологической природе человека, появляется реальная возможность попытаться нащупать единую и объективную основу таких размерных характеристик, свойственных именно для людей как представителей определенного биологического вида. Более того, есть основания предполагать, что поскольку этот вид существует на Земле в течение последних 40 тыс. лет или более, размерные представления древних будут с большой вероятностью близки нашим сегодняшним представлениям. Судя по многочисленным как письменным, так и этнографическим источникам, основным «измерительным инструментом» в древности и недавнем прошлом служило человеческое тело и отдельные его составляющие: палец, ладонь, рука, нога, размах рук и т. п. (*Шостьин*, 1975; *Словарь...*, 1989. С. 346–348; *Афанасьев*, 2012. С. 35).

Основания, на которых строится решение проблемы:

1) Каждое понятие «качества» характеризуется тремя параметрами. Первый из них обозначает «начало» данного качества или его *наименьший* численный предел. Второй параметр характеризует «завершение» качества, т. е. его *наибольший* численный предел, за которым данное качество перестает существовать, превращаясь в другое качество. Третий параметр отмечает «центр» качества или состояние его наибольшего развития.

Отмеченные свойства качеств характерны практически для любых «полярных» человеческих понятий. Все они характеризуются двумя полярными состояниями и состоянием перехода. Важно отметить, что это относится не только

к сфере керамики и гончарства, а является всеобщим. Такой подход заставляет отказаться от *принципа бинарных оппозиций*, наиболее детальное развитие которого мы встречаем в многочисленных трудах французского этнографа и философа К. Леви-Стросса – например, «Структурная антропология» (1985), «Первобытное мышление» (1994) и других, – и перейти к так называемым «*тринарным*» оппозициям.

2) Очевидно, что каждое качественно определенное состояние объекта не существует изолированно, а неизбежно связано, с одной стороны, с его предшествующим качественным состоянием, а с другой – с последующим его качественным состоянием. То есть в реальности мы имеем целую цепь разных качественных состояний одного объекта, связанных друг с другом и переходящих друг в друга.

3) Теперь рассмотрим на простом примере, во-первых, какими особенностями характеризуются объекты, относящиеся к одному качеству, и, во-вторых, как происходит переход от одного качественного состояния объекта к другому его состоянию.

Допустим, мы выделили тем или иным способом три качественно разных по объему группы сосудов: «маленькие» – от 5 до 9,9 л, «средние» – от 10 до 19,9 л и «большие» – от 20 до 39,9 л.

Как уже отмечалось выше, каждое из качественно разных состояний имеет «начало», «конец» и «центр». Так, например, наименьшие сосуды, относящиеся к группе «средних», имеют объем 10 л, а наибольшие – объем 19,9 л. Но это понятие имеет еще и «центр», куда относятся сосуды объемом 14,1 л. Этот «центр» равноудален от начала и конца данного качества. Действительно, $10 : 14,1 = 0,71$ и $14,1 : 19,9 = 0,71$, значение 14,1 как раз обозначает центр качества «средний» по объему сосуда. Чем дальше мы будем уходить от этого центра в сторону уменьшения (к 10 литрам) или увеличения (к 19,9 л) объема сосудов, тем больше мы будем приближаться к границам качества «средний», пока не перейдем либо в качество «маленькие» сосуды, либо в качество «большие» по объему сосуда. Очевидно, что на границе с другими качествами мы уже не можем определенно сказать, к какому из них относятся сосуды объемом 9,95 и 19,95 л. Это положение характеризуется состоянием «*неопределенности*» качества, которое численно выражается величиной 0,5. *Именно такая величина характеризует размер любого качественно определенного понятия.* В частности, группа «маленьких» сосудов характеризуется отношением $5 : 9,9 = 0,50$, группа «средних» – отношением $10 : 19,9 = 0,50$, группа «больших» – отношением $20 : 39,9 = 0,50$. Любое численное значение объема, находящееся в пределах интервала качества, будет отстоять от его краев на величину $> 0,5$, т. е. будет обладать некой качественной определенностью.

Таким образом, оказалось возможным численно выразить, во-первых, переход от одного качественного состояния к другому через понятие «*неопределенность*», которое равно 0,5, во-вторых, определить «центр» каждого понятия, который численно равен корню квадратному из 0,5 или 0,71 (точнее – 0,707).

4) В реальности очевидно, что соседние качества не имеют между собой четкой границы, а отделены друг от друга неким «интервалом (или «зоной»)

перехода». Отсюда следует, что каждое качество имеет зону «строгих (определенных) значений» и зону «перехода» к другому качеству. В статистике для характеристики этого интервала обычно используется понятие степени точности, которое может характеризоваться значениями 0,99, 0,95 или 0,90.

Пока что мы пользовались случайными примерами для характеристики базовых свойств качественно разных состояний объектов, однако теперь, *опираясь на эти основания, представляется возможным выработать уже объективные количественные критерии качественно разных понятий для характеристики объемов сосудов*, т. е. обратиться к решению той конкретной проблемы, которая была поставлена в начале статьи.

Этнографические и археологические данные об объемах сосудов. Для оценки объемов сосудов прежде всего необходимо выработать *общую универсальную шкалу*, в пределах которой будут помещаться все или, по крайней мере, абсолютное большинство известных в истории человечества глиняных сосудов или, правильнее сказать, емкостей.

Самые большие в мире сосуды, которые сегодня известны, делались в Африке и служили для хранения зерна (рис. 1). О таких сосудах в работе В. А. Корочанцева читаем: «В огромные круглые горшки засыпают зерно в Мали, Нигере, Буркина Фасо и других странах. У сонгаи, на берегах Нигера, такие зернохранилища достигают пяти метров в высоту...» (Корочанцев, 1987. С. 107). Объем этих сосудов-хранилищ около 25 м³, или 25 тыс. л.

В грузинских селах в XIX и начале XX в. изготавливались большие сосуды для вина квеври (Какабадзе, 1982. Табл. XX) объемом от 800 до 3200 л (рис. 2).

При раскопках Урартского города Тейшебаини были зафиксированы несколько сотен огромных карасов (Брашинский, 1978) высотой около 2 м и объемом около 1000 л каждый (рис. 3).

При раскопках на Крите и Кипре были открыты гигантские пифосы (Пендлбери, 1950. С. 152) высотой больше 6 футов и объемом примерно 800–1000 л (рис. 4).

Естественно, что такие крупные сосуды из глины использовались достаточно редко. Большинство сосудов, которые ежедневно применялись в быту, были значительно меньшего размера. Судя по этнографическим данным, наиболее широко были распространены сосуды объемом до 50 л. Поскольку сравнивать между собой в рамках единой одноуровневой шкалы качества сосуды, объемы которых сильно отличаются друг от друга, затруднительно, я предлагаю ввести двухуровневую шкалу учета объема сосудов. На первом уровне сосуды разделяются на 6 условных классов по двум критериям – объему сосудов и степени их относительной мобильности, а на втором уровне – в рамках выделенных классов на 20 качественно разных групп только по величине их объема.

Все сосуды разделяются на следующие 6 классов:

Класс I – «**супермалые**» сосуды, объемом менее 0,1 л. Вес таких сосудов, как правило, не превышает 30–50 г. Они служат обычно для хранения каких-либо ароматических веществ.

Рис. 1. Стационарный глиняный горшок для хранения зерна, Нигер
(по: <https://fotki.yandex.ru/users/travel-geografia/album/372661/?p=3>)

Класс II – «**мобильные**» сосуды (объем – от 0,1 до 50 л). Максимальный вес сосуда этой размерной группы составляет около 15 кг. В заполненном состоянии такие сосуды могут быть легко перемещены в пространстве одним взрослым человеком, что происходит в бытовой практике достаточно часто. Сосуды этого класса имеют очень широкий круг использования – для индивидуального и коллективного приема пищи, для ее приготовления, для недолговременного хранения жидких или сыпучих продуктов.

Класс III – «**ограниченно-мобильные**» сосуды (объем – от 50 до 200 л). Максимальный вес сосуда данной размерной группы равен около 70–80 кг. Для перемещения подобных сосудов требуются усилия как минимум двух человек, и происходит это от случая к случаю. Такие сосуды используются обычно для длительного хранения жидких или сыпучих продуктов, реже для приготовления большого количества пищи, предназначенной для коллективного потребления.

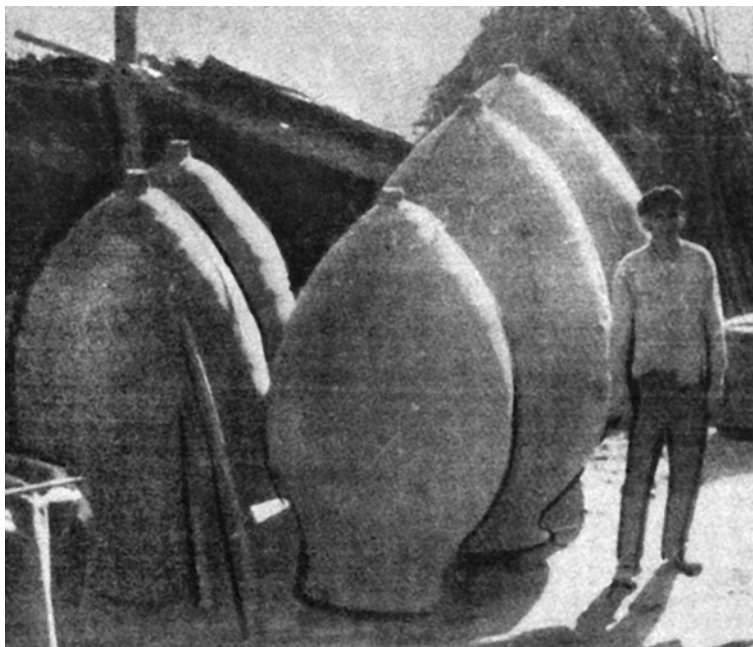

Рис. 2. Сосуды квеври для вина, Грузия (по: *Какабадзе*, 1982. Табл. XX)

Рис. 3. Карасы из раскопок Тайшебаини, государство Урарту
(по: *Пиотровский*, 1959. Табл. XXIX)

Рис. 4. Пифос, остров Крит

Класс IV – «мало-мобильные» сосуды (объем – от 200 до 800 л). Наибольший вес таких сосудов в незаполненном состоянии, как правило, не превышает 460–500 кг, они перемещались крайне редко, только пустыми, когда устанавливались на предназначенное для них место. Эти сосуды чаще всего используются для содержания воды, вина, масла и других продуктов.

Класс V – «условно-мобильные» сосуды (объем – от 800 до 3200 л). Максимальный вес таких сосудов достигает 1300–1500 кг. Они также перемещаются только в незаполненном виде усилиями нескольких человек и используются исключительно как сосуды-хранилища для различных продуктов.

Класс VI – «стационарные» сосуды (объем – от 3200 до 25 000 л). Вес таких сосудов или, точнее говоря, таких емкостей в незаполненном состоянии находится в интервале от полутора до примерно 8 тонн. Эти сосуды в принципе не предполагают перемещения. Над ними строятся специальные навесы, чтобы предохранить содержимое и сами сосуды от воздействия осадков. Они используются, судя по этнографическим и археологическим данным, как зернохранилища или цистерны для засолки рыбы.

Опираясь на эти данные, мы получаем возможность оценить наиболее вероятный общий размер шкалы для оценки качественно разных состояний объема сосудов. Этот размер, как было показано на конкретных примерах, находится в интервале от нескольких десятков миллилитров до 25 000 л. Теперь перед нами встает задача создания такой универсальной шкалы, базируясь на общих методических принципах, сформулированных выше.

Расчет качественно разных состояний объема сосудов. В качестве исходной точки для расчета универсальной шкалы, отражающей последовательность из 20 качественно разных состояний объема сосудов, использована величина 0,5, обозначающая «центр» понятия «средний». Нижняя и верхняя границы качества «средний» характеризуются величинами $0,5 \times 0,707 = 0,354$ (нижняя граница качества) и $0,5 : 0,707 = 0,707$ – (верхняя граница качества). Соответственно, численные величины ниже 0,354 характеризуют состояния качества более малых объемов, а выше 0,707 состояния качества более высоких объемов сосудов. Переход от одного качества к другому, как было показано выше, характеризуется величиной 0,5. Поэтому для получения конкретных численных характеристик этих более определенных качеств необходимо числа, обозначающие границы качеств, в одном случае умножить, а в другом случае – разделить на 0,5. В частности, численные границы меньшего качества получаются, если $0,354 \times 0,5 = 0,177$, оно находится в интервале от 0,177 до 0,354. Численные границы большего качества получаются, если $0,707 : 0,5 = 1,414$, соответственно, его численный интервал равен значению от 0,707 до 1,414. Аналогичным образом последовательно рассчитываются все остальные интервалы качеств. В данном конкретном случае (построение общей шкалы качеств объема сосудов) таких интервалов будет 6 в сторону убывания шкалы и 13 в сторону возрастания шкалы от качества «неопределенности». Теперь нам надлежит сопоставить эту универсальную шкалу с реальным диапазоном различий объемов известных глиняных сосудов. Как уже отмечалось, этот диапазон находится в интервале от нескольких сотых литра до 25 000 л. Полученные результаты сопоставления двух шкал друг с другом при-

ведены в табл. 1. Важно подчеркнуть, что (хотя это и маловероятно) в случае необходимости данную шкалу можно продолжить как в стороны меньших, так и больших качеств объема сосудов.

**Таблица 1. Универсальная теоретическая шкала качеств
и общая шкала качеств объема сосудов в литрах**

Группы качеств	Теоретическая шкала качеств с центром 0,50	Общая шкала качеств объема сосудов
I	< 0,008 – 0,011	< 0,024 – 0,035 – 0,049
II	0,011 – 0,016 – 0,022	0,049 – 0,071 – 0,097
III	0,022 – 0,031 – 0,044	0,097 – 0,137 – 0,194
IV	0,044 – 0,062 – 0,088	0,194 – 0,274 – 0,389
V	0,088 – 0,125 – 0,177	0,389 – 0,552 – 0,782
VI	0,177 – 0,25 – 0,354	0,782 – 1,105 – 1,565
VII	0,354 – 0,50 – 0,707	1,565 – 2,210 – 3,125
VIII	0,707 – 1,0 – 1,414	3,125 – 4,420 – 6,250
IX	1,414 – 2,0 – 2,828	6,250 – 8,840 – 12,500
X	2,828 – 4,0 – 5,656	12,500 – 17,680 – 25,000
XI	5,656 – 8,0 – 11,312	25,000 – 35,360 – 50,000
XII	11,312 – 16,0 – 22,631	50,0 – 70,7 – 100,0
XIII	22,631 – 32,0 – 45,262	100,0 – 141,4 – 200,0
XIV	45,262 – 64,0 – 90,523	200,0 – 282,9 – 400,0
XV	90,523 – 128,0 – 181,047	400,0 – 565,8 – 800,0
XVI	181,047 – 256,0 – 362,093	800,0 – 1131,5 – 1600,0
XVII	362,093 – 512,0 – 724,187	1600,0 – 2263,0 – 3200,0
XVIII	724,187 – 1024,0 – 1448,373	3200,0 – 4526,0 – 6400,0
XIX	1448,373 – 2048,0 – 2896,747	6400,0 – 9052,0 – 12800,0
XX	2896,747 – 4096,0 – 5793,494	12800,0 – 18104,0 – 25000,0

Для завершения работы над универсальной шкалой объемов сосудов нам необходимо провести еще три аналитических операции. Во-первых, памятуя о том, что разные качественные состояния не имеют между собой жесткой границы, а разделены некой переходной зоной, необходимо рассчитать ее протяженность. В данном случае предлагается использовать критерий точности равный $\pm 0,95$ от длины каждого интервала качества. Во-вторых, необходимо снабдить каждое из 20 качественно разных состояний объема сосудов определенным словесным наименованием. В-третьих, необходимо выделенные 20 качественно разных состояний объема распределить по 6 условным классам, выделенных ранее по относительной мобильности сосудов. Результаты всех этих трех процедур приведены в табл. 2.

Таблица 2. Общая шкала качеств объема сосудов разных классов с учетом диапазона «строгого качества» и интервалов перехода

Группы качеств	Интервалы перехода $\pm 0,95$	Общая шкала в литрах (строгое качество)	Интервалы перехода $\pm 0,95$	Наименование качества
I	$< 0,024 - 0,025$	$0,026 - 0,035 - 0,046$	$0,047 - 0,049$	Супермалый-2
II	$0,049 - 0,051$	$0,052 - 0,071 - 0,092$	$0,093 - 0,097$	Супермалый-1
Класс 1 – «супермалые» сосуды (менее 0,097 л.)				
Класс 2 – «мобильные» сосуды (объем 0,01 л – 50,0 л)				
III	$0,097 - 0,102$	$0,103 - 0,137 - 0,184$	$0,185 - 0,194$	Очень очень малый
IV	$0,194 - 0,204$	$0,205 - 0,274 - 0,369$	$0,370 - 0,389$	Очень малый
V	$0,389 - 0,409$	$0,410 - 0,552 - 0,742$	$0,743 - 0,782$	Малый
VI	$0,782 - 0,823$	$0,824 - 1,105 - 1,486$	$1,487 - 1,565$	Средний-малый
VII	$1,565 - 1,647$	$1,648 - 2,210 - 2,968$	$2,969 - 3,125$	Средний
VIII	$3,125 - 3,289$	$3,290 - 4,420 - 5,937$	$5,938 - 6,250$	Средний-большой
IX	$6,250 - 6,578$	$6,579 - 8,840 - 11,875$	$11,876 - 12,500$	Большой
X	$12,500 - 13,157$	$13,158 - 17,680 - 23,750$	$23,751 - 25,000$	Очень большой
XI	$25,000 - 26,315$	$26,316 - 35,360 - 47,500$	$47,500 - 50,000$	Очень очень большой
Класс 3 – «ограниченно-мобильные» сосуды (50 – 200 л)				
XII	$50,0 - 52,0$	$53,0 - 70,7 - 95,0$	$96,0 - 100,0$	Малый
XIII	$100,0 - 105,0$	$106,0 - 141,4 - 190,0$	$191,0 - 200,0$	Большой
Класс 4 – «мало-мобильные» сосуды (200,0 – 800,0 л)				
XIV	$200,0 - 210,0$	$211,0 - 282,9 - 380,0$	$381,0 - 400,0$	Малый
XV	$400,0 - 421,0$	$422,0 - 565,8 - 760,0$	$761,0 - 800,0$	Большой
Класс 5 – «условно-мобильные» сосуды (800,0 – 3200,0 л)				
XVI	$800,0 - 842,0$	$843,0 - 1131,5 - 1520,0$	$1521,0 - 1600,0$	Малый
XVII	$1600,0 - 1684,0$	$1685,0 - 2263,0 - 3040,0$	$3041,0 - 3200,0$	Большой
Класс 6 – «стационарные» сосуды (3200,0 – 25000,0 л)				
XVIII	$3200,0 - 3368,0$	$3369,0 - 4526,0 - 6080,0$	$6081,0 - 6400,0$	Малый
XIX	$6400,0 - 6736,0$	$6737,0 - 9052,0 - 12160,0$	$12161,0 - 12800,0$	Средний
XX	$12800,0 - 13473,0$	$13474,0 - 18104,0 - 24320,0$	$24321,0 - 25000,0$	Большой

Таблица 3. Распределение древних мер объема по общей шкале качеств объема, в литрах

Группы качеств	Общая шкала качеств объема сосудов	Древнееврейские меры объема	Античные меры объема	Древнерусские меры объема, XVI в.
I	< 0,024 – 0,035 – 0,049	Класс 1 – «супермалые» сосуды (менее 0,097 л)	киаф = 0,045	
II	0,049 – 0,071 – 0,097	Класс 2 – «мобильные» сосуды (объем 0,01 л – 50,0 л)	секстанс = 0,09	
III	0,097 – 0,137 – 0,194	Класс 3 – «ограниченно-мобильные» сосуды (50 – 200 л)	квартариус = 0,14; триентс = 0,18	
IV	0,194 – 0,274 – 0,389	Класс 4 – «мало-мобильные» сосуды (200,0 – 800,0 л)	котила = 0,275	
V	0,389 – 0,552 – 0,782	Класс 5 – «условно-мобильные» сосуды (800,0 – 3200,0 л)	сейтанс = 0,55	1/64 четверика = 0,41
VI	0,782 – 1,105 – 1,565	Класс 6 – «стационарные» сосуды (3200,0 – 25000,0 л)	хеник = 1,08	1/32 четверика = 0,82
VII	1,565 – 2,210 – 3,125		кав = 2,198	1/16 четверика = 1,64
VIII	3,125 – 4,420 – 6,250		омер = 3,955	гарнец = 3,28
IX	6,250 – 8,840 – 12,500		гин, таркав = 6,593	четверка = 6,56
X	12,500 – 17,680 – 25,000		сеа = 13,184	получетверик = 13,12
XI	25,000 – 35,360 – 50,000		эфа = 39,553	четверик = 26,24
XII	50,0 – 70,7 – 100,0	Класс 3 – «ограниченно-мобильные» сосуды (50 – 200 л)	медимн = 52,5; арбата = 55,08	полосьмины = 52,48
XIII	100,0 – 141,4 – 200,0	Класс 4 – «мало-мобильные» сосуды (200,0 – 800,0 л)	летех = 197,767	осьмина = 104,96
XIV	200,0 – 282,9 – 400,0	Класс 5 – «условно-мобильные» сосуды (800,0 – 3200,0 л)	кур = 395,533	четверть, четь = 209,92
XV	400,0 – 565,8 – 800,0	Класс 6 – «стационарные» сосуды (3200,0 – 25000,0 л)		полокова = 419,84
XVI	800,0 – 1131,5 – 1600,0			оков, кладь, бочка = 839,69
XVII	1600,0 – 2263,0 – 3200,0			
XVIII	3200,0 – 4526,0 – 6400,0			
XIX	6400,0 – 9052,0 – 12 800,0			
XX	12800,0 – 18104,0 – 25000,0			

Таблица 4. Распределение украинских и белорусских глиняных сосудов по общей шкале качества объема, в литрах

Группы качества	Общая шкала качества объема сосудов	Размеры украинских и белорусских глиняных сосудов
Класс 1 – «супермалые» сосуды (менее 0,097 л)		
I	< 0,024 – 0,035 – 0,049	
II	0,049 – 0,071 – 0,097	
Класс 2 – «мобильные» сосуды (объем 0,01 л – 50,0 л)		
III	0,097 – 0,137 – 0,194	
IV	0,194 – 0,274 – 0,389	
V	0,389 – 0,552 – 0,782	чашка, мале горщя, горшечок = 0,5
VI	0,782 – 1,105 – 1,565	горща, кашнена, кизинец, питун, махитка, мисочка = 1,0; молошник = 1,125; горня, миска, росле горщя = 1,5
VII	1,565 – 2,210 – 3,125	окладдя = 1,75; макотра, стовбунова = 2,0; подобедник = 2,125; кашня = 2,25; глечик, горщяга, калашева = 2,5; горшагне, горшек = 3,0
VIII	3,125 – 4,420 – 6,250	кашник, обедник = 3,25; калаш, макортетичка = 3,5; вклад, гладуш = 5,0; макортет, стовбунний = 5,5; пидворотня, кринка = 6,25
IX	6,250 – 8,840 – 12,500	плоскуша, плоский, плоскун = 9,2; вареечна, середня ринка, яндоли = 10,0; стовбун = 10,25; варейка = 11,0; адзинец = 12,0; макитра, пидворотень = 12,5
X	12,500 – 17,680 – 25,000	лохань = 14,0; ринка = 15,0; порожня, ставник, латушка = 20,0
XI	25,000 – 35,360 – 50,000	золинник, низ = 30,0; корчага = 50,0
Класс 3 – «ограниченно-мобильные» сосуды (50 – 200 л)		
XII	50,0 – 70,7 – 100,0	
XIII	100,0 – 141,4 – 200,0	
Класс 4 – «мало-мобильные» сосуды (200,0 – 800,0 л)		
XIV	200,0 – 282,9 – 400,0	
XV	400,0 – 565,8 – 800,0	
Класс 5 – «условно-мобильные» сосуды (800,0 – 3200,0 л)		
XVI	800,0 – 1131,5 – 1600,0	
XVII	1600,0 – 2263,0 – 3200,0	
Класс 6 – «стационарные» сосуды (3200,0 – 25000,0 л)		
XVIII	3200,0 – 4526,0 – 6400,0	
XIX	6400,0 – 9052,0 – 12800,0	
XX	12800,0 – 18104,0 – 25000,0	

Таким образом, класс «супермалых» сосудов включает изделия двух качественных групп, класс «мобильных» сосудов – изделия 9 групп, классы «ограниченно-мобильных», «мало-мобильных» и «условно-мобильных» сосудов – по две группы и класс «стационарных» сосудов – три качественных группы. В результате создания такой объективной шкалы мы получили возможность сравнительного анализа объема глиняных сосудов любых эпох и регионов и выделения на этой основе общих и специфических гончарных традиций в этой сфере гончарства.

Сопоставление общей шкалы объема сосудов с историческими и этнографическими данными. В качестве примера приведу сравнительный анализ общей шкалы качеств объема с древнееврейскими, античными, древнерусскими мерами объема (табл. 3¹), а также с данными об объемах украинских и белорусских этнографических сосудов (табл. 4). Естественно, что большинство приведенных в таблицах данных о мерах объема и размерах посуды относятся к классу «мобильных» сосудов (от 0,1 л до 50 л). Среднее значение объема для емкостей данного класса оказалось очень близким. Так, по древнееврейским мерам оно равно 8,12, по античным мерам – 8,67, по древнерусским мерам – 7,44, а по этнографическим данным – 7,64 л.

Опираясь на все приведенные данные, нужно обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, общая шкала объемов покрывает все известные древние меры объема как жидких, так и сыпучих продуктов; во-вторых, несмотря на вполне вероятную неполноту данных, шкала позволяет выявить особенности мер объема, использовавшиеся в разных культурах; в-третьих, среднее значение как мер объема, так и объемов «мобильных» сосудов во всех без исключения случаях укладывается в интервал IX качественной группы (большие мобильные сосуды); в-четвертых, при этом по средним значениям фиксируется вполне ожидаемая близость древнееврейских и греко-римских мер объема (коэффициент их сходства равен 0,94), с одной стороны, и древнерусских мер и украинско-белорусских этнографических сосудов (коэффициент их сходства равен 0,97), с другой.

Заключение. Подводя итоги данной статьи, мне представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) Мы все хорошо знаем, что очень часто причиной длительных дискуссий является различный смысл, который исследователи вкладывают в одни и те же понятия. Такое смысловое разнообразие отражает не только сложность самого объекта изучения (историю человеческого общества), но и уровень развития археологической науки. Именно это побудило меня специально обратиться к проблеме количественного выражения тех качественных понятий, которыми мы постоянно пользуемся.

2) В настоящее время не вызывает сомнений, что решение этой проблемы доступно не только на *формальном* уровне (когда количественные интервалы понятий просто назначаются исследователем, это уже делалось неоднократно),

¹ Данные о древних мерах объема взяты из различных статей в интернете и книги Н. А. Шостына (1975).

но и на *объективном* уровне, когда используемые понятия более строго отражают ту прошлую реальность, которую мы изучаем.

3) В публикуемой статье изложен один из частных случаев решения этой задачи на конкретном примере изучения объемов сосудов. Аналогичная работа сейчас проводится для понятий, характеризующих линейные размеры сосудов: «высокий – низкий», «широкий – узкий» и некоторых других. Я убежден, что это возможно сделать для большинства понятий, которыми мы пользуемся при описании наших объектов изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е.*, 2012. О строительном материале и метрологии хазарско-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2. С. 29–49.
- Бобринский А. А.*, 1984. Формы бытовой глиняной посуды черняховской культуры (методы анализа и классификации) [Рукопись]. М.
- Брашинский И. Б.*, 1978. Урартские карасы. Проблемы метрологии и стандартов // Историко-филологический журнал. I. С. 141–156.
- Гегель Г. В. Ф.*, 1974. Наука логики. М.: Мысль. Т. 1. 452 с.
- Какабадзе Ц. А.*, 1982. Шрошская керамика. Тбилиси: Мецниереба. 113 с. (На груз. яз.)
- Корочанцев В. А.*, 1987. Бой тамтамов будит мечту. М.: Мысль. 270 с.
- Леви-Стросс К.*, 1985. Структурная антропология. М.: Наука. 536 с.
- Леви-Стросс К.*, 1994. Первобытное мышление. М.: Республика. 384 с.
- Пендлбери Дж.*, 1950. Археология Крита. М.: Иностранная литература. 416 с.
- Пиотровский Б. Б.*, 1959. Ванское царство (Урарту). М.: Восточная литература. 260 с.
- Словарь..., 1989. Словарь Античности / Отв. ред. В. И. Кузищин. М.: Прогресс. 704 с. (Пер. с нем.)
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1987. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа. 216 с.
- Цетлин Ю. Б., Волкова Е. В.*, 2005. К 75-летию Александра Афанасьевича Бобринского // РА. № 3. С. 61–68.
- Шостын Н. А.*, 1975. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX в. М.: Изд-во стандартов. 272 с.

Сведения об авторе.

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: e-mail: yu.tsetlin@mail.ru.

Yu. B. Tsetlin

The concept of «quality» for analyzing the pot capacity

Abstract. The paper offers a principally new approach to the solution of an important methodological issue, i.e. development of a unified scale for converting quantifying characteristics of archaeological artifacts to qualitative concepts and ideas. It is based on the assumption that such characteristics are objective and universal for all humans as dimensional parameters of the surrounding world are perceived and assessed by *Homo sapiens* biological species roughly in the same manner. The issue is addressed by taking the analysis of quantifying and qualitative characteristics of the clay pottery capacity as an example.

Keywords: archaeology, ethnography, pottery-making, capacity of vessels, qualitative and quantifying characteristics, unified scale for assessing the capacity of vessels.

REFERECES

- Afanas'ev G. E., 2012. O stroitel'nom materiale i metrologii khazaro-alanskikh gorodishch basseyna Dona [On construction material and metrology of Khazarian-Alanian fortified settlements in Don basin]. *Povolzhskaya arkheologiya [Volga region archaeology]*, 2, pp. 29–49.
- Bobrin'skiy A. A., 1984. Formy bytovoy glinyanoy posudy chernyakhovskoy kul'tury (metody analiza i klassifikatsii) [Shapes of everyday clay ware of Chernyakhov culture культуры (methods of analysis and classification)]. Manuscript. Moscow. (In Russian, unpublished.)
- Brashinskiy I. B., 1978. Urart'skie karasy. Problemy metrologii i standartov [Urartian karases. Problems of metrology and standards]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal [Historical-philological journal]*, I, pp. 141–156.
- Fedorov-Davydov G. A., 1987. Statisticheskiye metody v arkheologii [Statistical methods in archaeology]. Moscow: Vysshaya shkola. 216 p.
- Hegel G. W. F., 1974. Nauka logiki [Wissenschaft der Logik], 1. Moscow: Mysl'. 452 p. (In Russian.)
- Kakabadze Ts. A., 1982. Shroshskaya keramika [Shrosh pottery]. Tbilisi: Metsniereba. 113 p. (In Georgian.)
- Korochantsev V. A., 1987. Boy tamtamov budit mechtu [Tamtam drum awakes dream]. Moscow: Mysl'. 270 p.
- Lévi-Strauss C., 1985. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow: Nauka. 536 p. (In Russian.)
- Lévi-Strauss C., 1994. Pervobytnoe myshlenie [The savage mind]. Moscow: Respublika. 384 p. (In Russian.)
- Pendlebury J., 1950. Arkheologiya Krita [The archaeology of Crete]. Moscow: Inostrannaya literatura. 416 p. (In Russian.)
- Piotrovskiy B. B., 1959. Vanskoe tsarstvo (Urartu) [Van kingdom (Urartu)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 260 p.
- Shost'in N. A., 1975. Ocherki istorii russkoy metrologii. XI – nachalo XX v. [Essays on history of Russian metrology. XI – early XX centuries]. Moscow: Izdatel'stvo standartov. 272 p.
- Slovar'..., 1989 – Slovar' antichnosti [Antiquity dictionary]. V. I. Kuzishchin, ed. Moscow: Progress. 704 p.
- Tsetlin Yu. B., Volkova E. V., 2005. K 75-letiyu Aleksandra Afanas'evicha Bobrin'skogo [Toward 75th anniversary of A. A. Bobrin'skiy]. *RA*, 3, pp. 61–68.

About the author:

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести
АИУ – Археологические исследования в Узбекистане
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья
АРТ – Археологические работы в Таджикистане
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БАН – Българска академия на науките
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВГУ – Волгоградский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ГИН РАН – Геологический институт РАН
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДНЦ – Дагестанский научный центр РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАИ – Известия на археологически институт, БАН. София
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИВ РАН – Институт востоковедения
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИрГУ – Иркутский государственный технический университет
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИЦАИ – Международный институт центрально-азиатских исследований
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
и экономики
МЭИ – Московский энергетический институт
НАНА – Национальная академия наук Азербайджана
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РАН – Российская академия наук
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

- PCM – Раннеславянский мир
 СА – Советская археология
 САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.
 СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. Алабина
 СЭ – Советская этнография
 ТАС – Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объединенный музей
 ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
- AEAE – Arkeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
 AIU – Arkheologicheskiye issledovaniya v Uzbekistane [Archaeological investigations in Uzbekistan]. Tashkent, Samarkand
 AltGU – Altaiskiy Gosudarstvennyy universitet [Altai State university]
 AM – Arheologia Moldovei, Jasi, Bucuresti
 AMIT – Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin
 AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
 AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
 AP – Arkeologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
 ART – Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological activities in Tajikistan]. Dushanbe
 AS – Anatolian Studies
 ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]
 AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological News]
 BAN – Bulgarska Akademiya na naukite [Bulgarian Academy of Sciences]
 BAR – British Archaeological Reports
 BAVA – Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie
 BKICHP – Bulletin' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda AN SSSR [Bulletin of Commission on Quaternary Research of AS USSR]
 BMN – Bibliotheca musei Napocensis, Cluj
 BNC SO RAN – Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN [Buryat Scientific centre SO RAN]
 BRE – Bolshaya rossiyanskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
 DNTs – Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN [Dagestan Scientific Centre RAS]
 GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
 GIN RAN – Geologicheskii institut RAN [Geological Institute RAS]
 IANANU – Institut arkeologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
 IA RAN – Institut arkeologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
 IAE SO RAN – Institut arkeologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
 IAI – Izvestiya na arkeologicheskiy institut BAN [News of Archaeological Institute BAN], Sofia
 IAK – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya [Imperial Archaeological Commission]
 IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture, RAS]
 IJO – International Journal of Osteoarchaeology
 IrGTU – Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet [Irkutsk State Technical university]
 IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS]
 IVI RAN – Institut vseobshchey istorii Rossiyskoy akademii nauk [Institute of General History RAS]
 IYaLI – Institut yazyka, literatury i istorii [Institute of Language, Literature and History]
 JAS – Journal of Archaeological Science
 JPEK – Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst, Leipzig

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- JRA – Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, London
KemGU – Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet [Kemerovo State university]
KFAN SSSR – Kazanskiy filial Akademii nauk SSSR [Kazan Branch of AS USSR]
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology].
Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of
Institute for Material Culture]. Leningrad
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of
USSR]. Moscow; Leningrad
MAK – Materialy po arkheologii Kavkaza [Materials for the Archaeology of the Caucasus]
MEI – Moskovskiy energeticheskiy institut [Moscow power engineering Institute]
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for
archaeology of North Caucasus]
MITsAI – Mezhdunarodnyy institut tsentralno-aziatskikh issledovaniy [International Institute for Central
Asiatic Studies]
MNIIYaLIE – Mordovskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki [Mor-
dovian Scientific-Research Institute of Language, Literature, History and Economy]
NANA – Natsionalnaya akademiya nauk Azerbaydzhana [National Academy of Sciences of Azerbai-
jan]
NM RB – Natsionalny muzey Respubliki Bashkortostan [National museum of the Bashkortostan Re-
public]
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAE – Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RAVA – Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin
RGGU – Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarny universitet [Russian State university for Humanities]
RSM – Ranneslavianskiy mir [Early Slavic world]. IA RAN
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moscow: Nauka
SCIV – Studii și cercetări de istorie veche. București
SCIVA – Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București
SE – Sovetskaya Etnografiya [Soviet Ethnography]. Moscow
SGE – Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Communications of State Hermitage], St. Peters-
burg
SOIKM – Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni Alabina [Alabin Samara Regional
museum for history and local lore]
SVKNII DVO RAN – Severo-Vostochny Kompleksny nauchno-issledovatel'skiy institut Dalnevostochno-
nogo Otdeleniya RAN [North-Eastern Complex scientific-research institute of Far Eastern Branch
of RAS]. Magadan
TAS – Tverskiy Arkheologicheskiy sbornik [Tver' Archaeological Annual]. Tver': Tverskiy
gosudarstvennyy ob"edinenny muzey
TMAE – Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Margiana archaeological
expedition]
UrO RAN – Uralskoe otделение RAN [Uralian Branch of RAS]
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]
VGU – Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet [Volgograd State university]
VI – Voprosy istorii [Problems of History]
YuNTs RAN – Yuzhny nauchny Tsentri RAN [Southern scientific Centre of RAS]
Zapiski IIMK RAN – Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg.
Dmitry Bulanin

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисочных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисочной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

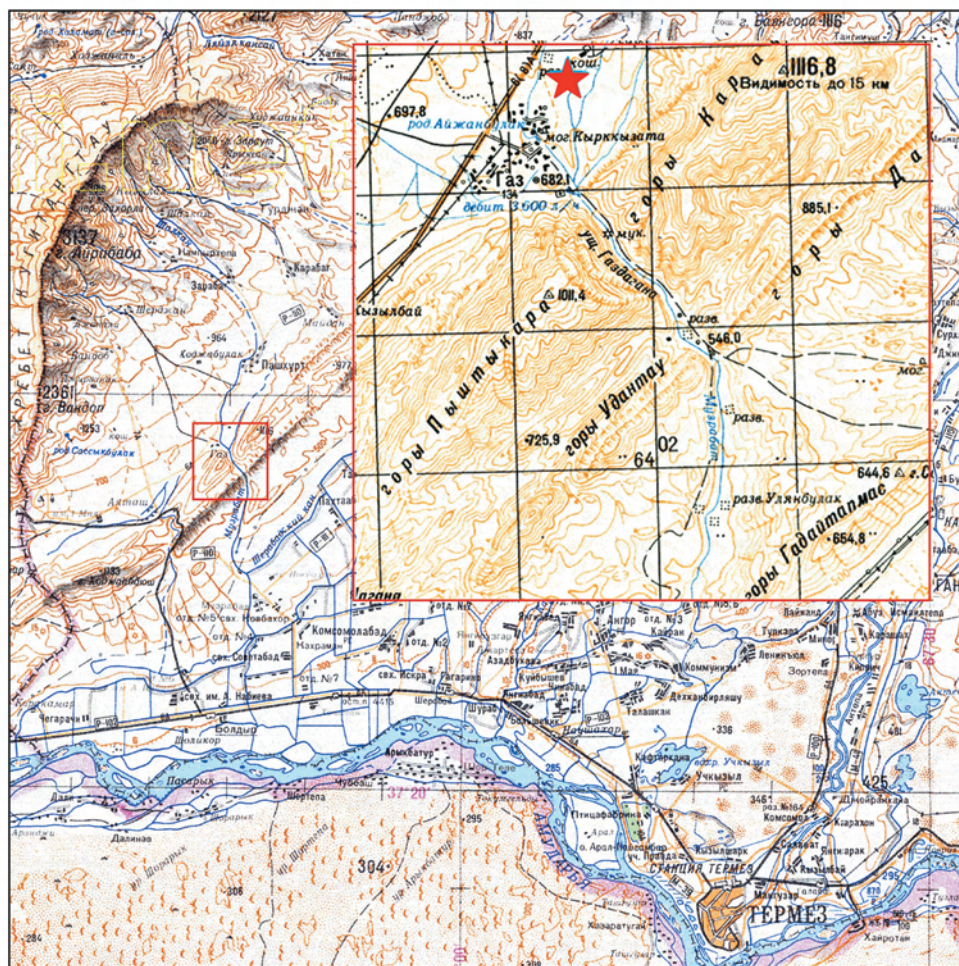

Рис. 1. Расположение поселка Газ и памятника Газкала в Пашурудской котловине

Рис. 6. Сан-Бартоло, западная стена, фрагмент росписи (реконструкция Х. Хёрст)

Рис. 1. Пьедрас-Неграс, Гватемала. Трон 1

(к с. 143)

Рис. 2. Пьедрас-Неграс, Гватемала. Стела 12

(к с. 144)

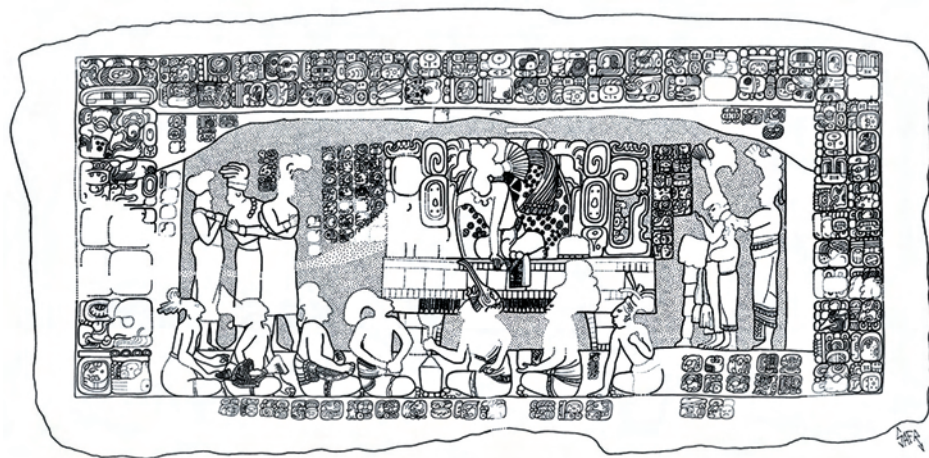

Рис. 3. Пьедрас-Неграс, Гватемала. Панель 3 (прорисовка А. В. Сафронова)

Рис. 3. Телль Юнаците. Аскосы из раскопок 1977–1990 гг. Фото

Рис. 1. Расположение стоянки Кермек в Западном Предкавказье (А) на северном (азовском) берегу Таманского полуострова (Б). Слева от стоянки Кермек располагаются раннепалеолитические стоянки Родники 1–4 и Богатыри. Вид с северо-востока

Рис. 2. Голова лося из Рованиemi, дерево. Finlands Nationalmuseum

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 239

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Корректор О. Неклюдова
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 33,86. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4